

ГОРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Н. П. СОКОЛОВ

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Издательство Саратовского университета
1963

Ответственные редакторы

член-корреспондент АН СССР

С. И. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

и кандидат исторических наук

Е. В. КУЗНЕЦОВ.

Светлой памяти
МИТРОФАНА ВАСИЛЬЕВИЧА
ЛЕВЧЕНКО
посвящает свой труд автор

„Колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма“.

(В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е,
т. 22 стр. 247).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своих хронологических выписках по истории Латинской империи Карл Маркс, говоря о венецианцах, сделал следующее замечание: «Из развалин Византийской империи они создали мировую державу». (Архив Маркса и Энгельса, 1932, т. V, стр. 200). Предметом исследования предлагаемой работы является процесс создания этой державы, т. е. начальная история Венеции как государства колониального. Вместо термина «держава» мы пользуемся в дальнейшем предпочтительно термином «империя», отнюдь не связывая с ним чего-либо «империалистического» в современном значении этого слова. О колониях и империи Венеции мы говорим лишь в том смысле, в каком пользуется этим термином В. И. Ленин в том высказывании, которое мы избрали эпиграфом к настоящей работе.

Интерес к проблемам колониального господства Венеции является интересом к истории стран Ближнего Востока в эпоху средневековья, прежде всего стран Балканских территорий и народов стран восточного Средиземноморья и побережья Черного моря. Рассмотрение венецианских колониальных проблем поэтому неизбежно приводит к изучению различных вопросов из истории Византии, стран Балканских и нашего отечества. Уже одно это, как нам кажется, дает некоторое право считать поставленные и посильно разрешенные в настоящей работе вопросы достаточно важными.

Некоторые вопросы венецианской колониальной экспансии на Восток, с другой стороны, имеют значение далеко выходящее за пределы чисто исторического к ним интереса. Многовековое господство Венеции на восточ-

ном побережье Адриатики дало историческую базу империалистическим притязаниям Италии на эти территории. Не касаясь более раннего времени, достаточно указать, что уже первая мировая война вызвала обширную полемическую литературу, в которой итальянские политики и историки стремились обосновать свои притязания на славянскую Далмацию. Пропаганда эта, как известно, имела лишь относительный успех: Италии пришлось ограничиться одним только Задаром и частью архипелага Кварнеро. Разбойничье нападение совместно с Германией на Югославию в 1941 году временно отдало в руки Италии всю Далмацию, но победа СССР и сила народного сопротивления вырвала у захватчиков их добычу. Тогда борьба закипела вокруг Истрии и Триеста, а это также области венецианской экспансии. Выяснение характера венецианского господства в Истрии и Далмации не лишено поэтому и некоторого политического интереса, что также говорит об актуальности поставленных вопросов.

Разумеется, очень большое значение имеет вопрос о том, в какой степени изучены проблемы венецианского господства на Востоке, так как это прямо отвечает на вопрос о необходимости новой работы на эту тему.

Иностранная историческая литература, так или иначе касающаяся нашей темы, опромна, но она не может удовлетворить советского исследователя. Некоторые ее недостатки являются следствием антимарксистской методологии авторов, позволяющей им рассматривать венецианское хозяйство как хозяйство капиталистическое уже в XII и самое позднее XIII в., что влечет за собою фантастическую модернизацию венецианских хозяйственных институтов того времени; другие обусловлены националистическими тенденциями их авторов, навязывающих Венеции того времени такую роль, которой она никогда не играла, с единственной целью «обосновать право» Италии на ряд славянских территорий в районе Адриатики; третьи грешат против исторической правды без всякой предвзятости, в силу простого верхоглядства и отсутствия желания заняться серьезным изучением первоисточников. Наконец, вся эта историческая литература, поскольку она не славянская, игнорирует славянские источники.

Специальная русская литература по предмету отсутствует. Русская буржуазная медиевистика, поскольку

она не основывалась на самостоятельном изучении первоисточников, воспроизводила ошибки иностранной буржуазной литературы по истории Венеции. Вместе с тем отдельные исследования по смежным с ранней историей венецианской колониальной экспансии вопросам стоят на высоком уровне и дают образцы высокого класса буржуазной исторической литературы как в области общей медиевистики, так и в области славистики, и особенно византиноведения.

Русская историческая наука советского периода внесла марксистскую струю в трактовку отдельных проблем, но не дала еще самостоятельного исследования предмета в его целом.

Такое состояние иностранной и русской исторической литературы по предмету определяет задачи настоящего исследования и его метод: самостоятельное рассмотрение источников по намеченной теме,—такова эта задача; марксистско-ленинское понимание трактуемых проблем,—таков этот метод.

История Венецианской колониальной империи охватывает, как известно, около семи с половиной столетий. Империя пережила периоды своего становления, роста и «процветания», прежде чем пришла к упадку и гибели. Каждый из этих периодов охватывает приблизительно отрезок времени в два с половиной столетия. В настоящей работе мы ставим своей задачей остановиться на первом из этих периодов, на вопросах образования Венецианской колониальной империи. Это будет время, падающее на конец X, XI, XII и начало XIII столетия. История образования Венецианской колониальной империи открывается знаменитым походом к истрийским и далматинским берегам венецианского дожа Пьетро Орсеоло II, а заканчивается захватом Константинополя и ряда других территорий Византийской империи. Сведения о владениях Венеции в Далмации и Истрии до похода Пьетро Орсеоло крайне неопределенны и едва ли достоверны,—только этим походом была открыта первая страница колониальной истории Венеции. Иначе обстоит дело с заключительной датой периода. Здесь всего естественнее было бы назвать дату четвертого крестового похода, когда Венеция приобрела обширные территориальные владения и еще более обширные «права» на них. Однако в последующие за 1204 годы имели место события, которые внесли серьезные поправки в колониальные

планы венецианских политиков, и относительная стабилизация колониальных приобретений пришла только к середине второго десятилетия XIII в.

Ставя своей задачей проследить процесс образования колониальной империи Венеции, мы тем самым центр внимания переносим на проблемы не внутренней, а внешней политики республики св. Марка; но так как последняя не всегда может быть надлежащим образом понята без первой, то рассмотрение внутривластных проблем во многих случаях становилось неизбежным. В связи с этим все, что относится к колониальным проблемам, излагается нами на основании первоисточников. тогда как вопросы внутренней политики освещаются иногда применительно к существующей исторической литературе. Это, конечно, в принципе; отклонения, однако, в отдельных случаях были неизбежны.

В целях большей ясности изложения автор стремился избегать полемики со своими предшественниками и мелких критических замечаний по источникам в основном тексте работы, сосредоточив их или в историографическом обзоре, или вынося их в примечания. В связи с этим количество и объем этой части работы оказались довольно значительными. Трактовка некоторых спорных деталей вынесена автором за пределы основного текста, в «приложения», поскольку рассмотрение такого рода деталей в подстрочных примечаниях вызвало бы ряд технических и иных практических трудностей. В «приложениях» же даны и географические контуры венецианских колониальных владений, относящиеся к 1216 г.

Кроме обычного деления текста работы на главы, здесь введено также и деление на разделы. Это — промоздко, но автор полагал, что при больших хронологических масштабах работы она выиграет от такого деления в ясности, а это — самое важное.

В основном тексте работы иностранные источники и авторы цитируются обычно в русском переводе, в примечаниях же, как правило, — в подлиннике. Многоязычность цитат без особой на то надобности затрудняла бы понимание текста для неспециалиста; примечания же, рассчитанные на внимание специалиста, не нуждаются в такой предосторожности. Переведенные на русский язык источники иногда цитируются по этим переводам, но автор считал себя в этом случае обязанным сличать перевод с подлинником и тем самым берет на себя за сделанные

займствования полную ответственность. По состоянию источников и литературы вопроса займствования эти, впрочем, не могли быть сколько-нибудь значительными.

В заключение приношу благодарность за сделанные по работе указания И. И. Любименко, Н. В. Пигулевской и С. И. Архангельскому, взявшему на себя также и труд по редактированию работы.

ВАЖНЕЙШИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- AAV: *Acta archivii Vanetti, spectantia ad historiam serborum et remliquo rum slavovum meridionalium.* Ed. Schafarik. Vindobona, 1860—1862.
- ADRG: *Acta et diplomata res graecas italasque e tabulariis Florentino, Millitensi, Neapolitano, Veneto, Vindobonensi illustrantia.* Ed. Er. Miklosich et Jos. Müller. v. III, Vindobonae, 1865.
- ADTV: *Acta et diplomata e tabulario Veneto.* Ed. Minotto, v. I, 1870, Venetiis.
- ASI: Archivio Storico Italiano.
- AV: Archivio Veneto.
- AVT: Archivio Veneto Tridentino.
- BECh: *Bibliothèque de l'Ecole des Ghartes.*
- BZ: *Byzantinische Zeitschrift.*
- CDCDS: *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Siavoniæ.* Ed. Kukuljevic Sakcinsky, v. I. Zagr., 1874.
- CDP: *Codice diplomatico Padovano.* Ed. Cloria. RDVSP., v. II, Ven. 1877.
- CGR: *Chroniques greco-romanes inédites ou peu connues.* Ed K. Hopf. Berl., 1873.
- CMH: *The Combridge Madieval History.*
- CSHB: *Corpus scriptorum historiae Byzantinae.* ed Bonn.
- DCV: *Documenti del commercio veneziano.* Ed. R Marozza della Rocca. A. Lombardo. Torino, 1940, vv. I-II.
- DHC: *Documenta historiae Croatiae periodum antiquam illustrantia.* Ed. F. Racki Zagr., 1877.
- DKAW: *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.*
- EHR: *English Historical Review.*
- FRA. DA: *Fontes rerum austriacarum. Diplomata et acta.* El. Tafel et Thomas, vv. XII-XIV, Vindob., 1856 ss.
- HZ: *Historische Zeitschrift.*
- MGHD: *Monumenta Germaniae Historica. Diplomata.*
- MGH. L. Cap.: *MGH., Leges. Capitularia regum.*
- MGH. L. Const.: *MGH., Leges. Constitutiones.*
- MGH. SS: *MGH. Scriptores.*
- MHSM: *Monumenta historica slavorum meridionalium.* Ed. Makushev, v. I. Warsch., v. II Belgr. 1874—1882.
- MPL: *Migne. Patrologia Latina.*
- MS: *Monumenta serbica.* Ed. Fr. Miklosich. Vind., 1853.
- MS'HSM: *Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium.*
- NAV: *Nuovo Archivio Veneto.*
- NCM: *Nouvelle collection des mémoires.* Ed. Michaud et Poujoulat.

NJKA: Neue Jahrbucher für das klassische Altertum.
RISS: Rerum Italicarum Scriptores. ed. A. Muratori.
RH: Revue Historique.
FHCr: Recuell des historiens des croisades. Historiens arméniens-
 (h. a.). Historiens occidentaux (h. occ.).
RPR: Regesta pontificum Romanorum. Ed. Kehr, v. VII. Berl., 1925.
VJSW: Viertel—Jahrschrift für sozial Wissenschaften.

* *
*

АМЭ: Архив Маркса Энгельса.
ВВ: Византийский временник.
ВИ: Вопросы истории.
ВУИ: Варшавские университетские известия.
ЖМНП: Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД: Записки Одесского общества любителей истории и древностей.
ИЖ: Исторический журнал.
ТАС: Труды Археологического съезда.
ЧОИД: Чтения императорского общества любителей истории и древностей.

Раздел первый

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПРЕДМЕТА

Источники по истории образования Венецианской колониальной империи обширны и весьма разнообразны. Многие из них опубликованы; трудно сказать, какая часть их все еще остается в венецианских и иных архивах. Мы имеем здесь, в виду только опубликованные документы и материалы, относящиеся к нашей теме, и при том такие, которые имеются налицо в основных книгохранилищах нашей страны. Последнее ограничительное замечание, впрочем, не имеет особенного значения: наши библиотеки имеют все или почти все существенно важное.

Литература по истории Венеции огромна. Может быть по этой причине ни один из историков Венеции не дал критического ее обзора, если не считать коротких библиографических справок, которые мы находим у Кречмайера в конце каждого из трех томов его «Истории Венеции»¹. Мы не можем ставить своей задачей составления исчерпывающего историографического обзора по истории Венеции, как потому, что темой нашей работы является лишь часть истории Адриатической республики и при том не самая значительная, так и потому, что изображение процесса развития общественной мысли в различных странах Западной Европы, частью которого являются историографические проблемы, не может входить в нашу задачу. Еще меньше можем мы стремиться к составлению более или менее исчерпывающего библиографического обзора вопросов истории Венеции, так как подобные обзоры уже существуют: мы имеем в виду объемистые труды Чиконьи и Соранцо и библиографиче-

ские справочники, подобные справочнику Чесси, составленному для выходявшего с семидесятих годов прошлого столетия «Венецианского Архива»².

Наша задача гораздо скромнее. Она заключается в том, чтобы указать, каким образом ставились и разрешались в исторической литературе различные вопросы, входящие в круг проблемы нашей темы. Необходимость такого обзора очевидна: он должен оправдать возникновение нашей работы и определить ее место в ряде других сочинений на избранную или близкие к ней темы.

Глава первая

ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Историческая тема, хронологическими рамками которой являются два с половиной столетия, и события которой восходят сравнительно не к очень отдаленному прошлому, не может не располагать большим по количеству и разнообразным по содержанию и происхождению комплексом источников.

Публикация источников по истории Венеции началась давно, наиболее важные из них или считающиеся таковыми были опубликованы несколько раз. Они рассеяны, прежде всего, в капитальных собраниях средневековых памятников, в таких как *Monumenta Germaniae Historica*, *Fontes Rerum Austriacarum*, *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. *Recueil des Historiens de Croisades*, *Rerum Italicarum Scriptores et cetara*.

Значительное количество источников самого различного содержания издавалось вплоть до начала второй мировой войны в различных журналах, особенно итальянских, и среди них, в первую очередь, в «Венецианском архиве» и его последующих сериях. Большое значение имеет новейшее издание источников, размещенных в четырех параллельных сериях— *Documenti*, *Statuti*, *Ch-*

ronache e Diarii. Miscellanea,—издание Ateneo Veneto, Istituto Veneto. Reale Deputazione di storia patria.

В обзоре источников нашей темы, который мы здесь намечаем, мы будем останавливаться лишь на важнейших или таких, которые имеют значение для более или менее крупного отрезка времени в пределах рассматриваемого периода. Документы меньшего значения, или касающиеся отдельных фактов, будут названы в примечаниях к соответствующим частям работы. При этом само собою разумеется, что в обзор помещены лишь те материалы и документы, которые использованы при написании настоящей работы.

Для удобства рассмотрения столь пестрого по своему составу материала мы разделим наши источники на две группы: источники с повествовательным содержанием, и источники документального типа, как договоры, законодательные постановления, решения правительственных органов, грамоты, частно-правового порядка переписка.

1. Источники повествовательного характера

К этой группе источников относятся исторические, сочинения, анналы, агиографическая литература, путеводители и путешествия. Они легко, правда чисто внешним образом, делятся по месту своего написания, на источники венецианского происхождения, источники восточные и западные. Все они, или почти все, несколько раз описаны, прокомментированы, вокруг некоторых сложилась значительная по объему и содержанию литература. Мы коснемся их с точки зрения их значимости для освещения нашей темы.

«Венецианская хроника», называемая обычно Альтинатской¹, является древнейшим сочинением этого рода, возникшим в кругах, близких Венеции. Написана она, по крайней мере в некоторых частях, в X или даже IX вв.² Для освещения вопросов нашей темы она непосредственного значения не имеет, но важна для характеристики социальных отношений в Венеции накануне ее выступления на поприще колониальных приобретений, важна, в частности, для вопроса о происхождении венецианской знати. Хроника написана очень плохим латинским языком.

Две тоже ранних хроники освещают по преимуществу церковные дела—«Хроника Градо» и «Хроника, посвященная отдельным патриархам Новой Аквилеи»³. Наиболее ранние их части относятся еще к X веку, более позднее—к XI и XII вв.⁴. Обе хроники имеют значение для освещения вопроса о взаимоотношениях светской и духовной власти в Венеции.

«Венецианская хроника» Диакона Джиованни⁵, написанная в самом начале XI в., является одним из важнейших наших источников. Диакон Джиованни освещает первые шаги Венецианской республики на пути к ее позднему колониальному могуществу; он дает описание знаменитого похода дожа Пьетро Орсеоле II к Далматинским берегам. Автор хроники был близок к дожу, выполнял по его заданию различные дипломатические поручения и, следовательно, находился в курсе тех политических событий, которые он описывал. Это придает его известиям исключительное значение,—все, что нам дают по интересующему нас вопросу венецианские источники, восходит к Диакону Джиованни и представляет собою или переработку или текстуальные заимствования из этого источника. Однако сообщения Джиованни нельзя принимать без критики: уже в этом раннем венецианском труде заметна тенденция представлять действия Венеции в более выгодном свете, чем они были в действительности. Хроника была предметом многочисленных исследований, признающих важность этого источника⁶.

«Краткие Венецианские Анналы»⁷ являются очень важным источником, особенно для событий XII в. Написаны они самое позднее в начале XIII в.⁸ и охватывают события по самые последние годы предшествующего столетия. «Анналы» откликаются на все важнейшие события внутренней и внешней истории Венеции, в частности, на события, вызванные борьбой ее за свои первые колониальные приобретения. Этим определяется ценность «Анналов» для нашей работы. Факты сообщаются правильно, обычной тенденциозности венецианских источников незаметно. Язык прост и краток.

К XII же веку относятся два очень важных для нас произведения, принадлежащих по своему характеру к типу агиографической литературы, и потому представляющих интерес не основною своею темой, а сообщаемыми при ее разработке побочными фактами и обстоятельствами. Мы имеем в виду две «истории» перенесения

«мощей» св. Николая из Мир Ликийских и св. Исидора с острова Хиоса в Венецию⁹.

«Перенесение мощей св. Николая» анонимно, но венецианское происхождение автора совершенно бесспорно. Сочинение написано современником первого крестового похода венецианцев на Восток, относится, следовательно, к самому началу XII века. В произведении дана история этого венецианского похода, легшая в основу всех позднейших изложений этих событий в их достоверной части, в частности, и в хронике Дандоло. Здесь мы находим и текст первого договора, заключенного Венецией с крестоносцами, который будет потом служить своего рода стандартом венецианских домогательств на Востоке.

«Перенесение мощей дивного мученика Исидора» написано Чербани, который назван в самом этом произведении венецианским клириком. Сочинение написано вскоре после 1125 г. и относится к событиям, связанным с восточным походом венецианцев в двадцатых годах XII в.

Оба произведения, таким образом, важны для истории образования колониальных владений Венеции в Сирии.

Источником более позднего происхождения является чрезвычайно важная «История дождей венецианских»¹². Эта ценная хроника написана, вероятно, вскоре после смерти дожа Пьетро Цини (+ 1229)¹¹. «История» начинается изложением событий 1102 г. и обрывается на известиях 1177 г. Ее продолжение восстанавливается отчасти по так называемой «Хронике Джустициани», написанной в значительной степени по материалам «Истории» и во многих случаях дословно ее воспроизводящей¹². «История дождей венецианских» заканчивалась указанным выше годом смерти Пьетро Цини.

«История» довольно подробно останавливается на вопросах роста колониального могущества Венеции и дает много ценных сведений по истории борьбы ее за свои приобретения. Однако пользоваться данными «Истории» необходимо с большой осторожностью, так как автор стремится представить дела венецианцев в наивыгоднейшем освещении. Отсюда мы, например, узнаем, что Венеция была постоянной защитницей Византии¹³; что Задар восставал потому, что жители его были недовольны подчинением их архиепископа патриарху Градо¹⁴; что Задар

не сам искал помощи у венгерского короля против Венеции, а венгерский король насильственно держал его у себя в подчинении¹⁵; что в 1202 г. Задар был взят не войсками крестоносного ополчения в союзе с венецианцами, а одними только венецианцами и т. д.¹⁶.

Анналисты последующего времени широко использовали «Историю дождей венецианских» в качестве своего источника. «Историей» широко пользовался Дандоло, «Венецианские анналы XII в.» представляют простую переделку или пересказ «Кратких анналов» и «Истории»¹⁷.

Далее среди венецианских источников следует назвать «Венецианскую хронику» Мартина да Канале¹⁸. Автор ее, может быть, и не венецианец, но он во всяком случае долго жил в Венеции и хорошо был осведомлен в венецианских делах. Написана хроника в период времени между 1267 и 1275 гг.¹⁹, написана на современном автору французском языке, «так как,— замечает он,— французский язык широко распространен и написанное на нем читать и слушать гораздо приятнее, чем на каком-либо другом языке»²⁰.

Все, что в хронике относится ко времени XIII столетия, написано бегло, и сообщаемые сведения не отличаются ни оригинальностью, ни достоверностью, но положение меняется, когда автор переходит к изложению событий, близких ему по времени, особенно начиная с догата Якопо Тьеполо (1229 г.). С этого момента хроника становится в высшей степени содержательной и ценной. Для нашей темы, в частности, имеется ряд ценнейших сведений из истории борьбы Венеции за приобретенные ею колонии. Для примера можно указать на войну венецианцев против генуэзцев, начавшуюся в пятидесятых и продолжавшуюся в шестидесятых годах XIII в.²¹. Язык да Канале отличается свежестью и живостью, но заметна иногда склонность к риторическим украшениям.

Меньшее значение имеет лишь немного позднее написанная «Хроника Марка»²². Автор ее—венецианец, возможно, монах францисканского ордена. Хроника начата около 1290 г., и в ней имеются сведения по 1304 г.,—отсюда и время ее написания—конец XIII и начало XIV в. Хотя автор и ставил перед собою задачу говорить только о делах венецианских, но хроника его относится к типу всемирных, и события из истории Венеции освещаются только попутно²³. Составитель хроники использовал, по-

видимому, труд Канале, благодаря чему есть возможность восстановить сообщения да Канале за время с 1172 по 1178 г., которые в «Венецианской хронике» да Канале не сохранились²⁴. «Хроника Марка», подобно другим всемирным хроникам, начинается от «сотворения мира», но представляет некоторую ценность только за тот отрезок времени, который лежит вне конечной даты да Канале.

В середине XIV в. была написана знаменитая хроника Андреа Дандоло. Дандоло не только использовал большинство, если не все написанные до него венецианские хроники, но и сочинения авторов невенечианцев, занимавшихся описанием событий, в которых венецианцы принимали участие. Кроме того, он широко использовал документальный материал, положив начало его собиранию и приведению в систему. Из хроник невенечианских можно указать, как на источник Дандоло, на сочинение Томаса, архидиакона Сплитского, посвященное Сплитской митрополии, на Ромуальда Салернского, Петра Дамниенского и др.²⁵. Ему принадлежит почин в деле собирания грамот по делам сношений Венеции с Востоком и с Западом и широкое использование этих грамот.

Дандоло обычно довольно близко к оригиналу передавал содержание своих источников, как это показывают сопоставления, сделанные одним из исследователей его исторических сочинений²⁶, но это не мешало ему проводить собственные тенденции и взгляды на события. В качестве примера такой тенденциозности можно указать на его стремление придать даже явно насильственным действиям Венеции некоторое подобие законности. Дело первой попытки захвата Далматинского побережья республикой св. Марка Дандоло стремится изобразить как реализацию никогда не существовавшего хрисовула императоров Константина и Василия. Позднее, когда Венеции приходилось защищать свою добычу от венгерских посягательств, Дандоло неизменно подчеркивает незаконность притязаний венгерских королей и «правомерность» венецианской политики. У Дандоло нельзя найти потрясающих сцен разгрома побежденных Венецией городов, их нет даже в его рассказе о взятии крестоносцами Константинополя, но за то он не преминул высказать по этому поводу морализующее замечание: «Ныне, по почину господню, и злодейское преступление Мануила по отношению к венецианцам получило достойное возмездие»²⁷.

В так называемом Амбросианском кодексе хроники Дандоло имеются приписки, которые нередко использовались историками Венеции как заслуживающий доверия источник,—в настоящее время установлено, что эти приписки сделаны в XVIII в. рукой Маркантонио Микаели с источника довольно позднего происхождения и, следовательно, не имеют большого значения²⁸. Для нашей темы это обстоятельство не лишено интереса, так как эти приписки искажают подлинный характер первоначального влияния Венеции в далматинских городах.

Хроника А. Дандоло охватывает события венецианской истории по 1280 г. Из этого следует, что в ней нет описания фактов, современных автору, как это обычно наблюдается в трудах его предшественников; тем не менее эта хроника пользуется большим и заслуженным вниманием, и прежде всего, потому, что она покоится на обработке, не всегда правда безупречной, большого числа разнообразных материалов²⁹. Хроника является одним из наиболее важных источников повествовательного характера и при написании нашей работы.

В своем труде между прочими своими источниками А. Дандоло указывает сочинение своего старшего современника Пьетро Кало³⁰, которое в отрывках воспроизведено было Рианом. В этом своем виде произведение Пьетро Кало имеет значение для характеристики «благочестивых» краж, мошенничеств и ограблений для славы венецианских нобилей и венецианских церквей.

В обзоре важнейших венецианских повествовательных источников заслуживает упоминания также труд Марино Санудо Торселло под несколько необычным заглавием: «Книга тайн св. креста»³¹. Произведение это важно для нас не столько ради повествований, содержащихся в нем,—они по большей части представляют собой заимствования из известных нам источников,—сколько по знаменитому проекту, представляющему собой самую раннюю попытку разрешения «восточного вопроса»³².

По-видимому, Марино Санудо принадлежит также и сочинение, дошедшее до нас в итальянском переводе, сделанном с латинской рукописи XIV в.³³. Произведение это посвящено истории латинских владений на Востоке в последние десятилетия существования Латинской империи. Это сочинение Марино Санудо—очень интересный для нашей темы источник, достоверность которого уступает только официальным документам.

Издатель «Греко-романских хроник», Гопф, не без основания приписывает тому же венецианскому автору и отрывки из латинской хроники³⁴, в центре внимания которой стоят те же события и усилия Венеции после гибели Латинской империи восстановить свое положение в пределах Романии.

Признание Марино Санудо старшего в качестве автора этих произведений заставляет отнести время их возникновения к первой половине XIV в.

Очень большое значение для нашей темы имеет сравнительно позднее произведение Лоренцо де Моначи³⁵. Он был венецианским колониальным чиновником на Крите. По своему служебному положению Лоренцо де Моначи имел возможность хорошо ознакомиться с положением дел на этом острове, с критскими архивами и разного рода другими данными по истории венецианского господства на Крите в его раннюю пору. Его сочинение, посвященное венецианским делам, является важнейшим источником по истории первоначального венецианского управления островом.

Де Моначи писал в начале XV в. и, как это значитсЯ в самом заголовке его произведения, он ставил своею задачей дать историческое повествование о венецианских делах «от основания города (Венеции) до 1354 г. или до заговора дожа Фальери». Это обещание им выполнено, хотя и очень неравномерно: основное содержание хроники составляют события более позднего времени с заметным уклоном в сторону критских дел, но как раз поэтому его сочинение и имеет такое большое значение для истории венецианского колониального господства. Произведение Де Моначи, как и все венецианские источники, нуждается в проверке и критике, так как автор даже и не скрывает своего преклонения перед Венецией и начинает свое произведение с панегирика ее политике, ее государственному устройству, энергии ее населения, к которому принадлежит и он сам³⁶.

Как и все венецианские анналисты, Лоренцо настроен аристократически, что и определяет общий тон его сочинения.

Многочисленные хроники более позднего времени не представляют для нас непосредственного интереса, так как то, что сообщается ими относительно интересующего нас времени, т. е. XI—XIII вв., заимствовано ими из тех же источников, которые доступны и нам; то же, что сооб-

щается ими относительно более позднего времени и представляет само по себе иногда значительную ценность. лежит за пределами разрешаемой нами задачи. К этому надо добавить, что большинство этих авторов писали по заказу светлейшей синьории, что дало основание одному из новейших историков Венеции заметить относительно их следующее: «Там, где они выходят за материалы своих предшественников, это происходит за счет еще больших издержек и без того мало уважаемой ими исторической правды»³⁷.

Переходя от венецианских повествовательных источников к группе источников восточных, мы должны начать с указания, что в данном случае под Востоком в значительной степени произвольно разумею все территории, расположенные к востоку или юго-востоку от венецианских берегов. Среди этой группы источников первое место по своему значению занимают, конечно, источники византийские, за ними можно поставить источники сирийского происхождения, потом славянские и отчасти арабские.

Среди византийцев мы должны назвать здесь общеизвестные имена Анны Комнины, Иоанна Киннама, Никиты Хониата, Евстафия Солунского, Георгия Акрополита, Пахимера, Никифора Григоры. Их произведения были предметом многочисленных исследований и специальных и общих, — достаточно здесь назвать известную «Историю византийской литературы» Крумбаха. Мы будем касаться сочинений всех этих византийцев только как источников для истории образования Венецианской колониальной империи.

Как известно, сочинение Анны посвящено истории правления ее отца, Алексея I, основателя династии Комнинов³⁸. Ею подробно описаны события, связанные с войной Алексея против Роберта Гюискара, в которых видную роль играли венецианцы. Анна не могла быть свидетельницей этих событий (род. в 1083 г.), но в ее руках были вполне надежные материалы, вследствие чего известия ее имеют значительную ценность. Замечательно, что, несмотря на неприязнь, с которой уже и тогда в Византии относились к Венеции, Анна хвалит венецианцев за ту верность, которую они проявили во время этой войны, — она не замечает, что эта верность диктовалась собственными интересами республики на лагунах³⁹. Анна довольно подробно передает содержание знаменитого

хрисуwула Алексея I и опять-таки не замечает его важного значения и для Венеции, и для Византии. Из ее сочинения мы можем усмотреть также, что уже в XI в. венецианцы целыми колониями обосновались в приморских городах Византии; в Драче эта колония была настолько значительна, что ей отводится Анной руководящая роль в защите этого города⁴⁰. Есть у Анны и другие интересные сведения, касающиеся, например, венецианского флота, мореходного искусства венецианцев, их морской тактики. Все это делает «Алексиаду» полезным источником для истории колониальной и торговой экспансии Венеции.

Киннам посвятил свое сочинение царствованию второго и особенно третьего Комнинов, Иоанна и Мануила⁴¹. Киннам писал в атмосфере быстро нараставшего раздражения в среде деловых и правящих кругов Византии против Венеции: во второй половине XII в. результаты венецианского «напора на Восток» стали болезненно ощущаться. Киннам говорит о жителях знаменитого города на латинах с нескрываемым раздражением⁴². Такое его отношение к Венеции делает его не беспристрастным в рассказах о взаимоотношениях обеих государств, но именно это дает возможность проконтролировать венецианские источники, повествующие о тех же событиях. Киннам в своей работе касается всех важнейших событий из истории венецианско-византийских отношений в XII в. от двадцатых до семидесятых годов. Он с негодованием рассказывает о том, как венецианцы мстили «Римскому» государству за отказ Иоанна Комнина продолжить действие договора; заключенного Венецией с его отцом⁴³; отмечая, что венецианцы приняли участие в борьбе императора Мануила против сицилийского короля, он считает их действия малоуспешными⁴⁴; стремление Мануила утвердиться в Анконе Киннам объясняет, и не без основания, желанием императора «смутить их великую гордость»⁴⁵; автор правильно объясняет далее крутые меры, принятые императором против венецианцев, желанием отделаться от навязчивых купцов, получивших ряд выгод от царя Алексея⁴⁶; с удовлетворением рассказывает, наконец, о тех неудачах, которые постигли «карательную» экспедицию дожа, предпринятую против Византии в 1172 г.⁴⁷. Уже по этому перечню событий, освещаемых Киннамом, можно судить о важности его сочинения для истории венецианской политики XII в.

Меньшее значение для нашей темы имеют сочинения современника Киннама, Евстафия архиепископа Солунского, настроенного резко отрицательно по отношению к Венеции. Его беглые замечания о «морских разбойниках с лагун» не дают в наши руки сколь-нибудь интересных данных, которых мы не могли бы почерпнуть из других источников, и в своем наиболее значительном труде «О взятии Солуни» он даже не упоминает о венецианцах⁴⁸.

В противоположность Евстафию, значение младшего современника Иоанна Киннама, Никиты Акомината из Хон, весьма велико⁴⁹. Никита хорошо был подготовлен к той работе, которая сделала его имя столь известным: он получил хорошее образование, долго проходил чиновничью карьеру и при том в высоких чинах, был трудолюбив и не лишен литературного вкуса. Он долго работал над своим главным трудом, окончательная редакция которого относится, вероятно, к 1206 году⁵⁰.

«История» Никиты Акомината охватывает всю вторую половину XII в. и начало XIII в. Это было как раз то время, когда Венеция прочно заложила основы своего колониального могущества. Так как венецианская экспансия была направлена прежде всего в пределы Византии, то историк последней неизбежно становился и историком роста венецианского колониального могущества. Нет ни одного сколь-нибудь значительного события в этой истории, которого так или иначе не касался бы Никита. Он довольно подробно освещает участие венецианцев в борьбе вместе с Мануилом против италийского королевства норманов⁵¹; довольно подробно описывает выступление Мануила против Венеции в семидесятых годах и объясняет причины этого выступления⁵²; рассказывает, как мы думаем, без достаточных оснований, о примирении венецианцев с Мануилом⁵³, о погроме латинян при очередном дворцовом перевороте в Византии⁵⁴. Очень подробно в особенности освещает он события, связанные с четвертым крестовым походом, гибель Восточной империи и историю становления латинского господства в ее пределах⁵⁵.

Нельзя не согласиться с одним из исследователей трудов Никиты, что его главное сочинение «является важнейшим, почти единственным источником византийской истории второй половины XII и начала XIII в.»⁵⁶. У него, конечно, имеются недостатки: за слабость и сбивчивость в хронологии его много раз и не без основания

порицали⁵⁷, у него заметна склонность к риторике, есть стремление говорить намеками, допускаются недоговоренности; он не прочь иногда позлословить на счет своих врагов⁵⁸ и, кроме всего этого, он является защитником интересов аристократии. Однако, Никита любит свою родину и горько скорбит, видя ее несчастья, а его труд представляет собою один из первоклассных источников для истории возникновения венецианского колониального могущества.

Хронологическим продолжением сочинения Никиты Акомината является «Летопись великого логофета», ученого и дипломата Никейской империи Георгия Акрополита⁵⁹. Если не считать некоторых сведений по истории четвертого крестового похода, то «Летопись» занимается почти исключительно событиями, происходившими на территории осколков Византийского государства в период существования Латинской империи (1204—1261) и отводит значительное место этой последней. Уже по одному этому «Летопись» должна быть ценным источником для нашей темы. Это тем более, что Георгий был хорошо образован, является современником значительной части описываемых им событий и принимал непосредственное участие в некоторых из них.

Георгий Акрополит весьма толково, хронологически последовательно, обычно довольно правдиво разворачивает перед читателем картину медленного умирания Латинской империи. Он меньше склонен к риторике, чем Никита Хониат, и не менее чем он трезво судит о событиях. В его произведении не так бросается в глаза тот сервилизм, которым нередко проникнуты труды пишущей византийской братии; тем не менее и он не решается по достоинству оценить поведение Михаила Палеолога в деле овладения им порфирой.

По некоторым вопросам из истории первых десятилетий существования Венецианской колониальной империи важнейшим источником является сочинение Георгия Акрополита.

Продолжателем труда Георгия Акрополита был Георгий Пахимер, автор исторического сочинения в 13 книгах о времени между 1255 и 1308 гг.⁶⁰. Пахимер также современник большей части описываемых им событий (1242—1310). Его сочинение для нас представляет интерес, прежде всего, некоторыми дополнительными сведениями и подробностями, касающимися обстоятельств

восстановления Византийской империи⁶¹; с другой стороны, имеют значение и данные относительно политики Михаила Палеолога по отношению к итальянским республикам вообще и к Венеции в частности⁶².

Последним византийцем, на котором мы должны остановить наше внимание, является Никифор Григора⁶³. Никифор писал в первой половине XIV в. В своей «Римской истории», изложенной в 24 книгах, он дополняет и продолжает Пахимера. Для нас особенно важно то обстоятельство, что его сочинения охватывают все XIII столетие (1201—1359) и близко касаются различных событий из истории Латинской империи, хотя главным предметом внимания автора и являются первоначально судьбы осколков Византийской империи и сама она после своего восстановления. Сочинение Никифора Григоры в тех своих частях, которые касаются нашей темы, отличается вообще значительной степенью достоверности; исключение составляют лишь те его известия, которые могли быть доступны ему только по слухам,—к таким известиям может быть отнесено, например, его сообщение о том, что Энрико Дандоло умер от ран, полученных им в несчастной для латинян битве под Адрианополем⁶⁴. Труд Никифора Григоры благодаря всему этому является важным дополнением к прочим данным по истории первого столетия венецианского господства на Востоке.

К произведениям «восточного» происхождения условно могут быть отнесены некоторые сочинения, написанные на латинском языке и людьми западной культуры того времени.

К такого рода произведениям относится, в первую очередь, известное сочинение Вильгельма, архиепископа Тирского, под заглавием «История о деяниях, в заморских странах совершенных», написанное в конце XII в.⁶⁵. Сочинение архиепископа посвящено истории крестоносного движения и для нас интересно освещением той роли, которую играли в крестовых походах итальянские республики вообще и Венеция в особенности. Вильгельм Тирский высоко ставит мореходное дело и морское искусство венецианцев; отмечает положительную роль венецианских и генуэзских купцов в деле «утешения», которое доставляли крестоносцам привозимые ими товары⁶⁶; подробно излагает историю событий на Востоке в 1123—1125 гг., когда венецианцы приняли живейшее участие в военных операциях крестоносцев⁶⁷; повествует

о тех выгодах и преимуществах, которые были им наградой за это усердие⁶⁸; говорит о торговых барышах, которые извлекались итальянскими торговыми республиками из их сношений с «заморскими странами»⁶⁹.

К источникам восточного происхождения относятся и труды продолжателей Вильгельма Тирского, Эрнуля и Бернара «Казначая», представляющие собою в сущности варианты одного и того же произведения⁷⁰. Основа произведения принадлежит Эрнулю, незначительное продолжение, пролог и деление на главы—Бернару. Хроника заканчивается известием о выходе флота Фридриха II в море и о его отлучении от церкви. Время написания относится к первой половине XIII в.

Этот сирийский источник по истории четвертого и последующих крестовых походов интересен для нас в том отношении, что относится к Венеции резко враждебно, и именно здесь было выдвинуто обвинение против венецианцев в сговоре их с египетским султаном Малек Адилем об отклонении похода от его первоначальной цели и, следовательно, в измене их делу христианского мира. К этому же источнику восходит и известие о позорном поведении венецианцев в деле репатриации христианских пленников, отпущенных из Египта Саладином.

Есть серьезные основания не доверять первому из этих известий, но оно позволяет установить, как смотрели люди того времени, страстно ожидавшие на Востоке крестоносной помощи с Запада, на ловкие маневры политиков св. Марка, которые в самом деле наталкивали на такие подозрения,—не даром эти последние проникли потом также и в некоторые западные источники.

Хроника ценна также разнообразными известиями о злоключениях Латинской империи, хотя и в этом случае она нуждается в критической проверке: авторам вредит склонность к занимательности рассказа даже если это идет за счет его правдивости,—таков, например, рассказ об условиях загадочной гибели императора Балдуина I в плену у болгар⁷¹.

В этой группе источников должна быть названа также и «Морейская хроника», изданная во французском оригинале и греческом стихотворном переводе Бюшюном, и в итальянском варианте Гопфом⁷². Хотя хроника могла быть написана и на Западе для удовлетворения интереса к восточным событиям, существовавшего при фландарском дворе, но написана она несомненно челове-

ком с Востока, о чем свидетельствуют большое количество в ее французском оригинале слов, заимствованных из греческого и итальянского языков.

«Хроника» восходит к XIV в. Она мало достоверна во всем, что лежит за пределами Морей—таков, например, рассказ, взваливающий ответственность за поход крестоносцев на Константинополь, на папу и его легата⁷³, рассказ о фантастической ссоре императора Исаака с Алексеем⁷⁴, путаница в изложении событий первых месяцев существования Латинской империи, равно, как, впрочем, и последующих событий⁷⁵, фантастическое описание взятия Константинополя Палеологом и т. д.⁷⁶. Однако данные, касающиеся морейских дел, непосредственной темы хроники, отличаются гораздо более достоверным характером и сообщают очень интересные подробности, позволяющие правильно понять и оценить некоторые официальные акты. Примером этого может служить известие о роли Венеции в деле присвоения Жоффруа Вильардуэном наследия Гильома Шамплита⁷⁷ и последовавшего затем акта признания ленной зависимости Морей от республики св. Марка.

В еще более условном смысле к источникам восточного происхождения должно быть отнесено сочинение Томаса, архидиакона Сплитского⁷⁸. Тема архидиакона узко специальная—«История сплитских епископов», но трактовка ее дает ему возможность касаться очень многих вопросов более широкого исторического интереса. «История» архидиакона Сплитского важна для нас как источник для освещения той весьма сложной политической обстановки, которая сложилась в Далмации в XI—XIII вв., в результате того, что здесь скрещивались самые разнообразные и противоречивые интересы: западной и восточной церковей, славянства и латинства, Венецианской республики и венгерской короны. Разумеется, архидиакону всего ближе к сердцу церковные интересы, но он освещает также и вопросы политической борьбы, в частности вопросы интересующего нас соперничества венецианцев и венгров. Не все, что сообщает Томас, имеет одинаковую ценность: он тяготеет к латинству и Италии; представители восточного исповедания для него — презренные схизматики; Мефодий—еретик, а о славянской грамоте он не может говорить без раздражения; его произведение пестрит замечаниями о «славянском бешенстве», он не скупится на нелестные эпитеты для за-

дратинцев, одного из славянских князей с его братьями. он называет «свирепыми людьми... хищными волками. всюду искавшими крови» и т. д.⁷⁹. Но несмотря на все это, из его произведения можно почерпнуть не мало интересных и достоверных сведений из истории становления в Далмации венецианского господства, чем объясняется и то обстоятельство, что этим трудом широко пользовался также и Дандоло⁸⁰. Томас родился, как это видно из его собственного сочинения, в 1200 г., архидиаконом Сплитским стал около 1230 г., писал в половине XIII в. и довел свою хронику до 1266 г. Из этого следует, что он был очевидцем значительной части описанных им событий, что придает его труду тем большую ценность.

К группе условно восточных источников надо отнести и немногочисленные источники славянского происхождения, имеющие некоторое отношение к занимающему нас вопросу. Здесь можно назвать сочинение анонимного Пресвитера Диоклейского, «Хорватскую Хронику», переведенную Марком Маруло, более поздние дубровницкие летописные известия, одно из известий нашей Новгородской летописи.

Два первых из названных здесь сочинений, наиболее ранних по своему происхождению, имеют для нас наименьшее значение. Труд Пресвитера⁸¹, относимый обычно к XI в., представляет собою весьма путанное произведение, из которого лишь с большим напряжением сил можно извлечь кое-какие данные по истории славянства⁸². Что касается нашей темы, то Пресвитер Диоклейский может быть полезен лишь для освещения вопросов церковного и отчасти административного деления Далмации⁸³. Немного выше этого труда стоит и славянская, вероятно хорватская хроника, в начале XVI в. переведенная на латинский язык сплитским патрицием Марком Маруло⁸⁴.

Гораздо большее значение для нашей темы имеют источники, происходящие из двух других славянских городов Далматинского побережья—Задара и Дубровника, хотя они и относятся к более позднему времени. Назовем для примера «Две книги об осаде Задара»⁸⁵ и «Дубровницкую летопись» по списку Стулича⁸⁶.

Первое из этих произведений открывает нам глаза на те причины, которые толкали Задар на путь отчаянной борьбы против Венеции на протяжении нескольких столетий; второе—вносит существенные поправки в венецианские известия относительно времени и характера

установления венецианской супрематии над Дубровником. Оба памятника стоят в решительной оппозиции к соответствующим венецианским версиям.

Голос из «непокорного и коварного» Задара, как обычно венецианские источники именуют этот город, мотивирует это коварство и непокорность не моральными причинами, а причинами сугубо материальными. Особого значения в данном случае не имеет то обстоятельство, что памятник характеризует отношения первой половины XIV в., так как они не были новыми и в два предшествующих столетия⁸⁹.

«Дубровницкая летопись» освещает ранние взаимоотношения республик св. Власия и св. Марка, внося кое-что новое и излагая кое-что по-иному по сравнению с венецианскими источниками. Это не значит, конечно, что Дубровницкая версия во всех случаях предпочтительнее венецианской, но она помогает лучше оценить венецианские источники.

Наконец, здесь следует указать и на русский источник по истории одного из крупнейших этапов по пути венецианской колониальной экспансии, на известия Новгородской летописи о четвертом крестовом походе и разгроме его участниками Константинополя⁹⁰. Новгородская летопись дает свою теорию изменения направления четвертого крестового похода, выдвигающую на первый план Филиппа Швабского и заставляющего его действовать в одном направлении с Иннокентием III. Исследователи этого памятника сходятся в том, что новгородское сказание записано со слов очевидца, оказавшегося случайно в трагические дни Восточной столицы в пределах ее стен⁹¹. При этом становится неизбежным дальнейшее предположение, что версия о подготовке предприятия получена была информатором новгородского летописца на месте от кого-либо из греков, убежденных, как и Никита Акоминат, что разгром Константинополя—дело папских рук.

По сравнению с этим памятником путаное и краткое изложение событий четвертого крестового похода, помещенное в одном из русских хронографов, не имеет никакого значения⁹².

В группе восточных источников, наконец, остается указать на известия некоторых арабских летописцев и путешественников XIII и XIV вв. таких, как Ибн Батутта (вторая половина XIII и начало XIV в.), Элайни Бед-

реддин (1361—1451)⁹³. Известия этих арабов представляют интерес для характеристики итальянских владений по берегам Черноморья и их взаимоотношений с татарами. Известия эти, впрочем, территориально довольно ограничены и касаются, главным образом, Судака, отчасти Кафы и в меньшей степени Таны⁹⁴.

Весьма значительна по объему и разнообразна по содержанию группа повествовательных источников западного происхождения. Разумеется, среди этой группы источников, так же как и в группе источников восточных, нет таких, которые были бы посвящены специально Венеции,—они касаются истории последней в связи с событиями, в которых республика св. Марка была призвана играть более или менее значительную роль. Для нашей цели наибольшее значение имеют, прежде всего, основные источники повествовательного характера по истории соперников Венеции на Востоке,—Генуи и Пизы; затем идут источники, группирующиеся вокруг значительных событий XI—XIII вв., которые Венеция использовала в целях своей колониальной экспансии, или в которых она была вынуждена принимать участие для защиты уже сделанных приобретений,—таковы войны против сицилийских норманов, Византийской империи, борьба крестоносцев на Востоке и в особенности события четвертого крестового похода, события, вызванные фактом существования Латинской империи, горячие схватки ломбардских городов с Гогенштауфенами, или столкновение Венеции с ближайшими соседями Фриульской и Веронской «марок». Здесь мы можем остановить наше внимание, конечно, лишь на особенно важных памятниках из этой группы источников.

Соперничество торговых итальянских республик между собою в XI—XIII вв. порой достигало такого напряжения, что борьба их между собою поглощала все их силы, почти не оставляя места для других политических интересов. Вследствие этого и их ранняя историография неизбежно отводит перипетиям этой борьбы весьма большое место. Требование исторического беспристрастия делает необходимым привлечение известий обеих враждующих сторон для освещения каждого из этапов этой борьбы, поскольку она шла между ними за торгово-колониальную экспансию на Востоке.

Этим определяется наш интерес к таким источникам, как «Генуэзские» и «Пизанские Анналы»⁹⁵.

Особенно велико для нас значение «Генуэзских Анналов». Они не только освещают острые моменты во взаимоотношениях Генуи с Венецией, как, например, напряженная борьба этих республик во второй половине XIII в.⁹⁶, но служат очень важным источником и для других крупных событий из жизни Венеции, как, например, участие ее в борьбе ломбардских городов против Штауфенов⁹⁷. То обстоятельство, что интересующие нас события описаны современниками, — Каффаро довел анналы до 1163 г. и его продолжатели до 1293 г.—повышает их ценность.

«Пизанские Анналы», приписываемые Бернарду Марангону, охватывают меньший отрезок времени,—они доведены до 1175 г.,—но также имеют важное значение и для взаимоотношений обеих республик между собою, и для других «межитальянских» событий того времени.

Группа западных источников, освещающих историю попыток норманов утвердиться на восточном берегу Адриатического моря, не лишена для нас интереса по той роли, которую сыграла Венеция в ликвидации этих попыток. Поскольку такие попытки восходят к XI в., здесь приходится считаться с Вильгельмом Апулийским, Лупом Протоспатарием, Анонимом Бари и Готфридом Малатеррой⁹⁸. Для следующего столетия большое значение имеет Ромуальд Салернский⁹⁹, труд которого касается многих вопросов из истории Венеции и, например, для освещения событий, связанных с Венецианским конгрессом 1177 г., является первоклассным источником. Разумеется, некоторую пользу можно извлечь также и из известий, относящихся к истории внеиталийских стран, но их значение, по сравнению с источниками итальянского происхождения, невелико.

Особенно важную группу западных источников для нашей темы составляют, конечно, сочинения по истории крестовых походов и в особенности четвертого крестового похода. Как известно, количество источников, посвященных этим вопросам, весьма велико, — существуют специальные обзоры этой литературы¹⁰⁰. Мы должны здесь ограничиться указанием на наиболее важные для нашей темы сочинения этого рода.

Первое место здесь безусловно принадлежит французам.

Вильардуэн, что бы ни говорили противники маршала графа Шампанского, остается нашим важнейшим и в

сущности самым достоверным источником по истории четвертого крестового похода. В недавнее время труд Вильярдуса «Завоевание Константинополя» еще раз подвергся разбору со всех важных для источника точек зрения, и автор этого разбора пришел к таким выводам: «Полагали, что открыты достоверные факты, о которых он (Вильярд), действительно, ничего не говорил; но при проверке оказывается, что эти факты—лишь плод воображения. Приводили другие факты, о которых он будто бы не говорил; но при проверке оказывалось, что он говорил о них. Цитировались еще иные факты, о которых он не сообщил, говорят, потому, что затруднялся сообщить о них; но при проверке оказывалось, что не видно, откуда могли бы происходить эти затруднения¹⁰¹. Против изложенной оценки Вильярдуса Фаралем в недавнее время выступил известный византист Грегуар, назвавший работу Фаралья тенденциозной. Грегуар при этом думает, что он окончательно разрешил «старую контроверзу одним латинским наречием», имея в виду контроверзу о преднамеренности изменения направления четвертого крестового похода и наречие *olim* из письма Иннокентия III императору Алексею III Ангелу. Но эти соображения Грегуара показывают только, что он не знает работы русского византиста, В. Г. Васильевского, разрешающей совсем по другому этот вопрос с привлечением и «решающего латинского наречия», не знает также и того, что *olim* совсем не имеет того значения в средневековой латыни, какое оно имеет в латыни классической¹⁰².

Разумеется, «Завоевание Константинополя» не история в нашем понимании этого слова, а только мемуары участника, который передавал факты и излагал события такими, какими они ему казались. Недостатки его сочинения есть недостатки его мирозерцания и, может быть, еще—плод его недостаточной политической прозорливости. Для нашей работы «Завоевание Константинополя» имеет исключительное значение, так как помимо обычных данных по истории четвертого крестового похода оно предоставляет в наше распоряжение еще ряд фактов, позволяющих отчасти разобраться в том довольно темном, но чрезвычайно важном документе, который называется «актом о разделе империи»: некоторые географические названия из состава венецианской доли по разделу могут быть приурочены к определенному месту

только на основании сообщений Вильардуэна,—укажем для примера на Картокопль во Фракии¹⁰³. Вильардуэн отчетливо видит разницу между бумажными и фактическими владениями участников раздела империи, что не всегда уясняли себе позднейшие историки, писавшие на основании его сочинения.

Среди других источников французского происхождения можно назвать еще «Взятие Константинополя» Роберта де Кляри¹⁰⁴, «Неизданную Галльскую Хронику» Бодуэна д'Авена¹⁰⁵, «Об Иерусалимской земле» Суассонского Анонима¹⁰⁶, также произведения анонимных авторов, как «Балдуин Константинопольский»; «Константинопольский крестовый поход»¹⁰⁷. Все эти сочинения, за исключением «Галльской Хроники», специально посвящены проблемам четвертого крестового похода, но значение их для нашей темы не может идти в сравнение с трудом Вильардуэна. Они, однако, представляют интерес в том отношении, что занимают враждебную или недоброжелательную по отношению к Венеции позицию и более трезво, чем Вильардуэн, оценивают венецианскую политику в деле направления крестоносного движения. Для оценки этих источников имеет значение также и то обстоятельство, что все они сравнительно раннего происхождения и восходят к первой четверти XIII в. или ближайшим к этому времени годам.

Наибольший интерес из этой группы источников, несомненно представляет собою «Взятие Константинополя» Роберта де Кляри. Это — очень важное дополнение к Вильардуэну. Автор — французский рыцарь, настроенный оппозиционно по отношению к крупным феодалам. Рассказав о разгроме Балдуина болгарами под Адрианополем, о пленении императора, гибели Людовика Блуасского, бегстве Дандоло, рыцарь наставительно замечает: «Так отомстил им господь за их гордость и недоброжелательное отношение к бедному люду ополчения»...¹⁰⁸. «Взятие Константинополя» охватывает события от начала крестового похода до смерти императора Генриха. Написано оно живо, с увлекательными и правдивыми подробностями. Автор не может быть отнесен к венецианофобам, но он в общем трезво и чаще всего правильно оценивает роль венецианцев и их престарелого дожа в ходе описываемых событий. Он любит драматизировать события, но его замечания не только отличаются яр-

костью и выразительностью, но и верно передают существо взаимоотношений действующих лиц¹⁰⁹.

Не без основания хорошим источником по истории четвертого крестового похода считается еще одно произведение, полуфранцузского—полунемецкого происхождения. Оно называется «Константинопольская История или о завоевании города Константинополя». Написано оно Гунтером «Парижским» со слов очевидца и участника событий, аббата цистерцианского монастыря близ Сигольсгейма в Эльзасе, Мартина¹¹⁰. «Константинопольская история» написана выразительным языком, толково и довольно правдиво. Гунтер, так же как и его информатор аббат Мартин, справедливо не одобряет поведение венецианцев и считает Венецию истинной виновницей изменения направления похода¹¹¹. Он красочно изображает колебания преданного крестоносной идее меньшинства ополчения, говорит об отчаянном положении дел в Сирии и тщетном ожидании помощи от свернувшего с прямого пути крестоносного воинства¹¹². При глубоко отрицательном его отношении к венецианцам, этому «в высшей степени жадному до денег отродью»¹¹³, Гунтер сохраняет способность к правильной оценке лиц и событий, дает чрезвычайно яркую и правдивую характеристику главному виновнику злоключений похода, Энрико Дандоло¹¹⁴. Необходимо, однако, заметить, что, несмотря на все свои достоинства, источник этот не дает сведений по важнейшему для нас вопросу о значении похода в истории образования Венецианской колониальной империи и потому стоит в этом отношении значительно ниже Вильярдуса.

Немецким источником является произведение Гальберштадского анонима «О крестовом походе в Грецию»¹¹⁵. Сочинение это, ценное само по себе, для нас интересно только своим резко отрицательным отношением к венецианской политике и уже по одному тому не может служить основной нашей цели, что оно вообще очень кратко излагает события похода и интересуется более, чем это следует, деятельностью Гальберштадского епископа Конрада, который осенью 1204 г. отплыл в числе немногих других крестоносцев, не пожелавших до конца идти на поводу у венецианцев, в Сирию, а оттуда—на родину¹¹⁶.

Вероятно, к источникам итальянского происхождения надо отнести еще два специально четвертому крестово-

му походу посвященных произведения,—это «Деяния папы Иннокентия III»¹¹⁷ и «Разорение Константинополя»¹¹⁸. Оба эти произведения, как и вообще подавляющее большинство невенецких источников, относятся отрицательно к венецианской политике, причем первое из них стоит на позициях самого Иннокентия, на переписке которого оно, главным образом, и основано.

Для истории участия Венеции в последних крестовых походах имеет некоторое значение группа источников, изданных Рёрихом под названием «Малые писатели пятой священной войны»¹¹⁹, а также известная «Хроника» Матвея Парижского¹²⁰. «Малые писатели» освещают роль венецианцев в пятом крестовом походе, «Хроника» Матвея Парижского останавливается на поведении Венеции в первом из крестовых походов французского короля Людовика IX.

Группа источников по истории борьбы папства и империи при Гогенштауфенах, как известно, также очень велика, и каждая из хроник, освещающая эту борьбу, так или иначе касается и дел венецианских. Однако позиция Венеции в этой борьбе в достаточной степени выясняется одними итальянскими источниками, которые, впрочем, являются и важнейшими по истории этой борьбы.

Помимо уже названных в другой связи Пизанских и Генуэзских Анналов, здесь надо указать на «Миланские Анналы»¹²¹, излагающие события 1154—1177 гг., «Анналы Пьяченцы» в их пвельфском (1012—1235) и гибеллинском (1154—1284) вариантах¹²², «Анналы Кремоны», охватывающие события с 1096 по 1270 г.¹²³, «Хронику» Сикарда, епископа Кремонского, и минорита Салимбене из Пармы, причем «Хроника» Сикарда касается только событий первой четверти XIII в., а Салимбене—большой его части¹²⁴. Значение этих источников для нашей цели невелико, так как они сосредоточивают свое внимание на Венеции почти исключительно в разрезе ее западной политики, тогда как нашей основной задачей являются проблемы ее политики на Востоке.

Среди западных источников времени существования Латинской империи, занятых восточными делами, надо назвать сочинение Генриха Валансьенского, представляющее собою продолжение «Истории» Жофруа Вильярдуэна¹²⁵. Труд Генриха Валансьенского посвящен времени правления императора Генриха и оканчивается его

экспедицией на Негропонт. К сожалению, автор чрезвычайно занят описанием подробностей битв и рыцарских схваток, за которыми с трудом можно различить основные вопросы Латинской империи этого времени. Несмотря на этот недостаток, из сочинения автора все же можно почерпнуть ряд важных сведений по истории взаимоотношений империи с королевством Солунским после гибели Бонифация Монферратского, а также общей политической ситуации, сложившейся в южных областях Балканского полуострова в первое время существования вновь возникшей империи¹²⁶. Генрих Валансьенский — очевидец и участник значительной части описываемых им событий, что, естественно, увеличивает ценность его сообщений.

На этом рассмотрение источников повествовательного характера мы закончим и перейдем к источникам документальным.

2. Источники документального характера

Здесь мы предполагаем рассмотреть разнообразные источники юридического характера официального и неофициального происхождения: договоры, законы, правительственные постановления и грамоты частно-правового порядка, документы эпистолярного типа.

Как ни велико значение повествовательных источников, тем не менее документальные данные во многих случаях оказывается более важным и чаще всего, хотя, конечно, не всегда, и более надежным источником для исторических заключений. Для нашей темы документы официального происхождения представляют тем большую ценность, что анналисты XI—XIII вв. мало интересуются такими важными для нас вопросами, как вопросы установления точного состава владений Венеции в различное время, вопросы административной организации, социальной и экономической политики республики св. Марка в ее колониальных владениях.

С опубликованием этого рода источников дело обстоит значительно хуже, чем с публикацией источников повествовательного характера. Венецианские архивы и архивы других городов Западной Европы еще очень долго не будут исчерпаны текущей публикацией их материалов, тогда как все наиболее существенное из анналистической литературы уже опубликовано. Тем не менее то,

что уже опубликовано из этого раздела источников, представляет огромную ценность.

Публикация официальных документов в виде напечатания отдельных договоров или правительственных актов началась уже давно; но систематическая деятельность этого рода восходит лишь к XIX в. и связывается прежде всего с именами Тафеля и Томаса, которые дали замечательное собрание документов и актов для характеристики взаимоотношений Венеции с Востоком¹²⁷. Серия западных договоров и жалованных грамот Венеции нашла себе место в «Памятниках истории Германии» по разделам «Законы» и «Грамоты»¹²⁸. Позже началось печатание уже упоминавшейся выше серии материалов в Италии, важнейший раздел которых «Документы» вышел во многих томах. Официальные документы по сношению Венеции со славянскими государствами Балканского полуострова и городами Далматинского побережья сосредоточены в различных юго-славянских изданиях. Здесь можно назвать «Акты», изданные Шафариком еще в шестидесятых годах прошлого столетия¹²⁹, основное содержание которых, впрочем, выходит за пределы рассматриваемого нами периода; «Сербские памятники» Миклошича, важные для истории венецианских сношений и венецианской супрематии в Далмации¹³⁰. Исключительное значение для истории взаимоотношений Венеции со славянским миром имеют издания Загребской АН, известные под названием: «Памятники, относящиеся к истории южных славян». Среди них следует особо назвать: «Сборник грамот Хорватского королевства, Далмации и Словении», изданный в семидесятых годах прошлого столетия Кукулевичем Сакцинским¹³¹; подобный же сборник Рачкого под названием «Древнейшие исторические документы Хорватии»¹³²; «Памятники» Любича, составляющие первый том названного выше большого издания¹³³. В этой связи следует назвать аналогичное русское издание, двухтомник В. В. Макушева под названием «Исторические памятники южных славян»¹³⁴.

Очень важное значение для экономической и социальной истории Венеции представляет собою собрание официальных документов, касающееся цеховых организаций Венеции, изданное Монтиколо под наименованием: «Уставы венецианских цехов»¹³⁵. Для торговой и колониальной экспансии Венеции в восточных водах Средиземноморья большое значение имеет не так давно издан-

ное собрание частных грамот под названием: «Документы венецианской торговли»¹³⁶.

Наконец следует указать на значительное количество различных документов, которые время от времени появлялись в специальных периодических изданиях, как «Венецианский Архив»¹³⁷, французская «Библиотека школы Хартий»¹³⁸, или «Бюллетень Далматинской истории и археологии», начавший выходить с 1878 г. на итальянском языке, а с 1920 г. — на сербо-хорватском с краткими резюме на французском языке¹³⁹.

Многочисленные источники рассматриваемой нами категории включают в себе: жалованные грамоты византийских императоров и договоры, заключенные Венецией с ними или с властителями отдельных областей, выделившихся из состава Восточной империи после образования государства латинян на Востоке; договора, заключенные с крестоносцами и императорами Латинской империи; договора с различными мусульманскими государствами в Африке и Передней Азии; договора с западными императорами и их жалованные грамоты; договора с государями и городами в Италии; договора Венеции с собственными феодалами; обязательства подчиненных Венеции городов; законы и статуты; распоряжения и постановления венецианского правительства; донесения правительственных агентов; частные грамоты и переписку.

Самым ранним достоверным памятником взаимоотношений между Венецией и Византией является жалованная грамота императоров Василия и Константина от 992 г. о торговых льготах для венецианских купцов в пределах империи¹⁴⁰. Почти целым столетием позднее они получили знаменитый хрисовул от императора Алексея Комнина, положивший начало венецианскому преобладанию на Востоке, но известный только из позднейших документов¹⁴¹. Затем следует подтверждение этого хрисовула императорами Коломаном и Мануилом в 1126 и 1148 гг. и хрисовул императора Мануила о расширении венецианского квартала в Константинополе¹⁴². К 1189 г. относится соглашение венецианцев с императором Исааком о возмещении убытков, в свое время причиненных венецианским купцам императором Мануилом, и к 1187 г. — договор о предоставлении им торговых льгот и квартала с причалами в Константинополе¹⁴³. Десять лет позднее, в 1199 г., Алексей III вынужден был еще раз подтвердить хрисовулы Комнинов, но и венецианцы при-

няли на себя некоторые обязательства о военной помощи Византии¹⁴⁴. Значительный интерес представляют далее договора, заключенные Венецией с властителями отдельных частей империи, удержавшихся в руках греков после константинопольского погрома: таков договор подеста в Константинополе Якопо Тьеполо с Феодором Ласкарисом от 1219 г.¹⁴⁵, договор в форме феодального контракта с Михаилом Ангелом Комнином, деспотом Эпирским¹⁴⁶, с Леоном Гавалей, властителем острова Родоса¹⁴⁷, первый от 1210 и второй — от 1234 г. Наконец, следует назвать проект договора с Михаилом Палеологом от 1265 г., и трактат, заключенный Венецией с этим императором в 1268 г., когда политики св. Марка убедились в том, что Константинополь был потерян для них окончательно¹⁴⁸.

Само собою понятно большое значение различного рода соглашений, заключенных Венецией с владетельными князьями христианского Востока, с участниками четвертого крестового похода, императорами и князьями Латинской империи. Здесь можно назвать прежде всего ряд договоров, которыми Венеция обеспечивала себе вознаграждение за свое участие в крестоносном движении: таков договор, заключенный в 1123 г. с Варнундом, патриархом Иерусалимским, о предоставлении венецианцам торговых льгот в пределах Иерусалимского королевства и об особом положении венецианских подданных в Акре и Тире¹⁴⁹; подтверждение этого договора королем Иерусалимским Балдуином от 1125 г.¹⁵⁰. Затем следует ряд договоров о торговых льготах с крупнейшими феодалами Сирии: с князьями Антиохийскими Райнальдом от 1153 г.¹⁵¹, Боэмундом III — от 1167 г. и им же от 1183 г.¹⁵², договор с Жаком д'Авеном, сеньором Бейрута от 1221 г.¹⁵³, дарение св. Марку в Венеции графом Триполитанским Понцием дома в Триполи в 1117 г.¹⁵⁴. Исключительное значение имеют далее договора Венеции с крестоносцами в ходе разворачивания событий четвертого крестового похода и с императорами Латинской империи. Здесь, помимо договора от 1201 г. о перевозке крестоносной армии за море¹⁵⁵, надлежит назвать договор 1204 г.: мартовский — о разделе намечавшейся к захвату добычи, о порядке избрания императора, о замещении патриаршего престола, о порядке раздела будущих ленов империи; затем — августовский с Бонифацием Монферратским о приобретении от него острова

Крита; наконец — октябрьский о разделе империи, более столетия лежавший в основе территориальных притязаний Венеции на Востоке¹⁵⁶. Очень важным документом далее является «Подтверждение раздела империи» Генрихом, братом императора Балдуина, выполнявшим тогда роль заместителя императора Латинской империи, от октября 1205 г.¹⁵⁷. В этом документе были зафиксированы не только территориальные права Венеции в пределах Романии, но и их торговые и политические привилегии в пределах Латинской империи. Подтверждения этого документа венецианцы неизменно добивались потом от каждого нового правителя империи¹⁵⁸. Венеция вынуждена была также вступать в договорные отношения и с некоторыми из крупных вассалов императора, плохо повиновавшихся своим незадачливым сюзеренам. К договорам этого рода относится договор дуки Крита Якопо Тьеполо с Марко Сануто, «герцогом Архипелага» от 1213 г.¹⁵⁹, договора с князьями Ахайи-Годефруа Вильардуэном от 1219 г., Гильомом де ла Рош от 1259 г., Гильомом Вильардуэном от 1262 г.¹⁶⁰.

Для выяснения вопросов колониальной экспансии Венеции большое значение, естественно, имеют ее договоры с восточными потентатами и в первую очередь с мусульманскими государями Азии и Африки. Имеющиеся в нашем распоряжении трактаты восходят лишь к началу XIII столетия, не ранее. Все они преследуют одну цель — создание максимально выгодных условий для венецианской торговли. Особенно важна была для венецианцев торговля с Египтом, вследствие чего мы видим, что именно с египетским султаном очень рано и при том в наибольшем количестве были заключены торговые соглашения, монотонно повторяющие одни и те же торговые привилегии для венецианских купцов. Заключение торговых соглашений с Египтом началось, вероятно, тотчас же после образования Латинской империи. При султани Эльмелик Эладиль Абубекре I в период с 1206 по 1217 г. было заключено несколько договоров; при втором султани с тем же именем в 1238 г. договора эти были подтверждены; затем последовало два новых подтверждения со стороны султанов Эльмелик эс Салиха в 1244 году и Мелек Монза в 1254 году¹⁶¹. Было заключено несколько договоров также и с султанами Румского или Иконийского султаната: Кей Хозревом I в период между 1203 и 1211 гг., Азедди-

ном — в десятых годах XIII в. и Элаэддином Кайкобадом — в 1220 г.¹⁶². Несколько договоров в рассматриваемое время было заключено с мусульманскими эмирами Алеппо: с Эльмелик Альзари — в первом десятилетии XIII в., два договора — в 1225 и в 1229 гг. с Эльмелик Элазизом и, наконец, — с Мелек эль Массиром в 1254 г., причем это последнее соглашение было подтверждено в 1264 г.¹⁶³. Позже, чем в рассмотренных нами районах, вступила Венеция на путь договорных отношений с султанами Туниса: первый договор был заключен здесь только в 1231 г. с султаном Абу Захария Яхья, потом в 1251 г. этот договор под названием «Варварийского пакта» был возобновлен и еще раз подтвержден в 1271 г. султаном Абу Абдаллах Мохаммедом¹⁶⁴. Здесь же надо указать и на договора, заключенные Венецией с христианскими государями Малой Армении: Львом I от 1201 г., Гетоном — в 1246 г. и Львом II — в 1271 г. Содержание этих договоров аналогично договорам с мусульманскими государствами¹⁶⁵.

В связи с той посреднической ролью, которую Венеция играла в торговле между Западом и Востоком в течение рассматриваемого нами времени, при всей важности для нее ее восточных позиций, она не могла не интересоваться самым живейшим образом положением дел на Западе. Здесь, поскольку это вообще было возможно в условиях того политического хаоса, который царил в это время во всей Европе и в Италии в особенности, Венеция стремилась обеспечить свои торговые интересы договорами и с императорами Свящ. Римской империи, и с городскими республиками Италии, и королевством Сицилийским. Отдаленные земли королей Англии и Франции республику св. Марка первоначально интересовали мало, зато самым живейшим образом ей приходилось интересоваться взаимоотношениями с венгерской короной. Все это вызвало со стороны Венеции значительную дипломатическую деятельность и нашло себе выражение в ряде договоров, жалованных грамот, подтверждений прежних соглашений, которые являются нашими важными источниками при решении ряда вопросов из истории венецианской колониальной экспансии.

Во всех этих дипломатических документах Венеция стремилась обеспечить за собой различные торговые выгоды и преимущества. Исключением являются разве только ее договора с Венгрией, с которой у республики

св. Марка были и территориальные споры. К такого рода торговым соглашениям относится в первую очередь в рассматриваемой группе документов договора с западными королями и императорами. Первым документом этого типа является «пакт» императора Лотаря I от 840 г. и подтверждение его от 841 г.¹⁶⁶. Сохранились три подобных документа еще от двух Каролингов, Людовика II и Карла III, от 856, 880 и 883 гг.¹⁶⁷. Затем следует четыре подтверждения и «пакты» Италийских королей — Беренгария — от 888 г., Гвидона — от 891 г., Рудольфа — от 924 г. и Гугона — от 927 г.¹⁶⁸. От королей Саксонской династии, возродивших империю на Западе, дошло шесть различных документов интересующего нас типа: два от Оттона I от 967 г., два от Оттона II до 987 г., по одному от Оттона III и Генриха II от 992 и 1002 гг.¹⁶⁹. От императоров франконской династии мы имеем два «пакта» с Венецией — Генриха IV от 1096 г. и Генриха V от 1111 г.¹⁷⁰. Такого рода документ получили венецианцы и от Лотаря III в 1136 г.¹⁷¹. Гогенштауфены сделали Венеции наибольшие уступки в сфере ее основных домогательств: «пакт» Фридриха I от 1177 г. приближался по объему пожалованных республике св. Марка торговых привилегий к хрисовулу императора Алексея Комнина¹⁷². Кроме этого документа от Гогенштауфенов мы имеем еще три других: от того же Фридриха I от 1154 г., от Генриха VI от 1197 г. и от Фридриха II от 1220 г.¹⁷³. Один «пакт» имеется и от противника Гогенштауфенов, Оттона IV, от 1209 г.¹⁷⁴.

Из нескольких договоров с королями Сицилии мы располагаем от XII в. только одним, именно с Вильгельмом II от 1175 г.¹⁷⁵, тогда как другие известны по сообщению о них Дандоло или из самого текста названного договора¹⁷⁶. Гораздо большее количество соглашений, преимущественно торгового характера, между Венецией и Сицилийским королевством возникло в следующем, XIII столетии. Эти соглашения собраны и изданы Карабеллезе¹⁷⁷.

Договора, заключенные с различными городскими республиками Италии, имеют для нашей темы меньшее значение, кроме договоров с Генуей, постоянной соперницей Венеции на Востоке. Из этих последних мы должны назвать договор, заключенный обеими торговыми республиками около 1217 г. в связи с урегулированием дел на Крите, договор от 1238 г., заключенный в Риме

в процессе совместной борьбы против Фридриха II и договор от 1251 г., которым регулировалось положение генуэзских купцов в пределах Латинской империи¹⁷⁸. Здесь же следует назвать и знаменитый Нимфейский трактат, заключенный Генуей с Михаилом Палеологом и направленный против Венеции¹⁷⁹.

Длительная борьба против венгерских королей за Далмацию не раз сопровождалась попытками урегулировать этот спор мирным путем, — отсюда ряд договоров Венеции с Венгрией. Первый договор республики с венгерскими королями касался, однако, не этого вопроса. Вскоре после того, как венгры вышли на берега Адриатики, венецианцы попытались использовать их силы в борьбе против норманов в Италии, присутствие которых здесь противоречило интересам республики на лагунах¹⁸⁰. Среди договоров по далматинским делам надо назвать договор от 1218 г., содержащий соглашение короля Андрея с Адриатической республикой в связи с его походом во «св. землю» и договор от 1244 г., которым венецианцы добились от венгров отказа от Задара¹⁸¹.

Ряд интересных данных для характеристики взаимоотношений Венеции с Истрией и патриархатом Аквилей содержит «Сборник актов и грамот», опубликованный Минотто¹⁸².

До сих пор рассматривались источники, имеющие преимущественное значение для внешней истории Венеции, для выяснения внешне-политической обстановки, в которой происходило образование колониальной империи «Адриатического Карфагена». Естественно, что проблемы внутренней организации захваченной территориальной добычи, составляющие существенную часть нашей задачи, удовлетворительным образом разрешаются при помощи источников, имеющих значение по преимуществу для внутренней истории Венеции. К таким источникам в первую очередь относятся акты законодательного характера, затем феодальные контракты с вассалами св. Марка, обязательства зависимых городов, общие правительственные распоряжения по колониальным вопросам, донесения губернаторов венецианских колоний своему правительству, акты по колониальному управлению.

К первой группе источников этого рода надо отнести памятник, представляющий собою первый опыт кодификации венецианского права, — это «Уголовный кодекс» дожа Орио Малипьеро¹⁸³. Документ этот потом несколь-

ко раз подтверждался и расширялся рядом статей гражданского права, в частности в догат Якопо Тьеполо. Наиболее полное и совершенное издание венецианских законодательных определений сделано в тридцатых годах текущего столетия Роберто Чесси¹⁸⁴. Из государственных венецианских статутов имеет важное значение «Устав корабельный»¹⁸⁵ и «Уставы цеховых организаций» Венеции, изданные, как об этом шла речь выше, Монтиколо. Первый из них важен по непосредственной связи морского дела в Венеции с ее колониальными предприятиями; второй позволяет составить представление не только об очень важных сторонах хозяйственной жизни метрополии, но освещает и некоторые колониальные проблемы, как, например, вопрос об обслуживающем колонии персонале¹⁸⁶. Для характеристики государственного строя Венеции и ее административного аппарата, в частности аппарата по управлению колониями, имеют большое значение изданные Мельхиором Роберти «Уставы судебных венецианских магистратур»¹⁸⁷.

В 1952 г. Роб. Чесси были изданы «Определения Большого Совета в Венеции»¹⁸⁸. Это собрание документов содержит самые ранние из сохранившихся постановлений «Совета мудрых» и списки членов Большого Совета. В недавнее время под редакцией Ант. Ломбардо начали выходить регистры заседаний Совета 40. В 1958 году появился 2-й том этого издания, охватывающий вторую четверть XIV в. Для нашей работы имеет значение лишь первый том этого издания¹⁸⁹.

Так как значительную часть своей империи Венеция первоначально инфеодировала вассалам различных национальностей, то для характеристики методов колониального управления, которыми она пользовалась, документы этого рода имеют исключительное значение. **Первым** по времени документом такого рода является договор, заключенный с Феодором Враной, которому были инфеодированы территории в районе Адрианополя. Это было еще в 1206 г. Ст следующего года мы имеем феодальный контракт с группой лиц, которым Венеция нашла целесообразным инфеодировать остров Корфу, на некоторое время попавший в ее руки. Сохранилось несколько контрактов с сеньорами Негропонта: договор с Равано да Карчере от 1209 г., договор с тремя феодалами, родственниками Равано, от 1216 г., договор с Нарзотто да Карчере от 1256 г. о совместной борьбе против

князя Ахейского, трехсторонний договор с тремя веронцами, сеньорами Негропонта, и князем Ахейским, договор от 1262 г., о котором мы уже упоминали в другой связи¹⁹⁰. Освоение Крита Венеция проводила в рассматриваемое время также феодальными методами, вследствие чего мы имеем ряд феодальных контрактов с представителями венецианских нобилей и рядовых людей из венецианцев, которым поручалась охрана острова и инфеодировалась значительная часть его территории. К документам этого рода относятся: договор с первой партией переселенцев от 1211 г., договора с последующими партиями от 1222, 1223 и 1252 гг., посланными в качестве подкреплений на помощь прежним венецианским поселениям на острове¹⁹¹. Ряд договоров на том же Крите Венеция вынуждена была заключить с представителями местной греческой знати, с местными архонтскими родами, врагами венецианцев, — таковы договора от 1219 г.; от 1223, 1233, 1234 гг., которыми Венеция пыталась купить себе условия беспрепятственной эксплуатации местного крепостного люда¹⁹².

Большое количество договоров было заключено Венецией в различное время с зависимыми от нее городами в Истрии и Далмации, которые, впрочем, являются договорами больше по форме, чем по содержанию и могут быть названы скорее обязательствами этих городов перед Венецией. Вероятно, значительная часть их потеряна, но то, что сохранилось, в достаточной степени характеризует методы венецианского господства в этой части ее колониального мира. Прежде всего венецианцы обратили внимание на истрийские города и с ними были заключены их первые соглашения: с Каподистрией Венеция вступала в неравноправные соглашения уже в X в., — мы имеем договора от 932 и 937 гг.¹⁹³. Позднее круг такого рода контрактов расширяется и распространяется на далматинские города. В 1075 г. Задар, Трогир, Шибеник, Сплит обязались не допускать в свои воды норманов¹⁹⁴. Сохранилось несколько договоров с Триестом, Умаго¹⁹⁵. Для характеристики положения Венеции в Далмации особенно важны договора с Задаром и Дубровником, — с первым из них от 1203 и 1247 гг. и со вторым — от 1232, 1236 и 1251 гг.¹⁹⁶.

Правительственные распоряжения относительно различных вопросов колониального управления, многочисленные для позднейшего времени, сравнительно очень

немногочисленны для начального периода колониального господства Венеции, по крайней мере поскольку об этом можно судить по опубликованным документам. Среди таких документов для нашей цели оказались полезными следующие: обязательство от 1205 г., возлагавшееся на венецианцев каноников св. Софии избирать на патриарший трон и другие церковные посты только венецианцев, распоряжения патриарха Латинской империи Матвея и константинопольского подеста Марино Дзено о сужении сферы компетенции каждого из них в своей области в пользу метрополии, последнее от 1205 г. и первое — от 1221 г.; циркулярное распоряжение дожа Пьетро Цини от 1226 г. о титулатуре представителей Венеции в ее колониальных владениях; «положение» о правах и обязанностях венецианского комита в Задаре от 1278 г., имеющее значение, конечно, и для более раннего времени; специальные поручения и полномочия байло Негропонта от 1259 и 1271 гг.; специальное постановление Большого Совета от 1262 г. о чрезвычайном обложении торговли для изыскания средств на постройку флота для войны с генуэзцами в пределах Романии и др.¹⁹⁷.

Ряд интересных данных, характеризующих отношение частных лиц к Венецианскому государству на почве экономических и юридических интересов, дает собрание краткого изложения документов, изданное Пределли под названием: *Liber communis vel Plegiorum*¹⁹⁸. Наиболее ранние из дошедших до нас документов «Книги Коммун» помещены полностью в названном выше сборнике Р. Чесси¹⁹⁹.

Исключительное значение для нашей работы имело бы издание Джомо, содержащее реестр с кратким изложением содержания решений венецианского Сената «относительно морских и сухопутных дел», если бы оно охватывало документы более раннего времени²⁰⁰. Венецианский Совет был именно тем учреждением, которое преимущественно занималось колониальными делами, и его решения охватывали даже незначительные дела колониальной практики. К сожалению, самые первые акты издания восходят к концу XIII в.

Некоторые данные относительно торговли, колониального управления и колониальной администрации Венеции можно найти еще в издании Пределли под названием: «Памятные книги Венецианской республики»²⁰¹. Это также собрание лишь кратких изложений до-

кументов, самые старые из которых восходят только к 1300 г. По этой последней причине «Памятные книги» лишь отчасти могут служить нашей цели.

Само собою понятно, какой большой интерес представляют собою донесения венецианских колониальных магистратов о положении дел в порученных им управлению районах. К сожалению, нам известны для ранней колониальной истории Венеции лишь немногие из документов такого рода. Мы можем назвать здесь сообщение Якопо Тьеполо, константинопольского подеста, о перспективах предстоящих выборов Константинопольского патриарха, сделанное им дожу Пьетро Циани в 1219 г.²⁰², и гораздо более важное, может быть еще недостаточно использованное историками, донесение в Венецию сирийского байло Марсилио Джорджио от 1243 г. о положении венецианских дел в Акре и Тире²⁰³.

Для характеристики методов колониального управления Венеции большое значение могли бы иметь документы канцелярий колониальных магистратов республики. К сожалению, такие документы или потеряны, или остаются до сих пор неопубликованными. Архив важнейшего из венецианских колониальных губернаторов, дуки Кандии, заключающий в себе свыше 80 папок различных документов, до сих пор известен лишь в отдельных из него извлечениях. Наибольшее их количество мы находим в двух работах, из которых одна относится к середине XVIII века, а другая к концу XIX. Мы имеем здесь в виду «Священный Крит или о епископах того и другого культа» Фламиния Корнеро и «Архив герцога Кандии» Герланда²⁰⁴. В обоих этих изданиях помещен целый ряд документов, характеризующих экономические и социальные отношения, есть кое-какие извлечения из земельных кадастров, документы, характеризующие церковные порядки на Крите, известия о борьбе местного населения против венецианского господства.

В недавнее время в Венеции были опубликованы документы из архива одного из нотариусов на Крите, которые позволяют глубже заглянуть в экономические и социальные отношения на Крите. Правда, документы относятся к двум первым годам XIV столетия, но они имеют значение и для более раннего времени²⁰⁵.

Среди источников, освещающих отчасти внешние отношения республики, отчасти внутренние дела, надо назвать акты папской канцелярии, в кратком изложении

опубликованные в двадцатых годах текущего столетия Кэрмом. Седьмой том этого издания как раз относится к Венеции²⁰⁶.

Большое значение для освещения вопросов внешних отношений Венецианской республики имеет переписка ее государственных деятелей, письма пап, императоров Латинской империи и отчасти императоров империи Византийской. Это особенно относится ко времени образования Венецианской колониальной империи и возникновения империи Латинской. Документы этого характера собраны преимущественно Минем в его известной «Латинской патрологии»²⁰⁷.

Наконец, в этой группе источников большое значение для нас имеют грамоты частные. Они иногда важнее официальных данных и нередко правдивее их. Узость их интересов компенсируется адекватностью их реальной жизни. Мы имеем здесь в виду посмертные завещания, частные феодальные контракты и арендные договора, соглашения о покупке и продаже недвижимости, разнообразные контракты, связанные с морской торговлей и ростовщичеством.

Публикация частных грамот началась позднее, чем издания источников повествовательного характера или официальных документов. Если оставить без внимания отдельные документы этого рода, опубликованные Таффелем и Томасом или Романином в его «Документированной истории Венеции», то более или менее значительные публикации начинаются только с семидесятых годов прошлого столетия. Посмертные завещания и родственные им документы, исходящие от представителей аристократических фамилий и хранящиеся в венецианских архивах под рубрикой *mapa mortis* в количестве более 5 тыс. документов, едва затронуты издателями. Пока все еще приходится довольствоваться публикациями отдельных документов, используемых исследователями тех или других частных вопросов венецианской истории. В отдельных случаях мы имели возможность воспользоваться этими извлечениями из венецианских архивов для освещения вопросов из области внутренней жизни Венеции.

Значительное количество грамот, характеризующих феодальные отношения или их разложение, поскольку они так или иначе касаются венецианских граждан или венецианских церквей, можно найти в сборниках грамот

Падуи и Тревизо²⁰⁸. Имеющие для нас большое значение договора венецианских и нобилей, поскольку последние выступали в качестве купцов или ростовщиков, в значительном количестве впервые были изданы Баракки²⁰⁹. Сачердоти, Минотто и др. Несколько интересных грамот в начале текущего столетия было опубликовано в его небольшой монографии Гейненем, грамот очень важных для истории взаимоотношений Венеции и Византии при последних Комнинах и первых Ангелах, хотя он и не сумел надлежащим образом понять и истолковать имевшиеся в его руках тогда еще неизданные документы.

Важнейшим изданием этого рода документов являются упоминавшиеся выше «Документы венецианской торговли», опубликованные Делля Рокка и Ломбардо²¹⁰. Это издание в значительной своей части содержит перепечатку в свое время сделанных публикаций Баракки, Сачердоти и др., но здесь есть много и неопубликованных до того времени документов. В основном это — данные «Нотариального архива», но есть заимствования также и из других фондов.

Документы идут с 1021 г. Первая грамота с упоминанием Константинополя датирована 1088 г.²¹¹. Далее мы видим сделки, в которых фигурируют, то как место их учинения, то как место платежа по ним, различные города Византии — Коринф, Фивы, Спарта, Альмиро, города на Крите и т. д. Из городов Сирийского побережья всего чаще упоминаются Акра и Антиохия, нередко Тир. В Африке огромную роль играет Александрия, потом Дамietta, Сеута и Бужия. В XIII в. упоминаются и отдаленные берега Черного моря.

В качестве контрагентов по сделкам мы видим и «первых людей» республики, дожа и патриарха²¹², и представителей крупных торговых фирм, как дом Майрано, и проницательных купцов среднего достатка, как Сизинуло, и представителей нобилитета, как фамилия Маросини²¹³, и вдов с мало известными именами.

«Документы венецианской торговли» — очень важный источник. Они не только позволяют нам составить представление о формах и технике морской торговли, о размерах отдельных коммерческих и кредитных сделок, об участниках этих сделок, но — что для нас особенно важно — позволяют нам судить о том, как расширялась из десятилетия в десятилетие сеть торговых дворов Венеции на Востоке, какие из городов византийского и мусуль-

манского побережья играли большую и какие меньшую роль, как в отдельные периоды центр коммерческих интересов Венеции переносился из одного пункта в другой. Некоторые из опубликованных здесь документов позволяют окончательно решить важные вопросы международных отношений того времени.

Нет сомнения, что если бы мы могли располагать большим количеством частных документов, чем те, которые до сих пор опубликованы, то очень многие вопросы венецианского колониального господства были бы гораздо более ясными как в смысле состава владений, так и в особенности в смысле методов их эксплуатации.

Меньший объем и меньшее значение для нашей работы имеет аналогичная серия документов, изданных румыном Братиану и представляющих собою акты генуэзских нотарияльных контор в Пере и в Кафе²¹⁴. Эти документы проливают некоторый свет на роль Венеции в средиземноморской торговле в XIII в., после того как занятые Адриатической республикой в начале этого века политические и экономические позиции на Босфоре, были потеряны.

Заключив на этом обзор источников, послуживших нам при написании настоящей работы, мы предвидим два упрека, которые этот обзор не без основания может вызвать: он страдает излишними, быть может, подробностями с одной стороны, и все же не охватывает с надлежащей полнотой всей массы работ с другой. Нам хотелось бы смягчить справедливость этих упреков указанием на то, что мы стремились во-первых не только дать представление о тех изданиях, в которых можно встретить необходимые источники, но также указать и на их содержание и значение для нашей работы, хотя и вынуждены были ограничиться лишь теми из них, которые по условиям написания настоящей работы были нам доступны.

В обзоре помещены указания на источники, относящиеся к событиям более позднего времени, например второй половины XIII в. Это было необходимо, с одной стороны, для оценки существующей литературы по вопросу о возникновении и ранней истории Венецианской колониальной империи, а с другой — явления последующего времени иногда бывают очень важны для понимания и оценки событий и явлений более ранних.

В заключение мы должны ответить еще на один законный вопрос: в какой мере имеющиеся в нашем распоряжении источники достаточны для разрешения поставленной нами задачи? Частные ответы на этот вопрос даны были выше в связи с рассмотрением отдельных документов и их групп. Теперь мы должны ответить на него в целом.

Круг вопросов, входящих в состав интересующей нас проблемы, весьма обширен и сложен, а период времени, который ею охватывается, достаточно продолжителен, для того чтобы можно было коротко ответить на поставленный вопрос. Мы должны констатировать неравноценность наших источников для освещения деталей нашей проблемы: часть вопросов может быть освещена со значительной степенью ясности и полноты, другие вопросы могут быть освещены менее четко, третьи могут быть только поставлены.

Наиболее удовлетворительно — и то не на всех отрезках рассматриваемого времени и не во всех областях — могут быть освещены вопросы внешних отношений, если только иметь в виду наиболее значительные из них, таковы вопросы взаимоотношений Венеции с Византией, отчасти с Венгрией и норманами, взаимоотношения с западными итальянскими соседями и Западной империей. Гораздо менее удовлетворительно могут быть освещены вопросы ранних славяно-венецианских отношений, не всегда достаточно ясны отношения между Венецией и феодалами Латинской империи, независимо от их национальной принадлежности. Наименее удовлетворительно отвечают наши источники на важнейшие исторические вопросы, — вопросы внутренней жизни как самой метрополии, так и ее колоний и этих последних в особенности. Разрешение многих экономических вопросов, особенно в области сельского хозяйства, вопросов классовой борьбы, деталей феодальной эксплуатации, масштабов применения наемного труда и др. в некоторых случаях ограничено пределами более или менее вероятных предположений.

Можно думать, что венецианские архивные материалы, по разным причинам рассеянные по нескольким европейским столицам, а равно и те, что находятся в самой Венеции, содержат не мало данных, которые могли бы уточнить ясные и выяснить с трудом или вовсе не поддающиеся выяснению вопросы, — пример тому упоми-

навшиеся выше «Документы венецианской торговли»; однако мы должны заметить, что даже полная их доступность исследователю открывала бы дорогу не к широкой обобщающей работе, а только к детальным исследованиям частных проблем.

Следующий за настоящей главой обзор буржуазной исторической литературы по вопросу, полагаем, в достаточной степени подтвердит это положение.

Глава вторая

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ В БУРЖУАЗНОЙ ИНОСТРАННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Иностранная буржуазная историческая литература по истории Венеции громадна,—можно было бы составить целую библиотеку из книг, написанных в разное время в разных странах по истории Венеции. Библиографии Чиконья и Соранцо, о которых мы уже упоминали, дают представление о том, сколько было написано уже в конце восьмидесятых годов о прошлом Адриатической республики и о новой Венеции. С того времени буржуазная историческая литература по истории Венеции продолжала возрастать. Выход все новых и новых работ по интересующему нас разделу истории Италии в средние века продолжается и в наши дни.

Повышенный интерес буржуазной исторической науки к венецианскому прошлому не является случайным и не вытекает только из стремления удовлетворить любознательность туристов—буржуа, усердно продолжающих посещать город св. Марка и в XX столетии,—интерес этот лежит глубже. История Венеции, аристократический режим которой оставался почти неизменным в течение нескольких сотен лет, представляет благодарный материал для любителей «опровергать» то положение революционного марксизма, согласно которому «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов»¹.

Исторические сочинения, которые нас в данном случае могут интересовать, с удобством, хотя и несколько искусственно, могут быть разделены на три категории: общие сочинения по истории Венеции; сочинения, посвя-

щенные вопросам венецианского хозяйства или более общим вопросам средиземноморской торговли и хозяйства Италии в средние века; немногие работы, прямо относящиеся к основным проблемам избранной нами темы.

1. Общие сочинения по истории Венеции

Политическая раздробленность Италии, затянувшаяся до второй половины XIX в., была причиной возникновения здесь ряда местных историй, историй отдельных монархий и республик. Венеции при этом особенно повезло, — ее историческая литература исключительно богата. Это объясняется не только длительностью существования Адриатической республики, но также и тем, что «светлейшая синьерия» очень рано поняла практическое значение печатного слова и очень широко им пользовалась для своих политических целей, — приведем два примера: для обоснования своих претензий на особые права в Адриатическом море венецианское правительство вызвало к жизни более десятка историко-политических трактатов², целая серия сочинений появилась в начале XVII в., в которых доказывалась неправота папы Павла V, наложившего тогда на Венецию индигт³.

Начиная с XV в., почти непрерывно следует одно сочинение по истории Венеции за другим. Сначала это литература на латинском, потом итальянском языке, с XVII в. все чаще стали появляться произведения на французском языке, с XVIII — появляются значительные работы на немецком, еще позднее на английском языке.

Почти вся эта ранняя историческая литература имеет в настоящее время только библиографический интерес, поскольку в ней трактуются вопросы интересующей нас темы. Сочинения эти представляют собою более или менее точный пересказ наших ранних источников и при том только повествовательного характера и нередко с тенденциозными извращениями.

Это, в первую очередь, относится к различным сочинениям, написанным по заказу венецианского правительства. Мы разумеем здесь сочинения М. А. Сабеллико от XV в.⁴, кардинала Пьетро Бембо — первой половины XVI в.⁵, Паоло Парута — конца этого же столетия⁶. Андреа Морозини — начала XVII в.⁷, Баттиста Нани, писавшего в середине и второй половине этого же века

по-итальянски⁸, Микаеле Фоскарини—в самом конце XVII столетия⁹, Пьетро Гарцони—в XVIII веке¹⁰.

Мы уже говорили о тенденциозности Сабеллико. Здесь уместно будет привести пару примеров того, как он обращается с истиной. В своем сочинении Сабеллико утверждает, например, что уже император Василий II даровал венецианцам право беспошлинной торговли во владениях империи¹¹; в другом месте его сочинения семилетний сын Пьетро Орсеоло II, Оттон, управляет покоренным Дубровником¹²; ему принадлежат измышление о низком происхождении императора Мануила и об ослеплении Энрико Дандоло каленым железом и т. п.¹³. Об этом, быть может, не следовало бы говорить, но сочинение Сабеллико, представляя собою связный, со значительным количеством разнообразных подробностей рассказ о первой тысяче лет существования республики, служило для историков последующего времени, не желавших или не имевших возможности утруждать себя изучением первоисточников, основным руководством, по которому излагались события этого тысячелетия. Это в значительной степени справедливо даже по отношению к Дарю, склонному несколько критически относиться к сложившейся исторической венецианской традиции.

Все истории «по государственному заданию», за исключением Сабеллико, описывают преимущественно историю своего времени. Их сочинения представляют собою несомненный интерес, если не с точки зрения достоверности сообщаемых ими сведений, то с точки зрения того, как переломлялись те или иные события и факты в сознании тогдашних венецианских политиков, точку зрения которых эти сочинения отражают. Однако эта интересная их часть находится вне хронологических рамок интересующих нас событий и поэтому для нас на этой стадии нашей работы бесполезна.

Количество «венецианских историй», написанных в Венеции, в XVIII в. возрастает еще более. Тогда появляются труды Фоскарини, Формалеони, Галличьоли и др.¹⁴, и все-таки был прав Капелетти, когда он в сороковых годах следующего столетия писал: «Венецианскими историями заполнены все библиотеки, однако Венеция еще не имеет своей истории»¹⁵, т. е. истории правдивой. И в XVIII в. часть историков все еще пишет «по государственному заданию»,—Марко Фоскарини к таковым

относится во всяком случае; но дело не только в этом. Те из венецианских историков, которые писали по собственному побуждению, все же не могли служить в своих сочинениях одной только истине, причем мы имеем в виду не только классовую принадлежность авторов, но также и бдительный контроль, который осуществляли за этой стороной деятельности своих сограждан Совет десяти и Государственные следователи. Авторы—итальянцы с опаской поглядывали на город на лагунах даже в том случае, когда они имели возможность писать в таких местах, где «карающая рука стражей республики» была бессильной, если только и здесь, в Париже или Амстердаме, они не писали по заказу Светлейшей синьории.

Такое положение дела вызвало реакцию у историков—«ольтремонтанов», у французов. Труды Амело де ля Уссей, С. Дидье, аббата Ложье— и этого последнего в особенности—обличали венецианскую государственную систему в деспотизме, тирании и жестокости.

С XVIII в. зазвучали протесты против «казенных» историй и наемных историков Венеции и с другой стороны. Некоторые успехи капитализма во владениях Венеции пробудили к жизни или обострили национальные противоречия. С XVIII в. настойчивее, чем это было ранее, раздались протесты со славянской стороны. Это были голоса из Дубровника: в семидесятых годах появились сочинения Варги и Червы, в которых они разоблачали не только таких фальсификаторов истории взаимоотношений славянства с Венецией, как Сабеллико, но и такого умеренного «сглаживателя острых углов» как А. Дандоло. О боевом характере этих произведений можно судить уже по титулам отдельных глав, например в сочинении Варги: «Всегдашняя свобода Дубровника от венецианского господства, обоснованная и доказанная», или—«Еще одно обманное посягательство на нашу всегдашнюю свободу со стороны Дандоло и Сабеллико» и т. д.¹⁶

В XVIII же веке была сделана не совсем безуспешная попытка дать историю Венеции без «ольтремонтанских» французских и «казенных» венецианских крайностей, при одновременном игнорировании, конечно, славянских протестов. Эта попытка принадлежит немцу с французским именем, издавшему свой труд в русской уже тогда Риге. Мы имеем в виду «Политическую историю Венецианской республики» Лебре¹⁷.

Произведение это представляет собою критический синтез всей важнейшей исторической литературы XVI, XVII и отчасти XVIII вв., посвященной истории Венеции, причем автор скромно заявляет, что его работа основана на труде Аббата Ложье, но «с устранением его ошибок»¹⁸. На самом деле Лебре широко использует первоисточники, из которых многие в его время были архивными материалами, и критически проверяет выводы С. Дидье, Санди, Амело де ля Уссей и др.

Содержание сочинения не точно соответствует его заглавию: оно в действительности значительно шире и рассматривает не только историю Венецианского государства, но останавливается и на экономических, и на социальных вопросах, и на вопросах культуры. Лебре делал попытки осветить эти вопросы также и применительно к колониальным владениям Венеции¹⁹. Затрагиваемые вопросы трактуются со всеми возможными по тогдашнему состоянию источников подробностями и излагаются языком ясным и выразительным.

Несмотря на свои аристократические симпатии, которых автор не скрывает²⁰, он рисует венецианскую политику, например в крестоносном движении, с таким реализмом²¹, которому можно позавидовать при чтении некоторых современных произведений по этому вопросу.

Все это в значительной степени относится и к тем частям труда Лебре, в которых освещаются интересующие нас проблемы. Автору вредит только слишком доверчивое его отношение к венецианским источникам там, где в его руках нет других прямых указаний, которые он мог бы противопоставлять венецианцам, или их друг другу. Для примера укажем на его утверждение, что Дубровник уже с 998 г. получал своих «ректоров» из Венеции²².

Разумеется, книга Лебре устарела, и мы считаем бесполезным указывать на те ошибки, которые в ней встречаются. По полноте материала, по добросовестности исследования, по верности понимания большинства затронутых автором вопросов,—мы имеем в виду вопросы нашей темы,—книга Лебре несомненно является одним из лучших произведений ранней буржуазной историографии Венеции, не исключая и ее лебединой песни «Гражданской и политической истории венецианской торговли», написанным в последние дни Венеции ее патрицем Карло Антонио Марином.

Сочинение это выходило уже после гибели Венецианского государства, начиная с 1798 г.²³ Автор признает, что его гидом при написании работы был Фоскарини, и что он широко пользовался трудами других венецианских историков, писавших по «государственному заданию». Правда, автор замечает, что делал он это «не без необходимой критики»²⁴, но она мало заметна при трактовке по крайней мере тех проблем, которые нас занимают.

«Гражданская и политическая история венецианской торговли» в действительности не есть только история торговли, но и политическая история Венеции в самом широком смысле этого слова. Марин из ранних венецианских историков несомненно является наиболее основательным и достоверным, хотя и он при написании своего труда пользовался только повествовательными работами своих отдаленных предшественников, начиная с Диякона Джiovанни, и почти не уделял внимания обширному документальному материалу венецианских архивов.

Не останавливаясь на многочисленных ошибках Марина в трактовке им частных проблем нашей темы, вроде преувеличенной оценки экспедиции Пьетро Орсеоло II, или изложения им истории ранних взаимоотношений Венеции с Дубровником²⁵, необходимо заметить, что он в общем довольно правильно наметил основные этапы становления Венецианской колониальной империи. Время Пьетро Орсеоло II, с именем которого связана первая попытка Венеции выйти за пределы лагун, он называет ее детством; время первого крестового похода он считает ее юношеским возрастом; время четвертого крестового похода — периодом возмужалости²⁶.

В XIX в. историография Венеции перестает быть преимущественно венецианской. Гибель республики не могла не повлечь за собою сокращение числа работ, посвященных ее истории, а общий подъем буржуазной исторической науки в Европе способствовал появлению ряда сочинений на разных языках, авторами которых были или иностранцы, или итальянцы не венецианского происхождения. Это относится, в первую очередь, к первой половине XIX в., но в известной мере справедливо также и для второй половины этого столетия, если иметь в виду только крупные монографии, а не отдельные статьи в специальных журналах.

Дальнейшее развитие капитализма способствовало, как известно, росту националистических тенденций и стремлению к воссоединению в тех странах, которые все еще пребывали в состоянии унаследованной от феодализма раздробленности. В Италии эти тенденции приводят к сглаживанию противоречий и неприязни, разобщавшей ранее отдельные города и государства, к замене местного—венецианского, генуэзского, пизанского, миланского, тосканского и всякого иного «патриотизма» чувством общенациональной солидарности. Пизанец Фануччи одинаково противопоставляет все три «знаменитых морских народа»—венецианцев, генуэзцев и пизанцев—всем италиянцам,—грекам, арабам и туркам²⁷. Автор «Новой истории Генуэзской республики» Микеле Джузеппе Канале, полемизируя с Никитой Акоминатом и Киннамом, как известно не особенно лестно отзывавшимися о «латинянах», не жалеет красок для того, чтобы показать ничтожество византийцев, доблесть, благоразумие, благородство, простоту и правдивость венецианцев, пизанцев и «всех вообще италиянцев того времени»²⁸. Таким образом, тенденции, которые в XVIII в. лишь намечались, например в сочинении Филиаси, для которого славяне были лишь варварами²⁹, нашли теперь свое полное выражение.

Италийнская историография в начале XIX в. не дала ничего ценного по истории Венеции. Труд Курти, написанный на французском языке, ставил своею задачей ознакомление широкой европейской публики с основными фактами истории и государственного устройства сошедшей с исторической сцены республики. Он не прибавляет ничего нового к разработке интересующих нас вопросов и повторяет прежние ошибки³⁰. Упомянутое выше сочинение Фануччи, отводящее истории венецианцев, генуэзцев и пизанцев в период от начала до середины XIII в. первые два тома, также дает сравнительно очень мало нового. Заслуживают внимания лишь те страницы, где автор опирается на материалы, извлеченные им из архива Флоренции. Проблемы венецианской колониальной и торговой экспансии трактуются автором без надлежащего уважения к исторической истине. Помимо старых ошибок, мы находим здесь ряд новых, вроде странного рассуждения об оживленной торговле итальянских городов на Черном море с татарами еще в XII в.³¹. Состав венецианских колониальных владений и

сфера венецианских торговых интересов изображаются в самых общих чертах и с пренебрежением к динамике этого вопроса³². Некоторые важные проблемы венецианского колониального господства оставляются без внимания—укажем в качестве примера на вопрос о борьбе Венеции за Далмацию против славян и т. д.

Во втором десятилетии XIX в. начала выходить обширная «История Венецианской республики» Дарю. Работа эта принадлежит перу политического деятеля наполеоновской Франции. Трактруя проблемы венецианской истории в духе Ложье, бонапартист Дарю стремится оправдать политику Наполеона по отношению к Адриатической республике.

В течение нескольких лет Дарю выпустил семь томов, из которых последний представляет собою частию информацию об источниках по истории Венеции, частию выдержки из некоторых из них. Однако, сочинение Дарю в совершенно недостаточной степени отразило на себе осведомленность автора в области источников по избранной им теме: оно написано не на основании кропотливой работы в архивах, а преимущественно на основании существовавших тогда печатных изданий. Достаточно указать, что одним из главных источников его при написании им разделов, посвященных XI, XII и XIII вв. истории Венеции, было сочинение Сабеллико, на основании которого Дарю пишет не только там, где он на него ссылается, но не редко и там, где он таких ссылок не делает³³.

Необходимо отметить вместе с тем и крайнюю неравномерность в трактовке отдельных периодов: из шести томов только один уделен истории Венеции на протяжении первых восьми столетий ее существования, тогда как истории последних трех с половиной столетий отведено пять томов. Это, впрочем, также определяется подходом автора к имевшимся в его распоряжении источникам.

Сочинение Дарю надо признать в настоящее время совершенно устаревшим, и нет необходимости останавливаться на многочисленных ошибках, которые в нем встречаются. Дарю интересуется преимущественно политической историей, вследствие чего очень важные вопросы колониальной политики или вовсе оставляются без внимания, или трактуются очень поверхностно: хрису-вулу императора Алексея от 1082 г., открывающему со-

бою новую эпоху в истории венецианской экономики, отведено только шесть строчек³⁴. Самый состав Венецианской колониальной империи определен без достаточного внимания к деталям вопроса и умения разобраться в этих деталях³⁵. Односторонность в использовании источников заставляла Дарю беспомощно опускать руки даже там, где он чувствовал необходимость критической проверки известий венецианских историков и анналистов. Изложив историю экспедиции Пьетро Орсеоло II и справедливо заподозрив достоверность полученных им от венецианцев сведений, Дарю пишет: «Их рассказ мне кажется неправдоподобным..., но в моем распоряжении нет документов, которые я мог бы противопоставить венецианским историкам», и он вслед за Сабеллико покорно рассказывает о назначении на пост венецианского комитета в Дубровник сына дожа, Отто, который не особенно задолго перед тем вышел из пленок³⁶.

Ни в каком отношении не выше труда Дарю стоит произведение другого француза, вышедшее в 1847 г., сочинение Леона Галибера, названное им также «Историей Венецианской республики»³⁷. Сочинение это значительно меньше по своим размерам и состоит из одного, правда довольно объемистого, тома. Оно рассчитано на широкую публику, и автор не считал необходимым объяснять, откуда он заимствовал те или другие приводимые им сведения.

Эта книга распространила не мало превратных сведений по интересующим нас вопросам. Мы узнаем из этого сочинения, что накануне похода Пьетро Орсеоло к далматинским берегам в Далмации образовалось «нечто вроде лиги» для «более эффективного противодействия непрерывным нападениям» славянских пиратов; для того, чтобы придать большую устойчивость этой «конфедерации» и «большую концентрацию их рассеянным силам—узнаем мы далее—города предложили Венеции стать во главе их»; здесь же сообщается далее, что Пьетро Орсеоло согласился на это под условием, чтобы «магистраты союзных городов» принесли присягу на верность республике и чтобы их войска выступили против общего врага под венецианским знаменем; здесь же, наконец, Задар назван «древнейшим союзником» Венеции, а победа дожа представляется, как заключительный момент борьбы, «которая длилась более полутора-ста лет»³⁸.

Галибер всерьез принимает сообщение Барбаро о том, что венецианцы хотели перенести столицу созданной им империи с берегов Адриатики на берега Босфора³⁹. Специфически католический оттенок чувствуется в сообщении, что стесненный в средствах император Латинской империи Балдуин II заложил венецианцам «терновый венец Иисуса Христа, еще запятнанный его кровью»⁴⁰. Можно подумать, что перед нами не сочинение XIX в., а труд какого-нибудь монаха раннего средневековья.

Из сочинения Галибера нельзя получить истинного представления ни о составе, ни тем более об организации Венецианской колониальной империи.

В промежуток времени между выходом в свет трудов Дарю и Галибера было издано в Дрездене в небольших пяти томиках сочинение Фердинанда Филиппи⁴¹. Эта работа представляет собою добросовестную компиляцию вышедших до того времени различных трудов по истории Венеции. Сочинение рассчитано на широкую читающую публику и очень кратко: вся история Венеции от начала по XIII столетие дана автором на 142 страницах первого тома. При такой трактовке сложных исторических проблем неизбежны такие «обобщающие» суждения, как замечание Филиппи о походе Витале Микьеле после событий 1171 г.: «Он обратился сначала против Дарданелл, осаждал и разрушил до основания Трогир и Дубровник»...⁴². Здесь в немногих словах сказано очень много неверного или неточного.

Революционные события 1848 г. и предшествовавшее им движение вызвало к жизни значительное итальянское сочинение по истории Венеции первой половины XIX в., «Историю Венецианской республики» Джузеппе Капелетти, которая уже упоминалась нами выше.

Оба первые тома «Истории» Капелетти вышли в 1848 году. Предисловие писалось в то время, когда на мгновение воскресла Венецианская республика, и автор имел возможность посвятить свой труд тогдашнему ее президенту Даниеле Маннину⁴³.

Автор—венецианский священник. Его позиция—позиция неогвельфизма,—он хотел бы видеть Венецию в качестве одной из республик большой итальянской федерации городов под папским верховенством. Он в то же время и националист. Для него французы времен наполеоновских походов—«северные варвары», разру-

шившие прекрасную Венецианскую республику⁴⁴. Славяне, позволившие себе отстаивать свою независимость перед лицом Адриатического Карфагена, трактуется им как «варварская орда»⁴⁵, король хорватский Крешимир именуется «главарем свирепых горцев»⁴⁶.

Капелетти «написал» на своем историческом знамени истину, одну только истину,—он не ручается, что напишет хорошую историю, но уверен в том, что пишет историю правдивую⁴⁷. Его «объективизм» должен идти настолько далеко, что «выясняя причину войны—по его мнению—не следует одобрять ее как справедливую, ни порицать, как несправедливую»⁴⁸. Но, разумеется, его национализм, его неогвельфские убеждения и священнический сан не позволили ему удержаться на столь торжественно декларируемых высотах истины. К тому же, обширные венецианские архивы, с которыми он несколько знакомит читателя, использованы им в прискорбно малых размерах. Мы увидим это далее.

Автор делит венецианскую историю несколько необычно на три таких периода: республику демократическую, республику аристократическую, республику, поработленную иноземным господством, и думает, что Венеция с 1848 г. вступила в четвертый период своей истории,—республики народной демократической⁴⁹. Бесплезно оспаривать эту «периодизацию».

Интересующие нас проблемы разработаны автором в конце второй и третьей книг его труда.

Первое выступление Венеции на пути расширения сферы ее политического влияния, поход Пьетро Орсеоло II, превращается у него в «завоевание Истрии и Далмации», причем он с негодованием отвергает подозрения Дарю относительно истинного характера подчинения далматинских городов⁵⁰. В истории крестовых походов Венеции, по его мнению, не достает не славных подвигов, а известий о них⁵¹. Четвертый крестовый поход, оказывается, был ничем иным, как «защитой невинности, помощью скорбящим, мщением за самую несправедливую узурпацию»⁵².

Автора не особенно интересуют основные экономические и политические проблемы рассматриваемого им времени: знаменитому хрисовулу Алексея I он отводит только четыре строчки⁵³, венецианские владения после четвертого крестового похода изображает кратко и отчасти неверно⁵⁴; но как священник, Капелетти серьезно

интересуется захваченными в Византии реликвиями, и спором из-за мощей св. Николая объясняет происхождение первого столкновения венецианцев с пизанцами в 1099 г.⁵⁵

Восстания Задара Капелетти объясняет не политическим и экономическим гнетом дорогой для него Венецианской республики, а посторонними влияниями—хорватов в XI в., венгров в XII в.—и легкомыслием жителей—во всякое время⁵⁶. Единственной причиной войн Венеции с Падуей и Тревизо в начале XIII в. Капелетти считает ссору из-за «замка любви»⁵⁷. Стремление прославить свое отечество и антигибеллинские чувства приводят автора к доказательствам достоверности еще Санди отвергнутой легенды о битве при Сальворе, в которой 30 венецианских кораблей будто бы победили 60 императорских, причем он не останавливается перед необходимостью в этом случае отвергнуть авторство Ромуальда Салернского в отношении носящей его имя хроники⁵⁸. Целых 22 страницы заполняет он неуверительной полемикой с авторами, отвергающими эту легенду⁵⁹.

Колониальными делами Венеции Капелетти интересуется постольку, поскольку республика вела за обладание ими войны с соседями или с населением захваченных территорий. Он сравнительно подробно повествует о делах на Крите, но не вникает вглубь событий, занимая читателя лишь военными подробностями. Справедливость требует, однако, отметить, что в этой борьбе он вполне резонно усматривает со стороны греков борьбу за свободу⁶⁰.

Такая трактовка занимающих Капелетти проблем объясняется, между прочим тем, что он использует почти исключительно источники повествовательного характера или труды своих предшественников, в частности Марина. Проблема образования Венецианской колониальной империи разработана им совершенно недостаточно как со стороны своего объема, так и в особенности со стороны анализа взаимоотношений метрополии со своими колониями,—важнейшие вопросы экономической и социальной политики Венеции в колониях, можно сказать, не затрагиваются им вовсе.

Сочинение Капелетти является последним большим произведением венецианской историографии в первой половине XIX в. Во второй половине этого века венеци-

анская история все в большей и большей степени делается предметом изучения всех европейских наций. Рядом с большим числом научных произведений появляется значительная популярная литература для нужд туристов, устремляющихся массами в знаменитый город на лагунах. Разрабатываются отдельные вопросы венецианской истории в исторических журналах Европы, появляются монографии, издаются обобщающие работы. Возрастает интерес к экономическим проблемам венецианской истории. В соответствии с требованиями техники позитивистского направления в буржуазной историографии шире используются архивные данные, что облегчается систематическим изданием их в различных странах.

Первое место здесь, естественно, принадлежит Италии. В этой стране, если называть только наиболее значительные работы, выходят в это время труды Романина, Мольменти, Чекетти, Музатти, Баттистелли, Манфрони. Вокруг «Венецианского Архива» и издательства источников по «Отечественной истории» группируется ряд не менее известных имен — Пределли, Баракки, Джо-мо, Росси и др.

Вторая половина XIX в. в итальянской историографии Венеции открывается обширными штудиями триестского еврея Самуила Романина. Его многолетние занятия венецианской историей нашли себе выражение в обширной «Документированной истории Венеции» в 10 томах, начавшей выходить с 1853 г.⁶¹ Краткое обобщение основных выводов по истории Венеции сделано было потом Романином в курсе лекций, прочитанных им в конце 50-х годов и изданных позднее под заглавием: «Лекции по истории Венеции»⁶².

Труд Романина стоит вполне на уровне современной ему позитивистской буржуазной исторической науки. Свою задачу историка он понимает очень широко: «История народа, — пишет он в предисловии к своему главному труду, — складывается не только из войн, политических событий и генеалогий, но ее существеннейшими частями являются данные относительно управления, морального и интеллектуального движения, промышленности и торговли, изящных искусств и литературы, а также связи всего этого с религией»⁶³. Это, конечно, идеалистическое понимание исторического процесса, и Романин не видит главного содержания истории, классовой борьбы; но его труд во многих отношениях представляет собою боль-

шой шаг вперед по сравнению с трудами его предшественников.

Среди достоинств его работы следует указать, прежде всего, на то, что «Документированная история Венеции» является таковой не только по названию. Романин много и долго работал в венецианских архивах и не только довольно широко использовал изученные им материалы—дипломы, договоры, надписи,—но и дал значительное их количество в приложениях к своему труду. Он обычно, хотя и не всегда, критически подходит к своим источникам, стремится точно установить факты и посылить правильно истолковать их. Кроме того, размеры его труда позволяли ему трактовать достаточно подробно о всех известных фактах и событиях из истории Венеции. Неудивительно, что для историков последующего времени Романин служил основным пособием при выполнении ими своих работ,—в особенности это относится, конечно, к авторам популярных работ по истории Венеции, как англичанин Окей, например⁶⁴. Без преувеличения можно сказать, что «Документированная история Венеции» Романина и до сих пор является едва ли не лучшей историей Венеции, написанной на итальянском языке. Ей, по крайней мере, чужды те империалистические устремления, которые свойственны новейшим итальянским работам по интересующим нас вопросам.

Для Романина ясна также и важность проблем колониальной истории Венеции. Он ставит своей задачей связать общую историю республики с «историей подчиненных ей провинций и, рассказывая об их приобретении, не умалчать о законах и формах управления ими»⁶⁵.

В какой степени удалось Романину разрешить поставленную им себе в этой области задачу?

В качестве общего ответа на этот вопрос следует указать, что эта часть его работы удалась ему всего менее. Пренебрежение к славянским источникам не позволило ему правильно оценить обычную венецианскую традицию относительно первого появления венецианцев в Далмации. Поход Пьетро Орсеоло он излагает по установившемуся трафарету⁶⁶, но правильно отмечает, что венецианцы извлекали разнообразные экономические выгоды из факта своего проникновения в города Далматинского побережья⁶⁷. В соответствии с установив-

шейся традицией изображается им борьба Венеции за Далмацию со славянами и венграми. История приобретений Венеции на Сирийском побережье, поскольку они связаны с военными операциями, в основном освещаются правильно, хотя автору, по-видимому, остался неизвестным главный источник по истории первого венецианского крестового похода, т. е. «Перенесение мощей св. Николая» венецианского анонима⁶⁸. Неправильно освещаются взаимоотношения Венеции с Византией в последние годы правления императора Мануила⁶⁹. Четвертый крестовый поход мотивируется, между прочим, желанием со стороны Венеции отомстить за события 1171 г.⁷⁰, а территориальные приобретения Венеции в результате этого похода преувеличиваются и отчасти изображаются неверно,—таковы, например, указания на Спорады, берега Черного моря и т. д.⁷¹. Надлежащего анализа состава венецианских колониальных владений у Романина нет, равно как недостаточно ясно изложены и методы управления, и колониальная политика Венеции. Романину не чуждо также стремление изобразить иногда поведение венецианцев в несколько более выгодном свете, чем оно того заслуживает; это касается, в частности, его замечаний относительно роли венецианцев в истории разгрома Константинополя в 1204 г.⁷².

После выхода в свет труда Романина некоторое время мы не видим появления в Италии новых обобщающих работ по истории Венеции, если не считать поверхностной компиляции Фонтана, многочисленные ошибки которой указаны в «Венецианском Архиве»⁷³, «Хронологической таблицы Венецианской истории» Цанотто, не отличающейся ни полнотой, ни точностью⁷⁴. Напротив в это время усиленно разрабатываются разнообразные частные проблемы венецианской истории. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, многочисленные труды Чекетте и Мольменти⁷⁵.

И основные труды этих авторов и их статьи по отдельным вопросам лежат в общем вне сферы занимающих нас проблем, тем не менее они имеют значение при разрешении отдельных частных вопросов, что, впрочем, относится к трудам только первого из них. Большая работа Мольменти, хотя и затрагивает много важных вопросов из истории Венеции, как социальные проблемы, цеховые организации, вопросы торговли и промышленности, тем не менее не может быть с пользой

привлечена для их разрешения, так как представляет собою в большей своей части заимствования у других авторов. Мольменти при этом совершенно беспомощен в разрешении социальных проблем,—достаточно указать на его представление об общественном классе, позволяющее ему делить венецианское общество на «четыре класса»—магистратов(?), знать, клир и народ(?)⁷⁶. Неудивительно после этого, что он в другом своем труде, не заслуженно переведенном на русский язык, явления ожесточенной классово-буржуазной борьбы в начальном периоде истории Венецианской республики объясняет следующим образом: «Смуты и беспорядки в начале ее исторического существования говорили об избытке силы, о настойчивой потребности в деятельности, о том беспокойстве, которое стремится создать порядок из безурядицы и волнений»⁷⁷.

Работы Чекетти, касающиеся самых разнообразных вопросов внутренней и внешней истории, представляют для нас интерес во многих отношениях, однако ценность их снижается тем, что они в значительной степени устарели. Укажем для примера на его статьи по вопросам промышленности в Венеции в XIII в.⁷⁸, или две его работы, посвященные «Жизни венецианцев» этого же времени⁷⁹. Первое из этих сочинений не отражает материалов по истории венецианских цехов, опубликованных Монтиколо, вторые в значительной мере обесценены упоминавшимся выше изданием документов по истории венецианской торговли⁸⁰.

В последней четверти XIX в. в Италии капитализм вступает в стадию империализма. В связи с этим появляются в буржуазной итальянской исторической литературе на смену неогибеллинским мотивам предшествующей четверти века⁸¹, мотивы империалистические. Венеция с ее обширными колониальными владениями оставила своему наследнику, Итальянскому королевству, немало территориальных претензий далеко за пределами Аппенинского полуострова. Ее история является обширным резервуаром, из которого, при некотором неуважении к истине, можно черпать аргументы в пользу самых смелых захватнических планов. Если историки более раннего времени, особенно феодального периода, выдвигали на первый план доблесть венецианского оружия и венецианские захваты оправдывали правом победителей, то теперь мы все чаще встречаем упор на «доб-

ровольность» подчинения, на культуру трегерскую роль венецианских плутократов в их обширных колониальных владениях. Можно сказать, что такое использование венецианской истории делается традиционным и уходит в фашистскую историографию XX в. При этом само собой разумеется, что историки, не согласные с такими взглядами, начиная со стариков Ложье и Дарю, объявляются клеветниками и фальсификаторами венецианской истории.

Уже первый вариант «Венецианской истории» Музатти, вышедший в 1881 г. под заголовком: «Венеция и ее завоевания в средние века», дает возможность проследить основные линии этого нового направления в венецианской историографии⁸². Перед экспедицией Пьетро Орсеоло II города Далмации и Истрии «умоляют» дожда о помощи и после экспедиции «добровольно» становятся под протекторат Венецианской республики. Клеветник тот, кто думает объяснить эту акцию Венеции как продиктованную «своекорыстными мотивами, вроде желания избавиться от беспокойных конкурентов; абсурдом является мнение, по которому помощь против нarentяньских пиратов была только благовидным предлогом для достижения этой эгоистической цели»⁸³. «Никакого завоевания не было, — заявляет Музатти, — дань была скорее символом федерации и дружбы, чем знаком вассальной зависимости»⁸⁴. Правда, такой концепции противоречат восстания Задара, но тут виновата не Венеция, а или славяне, или венгры, или сами задра-тинцы⁸⁵. Даже поход 1202 г. был вызван венгерским королем, и если взятием Задара ему был причинен ущерб, то и поделом ему... Это последнее соображение Музатти сопровождает замечанием: «что бы ни говорили об этом французские историки и их платиаторы»⁸⁶. В рассказе об участии венецианцев в крестовых походах автор приписывает им подвиги, которых они не совершали, — так, например, их помощь при взятии Тивериады в 1100 г.⁸⁷. Некрасивое поведение республики св. Марка во время борьбы Ломбардской лиги с Гогенштауфенами просто замалчивается, очевидно за невозможностью оправдать его какими-нибудь благовидными мотивами. При всем этом Музатти повторяет старые фактические ошибки венецианской историографии, дает очень бледное и поверхностное изображение восточной политики Венеции, и из его книги невозможно получить представ-

ления об организации управления Венецией ее колониальными владениями и об ее колониальной экономической политике, может быть потому, что ничего лестного для республики св. Марка в этом отношении сказать невозможно.

В этом же стиле написана и небольшая книжка Баттистелли, — «Венецианская республика», вышедшая в 1897 г.⁸⁸. О глубине понимания исторических проблем автора этой книги можно судить по его рассуждению о причинах, почему в истории Венеции «феодализм не оставил заметного следа». Оказывается, Венеция не была завоеванной страной и потому здесь не было победителей и побежденных, вследствие чего не могло быть «феодальной знати и класса вассалов и рабов»⁸⁹. Таким образом, автор конца XIX в. отбрасывает нас ко временам Буленвилье, к одной из «теорий» генезиса феодализма начала XVIII в. Книжка лишена научного аппарата и всякого научного значения, в частности, в разрешении интересующих нас проблем.

Во второй половине XIX в. французская историческая литература дала по истории Венеции сочинение Арменго, Ириарта, Валентена, Сержана⁹⁰. Из них для нас представляет интерес только книга первого, поскольку книга Ириарта трактует преимущественно проблемы искусства, а оба последних автора дают краткие популярные очерки венецианской истории. Книга Арменго посвящена истории взаимоотношений Венеции с Восточной империей со времени образования республики до взятия Константинополя в начале XIII в. Французская академия надписей и изящной литературы удостоила автора похвального отзыва. Для своего времени книга, быть может, и заслуживала этого; но в ней не мало таких положений, с которыми современный автор согласиться никоим образом не может.

Прежде всего, совершенно неприемлема основная концепция автора, по которой Венеция была неизменно благодетельницей Византии, за что та платила ей столь же неизменно черной неблагодарностью⁹¹. Еще большие сомнения вызывает другой тезис автора, в котором крестовые походы трактуются как дело благочестия⁹², хотя и сам он видит, что «в св. земле каждая венецианская экспедиция отмечается приобретением то гарантий, то привилегий»⁹³. В этом же роде звучит еще одно положение: «Венецианцы дошли до понимания выгоды

братства человеческого, предчувствовали солидарность народов»...⁹⁴.

Независимо от этого автор недостаточно критически относился к своим источникам и к работам своих предшественников: он верит самым подозрительным сообщениям поздних авторов, вроде назначения дожем Пьетро Орсеоло своих наместников в города Далмации⁹⁵, и покорно следует то за Романином, то за Дарютам, где их соображения нуждаются в серьезной критике⁹⁶. История сношений Венеции с Византией при императорах Мануиле и Андронике Комнинах изображены совершенно произвольно, причем в этом случае Арменго ввели в заблуждение византийцы⁹⁷.

На французском же языке еще в семидесятых годах вышло еще одно сочинение с претензией охватить на двух сотнях страниц всю историю Венеции,—это сочинение Стеена, вышедшее в Венеции⁹⁸. Совершенно непонятно для чего понадобилось автору хвастливое утверждение, что сведения, которые он черпал у Романина, Капелетти и других своих предшественников, он «проверял по подлинным грамотам, которые находятся в архивах»⁹⁹. В действительности — это поверхностная и часто весьма неточная компиляция для надобностей туристов. Интересами этой категории читателей определялся и круг тех вопросов, которыми занимается автор по преимуществу: о походе Пьетро Орсеоло он говорит в двух словах, о договоре Венеции с Алексеем I Комнином вообще ничего не говорит, но посвящает целые страницы «проблеме» обручения с морем¹⁰⁰. Книга, быть может, и не заслуживала бы упоминания, но она типична для большого числа подобных сочинений на разных языках. Назовем для примера книгу англичанина Кроуфорда, вышедшую уже в XX в.¹⁰¹, или уже упоминавшуюся выше книжку Окея.

Во второй половине XIX в. появились после длительного перерыва несколько новых немецких работ, посвященных истории Венеции. Не останавливаясь на небольшом компилятивном сочинении Билитцера¹⁰², не имеющем для нашей работы никакого значения, укажем на труды Кольшюттера, Гфререра и Цвиденек Зюденхорста, труды далеко неодинаковой ценности: если два первых представляют собою добросовестные самостоятельные исследования, то последний—претензионная компиляция, рассчитанная на широкую публику.

Сочинение Колшюттера—монография, посвященная истории Венеции при доже Пьетро Орсеоло II¹⁰³. Оно написано на основании серьезного изучения всех первоисточников, которые тогда, в шестидесятых годах прошлого столетия, были известны. Ее недостатки—недостатки позитивистской школы, к которой это произведение принадлежит. Для нашей работы оно не было бесполезным, хотя некоторые выводы автора и не могут быть приняты нами. К числу таких принадлежит, например, явно преувеличенное истолкование того значения, которое имел поход Пьетро Орсеоло II к Истрийским и Далматинским берегам в истории возникновения венецианского колониального могущества¹⁰⁴.

Такое же добросовестное и самостоятельное исследование представляет собою и сочинение Гфререра, посвященное ранней истории Венеции, от ее возникновения до конца большой войны с норманами в восьмидесятых годах XI в.¹⁰⁵. Книга появилась в свет после смерти автора, в 1872 г.

Автор — либерал и решительный противник неограниченной монархии. Восточная империя пала в результате деспотической формы правления, Рим пал по этой же причине, Венеция никогда бы не достигла своего величия, если бы дожам удалось добиться единовластия¹⁰⁶ — такова основная идея его труда. Несмотря на ограниченность его общеисторической концепции, Гфререр дал в своей книге ряд частных обоснованных выводов, собрал и систематизировал значительное количество материалов для освещения частных проблем. Он правильно, вопреки Капелетти, устанавливает, что выборы дожа никогда не были демократическими¹⁰⁷, хорошо освещает вопрос о венецианской торговле с Западом в раннее время¹⁰⁸, критически устанавливает факты войны с норманами и роль в ней Венеции¹⁰⁹, правильно определяет побудительные причины необычайного упорства, с которым республика вела эту войну в союзе с Византией¹¹⁰, основательно анализирует договор с Алексеем Комниным¹¹¹. Все это не значит, конечно, что можно согласиться со всеми частными выводами Гфререра. Несмотря на весь свой критицизм, в некоторых вопросах он идет назад по сравнению со своими предшественниками, воспроизводя уже опровергнутые ими свидетельства поздних источников,—так, например, его утверждение, что венецианские

«ректоры» появились в далматинских городах со времени Пьетро Орсеоло II, что этот последний получил на «овладение Далмацией» санкцию восточного императора и т. п.¹¹². Ошибочным надо признать и его общий вывод относительно характера взаимоотношений, существовавших между Венецией и Византией вплоть до времени Алексея Комнина. Гфререр на протяжении всей своей книги доказывает, что Венеция все это время находилась в зависимости от Восточной империи, составляя ее часть, что дожи нуждались в утверждении базилиевсов и т. д.¹¹³. Еще в восьмидесятых годах прошлого столетия этот взгляд был назван «важнейшим дефектом» труда Гфререра¹¹⁴. Можно было бы возражать также против ряда других взглядов: он преувеличивает степень церковной зависимости Истрии от патриарха Градо, без достаточных доказательств говорит о представительстве Венеции в Константинополе, наделенном правами экстерриториальности и т. п.

Сочинение Гфререра, конечно, в некоторых своих частях устарело, в основных своих концепциях ошибочно, но оно сохраняет известное значение и в настоящее время.

Этого нельзя сказать о книге Цвиденек Зюденхорста. Сочинение его, озаглавленное «Венеция как мировая держава и мировой город», представляет собою небольшое хорошо изданное произведение для широкой публики¹¹⁵. Интересующие нас вопросы автором затронуты далеко не все, а затронутые изложены очень кратко и не всегда правильно¹¹⁶. Цвиденек Зюденхорст не смог обойтись без расистской теории, подчеркивая «неполноценность» славянской расы: «Если нужны доказательства того,—пишет «ученый» немецкий профессор,—что не все нации равноценны, что их значение для развития человечества представляет собою различную величину, а поэтому заслуживает и различной оценки, то нужно только бросить непредубежденный взгляд на культурную историю балканских народов, чтобы убедиться в этом с полной ясностью»¹¹⁷. Фактическая аргументация этой «философии» у автора очень незатейлива: славянские народы, жившие гораздо ближе к Византии, чем Венеция, не смогли завоевать этого города, а венецианцы оказались в состоянии сделать это — вот и все¹¹⁸.

Никакого научного значения книжка Цвиденек Зюденхорста не имеет.

В исторической литературе на английском языке во второй половине XIX в. могут быть отмечены сочинения американца Шора и англичанки Олифэнт¹¹⁹. О работе первого, как впрочем и второй, говорить много не приходится. Шор излагает всю историю Венеции от начала до 1866 г. на 246 стр., причем вопросы колониального господства Венеции, равно как и вопросы промышленности и торговли не затрагиваются вовсе, а другие вопросы трактуются не только поверхностно, но нередко и превратно. Миссис Олифэнт—завзятая туристка и написала свою работу для туристов. Она назвала ее «Творцы Венеции», каковыми, по мнению миссис Олифэнт, являются «дожи, завоеватели и печатники». Нечего говорить о том, что она заботится не о точности, а о занимательности изложения. Никакого научного значения ни та, ни другая работы не имеют.

Далее мы должны назвать сочинения Хэззлита и Бруна.

Так как Хэззлит «с улыбкой вспоминал» потом о своем труде в первом его издании—так он казался ему несовершенным,—то мы остановимся на втором его исправленном и улучшенном варианте.

Сочинение Хэззлита «Венецианская республика, ее возникновение, рост и падение» прекрасно издано в двух томах в 1900—1902 гг.¹²⁰.

Автор не особенно разборчив в выборе источников для своего труда: он использует для его написания такие вещи, как трагедия Франческо Контарини «Исаччо», написанная в начале XVII в., трагедия Личьо Антонио Бальди под заглавием «Алексей Комнин или венецианцы в Константинополе», относящиеся к концу XVIII в.¹²¹, и пренебрегает основным документальным материалом по истории венецианской экспансии, подобранным, например, Тафелем и Томасом. Едва ли можно признать правильным также широкое использование весьма почтенных, но несомненно устаревших трудов Гиббона и Лебо¹²².

Такая организация работы привела автора к грубейшим фактическим ошибкам и искажениям. Чего стоят, например, такие вещи, как заявление, что дож Пьетро Орсеоло, догат которого приходится на 991—1009 гг., заключил договор с крымским ханом¹²³, что «в 1185 г. узурпатор (Андроник Комнин) был поражен кинжалом своим родственником Исааком Ангелом»¹²⁴, или утвер-

ждение, что царевич Алексей, уговаривавший крестоносцев постоять за погрязшие права его и его отца, обещал венецианцам 200 тыс. марок серебра и погашение долга по убыткам, нанесенным Венеции императором Мануилом¹²⁵, причем эти 200 тыс. представляют будто бы разницу между 1,5 милл. марок, обещанных Мануилом, и 1,3 милл. марок им будто бы выплаченных и т. д.¹²⁶ Все это—чудовищные измышления, которые можно было позаимствовать только из драм и трагедий XVII и XVIII вв. Необходимо указать, что автор недостаточно тщательно оформлял имевшиеся в его руках материалы, впадал в противоречия с самим собой: на стр. 288 раздел империи осуществляет комиссия из 12 членов, по шесть от обеих сторон, участвовавших в разделе, а на стр. 300 та же комиссия фигурирует в составе, как это и было в действительности, уже 24 членов,—очевидно, что комиссия по выборам императора спутана с комиссией по разделу империи и т. п.

Автор находится в плену у венецианцев анналистов. Он совершенно не в состоянии возвыситься над сугубо венецианской точкой зрения на излагаемые им события: разбойничий налет венецианцев вместе с авантюристами четвертого крестового похода на несчастный Задар в 1202 г., в пятый раз попытавшийся вырваться из когтей крылатого льва св. Марка, дает Хэзлиту случай высказать такие «мысли»: «Это было пятое восстание Задара в течение полутора века. Каждое из них отмечалось благородством со стороны республики и изменнической неблагодарностью ленного города»¹²⁷. Ужасающий разгром Константинополя, произведенный крестоносной бандой в 1204 г., о котором «скромно» умалчивают венецианские повествователи о событиях вроде автора «Истории дождей венецианских», или говорят мимоходом, как «Хроника Дандоло», приводит английского историка к такому заключению: «Вожди... использовали все средства, какие были в их власти, для того, чтобы... смягчить ужасы долгой (?) осады и тяжело добытой победы»...¹²⁸.

При таком выборе и отношении к источникам, трудно было бы ожидать со стороны автора «Венецианской республики» правильного освещения вопросов о составе и организации венецианских колониальных владений после четвертого крестового похода... и действительно:

первый из этих вопросов освещается неправильно¹²⁹, а второму вовсе не отводится надлежащего места.

Все это дает основание сделать следующий общий вывод: сочинение Хэззлита, несмотря на свои внушительные размеры, не дает правильных и достаточно развернутых ответов на вопросы интересующей нас темы и во втором, «улучшенном», своем издании.

Первое издание сочинения Броуна относится к 1892 г. Через три года оно вышло вторым изданием. «Очерк истории Венецианской республики»¹³⁰, значительно серьезнее произведения Хэззлита, но также не отличается необходимой тщательностью исследования, которую мы отмечали в работах Кольшюттера или Гфререра. Книга лишена научного аппарата, и нередко бывает трудно установить, откуда почерпнул автор то или иное свое сообщение. Список источников и пособий, приведенный автором, сделан по Чиконье и Соранцо. Из произведения Броуна не видно, чтобы он использовал всю приведенную им литературу.

Интересующие нас проблемы в книге Броуна освещаются очень кратко или совсем остаются незатронутыми,—укажем для примера на вопрос о разделе Византийской империи после четвертого крестового похода¹³¹, на вопросы организации управления и экономической политики в колониях и т. д. Есть немало сомнительных и прямо неверных утверждений. К числу таких относится, например, возложение ответственности за столкновение венецианского и пизанского флотов у берегов Родоса в период первого крестового похода на императора Алексея I, или сообщение о правах Венеции на Солунь, купленных будто бы у Бонифация Монферратского вместе с Критом¹³². Едва ли следовало также поддерживать старую версию оговоре венецианцев с Малек-Адилем в период четвертого крестового похода, как это делает Броун¹³³.

В своем более позднем очерке истории Венеции, написанном для «Кэмбриджской средневековой истории»¹³⁴, Броун дает очень сжатое изложение основных фактов преимущественно внешней истории Венеции до четвертого крестового похода. Интересующие нас вопросы рассматриваются здесь очень бегло и со значительными пропусками,—это касается, в частности борьбы Венеции с венграми за Адриатическое побережье, отношения истрийских и далматинских городов к венециан-

ской супрематии, сети венецианских фондако в Африке, в Сирии и владениях Византии. Очерк венецианской истории в «Кэмбриджской средневековой истории» основан на гораздо более серьезном изучении источников и литературы предмета, чем рассмотренный нами выше труд Броуна, тем не менее и здесь не обошлось без некоторых фактических ошибок, как мелких, так и более значительных: Венеции приписывается война в союзе с королем Сицилии против Византии в 1185 г., тогда как венецианцы такой войны не вели; мотивом этой войны выставляется месть венецианцев за события 1182 г. в Константинополе, тогда как для венецианцев, по крайней мере, такого мотива существовать не могло, так как во время этих событий они не пострадали, а воевать из мести за обиды, причиненные не им, расчетливые политики св. Марка обыкновения не имели.

XX столетие принесло с собой торжество империализма и дальнейшее обострение классовой борьбы на фоне всеобщего кризиса капитализма. В буржуазной историографии усилились тенденции «обосновать» исторически извечность или по крайней мере большую древность капиталистических отношений, усилилось стремление всячески затушевать классовую борьбу. Эти тенденции достаточно отчетливо выступают и в трудах новейших историков Венецианской республики. В работах итальянских историков они, кроме того, усиливаются империалистическими аспирациями, направленными в сторону славянских земель и Албании.

Среди общих сочинений по истории Венеции в XX в. мы остановимся еще раз на работе итальянца Музатти и новейшей работе Роберта Чесси, на небольшой книге Шарля Дилля и Огюста Балби, на двухтомной работе англичанина Ходгсона и капитальном труде немца Кречмайра.

Музатти не внес существенных изменений в свое вышедшее в начале восьмидесятых годов и уже рассмотренное нами произведение. Судя по четвертому изданию его «Истории Венеции», вышедшему в Милане в 1936 г.¹³⁵, он только усилил те империалистические мотивы, которые мы уже отмечали выше. Он теперь считает возможным усмотреть в действиях Венеции во время борьбы Ломбардской лиги против Фридриха Барбароссы, о которых он в первом своем труде умалчивал, действия патриотические и национальные, — оказывается,

«только Венеция... поддерживала в живых священный огонь любви к отечеству и национальное чувство»¹³⁶. Как известно, члены Ломбардской лиги и умиравшая от голода осажденная венецианцами и Христианом Майнцским, канцлером Барбароссы, Анкона смотрели на «патриотическую» деятельность республики св. Марка иначе. Музатти попрежнему маскирует эгоистическую и эксплуататорскую политику Венеции в Истрии и Далмации нарочито придуманным им термином «морской юрисдикции»¹³⁷, не давая себе труда заглянуть во многочисленные «договоры» Венеции с Задаром и Дубровником, не желая также и познакомить с ними читателя. Музатти повторяет свои прежние фактические ошибки и совершенно напрасно уверяет, что он пишет по источникам. Он пишет, например, что в договоре о разделе империи между участниками четвертого крестового похода была выделена часть маркиза Монферратского¹³⁸, что было бы совершенно невозможно, если бы автор действительно видел и читал этот договор. В новом издании усилен также элемент занимательности рассказа, в угоду чему важные исторические проблемы оставлены без внимания, а романической истории Бьянки Капелло отведено несколько страниц¹³⁹. Труд Музатти от этого в научном отношении выиграл мало.

Двухтомная «История Венецианской республики» Роберто Чесси, второй том которой вышел после второй мировой войны¹⁴⁰, в некоторых отношениях может быть признана типичным образцом буржуазной историографии эпохи всеобщего кризиса капитализма. Путем препарирования одних фактов, намеренного умолчания о других Роберто Чесси пытается изобразить процесс исторического развития Венецианской республики как процесс эволюционный, которому чужды серьезные социальные конфликты¹⁴¹ и вместе с тем он всячески стремится «обосновать» старые претензии Италии в отношении приадриатических земель на Балканах¹⁴².

Чесси — большой знаток того дела, за которое он взялся, — об этом говорят его многочисленные статьи по различным вопросам истории Венеции и некоторые его издания первоисточников по этой истории; однако его политические симпатии лишили его возможности трактовать проблемы венецианской колониальной экспансии и венецианской колониальной политики действительно объективно. По этой причине венецианские захваты на

Далматинском побережьи Чесси трактует как «освобождение» городов от славянского варварства¹⁴³; взаимоотношения Венеции с подчиненными ей городскими республиками на восточном берегу Адриатики он изображает как отношение добровольного подчинения к их собственной выгоде¹⁴⁴; многократные попытки населения захваченного Венецией Крита и далматинских городов, и особенно Задара освободиться от венецианского господства объясняются исключительно посторонними влияниями, — в Задаре — венгров, на Крите — сначала генуэзцев, потом Никеи, еще позже Константинополя¹⁴⁵. Склонный всемерно обелять политическую деятельность республики на лагунах, Чесси участие Венеции в первом крестовом походе изображает как дело благочестия и повторяет ранее его высказанную несообразность, будто единственным результатом венецианского похода к берегам Сирии в 1100 г. было приобретение «мощей» св. Николая и некоторых других «святых»¹⁴⁶.

При всем этом справедливость требует признать, что там, где не затрагиваются социальные или политические симпатии автора, он правдив и точен, — у него нельзя встретить в таких случаях тех ошибок, которые мы отмечали у ряда его предшественников. Работа Чесси лишена научного аппарата, но в тех строках, где он действительно хочет быть правдивым, чувствуется или непосредственное знакомство с источниками, или критическое освоение специальной литературы по отдельным вопросам. Для примера можно указать на данное им описание государственного устройства Венецианской республики, в особенности венецианской магистратуры¹⁴⁷. Это описание в существующей исторической литературе, несомненно, является наилучшим.

Французские работы Шарля Дилия и Огюста Бальи — первая вышла в 1916 г., последняя 14-м изданием в 1946¹⁴⁸ — представляют собою популярные сочинения, сравнительно незначительные по количеству имеющих в них страниц. Оба автора стремились дать историю Венеции в ее полном объеме, вследствие чего «второстепенные» проблемы, как проблема создания Венецианской колониальной империи и вопросы венецианской колониальной политики, освещаются в них лишь очень бегло или игнорируются вовсе.

Несмотря на то, что книга Шарля Дилия не свободна от некоторых фактических ошибок, вроде утверждения,

что от константинопольского подеста в зависимости находились шателены Корона и Модона, байло Негропонта и даже дука Кандии, или датировки возвращения венецианцев в Константинополь при Палеологах только в 1277 г.¹⁴⁹, несмотря на то, что автор не смог обойтись без того, чтобы не выставить в высшей степени сомнительного тезиса о том, что будто бы не было ни одного такого венецианца, у которого не было бы собственности, или что социальные кризисы в Венеции были неизвестны¹⁵⁰, книга Шарля Диля является лучшим популярным сочинением по истории Венеции во всей популярной буржуазной литературе по истории Адриатической республики.

Этого нельзя сказать о сочинении Балли. Последнее в той его части, которая относится к нашей теме, не лишена серьезных фактических ошибок. Укажем для примера на утверждение автора, что папский легат «благословил» авантюристов четвертого крестового похода на их «подвиги» под Задаром¹⁵¹, или—на другое утверждение, согласно которому при разделе империи после четвертого крестового похода венецианцы получили торговые порты на Черном море¹⁵², или, наконец,—на совершенно ошибочную трактовку вопроса о взаимоотношениях между венецианскими цеховыми организациями и государством,—Балли сильно преувеличивает их автономность¹⁵³.

По совокупности всех этих причин ни та, ни другая французские работы не представляют с точки зрения нашей темы серьезного интереса.

Книги англичанина Ходгсона вышли в первом десятилетии текущего столетия—«Ранняя история Венеции» в 1901 г. и «Венеция в XIII и XIV вв.» в 1910 г.

Ходгсон—идеалист и склонен малыми причинами объяснять большие исторические следствия¹⁵⁵. Он плохо разбирается в вопросах классовой борьбы¹⁵⁶ и к тому же настроен антидемократически¹⁵⁷. Все это говорит не в пользу его книг. Тем не менее они представляют собою плод самостоятельного изучения по крайней мере важнейших источников по истории Венеции, большая часть его выводов документирована, хотя он и не всегда достаточно критичен по отношению к имевшимся в его руках материалам¹⁵⁸.

Процесс образования венецианской колониальной империи изображается им попутно, в связи с события-

ми внутренней истории республики, причем уделяется этому вопросу не всегда достаточное внимание. Большая проблема раздела Византийской империи и доставшихся Венеции владений трактуется поверхностно, без анализа относящихся сюда документов, вследствие чего автор идет здесь старыми проторенными путями без попытки критической их проверки¹⁵⁹.

Дальнейшие судьбы Венецианской империи, т. е. колониальных владений Венеции, интересуют Ходгсона в гораздо большей степени, чем упоминавшихся выше английских его предшественников. Однако Ходгсон занят исключительно внешней историей венецианских колоний, не уделяя их внутренней жизни и взаимоотношениям с метрополией даже того внимания, которого прямо требовали имевшиеся в его руках документы и материалы. Чтобы не быть голословным, укажем на донесение венецианского байло в Сирии Марсильо Джорджио, которое несомненно было в руках Ходгсона, но интересные данные этого документа не нашли отражения во второй книге работы нашего автора¹⁶⁰.

Несмотря на некоторые другие дефекты книг Ходгсона, по большей части отдельные фактические ошибки, можно признать, что его работы представляют собою значительное явление в английский литературе по истории Венеции.

Самым крупным произведением буржуазной историографии Венеции за последние десятилетия является, несомненно, работа венского ученого Генриха Кречмайра. Выход его «Истории Венеции» растянулся на целых 30 лет: первый том появился еще в 1905 г., второго пришлось ждать до 1920 г., третий и последний том вышел в 1934 г.

Труд Кречмайра построен по обычной для истории Венеции схеме: возвышение, расцвет и гибель; каждому из этих разделов отведено по одному тому. «История Венеции» Кречмайра основана на кропотливом изучении источников, частью не напечатанных, и обширной литературы предмета,—в этом смысле она может быть названа синтезом двухстолетнего изучения истории Венеции историками различных стран. Разумеется, в настоящее время работа историка-одиночки не может претендовать на исчерпывающее изучение литературы такого большого отрезка всемирной истории, как история Венеции; недооценка или незнакомство с некоторыми

работами предшественников, известная неравномерность в использовании источников при написании такого труда неизбежны,—есть такого рода недостатки и в труде Кречмайра. Для иллюстрации можно указать, например, на недооценку русских сочинений по истории итальянских, в частности, венецианских, владений на Черном море, причем для автора не могут служить извинением языковые трудности, так как он ссылается, очевидно через вторые руки, на сочинения В. Г. Васильевского, не переведенные с русского языка, и не пользуется трудами Бруна, существующими частично на языке французском, равно как и полемикой с ним Гейда на этом же языке; едва ли может быть оправдано, с другой стороны, игнорирование некоторых источников славянского происхождения, относящихся к истории далматинских городов.

Основным недостатком труда Кречмайра являются, однако, не эти неизбежные и сравнительно мелкие недочеты. Гораздо более серьезным дефектом его произведения должна быть признана общепринятая в буржуазных геллертерских кругах «беззаботность» в отношении основной научной исторической терминологии, приводящая к произвольным и ненаучным выводам, принижающим ценность в других отношениях не плохого исторического сочинения. В данном случае мы имеем в виду термин «капитализм». Для Кречмайра, как и всех буржуазных историков социально-экономического направления, понятие капитализма совпадает с понятием денежного хозяйства, в чем еще Маркс справедливо упрекал «господина» Моммзена¹⁶¹. Стоя на этих позициях, Кречмайр говорит о «капитализме» Венеции еще в XII в.¹⁶², причем его несколько не смущает то обстоятельство, что цеховой ремесленный строй, эта характерная черта феодализма, складывается в Венеции, по его же собственному мнению, только в XIII в.¹⁶³. Он не согласен даже с теми из своих буржуазных собратьев, кто относит возникновение капитализма в Венеции к началу XIII в., точнее—ко времени четвертого крестового похода¹⁶⁴.

Серьезного упрека в труде Кречмайра заслуживает также обычное в буржуазной историографии эпохи империализма отсутствие должного внимания к проблемам классовой борьбы, и это далеко не всегда по вине источников. Венский ученый, например, довольно подробно

останавливается на первой попытке кодификации в Венеции уголовного права, сделанной в догат Орио Малипьеро, в 1181 г. Он полностью приводит латинский текст этого памятника¹⁶⁵, передает по-немецки его содержание, пытается определить его происхождение с формально-юридической точки зрения, но не касается самого важного, классового характера этого документа¹⁶⁶. Такая же формальная точка зрения преобладает в труде Кречмайра и в тех случаях, когда он говорит о проблемах колониальной политики Венеции,—здесь в качестве примера можно указать на его отношение к такому важному документу по этим вопросам, как упоминавшийся уже доклад сирийского байло Марсилио Джорджини о сирийских владениях Венеции, направленный им дожу Якопо Тьеполо в 1243 г. Кречмайр признает важность этого документа; но тем не менее не делает попытки углубиться в его содержание с точки зрения социальной и экономической политики Венеции в ее колониях¹⁶⁷.

Проблемы образования Венецианской колониальной империи, важность которых совершенно очевидна, трактуются автором без достаточного внимания к различным их деталям. Приведем некоторые примеры: он очень поверхностно излагает вопрос о раннем периоде черноморских владений Венеции, излагает так, что возникает сомнение в правильности понимания автором существа дела¹⁶⁸; неправильно понимает роль подеста в Константинополе, которого автор рассматривает в качестве главы всех колоний на территории Византии, хотя ему известен документ, на основании которого правильно определяется эта роль¹⁶⁹; не точно устанавливаются владения Венеции, которые она должна была получить по акту о разделе империи и не подвергнуть анализу самый этот документ¹⁷⁰.

Независимо от этого в сочинении много интересных взглядов и верных выводов по отдельным вопросам, с которыми полезно считаться.

Заканчивая обзор общих доступных нам сочинений по истории Венеции, укажем на небольшую книжку француза Тирье, вышедшую в 1952 году под заглавием «История Венеции». Она относится к издававшейся в последнее время в Париже серии популярных кратких сочинений на различные темы под общим заголовком «Что мне известно?» и, следовательно, лишь очень бегло

касается поставленных в нашей работе вопросов. Необходимо заметить, что эта небольшая книжка написана со знанием дела и вполне толково.

Наконец в последние годы начала выходить обширная по своему замыслу «История Венеции» под общей редакцией Р. Чесси¹⁷⁰. В 1957 и 58 гг. вышли два ее первых тома, охватывающие древнейшие времена территории Венеции и раннюю историю Венецианского дуката до 4-го крестового похода включительно. Этот последний раздел находится во втором томе и написан редактором издания Р. Чесси. Естественно, что эта работа воспроизводит достоинства и недостатки указанной выше двухтомной Истории Венецианской республики того же автора.

2. Историки хозяйства об образовании и ранней истории Венецианской колониальной империи

Проблемы колониальной истории—проблемы столь же экономические, сколь и политические, в принципе обе эти стороны неотделимы друг от друга. Однако практически историки общей истории Венеции интересовались колониальными проблемами республики преимущественно, если не исключительно, с политической точки зрения, обращая мало внимания, или вовсе игнорируя проблемы социально-экономические.

Это побуждает нас обратиться к краткому рассмотрению некоторых трудов по истории народного хозяйства в средние века с целью показать, что и как сделано буржуазной историографией для колониальной истории Венеции с экономической точки зрения. Обращение к общим сочинениям по истории народного хозяйства, поскольку они так или иначе затрагивают проблемы венецианской колониальной истории, оправдывается тем, что история венецианского хозяйства, колониального хозяйства во всем его объеме, в частности, еще не написана, если не считать отдельных статей по частным вопросам, рассеянным в различных журналах, и отдельных попыток их обобщения, вроде рассмотренных ниже «Очерков» Джино Луццатто. Исключением могла быть также рассмотренная ниже книга Тирье о «Венецианской Романии», но она не охватывает вопросов венецианской колониальной политики в бассейне Адриатического моря.

В качестве введения в рассмотрение работ по экономической истории Венеции остановимся на некоторое время на более ранних аналогичных сочинениях Формалеони, Мутинелли и француза Примодэ.

Сочинения Формалеони, которое мы в данном случае имеем в виду, называется «Философская и политическая история мореплавания, торговли и колоний древних на Черном море»¹⁷¹. Работа эта выполнена по заказу императрицы Екатерины II и ей посвящена автором. Как известно, интерес к Черному морю возрос в Петербурге во второй половине XVIII в. в связи с приобретением причерноморских территорий и возникновением «греческого проекта». Заказ был выполнен автором к 1788 г.

Работа Формалеони излагает историю Причерноморья с древнейших времен до времени турецкого господства. Интересующие нас вопросы рассматриваются во втором томе. В работе Формалеони рядом с фантастическими данными о родстве приадриатических венецов с венедами Прибалтики¹⁷², определением первоначального населения Венеции в полмиллиона человек¹⁷³, имеются и вполне здравые суждения. К таким должна быть отнесена прежде всего общая оценка крестовых походов и роли в них Венецианской республики, — автор правильно усматривает в кресте лишь маску, под которой обделывались мирские дела и правильно замечает, что венецианцы сумели извлечь из них для себя очень большую пользу¹⁷⁴. Не менее правильно расценивает автор и поведение венецианцев при заключении ими договоров с крестоносцами накануне второго взятия Константинополя, — они не хотели нести трудностей по обороне империи и Константинополя, почему и отклонили от себя почетный титул императора, сохранив за собою все экономические выгоды предприятия¹⁷⁵. Едва ли можно возражать Формалеони и по поводу его положения, что до четвертого крестового похода венецианцы не вели широких торговых операций на Черном море¹⁷⁶.

Несмотря на эти и некоторые другие правильные суждения, работа Формалеони, как не основанная на архивных, тогда еще не опубликованных материалах, должна быть признана совершенно устарелой. Кроме того, она и не затрагивает большинства исторических проблем, связанных с образованием и существованием колониальной

империи Венеции, так как автор не ставил перед собой подобной задачи.

Сочинение Фабио Мутинелли «О венецианской торговле», написанное в 1835 г.¹⁷⁷, дает очень мало для истории интересующих нас вопросов. Это — довольно поверхностная компиляция, воспроизводящая ошибки, которые автор нашел у своих предшественников. То обстоятельство, что автор был довольно долгое время хранителем венецианских архивов, не способствовало улучшению качества его работы за счет привлечения архивных материалов, что, впрочем, он мог бы сделать только во втором издании своего труда, так как венецианскими архивами ведал он только с 1847 г.¹⁷⁸.

Заглавие труда не соответствует его содержанию, так как о торговле в нем идет речь только в третьей главе, а остальные главы трактуют о вопросах, к торговле не имеющих прямого отношения, — например, глава четвертая говорит о «святых», их «мощах», паломничестве, глава пятая — о роскоши венецианской жизни и т. д. В книге много ошибочных суждений, если даже иметь в виду только интересующие нас вопросы. К таким, например, относится утверждение, что Венеция сделалась обладательницей Истрии и Далмации на основании хрисовула императора Алексея I Комнина¹⁷⁹, или совершенно фантастическое описание территориальных приобретений Венеции в результате четвертого крестового похода, в котором к владениям республики отнесена между прочим и Фригия¹⁸⁰.

Лишь немного позднее работы Мутинелли вышел в Париже труд француза Примодэ. Он называется: «Этюды по средневековой торговле. История торговли на Черном море и генуэзских колоний в Крыму»¹⁸¹.

Центром внимания Примодэ является торговля на Черном море и торговая деятельность генуэзских колоний в Крыму, — из 16 глав этим вопросам посвящено 10, с третьей по двенадцатую. Примодэ, трактуя по преимуществу о генуэзской торговле, неизбежно должен был также останавливаться и на вопросах венецианской торговли и венецианской колониальной деятельности.

В книге Примодэ довольно подробно и для того времени содержательно говорится о колониальных и торговых интересах Венеции в различных городах Черноморья и стран, к нему примыкающих, как Кавказ, Малая

Азия, Молдавия, русские земли. Выясняется посредническая роль Черноморья в торговле с Индией, странами Ближнего и Дальнего Востока. Освещаются вопросы торгово-колониального соперничества Генуи и Венеции в Причерноморье.

Книга Примодэ, конечно, устарела, и многие из исторических схем автора не выдерживают критики. К последним мы относим, например, третью главу книги, где мы встречаемся с такими рассуждениями: Амальфи, Пиза, Генуя в XII в. овладели всею торговлей Черноморья, за что они были изгнаны из Константинополя, а это привело к четвертому крестовому походу и основанию Латинской империи. Искусственность такого построения очевидна, и к тому же невозможно доказать правильности ни одного из положений, входящих в состав этой схемы.

Можно было бы указать в книге Примодэ на ряд других ошибок и неточностей, но она тем не менее поставила целый ряд интересных вопросов, будивших мысль и требовавших исследования. В этом смысле не без влияния этого сочинения возникли черноморско-генуэзские штудии нашего соотечественника Бруна.

Во второй половине XIX в. появилась работа Гейда. Труд Гейда и его значение в историографии общеизвестны¹⁸². Мы кратко остановимся лишь на тех его частях, которые касаются интересующих нас вопросов. Особой заслугой Гейда в этой области надо признать, что никто до него не сделал так много и так основательно для выяснения состава венецианских колониальных владений, роли и значения отдельных их составных частей в средиземноморской торговле в средние века. Мы соглашаемся не со всеми его выводами: считаем преувеличенной его оценку значения первой колониальной акции Венеции в Адриатике в конце X в.¹⁸³, не можем согласиться с тем, что после 1204 г. в зависимости от Венеции находились Трогир и Сплит на Далматинском побережье¹⁸⁴, иначе определяем состав венецианской части византийского наследства после четвертого крестового похода¹⁸⁵, у нас вызывают возражения некоторые его суждения о торговых связях, существовавших между Венецией и Византией в конце XII в. и так далее¹⁸⁶; но не мало установленных им фактов сделалось прочным достоянием исторической науки. В труде Гейда нельзя найти ответа на большое

количество очень важных вопросов по колониальной истории Венеции, но автора «Истории торговли с Левантом в средние века» и нельзя упрекнуть в этом: его задача была иной, одновременно и более широкой и более узкой для разрешения таких вопросов. Работа Гейда во всяком случае и в трактовке вопросов нашей темы принадлежит к лучшим сочинениям буржуазной историографии позитивистского направления.

Книга Шаубе¹⁸⁷, вышедшая на четверть века позднее труда Гейда, сравнительно немного прибавила к тому, что сделано было штутгартским ученым и, пожалуй, ничего в области нашей темы. В руках Шаубе были материалы, которые могли бы помочь ему исправить некоторые ошибки Гейда, но он этого не сделал. Мы имеем в виду, в частности, вопрос о деловых связях Венеции с Византией при императорах Мануиле и Андронике Комнинах, вопрос о ленной зависимости сеньоров Архипелага и др.¹⁸⁸.

Книга Шаубе появилась в начале XX в. В это время было уже невозможно не считаться с Марксом, но для паладинов капитализма еще менее возможно было с ним согласиться. Поэтому историки хозяйства эпохи империализма, и в первую очередь немецкие «гелертеры», считают своим долгом полемизировать с ним, весьма часто не называя его имени. Отсюда тезис о чрезвычайной древности капитализма, который они открывают всюду, споря между собой лишь о том, восходят ли капиталистические отношения к гомеровским, или к каким-нибудь более поздним временам. Все это можно видеть, рассматривая сочинения Луйо Брентано, его ученика Гейнена, Зомбарта и др. Из них один лишь Гейнен дал специальную работу по истории Венеции в XI и XII вв., тогда как Луйо Брентано только широко использует данные венецианской истории для иллюстрации и доказательства своих взглядов на вопрос происхождения капитализма, а Зомбарт касается венецианских дел лишь попутно, но зато таких, которые являются центральными вопросами нашей темы.

В «Современном капитализме», как известно, Зомбарт выдвинул встретившую со всех сторон возражения своеобразную теорию градообразования, которую он в полемике против Пиренна кратко выразил следующим образом: «Города средневековья в экономическом смыс-

ле являются созданием держателей рент и получателей налогов»¹⁸⁹. Это утверждение наталкивалось на общеизвестные факты из истории Венеции, на что и было Зомбарту указано, но это не поколебало его взглядов и в последующих изданиях своего труда Зомбарт остался в этом вопросе на своих прежних позициях¹⁹⁰.

Исходя из марксистского учения о том, что капиталистам присуща страсть к наживе, «неутолимая жажда прибавочного труда»¹⁹¹, как следствие капиталистического способа производства и образования мирового рынка, Зомбарт, «подделываясь под марксиста»¹⁹², перевертывает это правильное учение вверх ногами и объясняет само капиталистическое развитие воздействием капиталистического духа, равно как и средневековое ремесленное производство выводит из противоположного капиталистической страсти к наживе стремления «удовлетворения потребностей», «идеи пропитания»¹⁹³. Этой разницей в идеях определяется и разница в экономической политике средневекового города и капиталистического государства по отношению к их колониям: «Можно сказать — пишет Зомбарт, — что потребность в экспансии в средневековом городе вытекала из идеи пропитания, тогда как в городах — государствах и великих державах нового времени она находилась под доминирующим воздействием идеи наживы»¹⁹⁴. Историк-марксист с такой постановкой вопроса согласиться не может: мышление к бытию, идеи к окружающей действительности находятся не в таком отношении, как это изображает Зомбарт, а как раз в обратном. Это с полной ясностью и не раз было доказано основоположниками марксизма, — достаточно указать на знаменитое произведение Энгельса, направленное им против Дюринга¹⁹⁵. Применительно к данному вопросу это значит, что мелкий ремесленный характер средневековой, в том числе в значительной степени и венецианской торговли определялся не «идеей покрытия потребностей» или «идеей пропитания», а сами эти идеи вытекали и обуславливались ремесленным характером производства, зависевшим в свою очередь от уровня производственной техники средневековья, от уровня кораблестроительной техники в частности, и необеспеченности от морского разбоя торговых путей.

Трактовка Зомбартом вопроса о венецианских колониях также вызывает возражения, и прежде всего, им

совершенно неправильно определяется состав венецианских колониальных владений: «В состав ее (Венеции) владений вошли земли Эпира, Акарнании, Этолии, Ионические острова, Пелопоннес, острова южной и западной части Архипелага, ряд городов по Дарданельскому проливу и Мраморному морю, города во внутренней Фракии, как Адрианополь и др., Пера, предместье Константинополя, Кандия и вскоре после этого важный Кипр»¹⁹⁶. Здесь мы имеем пример грубого смешения бумажных прав с фактическим положением дела и полного пренебрежения к хронологии: ни Эпиром, ни Этолией, ни Акарнанией, ни Ионическими островами, ни Пелопоннесом, кроме Модона и Корона, Венеция в XIII в. не владела, так как получила их только на бумаге; с другой стороны Венеция овладела Кипром не вскоре после 1204 г., а через 285 лет, что даже для 750-летней колониальной истории Венеции нельзя считать коротким сроком. Не совсем безупречны суждения Зомбарта также и относительно размеров венецианских владений в Сирии¹⁹⁷.

Нельзя согласиться далее с Зомбартом и в вопросе относительно политики Венеции в ее колониях. Она была гораздо более дифференцированной, чем ему это кажется, и в XIII в., по крайней мере, не сводилась только к «непосредственному государственному управлению»¹⁹⁸; с другой стороны мы не располагаем и сколь-нибудь определенными данными для XIII в. относительно существования в венецианских колониях плантационных хозяйств рабовладельческого типа. Из сделанного Зомбартом на этот счет замечания — «на рабстве (или крепостничестве) базировалось колониальное хозяйство итальянцев на Востоке»¹⁹⁹ — мы можем принять только часть, заключенную им в скобки. Едва ли, наконец, может быть признан типичным, по крайней мере для XIII в., как это делает Зомбарт, и тот внешний облик венецианских колоний, который дает в своей известной работе Гейд, рисуя со слов Джiovанни Бембо укрепления Таны²⁰⁰.

Взгляды Зомбарта нашли противника в лице Луио Brentano и некоторых его учеников. Группа статей Brentano, направленных против Зомбарта и близко касающаяся интересующих нас проблем, объединена под общим заглавием: «Начало современного капитализма»²⁰¹.

Луио Brentano относит возникновение капиталистических отношений в Европе к очень раннему времени, —

к XI и даже X веку, причем процесс внедрения этих отношений проходил, по его мнению, последовательными этапами, охватывая постепенно одну отрасль хозяйственной деятельности за другой: впервые начала капитализма утвердились в торговле, почти одновременно с этим в области кредитного дела, потом в деле военном, затем в сельском хозяйстве и промышленности. Луйо Brentano возражает против зомбартовского понимания средневековой торговли как одного из видов ремесленной деятельности и пространно доказывает, что страсть к наживе свойственна самому существу человеческой природы, а вовсе не является продуктом особой капиталистической психологии, причем Луйо Brentano кажется, что он тем самым возражает одновременно и Марксу²⁰².

Опровергая взгляд Зомбарта на четвертый крестовый поход как время, с которого датирует современный капитализм, Brentano в одном из своих «экскурсов» в указанной книге дает краткий очерк истории этого похода и таким образом непосредственно касается интересующей нас темы²⁰³. Непосредственный интерес представляют для нас также и его взгляды на экономическую политику Венеции в ее колониях, которую он не без основания считает дифференцированной²⁰⁴. Несколько раз и настойчиво подчеркивает он мысль об обратном воздействии венецианских колоний на метрополию, каковое он усматривает в феодализации венецианской знати и в зависимости от которого ставит и закрытие Большого Совета²⁰⁵.

Несмотря на то, что в критических замечаниях Луйо Brentano на взгляды Зомбарта есть значительная доля правды, тем не менее его основные концепции и многие из его частных суждений приняты быть не могут.

Это прежде всего относится к его тезису о раннем внедрении капитализма в хозяйство средневековой Европы. Существо вопроса заключается в том, что Brentano, как и многие буржуазные историки и «критики» Маркса, понимают марксистскую терминологию сугубо упрощенно, вкладывают в марксистские термины не свойственное им примитивное содержание, и под капиталистическими отношениями разумеют не отношения между людьми в процессе производства, а отношения между самими вещами. Это дает возможность всякую денежную сделку считать капиталистической операцией независи-

мо от социальных отношений, которые ею прикрываются. Для Луйо Брентано, поэтому, наем разбойничьей шайки с целью ограбления соседей является «капиталистической» операцией, так как «тот, кто принимает участие в такой операции в качестве воина, получает меньше того, кто вкладывает в нее деньги»²⁰⁶, и Луйо Брентано совершенно серьезно думает, что такая затрата денег как раз подходит под определение капитала как стоимости, «способной порождать прибавочную стоимость»²⁰⁷. Поэтому для него завоевание Англии Вильгельмом Нормандским является капиталистическим предприятием²⁰⁸, и тем более, конечно, четвертый крестовый поход²⁰⁹, или завоевание Морен Шамплитом и Вильардуэном²¹⁰. Почтенный профессор выдвигает даже целую «теорию», согласно которой, говоря его собственными словами, «в наступательных войнах феодальная система оказывается несостоятельной, и службу рыцарей в этом случае надо покупать за деньги», и это будто бы «является первой предпосылкой проникновения капитализма в военное дело»²¹¹. Читая эти рассуждения, можно подумать, что феодальные войны не были войнами одной шайки грабителей против другой, а были оборонительными войнами феодалов против агрессоров «капиталистов». Брентано так и пишет: «Уже в начале XII в. мы видим, как богатые деньгами князья используют феодальные правовые нормы капиталистическим способом»²¹². При таком понимании капитализма и капиталистических отношений можно не спорить, как это делает Брентано, и против таких рассуждений, что «уже у Гомера обнаруживаются первые следы капитализма, и что капитализм находился в состоянии полного развития в VI в. до нашей эры, в конце Римской республики и в начале императорского времени так же, как и во времена св. Амвросия или бл. Августина»²¹³. Всему этому удивляться не следует, — в свое время В. И. Ленин писал о нем: «Брентано обнаруживает самую невероятную путаницу, смешивая явления природы и явления общественные, смешивая понятия продуктивности и прибыльности, стоимость и цены и т. д.»²¹⁴.

Не везде и не всегда благополучно обстоит дело у Брентано также и с фактической стороной дела. Мы остановимся на примерах, имеющих прямое отношение к рассматриваемым нами проблемам.

По мнению Брентано, венецианцы с 992 г. пользовались в пределах Византии важной привилегией платить в качестве ввозных пошлин 2% и вывозных — 15%²¹⁵; только по цифрам и дате можно догадаться, что речь идет о хрисовуле императоров Василия и Константина, установивших обложение венецианской торговли в 2 перпера с каждого прибывавшего в византийские порты корабля и в 15 перперов — с каждого выбывавшего, а это не одно и то же, что, как кажется, можно понять и не профессору политической экономии.

При изложении событий четвертого крестового похода Луйо Брентано становится на старую точку зрения опровергнутую еще в 70-х годах прошлого столетия Ганото, точку зрения Гопфа, в соответствии с которой венецианцы будто бы по уговору с египетским султаном направили поход вместо Египта под Константинополь²¹⁶. Так как Брентано известна полемика по этому вопросу, то надо было с его стороны ожидать новых доказательств этого старого тезиса, но его доказательства и не новы и не убедительны. Нельзя считать убедительным доказательством его ссылку на то, что Вильардуэн не опровергает обвинения, выдвинутые сирийцами против Венеции, так как Брентано в этом случае должен был бы доказать по меньшей мере то, что обвинения Эрнуля и ему подобных Вильардуэну были известны, что он не делает и сделать не может²¹⁷. Для доказательства своего тезиса Брентано, правда, указывает еще на источник, будто бы содержащий такое обвинение против венецианцев, какое мы находим у сирийцев, именно на Гунтера Парижского²¹⁸, но это доказывает только, что сочинение этого автора Брентано известно из вторых рук, так как у Гунтера, при всем его отрицательном отношении к венецианцам, такого обвинения нет.

Брентано не без основания критикует мнение Зомбарта относительно насаждения итальянскими городами, в том числе и Венецией, плантационных хозяйств в своих колониях, доходы от которых будто бы и были основным мотивом к их устройению²¹⁹; однако нельзя признать безупречными и собственные суждения Брентано. По его мнению, города и острова Далматинского побережья, находившиеся в зависимости от Венеции, составляли вместе с нею «расширенный взаимооборонительный союз», и торговые выгоды венецианцев заключались будто бы

только в том, что они не платили в подчиненных городах пошлин, тогда как купцы этих городов должны были покупать и продавать товары только в Венецию. В действительности дело обстояло не так, в чем можно убедиться из любой грамоты, регулировавшей взаимоотношения Венеции, например, с Дубровником. Признавая далее правильным указание Брентано на то, что опорные пункты Венеция в Азии и Африке преследовали, главным образом, торговые цели, нельзя все-таки согласиться, что эти цели были единственными, чему противоречит, например, положение дела в венецианских владениях в Тире и Акре²²⁰ и т. д.

Небольшая книга Рейнхарда Гейнена, «К вопросу о возникновении капитализма в Венеции», вышла из семинара Брентано и направлена против теории Зомбарта о получателях ренты, как градообразователях, и об этой последней, как об основном источнике первоначального накопления городских капиталов²²¹. Разумеется, при этом отвергается и ремесленный характер венецианской торговли, который отстаивается, как мы видели, Зомбартом²²². Отвергает он также и ту мысль автора «Современного капитализма», по которой колонии итальянских городов на Востоке использовались для организации плантационных хозяйств с широким применением труда рабов, — Гейнен не видит ни малейших оснований для таких утверждений по крайней мере для владений венецианцев в Сирии²²³.

Основой экономической жизни Венеции с самого начала были только торговля и судоходство: «Значительные накопления подвижных средств обязаны своим существованием только торговле, и древнейшие капиталы образовались из византийских фрахтовых денег и доходов от соляной торговли» — пишет Гейнен. Основой внешней и внутренней политики Венеции всегда было всемерное покровительство и поощрение торговой деятельности ее граждан, и в этом отношении венецианская политика, по мнению Гейнена, очень напоминает политику государей эпохи меркантилизма²²⁴. Венецианская торговля уже в XI и XII вв. была торговлей капиталистической, и капитал выступал здесь в двух формах, — в форме капитала торгового и капитала ростовщического²²⁵. Доказательства этих тезисов, а равно и материал для опровержения Зомбарта, Гейнен дает в кратком, но со-

держательном очерке экономического развития Венеции до начала XIII в. В этих же целях целая глава посвящена в книге Гейнена истории торгового дома Майрано, ведшего в XII в. довольно значительные операции на Востоке²²⁶. Слабой стороной этого очерка является игнорирование промышленного производства в Венеции за это время, и это не только потому, что наши источники по этому вопросу для XI и XII вв. очень скудны, но также и потому, что именно эта сторона хозяйственного развития Венеции находится в очевидном противоречии с основной мыслью Гейнена о раннем развитии капиталистических отношений в Венеции. То же самое надо сказать и о сельском хозяйстве венецианских нобилей, эксплуатировавших свои земли феодальными методами совершенно так же, как это делалось повсюду в тогдашней Европе.

Книга Гейнена представляет значительный интерес и с точки зрения основных вопросов нашей темы: в ней достаточно правильно освещается венецианский «напор» на Восток в XI и XII вв. и это делается автором на основании еще не опубликованных тогда архивных материалов. Автору, однако, и здесь не удалось избежать некоторой тенденциозности в освещении событий. Указав, например, на поход дожа Пьетро Орсеоло II к берегам Далмации и пленение им 40 нарентян, Гейнен замечает: «Победоносный поход Пьетро Орсеоло вдоль всего далматинского побережья до Дубровника не раз дал случай к присвоению накопленных там богатств»²²⁷. Известия Диакона Джиованни, на которые ссылается автор, не дают для такого заключения ни малейших оснований. Имевшиеся в руках Гейнена материалы, с другой стороны, позволяли ему пересмотреть традиционную трактовку проблемы взаимоотношений Венеции и Византии при последних Комнинах, чего Гейнен однако не сделал.

О новых трудах по истории хозяйства Италии в средние века Карли и Дорена приходится сказать очень немного.

Работа Карли²²⁸ посвящена истории итальянской торговли, и второй том ее, вышедший в 1936 г., рассматривает торговлю итальянских городов-коммун как раз в интересующее нас время. Карли придает большое значение проблеме торговли для истории Италии в средние века, считая ее вопросом жизни и смерти коммун того време-

ни²²⁹. Однако он занимается преимущественно вопросами торговли внутри Италии, тем, что он называет торговлей «интерлокальной»²³⁰. В книге Карли можно найти ряд интересных мест по избранной им теме, но проблемы собственно колониальные занимают его лишь попутно, почему сочинение автора не прибавляет ничего к тому, что сделано было по этому вопросу ранее. К чести автора надо добавить, что он, трактуя хозяйство итальянских городов — коммун как хозяйство капиталистическое, оговаривается все-таки: «Я не хочу сказать, что в XIII столетии в Италии существовал капитализм, одинаковый с тем, который существовал в индустриальной Европе XIX в.». Однако, когда он пытается установить это различие, то не замечает самого главного, именно того, что сфера производства — промышленность и сельское хозяйство в XII в. оставались феодальными²³¹.

Еще меньше занимается интересующими нас проблемами книга Дорена по истории народного хозяйства Италии²³². То немногое, что можно в ней найти по истории венецианских колоний, заимствовано из вторых рук и принято без надлежащей критики. В качестве примера можно указать на состав владений Венеции, полученных ею в результате четвертого крестового похода, — владения эти у Дорена представлены в совершенно фантастическом виде²³³. Книга Дорена, весьма содержательная сама по себе, не принадлежит к числу тех, которые продвинули изучение вопросов нашей темы.

Обзор настоящего раздела исторической литературы мы закончим рассмотрением работ наиболее крупного историка венецианской экономики в средние века Джино Луццатто.

Луццатто более 40 лет подвизается в области изучения экономических вопросов средневековой Италии, Венеции в особенности. Не менее десятка статей посвящены им хозяйственной деятельности республики св. Марка, которые недавно были обобщены в «Исследованиях по истории венецианской экономики»²³⁴. Довольно подробно эти вопросы рассмотрены Луццатто также в другом его обобщающем труде, вышедшем в русском переводе — «Экономическая история Италии. Античность и средние века»²³⁵.

Дж. Луццатто — представитель прогрессивной исторической мысли, но он не марксист. В экономической

истории его интересуют хозяйственные явления сами по себе, а не производственные отношения людей. Его понятие о феодализме и капитализме отличаются от принятых в марксистско-ленинской исторической науке, и для него не существует последовательной смены исторических формаций. По этой причине не все его выводы по экономической истории Венеции могут быть приняты, несмотря на то, что сами по себе работы Луццатто содержательны и во многих отношениях интересны, причем особенно подробно и основательно разработаны им вопросы торговли.

Не останавливаясь на второстепенных вопросах, укажем на некоторые принципиальные положения Луццатто, с которыми не может согласиться историк-марксист. В одной из своих статей Луццатто заявлял, что в Венеции феодализм никогда не был в состоянии утвердиться ни под одной из своих форм²³⁶; между тем ремесленное производство в Венеции протекало в типичных для средневекового города цеховых рамках, а эксплуатация земельных участков, например салин, осуществлялась характерными для феодализма методами. Другую свою работу Луццатто назвал «Синдикаты и картели в венецианской торговле XIII и XIV вв.»²³⁷. В действительности венецианские купеческие товарищества не имели ничего общего с картелями и синдикатами эпохи империализма, созданными на основе господства промышленного капитала, ищущего рынков сбыта для своих товаров. Нельзя признать, наконец, убедительными его суждения о капиталистическом характере некоторых отраслей венецианского ремесленного производства²³⁸.

Из всего этого следует, что, несмотря на всю значимость работ Джино Луццатто для изучения истории средневековой Венеции, они не делают излишними дальнейшие изыскания как потому, что не останавливаются в надлежащем объеме на вопросах колониальной экономической политики Венеции, так и потому, что ряд положений автора нуждается в поправках и уточнениях.

Краткое рассмотрение отдельных сочинений историков народного хозяйства, касавшихся экономической истории Венеции, показывает, что и у них мы не находим правильного истолкования исторических фактов, относящихся к колониальной истории республики, и самые эти факты устанавливаются далеко небезупречно.

Перейдем к рассмотрению сочинений, специально посвященных колониальной истории Венеции, или близким к ней темам.

3. Ранняя история венецианских колоний в трудах, специально посвященных колониальным проблемам

В XIX и текущем столетиях появились труды, специально посвященные колониальным проблемам, венецианским колониям в частности. Мы не имеем возможности и не видим необходимости в том, чтобы подробно заниматься общеколониальной литературой под интересующим нас углом зрения. В качестве примера того, как освещается ранняя колониальная история в трудах этого рода, мы остановимся на сочинениях француза Рея, итальянца Манфрони и американца Морриса. Из работ, ближе стоящих к интересующим нас вопросам, можно назвать, сочинения англичанина Уильяма Миллера, итальянца Бруно Дудана, французов — Р. Груссе и Ф. Тирье.

Небольшая книга Рея, посвященная сирийским колониям «франков», вышла в семидесятых годах прошлого столетия²³⁹.

Помимо территориального ограничения автором трактуемой им проблемы, венецианские колониальные дела стоят для него естественно на заднем плане, вследствие чего интересующему нас вопросу в книге Рея посвящено менее двадцати страниц текста²⁴⁰. К заслуге Рея должно быть отнесено то, что он обратил внимание на вопросы организации Венецией управления ее колониями и сделал попытку подойти к вопросу об экономической политике Венеции в ее сирийских колониях, для какой цели им был использован уже неоднократно упоминавшийся доклад сирийского байло от сороковых годов XIII столетия²⁴¹. Основным недостатком труда является поверхностность трактовки затрагиваемых автором колониальных проблем, по крайней мере тех, которые относятся к венецианскому колониальному хозяйству. Значение этого труда, естественно, не может быть таким, которое делало бы дальнейшие изыскания в сфере затронутых вопросов излишними.

О работе Морриса «История колонизации»²⁴² стоит упомянуть лишь для того, чтобы показать, с какой небрежностью некоторые буржуазные историки пишут о важных исторических проблемах. Истории средневековой колонизации у Морриса посвящены стр. со 143 по 196 первого тома его сочинения, в том числе венецианским колониям отведено несколько более двадцати страниц. Автор в качестве авторитетов избрал себе старые сочинения Гиббона, Дарю, Галибера, Мишо. Правда, автор ссылается иногда на Гейда, но как-то не верится, что, следуя Гейду, можно было наделать такую массу фактических ошибок, которую мы встречаем у Морриса. Бой пизанцев с венецианцами в 1100 г. объясняется им спором из-за мощей св. Николая²⁴³, во время первой экспедиции венецианцев к берегам Сирии ими взяты были Тир и Асколон и спасена от падения Яффа²⁴⁴, в составе венецианской доли по разделу Византии указываются владения на берегах Черного моря, остров Корфу после четвертого крестового похода непрерывно находится в руках Венеции²⁴⁵, на Крите венецианцы ведут борьбу не с греческими архонтами и их париками, а с сарацинами и т. д.²⁴⁶

Гораздо более серьезным представляется труд Манфрони, который, несмотря на несколько специальное название — «История морского дела в Италии», — занимается в действительности историей экспансии итальянских городов средневековья в страны Востока. Автор не без основания отводит при этом Венеции самое видное место. «Венеция,—пишет Манфрони,—больше чем какой-либо другой город или другое государство Италии пользовалась морским преобладанием сначала в Адриатике, а потом и во всем Средиземноморье и сохраняла его в течение нескольких столетий»²⁴⁷.

Манфрони в основных линиях правильно изображает венецианскую экспансию в пределах Леванта, хорошо излагает события четвертого крестового похода²⁴⁸, но он не вполне разрешает задачу, поставленную им себе после изложения событий образования у Венеции колониальной империи: «Надо,—писал он,—внимательно, опираясь на документы, которые еще сохранились, изучить те приемы, с помощью которых Венеция сумела сохранить свои колонии, и те принципы, которыми она руководилась в своей политике». В основном это осталось благим пожеланием без конкретного претворения в жизнь.

Неубедительно, поэтому звучит то общее заключение о венецианской колониальной политике, которое мы находим в конце его книги: «Только одни приобретения Венеции оказались прочными, и ее установления еще и поныне приводятся в качестве примера и образца политической и административной мудрости»²⁴⁹. Семи страниц, которые автор отвел в пятом приложении к своему труду, посвященных изображению этих «мудрых принципов политики и администрации», явно недостаточно для обоснования выдвинутого автором тезиса.

Наконец, в качестве очень серьезного дефекта книги, надо указать на ненадежность Манфрони во многих случаях, когда он ссылается на те или другие исторические документы: он не останавливается перед тем, чтобы излагать их не так, как и что говорят они в действительности, а так, чтобы они обосновывали мысли автора, его домыслы. Чтобы не быть голословным, укажем в качестве примера на изложение Манфрони договора Венеции с императором Исааком о возмещении убытков, причиненных императором Мануилом в 1171 г., который Манфрони преобразует, в соответствии со своей неправильной трактовкой взаимоотношений Венеции и Византии при последних Комнинах, в договор об убытках, причиненных Венеции императором Андроником²⁵⁰.

Большая книга англичанина Уильяма Миллера, посвященная истории латинского господства на Востоке, вышла в 1908 г.²⁵¹.

Книга по своему заглавию очень близка нашей теме, и если бы оно вполне соответствовало ее содержанию, то в ней была бы разрешена значительная часть тех вопросов, разрешение которых мы поставили своей задачей. Однако в действительности этого нет. Уже в подзаголовке книги понятие Востока или Леванта, стоящее в основном титуле, значительно сужено: автор, оказывается, имеет в виду только «франкскую» Грецию, вследствие чего Сирийские владения латинян, их опорные пункты в Египте и Малой Азии оставляются им без рассмотрения. Не хочет он заниматься и Критом, так как Греция не владеет Критом (речь идет о 1908 г.) и не опубликованы те 87 томов, которые составляют архив «дук Кандии»²⁵². Мы должны признать, что первый из этих аргументов в устах историка звучит довольно странно, а второй совершенно неубедителен, поскольку исходит от человека, имевшего возможность изъездить всю Грецию,

побывать на островах Архипелага, работать в венецианских архивах. В силу такого «самоограничения», мы ничего не можем узнать из книги Миллера и о венецианских владениях в Константинополе, на берегах Пропонтиды и тем более в Черном море.

Автор вполне компетентен в рассматриваемых им вопросах и не пустым хвастовством звучат его слова в предисловии к рассматриваемой книге: «Я по совести могу сказать, что я принял во внимание все напечатанные известные мне произведения на языках греческом, итальянском, испанском, французском, немецком, английском и латинском, которые каким-либо образом касаются моего предмета... Я пополнил их данные собственными изысканиями в архивах Рима и Венеции»²⁵³... Этой синтетической работе предшествовал ряд частных изысканий автора по отдельным территориям ближнего Востока под углом зрения поставленной им общей задачи, — из-под его пера вышло несколько этюдов, напечатанных в Английском Историческом Обозрении и других журналах²⁵⁴. Наконец, ему принадлежит большая статья в «Кэмбриджской Средневековой Истории», в которой рассматриваются судьбы византийских территорий в период позднего средневековья и содержание которой опирается на материалы рассматриваемой нами книги²⁵⁵.

Помимо хорошего знания вопросов, трактуемых им, Миллер обнаруживает в своем исследовании интерес не только к вопросам внешней, но также и внутренней жизни латинских государств на Востоке, — останавливается на социальных проблемах, интересуется церковной жизнью²⁵⁶.

Не со всеми выводами автора, однако, можно согласиться, если даже останавливаться только на группе интересующих нас вопросов.

Прежде всего приходится указать здесь на воспроизведение старой ошибки буржуазной историографии, заключающейся в том, что феодализм на Восток вообще и на территорию империи в частности был занесен будто бы только крестоносцами; Миллер, впрочем, не просто воспроизводит эту ошибку, а облекает ее в несколько иную форму, возлагая ответственность за «введение» феодализма на Комнинов, «которые подражали быту западного рыцарства и вводили его у себя в империи», в результате чего «феодализм значительно распространился на Востоке»²⁵⁷. Как известно, феодализм в Визан-

тии, как и всюду, был в действительности продуктом длительного процесса в рамках местных условий, Комнины были не создателями феодализма, а сами были им созданы. Если даже термин «феодализм» понимать поверхностно, в смысле совокупности бытовых черт западноевропейского рыцарства, как это часто делается буржуазными историками, то и в этом случае мы не можем согласиться с автором, так как в пристрастии к западному быту обычно обвиняют — мы думаем, что без достаточных оснований — одного Мануила, а не всех Комнинов.

В вопросе о формировании Венецианской колониальной империи в результате четвертого крестового похода Миллер не допускает обычной ошибки, заключающейся в преувеличении фактически полученных Венецией владений, он правильно говорит, что лев св. Марка «получил больше, чем он мог переварить»²⁵⁸, тем самым проводя резкую разграничительную черту между теоретическими правами республики и ее фактическими владениями; но тем не менее некоторые его соображения по поводу акта о разделе империи вызывают серьезные возражения. Мы об этих подробностях будем говорить в своем месте, здесь необходимо только задать вопрос: если Венеция по акту о разделе империи получила Киклады, то каким образом объяснить то обстоятельство, что она допустила, чтобы ее знать, овладевшая островами, принесла ленную присягу не ей, а императору Латинской империи?

Удовлетворительный ответ на поставленный вопрос можно получить лишь в том случае, если предположить, что, вопреки общепринятому мнению, венецианцы не получили Киклад по акту о разделе в свое распоряжение, а получили их крестоносцы, о чем в своем месте мы будем говорить более подробно.

Таким образом, несмотря на большой авторитет У. Миллера в вопросах о владениях крестоносцев и вообще латинян на Востоке, согласиться со всеми его выводами невозможно. Кроме того, как уже было указано, и количество выводов невелико: они касаются только Негропонта и южной оконечности Мессении.

Все это вместе взятое позволяет сделать заключение: труд У. Миллера не исчерпывает всех вопросов колониальной истории Венеции.

Это же можно сказать и о сочинении итальянца Бруно Дудана.

Небольшая книга последнего «Венецианское влады-

чество на Востоке» была издана «Национальным Институтом фашистской культуры»²⁵⁹. Это сочинение преследовало не научные, а политические цели. Разумеется и политическое сочинение может базироваться на серьезных научных основаниях, но это никоим образом не относится к интересующей нас работе.

Еще в начале первой мировой войны вышел в Генуе коллективный труд под общим заголовком «Далмация», целью которого было убедить союзников в необходимости передать Италии все восточное побережье Адриатики и превратить это море во внутренние воды Итальянского королевства²⁶⁰. Среди членов этого авторского коллектива наиболее убежденным сторонником этого плана был Алессандро Дудан. Мы не знаем, в каком отношении Бруно Дудан находится к Алессандро Дудану, но мысли, которые оба автора развивают в своих сочинениях, состоят в тесном родстве между собою. Разница заключается в том, что «Далмация» преследовала сравнительно ограниченные цели и бесхитростно добивалась их путем прямого требования территориальных аннексий²⁶¹, тогда как «Венецианское владычество на Востоке» служит более обширным захватническим планам, но служит скрытно. По мнению авторов «Далмации», Венеция сохранила и укрепила итальянский элемент в далматинских городах, поэтому Далмацию надо присоединить к Италии. По мнению автора «Венецианского владычества на Востоке», Венеция была носительницей «римского духа», энергично поддерживавшей Восточную империю, пока та «прямо или косвенно была связана с интересами романизма»²⁶². Проникнутая римским духом Венеция все делала по-римски: по-римски она заключала договора с побежденными городами, «методами древних римлян» она управляла ими²⁶³, следуя римской колониальной традиции, основывали венецианцы свои колонии²⁶⁴, а венецианские байло во всем схожи с римскими проконсулами и пропреторами, что утверждал, впрочем, уже Сабеллико²⁶⁵. Венеция в своем стремлении на Восток отражала римские традиции и в известном смысле была наследницей римских цезарей. Автор «Венецианского владычества на Востоке» нигде не говорит прямо, кто же теперь является наследником Венеции в ее Левантийских владениях, предоставляя ответ на этот вопрос догадливости читателя. Он только считает своим долгом показать, какую высокую культурную миссию выполняла Ве-

неция на Востоке²⁶⁶, как там все высоко ценили эти ее услуги²⁶⁷, как велико было и как долго сохранялось там венецианское влияние, — даже в половине XIX в. на островах не только Ионических, но и в Архипелаге говорили по-итальянски²⁶⁸, и Греция своим возрождением, оказывается, также обязана Венеции²⁶⁹.

Так как фашистский Рим помирился с «ватиканским узником», то Бруно Дудан считает своим приятным долгом сделать несколько реверансов и в сторону «св. престола». Венеция, оказывается, была верным оплотом католицизма против восточного православия²⁷⁰. Если верить Дудану, то причины четвертого крестового похода и изменения в его направлении совсем не те, какие обычно указываются историками этого похода: «Следуя традиционной политике, — пишет Дудан, — Венеция изъявила готовность принять участие в новой крестоносной экспедиции, несомненно будучи озабочена той угрозой, что нависла над Сирией. Но позднее ее склонили к действиям в другом направлении, т. е. против Греческой империи»²⁷¹. Среди причин, толкнувших республику встать на этот путь, первое место занимает, оказывается, «опасный прогресс греческого православия». Венеция «отвернулась» от Византии, ввиду того, что та, «насыщенная духом эллинизма, подчинилась славянскому влиянию... и обнаружила дух, прямо противоположный духу Запада»²⁷².

Разумеется, для того, чтобы развивать подобные «идеи» и «мысли», вовсе не надо было утруждать себя изучением первоисточников, — там легко можно было бы натолкнуться, например, на слова одного из бытописателей четвертого крестового похода, который, изложив планы крестоносцев атаковать мусульман в Египте, пишет о «благочестивых побуждениях» венецианцев, «озабоченных делами в Сирии» и потому решивших принять участие в походе, следующее: «Этот похвальный план наших вождей потерпел крушение, благодаря лживости и лукавству венецианцев, которые, будучи хозяевами кораблей и господствуя в Адриатике, не давали их им иначе, как при условии, если они завоюют знаменитый город в Далмации, Задар»²⁷³. Мы уже не говорим о том, что думали об этом «оплоте против православия» продолжатели Вильгельма Гирского в Сирии, или сам Иннокен-

тий III... Бруно Дудан предпочитал, поэтому, иметь дело с венецианскими бытописателями не ранее конца XV в. и преимущественно такими, которые, как Сабеллико, писали по заказу Светлейшей Синьории. По этой же причине автор игнорирует выводы по изучаемым им вопросам новейшей более или менее беспристрастной буржуазной литературы, не укладывающейся, разумеется, в его «схемы»: мы не находим, например, ни малейшего влияния на его сочинение труда Кречмайра, хотя он и указывает его в качестве «принятых им во внимание»²⁷⁴.

Для обоснования всех этих «теорий» нужны, конечно, факты; но чтобы они могли служить поставленной задаче, их надо было частью замолчать, частью подсортировать, а частью и поправить. Не останавливаясь на простых фактических ошибках, мы укажем на факты, которые автором намеренно замалчиваются или намеренно искажаются. Мы ничего не узнаем из книги Дудана о систематических восстаниях Задара против венецианского господства и о причинах этих восстаний; автор ничего не говорит о положении закрепощенного населения Крита, а о париках говорит только, что они были арабского происхождения²⁷⁵, автор нигде не берет на себя труда проанализировать те «справедливые договоры», которые Венеция заключала с далматинскими городами и т. д. Все эти факты замалчиваются потому, что они совсем не укладываются в продиктованные политическими притязаниями автора схемы. Факты, о которых замолчать нельзя, несомненно намеренно «препарируются» автором таким образом, чтобы они в эти схемы укладывались. Оказывается, что уже в IX и X вв. Венеция «утверждает свое господство в Адриатике» и сталкивается со славянами, защищая свободу «латинских муниципий Далмации»²⁷⁶. Диякон Жиованни и Дандолло изображают подчинение Далматинских городов Венеции при Пьетро Орсеоло II как акт их добровольного волеизъявления; нашему автору этого мало: он воспользовался по этому случаю старой выдумкой о никогда не существовавшей «адриатической федерации» из этих городов, которая в XI в. «под венецианской эгидой сильно укрепилась»²⁷⁷. Мы уже видели «благочестивые» мотивы венецианцев, которые побудили их принять участие в четвертом крестовом походе. Дудан сообщает, что они вообще

всегда были готовы постоять за дело веры: «в третьем крестовом походе Венеция приняла участие с многочисленным флотом»²⁷⁸; в пятом крестовом походе «в помощь крестоносцам отдала Венеция лучшую часть своих воинов и свой флот»...

При всем этом замалчиваются, разумеется, подвиги благочестивых пилигримов с лагун во время первого крестового похода, когда они начали свою деятельность с разгрома пизанского флота у берегов Малой Азии. Приведем для примера еще историю греческих восстаний на Крите: По Дудану дело обстоит так, что эти восстания вызывались не ненавистью греческого населения к иноземным угнетателям, а исключительно интригами завистливых соседей²⁷⁹. В извращенном виде, наконец, представляет Бруно Дудан и характер венецианского господства в Далмации: оказывается, Венеция и далматинские города «взаимно покровительствовали торговле и защищали интересы друг друга, так что образовали между собой нечто в роде дружественного союза, а не находились в подчинении одни у другой»²⁸⁰. Эта идилия, заимствованная Дуданом у Капелетти, плохо согласуется с фактами непрерывных восстаний далматинских городов а на венгерские интриги, как на причину этих восстаний, указывал еще Дандоло.

Мы затрудняемся сказать, в какой мере это сочинение могло служить поставленным автором политическим целям, но что оно не служит целям научным, то это не подлежит никакому сомнению.

Гораздо более серьезным сочинением является книга Рене Груссе под заголовком: «Левантийская империя»²⁸¹, вышедшая уже после второй мировой войны. В книге Груссе уделено значительное внимание колониальным владениям Венеции, — их судьба прослеживается от начала их возникновения до XVIII в. включительно; но так как автор поставил своею задачей дать исторический обзор всех колониальных владений западных народов на Востоке на протяжении более чем пяти столетий, то, несмотря на значительный объем книги — в ней более шестисот страниц, — он лишь бегло мог коснуться интересующих нас вопросов. В качестве примера можно указать на то, что владения венецианцев на Крите, в Короне и Модоне, Навплии и Аргосе рассматриваются на четы-

рех страницах, очень сложный вопрос о владычестве венецианских феодалов на Кикладах, историю которого он доводит до XVIII в., и историю венецианских владений на Кипре он размещает на шести страницах²⁸².

Книга написана на основе серьезного изучения ряда источников и обширной литературы избранной автором темы, но согласиться можно, однако, далеко не со всеми, выдвинутыми им положениями. Нельзя принять его трактовки крестовых походов как «оборонительных мероприятий Запада» против азиатской угрозы, продиктованных, по крайней мере в начальной своей стадии, «духовным подъемом крестоносцев»²⁸³. Плохо обоснованы и поэтому неубедительны его рассуждения о венецианской колониальной политике как «в принципе благотельной» и, например на Эвбее, для метрополии убыточной. В связи с этим восстания против венецианского владычества на Крите ему приходится трактовать как результат привязанности греческого населения к своим традициям и тысячелетней привычки к партизанской войне» и т. д.²⁸⁴.

Положительной стороной труда Груссе является показ венецианской колониальной деятельности на широком фоне колониальных мероприятий всех западных народов, принявших в них участие.

Наиболее важной работой по истории Венецианской колониальной империи является вышедшая в 1959 году книга Ф. Тирье, имя которого нами уже было названо в другой связи,—здесь мы имеем в виду его «Венецианскую Романию»²⁸⁵.

Под Романией Ф. Тирье понимает Пелопоннес, Аттику, Фессалию с Эпиром, Македонию и Фракию, а также островной мир, расположенный в морях, омывающих эти части Балканского полуострова. Венецианские владения в Истрии, Далмации, Албании, на сирийском побережье лежат вне сферы его внимания, и даже Кипр и владения венецианцев на Черном море затрагиваются им лишь отчасти. Историю венецианских владений в Романии автор начинает с очень раннего времени, с XI в., но доводит ее только до конца XV в., лишь изредка, в связи с отдельными вопросами, заглядывая в XVI и даже XVIII столетия. Наиболее подробно характеризуется автором венецианская колониальная политика на Крите и сравнительно мало затрагиваются вопросы других колоний вене-

цианской Романии, что объясняется как особой важностью Крита среди венецианских владений, так и состоянием источников, относительно богатых для истории Кандии, и бедных для истории других венецианских колоний.

Автор весьма серьезно подготовился к своей работе: он много работал в венецианских архивах, дважды совершил путешествие по районам избранного им греко-латинского мира, изучил обширную историческую литературу и опубликованные источники по истории Византии и Венеции. Плодом этих его занятий был ряд публикаций, предшествовавших его «Венецианской Романии».

Сочинение Тирье, как уже сказано, является наиболее крупной работой буржуазной историографии по истории Венецианской колониальной империи за первые пять веков ее существования. Из нее можно почерпнуть ряд новых сведений, встретить много верных и дельных суждений, но вместе с тем в ней есть немало и ошибочных положений и прежде всего методологического характера. Следуя за Дж. Луццатто, Тирье отрицает наличие феодализма в Венеции²⁸⁶. Он склонен преувеличивать роль личности в истории и преуменьшать роль социальных сил²⁸⁷. Вызывает возражение выдвинутая им периодизация истории Венецианской колониальной державы, где в качестве второго периода фигурирует «империалистическая фаза»²⁸⁸. Нужно признать необоснованной его положительную оценку венецианской колониальной администрации²⁸⁹. Автору вредит также склонность отдавать предпочтение более поздним источникам по сравнению с более ранними, — например известия Цанкаруоло (XV в.) он предпочитает известиям Дандоло (XIV в.), писавшего по собранным им документам и более ранним нарративным источникам. Можно было бы сделать ряд указаний на фактические ошибки и неверные оценки по целому ряду конкретных вопросов становления и бытия Венецианской колониальной империи, но в этом нет особой надобности²⁹⁰.

Выводы, к которым позволяет придти этот обзор, сводятся к следующему: иностранная литература как по общей истории Венеции, так и по ее частным проблемам чрезвычайно обширна, но это не относится к проблемам колониального владычества Венеции на Востоке. Лучшими исследователями по истории Венеции — Романин, Кречмайр, Миллер и др. — сделано не мало для уста-

повления ряда конкретных фактов из истории венецианской колониальной экспансии, высказано много интересных суждений частного и общего порядка, но большое количество буржуазных работ, даже новейших, все еще полно и ошибок по небрежности, и искажений по заранее обдуманному намерению. Ограниченность буржуазной исторической методологии и ее идеалистическая беспомощность в интерпретации социально-экономических явлений прошлого не позволили даже лучшим представителям буржуазной историографии Венеции надлежащим образом осмыслить как внутренние процессы классовой борьбы в метрополии, так и проблемы становления колониального могущества Венеции. Неправильная оценка венецианского народного хозяйства XII и XIII вв., как хозяйства «капиталистического», и несомненный факт колониальной экспансии феодального типа заставили буржуазных историков «перевернуть вопрос вверх ногами» и говорить о феодализации Венеции под влиянием ее колониальных порядков, тогда как в действительности феодальная Венеция по-феодалному организовала и свое колониальное хозяйство.

Всего этого, думается, достаточно, чтобы к большому числу «венецианских историй» прибавить еще одну, автор которой поставил своей задачей материалистически осмыслить процесс образования колониальной Венецианской империи и истолковать относящиеся к этой области факты с марксистско-ленинских позиций.

Глава третья

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ ОБРАЗОВАНИИ И РАННЕЙ ИСТОРИИ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

В русской исторической литературе нет ни одного труда, целиком посвященного истории Венеции. Речь по случаю столетия падения Венецианской республики, принадлежащая Н. Лятошинскому, и небольшая брошюра П. Перцова под заглавием «Венеция» не могут быть названы такими сочинениями: речь Лятошинского посвящена преимущественно Венеции в конце XIX в. и в своей исторической части совершенно не затрагивает интересующих нас колониальных вопросов; работа Перцова

представляет собою впечатления туриста начала нашего века, интересующегося преимущественно вопросами венецианской живописи, которые одни только и даны в историческом аспекте¹.

Русский читатель, если он не владеет иностранными языками, может познакомиться с историей Венеции или по общим сочинениям по истории средних веков или по работам, посвященным смежным с историей Венеции историческим проблемам. Общие обзоры по истории средних веков касаются венецианской истории лишь в те ее моменты, когда республика св. Марка играла крупную роль в международных отношениях, что было, конечно, не всегда. Работы, имеющие предметом своего внимания специальные вопросы, только так или иначе связанные с венецианской историей, касаются последней лишь попутно в меру того интереса, какой возбуждает к венецианской истории специально изучаемый вопрос. Еще в большей степени справедливо это в отношении избранной нами темы.

Недостаток оригинальной исторической литературы мог бы быть до известной степени возмещен литературой переводной, однако истории Венеции не посчастливилось и в этом отношении: то немного, что переведено на русский язык, — ничтожно и по объему и содержанию. Мы можем назвать, пожалуй, только одно такое сочинение — статью известного нам Мольменти под заголовком: «Зарождение Венеции»². Произведение это представляет собою речь, произнесенную автором на торжественном собрании одного из итальянских городов. Здесь рядом с изложением общеизвестных фактов мы встречаемся с нелепыми измышлениями вроде, например, того, что в лагерь крестоносцев под Задаром в 1202 г. является сам экс-император ослепленный Исаак Комнин и агитирует крестоносцев «помочь ему снова занять свой трон»³. Это до такой степени странно, что мы, зная работу лишь в русском переводе, невольно вспоминаем итальянское изречение о «традuttori», которые могут быть «традители».

Предпринимая значительную по объему работу по истории Венеции, необходимо, думается, определить ее место не только в существующей иностранной литературе, но и в литературе русской, как она ни скромна по своему объему. Отсюда вытекает обязанность автора дать хотя бы краткий обзор и оценку того, что написано

по-русски по затрагиваемым в работе вопросам. Автор считал целесообразным для большей ясности изложения систематизировать его для досоветского периода по трем разделам: исторических сочинений, занимающихся трактовкой западно-европейской средневековой тематики, сочинений русских славистов и произведений русских византинистов.

Как ни естественно желание сделать этот обзор исчерпывающим, автор не считает возможным взять на себя такое обязательство и не только потому, что выполнение его связано с кропотливой работой по просмотру большого числа так называемых «толстых» журналов XIX в., но — и это главным образом — потому, что такие поиски не могут дать серьезных результатов; было бы, однако, очень жаль, если бы благодаря этому было пропущено что-нибудь: значительное.

1. Проблема Венецианской колониальной империи в трудах русских историков западного средневековья

Разработка вопросов истории Западной Европы началась в нашей стране сравнительно поздно, — заметные результаты она дала лишь в сороковых годах прошлого столетия, в связи с деятельностью Грановского. К концу этого десятилетия относится также и появление первой монографии, близкой по своему содержанию к интересующей нас теме. Это — книга П. Медовикова «Латинские императоры в Константинополе»⁴.

Книга написана на основании существующих тогда печатных изданий источников и потому не отражает документ, опубликованных позднее Тафелем и Томасом, без которых невозможно написать чего-нибудь действительно дельного по истории Венеции в XI—XIII вв., а стало быть и по истории Латинской империи. Монография эта в свое время подверглась суровой критике со стороны Грановского⁵. Мы каснемся ее с несколько иных, чем у Грановского, позиций.

Книга Медовикова — магистерская диссертация, т. е. по своему замыслу — труд ученый. Отсюда похвальное стремление автора писать по первоисточникам, но он обычно не в состоянии преодолеть влияния Лебо и Вилькена, и оставляет без анализа даже такой важный для него и нашей темы документ, как акт о разделе империи

от 1204 г. Вследствие этого венецианские владения в пределах империи представлены в совершенно фантастическом виде. По этому вопросу в диссертации Медовикова мы читаем следующее: «На долю венецианцев пришлось Киклады, Спорады, (впоследствии(?) и остров Кандия), также острова и весь восточный берег Адриатического моря с Иллирией, Эпиром, остальной(?) частью Эллады, Мореею; далее Фракийский Херсонес, берега Пропонтиды до Селимврии, Черного моря до Месимврии(?), Архипелага до Паллы и Веррей(?), несколько приморских городов в Фессалии(?), берега реки Гебра(?), Вардара(?), города Дадимотика и Адрианополь во Фракии; им определили Сербию, хотя она никогда(?) не зависела от Византийской империи»⁶. В этой характеристике территориальных приобретений Венеции после четвертого крестового похода не только не устанавливается разницы между реальными и бумажными приобретениями Венеции, но и ее бумажные права преувеличиваются до чрезвычайных размеров.

Прочие сведения по истории венецианских владений во время существования Латинской империи также не отличаются ни точностью, ни оригинальностью, не говоря уже о том, что Медовиков интересуется лишь некоторыми вопросами, касающимися этих владений.

Неприятно поражает современного читателя в книге нашего автора еще и узкоконфессиональная, «православная» точка зрения на события, стремление с монархической тенденцией расценивать мероприятия византийских императоров гораздо более благоприятно, чем они того в действительности заслуживают⁷.

Т. Н. Грановский дает правильную оценку этому сочинению, характеризуя его как неинтересное для широкой публики по сухости изложения и не представляющее ценности для специалистов, как неоригинальное⁸.

Сочинение Медовикова надо признать совершенно устаревшим.

В пятидесятых годах начали свою учено-педагогическую деятельность ученики Грановского, Кудрявцев П. Н. и Ешевский С. В. Оба они не дали ничего заметного в области интересующих нас вопросов, так как их штудии относятся к другим областям средневековой истории Запада. На пятидесятые же годы приходится и начало деятельности М. М. Стасюлевича, на книгах которого следует остановиться.

Стасюлевич касался венецианских дел в своем общем курсе по истории средних веков. Здесь истории Венеции на протяжении десяти веков (452—1489) уделено три страницы и сделано еще несколько замечаний в связи с четвертым крестовым походом⁹. Качество сведений, которые дает Стасюлевич по венецианской истории, далеко не стоит на уровне существовавших тогда у нас научных требований. В этом можно убедиться по таким, например, выпискам из его курса: «Расширение венецианских владений начинается с X в., когда Венеция, подчинив себе отдельные острова Архипелага(?), воспользовалась переселением славян на противоположном ей берегу и покорила Истрию и Далмацию»¹⁰; или в связи с четвертым крестовым походом — «Крестоносцы заключили договор с Венецианской республикой, по которому они обязались завоевать у Венгрии отложившийся от Венеции город Зару, ... а Венеция — перевести крестоносцев в числе 30 тыс. на азиатский берег»¹¹...; или еще при разделе владений Византии в 1204 г. — «Венеция получила на свою долю берега Греции. Но 60 лет спустя, завоеватели были изгнаны. С того времени Венеция начала клониться к падению(?)»¹²... Все эти и им подобные сведения могли только дезориентировать читателя, который вздумал бы познакомиться с историей Венеции по курсу Стасюлевича.

Значительно большую ценность, как известно, представляют собою известные извлечения, сделанные Стасюлевичем из наиболее важных источников по истории средневековья¹³. Извлечения эти не потеряли некоторого значения до настоящего времени, но в этом труде Стасюлевич не отвел места выдержкам из источников, которые относились бы к истории Венеции, хотя здесь и были помещены выписки из византийца Никиты и француза Вильярдуэна, у которых можно было взять немало интересного по истории Адриатической республики.

На шестидесятые годы приходится начало ученой деятельности И. В. Лучицкого, который дебютировал тогда небольшим очерком: «Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв.». Эта работа вышла в 1866 г. в Киеве, где началась ученая карьера Лучицкого. Несмотря на свое заглавие, как будто не обещающее ничего для историка Венеции, книга И. В. Лучицкого в действительности близко касается очень важного для Венеции вопроса о торговле рабами, в которой республика св.

Марка в пору не только раннего, но и более позднего средневековья играла едва ли не ведущую роль во всех районах Средиземноморья.

Работа написана Лучицким в значительной мере по источникам и с учетом новой в то время, главным образом итальянской литературы. Выводы автора ясны и обоснованы. Только напрасно Лучицкий называет книгу Хэззлита по истории Венеции, вышедшую в 1860 г., хорошей книгой, а автора ее «лучшим из историков Венеции»¹⁴: мы видели, что книга Хэззлита нехороша и в своем переработанном виде, в издании 1902 г., а в предисловии к этому изданию автор сам признается, что он «смеет-ся теперь» над своим старым трудом.

Очерк Лучицкого, труды Кудрявцева и Ешевского свидетельствуют о том, что русская историческая наука и в области изучения истории Запада твердо стояла тогда на собственных ногах.

На шестидесятые и семидесятые годы приходится и плодотворная научная работа Ф. К. Бруна, занимавшегося, между прочим, историей итальянских поселений в Крыму и, следовательно, одним из частных вопросов нашей темы. Правда Ф. К. Брун интересуется преимущественно генуэзскими поселениями в Крыму в соответствии с их большим значением и длительностью существования в этом районе, но он уделяет внимание также колониальной и торговой деятельности на юге нашего отечества и венецианцев¹⁵.

Исследования Ф. К. Бруна стоят вполне на уровне современной его деятельности европейской исторической науки позитивистского направления и по своему методу, и по точности и тщательности исследования, и по основательности выводов. С его мнением и выводами должен был считаться даже Гейд, общепризнанный тогда авторитет по вопросам левантийской торговли.

К нашей теме всего ближе стоит работа Ф. К. Бруна под заглавием: «О поселениях итальянских в Газарии», несколько раз им перерабатывавшаяся и в своем окончательном виде вышедшая в семидесятых годах. Здесь Брун доказывал, что венецианцы появились на Черном море и на примыкающих к нему территориях не в период существования Латинской империи, а гораздо ранее, никак не позднее XII в. Доводы, которые приводит автор, не лишены убедительности¹⁶. Он доказывает также, что венецианцы крепко сидели, если не господствовали, в пя-

тидесятых годах XIII в. в Сугдее, очень рано были знакомы с устьями Дона и в начале XIV в. обосновались в Тане¹⁷. Со всеми этими выводами нельзя не считаться и в настоящее время.

В ранних вариантах своей работы Брун высказывал ошибочное предположение о том, что в акте о разделе Византийской империи между венецианцами и крестоносцами будто бы упоминается черноморская Сугдея, но он должен был уступить в этом вопросе Гейду. Едва ли можно согласиться также и с тем, что под загадочными *Lazi et Lactu* того же договора о разделе империи следует видеть испорченные наименования Буга и Днепра¹⁸.

Ф. К. Брун был наиболее крупной фигурой среди исследователей проблем средневековой истории Черноморья, группировавшихся вокруг «Записок Одесского общества истории и древностей» и давших ряд этюдов по истории итальянского, преимущественно же генуэзского, господства на северных берегах Черного и Азовского морей. Здесь можно назвать Н. Мазуркевича, деятельность которого относится еще к сороковым годам, с его этюдами по истории генуэзских колоний в Крыму¹⁹; В. Юргевича, опубликовавшего несколько работ в названном выше органе, посвященных также генуэзским колониальным проблемам на Черном море²⁰; М. Волкова, давшего здесь же статью о генуэзском и венецианском соперничестве на Черном море²¹. Работы эти имеют, однако, к нашей теме лишь косвенное отношение и, кроме того, хронологически лежат за пределами рассматриваемого нами времени.

В восьмидесятых годах среди историков западного средневековья вопросов Венецианской колониальной империи касался профессор Осокин в своем общем курсе по истории средних веков. В его труде, однако, мы видим не продолжение традиции, созданной в русской исторической науке трудами Кудрявцева, Ешевского, Бруна, Лучицкого, но возврат к наименее удачным образцам прежнего времени.

Профессор Осокин касается истории Венеции в своем курсе в связи с историей четвертого крестового похода²². Автор дает беглый очерк истории Венеции до четвертого крестового похода, излагает историю самого похода и возникшей в результате его Латинской империи. Недостатки труда проф. Осокина известны, — они с беспощадным реализмом были указаны в свое время В. Г. Ва-

сильевским²³. Здесь нужно указать, что они полностью присущи и той его части, которая касается Венеции. Ряд весьма спорных положений излагается в его «Истории» аподиктически, точно установленные факты передаются неверно, очень важные вопросы обходятся молчанием. Нельзя признать также удавшейся попытку автора излагать события по источникам. Эта, сама по себе очень похвальная, задача не может быть разрешена путем привлечения источников случайных и второстепенных, известия которых принимаются при этом без всякой критики, — такова, например, попытка излагать историю четвертого крестового похода по Канале, который вовсе не является первостепенным источником по этому вопросу²⁴. В общем работа проф. Осокина по общей истории средних веков, как, впрочем, и его «Заметки по экономической истории»²⁵, не продвинули вперед изучения нашего вопроса.

В девяностых годах вышла очень небольшая, но очень содержательная статья проф. П. П. Митрофанова, под заглавием: «Изменение в направлении четвертого крестового похода»²⁶.

В этой статье проф. П. Митрофанов дал мастерский обзор ученой контroversы, возникшей во второй половине XIX в. вокруг вопроса о виновниках превращения затеянного Иннокентием III «дела благочестия» в «коммерческое предприятие»²⁷ и разбойное нападение на Восточную столицу. Автор не выдвигает в своей работе какой-нибудь новой точки зрения на этот вопрос, но дополнительно обосновывает уже высказанные взгляды, кажущиеся ему наиболее вероятными, и делает это в высокой степени убедительно. Он отвергает теорию преднамеренности похода в обоих ее вариантах — и в венецианском, и в швабском — и соглашается с мнением Ганото, который объясняет изменение в направлении четвертого крестового похода не одним, исключительным влиянием, а видит в нем результат «целой совокупности многих сил, которые явились выразительницами интересов, существовавших у различных лиц во время события 1202—1203 гг.»²⁸. Выявление действия этих сил, их показ, основанный на добросовестном изучении первоисточников по истории четвертого крестового похода, поскольку они имеют отношение к изучаемой им контroversе, и составляет содержание интересующей нас статьи. Работа проделана настолько основательно, что Герланд, писав-

ший по тому же вопросу несколько лет позднее, в сущности ничего не мог сказать более того, что он нашел у проф. Митрофанова²⁹.

В высшей степени достойно сожаления, что авторы общих и специальных сочинений по истории средневековья, касающиеся событий четвертого крестового похода и писавшие позднее выхода в свет статьи проф. Митрофанова, проходили мимо этого значительного явления русской буржуазной историографии по западному средневековью.

В конце восьмидесятых, девяностых годов прошлого столетия и в начале текущего в буржуазной исторической литературе обнаруживается, как известно, повышенный интерес к проблемам социально-экономическим. В это время появляется ряд историков экономических проблем, касавшихся в своих работах также и вопросов венецианского хозяйства. Здесь мы должны назвать имена М. М. Ковалевского, А. К. Дживелегова, И. М. Кулишера.

В конце XIX и начале XX столетия М. М. Ковалевский обогатил русскую историческую науку капитальным трудом, посвященным вопросам средневекового хозяйства Западной Европы³⁰.

Уже в этом труде М. М. Ковалевский уделил довольно значительное внимание проблемам венецианской истории. Во втором томе его «Экономического роста Европы до возникновения капиталистического хозяйства» им освещаются некоторые вопросы организации сельского хозяйства Венеции, в третьем он довольно подробно касается проблем ремесленного производства и деятельности венецианских цехов³¹. Только что вышедший тогда первый том издания «Цеховых уставов» Монтиколо позволил ученому трактовать вопрос с достаточным знанием дела и на основе документальных материалов.

Ближайшее отношение к нашей теме имеет статья М. М. Ковалевского, рассматривающая вопросы о роли Венеции в торговле на Черном море в средние века³².

Эта большая статья написана на основе внимательного изучения источников, частью неопубликованных,— это единственное произведение в русской исторической литературе, выполненное на основе предварительной работы в венецианских архивах. В противоположность Гейду Ковалевский считает возможным отнести появление венецианцев в черноморских водах к очень раннему времени, еще к XI в., и с этого же времени возможна, по его

мнению, и их конкуренция с генуэзцами³³. Обе республики обосновались по настоящему, однако, в черноморских портах лишь в период существования Латинской империи: в 1238 г. генуэзцы положили начало своей колонии в Кафе; венецианские корабли, вероятно, около этого же времени появляются в Азовском море, но если не основание, то быстрый рост венецианской Таны относится только к началу XIV в.³⁴. Появление венецианского «байюльства» в Трапезунде автор ставит в связь с потерей Венецией своих позиций в Константинополе и полагает, что с этого же времени ее «торговля в принадлежащих Византии портах стала переходить почти всецело в руки генуэзцев»³⁵. Все эти соображения составляют лишь нечто вроде введения в изложение основной темы статьи, относящейся к судьбам венецианской и генуэзской колоний в Танае в течение XIV и XV столетий, т. е. за пределами рассматриваемого нами времени, что и лишает нас возможности использовать ее для наших целей в полном объеме.

Из только что приведенных положений М. М. Ковалевского не все могут быть приняты безусловно: его тезис о раннем появлении венецианских купцов в Черном море несомненно нуждается в дополнительном обосновании; прямо неверным надо признать его положение о переходе торговли в греческих водах после 1261 г. «почти всецело в руки генуэзцев», так как оно полностью опровергается содержанием договора Венеции с Михаилом Палеологом от 1268 г., проект которого сторонами был разработан еще в 1265 г.

К вопросам венецианской истории М. М. Ковалевский еще раз обращается в другом своем труде, посвященном проблемам западно-европейской истории в средние века и новое время. Мы имеем в виду его работу, трактующую о происхождении современной демократии³⁶. Четвертый том этого произведения целиком посвящен проблемам истории Венеции³⁷. Однако в нем рассматриваются последние десятилетия ее существования и излагается история ее падения. То немногое, что относится в этой книге к более ранней истории Венеции, касается преимущественно внутренней жизни республики и при том в форме отдельных замечаний или коротких справок. По всем этим причинам эта работа М. М. Ковалевского,

несмотря на свою большую ценность в пределах трактуемых ею вопросов, не могла быть полезной при разработке нашей темы.

Труды А. К. Дживелегова, наиболее близко стоящие к нашей теме, вышли в начале текущего столетия, — это его «Торговля на Западе в средние века» и статья о Венеции в словаре Граната. Обе работы рассчитаны на широкую популяризацию исторических знаний и должны были отражать состояние исторической науки в сфере этих вопросов к началу XX в.³⁸ К сожалению, этого сказать о названных работах А. К. Дживелегова нельзя.

Он допускает в обеих этих работах ряд неточностей и прямо неверных утверждений, заимствованных у разных иностранных авторов. Нельзя, например, ограничиться утверждением, что «в 1000 г. дож Орсеоло подчинил республике разбойничье(?) население Далматинского побережья, сильно затруднявшее правильные рейсы по Адриатическому морю», как это делает автор, касаясь важного вопроса о начале венецианской колониальной экспансии. Неверно утверждение, что «погром 1183 г. (?) сделался одним из поводов для завоевания Константинополя крестоносцами четвертого крестового похода»³⁹, так как никто из участников похода такого предлога не выставлял. Об очень важном вопросе, что представляли собою венецианские владения после четвертого крестового похода, нельзя получить даже приблизительного представления из тех фраз, которые имеются на этот счет у А. К. Дживелегова. «Ни одно местечко, мало-мальски пригодное для основания какого-нибудь торгового пункта, — читаем мы в «Торговле на Западе», — не миновало их рук... Начиная от Геллеспонта и кончая Критом, все(?) принадлежало ей... В Константинополе Венеция посадила своего подесту, который был губернатором венецианских владений в империи и главой венецианской колонии в ее столице»⁴⁰... Все эти выражения — «ни одно местечко не миновало ее рук, все принадлежало ей» — не соответствуют действительности и неверно также, что подеста был губернатором венецианских владений в империи. Хорошей мыслью автора было дать представление не только о торговле но также и о венецианской промышленности, но практическое осуществление этого намерения нельзя признать вполне удавшимся: замечания его на этот счет беглы и не всегда

точные⁴¹, что, впрочем, находит себе объяснение отчасти в слабой общей разработке вопросов венецианской промышленности по сравнению с вопросами торговли.

Несколько позднее работ Ковалевского и Дживелегова вышла книга проф. И. М. Кулишера, в которой рассматриваются вопросы экономической жизни Западной Европы в средние века и новое время⁴². При той большой роли, которую Венеция долгое время играла в хозяйственной жизни Европы, мы вправе ожидать от автора довольно объемистого труда по истории западно-европейского хозяйства и соответствующего этой роли места в его книге для истории хозяйства Венецианской республики. И. М. Кулишер и в самом деле несколько раз по разным поводам касается вопросов венецианского хозяйства и высказывает ряд интересных и верных мыслей, как, например, мысль о том, что четвертый крестовый поход дал в распоряжение республики св. Марка большие средства, способствовавшие тому, что ее купцы могли потом широко развернуть торговлю и поставить кредитные операции⁴³. Однако приходится заметить, что рядом с этим в рассматриваемой нами книге есть и неточности, и значительные фактические погрешности, а некоторым вопросам не уделено надлежащего внимания.

К группе последних мы относим, например, недостаточное освещение венецианской торговли в раннее время, до начала крестовых походов: в главе, посвященной промыслам и обмену в этот период, Венеция даже не упоминается, хотя в X и XI вв. республика св. Марка играла уже большую роль в торговле восточного Средиземноморья, и на грани, отделяющей эти столетия, Венеция положила начало своей колониальной экспансии, а потом глубоко проникла в пределы Византийской империи и приобрела большое значение в самом Константинополе, город же этот по признанию самого автора, в IX—XI вв. был центром международной торговли⁴⁴. Недостаток внимания к вопросам ранней венецианской торговли привел автора к ошибочному мнению, которое он развил в одном своем сочинении по истории хозяйства средневековой Европы, а именно, что будто бы торговля хлебом возникла в Европе не ранее XIII в.⁴⁵, с чем согласиться, конечно, невозможно. Не отведено надлежащего места в книге проф. Кулишера также и венецианским цеховым организациям в главах, трактующих о цеховом строе и происхождении цехов в Западной Европе.

Образование Венецианской колониальной империи, завершившееся в основном в первой половине XIII в., является фактом большой важности и не только политической, но также и экономической,—вопрос этот в книге, занимающейся вопросами истории хозяйства, должен был бы найти надлежащее освещение; между тем И. М. Кулишер говорит в своей книге об этом вопросе лишь в очень немногих словах, на основе которых нет ни малейшей возможности составить себе даже приблизительного представления о том, чем была первая колониальная империя Европы⁴⁶.

Из этого видно, что вопросы колониального венецианского хозяйства не находили надлежащего освещения даже в таких специальных и серьезных трудах, как труды Кулишера, тем в меньшей степени можно рассчитывать на правильное их освещение в сочинениях второразрядных, не рассчитанных на самостоятельное разрешение исторических проблем, как, например, небольшая книга М. Соболева по истории «всемирной» торговли, служившая учебником для коммерческих училищ⁴⁷.

Нельзя признать вполне удачным в части, касающейся Венеции, и сочинение Е. В. Тарле, составленное им еще в начале его большой ученой карьеры. В его истории средневековой Италии⁴⁸ высказан целый ряд спорных или неверных утверждений, отчасти отражающих неудовлетворительное состояние изучения ряда венецианских проблем в тогдашней буржуазной исторической литературе, так как по вполне понятной причине Е. В. Тарле писал свою книгу, рассчитанную на широкую публику, не на основе самостоятельной работы по источникам.

Укажем несколько примеров. После похода Пьетро Орсеоло к берегам Далмации, которое автор относит к 997 г., Венеция будто бы посылала в далматинские города своих подеста⁴⁹, — утверждение ошибочное, основанное на позднейшей (XVIII в.) приписке к хронике Дандоло. В XI в. по причине внутренних несогласий Венеция будто бы не смогла принять участие в борьбе с сардинскими маврами⁵⁰; но возникает вполне законный вопрос, а для чего вообще ей нужно было бороться с ними, чем они ей мешали? Венеция никогда не вела борьбы из-за идеологических соображений, ее политическое мышление всегда было реальным, и мы видим, что в том же XI в. внутренние раздоры не помешали ей вести борьбу с теми же маврами, засевшими в Бари, или с норма-

нами, пытавшимися обосноваться на обоих берегах Адриатики. Неверно, что «дипломаты, делившие Византию, понятия не имели даже о целой массе городов, поселков и провинций Восточной империи»⁵¹, хотя это сведение и основывается на показании Никиты Хониата. Поселков дипломаты, конечно, могли и не знать, хотя договор не подтверждает этого, но что касается городов и провинций, венецианцам стоило только развернуть договор с Алексеем III, заключенный лишь пять—шесть лет перед датой раздела, чтобы получить исчерпывающее представление и о городах, и о провинциях Восточной империи, а в комиссии по разделу было 12 венецианцев и на верное можно утверждать, что не все они были глупцами и невеждами. В абрисе контуров Венецианской колониальной империи допускается обычная ошибка, заключающаяся в преувеличении действительных территориальных приобретений Венеции и ничего, конечно, не говорится о ее организации⁵². Все это повторяем в значительной мере потому, что таково было положение этого вопроса в наиболее распространенных работах по истории Италии и Венеции в начале текущего столетия.

С точки зрения интересующих нас проблем заслуживает также внимания и литографированный курс по истории крестовых походов Д. Н. Егорова, читанный им на женских курсах в Москве в 1914—1915 гг.⁵³. В работе профессора Егорова изложения конкретных фактов крестоносного движения почти нет. О четвертом крестовом походе, например, есть только краткие упоминания. Роль Венеции в движении, по этой причине, не могла быть освещена с надлежащей полнотой и там, где об этом предмете заходит речь, высказываются мнения, с которыми невозможно согласиться, — укажем для примера на изложение событий венецианского похода в Сирию в двадцатых годах XII в.⁵⁴.

Мы полностью разделяем взгляд проф. Егорова на крестоносное движение, как движение колонизационное⁵⁵. Считаю, однако, неприемлемым его тезис об отсутствии на Средиземном море деятельности европейских купцов вплоть до крестовых походов. Автор вообще преувеличивает значение крестовых походов в истории хозяйственного и культурного развития Западной Европы и совершенно напрасно называет время, непосредственно за ним следовавшее, «новым» временем⁵⁶.

Упрекая одного из историков крестовых походов, именно Вилькена, в излишней заботливости о мелочах, Д. Н. Егоров своею собственной работой доказал необходимость самого внимательного к ним отношения. Это предохраняет от поспешных и неоправданных выводов.

Наконец к числу медиевистов в очень условном смысле этого слова мы отнесем Н. Рожкова, писавшего историю нашего отечества, как известно, «в сравнительно-историческом освещении». Второй и третий томы его «Русской истории» имеют подзаголовки: Феодализм и падение феодализма⁵⁷.

Своеобразный подход к трактовке проблем русской истории дал автору возможность остановиться и на истории Венеции как во втором, так и в третьем томах его работы. Некоторое отношение к нашей теме имеет, впрочем, лишь второй том, так как в третьем рассматривается «падение феодализма в Венеции», что автор относит к XIV в.⁵⁸ и что лежит, следовательно, за пределами хронологических рамок нашей работы.

Во втором томе названной работы Н. Рожков касается истории Венеции от начала до 40-х годов XIV в. Это беглый очерк истории Венеции за 9 столетий ее первоначального существования. Автор следует Шаубе в трактовке экономических и отчасти политических проблем, Хэзлиту — в вопросах социальной истории и Кречмайру — в вопросах политической организации Венеции.

Не касаясь пресловутого «муниципального феодализма» Н. Рожкова, который он открывает и у хеттов, и у ассирийцев, и у древних греков, мы должны сказать, что качество его очерка прямо определяется качеством избранных им авторитетов, вследствие чего особенно неудачны те части его экскурса, которые опираются на Хэзлита. Так, мы узнаем из замечаний нашего автора, что землевладельцев в Венеции первоначально не было, что они появляются там в начале XI в.; что только в XII и XIII вв. «резко обособились»... «городские ремесленники в городе, феодально зависимые люди и особенно крестьяне или вилланы в деревне»; что уже в XIII в. цеховая ремесленная промышленность уступает в Венеции место рассеянной мануфактуре, тому, что вслед за Бюхером Рожков называет «домашней промышленностью»⁵⁹. Все это совершенно не соответствует действительности и представляет собою более или менее произвольные измышления авторитетов Н. Рожкова.

Проблемы внешнеполитической истории изображаются автором не более удачно: по его мнению дож Пьетро Орсеоло II в 1000 г. «завоевал Далмацию»⁶⁰, Латинская империя просуществовала 70 лет⁶¹, Иерусалим был взят Готфридом Бульонским «при поддержке, оказанной ему Венецией» и т. п.⁶².

Рожков вовсе не касается при этом проблем колониальной истории Венеции и не дает представления о составе и протяженности основанной венецианцами империи. Единственная фраза, посвященная им этому вопросу, звучит крайне неопределенно: «Константинополь, Балканский полуостров вообще и далее Крит и берега Черного моря становятся почти исключительно коммерческим достоянием Венеции»⁶³.

Более удачный выбор авторитета для освещения политической структуры Венеции, в лице Кречмайра, позволил Рожкову дать и более правильное изображение политической организации Венеции до начала XIII в. Но так как в руках нашего автора мог быть только первый, то для второй половины XIII в. и начала XIV он опять опирается на Хэззлита и опять неудачно: правильного представления о политической организации Венеции в это время из его работы получить нельзя.

Таково положение интересующих нас вопросов в работах русских медиевистов прошлого и начала текущего столетия.

2. Венецианская колониальная империя в трудах русских славистов

Венецианская колониальная экспансия, как известно, в первую очередь была направлена в сторону славянского мира, в область славянских поселений на далматинском побережье, поселений хорватских и сербских. Вследствие этого историки этих славянских народов неизбежно должны были касаться проблем, входящих в состав нашей темы. Пересмотр того, что сделано славистами в интересующей нас области, необходим не только из соображений возможной целостности и полноты историографического обзора, но также и потому, что тем самым определяется место нашей работы и степень ее значения для некоторых вопросов истории южного славянства.

Необходимо признать, что существующие общие труды по истории южных славян русских славистов досоветского периода, как правило, неполно освещают проблему взаимоотношений южно-славянского мира с Венецией. Это объясняется, надо думать, тем, что политическая острота борьбы южно-славянского мира против итальянского национализма и шовинизма—явление сравнительно недавнего времени.

У авторов, писавших о хорватах в своих общих курсах по истории южных славян, проблема взаимоотношений хорватов-венецианских или вообще не затрагивается, или освещается очень бегло, хотя в первый век венецианской колониальной экспансии она направлялась прежде всего, в область хорватских интересов. В общем курсе по истории южных славян московского профессора В. Н. Щепкина, например, даже история самих хорватов почти не затрагивается, и это не случайно, так как проф. Щепкин прямо говорит, что под историей южных славян он разумеет историю болгар и сербов⁶⁴. В других общих курсах по истории южных славян, хоть мы и не встречаемся с такой крайностью, тем не менее интересующая нас проблема остается совершенно неосвещенной, таков, например, курс проф. П. А. Лаврова⁶⁶.

В более раннем, чем названные работы, труде М. С. Дринова, в котором он рассматривает славяно-византийские отношения в X в., хорватов-венецианским отношениям отводится некоторое место, но и здесь интерес автора не выходит за рамки вопроса об экспедиции Пьетро Орсеоло, причем известия на этот счет венецианских источников принимаются без надлежащей критики⁶⁷.

Среди историков, писавших по истории отдельных юго-славянских народов, первое слово по вопросу славяно-венецианских отношений принадлежит историкам сербов и хорватов. Болгария по своему географическому положению находилась в стороне от славяно-венецианских споров,— период существования Латинской империи представляет собою исключение,— тогда как земли хорватов и сербов были постоянным объектом венецианских воцелений, и именно здесь венецианцы господствовали в течение нескольких столетий. Поэтому интересующими нас вопросами и занимались преимущественно историки Хорватии и Сербии.

Среди русских славистов, давших общие обзоры по истории Хорватии с охватом раннего ее периода, мы можем назвать два имени: казанского профессора И. Н. Смирнова и А. Л. Липовского.

В своем очерке по истории Хорватского государства до подчинения его Венгрии⁶⁸ И. Н. Смирнов добросовестно собрал все, что он мог найти по интересующим нас вопросам в венецианских напечатанных тогда источниках: известия о столкновениях хорватов с Венецией в IX и X вв., рассказ о походе Пьетро Орсеоло II к далматинскому побережью, данные о попытках хорватских королей противостоять венецианской агрессии⁶⁹. Серьезным недостатком труда казанского ученого является его излишнее доверие к сообщаемым А. Дандоло известиям о первых шагах венецианской экспансии в направлении восточных берегов Адриатики⁷⁰.

Хорошим дополнением к этому сочинению с точки зрения интересующих нас вопросов является другая работа И. Н. Смирнова, посвященная проблемам взаимоотношений Венеции с далматинскими городами в XII—XIV вв.⁷¹ Здесь в своих основных линиях совершенно правильно изображается своекорыстная политика республики св. Марка в зависимых от нее далматинских общинах. Это выгодно отличает работу русского ученого от писаний итальянских националистов на эту тему.

Небольшая статья Смирнова, написанная им вскоре после выпуска только что названных работ, в которой он характеризует внутреннюю жизнь далматинских общин в X и XI вв.⁷², представляет для нас интерес только попыткой определить характер зависимости этих общин от Венеции в эти столетия. Справедливо заподозрив приписки в Амвросиевском кодексе хроники Дандоло, как позднейшие добавки, не имеющие значения первоисточника, И. Н. Смирнов не без основания считает, что зависимость эта была очень слабой и выражалась в уплате незначительной дани, в военной помощи и в некотором стеснении сношений с иностранцами. Нельзя, однако, согласиться с другим утверждением автора, по которому «назначение венецианским правительством властей общинных подготовлялось медленно и явилось только в XIII в.»⁷³, так как есть документы, свидетельствующие о том, что венецианские комиты в городских общинах Далматинского архипелага появились еще в XII в.

Несколько позднее трудов И. Н. Смирнова вышла небольшая книга А. Л. Липовского, также посвященная специально истории хорватов⁷⁴. В свое время она вызвала неодобрительный отзыв доц. Ястребова⁷⁵, но его критика относилась к вопросам, не касающимся нашей темы. Положение далматинских городов и взаимоотношения хорватских государей и Венеции очерчены в книге А. Л. Липовского примерно в том же объеме и с теми же достоинствами и недостатками, которые нами только что были отмечены в аналогичном труде И. Н. Смирнова. Это объясняется, надо думать, единством подхода к рассматриваемым вопросам и тождеством источников.

В качестве общего заключения о работах И. Н. Смирнова и А. Л. Липовского надо сказать, что ими, особенно первым, для правильного освещения ранних хорвато-венецианских отношений сделано гораздо более, чем многими другими буржуазными историками Венеции и южного славянства.

Историки Сербии касаются взаимоотношений сербов и венецианцев почти исключительно в связи с историей Дубровника. Для истории этих взаимоотношений всего больше среди русских славистов еще в шестидесятых и семидесятых годах прошлого столетия было сделано В. М. Макушевым⁷⁶. Макушев довольно значительное время провел в Дубровнике, работал в местных архивах, поскольку это ему разрешалось местными австрийскими властями, весьма подозрительно относившимися к работе русского ученого, извлек из дубровницких архивов некоторые не лишённые интереса летописные известия из истории этого славянского города и опубликовал их в своей работе. Если историки Хорватии освещали историю взаимоотношений городов Далмации с республикой св. Марка исключительно на основании венецианских источников, то В. М. Макушев положил в основу своих выводов об отношении Дубровника к Венеции в XI—XIII вв. те известия, которые он нашел у «дубровницких бытописателей». Известия эти изображают ранние отношения между Венецией и Дубровником как отношения равноправных государств, как состояние полной независимости Дубровника от республики св. Марка вплоть до начала XIII в.⁷⁷ Можно не соглашаться с Макушевым в трактовке им тех или других частных вопросов из истории взаимоотношений двух Ад-

риатических республик, но необходимо признать его за слугой, что он попытался привлечь внимание историков к местным источникам, вопреки установившемуся порядку считаться только с венецианцами. Игнорирование историком далматинских общин И. Н. Смирновым как исследований Макушева, так и опубликованных им материалов, отнюдь не является положительной стороной его работ. К слабым сторонам исследований Макушева относится недостаточное внимание к вопросам классовой борьбы в городских общинах Далмации вообще и в Дубровнике в частности, что, впрочем, является обычным недостатком буржуазной историографии середины XIX в., а также недостаточное внимание его к материалам, незадолго перед выходом в свет его сочинения, опубликованным Тафелем и Томасом. Это воспрепятствовало автору отнестись с надлежащей критикой к его источникам и дать более конкретное изображение установившихся в XIII в. взаимоотношений между Дубровником и Венецией.

Историки Сербии после Макушева не сделали ни одного шага вперед в разработке вопроса о взаимоотношениях славянского мира с Венецианской республикой, больше того — в отдельных трудах можно встретить совершенно ошибочные суждения по вопросам венецианской колониальной истории. В курсе проф. Лаврова, который мы уже называли, мы встречаем, например, утверждение, что в состав венецианских владений входил Родос, которым Венеция будто бы овладела после какого-то «не состоявшегося раздела» византийских владений⁷⁸.

В небольшой книге серба Драго Войновича, изданной на русском языке, мы напрасно стали бы искать освещения интересующей нас проблемы, — отношения сербов и венецианцев Войновича не интересовали, он едва упоминает о Венеции; зато он много занимается болгарами с целью доказать, что болгары занимают сербские земли, что сама София стоит на сербской земле, и что «царство, которое было основано Шишманом», было не болгарским, как это думают, а сербским⁷⁹. Такая же узконационалистическая и конфессионально-православная точка зрения сквозит в его суждениях по истории хорватов, которых он строго осуждает за их католичество⁸⁰.

Еще в одном труде по истории Сербии, принадлежащем А. Л. Погодину, мы находим едва ли не единствен-

ное замечание по интересующему нас вопросу и притом замечание, которое надо признать вымышленным с начала до конца: «В союзе с франками, — читаем мы в книге проф. Погодина, — расширили свои владения венецианцы, которым удалось получить в 805 г. Далмацию, населенную уже в ту пору сербами»⁸¹. Нет нужды доказывать, что в союзе с франками венецианцы не были и никаких совместных политических шагов не предпринимали, что в 805 г. они не только не получили Далмацию, но даже и не пытались добиться этого, что только два столетия позднее была сделана такая попытка, не давшая и тогда сколь-нибудь длительных результатов.

Ничего нельзя узнать о взаимоотношениях сербов с венецианцами в XI—XIII вв. и из уже упоминавшегося выше труда по истории южных славян проф. Щепкина, хотя историей сербов он занимается в своей книге гораздо более подробно, чем историей хорватов.

Лавров, Войнович, Погодин, Щепкин, касаясь истории Дубровника, совершенно не интересуются его взаимоотношениями с республикой св. Марка и словно не подозревают, какое большое значение эти отношения в свое время имели для экономической и политической жизни Дубровницкой республики. Замечательно, что работа В. М. Макушева не оказала ни на одного из них никакого влияния, хотя только один этот труд не был компиляцией и опирался на самостоятельное изучение источников, частично архивных.

Мы уже отмечали выше, что историки Болгарии по вполне понятной причине имели гораздо меньше поводов касаться ранних взаимоотношений Венеции с южным славянством, чем историки хорватов и сербов. В непосредственное соприкосновение с болгарами Венеция пришла только после образования Латинской империи, причем и в это время их столкновения носили узко местный и временный характер, так как венецианские колониальные приобретения лежали вне собственно болгарских владений. Вследствие этого историки Болгарии более или менее подробно излагают только столкновение латинян с болгарами во время правления Иоанницы или Калоианна, освещают взаимоотношения последующих болгарских государей с Никеей и Латинской империей, но все эти события и отношения, за исключением столкновения латинян и в их числе венецианцев с болгарами в 1205 г., не оказывали непосредственного влияния на

дела Венецианской колониальной империи. Эти соображения, как нам кажется, позволяют считать излишним обзор взглядов наших историков Болгарии на эти события. Это тем более, что собственно Венеции и Венецианской империи они обычно и не касаются.

Это одинаково относится как к названным выше общим трудам по истории южного славянства, так и к специальным трудам по истории Болгарии, как книга В. М. Макушева «Болгария в конце XII и в первой половине XIII вв.»⁸² или Ф. И. Успенского «Образование второго Болгарского царства»⁸³.

3. Венецианские проблемы в трудах русских византинистов

В гораздо большей степени, чем славистам, венецианскими делами приходилось интересоваться историкам Византии, хотя мы и здесь не имеем труда, который специально был бы посвящен вопросам взаимоотношений византийцев с венецианцами, и у них мы, как и у историков южного славянства, встречаемся только с более или менее значительными высказываниями по этим вопросам, делавшимися попутно в связи с изложением тех или иных событий из истории Византии.

Оставляя в стороне ранних представителей византиноведения, писавших на темы, близкие к рассматриваемым нами вопросам, как, например, А. Куник, автор сочинения, посвященного образованию Трапезунтской империи, мы остановим наше внимание на трудах В. Г. Васильевского, который вывел русское византиноведение к одно из первых мест в европейской науке. Среди сочинений В. Г. Васильевского, касающихся наших вопросов, надо назвать его «Союз двух империй», его статьи — о книге Ф. И. Успенского «Образование второго Болгарского царства», о сочинении Ф. К. Бруна «Итальянские поселения в Газарии», — сочинения, озаглавленные «Советы и рассказы византийского боярина XI в.», его работу о Суроже и ряд др. То сравнительно немного, что можно найти у акад. Васильевского по интересующим нас вопросам, отличается, как и все, что им написано, замечательной тонкостью анализа источников и по большей части неопровержимостью доводов. Не случайно многие из его выводов являются прочным достоянием науки, в частности и в области рассматриваемых нами вопросов.

Мы, однако, должны указать прежде всего на те положения В. Г. Васильевского, с которыми мы не считаем возможным согласиться. Их, впрочем, очень немного. Так, по нашему мнению, необходимо взять под сомнение его тезис о том, что Далмация была передана Византией под власть венецианских дождей уже в 998 г.⁸⁴ Тезис этот не имеет за собой ничего, кроме известия Дандоло, которое справедливо подвергнуто сомнению и в настоящее время обычно отвергается. Вероятно, досадной обмолвкой является его замечание, что «Венеция была естественною союзницей Византии, почти всегда верною, искренне преданною служительницей Восточной империи»⁸⁵... Эта фраза полностью противоречит всему, что нам известно об отношении Венеции к Восточной империи, и плохо согласуется с характеристикой этих отношений, данной В. Г. Васильевским в той же статье, откуда взята и приведенная цитата⁸⁶.

Рядом с этим мы безусловно должны согласиться с его очень убедительной характеристикой и мастерским изображением той международной обстановки, которая сложилась в районе Адриатического моря в первой половине правления императора Мануила⁸⁷. Надо признать прочным достоянием науки его замечания по истории четвертого крестового похода, касающиеся «венецианской» и «швабской» теорий относительно изменения направления этого похода⁸⁸. Вероятно никому не удастся поколебать его вывода относительно даты бегства сына императора Исаака II Алексея, имеющей такое важное значение в истории четвертого крестового похода⁸⁹. Попытка этого рода, предпринятая в недавнее время буржуазным византинистом Грегуаром, должна быть признана несостоятельной, о чем у нас была речь выше⁹⁰. Надо отметить далее ряд интересных замечаний по истории современного Судака, города с большим генуэзским и венецианским прошлым⁹¹, замечания по полемике Ф. К. Бруна с Гейдом⁹².

В восьмидесятых годах вышла не лишенная значения книга Н. Скабалановича «Византийское государство и церковь в XI в.». Сочинение это, очень обстоятельное в области тех вопросов, которым оно посвящено, мало интересуется городом и городской экономической жизнью, в связи с чем остается неосвещенной и роль итальянских городов в этой жизни. Непосредственное отношение к нашей теме имеют немногие страницы, по-

священные административному делению Византии и описывающие фемы, которые были расположены на берегу Адриатического моря. Это дает автору повод коснуться и вопросов относительно роли Венеции на восточном побережье Адриатики в XI в.⁹³. Это самый темный период в колониальной истории Венеции, и сочинение Скабалановича не способствовало его прояснению, так как автор ограничился лишь фактами, известными и до него, и не попытался дать им какого-либо иного обоснования или истолкования.

В семидесятых и восьмидесятых годах вышли первые крупные сочинения Ф. И. Успенского. Академик Успенский оставил после себя большое литературное наследство, из которого отношение к нашей теме имеют прежде всего такие его сочинения: «История крестовых походов», «Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний», «Цари Алексей II и Андроник Комнины», переработанные им позднее под наименованием «Последние Комнины», «Следы писцовых книг в Византии» и работы по генезису феодализма в Византии. Значительная часть этих работ вошла потом в III том его «Истории Византии», изданный, как известно, после смерти автора; но эта книга представляет собою не простое воспроизведение написанного ранее, а дает по интересующим нас вопросам очень много нового, в частности по истории венецианских владений на Востоке в XIII в.

Ф. И. Успенский в разработке тех вопросов, которые являются нашей темой, сделал более чем кто-либо другой, может быть даже более, чем все русские историки вместе взятые. Если бы из его сочинений сделать выборки для освещения нашей темы, то получилась бы довольно связная трактовка большинства ее важнейших вопросов. В самом деле: Ф. И. Успенский довольно подробно останавливается на взаимоотношениях Венеции и Византии в предшествовавшее четвертому крестовому походу время; освещает события этого последнего; дает представление о комплексе колониальных владений Венеции в пределах Византийской империи; останавливается на организации управления колониальными владениями Венеции; трактует о военных мероприятиях венецианцев для их защиты; касается даже вопросов классовой борьбы в некоторых венецианских владениях.

К сожалению, значительная часть этого богатого наследства не может быть принята безоговорочно.

Это касается прежде всего методологических основ работы акад. Успенского. Оставаясь до конца на позициях буржуазной позитивистской исторической школы, именно того ее направления, которое обнаружило повышенный интерес к социально-экономическим проблемам, Ф. И. Успенский не мог правильно осмыслить трактуемые им исторические вопросы. Отсюда — методологические промахи акад. Успенского.

Мы приведем один пример из области, имеющей к нашей теме непосредственное отношение. На странице 498 третьего тома «История Византийской империи» Ф. И. Успенский, рассказав о первом поселении венецианских колонистов на Крите, пишет: «Так как над поселенными рыцарями не было никаких сюзеренов и ими управляли назначенные республикой власти, то венецианская колонизация воспроизводила не феодальную, но римскую организацию оккупированных земель и имела известное сходство с русской помещной системой. Крепостные греки заменяли рабов». Перед нами большая путаница понятий, свидетельствующая о ненаучном понимании существа феодальных отношений: типично феодальную систему венецианской колонизации акад. Успенский отказывается признать феодальной.

Часть ошибочных положений Ф. И. Успенского объясняется игнорированием им частных венецианских грамот, по которым лучше, чем по источникам повествовательного характера, можно решить некоторые вопросы из истории венециано-византийских отношений. Мы имеем в виду грамоты венецианского нотариального архива, часть которых в кратком изложении довольно давно уже была опубликована Баракки. Отсюда с неизбежностью вытекал ряд ошибочных тезисов..

К таким положениям мы относим прежде всего его мнение о том, что венецианцам удалось добиться восстановления своего прежнего положения в Византийской империи еще при императоре Мануиле и что во время известного погрома латинян в Византии в 1182 г. пострадали будто бы главным образом, если не исключительно, венецианцы⁹⁴. Никаких доказательств в обоснование этого Ф. И. Успенский не приводит и привести не может, так как их нет, а это потому, что венецианцы во время этих

событий или вовсе не пострадали, или пострадали из них только немногие отдельные лица. В связи с этим не выдерживает критики и другое утверждение акад. Успенского, что константинопольское направление четвертого крестового похода было в какой-то мере возмездием Византии со стороны Венеции за события 1182 г.⁹⁵, — басня, широко распространенная в исторической литературе, но не находящая себе ни малейшего подтверждения в источниках и прежде всего в источниках венецианских, в данном случае особенно важных.

В своем анализе событий четвертого крестового похода акад. Успенский обнаруживает или игнорирование, или странное для него незнание с небольшой работой проф. Митрофанова⁹⁶, о которой выше уже говорилось, тем более странное, что напечатана она была в «Византийском Временнике», к которому Ф. И. Успенский был так близок. Знакомство или желание считаться с этой работой помогло бы ему избежать некоторых очень существенных ошибок в трактовке проблем четвертого крестового похода. Впрочем, акад. Успенский, хорошо зная рецензию акад. Васильевского на свой труд об образовании второго Болгарского царства, считает возможным, однако, в своей «Истории крестовых походов» отстаивать такие положения, которые акад. Васильевским в этой рецензии были поколеблены в самых основаниях. Мы имеем здесь в виду так называемую «швабскую» теорию объяснения изменения направления четвертого крестового похода⁹⁷.

Необходимо заметить, что все изложение событий четвертого крестового похода носит на себе отпечаток какой-то странной тенденциозности, стремления представить действия главных лиц, и без того не блиставших добродетелью, в еще более мрачном виде, чем на то дают право наши источники по истории этого похода. Сюда мы относим такие утверждения, как то, что поход был направлен на Константинополь вместо Египта по заранее обдуманному плану, в составлении которого принимал участие кроме Филиппа Швабского, Бонифация и Дандоло, также и Иннокентий III⁹⁸. Для этого акад. Успенскому понадобилось игнорирование одних источников, произвольное толкование других, неверная передача третьих. В качестве примера последней можно указать на передачу им писем Иннокентия III к крестоносцам в связи с походом под Задар⁹⁹; в качестве примера про-

извольного толкования источников можно сослаться на то место рассматриваемой книги, где речь идет о договоре, заключенном крестоносцами и Венецией с сыном Исаака Алексеем¹⁰⁰; среди источников по истории четвертого крестового похода наименьшим вниманием акад. Успенского пользуется как раз самый важный из них, именно Вильардуэн, — это пример игнорирования источников. Необходимо указать вообще на значительное количество фактических ошибок, которые допущены автором «Истории крестовых походов». Дандоло будто бы скрыл от рядовых крестоносцев, что поход направляется не в Египет, а под Задар¹⁰¹, что противоречит не только Вильардуэну, но и представителю низов крестоносного ополчения Роберту де Кляри; будто бы для того «чтобы свалить вину на подчиненных лиц» на «адмиральском корабле» не было ни Дандоло, ни Бонифация, ни папского легата¹⁰², тогда как Дандоло находился во главе флота, а папский легат вынужден был покинуть ополчение ввиду неприемлемой для него позиции, которую заняли венецианцы; денежные претензии крестоносцев к Алексею III, выразившееся потом в сумме 450 тыс. марок, состояли будто бы из сумм, которые были обещаны отдельным рыцарям¹⁰³; комиссия по разделу земель состоит у Ф. И. Успенского из 12 членов вместо 24¹⁰⁴; в Константинополе — миллион жителей¹⁰⁵, вместо принимаемых обычно — и то, вероятно, с большим преувеличением — 400 тыс.; вопреки Никите, компетентность которого в данном случае не может подлежать сомнению, акад. Успенский утверждает, что «народ» в Константинополе «организовал отчаянную защиту в тесных улицах, устраивая заграждения латинянам»¹⁰⁶, причем автор не взял на себя труда подумать, что случилось бы с двумя-тремя десятками тысяч крестоносных головорезов, если бы жители даже не миллионного города, а хотя бы с населением в 400 тыс. действительно «организовали отчаянную защиту»; наконец, совершенно напрасно Ф. И. Успенский думал, что владения венецианцев в Сирии были их долей при разделе Византийской империи¹⁰⁷. От чтения истории четвертого крестового похода в изложении акад. Ф. И. Успенского получается впечатление, что автор писал по памяти, по общим впечатлениям, которые у него остались от прежних занятий предметом, не давая себе труда заглянуть в источники или существующую по вопросу литературу. Едва ли все это правильно и при ра-

боте над популярным сочинением, каким является «История крестовых походов» Ф. И. Успенского». Надо заметить, впрочем, что в III томе «Истории Византийской империи» все эти ошибки воспроизводятся полностью.

Нужно указать далее на довольно значительное количество фактических ошибок в суждениях Ф. И. Успенского по некоторым вопросам нашей темы, объясняющихся, может быть тем, что его III том «Истории Византийской империи» не прошел через авторскую корректуру. Договор Венеции с Михаилом Палеологом после падения латинского Константинополя имел место не в 1265, а в 1268 г., — акад. Успенский принял за договор только один из его проектов¹⁰⁸. Не соответствует действительности утверждение, что лены венецианским феодалам в 1211 г. были отведены на Крите бесплатно¹⁰⁹, — Ф. И. Успенский не обратил внимания на конец феодального контракта, где речь идет о таких платежах. Неправильно изображаются мотивы совместных действий М. Санудо с греческими архонтами против венецианского дуки Якопо Тьеполо¹¹⁰. Ни на чем не основано сообщение об изгнании венецианцев из Константинополя в 1264 г., так как венецианцев в этом году там и быть не могло, — они вернулись туда только после 1268 г.¹¹¹. Количество примеров подобных ошибочных положений можно было бы увеличить.

Несмотря на все эти дефекты, приходится еще раз подчеркнуть, что работы Ф. И. Успенского дают очень много по истории образования и организации венецианского колониального государства. Однако вместе с тем надо признать, что взгляды его требуют коренного пересмотра и ряда существенных исправлений.

В восьмидесятых же годах прошлого столетия вышла и небольшая книга Т. Флоринского, представляющая собой очерк истории и южного славянства в первой половине XIV в. В ней автор несколько раз имел случай коснуться венецианских дел, в частности дел колониальных. Флоринский эту часть своего труда выполнил не на основании самостоятельного исследования первоисточников, а опираясь на сочинения Гейда и Гопфа. Удачный выбор авторитетов избавил нашего автора от обычных ошибок, которые допускаются при трактовке взаимоотношений между венецианской знатью, владевшей островами Архипелага, и Венецией¹¹². Сообщаемые Т. Флоринским сведения по интересующему нас вопросу, однако, очень

кратки, поскольку венецианские дела не имеют непосредственного отношения к его основной теме, и при этом касаются, главным образом, времени, лежащего за пределами рассматриваемого нами периода.

На конец девяностых годов прошлого столетия и на начало текущего приходится деятельность еще одного специалиста по истории Византии, проф. А. А. Васильева. Византинист по специальности, попутно занимавшийся также крестоносным движением и владычеством латинян на Востоке, Васильев неизбежно должен был касаться различных вопросов венецианской экспансии на территории Византийской империи.

Работы проф. Васильева, особенно его монография о взаимоотношениях между Византией и арабами, основаны на самостоятельном изучении источников, что делает его высказывания по нашему вопросу достаточно ценными. В только что названной книге А. А. Васильев довольно подробно останавливается на роли Венеции в борьбе Византии против арабов. Оценка этой роли в общем правильна, только, быть может, следовало бы осторожно высказываться относительно «верноподданических» мотивов участия Венеции в этой борьбе на стороне Византии¹¹³: участие это несомненно диктовалось в первую очередь, если не исключительно, эгоистическими мотивами.

В небольшой книжке, посвященной взаимоотношениям Византии с крестоносцами, роль республики св. Марка и ее взаимоотношения с Восточной империей в период первых крестовых походов освещаются довольно слабо, — замалчивается, например, вопрос об участии венецианцев в борьбе Алексея Комнина против Боэмунда, ничего не говорится о походе венецианцев на Восток в 1099 г. В кратких замечаниях, которые проф. Васильев посвящает Венеции, трудно передать с надлежащей точностью оттенки политических взаимоотношений ее с Византией во время правления императоров Калоянна и Мануила Комнинов, и этим, надо думать, объясняется неправильное утверждение автора относительно прекращения союзных отношений между Византией и Венецией после сближения последней с королем сицилийским¹¹⁴, — разрыв этот был вызван в действительности событием 1171 г.

Хотя и без особенной уверенности, проф. Васильев высказывает правильную мысль, вопреки широко распро-

страненному взгляду в исторической литературе, что добрые отношения Венеции с Византией восстановлены при Мануиле не были¹¹⁵. Правильное же высказывание относительно того, что во время константинопольского погрома 1182 г. венецианцы почти не пострадали, А. А. Васильев неправильно обосновывает политической необходимостью для Андроника, несмотря на все его «латиноненавистничество», щадить венецианскую колонию в Константинополе¹¹⁶. В действительности же Андроник не направлял и не мог направлять движения 1182 г., и Венеция не пострадала тогда по совершенно другим причинам.

Наибольшее значение для нашей темы имеют высказывания проф. Васильева о событиях четвертого крестового похода, «центральной фигурой которого был венецианский дож Энрико Дандоло»¹¹⁷. В изложении этих событий проф. Васильев допускает ряд неверных или неточных замечаний, — таковы, например, утверждения: «В момент возникновения четвертого крестового похода отношения между Венецией и Византией не отличались особенным дружелюбием»¹¹⁸, или «Дандоло имел в виду (при мотивировке похода на Константинополь)... избие-ние латинян, так называемую «константинопольскую баню» и т. п.¹¹⁹. В действительности же в момент подготовки четвертого крестового похода между Венецией и Византией существовал договор, заключенный с Исааком Ангелом в конце восьмидесятых и подтвержденный его братом, Алексеем III, в конце девяностых годов XII в., которым не только подтверждались прежние права и привилегии венецианцев в пределах империи, но они особенно выразительно подчеркивались и территориально расширялись. Ни Дандоло, ни вообще венецианские источники никогда и нигде не обосновывали нападения на Константинополь «баней» 1182 г., и это потому, как правильно заметил в своем месте проф. Васильев, что венецианцы тогда не пострадали и мстить им было не за что.

Очень важный вопрос о приобретениях венецианцев в результате четвертого крестового похода трактуется мимоходом, без различения теоретических прав Венеции от фактических владений республики св. Марка, — отсюда тенденция к преувеличению этих владений, ужи-

вающаяся, однако, с суждениями прямо ей противоположными: «Весь морской путь из Венеции в Константинополь был во власти республики» — утверждает проф. Васильев и тут же замечает: «Оба берега Босфора и Геллеспонта входили в состав владений Балдуина»¹²⁰, чего Венеция по понятным причинам допустить не могла и не допустила.

Правильно отмечая, что Венеция в «новой Латинской империи» заняла преобладающее положение», проф. Васильев в своем сочинении об этой империи совершенно не отражает этого обстоятельства, точно забыв о существовании республики св. Марка, если не считать двухстрочной справки о торговом договоре Венеции с Феодором Ласкарисом¹²¹ и неверного указания на то, что «владычество Венеции простиралось на византийские острова Эгейского и Ионийского морей».

4. Проблемы венецианской истории в трудах советских историков

В советское время, как и в предшествующий, досоветский период в русской историографии, не появилось труда, специально посвященного истории Венеции или ее колониальной экспансии в страны Востока. Поэтому в кратком обзоре историографии нашего вопроса в советское время мы будем иметь дело также лишь с общими сочинениями по истории средних веков или с работами советских византинистов.

Отсутствие в советской литературе специальных исследований по истории Венеции ставило советских историков со стороны фактического материала в прямую зависимость от буржуазной иностранной и русской исторической литературы. Отсюда общие курсы по истории средневековья и другие работы общего характера отражают и в советское время недостатки буржуазной историографии вопроса, если не иметь в виду методологической стороны дела, где произошла коренная ломка установившихся идеалистических традиций. В одних работах общего характера таких ошибок больше, — для примера можно назвать курс по истории средних веков Н. П.

Грацианского, в других их меньше — как, например, в подобном же курсе С. И. Архангельского, но они есть всюду.

Считаем излишним останавливаться на этих дефектах во всех трудах этого рода. Однако для конкретизации выставленных положений позволим себе остановиться на двух самых последних обзорах по истории средних веков, на учебнике для учительских институтов проф. В. Ф. Семенова, вышедшем в 1949 г. и последнем учебнике для исторических факультетов вузов.

В учебнике проф. Семенова имеется не мало спорных или прямо неверных утверждений. Судя по ходу изложения, венецианские торговые корабли, по мнению проф. Семенова, «стали появляться» в Черном море после битвы при Кьоджии и тогда же «образовалась венецианская фактория Тана»; в действительности же венецианские корабли «стали появляться» в Черном море, вероятно, еще до четвертого крестового похода, хозяйничали там во время существования Латинской империи и организовали колонию в Тане, равно как и байюльство в Трапезунте, не в конце, а в начале XIV в. Проф. Семенов определяет состав Большого Совета для XIII—XV вв. в 480 человек, тогда как состав Большого Совета в это время точно определен быть не может по причине, которая проф. Семенову, очевидно, неизвестна. В. Ф. Семенов уверяет, «Совет Сорока» возник одновременно с «Советом Десяти» после провалившегося заговора Байямонте Тьеполо, тогда как «Кваранция» является одним из древнейших венецианских учреждений и ее юридические функции носили отличный от «Совета Десяти» характер, — очевидно автор спутал «Кваранцию» с «Инквизиторией Стато», т. е. с «Государственными следователями»¹²².

Учебник, выпущенный в 1952 г., также содержит в себе весьма неточные данные, относящиеся к истории Венеции и ее взаимоотношениям с Генуей¹²³. В XVII главе первого тома учебника утверждается, что после четвертого крестового похода Венеция вытеснила «свою соперницу Геную из Греции и Сирии», тогда как в действительности этого не было, так как четвертый крестовый поход не оказал никакого влияния на расстановку сил обеих республик в Сирии, а договора между Венецией и Генуей от 1218 и 1238 гг. полностью опровергают заявление учебника о вытеснении Генуи из Греции. Исходя

из этого ошибочного положения, автор рассматриваемой главы учебника неправильно относит основание генуэзской колонии в Кафе ко времени после 1261 г., тогда как в действительности эта колония была основана уже в 1238 г. Верховный орган Венецианской республики, Большой Совет, именуется выборным органом, но едва ли этот термин уместен по отношению к учреждению, которое уже в XII и тем более в XIII в. «выбиралось» коллегией из трех патрициев, назначавшихся самим Большим Советом. Автор утверждает далее, что заговор 1310 г. был организован «элементами купечества, отстраненными от участия в Большом Совете», тогда как в действительности он был организован аристократическими элементами, отнюдь не лишенными этого права, — очевидно заговор Байямонте Тьеполо от 1310 г. спутан с заговором Бокконио от 1300 года.

Эти дефекты учебников отражают, повторяем это еще раз, отсутствие в советской исторической литературе монографических разработок по истории Венеции и неудовлетворительное состояние большинства буржуазных работ по истории Венеции, даже если мы будем рассматривать их исключительно со стороны сообщаемых ими фактических данных.

К кругу венецианских проблем близкое отношение имеют штудии Е. Ч. Скржинской, уже давно работающей по истории конкурента Венеции, республики Генуэзской.

Не касаясь тех работ Е. Ч. Скржинской, в которых затрагиваются вопросы лишь более поздней истории Венеции, как, например, ее статья во втором томе новой серии Византийского Временника¹²⁴, остановимся на другой ее статье, помещенной в том же органе, в первом томе. Статья имеет в виду также более поздние отношения, — XIV в., но в ней интересующие автора вопросы рассматриваются в историческом аспекте, что и позволяет ему остановиться на некоторых очень важных венецианских проблемах.

Среди них важнейшей является проблема взаимоотношений Венеции и Византии в XI—XIII вв. Мы полностью должны согласиться с характеристикой, которую автор дает данным венециано-византийским отношениям, и с мастерским анализом известий, относящихся к знаменитому хрисовулу императора Алексея от 1182 г. Однако мы не можем согласиться с изображением

из истории этих отношений с семидесятых годов XII в., Е. Ч. Скржинская, следуя за акад. Ф. И. Успенским, повторяет все его ошибки. Она пишет: «Пережив массовые аресты и конфискации имущества по приказу Мануила Комнина, итальянские купцы, пользуясь удрученным состоянием императора после катастрофы у Мориокефалона, вновь наводнили Константинополь»¹²⁵. Под итальянцами мы должны разуместь венецианцев, потому что только одни они подверглись преследованиям в 1171 г., следовательно, именно венецианцы «наводнили Константинополь» и именно они подверглись погрому в 1182 г. Все это не имеет под собою, как мы уже говорили об этом выше, достаточно убедительных оснований.

Не соответствует действительности утверждение автора, что Адриатическая республика «сознательно не помогала никаким крупным территориям по дележу 1204 г.»¹²⁶. Если бы Е. Ч. Скржинская заглянула в договор об этом дележе, то убедилась бы в противном: Венеция заявила претензию на обширную территорию во Фракии от Адрианополя до Пропонтиды и еще большую в Эпире—от Дрина до Коринфского залива. Только по независящим от них обстоятельствам венецианцы не овладели этими территориями.

Замечание Е. Э. Скржинской о владениях генуэзцев и венецианцев в Сирии, где генуэзцам отводится Тир, а венецианцам — Акра¹²⁷, по меньшей мере неточно, так как обе республики — соперницы сидели как в Тире, так и в Акре. Ошибка здесь заключается в том, что временное положение дела в период первой большой войны Венеции с Генуей в конце пятидесятих и шестидесятих годах XIII в. возводится в постоянный статус отношений обеих республик в Сирии.

Е. Ч. Скржинская повторяет также и ошибку акад. Успенского относительно даты восстановления «нормальных» отношений между Венецией и Михаилом Палеологом, относя ее на 1265 г. Мы уже указывали выше, в чем заключается здесь ошибка.

Нельзя, наконец, согласиться с тем, что после 1268 г., когда венецианцы вновь обосновались в Константинополе, «победу генуэзцев в области константинопольской транзитной торговли правильно считать полной»¹²⁸. Мы как раз полагаем, что это будет неправильно. Ведь если генуэзцы в конце концов обосновались в Пере, то вене-

цианцы расположились как раз по другую сторону Золотого Рога и несомненно, что занимались они там ничем иным, как «константинопольской транзитной торговлей».

Все эти и им подобные неточности свидетельствуют о том, что разработка венецианских проблем необходима и что она еще впереди.

Общим обзором по истории Византии советского периода, в котором затрагиваются венецианские проблемы, является известная книга проф. М. В. Левченко. От сравнительно краткого общего курса нельзя требовать сколь-нибудь детального рассмотрения вопросов, которые нас здесь интересуют, но которые для автора книги все же являются второстепенными, — поэтому можно считать нормальным, что эти вопросы в книге М. В. Левченко трактуются попутно и кратко, так как, в соответствии с требованиями марксистской методологии, автор уделяет гораздо большее внимание, чем это обычно делалось ранее, проблемам внутренней истории, проблемам классовой борьбы в частности, тогда как венецианские проблемы есть, в первую очередь, проблемы внешней истории Византии. Все то, что в книге проф. Левченко относится к венецианской истории, стоит обычно в своей фактической части на высоте современного научного знания и в то же время рассматривается в духе марксистской трактовки этих вопросов. Укажем для примера проблему четвертого крестового похода, излагаемую автором в духе высказывания Маркса по истории этого похода в его известных «Хронологических выписках»¹²⁹. Это как раз то новое, чего не хватало научной разработке не только византийских, но и венецианских проблем. Вместе с тем приходится, однако, отметить, что те факты, которые относятся к истории взаимоотношений Византии и Венеции, излагаются проф. Левченко с повторением ряда ошибок, которые мы отмечали в работах по истории Венеции и Византии других авторов. Укажем для примера трактовку событий 1182 г. в Константинополе¹³⁰, сведения о территориальных приобретениях венецианцев в результате четвертого крестового похода и др.¹³¹.

В заключение мы должны указать на последние работы Ф. Е. Полянского, из которых одна посвящена социально-экономической политике средневековых цехов, а другая — экономической истории Западной Европы

в средние века¹³². Мы вправе были ожидать, что автор уделит надлежащее внимание экономическим вопросам венецианской истории, как это в свое время сделал М. М. Ковалевский, однако знакомство с обеими книгами Ф. Е. Полянского такого ожидания не оправдывает.

В первой из названных книг автор занимается почти исключительно немецкими городами, а во второй хоть и касается венецианского производства, но делает это не на основании первоисточников, а по существующей буржуазной литературе. Только этим можно объяснить его заявление, что в суконной, шелкоткацкой и судостроительной промышленности Венеции возникла капиталистическая мануфактура, подрывавшая основы цехового строя¹³³. О венецианском ремесле говорится очень кратко, причем и тут дело не обходится без фактических ошибок, вроде, например, заявления, что изготовление значительного количества хлопчатобумажных тканей в Венеции восходит только к XIV в., или утверждения, что «для развития своей промышленности венецианцы принимали весьма радикальные меры и, в частности, переселяли из Греции в свой город большое количество шелкоткачей»¹³⁴. Первое опровергается широкой деятельностью двух цехов по изготовлению хлопчатобумажных тканей в XIII в., а второе вообще ни на чем не основано.

* * *

Основные выводы относительно решения в русской исторической науке вопроса об истории образования и первоначальной организации Венецианской колониальной империи сводятся, как нам кажется, к следующему.

В русской исторической литературе не имеется труда, специально посвященного истории Венеции и тем более частной проблеме этой истории, которая является предметом нашего внимания. Все, что по истории Венеции по-русски написано, не выходит за пределы или общих курсов по истории Западной Европы в средние века, или истории Италии в то же время, или исторических обзоров из жизни Византии и южного славянства, или, наконец, рассмотрения некоторых других специальных вопросов.

Из всего того, что может быть из всех этих сочинений собрано для освещения интересующего нас вопроса, прежде всего нельзя получить более или менее полного представления о некоторых его очень важных частно-

стях. К таким сторонам этого вопроса относятся прежде всего данные относительно организации первой в средневековой Европе колониальной империи, данные относительно венецианской колониальной политики, относительно экономических и социальных отношений в венецианских колониальных владениях, да и самый их состав определяется далеко не всегда надлежащим образом.

Качество тех исторических данных, которые в рассмотренной литературе так или иначе представлены, во многих случаях весьма небезупречно. Рядом с замечательными исследованиями по отдельным частным вопросам, которые мы видели в трудах Бруна, Васильевского, Ковалевского, Митрофанова и некоторых других авторов, мы наблюдали несколько работ, неудовлетворительных с точки зрения самых элементарных требований, которые мы предъявляем к историческим сочинениям, именно — верности фактам. Чаще всего это имеет место в так называемых популярных сочинениях по смежным с венецианской историей вопросам.

Все это относится в первую очередь к исторической литературе прошлого и самому началу текущего столетия. В последние десятилетия, в советский период, в связи с общими успехами в области исторической науки, мы имеем большое движение вперед в разработке общих и частных исторических проблем в различных отделах исторического знания. Однако это не полностью относится к группе тех вопросов, которые мы наметили в качестве предмета нашего исследования. Эта область остается еще разработанной совершенно недостаточно.

Отсюда вытекают и задачи нового исследователя.

Раздел второй

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Глава четвертая

ВЕНЕЦИЯ В КОНЦЕ X ВЕКА

Венеция стала на путь колониальной экспансии на грани X и XI вв. Все, что мы можем почерпнуть из наших источников о более ранней деятельности Адриатической республики в этом направлении, довольно неопределенно и едва ли достоверно.

Мы должны начать с выяснения причин первых колониальных дерзаний правящего класса Венеции и обстоятельств, которые им способствовали. Причины, обуславливающие такого рода дерзания и делающие их успешными, заключаются, прежде всего, в известном уровне экономического развития страны или города-государства, в материальных интересах господствующего в такой стране или городе-государстве общественного класса и затем в благоприятной для активного выступления экспансионистских сил международной обстановке.

Мы должны выяснить все эти вопросы.

1. Венеция и Венецианский дукат

Лунообразной дугою, выпуклой стороной обращенной к берегу, раскинулся лабиринт островов вдоль северного побережья Адриатики. Дуга эта направляется

с востока на запад, 60 миль отделяют один конец от другого¹. Мир островов и островков, слегка возвышающихся над морем, заполняет это дугообразное пространство. Многочисленные болота когда-то там и сям были рассеяны на них, песчаные отмели обнажались каждым морским отливом. На многих островах были тучные пастбища, густые лесные и кустарниковые заросли встречались здесь и там.

Этот своеобразный мир был продуктом многовековой деятельности водных потоков, берущих начало с Альпийских гор и их юго-восточных ответвлений. Тима-во, Тальяменто, Ливенца, Пьяве, Силе, Brenta с ее рукавами, Эч несут с собою в море так много продуктов горного распада и почвенных частиц равнины, что необходимы были специальные гидротехнические мероприятия для поддержания водных пространств лагуны в судоходном состоянии. Здесь интересы обитателей лагуны и «твердой земли» не всегда между собою совпадали: еще Нарзес разрешал спор между теми и другими в связи с отводом от лагуны вод Бреты и Баккильоне².

На рассматриваемом нами рубеже лагуны описаны дважды: Константином Багрянородным в половине X в. и Диаконом Жиованни в самом начале XI. В своих основных линиях описания эти совпадают. Венецианский бытописатель называет двенадцать важнейших в его время островов: Градо, Беббе, Каорле, Гераклею, Иезоло, Торчелло, Мурано, Риальто, Маламокко, Повелью и две Кьоджии, Большую и Малую³. Первый из этих островов составляет восточное основание островной дуги лагун, последние примыкают к «твердой земле» с запада, Риальто находится почти в центре. Маюса других островов размещалась в лагунах в причудливом беспорядке: С. Спирито, С. Секондо, С. Клементе, Грация и много других. Под действием моря и других стихийных сил некоторые из этих островов исчезали, другие сильно изменялись и все, почти без исключения, из столетия в столетие меняли свой облик под воздействием человека.

Лагуны были заселены, вероятно, очень рано, много раньше, чем появился в этих местах первый римский солдат; но это было бедное население добытчиков соли, рыбаков и охотников на болотных птиц. В позднее римское время население острова численно возросло, кое-где на побережье «твердой земли» появились сады и виллы

провинциальной римской знати; но не они определяли общий вид островного ландшафта. В начале VI в. Кассиодор наблюдал здесь «идиллию» хижин с развешанными подле них сетями, обмазанные глиной лачуги пастухов, земледельцев и добытчиков соли; лодки и более крупные суда бороздили воды лагун⁴. Варварские нашествия не вызвали заселения лагун,—они только способствовали уплотнению уже существовавшего здесь населения и появлению более резких социальных различий.

Весь этот островной мир с клочками побережья материка и составлял территорию дуката в первые века его существования. Среди названных выше 12 островов наибольшее значение имели: Градо, Гераклея, Торчелло, Маламокко и позднее всех Риальто.

В те времена Градо соединялся с материком глиняной дамбой. Сады, виноградники, пашни, торговые суда говорили о занятиях жителей, тогда уже довольно многочисленных. Рядом с деревянными постройками высились каменные сооружения и среди них выделялась церковь св. Евфимии со своей колоннадой и великолепными мозаиками, памятник строительного искусства VI в. Градо был резиденцией патриарха дуката⁵.

Гераклея—город с несколько раз менявшимся наименованием: сначала это была Мелидисса, с VII в. она превратилась в Гераклею в честь византийского императора Ираклия, в рассматриваемое время это—Читтануова. В X в. город теряет свое прежнее значение. На острове много пастбищ, сады, места для охоты дождей. Здесь жил один из пяти епископов суффраганов патриарха Градо. Город некоторое время был резиденцией дождей.

Торчелло—довольно возвышенный остров, густо заселенный выходцами из соседних городов, подвергавшихся варварским нашествиям. Много зданий, над которыми высились два собора города. Торчелло довольно долго был важным торговым центром дуката, пока в X в. первенство не перешло к Риальто.

Маламокко в начале IX в. был столицей дуката. Город сильно пострадал в начале XII в. от разбушевавшихся морских стихий, потерял тогда всякое значение, и даже епископская кафедра была перенесена тогда на Кьоджио.

Риальто занимал особенно выгодное положение: он находится в центре островной дуги дуката, защищенный со стороны суши довольно значительным водным пространством, а со стороны моря—довольно плотной цепочкой островов и островков. Риальто не один остров, как, впрочем, и Торчелло, а целая их группа — Реальтино, Скопуло, Дорсодуро, Оливоло, Кастелло, Луприо, Джемина, Джудекка. Большой канал с его ответвлениями отделяет их друг от друга⁷. На этой группе островков и возникла знаменитая, третья по счету, столица дуката, Венеция. Риальто в X в. все еще был тесно застроен деревянными домами, но постепенно возрастающее количество каменных сооружений все более и более изменяло его вид. Собор св. Марка начат был строительством в 803 г.⁸, в 829 г. он был закончен, но служил первоначально в качестве капеллы дождей⁹. В 892 г. была заложена знаменитая колокольня св. Марка¹⁰. После пожара 955 г. дожи из «династии» Орсеоло восстановили и перестроили его¹¹, потом он еще несколько раз расширялся и перестраивался. Каждая новая перестройка увеличивала его размеры и делала его все более величественным и пышным. В IX в. выросли каменные сооружения монастырей св. Захарии и св. Георгия, С. Захария и С. Джорджио. В этом же веке и в следующем за ним поднялись над деревянной Венецией приходские храмы Спасителя, святых—Севера, Варфоломея, Кассиана и Августина¹². Знаменитый дворец дождей строился и перестраивался в это же время. Многочисленные причалы и суда возле них теснились вдоль берегов. Корабельные верфи возникли здесь и там.

Риальто становился не только политическим, но и экономическим центром дуката.

2. Хозяйственная жизнь дуката в конце X века

На грани XI столетия экономическая жизнь Венецианского дуката достигла такого уровня развития, на каком она не стояла тогда, вероятно, нигде в Западной Европе, за исключением, может быть, немногих пунктов в той же Италии, как например Амальфи. Специфические природные условия дуката, исключавшие возможность преимущественного занятия жителей сельским хо-

зяйством, были одной из причин широчайшего развития с довольно раннего времени морских промыслов и морской торговли, а также успехов раннего промышленного развития поселений на лагунах. Занятия промыслами и морской торговлей уже в X в. настолько оттеснили на задний план исторически более ранние виды хозяйственной деятельности на лагунах, что историки Венеции недооценивали значения их даже для такого раннего времени, как это столетие¹³. Мы имеем здесь в виду охоту, рыбную ловлю и сельское хозяйство.

Как и всюду, человек начал здесь свою хозяйственную деятельность с присвоения готовых даров природы. Охота и рыбная ловля предшествовали пастушеской и земледельческой деятельности населения здесь в еще большей степени, чем на материке. Скотоводство и земледелие появилось здесь, вероятно, только в римские времена. Причину этого надо видеть в специфических трудностях освоения земель дуката под пастбища и пашню: заболоченные, покрытые густой древесной растительностью, с большими песчаными отмелями острова не могли привлекать к себе скотовода и земледельца. Непокойные времена конца IV, V и VI вв. способствовали быстрому приросту населения лагун. Все, имеющиеся в нашем распоряжении, ранние источники дружно свидетельствуют об этом. Приток этого населения, земледельческого по преимуществу, вызвал несомненно усиление и рационализацию использования земельных площадей лагун: леса и кустарники раскорчевывались, болота осушались, водные потоки регулировались, — острова покрывались пастбищами и пашнями, позднее появились сады и виноградники.

Документы, идущие от IX и X вв., рисуют нам картину интенсивного использования земель дуката. Завещание дожа Джустиниани Партециачи от 829 г. перечисляет семь различных имений с «домами, садами, пашнями, лесами и пастбищами»¹⁴. Диплом Карла Толстого берет под защиту императора различные земельные угодья и насаждения в районе Гераклеи¹⁵. Императорский диплом от 891 г. воспроизводит гарантии предыдущего и также называет, помимо мест для охоты и рыбной ловли, обработанные земельные площади¹⁶. Налоги поступают еще в натуральной форме, и из грамоты Пьетро Траденико (888—911) видно, что Кьоджиа обя-

зана поставлять ко двору дожа ежегодно 60 кур и два судна, нагруженных сеном¹⁷. В договоре дожа Оттона Орсеоло от 1009 г. с Гераклеей перечисляются те продукты, которые жители последней обязаны поставлять главе дуката и здесь, помимо предметов охоты и рыбной ловли, перечислены и продукты земледельческой культуры¹⁸.

Необходимо при этом заметить, что положение сельского хозяйства не было повсюду одинаковым: на одних островах дуката оно было развито в большей степени, на других—в более скромных размерах и менее интенсивно. Косвенным доказательством этого может служить хотя бы тот факт, что епископы суффраганы патриарха Градо, монастыри и церкви, обязанные взносами на содержание его двора, выполняли эту обязанность одни в натуре, другие—в денежной форме, причем, насколько об этом можно судить по документу от XI в., Оливоло, Торчелло, аббатства св. Илария, С. Джорджио на Риаальто делали денежные взносы, а четыре других епископских кафедры, монастыри св. Троицы на Брондоло, св. Фелицаты на Аммиане, — различными сельскохозяйственными продуктами со своих земель и добычей с рыбных ловель и соляных промыслов,—зерном, вином, солью и рыбой¹⁹. Легко видеть, что первая группа участников в этих взносах принадлежит к наиболее развитым в экономическом отношении районам, где большую роль играли промышленность и торговля, тогда как вторую группу составляли по преимуществу районы сельскохозяйственные.

Клир Венецианского дуката и его знать во многих местах «твердой земли»—в «марках» и Истрии—владели значительным количеством разнообразных угодий, доходы с которых также натурой поступали в Венецию и Градо. Во всех дипломах, которые выдавались императорами Запада Венецианской республике, неизменно содержится обещание защищать владельческие права венецианской знати и венецианского клира²⁰. Такие же обещания давали императоры и отдельным монастырям дуката, как например, аббатствам С. Джорджио или С. Захария²¹; те же обязательства берет на себя маркиз Истрии в своих соглашениях с Венецией²². Оттон II в 983 г. своим дипломом, выданным послам дожа в Вероне, гарантирует венецианцам все их приобретения на террито-

рии «королевства» и при этом перечисляет: «постройки, суда, поля, леса, виноградники, болота, салины, рыбные ловли, прочие владения»²³. Его преемник в 992 г. в подобном же документе говорит о владениях венецианцев «во всем нашем королевстве, в городах, в замках, в горах и равнинах, в землях обработанных и необработанных, в водах и болотах, в лесах и кустарниках..., на мельницах, рыбных ловлях и др.»²⁴.

Количество владений в руках венецианского клира и венецианской знати увеличивалось разными путями— всего чаще это были дарения, нередко покупки. Граф Ингельфредо в 914 г. дарит монастырю св. Захарии в районе Монселиче два имения с церквями при них²⁵. Точно также поступает епископ Вероны около того же времени²⁶. Из грамоты от 994 г. мы видим, что церковь св. Фомы и Зинона в Монселиче все еще принадлежит монастырю св. Захарии²⁷. Этот же монастырь получил в 1050 г. в дар дом и земли в том же Монселиче²⁸. Ряд других подобных же дарений последовал в ближайшие годы²⁹. Ольдерик, епископ Падуи, инвестирует церковь св. Николая в Венеции рядом земель³⁰. Дожд Пьетро Традениго покупает имение на берегу Brenty при впадении ее в Адриатическое море³¹.

Однако, несмотря на собственное производство, несмотря на некоторый приток сельскохозяйственной продукции из церковных и иных имений на материке, Венецианский дукат никогда не был в состоянии покрывать своей потребности в этих продуктах только из этих двух источников,—в Венецию всегда необходим был значительный завоз их с самых различных рынков, ближних и дальних, причем потребность эта из десятилетия в десятилетие нарастала. «Здесь нет пастбищ, лугов, виноградников, полей для обработки, и корабль служит вместо вола; здесь все приобретается за деньги, даже питьевая вода»,—писал в свое время Лоренцо да Моначи³². Это справедливо в полном объеме, однако, лишь по отношению к городу на Риальто, но не может относиться к дукату в целом. Тем не менее правильна основная мысль этого заявления о совершенной неизбежности для Венеции искать разрешения проблем своей экономики на море. Именно это положение потом венецианцы и доказывали Иннокентию III, когда он вздумал воспре-

тить итальянским городам торговлю с мусульманскими странами³³.

Это же было причиной и несомненно довольно раннего развития в Венеции различных ремесел. Наши источники относительно этой отрасли хозяйства для данного периода еще более отрывочны и скудны, чем даже недостаточные данные, касающиеся сельского хозяйства. Это обстоятельство и является причиной того, что историки Венеции обычно недооценивали значения этого фактора в экономической жизни Адриатической республики в это время³⁴, или без достаточных оснований считали производственную деятельность в Венеции сосредоточенной тогда по преимуществу в руках греков³⁵. Едва ли можно сомневаться однако, в том, что уже к началу XI в. в Венеции существовали почти все те виды ремесленной деятельности, на основе которых сложились те несколько десятков цеховых организаций, которые мы видим там в XIII в.

Некоторые из ремесел в это время несомненно находились в зачаточном состоянии,—к таким, в первую очередь, относятся знаменитые впоследствии шелковое и стеклянное производства. Историк шелковой венецианской промышленности Брольо д'Айяно относит начало этого производства в Венеции к X в., считая вместе с Марином и Урбани, что те *fallia*, которые при доже Пьетро Орсеоло II должны были продаваться в одном определенном месте, были продуктом венецианской промышленности³⁶. Мы считаем возможным подкрепить это мнение указанием на тот факт, что в начале XI в. остров Раб причитающуюся с него дань в пользу дожа должен был выплачивать шелком-сырцом, что несомненно указывает на возможность его переработки в Венеции³⁷. Хотя шелковая промышленность в Венеции, как впрочем и всюду, служила в период своего расцвета, главным образом, экспортным целям, для рассматриваемого времени она, вероятно, имела более узкое значение. Почти то же самое следует сказать и о производстве стекла: возникновение его относится, быть может, к еще более раннему времени, и в X в. оно существовало несомненно³⁸; однако и в этой отрасли промышленности на первых порах речь могла идти только о производстве простого стекла, а не цветного и не тех художественных изделий, которыми Венеция славилась позднее, что не

мешало венецианскому стеклу уже тогда иметь известное экспортное значение. Важность обеих этих отраслей промышленности определялась высокой ценностью производимых ими товаров: дороговизна шелковых изделий понятна сама по себе, высокая стоимость простого оконного стекла видна из того сообщения одного из византийских писателей, по которому император Мануил приказал выставить стекла из оконных рам своего дворца в ожидании бури, предсказанной одним астрологом³⁹.

Мы должны далее указать на развитие строительной промышленности. Уже говорилось о том, что с VIII в. в Венеции начинает широко распространяться использование в качестве строительного материала камня. С именем дождей Пьетро Орсеоло I и II связывается перестройка соборов св. Марка на Риальто и соборов на Торчелло, Иезоло и Каорле. Широко распространяется строительство из камня светских зданий, в частности, была закончена в начале XI в. начатая дожем Пьетро Орсеоло II перестройка дворца дождей на Риальто⁴⁰. Еще более широкое развитие получило судостроение, относящееся несомненно к одному из старейших видов венецианской промышленности. Венецианское судостроение в конце X в. было в состоянии производить все виды кораблей, которые тогда были известны в районе Средиземноморья: и быстроходные военные галеры, узкие, стройные, приводившиеся в движение десятками и сотнями гребцов; и широкие тихоходные купеческие корабли, ходившие под парусами; и громоздкие транспорты для морских просторов; и мелкие суда для торговых сношений по речным системам Ломбардской низменности; и «стрелы» для спешных поручений; и «вороны» для поддержки боевой деятельности галер; и корабли для торжественных процессий, и легкие гондолы для «уличного» и прибрежного снорения⁴¹. Без высоко развитой кораблестроительной промышленности для Венеции совершенно была бы невозможной та активная, захватническая внешняя политика XI—XIII столетий, которая является предметом нашего дальнейшего рассмотрения, равно как и та экономическая роль, которую Венеция играла на протяжении столетий в районе Средиземноморья. Ввиду особого значения этой промышленности венецианское правительство взяло ее отчасти в свои руки, соорудив в XII в. знаменитый арсенал, в рас-

смаатриваемое время она была, как и прочие виды промышленности, исключительно делом частных лиц.

Очень рано должны были развиваться те отрасли промышленности, которые были непосредственно связаны с кораблестроением, как обработка металлов или текстильная промышленность в некоторых ее видах. Здесь мы имеем в виду производство якорей, металлических деталей для крепления корабельных конструкций, изготовление пеньковых канатов или тканей для парусов. Не случайно именно эти товары всего чаще, наряду с оружием, становились предметом запретов в области международной торговли в водах Средиземного моря в качестве военной контрабанды⁴².

Кое-какие отрывочные сведения наших источников дают возможность заключить о развитии в Венеции отраслей промышленности, связанных с культом, как литье колоколов, изготовление органов, церковной утвари, причем работа над последними предметами церковного обихода легко перерастала в ювелирную промышленность. Надо думать, что те 12 колоколов, которые дожем Орсеоло Партечиачи были посланы в дар византийскому императору, были венецианского происхождения⁴³. Известный на Западе мастер по изготовлению органов, Георгий, был жителем Венеции, хотя, быть может, и греком по национальности⁴⁴. Золотых дел мастера, в частности изготовители тонких венецианских цепочек засвидетельствованы для самого начала XI столетия⁴⁵.

Разнообразные отрасли промышленности, предназначенные для удовлетворения местного спроса, как слесарное, кузнечное и столярное дело, также довольно рано начали обслуживать и потребности экспорта. Почти наверное можно утверждать, что то оружие, которым Венеция бойко торговала с мусульманскими странами, хотя отчасти было продукцией венецианских оружейников. Запрещение торговать оружием с мусульманскими странами, опубликованное в 971 г. дожем Пьетро Кандиано IV по настоянию византийских императоров Василия и Константина, указывает среди запретных товаров «панцыри, щиты, мечи, копья и другое оружие»⁴⁶.

Очень рано приобрели значение кожевенная и меховая отрасли промышленности. Если первая удовлетво-

ряла местные потребности, то вторая могла служить и экспортным целям. О существовании промышленности по выделке пушнины мы можем заключить хотя бы по тому факту, что острова Црес и Осор должны выплачивать дожу ежегодно один 30 лисьих, другой 40 кунных шкур⁴⁷.

Шерстяная промышленность находилась в X веке еще в зачаточном состоянии и, вероятно, могла изготавливать только грубые изделия для покрытия местного спроса⁴⁸, и если тем не менее венецианцы в это время уже вели торговлю сукнами, то эта была продукция далекой Фрисландии⁴⁹. Известный плащ Карла Великого был венецианского происхождения, но он мог быть изготовлен и не в Венеции. Узко местное значение могли иметь такие отрасли производства, как плетение корзин, изготовление гончарных изделий, приготовление тканей из льна и, возможно, также из хлопка, который довольно рано сделался предметом венецианской посреднической торговли и импорта.

С самого раннего времени преимущественно экспортное значение имели две отрасли венецианского производства, — добывание соли и приготовление соленой рыбы. Еще Кассиодор писал, что соль заменяет жителям лагун деньги⁵⁰. Венецианское правительство во все времена существования республики ревниво охраняло эту отрасль промышленности, стремясь создать для нее в Адриатике и ближайших районах континента и обоих полуостровов монопольное положение.

Сельскохозяйственное производство Венеции в X веке, как и всегда, было дефицитным; промышленность пока лишь отчасти могла служить целям экспорта и покрытия дефицитного продовольственного баланса; морские промыслы и морская торговля давали Венеции как все то, что ей нехватало для покрытия насущных потребностей, так и то, что способствовало росту ее богатства.

Морской транспорт очень рано стал служить нуждам населения дуката, составляя один из важных источников народно-хозяйственного дохода. Уже в начале VI в. в период существования Остготской державы Теодориха население лагун выполняло поручения остготского правительства по перевозке на своих кораблях из Истрии вина и масла. Во время войны Византии с остготами

жители островов переправляют на своих кораблях войска Нарзеса с Балканского полуострова⁵¹. Потоки паломников в Палестину направлялись весьма часто через Венецию. Одна из дубровнических летописей под 842 г. сообщает о прибытии в Дубровник «большого венецианского корабля с большим числом паломников из-за Альп и с Запада»⁵². Дипломатические представители западных государств направлялись в Византию через Венецию⁵³. Венецианцы доставляли почту из Саксонии и Баварии в Константинополь⁵⁴. Военно-морской флот Венеции уже в VIII в. составлял значительную силу: Карл Великий, захватив в 787 г. Истрию, мог только угрожать островам лагун, но не захватить их. Не могли сломить островитян и войска Пиппина, короля италийского, в 810 г., и опять вследствие безусловного господства их на море. Как раз около того времени, когда Венеция стала на путь колониальной экспансии, она уже считалась сильной морской державой. Это видно из энциклики папы Сергия IV, представляющей собой, если только она не подложна, одно из самых ранних проявлений папской инициативы в деле организации крестоносного движения: предполагая направить к берегам Сирии флот в тысячу кораблей «для овладения гробом Искупителя», папа возлагает надежды на Венецию и Геную⁵⁵. Выполнение больших транспортных поручений в период крестовых походов будет позднее только продолжением старой хозяйственной практики.

Как ни важны были для хозяйственной жизни Венеции ее промышленность и транспорт, решающая роль в ее экономике уже в рассматриваемое время принадлежала все-таки посреднической торговле.

В исторической литературе нередко можно встретить мнение, возводящее время развития морской торговли италийских городов, в том числе и Венеции, ко времени крестовых походов. Это является одним из преувеличений роли этого движения в истории хозяйственного развития Европы в средние века. Торговые связи Запада с Востоком не прекращались никогда. В IV, V, VII и VIII вв. они продолжали быть довольно оживленными, не меняя, однако, ни в какой степени натурального юблика хозяйства тогдашней Европы, что видно уже из самого состава товарных потоков того времени. Один ученый француз тщательно собрал из самых разнобо-

разных источников раннего средневековья все те немногочисленные сведения, по которым можно составить себе представление об этом предмете. В составе товарных потоков, шедших с Востока, мы видим вина из Газы и Асколона; лен из Скитополиса, Лаодикеи, Библоса, Тира, Бейрута; пурпур из Цезареи и Лидды; фисташки из Дамаска; папирус из Египта; ароматические масла с Кипра; оливковое масло из различных городов Сирии; перец, корицу, гвоздику и прочие пряности с более отдаленного Востока; шелк, драгоценности, хлопчато-бумажные ткани, наконец стекло шли из той же Сирии или через сирийское посредничество⁵⁷. Истрийские города, и Венеция, прежде всего, очень рано включились в движение этих потоков, а арабы позднее, в VIII и IX вв., сделались только опасными конкурентами сирийских и южно-европейских купцов, не будучи в состоянии вытеснить с рынков международного обмена по крайней мере этих последних. Арабская «преграда» способствовала, однако, усилению посреднической роли Византии и делала для италийских купцов и венецианских в особенности нормальные взаимоотношения с Византией необходимыми.

Венеция в X веке составляла, конечно номинально, часть Восточной империи. Ее торговые права гарантировались здесь принадлежностью ее купцов к подданным императора. Обширные торговые связи республики с Востоком диктовали ей неизменную верность Константинополю во всех конфликтах его с западными соседями,—такова, например, была позиция Венеции во время борьбы Византии с франками. Однако с конца X в. венецианских арматоров и купцов уже не удовлетворяет положение подданных империи, они вступают тогда на путь использования слабости императоров и их затруднений, борются за закрепление старых и приобретение новых привилегий. В 992 г. хрисовул императора Василия II определял размер пошлин в 2 солида с каждого венецианского корабля, входившего в греческие порты, и в 15 солидов с каждого корабля, выбывавшего из византийских вод. Эта разница в пошлинах по ввозу и вывозу определялась, вероятно, различным составом товаров, бывших предметом обмена между Венецией и Византией, более громоздких и дешевых по ввозу и более дорогих по вывозу. Жалованная грамота царей Ва-

сия и Константина вместе с тем требовала чтобы венецианские купцы не использовали льгот, им предоставленных, для прикрытия торговли евреев, амальфитанцев, жителей Бари и Ломбардских городов⁵⁸. Хрисовул Василия II был только одним из этапов развития торговых связей Адриатической республики с Востоком, которому предшествовал длительный период торговых взаимоотношений с византийскими городами.

Уже давно вели венецианцы торговлю и с мусульманскими странами. У Гейда и Шаубе приведены данные о торговых связях Венеции с Африкой и Сицилией для VIII и начала IX вв.⁵⁹. Запрещение торговать с мусульманскими странами дожа Пьетро Кандиано во второй половине X в. говорит о постоянных и прочных связях венецианских купцов с мусульманским Востоком. Когда в первые годы своего догата Пьетро Орсеоло II заключил мирные соглашения с различными мусульманскими государями, то это не было началом новой эры в этих взаимоотношениях, а скорее—подведением итогов уже установившихся практических связей и взаимоотношений. Диякон Джiovанни, сообщая нам об этом, не случайно ставит здесь константинопольских императоров рядом с мусульманскими potentатами: «Он приобрел,—пишет Джiovанни о доже,—твердую, сердечную и устойчивую дружбу и благосклонность со стороны константинопольских императоров и мусульманских государей»⁶⁰. Разумеется, все эти дружественные отношения не шли покуда далее разрешения венецианским купцам посещать восточные страны с торговыми целями, Венеция еще не имела в это время разветвленной сети торговых факторий, которые она создаст позднее, и, несомненно, не пользовалась теми торговыми льготами, которые она потом приобретет на Востоке.

О размерах и значении венецианской торговли с восточными странами можно судить по столь часто цитированному известию Титмара Мерзебургского о гибели в 1017 г. четырех венецианских кораблей, нагруженных восточными специями⁶¹. Количество погибших товаров до известной степени говорит о масштабах, в которых венецианцы занимались торговлей этими товарами, а то обстоятельство, что прелат отдаленного города интересуется судьбой венецианских торговых кораблей, сви-

детельствует о том, что венецианские торговые обороты интересовали не только ближайших соседей Венеции.

Торговые связи с ближайшими городами Италии, Истрии и Далмации, естественно, были завязаны с самого раннего времени,—сбыт соленой рыбы и соли долгое время был возможен только в этих местах. Венецианским политикам поэтому приходилось очень заботливо охранять права своих купцов. Целая серия договоров и жалованных грамот западных королей и императоров дошла до нас в качестве неопровержимого доказательства широких торговых интересов Венеции в Италии и на Западе вообще. К рассматриваемому времени и к предшествующему IX столетию относятся грамоты Лотаря I, Людовика II, Карла Толстого, Гвидо, Рудольфа, трех Оттонов и Генриха II. Из этих грамот мы видим, как венецианцы настойчиво стремятся создать для себя условия наибольшего благоприятствования в пределах империи Запада. Но, разумеется, их в первую очередь интересовали территории ближайших итальянских городов. Уже договор с Лотарем упоминает в качестве сфер венецианских интересов Истрию и Фриуль, Ченедо, Тревизо, Виченцу, Мантую, Комаккио, Равенну, Чезену, Пезавро, Фано, Синигалью, Анкону, Умано и Фермо,—все это города, расположенные по побережью Адриатики, в непосредственной близости от Венеции или по течению судоходных рек Ломбардской низменности⁶². Потом сфера венецианских интересов будет расширяться до пределов всей империи, как это видно, например, из диплома Оттона III от 992 г.⁶³. Свобода передвижения и торговли при твердом порядке обложения по установленному обычаю составляет основное требование венецианских купцов, которое они первоначально предъявляли западным государям; те, в свою очередь, соглашались на это при условии взаимности,—«равным образом этим правом будут пользоваться и наши люди на море»,—читаем мы в дипломе императора Лотаря от 840 г.⁶⁴. Потом венецианцы добиваются все новых и новых уступок, урезывая одновременно права подданных империи на своем рынке и на Адриатическом море: по договору 883 г. венецианцы на территории Итальянского королевства подчиняются юрисдикции дожа⁶⁵; в 888 г. торговые пошлины устанавливаются в твердой ставке в 2,50%⁶⁶; в 983 г. венецианцы освобождаются от так на-

зываемого берегового права⁶⁷; наконец позднее, за пределами рассматриваемого периода, венецианцы добьются сокращения прав подданных императора в Адриатике,—они могут следовать со своими товарами до Венеции, но не далее⁶⁸. Все эти факты говорят о давних и широких интересах Венеции на рынках Запада. Торговые интересы свои на рынках Истрии и Далмации Венеция защищала, как мы увидим далее, и более эффективно, и более решительными мерами.

Мы уже говорили о товарных потоках, которые направлялись с востока на запад. Гфреер собрал ряд фактов из источников VIII, IX, и X вв., из которых видно, что венецианское посредничество между Востоком и Западом представляло собою в этом отношении прямое продолжение деятельности сирийских и арабских купцов⁶⁹. Встречные товарные потоки, шедшие с запада на восток, состояли, разумеется, из товаров совершенно иного рода. Мы можем судить об ассортиментном составе этих потоков, прежде всего, на основании многочисленных запрещений торговать с восточными странами теми или иными товарами. Для примера, в пределах рассматриваемого периода, далеко не единственного, можно указать на распоряжение дожа Пьетро Кандиано IV от 960 г., категорически запрещающее торговлю рабами⁷⁰. Мы уже упоминали о запрещении, также далеко не единственном, торговать с мусульманами оружием, корабельным лесом и вообще всем тем, что необходимо для оснастки кораблей, опубликованном в 971 г. тем же дожем⁷¹. Было бы наивно думать, что эти запрещения, угрожавшие суровыми карами за их нарушения, достигали цели. Уже то обстоятельство, что в преамбулах этих указов помещались ссылки на соответствующие требования византийских императоров—Романа в первом случае, Василия и Константина—во—втором—свидетельствовало не столько о факте зависимости Венеции от Византии, сколько о желании подчеркнуть, что дож в данном случае действовал, уступая давлению извне, так как он не мог не знать, сколь мало популярны были такие распоряжения среди венецианских купцов. Повторность этих распоряжений в IX и X вв. говорит о бесплодности их в это время. Неэффективность их, а следовательно и продолжение этой торговли в последующее время, вытекает из того, что в конце XII в. Ин-

нокентию III приходилось спорить с венецианцами все на ту же тему о военной контрабанде, а продолжение торговли рабами засвидетельствовано и для XIII в. как венецианскими, так и невенецианскими источниками: в «Таможенном Уставе» Дубровника от XIII в. говорится о торговой привилегии республики св. Марка, заключающейся в праве ее купцов не платить в дубровницком порту установленных на торговлю рабами пошлин⁷²; обстоятельный байло в Сирии Марсильо Джорджо в своем докладе дожу о сирийских владениях св. Марка также упоминает о пошлинах, взимаемых с торговцев рабами в портах Акры и Тира⁷³. Таким образом, несмотря на запрещения, Венеция в X веке вела оживленный торг с Востоком корабельным лесом во всем его сложном ассортименте, смолой, пеньковыми канатами, металлом, оружием и особенно рабами. Лес она в изобилии получала из Истрии, с далматинского побережья и Архипелага, рабов получала она из Германии, с Балканского полуострова, Истрии и Далмации в частности⁷⁴, прочие изделия были предметом собственного производства, или привозились с европейского континента. Позднее в венецианском экспорте на Восток все большую и большую роль будут играть разнообразные изделия европейских ремесел, сукна в особенности.

Мнение Гфререра о торговле Венеции в X в., как о торговле «мировой», может быть и является преувеличенным⁷⁵, но радиус ее распространения уже тогда несомненно был очень значителен: Германия, Италия, Балканский полуостров, берега Архипелага и Мраморного моря, Малоазиатское и Сирийское побережье, Египет, Триполитания, Тунис, Магриб, Сицилия так или иначе засвидетельствованы в качестве территорий, где венецианские купцы не были случайными гостями. Значение венецианской торговли, по крайней мере для близко расположенных местностей, было настолько велико, что Венеция могла использовать торговый бойкот в качестве средства политического воздействия на слишком строптивых и слабых соседей. Такому средству воздействия подвергся и был вынужден капитулировать маркграф Истрии, попробовавший нарушить некоторые торговые привилегии республики⁷⁶. Такова была участь Джиованни, епископа Беллуны, осмелившегося «захватить различное имущество и нарушить права венециан-

цев»⁷⁷, не шедшего ни на какие переговоры и не обращавшего внимания на письма самого императора Оттона III. Дож запретил тогда торговлю с областью Треви-зо, и беллунцы, «не получая ни соли, ни других товаров», просили мира⁷⁸.

В качестве общего итога по вопросу о хозяйственном положении Венеции накануне XI в. можно сказать, что она представляла собою довольно развитый в экономическом отношении комплекс городов и городков с центром на Риальто, хозяйственные нити от которого далеко тянулись по всем направлениям трех частей света. Адриатическая республика, как мы об этом уже говорили, была тогда несомненно передовым городом-государством, с которым в экономическом отношении едва ли мог соперничать какой-либо другой город Западной Европы; но, разумеется, простым недоразумением надо признать столь часто высказывавшееся в буржуазной исторической литературе мнение, что Венеция уже в XI в. была капиталистической. Значительная роль денег, как средства накопления и особенно обмена, бесспорна, но «капитал ростовщический вместе с своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства»⁷⁹. На венецианском примере особенно ярко демонстрируется эта истина. Те отрасли промышленности, которые преимущественно в средние века работали на экспорт и в которых раньше, чем в других отраслях производства, начала внедряться мануфактура, в Венеции в рассматриваемое время только зарождаются,—таково положение шелкового, суконного и стеклянного производств; остальные отрасли еще и два столетия позднее будут оставаться типичным ремесленным производством. С другой стороны, многочисленные именья епископских кафедр, церквей и монастырей, владения венецианской знати как на самых островах, так и на материке, несомненно эксплуатировались феодальными методами, но в XI в. отработочная и натуральная ренты, очевидно, частично стали уступать место денежной ренте, например, аббатиса монастыря св. Захарии в 1038 г. взимает со съемщика принадлежащей монастырю земли в районе Монселиче денежный чинш с уплатой раз в год в день св. Михаила⁸⁰.

Рассмотрение социальных проблем венецианской истории этого времени, насколько они нашли отражение в наших источниках, явятся дополнительной иллюстрацией феодального облика тогдашней Венеции.

3. Социальная и политическая организация Венеции в X в.

Процесс образования классов на территории дуката протекал под сильным воздействием социальных отношений, складывавшихся на материке. Мы уже говорили о том, что варварские нашествия V и VI вв. повлекли за собою перегруппировки населения, вызывали переселенческие волны, отдельные всплески которых попадали и на защищенные самой природой острова лагун. Нашествие Атилы, завоевания остготов, вторжение лангобардов, еще позднее походы франков сопровождались появлением на лагунах все новых и новых переселенцев и влекли за собою перегруппировку населения на них самих. Древнейшая венецианская хроника говорит о переселенцах из Пармы, Эсте, Чезены, Бергамо, Редино, Мантуи, Гардо, Фано, Аквилеи, Феррары, Флоренции, Гаэты, Калабрии, Истрии, Болоньи, Равенны, Пизы, Верчелло, Салерно, Бари, а также Каттаро, Задара и др. городов Далмации⁸¹. Эти переселенцы не были только предпримчивыми одиночками, чаще это были группы, связанные узами родства или экономической зависимостью. Мы видим группы провинциальных римских нобилей со своими рабами и колонами⁸², просто достаточных людей⁸³, много людей необеспеченных, по тогдашним понятиям социально «ничтожных»⁸⁴. Переселяясь на острова лагун, они теснили местное население, пускали в оборот новые, до того времени не использовавшиеся земли, строили жилища и укрепленные замки⁸⁵. Они способствовали хозяйственному подъему «морской Венеции», прежде всего, сельского хозяйства; но они вместе с тем способствовали и ускорению процесса феодализации дуката, его социальной дифференциации, отчасти перенося на лагуны уже сложившиеся на материке классовые различия, отчасти влияя на их образование среди местного населения.

Буржуазные историки Венеции обычно обнаруживают полную беспомощность при попытке дать анализ классового состава населения республики на лагунах. Мы уже видели выше, как Мольменти различает в составе жителей дуката 4 «класса»: магистратов, знать, духовенство и народ⁸⁶. Не с большим основанием Браун делает попытку распределить отдельные слои населения по островам: Гераклея у него место сосредоточения аристократии,—Иезоло и Маламокко—демократических элементов⁸⁷. Новейший историк Венеции Р. Чесси не считает возможным говорить о классовой дифференциации населения дуката даже в XI в. «В народе,—утверждает автор,—социально-классовая дифференциация еще не созрела, или, по крайней мере, не была заметной и поддающейся определению»⁸⁸. «Народ в Венеции всегда был однородным»,—пишет он в другом месте и не отказывается от своей точки зрения даже перед лицом того факта, что источники постоянно говорят о «больших, малых и средних» в Венеции, и утверждает, что «это различие имело больше моральное, чем политическое значение»⁸⁹. Все это полностью противоречит имеющимся в нашем распоряжении данным.

Наши источники с очень раннего времени, уже с VI в., различают на лагунах нобилей, простой народ, колонов и рабов. Альтинатская хроника целую главу посвящает вопросу о происхождении венецианской знати, выводя ее из знати различных итальянских городов и снабжая характеристиками, далеко не всегда лестными⁹⁰. Трудно сказать, какая часть этих родословных отвечает действительности и какая представляет собою плод позднейших измышлений, несомненно одно, что в какой-то своей части, может быть в большей части, венецианская знать действительно была на лагунах пришлым элементом.

На новых местах она, прежде всего, «садилась» на землю, но так как больших земельных просторов здесь не было, то части ее неизбежно приходилось искать достатка в тех отраслях хозяйственной деятельности, которые были связаны с морем, т. е. в морских промыслах, не исключая и разбоя, и в морской торговле. Первоначально между обеими этими группами несомненно существовали противоречия, находившие свое выражение и в вопросах внутренней, а еще более внешней полити-

ки. Только этим можно объяснить отсутствие единства в рядах венецианской знати во время борьбы Византии с первыми Каролингами. Почти наверное можно утверждать, что на стороне франков была та часть знати, которая тесно связана была с землевладением,—не случайно «западная» партия возглавляется крупнейшим землевладельцем патриархом Градо, тогда как на византийской стороне по понятным причинам были нобили, которые искали счастья и достатка на морских просторах. Победила, как известно, византийская партия, так как она, помимо того, что была, вероятно, уже в IX в. более многочисленной, еще находила поддержку со стороны основной массы остального населения лагун, также тесно связанного с морем. В X в., однако, и землевладельческая знать обратилась лицом к морю, и тогда различие это сгладилось; с этого времени венецианская аристократия выступает единым фронтом при защите своих интересов, как в вопросах внутренней, так и внешней политики.

Из всего этого следует, что вопрос о происхождении венецианской знати нельзя сводить к простому утверждению, что венецианский патрициат вел свое происхождение от разбогатевших купцов, от «венецианской буржуазии», как это делает, например, М. М. Ковалевский⁹¹, верно и обратное: очень много купцов были потомками землевладельческой знати.

Представители венецианской знати именуются в греческих источниках архонтами, в латинских—мужами разумными, первыми, лучшими. Это они на первых порах политической истории лагун выдвигали из своей среды трибунов, позднее—дожей и лиц на другие высшие посты⁹². Из их среды вербовались и представители высшего клира. Достаточно заглянуть в списки патриархов Градо и их епископов суффраганов, чтобы убедиться в этом. Из второй книги той же Альтинатской хроники мы видим, что первые патриархи были выходцами из различных мест Италии и даже Греции, но с восемнадцатого имени мы видим только представителей венецианской знати, поставлявшей также и дожей⁹³. То же самое мы увидим, если будем рассматривать списки епископов Торчелло, Иезоло, Оливоло и др.⁹⁴.

Сила венецианской знати заключалась в ее богатствах, состоявших в земельных угодьях, в городских

домах, морских судах, деньгах и товарах. Знатные люди были окружены обширной клиентелой зависимых от них людей,—Калоприни в 983 г. бежали к императору Оттону с многочисленной свитой, состоявшей не из одних только родственников⁹⁵. Некоторые из знатных фамилий искали себе сторонников среди основной по численности массы населения дуката, «народа», и нередко ее здесь находили. Алчные, самолюбивые и властолюбивые фамилии эти долгое время были, как впрочем и всюду в Европе того времени, элементом феодальной анархии и раздоров в зарождавшемся купеческом государстве на лагунах. Лишь постепенно, все более и более превращаясь в купцов, представители венецианской знати воспитали в себе то чувство классовой солидарности, дисциплины и твердого порядка, без которых Венеция не могла бы быть тем, чем она была в действительности в последующие столетия.

Простой народ, *populus*, не представлял собою однородной массы свободного населения,—здесь были свои «большие, средние и малые» люди⁹⁶.

Верхушечная часть «больших» людей ближе стояла к знати, чем к людям меньшим и, вероятно, в конце концов пополняла ее ряды, по мере того, как торговые операции или ростовщичество ее обогащали. Вероятно, именно они имеются в виду, когда дожи говорят о «своих верных», о «добрых людях», о «соприсутствующих» при их, дожей, избрании.

Люди среднего достатка и «меньшие» были той массой свободного населения, которая заполняла потом ряды цеховых организаций, что ни в какой мере не исключает и того, что рядом с ними становились здесь также и постепенно освобождавшиеся полузависимые и зависимые люди. «Меньшие» люди из народа чувствовали себя, наверное, ближе к этой части венецианского населения, чем к людям «большим». Это они были рыбаками республики, добытчиками соли, представителями постепенно развивавшихся ремесел, матросами на кораблях, солдатами республики на суше и на море. Люди среднего достатка из них несомненно занимались и торговлей, и при том не обязательно только внутренней и мелочной.

Довольно значительную первоначально часть венецианского населения, потом постепенно уменьшавшуюся,

составляли люди полусвободные, крепостные. В качестве таковых они обрабатывали поля, сады и виноградники венецианской знати и клира. На Иезоло знатные трибунские фамилии живут в замках, земли вокруг которых обрабатываются их колонами⁹⁷. Епископская кафедра Торчелло взимает с виноградарей, сидящих на ее земле, натуральный и денежный оброки⁹⁸. Альтинатская хроника повествует об оброках и барщине колонов Каорле в пользу крупнейшего здесь землевладельца, дожа⁹⁹. Патриарх и монастыри получают со своих колонов скот, шерсть, кожу, зерно, лен, коноплю, вино. С меньшей степенью определенности, по состоянию источников, можно говорить о роли полусвободного населения дука-та в ремесленном производстве, допуская это последнее в принципе. Таким образом, весь этот люд представлял собою долгое время нечто неотделимое от знати: с нею вместе он появился, как мы видели, на территории дука-та, в орбите хозяйственного тяготения к ней он потом вращался.

В буржуазной исторической литературе иногда можно встретить мнение, что в Венецианском дукате никогда не существовало крепостничества¹⁰⁰. Это по меньшей мере сомнительно. Мы не раз видели, как в наших источниках, восходящих к X веку, речь заходит о колонах. М. М. Ковалевский, отрицая наличие крепостных на землях венецианской знати, не берет на себя труда выяснить социально-правовое положение этой категории несомненно зависимого населения. *Coloni*—термин римского права, в кодексе Юстиниана означающий зависимых людей на землях крупных земельных магнатов. Необходимо иметь в виду, что в Италии вообще, и в Венеции в особенности, стойко держалась юридическая терминология римского права, — не только составители официальных документов, но и анналисты охотно пользовались терминологией кодекса Юстиниана для обозначения новых социальных явлений. Не подлежит сомнению, что под именем колонов выступают в венецианских документах раннего средневековья крестьяне феодальной формации. Альтинатская хроника, рассказывая о переселении богатых землевладельцев со старых мест в новый город на Риальто, сообщает, что там «остались только вольноотпущенники, рабы и работники виноградников»¹⁰¹. Нет сомнения, что

рабы и вольноотпущенники, оставленные в поместьях, находились первые в безусловной и вторые—в известной мере обусловленной зависимости от землевладельца. Для X века это будут крепостные, одни в условиях серважа, другие—в более мягкой форме крепостничества. Термин «массарии» в Северной Италии с очень раннего времени служил для обозначения несвободных работников земли¹⁰². Когда среди владений епископа Оливолто, т. е. епископа на Риальто, называются 15 «массаричие»¹⁰³, то мы вправе предположить, что обрабатывались они массариями, т. е. людьми, прикрепленными к земле. Правильнее будет не отрицать на территории дуката наличие полусвободных людей, а настаивать на большем, чем в остальных местах, проценте свободного населения, занятого в ремесле и сельском хозяйстве.

Несмотря на многочисленные постановления, направленные против торговли рабами,—постановления, впрочем, как мы уже видели, бесплодные,—рабы в Венеции долгое время были многочисленными. В этом нас убеждают не только известия о появлении на островах знати «вместе со своими рабами», не только различные документы частного-правового характера, как, например, завещания, но и те многочисленные *раста* и *граесерта*, которые Венеция заключала с западными императорами. Одним из неперменных пунктов этих грамот является взаимное обязательство о выдаче бежавших рабов. Укажем в качестве примера на диплом Оттона I от 967 г., который довольно близко стоит в хронологическом смысле к рассматриваемому нами времени¹⁰⁴.

Правовое положение рабов в Венеции первоначально не отличалось от их юридического статуса в античном мире, но потом, в силу развития феодальных начал, положение это стало меняться к лучшему: раб сажается на землю, получает доступ к общественному суду, нередко имеет семью и собственность. Однако значение фактов этого рода не следует преувеличивать,—за господином сохранялось все-таки право дарить, продавать и вообще отчуждать каким-бы то ни было образом своего раба, судить его, наконец¹⁰⁵. Отпуски на волю по разным побудительным причинам не были особенной редкостью, но отпущенный был связан со своим бывшим господином узами патроната.

Большой интерес, естественно, представляет вопрос о роли венецианского раба в производстве. И в этом отношении положение раба с течением времени менялось: первоначально его роль в экономической жизни дуката была более значительной, чем позднее. Некоторые места альтинатской хроники позволяют говорить об использовании рабов в раннее время в промышленном производстве: на Горчелло существовало нечто вроде античного эргастериона, где рабы обрабатывали ценные меха¹⁰⁶. Успехи в области техники сельскохозяйственно-го производства и ремесел делали применение рабочей силы рабов все менее и менее выгодным, и поэтому устойчиво рабский труд держится лишь в таких отраслях хозяйственной деятельности, которые не требуют квалификации. Мы можем указать на широкое применение труда рабов в морском деле, где они выполняли тяжелую обязанность гребцов. Так как силой весел приводились в движение, прежде всего, и больше всего военные суда, то здесь мы и видим особенно устойчивое применение рабочей силы раба¹⁰⁷. Параллельно с этим в Венеции, как и всюду в городских республиках Италии, широко было распространено и особенно долго держалось использование рабов в качестве домашней прислуги.

Официальная политика Венеции в отношении рабовладения была двойственной, неискренней и лживой. С одной стороны, время от времени появлялись запреты торговли рабами, а с другой стороны, венецианское правительство выработало целый кодекс, защищавший «права» господина, и широко использовало рабовладение и работорговлю как доходную статью государственного бюджета. Многочисленные факты, свидетельствующие об этом, подобраны в работе И. В. Луцицкого «Рабство и русские рабы во Флоренции»¹⁰⁸. Об этом же говорят и «Венецианские статуты», официальный документ венецианского права¹⁰⁹.

Наконец, необходимо сделать несколько замечаний относительно венецианского клира. Мы уже указывали, что в своем высшем звене он принадлежал к венецианской знати: патриарх, епископы, аббаты и аббатиссы были представителями патрицианских фамилий. Низшее духовенство рекрутировалось, как и всюду, из «простонародья». Однако по роду занятий, не только духовных, но и мирских, между этими двумя группами клириков не

лежало пропасти: все они—от патриарха до приходского священника—занимались и торговлей, и ростовщичеством, не довольствуясь церковными доходами и феодальной рентой. В этом смысле поучительно письмо, направленное папой Сильверстом II дожу Пьетро Орсеоло II, где мы читаем: «Все епископы и священники открыто сожительствуют с женщинами и, подобно менялам и трапезитам, гонятся за светскими барышнями и вместо службы божественной выгодно занимаются светскими делами». Папа рекомендует дожу с корнем «вырвать» это зло на местном венецианском соборе¹¹⁰.

Руководствуясь классическим определением понятия об общественных классах, данным В. И. Лениным¹¹¹, из всего того, что сохранили нам наши источники относительно ранней социальной истории Венеции не как города, а как дуката, можно сделать такие выводы: венецианская история открывается действием тех социальных групп, которые мы видим на закате Римской империи,—знати, купцов и ремесленников, колонов и рабов; дальнейшее развитие шло в направлении феодализации этого общества,—знать и часть купцов превращалась в феодалов, колонны и отчасти рабы,—в крепостных; специфические особенности экономики Венеции и, в первую очередь, невозможность замкнуться в рамках чисто натурального хозяйства усиливали значение торговли и способствовали раннему вовлечению знати в сферу обмена; это не препятствовало, однако, ни сохранению крепостничества, ни начавшейся уже до X века организации производства по обычному ремесленному типу средневекового города.

Политическая организация дуката отражала специфические черты его социальной и экономической жизни. Политическая история Венеции началась с соперничества знатных фамилий, с проявления анархических тенденций трибунских родов, развернулась затем в борьбу этих центробежных сил против централизующего начала, представленного властью дождей, чтобы придти к началу XI в. с политической организацией, которая могла послужить в те времена образцом дисциплины и порядка.

В VI и VII вв. «морская» Венеция не представляла собою единого политического целого. В отдельных поселениях на ее островах царили «трибуны», представители

местной землевладельческой знати; они считались выборным, но только соперничество их между собою и вражда с другими знатными фамилиями мешали им образовать местные феодальные династии, поскольку власть византийского императора и его Равеннского экзарха ощущалась все более и более слабо. Наши источники насчитывают их обычно 12, но едва ли эта цифра не представляет собою искусственного соответствия их числа с числом важнейших островов дуката; в действительности их бывало, вероятно, и больше и меньше этой цифры.

В самом конце VII в. на лагунах появляется дож, — власть, претендующая на господство на всей территории лагун. Доводы историков, оспаривающих это положение и относящих появление власти дожей к более позднему времени, нам не представляются достаточно убедительными¹¹². Появляется власть дожа первоначально не надолго: в начале VIII в. центробежные силы опять торжествуют, — лагунами управляют *magistri militum*, магистратура, являющая собою плод компромисса, действовавших в двух противоположных направлениях социальных сил. В 742 г. централизаторские силы снова одержали верх и на этот раз до конца венецианской истории.

Существующие в буржуазной исторической литературе взгляды на происхождение этой власти мы считаем не исчерпывающими вопроса и самую постановку его неправильной. Гартман появление дожа на лагунах относит к началу VIII в. и объясняет его вмешательством Византии¹¹³. Гфререр относит эту реформу к деятельности Равеннского экзарха¹¹⁴. Кречмайр ставит возникновение догата в связь с возникновением на территории Византии фемного строя, но он допускает одновременно известное влияние и патриарха, мечтавшего будто бы о создании для себя чего-то вроде светских владений папы¹¹⁵. Романин связывает появление дожа с арабской угрозой и относит к инициативе патриарха Христофора¹¹⁶. Такое разнообразие во взглядах на один и тот же вопрос свидетельствует о том, что ни одно из этих мнений не имеет за собой сколь-нибудь серьезного основания в источниках. Мы полагаем, что разрешения этого вопроса нельзя искать в волеизъявлении далекой и мало авторитетной власти, нельзя ставить политиче-

ский институт в зависимость от административных преобразований Византийской империи, или усматривать в нем удачный плод честолюбивых замыслов того или другого лица.

Политические проблемы разрешаются соотношением классовых сил, политические организмы являются продуктом социальной борьбы,—только здесь может быть найдено и объяснение интересующей нас политической проблемы. Между тем именно такая постановка вопроса для многих буржуазных историков является неприемлемой. Приведем в качестве примера уже упоминавшуюся в подобной же связи работу Чесси. Роберто Чесси, отрицая наличие в Венеции общественных классов, естественно стоит и на позициях отрицания социальной борьбы в Венеции. По этой причине он обнаруживает полную беспомощность при попытке истолковать ожесточенную борьбу двух группировок господствующего класса в ранний период венецианской истории. Изложив факты, относящиеся к этой борьбе, Чесси пишет: «В темной смене вероломства, ослеплений, заговоров, которые следовали друг за другом с головокружительной быстротой, трудно различить действующие элементы, личные и коллективные, элементы политические, экономические, социальные, и определить их значение и содержание»¹¹⁷. Далее, по примеру других буржуазных историков, как и они, не будучи в состоянии дать более рациональное объяснение, автор трактует политическую борьбу IX в., как «муниципальную вражду между Читтануова и Маломокко»¹¹⁸.

В действительности эта политическая проблема может быть удовлетворительно разрешена только с позиций социальной борьбы в этом раннем периоде венецианской истории.

В период лангобардского нашествия новая волна переселенцев с «твердой земли» пополнила состав населения лагуны. Это создавало для него новые трудности в деле своего пропитания и повелительно указывало путь на море. Анонимный автор древнейшей венецианской хроники ясно сознавал это: «Наше мореходство, охватывающее весь мир,—пишет он с некоторым для X в. преувеличением,—диктуется нам необходимостью добывать жизненные припасы»¹¹⁹. Развитие морской торговли и ремесел становится жизненной необходимостью. Все

большая и большая часть населения лагун, не исключая и знати, вынуждена связывать свое благополучие с морем. Возникает сильная социальная группа, для которой морская торговля—все. Развитие же этой последней требовало наличия по крайней мере трех условий: свободы плавания в Адриатике, пригодности внутренних вод для движения морских судов и возможности проникновения по речным системам Северной Италии внутрь континента. Ни одна из этих задач не могла быть решена силами отдельных общин на лагунах, — отсюда требование «морской» партии их объединения. Группа землевладельческой знати не хотела понять жизненной необходимости этой программы: замкнутые интересы натурального хозяйства не способствуют развитию идей государственного единства. Отсюда стремление этой социальной группы к «вольной» жизни *da sè*, к тому, что называется феодальной анархией. Возникновение дуката удовлетворительно может быть объяснено из факта победы «морской» партии над партией зарождавшейся феодальной анархии. Так как эта победа базировалась на твердой экономической основе, то она в конце концов и оказался неизбежно прочной.

Разумеется, побежденная социальная группа не сразу сложила оружие и после вторичного установления догата. История VIII столетия наполнена сценами кровавой борьбы «трибунских» фамилий против дожей. В 717 г. феодалы Иезоло напали на первую столицу дуката, Гераклею, и убили первого дожа Павлиция Анафеста. В 737 г. второй дож, Орсо, убит после 11 лет правления «возмутившимся народом». В 755 г. Теодат Орсо ослеплен и заключен в тюрьму, а через год такая же судьба постигла и непосредственного виновника низложения Теодата, Галлу. Судьба преемника последнего была аналогичной,—Доменико Леонгарио был ослеплен и изгнан в 764 г. За последние 30 лет VIII в. было изгнано еще три дожа, двое Гальбайо и Обелерио. В этой последней борьбе сыграла свою роль и уже упоминавшаяся схватка «франкской» и «византийской» партий, которые были все теми же партиями морской торговли и централизации, с одной стороны, и феодального самодавления, с другой. Победила и на этот раз «морская» партия, партия византийской ориентации, так как именно за ее спиной стояли властные экономические требо-

вания, которым противоположная партия не могла противопоставить ничего экономически прочного.

Еще одним примером того, как эта борьба трактуется у буржуазных историков, может служить «анализ» ее у Мольменти: «Смуты и беспорядки,—пишет он,—в начале ее (Венеции) существования говорили об избытке силы, о настойчивой потребности в деятельности, о том беспокойстве, которое стремится создать порядок из безурядицы и волнений»...¹²⁰. Этот «анализ» сам говорит за себя.

В IX в. в связи с ростом торговли, а отчасти и ремесленного производства, экономические позиции торгово-промышленных групп усиливаются, почему и политическая их программа окончательно торжествует: в IX в. догат упрочивается, феодальная знать вынуждена смириться и сама постепенно заражается духом морского предпринимательства. С этого времени мы не видим столь частых сцен ожесточенных схваток вокруг трона дождей.

Необходимо, впрочем, оговориться, что расправы с некоторыми дожами имели место и в X, и в XI вв., но выступления знати имеют уже другой социальный и политический смысл. Объединившийся нобилитет весь в целом будет теперь с ревнивой подозрительностью относиться к главе правительства дуката,—династические тенденции фамилий Кандиано, Орсеоло давали к тому достаточно оснований. Низвержение Пьетро Кандиано IV в половине X в., женившегося на Вальдраде, сестре одного из крупнейших феодалов Италии и получившего в приданое обширные феодальные владения на материке—во Фриуле, Тревизо, Ферраре—было актом расправы с опасным феодалом, справедливо заподозренным в стремлении к установлению наследственной тирании¹²¹. Изгнание Оттона Орсеоло в начале XI в. было предупредительной мерой во избежание той же опасности. Так изменялось в процессе диалектического развития внутреннее содержание одной и той же борьбы.

В IX и X вв. на территории дуката складывается устойчивый государственный порядок, своеобразная неписанная конституция, детали которой нам недостаточно ясны.

Во главе государства стоит избираемый пожизненно магистрат, дож. Выборы эти были своеобразны и протекали в хаотической обстановке. В принципе дож избирался народом¹²², но фактически выборы несомненно находились в руках знати и высшего духовенства, представлявшего ту же знать; народ только «выкликал» избранника, воздавая ему *laudationes*. Выборы сопровождались церковными торжествами и вручением избраннику при торжественной обстановке знаков достоинства главы государства—скипетра, знамени, короны дожей.

Знать, игравшая решающую роль при выборах дожа и в то время, которое может быть названо междоусобицей, не устранялась от влияния на дела государственного управления и после избрания. Участие это не было установлено каким-либо конституционным актом, но оно диктовалось дожу опротивевшей экономической и социальной ролью этого класса, в особенности, когда противоречия между его отдельными группами стали сглаживаться, и он начал выступать более или менее объединенным фронтом, а это, как мы видели, в X в. было уже фактом. Источники самого различного происхождения постоянно отмечают знать в качестве ближайшего и влиятельного окружения дожа: Анна Комнина говорит об архонтах, что «при доже», венгерский король Коломан пишет к «дожу и оптиматам»; Генрих IV называет дожа мудрым «в силу совета благоразумных мужей»¹²³. Все это—задолго до официального возникновения Большого и Малого Советов.

Свое участие в управлении знать осуществляла через «курию» дожа, выполнявшую, прежде всего, судебные функции, откуда и наименование ее членов — «судьи»; но она выполняла также и функцию совета дожа, так как и советники называются «судьями». Они назначались дожем, но благоразумие и его личные классовые интересы рекомендовали ему останавливать свой выбор на представителях наиболее знатных и влиятельных фамилий.

Свои решения дож выносил, однако, не только от своего имени и имени знати, но также и «народа», с «общего совета». Приведем примеры: запрещение торговать оружием с мусульманами выносится в присутствии не только знати, патриарха и епископов, но также, и «с большей частью народа—больших, средних и малых»¹²⁴;

решение о платеже десятины принимается в 977 и 979 гг. от имени знати и «общества совета»¹²⁵. Народное собрание (*contio*, *aggrengo*) не было регулярно действовавшим политическим институтом, а созывалось по инициативе дожа для санкции уже принятых знатью и высшим клиром решений и протекало в обстановке, исключавшей обсуждение поставленных вопросов: народ и здесь только «выкрикивал» свое отношение к представляемым на его рассмотрение проектам,—не даром народные решения именовались *laudationes populi*.

Местное управление, по-видимому, еще довольно долго оставалось в руках «трибунов», которые продолжают «избираться», но которые все более и более выступают в качестве представителей дожа, его *missi*. Вокруг этого вопроса, вероятно, и шла упоминавшаяся выше борьба политических партий в Венеции. В нашем распоряжении имеются данные, которые позволяют заключить о сознательно проводимой дожами политике вытеснения местной знати с насиженных ею мест, чтобы с тем большей уверенностью держать районы дуката в своих руках¹²⁶. Наличие при ставленниках дожа, какими трибуны постепенно сделались, местных советов или собраний из знати и верхов «народа» надо считать бесспорным¹²⁷.

Для того, чтобы центральная власть могла осуществлять ту тройную задачу, которая делала ее наличие в дукате необходимой, было важно, при отсутствии единства в рядах знати, чтобы эта власть была достаточно обширной. Такой мы ее и видим в рассматриваемое время. Все население дуката приносит присягу на имя дожа, не исключая и самого патриарха. Дож председательствует в курии и народном собрании, сносится с иностранными государствами, командует на войне, влияет на назначение духовных лиц, и сам патриарх инвестируется им прежде, чем получить от папы паллий, ведает доходами и расходами государства, отправляет послов и назначает должных лиц. Он носит титул: «божией милостью дожа Венеции», просто «дожа Венеции» или «дожа венецианцев». С внешней стороны объем власти дожа в IX и X вв. представляется настолько обширным, что историки Венеции нередко считают ее государственное устройство этого времени монархическим¹²⁸. Это, конечно,—крайность. Другой крайностью можно назвать утверждение, что Венеция была перво-

начально демократической республикой¹²⁹. Выборный характер власти дожей, широкое участие знати как в выборах, так и в делах текущего управления, постоянная угроза вооруженного бунта со стороны знатных фамилий делали этот «монархизм» прозрачным. Еще меньше оснований говорить о «демократизме» венецианского государственного устройства этого времени, — демос не был на лагунах активной политической силой уже с того времени, когда здесь появились первые «трибунские» фамилии в своих укрепленных жилищах. Венеция не могла не сделаться аристократической, поскольку она становилась феодальной, поскольку от феодальной знати, в первую очередь, зависело положение главы государства, дожа.

Победа над сепаратистскими устремлениями местных феодалов, пожизненность полномочий, довольно значительные доходы с патримониальных владений дожей, значительные денежные доходы, стекавшиеся в кассу главы государства (*camera ducis*, *camera palatii*), пример континента, где утверждались многочисленные феодальные династии, должны были подсказать наиболее честолюбивым представителям высшей власти в республике мысль о превращении ее в наследственную. Монархические тенденции дожей выразились в стремлении обеспечить догат за своими сыновьями, назначая одного из них в качестве соправителя. Первый случай такой попытки относится еще ко второй половине VIII в., когда дож Мавриций Гальбайо назначил себе соправителя¹³⁰. Эта попытка возобновлялась потом много раз и обычно лишь с частичным успехом. В конце X в. так же поступает и знаменитый Пьетро Орсеоло II, который назначил себе в качестве соправителя сначала своего старшего сына Джиованни, а позднее, когда тот умер от посетившей Венецию чумы¹³¹, выдвинул на этот пост своего младшего сына Оттона, который и стал дожем после смерти своего отца. Мы уже говорили выше, что фамилии Орсеоло не удалось превратить аристократической республики в монархию, как это не удавалось ранее Кандиано и другим аристократическим домам дуката.

Таким образом, сначала с центром в Гераклее, потом с 756 г. — на Маломокко и, наконец, с 811 г. на Риальто, сложилось небольшое государство, феодальное по своей

социально-экономической природе, но с большим влиянием широких торговых интересов, придававших специфический характер его социальной природе и способствовавших его политической централизации. Венеция сделалась прочным политическим организмом, сильным постепенно сложившимся единством своей экономики и связанным с этим единством правящего класса.

4. Международное положение Венеции к концу X в.

Со времени императора Юстиниана «морская» Венеция входила в состав Восточной империи. Этим в значительной степени и определяется ее международное положение в течение первых столетий ее истории. С другой стороны, возникновение в самом конце VIII в. Западной империи и некоторое ее усиление в X в. создали в Италии условия, с которыми Венеция не могла не считаться. Проблемы взаимоотношений Венеции с обеими империями являются, поэтому важнейшими проблемами международного положения Венеции в рассматриваемое время. Однако политическая слабость той или другой империй ставила перед Венецией дополнительные внешнеполитические вопросы, разрешение которых через императоров Востока и Запада редко вело к устойчивым результатам,—отсюда необходимость для республики на лагунах определять свои взаимоотношения с ближайшими соседями на континенте путем непосредственного с ними дипломатического контакта. Здесь мы имеем в виду, в первую очередь, города итальянского континента, соседние с Венецией.

Взаимоотношения Венеции с Византией в первые века республики несколько раз были предметом специального изучения¹³². Основной вывод, к которому удалось прийти, заключается в том, что византийское верховенство над «морской» Венецией первоначально, в VI и VII вв., могло быть вполне реальным и лишь постепенно ослабело, превратившись в IX и X вв. в номинальное, а потом и формально прекратилось¹³³. Причины этого процесса очевидны, если мы не будем даже касаться внутренних затруднений, которые приходилось испытывать в разное время императорам Востока. Это прежде всего, удар, нанесенный лангобардами Византийскому госу-

дарству в Италии в VI в., затем возникновение в VII в. славянского барьера на Балканском полуострове, отделившего северную Адриатику от центральных областей Византии, и, наконец, арабская опасность. С другой стороны, и сама республика на лагунах, первоначально слабая, нуждавшаяся в помощи извне, постепенно крепла, усиливалась, пока не превратилась первоначально в самостоятельную, а позднее и во враждебную по отношению к своей покровительнице силу.

В VI в., когда на лагунах только нарождалась самостоятельная политическая жизнь, население территории дуката сильно нуждалось в византийской помощи против лангобардов. Внешним выражением признательности за эту помощь до известной степени может служить факт переименования Мелидиссы в начале VII в. в Гераклею в честь императора Ираклия¹³⁴. Византийский флот и Византийский гарнизон находились в этом веке в Градо¹³⁵. Территория дуката составляла в это время одно административное целое с Истрией, но в самом конце VII в., по традиции в 697 г., Венеция обособляется от Истрии в самостоятельный, зависевший от Византии дукат. Однако именно с этого времени начинается упадок византийского влияния на лагунах.

Укрепление славян на Балканах, обострение борьбы против арабов, иконоборческое движение внутри страны ослабили позиции Византии в Адриатике, а постепенное упрочение государственного единства «морской» Венеции делало для нее византийскую помощь и менее ценной и менее необходимой. Однако в это же время усиливает свое действие и причина, действовавшая в противоположном направлении и привязывавшая молодую республику к Византии,—это возросшее значение морской торговли, экономических связей с Востоком, осуществлявшихся в значительной степени через византийское посредство. Дружественно-почтительные связи с Восточной столицей, в это время сохраняются, но совершенно невероятно, чтобы дож тогда был простым ставленником базилиевсов, как это часто высказывалось буржуазными историками Венеции. Эту мысль мы встречаем у Гфререра¹³⁶, Шмейдлера¹³⁷, Кречмайра¹³⁸, и особенно у первого, который находит возможным ставить вопрос о роли Византии в тех переворотах, которыми так богата история первых дожей, и считает воз-

можным говорить о согласии и даже некотором потворстве Византии династическим тенденциям дождей IX и X вв.¹³⁹. Разумеется, в пользу таких соображений ни Гфрёрер, ни другие авторы не в состоянии привести никаких доказательств. В общем нам кажется гораздо более близким к истине мнение Романина, который характеризует отношение Византии и Венеции, как «покровительство, с одной стороны, и почтительности, но не подчиненности—с другой».

В начале IX в. Венеция должна была решить вопрос о своей политической ориентации на будущее время. После некоторого колебания и не без внутренней борьбы она стала на сторону восточного императора. В благодарность за это Византия в своих мирных переговорах не забыла Венеции: по Аахенскому трактату ее права на территории Западной империи были особо оговорены, сама она, равно как и прибрежная полоса Истрии, остались за императорами Востока, в то время, как их континентальный хинтерланд отошел к императорам Запада. В продолжавшейся затем борьбе Византии против арабов Венеция неизменно стоит, как мы увидим далее, на стороне восточного императора. Венецианские дожи поддерживают тесную связь с ним посылкой в Византию близких им лиц, сыновей, братьев¹⁴¹; дожи получают почетные византийские титулы ипата, протоспатария¹⁴²; от имени Восточного императора они издают свои указы¹⁴³.

Отношение своеобразного пизетта Венеции к Византии сохраняется и в X в. Продолжается совместная борьба против арабской опасности; она несомненно ведется венецианскими политиками не из верноподданнических чувств, а для защиты своих все более и более обширных интересов на Востоке, но косвенно Венеция служит этим также и своей бывшей покровительнице. Необходимость поддержания добрых отношений с Византией со второй половины X в. стала очевидной еще и потому, что в это время восстанавливается империя Запада, и политика двух первых Оттонов в Италии не позволяла Венеции чувствовать себя в полной безопасности с этой стороны, как это ей показало ее столкновение с Оттоном II. К концу X в. Венеция, однако, уже не довольствуется одною дружбой с Византией, почетными титулами для дождей,—ей теперь нужны выгоды иного

рода, прежде всего, различные торговые «привилегии». Мы уже упоминали выше о грамоте Василия II и Константина от 992 г. Она создавала для Венеции очень важные преимущества не только по сравнению с другими итальянскими городами, например, Амальфи, но и по сравнению с собственными подданными восточных императоров. Из отдаленной опекаемой провинции в VI в. Венеция превратилась в X в. в союзника, услуги которого приходилось дорого оплачивать.

В X в. разнообразные следы византийского влияния можно было видеть в Венеции на каждом шагу: по византийским архитектурным образцам строила она свои соборы и дворцы; скульптурные, мозаичные и живописные изображения на византийские темы украшали их стены; по византийским образцам работает ее промышленность и, прежде всего, важнейшая из ее отраслей, кораблестроение; византийские товары продавались в ее лавках и складах¹⁴⁴. Не без византийского влияния складывалось и знаменитое венецианское дипломатическое искусство,—как и Византия, Венеция будет стремиться к тому, «чтобы слышать и знать все, что только задумывали, затевали... самым скрытым образом» ее недоброжелатели¹⁴⁵.

Отношения с Западной империей с самого первого дня ее существования были менее сердечными, так как Венеция не рассчитывала получить от нее тех выгод, которые сулила ей торговля с Византией и Востоком. История взаимоотношений ее с империей Запада началась с вооруженной борьбы, закончившейся для Венеции благополучно. В дальнейшем, при преемниках Карла Великого, как мы уже отмечали, Венеция сначала закрепляет позиции Аахенского мира, а затем постепенно добивается также и на Западе некоторых льгот и преимуществ для своих купцов. При Оттоне I произошла некоторая заминка,—диплом его от 2 дек. 967 г. довольно сух по своему содержанию¹⁴⁶; при его преемнике, Оттоне II, едва не стряслась беда.

Причиной столкновения Венеции с Западной империей была основная линия, которой венецианские политики держались по отношению к западным императорам. Она заключалась в том, чтобы всемерно препятствовать их усилению в Италии, в непосредственной близости от лагун. Венеция не без основания опасалась по-

тери своей независимости в случае полного политического торжества императора над итальянскими городами. И эту опасность почувствовала очень рано: еще Карл Великий дал ей урок подобного рода.

Столкновение это сулило быть опасным особенно потому, что император нащупал, по указанию из самой Венеции, наиболее уязвимое место в ее экономике. Мы уже видели, что Венеция в X в. была довольно крепким экономическим организмом; в нем было, однако, одно слабое место,—это необеспеченность дуката продовольствием, особенно хлебом, который Венеция в данное время получала из Апулии, Ломбардии и отчасти с восточных берегов Адриатики. Потеря преобладания на Адриатическом море или серьезные осложнения на материке угрожали Венеции голодом. От Оттона II Венеция получила наглядный урок этой опасности.

Император в 982 г. предпринял поход на юг Италии с целью подчинения себе Апулии и Калабрии. Здесь он столкнулся с объединенными силами греков и арабов, и сначала имел некоторый успех, но в битве при Катроне летом 982 г. войска его были уничтожены арабами, и сам он едва избежал гибели¹⁴⁷. В июне 983 г. с целью мобилизации сил для продолжения борьбы с арабами Оттон созвал в Вероне имперский сейм. Сюда не замедлили явиться представители Венеции с просьбой о подтверждении императором привилегий, которых республика добилась от его предшественников. С незначительными ограничениями привилегии эти были подтверждены¹⁴⁸, но венецианцы наотрез отказались принять участие в проектировавшейся императором экспедиции: усиление империи в Италии не входило в планы дальновидных политиков республики св. Марка. Без участия Венеции, флот которой был необходим для борьбы с арабами, успех южно-италийского предприятия не мог почитаться обеспеченным. Оттон, несомненно, был до крайности раздражен политикой венецианцев, но, не имея флота, не мог прибегнуть к силе.

В этот момент в Венеции как раз поднялась борьба между двумя патрицианскими фамилиями, Моросини и Калоприни. Последние с большим числом своих сторонников бежали к Оттону, «убеждая императора; что он легко овладеет Венецией, если будет следовать их советам» и примет их сторону¹⁴⁹. Оттон по совету Калопри-

ни, хорошо знавших слабую сторону экономики республики, решил прибегнуть к блокаде лагун. Он распорядился, «чтобы никто не смел появляться в Венеции, посылать туда припасы, допускать венецианцев во владения империи, вменив в обязанность каждому из сопровождавших его венецианцев (Калоприни с товарищами) вместе с его представителями заботливо охранять места, откуда венецианцы могут получить продовольствие»¹⁵⁰. Результатом этих мер было резкое ухудшение продовольственного снабжения города. Неизвестно, чем закончилась бы эта борьба, если бы император вскоре, в том же 983 г., не скончался.

Мы увидим далее, что при Оттоне III взаимоотношения Венеции с империей резко изменились к лучшему: новый император был совершенно очарован дожем Пьетро Орсеоло и шел на значительные уступки республике св. Марка во всех интересовавших ее вопросах.

В исторической литературе существует два противоположных мнения относительно характера взаимоотношений Венеции и Западной империи в X в. Одни, как Шмейдлер, говорят о реальном подчинении Венеции императорам Запада; другие, как Ленель, отрицают это. В обоснование своего взгляда Шмейдлер ссылается на диплом Оттона II, в котором император говорит о «верности дожа и его народа», усматривая в этом доказательство зависимости Венеции от империи, с чем, по его мнению, полностью согласуется заявление Конрада II о том, что «венецианцы... всегда были бунтовщиками против нашей власти»¹⁵¹. Противники этого взгляда совершенно справедливо упрекают Шайдлера в юридическом формализме, в том, что он слишком полагается на буквальное значение слов средневековых политических документов¹⁵². Справедливость этого замечания можно было бы иллюстрировать многочисленными примерами из практики Западной и Восточной империй, но в этом нет необходимости: полная независимость Венеции от Западной империи и для X в.—вне всякого сомнения.

Феодальная анархия, царившая в Италии, не позволяла Венеции разрешить интересовавшие ее на «твердой» земле вопросы путем договоров с императорами, — с каждым городом, с каждым феодалом, обычно епископом, здесь надо было договариваться в отдельности.

Между тем эти интересы были значительны: здесь у Венеции был постоянный рынок сбыта ее главной продукции, соли и соленой рыбы; здесь она закупала недостававшие ей предметы продовольствия; здесь пролегали пути, соединявшие ее с отдаленным германским рынком; здесь все более и более оживлялась торговля предметами дальнего привоза,—Павия, например, была для Венеции важным рынком шелковых изделий¹⁵³.

Неудивительно, что Венеция с очень давнего времени стремилась обосноваться в этих местах. Еще в первой половине VIII в. дож Теодат (737—742) выстроил замок в устьях Brenty на Брондоло¹⁵⁴. Потом возникли С. Микьеле на реке Силе, Виллано в области Ченедо, торговые пункты на Ливенцо¹⁵⁵. Эти опорные пункты облегчали сношение через Brenty с Падуей, через Силе—с тревизанцами, Ченедо с соседними с ним районами, через Баккильоне—с Веченцией, через Пьяве—с Беллуно, через Тальяменто и Изонцо—с Фриулем, через По с Феррарой и Мантуей, через Эч—с Вероной¹⁵⁶. Последняя была для Венеции особенно важна, как большая станция на путях к Бреннерскому перевалу,—через Верону шел тот путь, который далее направлялся через Риволли, Триент, Неймаркт, Бриксен, Бреннер в города южной Германии—Инсбрук, Шангау, Аугсбург, Донаувертер¹⁵⁷.

Медленно, но упорно добивалась Венеция различных преимуществ, облегчавших здесь ее хозяйственную деятельность, служивших ее экономическим интересам. Крупным успехом ее политики в X в. было приобретение исключительных прав на территории Истрии, договора, заключенные с епископами Ченедо и Беллуно.

В 933 г. маркграф Истрии Винтерий гарантировал венецианским купцам и венецианским землевладельцам беспрепятственную деятельность и свободное получение доходов с их имущества, где бы таковое не находилось в пределах Истрии. Купцы были обязаны платить только береговой сбор и пошлины в соответствии с «издавна установившимся порядком». Маркграф брал на себя также обязательство предупредить венецианцев, если бы последовало какое-нибудь неблагоприятное распоряжение короля. Под грамотой имеются подписи, кроме маркграфской, представителей почти всех истрийских городов и епископов¹⁵⁸. Годом раньше с Каподистрией

был заключен отдельный договор, по которому этот город обещал Венеции союз и верность с обязательством символизировать свою зависимость от Адриатической республики ежегодными приношениями 100 амфор «доброго вина»¹⁵⁹. В этом акте нельзя не видеть первой попытки политической экспансии за пределы дуката, попытки робкой, свидетельствовавшей, однако, о зарождении в Венеции первых экспансионистских идей.

По договору с епископом Ченедо Сикардом от 997 г. венецианцы получили в свое распоряжение половину порта Сетtimo на Ливенцо в непосредственной близости от Каорле. Порт был уступлен с различными окружающими его угодьями, — садами, виноградниками, лугами, лесами и рыбными ловлями. Преемник Сикарда не только подтвердил этот договор, но и расширил его действие, передав Венеции также и упоминавшийся выше Виллано. Договор должен был действовать в течение 29 лет. Обязательства венецианцев заключались в ежегодной уплате епископу по 600 фунтов оливкового масла за каждый из этих портов¹⁶⁰.

Не менее был выгоден также и договор, заключенный с епископом Тревизо в 1001 г. Здесь епископ брал на себя обязательство предоставить венецианцам в Тревизо три склада под их товары, разрешал их беспошлинно продавать в его владениях до 300 модиев соли, сборы же с остальных товаров и соли сверх обусловленного количества ограничивался 2,5% с их стоимости. Сверх всего этого за небольшую плату епископ уступал Венеции $\frac{1}{3}$ всех таможенных доходов, принадлежавших тревизанской церкви¹⁶¹.

Явная неравноправность обязательств сторон в этих последних договорах настолько очевидна, что иногда заключение их со стороны епископов объяснялось посторонним влиянием, именно нажимом Оттона III¹⁶².

Менее удачной была политика Венеции в отношении Аквилеи, но здесь положение осложнялось спорами патриархов этого города с патриархами Градо из-за сфер их церковного влияния. Нельзя назвать ни одного другого феодала в Италии, который был бы столь же постоянным, сколь и упорным врагом Венеции.

В остальной Италии в X в. не было других политических сил, с которыми следовало бы серьезно считаться Венеции. Папы, быстро сменявшие друг друга в ка-

дейдоскопе политической игры римских феодалов или назначавшиеся императором, не могли пока проводить какой-либо устойчивой политики. Даже незаурядная личность Сильверста II не справлялась с оппозицией в рядах духовенства. Центральная Италия, благодаря раздорам своих светских властителей, находилась в таком состоянии политического *imbroglio*, которое могло быть Венеции только выгодным, так как служило гарантией ее политической независимости.

Несколько более серьезно политическая обстановка складывалась для Венеции на юге Италии. Здесь уже больше столетия спорили за политическое господство две силы, — Византия и арабы, а со второй половины X в. к ним прибавилась третья — императоры возродившейся империи, еще позднее появятся норманы. Венеция здесь уже давно имела серьезные экономические интересы, — ее корабли в X в. не были случайными гостями не только в Апулии, но даже в Салерно¹⁶³. Венеция здесь совместно с Византией ведет борьбу в течение более столетия против арабов. Это было в IX в. Начавшееся в X в. разложение мусульманского мира не только развязывало руки Венеции, но оно открывало перед нею, как и перед всей Западной Европой, благоприятные перспективы проникновения на Восток.

В то время, когда арабы переставали быть серьезной угрозой для венецианской торговли и мореходства, другой будущий противник Венеции на Адриатике, Венгрия еще не была в состоянии быть таким врагом, который мог бы вести активную внешнюю политику. Венеция, разумеется, должна была считаться с молодыми государственными образованиями, находившимися на восточном берегу Адриатического моря, в непосредственной от нее близости. Это были Хорватия и сербские княжества, такие же «подданные» византийского императора, как и сама Венеция. Однако Сербия еще не вышла из начальной стадии государственного становления, а Хорватское королевство в конце X в. ослабляли раздоры в правящем доме из-за власти¹⁶⁴. Политическая слабость славянских соседей Венеции была большим соблазном для экспансионистски настроенных умов венецианских политиков конца X в.

Из всего этого видно, что в непосредственной близости от Венеции в конце X в. не было никаких политических сил, которые могли бы серьезно упрочать ее политической независимости и экономическому благополучию. Поддержание этого политического статуса было той минимальной политической программой, которую стремилась в X в. поддерживать Венеция; но очень скоро, как это мы увидим, эта программа уже перестанет удовлетворять венецианских политиков, и Адриатическая республика встанет на путь территориальной экспансии. Необходимые экономические предпосылки для этого были налицо, а международная обстановка могла считаться благоприятной.

Глава пятая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «АДРИАТИЧЕСКОГО ВОПРОСА»

Огромная важность для Венеции водных путей, которые связывали ее с Востоком, определялась, как мы видели, самыми основами ее хозяйства. По мере того, как центр тяжести ее экономики смещался все более и более в сторону торгового посредничества между Передней Азией и Западной Европой, возрастало и значение этих путей. «У нас нет полей, у нас нет виноградников,—отвечали раз венецианцы папе, защищавшему свободу плаванья по Адриатике,—и все необходимое мы должны привозить из отдаленных чужих стран: тот, кто запрет нам морской путь, тот поставит под угрозу самое наше существование»¹.

Венецианцы очень рано осознали огромное значение для них Адриатического моря. Борьба за него была краеугольным камнем их политики с самого начала и они не забывали об этом в самые счастливые дни своей великодержавной политики. Венецианцы не жалели ни сил, ни средств для того, чтобы твердо держать в своих руках коммуникации с Востоком. И борьба за Далмацию, которую поведет Венеция, в известной мере служила этим же целям охраны коммуникаций с Востоком, хотя и не им одним. Анналист XV в. Николо Тревизан,

рассказывая об очередном восстании Задара в 1357 г., молил бога, чтобы он сохранил Далмацию в руках венгерского короля. «Из-за нее,—пишет Тревизан,—погибло почти столько людей, сколько живет их в настоящее время в Венеции, не говоря уже о том, что она вызвала такие затраты, что воистину можно было бы продать всю Славонию и не выручить половины того, что стоил этот берег Венецианской городской общине»². Венецианские купцы были расчетливы и не помещали денег в бездоходные предприятия, поэтому «молитва к богу» о сохранении Далмации в руках венгерского короля, если только она была искренней, была личным мнением Николо Тревизана.

Первоначально республика св. Марка принимала лишь меры к обеспечению свободы плавания по Адриатике, но потом, вместе с ростом своего могущества, и в связи со слабостью своих противников на этом море, она пошла гораздо далее и повела борьбу за превращение его в свои внутренние воды. Обладание далматинским побережьем было только частью широкой экспансионистской программы, которая постепенно вызревала в умах венецианских политиков.

1. Борьба Венеции против арабов

Первый противник, с которым венецианцам пришлось вести борьбу за Адриатику, были арабы. К концу X в., как мы видели, значение арабов в Средиземноморье стало клониться к упадку, но в те десятилетия IX в., когда арабские волны в его центральных и восточных районах были на подъеме, они представляли большую опасность самым жизненным интересам Венецианской республики. Она тогда еще не была сильной и тем не менее несколько раз на протяжении этого столетия бросала на неверную чашу весов войны свои скромные силы.

Непосредственную опасность для будущей царицы Адриатики представляли арабы и берберы, обосновавшиеся в Сицилии, южной Италии и на Крите. Все эти группы арабских поселений черпали свои силы из северной Африки. В процессе распада державы Абасидов, в самом конце VIII в. в Северной Африке, на тер-

ритории Мавритании, образовалось государство Идрисидов с центром в Тлемсене³. Рядом, к востоку от него, на территории Туниса и Триполитании утвердились около 800 года Аглабиды, избравшие своим центром Кейруан⁴. Оба государства очень скоро отказали халифам Багдада даже в вассальном подчинении. Наконец, еще далее к востоку, в Египте, во время полной анархии, которая воцарилась здесь в самом начале IX в., появилось около 15 тыс. эмигрантов из Кордовы, бежавших после подавления там восстания, направленного против Хакама I⁵.

Все это были беспокойные и подвижные элементы, представлявшие большую опасность для областей южной и особенно юго-восточной Европы. Первоначально арабы из этих мест ограничивались разбойничьими набегами на берега Сардинии, Корсики, Сицилии, Италии, Балканского полуострова и островов Архипелага, а затем стали стремиться к тому, чтобы осесть по крайней мере в некоторых местах этих районов.

Таким образом, около 826 г. кордовские изгнанники, будучи вытеснены из Египта, утвердились на Крите, отняв его у преков. Здесь они оставались почти полтора столетия (до 961 г.), сделавшись бичом мореплавания в восточных районах Средиземного моря и, в частности, Адриатики. В свою очередь Аглабиды Кейруана и отчасти Идрисиды Мавритании, после ряда опустошительных морских набегов на большие острова Средиземного моря, начали в 20-х годах IX в. систематическое завоевание Сицилии. Благодаря сопротивлению Византии, отдельных городов этого острова, а также внутренним смутам среди самих Аглабидов, завоевание растянулось на целые десятилетия. Арабы и берберы шаг за шагом овладевали Сицилией: высадившись в 827 г. в Маздаре, в 830 г. они овладели Палермо⁶, а еще через четыре десятка лет, в 878 г. они взяли Сиракузы, чем завоевание острова было почти закончено⁷,—уцелел только один Тавромений, но в 902 г. пал и этот последний оплот христиан,—Сицилия на целых полтора столетия оказалась в руках арабов. Еще в процессе завоевания Сицилии арабы обосновались также и в ряде пунктов южной Италии: в 840 г. они утвердились в Таренте, в 842 г.—в Бари⁸.

Встревожиться после этого должен был весь христианский мир юго-востока и в особенности Венеция: из

Бари сарацины непосредственно угрожали ее коммуникациям с Востоком, так как разбойничьи ватаги новых владельцев Сицилии и недавних поселенцев Крита бороздили на своих судах воды Адриатики во всех направлениях. И вот мы видим, как республика ведет систематическую борьбу с арабской опасностью. Ряд горячих морских схваток отмечают венецианские хронисты на протяжении IX в.

В 827 г. дож Джустиниани Партечиачи отправил несколько кораблей к берегам южной Италии против сарацин, которые вторглись в Сицилию. Поход был неудачен⁹, однако венецианцы повторили его вновь в 829 и 830 гг. и опять без успеха¹⁰, что не помешало им выступить около 840 г. в третий раз, но и на этот раз 60 венецианских кораблей потерпели поражение под Тарентом¹¹. Арабы, ободренные этими успехами, перешли в наступление. Они глубоко проникли в Адриатику: опустошили остров Црес и сожгли город Осор; перекинулись затем к Анконе, произвели и здесь большие опустошения и пожары; далее, крейсируя у северного побережья Адриатического моря, подходили к самой Венеции; наконец, на обратном пути, встретив венецианские торговые корабли, захватили их, а команды перебили¹². Когда в 842 году арабы повторили эту крейсерскую операцию, венецианцы выступили против них в районе острова Хвара, но опять неудачно: «они, повернув тыл, вернулись назад побежденными»,—рассказывают Джiovанни и Дандоло¹³. При доже Урсе Партечиачи (864—881), наоборот, арабы были разбиты венецианцами у Тарента: «Сарацины с огромным флотом,—рассказывают те же венецианские бытописатели,—появились в Адриатическом море и, опустошив Далмацию и Истрию, на обратном пути разорили Апулию. Между тем венецианцы, приготовив флот, преследуют их у берегов Апулии и, дав им сражение, обращают в бегство»¹⁴. Но хищники не унимались: в 865 г. они появились в водах Адриатики снова и на этот раз опустошают Брач и другие общины Далмации¹⁵. Еще некоторое время спустя они снова в Адриатике: на этот раз они пытаются овладеть Градо, но жители этого острова отразили нападение. Дожд направил против разбойников флот под начальством своего сына, но они все же сумели напасть на Комаккио и произвести на нем опустошения¹⁶.

Можно утверждать, что во всех этих столкновениях венецианцам приходилось иметь дело с арабами из Сицилии, Крита, или южной Италии; но с середины IX в. нападения можно было ожидать также и из Египта, где в шестидесятых годах этого столетия утвердились Тулуниды, распространившие потом свое влияние также и на Сирию, — по крайней мере Византийская империя серьезно страдала от разбойничьих нападений также и с этой стороны¹⁷.

Столкновение венецианцев с арабами носят характер борьбы с морским разбоем в большей степени, чем с далеко идущими политическими целями враждебного государства. Однако, экспансия арабов в предшествующее время и методы этой экспансии заставляли венецианцев держаться настороже и этим именно объясняется, как мы в своем месте отмечали, что они с необычной для этой купеческой республики готовностью отзывались на предложения и просьбы Византии о поддержке в борьбе против арабов¹⁸.

В X в. наступательная энергия арабов ослабла. В самом начале этого века в северной Африке на месте государственных образований Идрисидов, Аглабидов и Тулунидов утверждается постепенно халифат Фатимидов¹⁹. Мусульманский мир оказался теперь под властью трех наместников пророка, но это ни в какой мере не способствовало консолидации арабских государств: феодальная анархия разлагает силы всех трех халифатов²⁰. Словно по инерции, арабы все еще пытаются овладеть южной Италией, но их напор и здесь лишен прежней силы. Они почти не показываются в Адриатике. Венеция, однако, остается верной своей прежней политике по отношению к арабам: и в конце X в. она считает необходимым поддерживать Византию против ее западных и южных врагов. На грани XI в., около 1002 г., венецианцы энергично выступили со своим флотом у Бари совместно с греческим катапаном Григорием и помогли грекам освободить этот город²¹. Все это тем более, что на этот раз у Венеции были особые причины к совместному выступлению против общих врагов.

Из всего этого видно, что в XI в. и позднее Венеция упорно боролась за Адриатику против арабской опасности, которая в это время представлялась ей опасностью главной. Затруднения, которые одновременно шли с во-

сточного побережья Адриатического моря, несомненно были менее значительны, но зато они вышли далеко за пределы IX в. Эти затруднения выросли на почве взаимоотношений венецианцев со славянским населением далматинского побережья.

2. Истрийские и далматинские славяне и Венеция в IX и X вв.

Славяне обосновались на восточном побережье Адриатики лишь немногим позднее массового заселения островов лагун. Старая теория автохтонного происхождения славян на Балканском полуострове в свое время была обновлена акад. Державиным, попытавшимся обосновать ее с позиций лингвистических построений Н. Я. Марра²². Теория эта, однако, должна быть окончательно оставлена, так как все наши источники единогласно свидетельствуют, что славянство на Балканах есть продукт миграционных процессов.

Оставляя в стороне спорные вопросы о точных датах, порядке, причинах и направлении движения, в результате которого хорваты и сербы оказались в Истрии и Далмации, можно утверждать, что в VII в. они уже бесспорно занимали эти места²³. Вероятно и тогда отдельные племена обосновались приблизительно в тех же географических пределах, в которых их видели авторы позднейших сочинений, являющихся ранними источниками по истории народов Югославии. Среди них сочинение Константина Багрянородного, как бы мы ни относились к автору *De administrando imperio*, бесспорно является для данного вопроса самым подробным и в общем достоверным источником.

Восточное побережье Адриатики, как сообщает нам Константин Багрянородный, занимали две группы славянских племен — хорватская и сербская. Император довольно подробно указывает их размещение вдоль истрийского и далматинского побережья.

Хорваты занимали часть Истрии и приморье от Истрии до реки Цетины²⁴. Ряд городов, частью приморских, принадлежал здесь хорватам. Константин Багрянородный называет Нин, Биоград, Скрадин, Ливно, Книн и

некоторые др.²⁵. Можно полагать, что хорватами были заняты также и некоторые острова северной части Далматинского архипелага.

К югу от Цетины начинались места, занятые племенами сербской группы. Старый спор о том, являются ли славянские племена к югу от Цетины сербскими или хорватскими, остается неразрешенным до сих пор. Новейшими защитниками теории их хорватского происхождения являются авторы «Сборника, посвященного королю Томи-славу», как например, Манойлович²⁶, и среди русских славистов акад. Державин²⁷. Считая этот спор для разрешения наших задач не имеющим особого значения и памятуя правильную мысль Иречека, что в те времена трудно было говорить о хорватах и сербах в современном смысле этих слов, мы следуем нашему источнику и называем эти племена сербскими. Из них нарентяне размещались от Цетины до Наренты²⁸. Занимали они не только побережье между этими реками и прилегающую к нему с востока территорию Балканского полуострова, но также и группу островов, лежащую против него, — Брач, Хвар, Корчулу, Млет²⁹.

К югу от нарентян вдоль морского берега жили захлумляне. Их владения простирались от реки Наренты до Дубровника³⁰. К их владениям автор *De administrando imperio* относит ряд городов, из которых не все могут быть бесспорно приурочены к современным географическим названиям — Стон, Мокриски, Осле, Дабар и др.³¹.

Еще далее к югу автор нашего источника помещает тервунян — от Дубровника до Котора — и называет здесь несколько городов³².

Наконец в самой южной части далматинского побережья, от Котора до территории, примыкающей к Дукле, жило сербское племя, которое Константин Багрянородный именует диоклейцами с такими городами, как Драч, Ленос, Бар и др.³³.

Все эти славянские племена размещались на территории двух византийских фем — Истрии, занятой частично хорватами, и Далмации, занятой хорватами и сербами, и только южная часть далматинского побережья входила в состав третьей фемы, Сербии³⁴. Однако во времена Константина Багрянородного не все побережье находилось в руках славян. Ряд городских прибрежных поселений и некоторые острова, входившие в состав фемы Дал-

мации, были независимы от хорватов и сербов, составляя особые небольшие городские округа, непосредственно, но довольно слабо подчиненные Византии³⁵. Из сочинения Константина Багрянородного видно, что это были: Задар, Трогир, Сплит, Дубровник и важнейшие острова в северной части Далматинского архипелага — Раб, Крк и Црес³⁶. Из других островов, сохранявших тогда независимость от славянских князей, можно назвать Ластово, Вись в Нарентянской части архипелага.

На этих островах и в приморских городах на первых порах несомненно преобладало романское население, которое было оттеснено сюда бурями варварских вторжений на Балканский полуостров, начиная с готских и кончая аварскими набегами и славянскими поселениями. Об этом согласно говорят наши источники³⁸. Не подлежит сомнению, однако, что уже с очень раннего времени славянский элемент в этих городах был довольно значителен. Иречек в свое время весьма тщательно изучил этот вопрос и пришел, как нам кажется, к бесспорному выводу о непрерывном и при том довольно быстром усилении славянского элемента в городах побережья и на островах Далматинского архипелага³⁹. В XI в. славянские имена приоров Задара, например, встречаются по крайней мере столь же часто, как и имена романские⁴⁰. Из этого следует, однако, не тот вывод, что именно тогда там и появился в более или менее значительном количестве славянский элемент, а скорее тот, что этот последний стал там решительно преобладать. Такой вывод основывается на том несомненном положении, что романский элемент в далматинских городах довольно долго играл политическую роль, далеко не соответствующую его численному значению⁴¹.

Города эти, по свидетельству Константина Багрянородного, со времени византийского императора Василия I и хорватского князя Здеслава (877—879) платили дань не Византии, а хорватам⁴², что впрочем, не означало первоначально ни их безусловного подчинения хорватским князьям, ни их полной независимости от Восточной империи: это была добровольная уступка в пользу хорватских князей. Возможно, что романский элемент далматинских городов искал помощи у византийских императоров, а те, не будучи в состоянии оказать таковой, рекомендовали городам искать соглашения с хорватами не-

посредственно⁴³. Легко понять, что при соответствующих обстоятельствах из таких отношений легко могли развиться отношения настоящей зависимости, как это, по видимому, к концу X в. и случилось.

Таково было положение на восточном берегу Адриатики во времена Константина Багрянородного. Оно не особенно сильно изменилось и к началу XI в., когда Венеция обратила пристальное внимание на истрийское и далматинское побережье. Население Истрии и Далмации, равно как и островов, помимо занятия сельским хозяйством, было, естественно, связано и с морскими промыслами: добыванием соли, ловлей рыбы, морской торговлей, — словом все тем же, чем занята была Венеция⁴⁴. Города эти, поэтому, были несомненными конкурентами будущей царицы Адриатики в водах этого моря. Кроме того, в их руках были такие преимущества, каких у Венеции не было, — это богатый славянский хинтерланд, обилие леса и других даров природы. О значительном развитии мореходного дела у хорватов говорит подробно все тот же Константин Багрянородный. По его свидетельству, хорваты могли выставить до 80 военных кораблей с экипажами в 40 человек на каждом и до 100 судов меньшего размера с 20 и 10 человеками экипажа⁴⁵. По тому же свидетельству приморские хорваты в противоположность тем, что жили вдали от моря, занимались мореходством и морской торговлей по преимуществу. Суда хорватов с торговыми целями посещали все порты далматинского побережья, бывали также нередко и в Венеции. Данные, которыми мы располагаем относительно тех далматинских городов, основным этническим элементом которых были сербы, позволяют сделать нам аналогичное заключение о хозяйственной жизни и этих городов побережья. Мы можем с несомненностью утверждать это относительно Дубровника⁴⁶. Уже в VIII в. у Дубровника был военный флот, а в IX в. на дубровницких кораблях можно было переправить в Италию целое войско⁴⁷. Участие приморских славянских племен в морских предприятиях Византии также говорит о значительном развитии у них мореходного дела⁴⁸. В те времена морские промыслы и морская торговля нередко сочетались с морским разбоем, — между ними было только этическое различие, — и венецианские купцы и арматоры также не стыдились заниматься ремеслом пиратов, а первый опыт уго-

ловного венецианского кодекса от XII в. относит это занятие к области преступлений, подлежащих наказанию, лишь в том случае, если морскому грабежу подверглись купцы особо дружественной страны или города⁴⁹. Неудивительно, что часть славянских поселенцев в Далмации, именно нарентяне, также слыли за отчаянных пиратов. Лабиринт прибрежных островов, множество мелких гаваней и укрытых местечек были идеально приспособлены для безнаказанной «деятельности» пиратов, — недаром еще и в III в. до нашего летоисчисления под предлогом борьбы с пиратами впервые здесь выступают римляне.

Венецианские хроники почти не касаются мирных взаимоотношений Венеции с ее восточными и юго-восточными соседями; но не подлежит сомнению, что эти отношения заключались в оживленном торговом обмене, поскольку торговля была жизненно важной как для Венеции, так и для городов далматинского побережья. Достаточно сказать, что Далмация была богата дровяным и строительным лесом, коноплею и льном, вином, маслом и зерном, скотом, кожами и шерстью, могла поставлять свинец, ртуть, была одним из рынков закупки рабов, чтобы понять значение и характер мирных связей Венеции с далматинскими городами. Более отдаленные города Далмации служили также и промежуточными станциями для венецианских кораблей, отправлявшихся на Восток. Об этом сообщает нам одна из дубровницких летописей⁵⁰.

Конкуренция в морской торговле, довольно частые взаимные нападения на торговые суда, готовность той и другой стороны с оружием в руках отстаивать свои интересы приводили Венецию к очень частым войнам с ее славянскими соседями, — венецианские хроники IX и X вв. пестрят известиями этого рода. Разумеется, венецианские источники нападающей стороной всегда изображают славян, — хорватов или сербов, но так как славянские источники предъявляют подобное же обвинение Венеции⁵¹, то надо полагать, что вина в таких столкновениях была обоюдной.

Первые известия о столкновениях венецианцев со славянами восходят ко времени не ранее IX в., но едва ли можно сомневаться в том, что они могли иметь место и гораздо ранее, может быть еще в VII в., когда венециан-

ские корабли еще редко отваживались покидать воды Адриатики⁵².

В начале догата Джиованни Партечиачи (829—836) нарентяне заключили мирный договор с дожем. Договор касался важного для Венеции вопроса о безопасности плавания в Адриатическом море⁵³. Нарентяне не долго соблюдали этот договор: они ограбили и перебили вскоре венецианских купцов, следовавших морем от берегов южной Италии в Венецию⁵⁴. Это вызвало морской поход преемника Партечиачи, Пьетро Традениго (836—864), к островам, которые занимали нарентяне. Результатом этого похода, предпринятого в конце 30-х годов IX в., было возобновление договора с одним из нарентянских князей. И этот договор, как это часто бывало, оказался весьма непрочным⁵⁵.

Цель предпринятого Пьетро Традениго похода была, впрочем, шире: он организовал нападения на некоторые славянские пункты Далмации, которые изображаются венецианскими источниками как стремление дожа обезопасить мореплавание от далматинских пиратов. Возможно, однако, что это была одна из попыток утвердиться где-либо в Далматинском архипелаге, подобная той, о которой дубровницкая летопись позднее, под 971 г., сообщает нам: «Венецианский флот в составе 35 галер, 35 кораблей и 42 мелких судов, делая вид, что он направляется на Восток», в действительности организовал нападение на Дубровник, от которого город спасся будто бы благодаря помощи свыше⁵⁶. Дандоло о походе Пьетро Традениго сообщает следующее: еще до своего появления у берегов нарентян дож «направился в некое место, именуемое Sanctus Martinus curtis»; этой демонстрации будто бы оказалось достаточно, для того, чтобы местный славянский князь заключил с Венецией мир⁵⁷.

Вскоре война началась вновь: Пьетро Традениго опять направился к далматинскому побережью. Поход на этот раз был неудачным: потеряв в столкновении с славянским князем больше сотни венецианцев, дож принужден был отплыть к берегам Венеции⁵⁸. Неудачный поход озлобил противника и сделал его более смелым. Далматинские славяне отплатили венецианцам их же монетой: их корабли напали на Каорле и разграбили его⁵⁹. Нападение славянских племен, как хорватских, так и сербских, продолжались и далее.

Новый поход против далматинцев предпринял преемник Пьетро, Орсо Партечиачи (864—881). Противником Венеции на этот раз оказался хорватский князь Демагой (863—876)⁶⁰. Купеческая республика на лагунах постаралась обойтись без серьезного вооруженного столкновения с хорватами. Дожд вступил в переговоры, — и был заключен очередной мирный договор на этот раз с выдачей заложников, — дож по уверению венецианского летописца «со славою возвратился домой». По-видимому, хорваты соблюдали договор во все правление Демагоя, так как очередное сообщение венецианских хроник о нападениях славян на прибрежные города Адриатики, где у венецианцев были торговые интересы, относится к нарентянам, а не хорватам. Нарентяне естественно не были связаны договором Демагоя, равно как и возобновлением его преемником Демагой⁶¹.

Нарентяне, считая себя свободными от всяких обязательств по отношению к Венеции, появились у северо-восточных берегов Адриатики, напали на истрийские приморские города и разграбили их, — это были портовые города от Умаго до Ровиньо⁶². Орсо Партечиачи, выступив против нарентян с 30 кораблями, около Градо, по известиям венецианцев, одержал над нарентянами победу. Победа эта, видимо, не была решительной, нарентяне вынуждены были вернуть награбленное в истрийских церквах имущество, но и дож согласился вернуть захваченных в плен нарентян. Нарентяне, однако, не считали борьбу законченной, так как Венеции вскоре пришлось снарядить против них новую экспедицию. На этот раз счастье изменило венецианцам. Первоначально новый венецианский дож, Пьетро Кандиано, выступивший в поход в 887 г., имел некоторый успех, но в новой битве, происшедшей 18 сентября, венецианцы потерпели полное поражение, и сам дож погиб в сражении⁶³.

Не улучшились взаимоотношения между славянами и Венецией и в X в. Свою вражду по отношению к венецианцам хорваты демонстрировали, между прочим, захватом в плен сына дожа Орсо Партечиачи (911—932), Пьетро, возвращавшегося из Византии, и передали его в руки болгарского царя Симеона. Преемник Орсо, Пьетро Кандиано II (932—939) в шестой год своего правления послал очередную экспедицию к берегам нарентян, но она была безуспешной⁶⁴. Пришлось опять стать на

путь переговоров и уступок. По-видимому Венеция вынуждена была в конце концов откупиться от славян, так как мы видим, что в восьмидесятих годах X в. венецианские купцы делают славянским князьям ежегодные взносы, характерно именуемые *census*. Только Пьетро Орсеоло II, сделавшийся дожем в 991 г., распорядился прекратить эти взносы⁶⁵.

Это распоряжение не принесло, впрочем, хороших результатов. В ответ на него хорватский король, очевидно Крешимир II (968—993), которого Дандоло называет *Sratorum iudex*, «начал вредить венецианцам». Дожд организовал нечто вроде карательной экспедиции к берегам Далмации. Капитан Брагадино с 6 кораблями направляется к городу Пагу на острове того же наименования⁶⁶. Город был захвачен врасплох, взяты были пленные, но это повело только к дальнейшему ухудшению взаимоотношений⁶⁷.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что, помимо арабской опасности, Венеция должна была считаться и с большими трудностями, которые создавали ей ее взаимоотношения со славянским миром, непосредственно с нею соприкасавшимся. По мере того, как слабели арабы, усиливался ее противник на восточных берегах Адриатики, — в IX в. Хорватское государство было фактом: адриатический вопрос из венецианско-арабского все более и более превращался в вопрос славяно-венецианский.

3. Первая попытка планомерной колониальной экспансии

К концу X в. республика св. Марка почувствовала себя достаточно сильной, для того чтобы планомерно и более эффективными мерами обеспечить свои экономические позиции в Адриатике. Дело при этом шло не о безопасности морских коммуникаций с Левантом, но о гораздо больших претензиях: о бесперебойной эксплуатации хозяйственных ресурсов Истрии и Далмации, об устранении или смягчении нежелательной конкуренции романских и славянских городов, наконец о господстве в Адриатике. Все, что делалось до конца X в. в этом направлении, носило характер отдельных предприятий с ограниченными целями; только теперь, в конце X в.,

делается первая серьезная попытка поставить дело колониальной экспансии планомерно и в широком масштабе.

Однако операция таких масштабов должна была вызвать и более серьезное сопротивление непосредственно заинтересованных городских общин и славянских этнических группировок на восточном побережье Адриатики. Нужна была серьезная подготовка. Опыт вооруженной борьбы с арабами и славянами с ее переменным счастьем научил республику быть осторожной. Отдаленные коммерческие предприятия венецианских купцов, с другой стороны, давали не мало примеров того, как много можно было добиться в сношениях с другими странами и не прибегая к силе оружия, а лишь хитростью и дипломатической изворотливостью. Здесь впервые в своей истории Венеция широко и по заранее обдуманному плану использовала дипломатическое искусство и умение выбрать подходящий момент для своих политических дерзаний широкого масштаба. Задача была не из легких: надо было ослабить, по возможности, силу славян; убаюкать бдительность Западной империи; выбрать подходящий момент для устранения возможного сопротивления восточных императоров; всюду и везде подготовить общественное мнение, существовавшее в какой-то мере и в те времена.

Подготовка международного общественного мнения началась уже давно. Уже в первой половине X в. свои домогательства в Истрии и Далмации Венеция прикрывала жалобами на причиненные ей обиды. Хроники, изображающие все военные выступления Венеции на восточном побережье Адриатики как акт самозащиты против пиратов, только отражают ту официальную версию, которая была создана венецианскими политиками для прикрытия своих далеко идущих целей. Эта «борьба против пиратов» иногда очень сильно напоминает «борьбу против коммунизма», с которой выступали и выступают захватчики нашего времени. Венецианская республика очень рано поняла значение того фактора в политике, которому было присвоено позднее наименование публицистики. Венеция внимательно следила за своими анналами и историками и давала специальные заказы людям пера, когда ей надо было обосновать те или иные свои притязания. По заказу Венеции, правда позднее,

было написано, например, свыше десяти сочинений на разных языках для обоснования ее «права» на исключительное господство в Адриатике. Действовать во имя права, хотя бы и призрачного, предпосылать военным операциям дипломатическую подготовку, возможно более тщательную и тонкую, было правилом венецианской внешней политики. Это всегда приходится иметь в виду, когда дело идет о венецианских исторических источниках и о венецианской внешней политике. Именно эти соображения заставляют нас отказаться от обычной схемы передачи событий, связанных с историей похода Пьетро Орсеоло к берегам Далмации и представить их в несколько ином освещении.

Тенденциозность венецианцев в изображении истории похода и обстоятельств, с ним связанных, совершенно очевидна. И Дандоло, и его источник, Диакон Джiovанни, усиленно подчеркивают правомерность выступления Венеции на восточном побережье Адриатики. «Право» на далматинские города оба они выводят из «единодушного желания» самих городов стать под защиту Венеции, а Дандоло, кроме того, ссылается еще и на грамоту императора Василия II, уступившего будто бы Далмацию венецианцам⁶⁸. Однако, если не свои суверенные права на прибрежные города Адриатики, то по крайней мере дань с них византийские императоры, как мы уже видели, уступили хорватскому королю. Среди договоров, заключенных венецианцами с Византией, и грамот с различными пожалованиями византийских императоров интересующего нас документа нет. Ни один из византийских хронистов и историков ничего не говорит о подобной уступке Василия II. Наконец даже хроника Диакона Джiovанни, являющаяся основным источником для истории догата Пьетро Орсеоло II, ничего не знает об этой византийской грамоте. Все это заставляет признать сообщение Дандоло его измышлением⁶⁹. Независимо от этого, наличие дружественных отношений между дожем и византийским императором совершенно бесспорно. Об этом свидетельствует не только факт посылки дожем своего сына в Византию, где тот был принят с почетом и богато одарен императором и где он тогда женился на Марии или Марфе, дочери Аргирь, сестре будущего императора Романа⁷⁰, но также и дарованный венецианцам хрисовул императоров-братьев, содержавший,

как мы видели, важные для венецианских купцов льготы. Однако все это не дает ни малейшего основания говорить о добровольном отказе Византии от своих прав на Далмацию, и если, тем не менее, Византия не протестовала, то это не только потому, что успех венецианцев вовсе не был так велик, как это обыкновенно изображают, но главным образом потому, что венецианские политики выбрали как нельзя более подходящий момент для своего выступления. Достаточно вспомнить те необычайные даже для Византии того времени трудности, в которых она оказалась ко времени догата Пьетро Орсеоло. Василий II на протяжении первых двух десятилетий своего царствования воюет в Сирии против арабов, в южной Италии с арабами против Оттона II, с царем Самуилом на Балканах, с великим князем Владимиром в Крыму, с мятежными феодалами внутри империи. Использование всех этих трудностей, надо думать, и обеспечило Венеции если не согласие Византии на территориальные уступки в Далмации, то по крайней мере молчаливое признание этого факта до поры до времени.

Уладив так или иначе вопрос с восточным императором, Венеция постаралась заручиться добрым расположением и императора «римского». Мы уже видели, что отношения между Пьетро Орсеоло и Оттоном III были сердечными. Каждое появление Оттона в Италии дож умело использовал для закрепления этих отношений. В 996 г., когда император в первый раз появился в Ломбардии, венецианское посольство поспешило ему навстречу, и в городе Вероне император был восприемником малолетнего сына дожа при конфирмации, в связи с чем мальчик получил и имя своего восприемника, — это будущий дож Оттон Орсеоло⁷¹. Венеция очень предупредительно вела себя и в два следующих появления Оттона в Италии, а в 1001 г., после похода в Далмацию, Оттон инкогнито побывал в Венеции, где был опять восприемником на этот раз одной из дочерей дожа⁷². Молодой фантазер был совершенно очарован ловким венецианцем и, разумеется, не ему было противиться честолюбивым замыслам венецианских политиков, тем более, что и дело шло о владениях восточного императора.

К концу X в. политическая роль арабов в Адриатике, как мы видели, была незначительной, но предусмотрительный Пьетро Орсеоло поспешил обезопасить себя

и с этой стороны: «Он расположил к себе и сделал друзьями всех арабских эмиров, направив к ним посольства» сообщают нам Дандоло и Диакон Жиованни⁷³.

Наконец, с наиболее значительными феодалами Италии были заключены дружественные союзы⁷⁴, а строптивого маркиза Истрии, обнаружившего враждебные замыслы против республики, Пьетро Орсеоло смиряет, как в свое время и Пьетро Кандиано II, организацией против его владений торгового бойкота, в частности путем запрета продавать в его владениях соль⁷⁵.

Наибольших трудностей, естественно, надо было ожидать со стороны территорий намечавшегося захвата. Надеяться здесь только на силу оружия было, как учит опыт, явно нецелесообразно; но и дипломатическая подготовка была не из легких, особенно в чисто славянских землях. Венецианские политики решили действовать путем разжигания внутренних раздоров в сильнейшем тогда на далматинском побережье Хорватском государстве и путем организации «своей» партии в далматинских городах, где политическая роль романского элемента и католического духовенства была значительной.

В X в. Хорватия была уже королевством. Архидиакон Фома прямо называет хорватского государя Держислава королем хорватским и добавляет: «Начиная с Держислава, последующие его преемники стали называться королями Далмации и Хорватии; они получали знаки королевского достоинства от константинопольских императоров и именовались их епархами и патрикиями»⁷⁶. Из этих слов видно, что хорватские короли не были безусловными суверенами своей страны; но можно с уверенностью сказать, что зависимость их, как и Венеции от Византии была номинальной, а не фактической. В Венеции с уверенностью могли ожидать решительного сопротивления со стороны Держислава, так как не только прибрежные славянские города, но и города со значительным романским элементом, на которые Венеция думала опереться на далматинском побережье, в конце X в. оказались, как мы видели, в зависимости от хорватов. Однако факт подчинения далматинских городов Хорватии Венеция могла рассматривать как обстоятельство, благоприятное ее планам. Население некоторых из далматинских городов, именно его романская часть, близкое Венеции по языку и культуре, особенно духовенство, без

труда променяло бы — по крайней мере так могло казаться венецианским политикам — славянское господство на венецианское: далматинцы ведь не знали тогда, что представляла собою зависимость от Венеции.

Таким образом республика св. Марка должна была в первую очередь парализовать сопротивление хорватского короля. Метод действия был под руками. Раздоры в Хорватии из-за престолонаследия, обычные в феодальных государствах, предшествовали воцарению Держислава⁷⁷. В Венеции несомненно были известны захватнические планы младшего брата Держислава, Святослава, или даже были подсказаны ему венецианскими политиками. Как бы то ни было, но в критический момент необходимая для венецианцев смута в Хорватии действительно возникла, и Венеция с готовностью поддержала претендента, поспешившего предоставить ей свободу действия в Далмации⁷⁸.

В меньшей степени можно было считаться с сопротивлением приморских сербских племен. Сербь к концу X в. не достигли того уровня государственности, на котором уже находились хорваты. Если не все, то большинство их племенных князей были независимыми друг от друга, но очень слабыми правителями пред лицом таких соседей, как Болгарское царство и Византия⁷⁹. В конце восьмидесятых годов и начале девяностых, когда в Византии шли междоусобия, болгары нанесли ряд тяжелых ударов сербским племенам, жившим вдоль берегов Адриатики: они овладели на некоторое время Драчем, Лешем, землями травунян и захлумлян⁸⁰. В свою очередь, когда Византия перешла в наступление против болгар, сербы, освободившись от этих последних, испытали на себе давление Византии. При таких условиях Венеция могла, очевидно, выступить еще более решительно, чем в Хорватии: если по хорватскому побережью республика рассчитывала захватить лишь романские города, точнее города со смешанным населением, то по сербскому побережью она избрала объектом своего нападения города славянские.

Серьезную подготовку надо было, естественно, провести в самих далматинских и истрийских городах, непосредственных объектах захвата. По понятной причине венецианские источники ничего не говорят нам о такой подготовке. Дело овладения далматинским побережьем

изображается как плод желания самих далматинцев. «Почти весь далматинский люд — пишет Диакон Джиованни, — сойдясь вместе ..., просил дожа Пьетро выступить самому или послать войско, которое избавило бы их от славянского порабощения, обещая за это вместе со своими городами пребывать в постоянном подданстве у Венеции»⁸¹. Продолжая рассказ о дальнейших событиях, венецианский летописец изображает ход их таким образом, как будто города только и ждали появления флота Пьетро Орсеоло в своих гаванях и тотчас же спешили приветствовать венецианцев. Несмотря на то, что правдивость этих рассказов была заподозрена еще в XVIII в., например Лебре⁸², и усиленно подчеркнута малая их достоверность в начале XIX в. Дарю и Филиппи⁸³, в исторической литературе прочно укоренилась именно венецианская традиция. Больше того из слов Диякона Джиованни *omnes pene simul convenientes* была развита целая «теория» возникновения в Далмации большой федерации городов с единственной целью — обратиться с указанной выше просьбой к Венеции⁸⁴. Хотя невероятность всего этого рассказа и очевидна в его целом, а в отдельных своих частях может быть и опровергнута, тем не менее остается фактом, что некоторые далматинские города действительно не оказали сопротивления. Вероятно справедливы также отчасти и известия о том, как были встречены венецианцы со стороны депутатов некоторых городов, но именно это и заставляет утверждать, что Венеция провела в далматинских и истрийских городах необходимую предварительную подготовку среди тех элементов населения, на расположение которых она могла рассчитывать.

Среди них, однако, мы можем назвать едва ли не одно только католическое духовенство. В конце X в. в Хорватии еще не затихла та борьба, которая поднялась среди западного и отчасти среди южного славянства в связи с делом Кирилла и Мефодия. Хорваты Либурнии и Далмации приняли христианство в своей массе не позднее конца VIII в., что не противоречит тому факту, что отдельные обращения к новой религии могли иметь место еще и в VII в. Фома, архидиакон Сплитский, связывает распространение христианства среди хорватов с именем архиепископа Сплитского Иоанна, родом из Равенны. Фома пишет о нем: «Обходя районы Словении и Далма-

ции, он восстанавливал церкви, назначал епископов, распределял приходы и понемногу привлекал эти грубые племена к католическому просвещению»⁸⁵. Иоанн Равеннат был первым архиепископом Сплитским, занявшим кафедру в половине VII в. Его деятельность была отчасти реставрационной деятельностью, но нет никаких оснований утверждать, что это была «реставрация» после языческого рецидива среди хорватов. Поэтому нельзя считать доказанным сколь-нибудь широкое распространение христианства с самого начала заселения хорватами далматинских земель в VII в. Труды Иоанна Равенната могли принести значительные результаты только в VIII в. Христианство распространилось в прибрежных славянских областях вне всякого сомнения из сохранившихся здесь романских городов, следовательно под влиянием Рима. В семидесятих годах IX в. на всем Балканском полуострове, не только среди сербов, но и среди хорватов начинает чувствоваться восточное церковное влияние. Происходит сближение далматинских религиозных общин с Аквилейским патриархатом, который возглавлялся тогда сторонником Фотия Вальпертом⁸⁶. Римская партия несомненно стремилась положить предел распространению восточного влияния, хотя разногласия между Римом и Константинополем и не достигли тогда позднейшей остроты. Обстановка для Рима в Хорватии во второй половине IX в. складывалась благоприятно. В 879 г. хорватский князь Здеслав был убит Бранимиром (879—888), по-видимому сторонником Рима, насколько об этом можно судить по письму к далматинцам папы Иоанна VIII⁸⁷. В начале двадцатых годов X в. Византия и Рим находятся между собою в дружбе: после падения Фотия папа Иоанн и константинопольский патриарх Николай Мистик «пребывали в церковном единомыслии». Это усиливало позиции римской церкви не только в далматинских городах, но также среди хорватов и отчасти сербов. Томислав, князь или король хорватов, основал епископскую кафедру в Нине, но и он сам, и основанная им епископия тяготели первоначально к Риму. Об этом свидетельствует дружественный тон, в каком Фома Сплитский рассказывает об утверждении Томиславом нинской епископской кафедры⁸⁸. Торжество римского дела нашло себе выражение в постановлениях Сплитского собора 925 г., которые оформили подчинение Риму

и запретили, между прочим, употребление славянского языка при богослужении. Интересующий нас пункт соборных постановлений гласил следующее: «Да не посмеет ни один из епископов нашей провинции (Далмации) каким-либо образом способствовать славянскому языку». Это постановление рядом и более ранних и современных историков заподозрено как позднейшая вставка, — назовем для примера работу Люблянского профессора Иосифа Сребрнич, стоящего на этой точке зрения⁸⁹. Мы думаем, однако, что Дани Грубер, который истолковывает постановление Сплитского собора 925 г. как запрещение епископам на будущее время ставить таких священников в Далмации, которые могли бы способствовать дальнейшему распространению славянского языка при богослужении, и таким образом считать интересующую нас статью соборного постановления подлинной, в этом вопросе прав⁹⁰. Косвенно это подтверждается письмом папы Иоанна X от 925 г. к захлумскому князю Михаилу, в котором папа убеждает его оставаться верным латинскому богослужению: «И что это за удовольствие Вам, такому нарочитому сыну святой римской церкви, приносить моление богу на своем варварском славянском языке?» — спрашивал папа князя Михаила⁹¹. Несмотря на все это, византийско-славянское влияние в церковных делах не исчезло на побережье и островах Далмации. Об этом свидетельствуют позднее развернувшиеся события, передаваемые Фомой Сплитским в XVI главе его «Истории архиепископов Сплитских».

Романская часть духовенства Сплитской митрополии должна была тяготиться восточно-славянским влиянием, и католическая Венеция должна была ей казаться верной опорой: союз с нею ее усиливал, тогда как ориентация на хорватских и сербских князей могла только ослабить. Венецианские политики хорошо это понимали и, будучи в общем довольно равнодушными к церковным делам, как к таковым, неизменно покровительствовали в Истрии и Далмации латинскому духовенству. Со стороны Венеции не требовалось поэтому больших усилий для того, чтобы склонить духовенство далматинских городов на свою сторону и подготовить Пьетро Орсеоло торжественную встречу. Епископы и вообще духовенство не случайно, следовательно, играют такую крупную роль в дружественных Венеции манифестациях некоторых истрийских

и далматинских городов. Замечательно, что среди «манифестантов» совсем не видно «деловых» людей, купцов и ремесленников, — надо полагать, что эти последние уже тогда понимали невыгодность для них венецианского господства и оставались глухими к венецианским призывам⁹².

В славянских городах и районах, начиная с Биограда, и далее к югу венецианская дипломатия, если она и была пущена в ход, успеха не имела.

Захват истрийских и далматинских городов диктовался экономическими интересами венецианских арматоров и купцов, поход был тщательно продуман, а выполнение всесторонне подготовлено. Международная обстановка вообще была благоприятной для Венеции, но предусмотрительные политики республики св. Марка постарались улучшить ее еще более. Эгоистическая затея заботливо была прикрыта флагом помощи «угнетенным» далматинцам.

Весной 1000 г.⁹³ Пьетро Орсеоло после торжественных церемоний, организованных епископом Оливоло, поднял паруса и с большим флотом отплыл от берегов столицы дуката. В Градо благочестивый дождь получил благословение патриарха Виталиса, знамя св. Гермагора и взял далее курс на Истрию.

Здесь, как мы видели, уже несколько десятилетий возникли у Венеции специальные экономические интересы, здесь некоторым успехом увенчалась ее первая попытка распространить свое политическое влияние за пределы дуката, — здесь надо было продемонстрировать мощь св. Марка. И в будущем свои большие походы на Восток Венеция будет начинать с посещения гаваней Истрии. Было это необходимо тем более, что еще очень свежо было воспоминание о попытке Каподистрии оторваться от Венеции и сделаться независимой. Это произошло в 997 г. и окончилось для этого города печально: цель не только не была достигнута, но пришлось в пользу св. Марка сделать дальнейшие уступки, — венецианские купцы могли теперь вести в городе и его округе беспопышную торговлю⁹⁴. По-видимому, Каподистрия после этого урока соблюдала навязанный ей договор, потому что дождь миновал этот порт и появился в гавани Паренцо. Здесь его торжественно встречает епископ Андрей с клириками. Епископ просит дождя посетить местную

церковь св. Марии. Выполнив этот «долг благочестия» и убедившись в подчинении Паренцо, Пьетро Орсеоло направился в Пулу. Здесь та же торжественная встреча: во главе депутации, состоявшей из сонма клириков, стоит Бертальд—высокопоставленное лицо пуланской городской общины⁹⁵. От Пулы дож направился к берегам Далмации.

В Далматинском архипелаге венецианский флот подошел прежде всего к острову Цресу и был здесь «с радостью» принят местными жителями, которые собрались на торжество даже из отдаленных сельских местностей, как уверяет нас Диякон Джiovанни, а за ним и Дандоло⁹⁶. Отсюда, опять не забыв прослушать мессу, Пьетро приблизился к Задару. Этот город, по свидетельству Джiovанни, и до этого времени находился в какой-то степени зависимости от Венеции⁹⁷. Венецианский анналист при этом не сообщает ни того, что это была за зависимость, ни того, когда и как она была установлена. Все дело очень похоже на то, что республика состояла с Задаром до этого времени в простых договорных отношениях, подобных тем, какие дубровницкий летописец констатирует для своего города около того же времени. В Задаре местный епископ и приор организовали дожу особенно торжественную встречу. Епископы еще двух больших островов Далматинского архипелага, Раба и Крка оказались в числе лиц, демонстрировавших перед дожем готовность признать венецианское покровительство и супрематию. Изъявление чувств скрепляется присягой на верность республике св. Марка. Имя дожа оглашено было в церквах непосредственно вслед за именем императора⁹⁸. Из Задара флот дожа направился к Трогиру, сдавшемуся также без сопротивления. Здесь Пьетро Орсеоло организовал смотр своим вооруженным силам, пополненным на вербованными в Задаре далматинцами, и на шестой день отплыл к Биограду или Белграду. Здесь произошла небольшая заминка. Город не был подготовлен к торжественной встрече, и дожу из предосторожности пришлось пристать к одному из островов против этого города. В городе между тем две партии, одинаковые движимые чувством страха—одна перед дожем, другая перед хорватским королем,—борются между собою. Одержала верх партия дожа, город признал свою зависимость от Венеции. Также без боя сдал-

ся далее остров Новицولا⁹⁹. Ни в Трогире, ни в Биограде, ни у Новицолы не было оказано сопротивления, зато не было и торжественных встреч.

В Сплите, который был митрополией Далмации и где, следовательно, находился центр венецианской партии в Далмации, дож был еще раз порадован торжественной встречей. Местный архиепископ, митрополит Далмации, и «народ», состоявший из клириков и светских лиц, «приветствовали дожа и венецианский флот»¹⁰⁰. Но это был последний триумф.

Далее надо было прокладывать дорогу силой оружия. Первым оказал сопротивление остров Корчула. Сопротивление, надо полагать, было довольно слабым, так как дож как будто без особого труда «подчинил остров своей власти»¹⁰¹. Иначе обстановка сложилась у Хвара. Жители этого острова слыли за особенно отчаянных пиратов: «венецианцы, проезжавшие мимо этих мест, весьма часто, лишившись всего достояния, обобранные до чиста, спасались бегством»¹⁰². Город Хвар хорошо был укреплен самою природой и искусственными сооружениями, а жители храбро защищались. Однако, «с соизволения бога всемогущего», город удалось взять после продолжительной и жаркой схватки.

На этом поход Пьетро Орсеоло закончился. Дож не решился углубиться в лабиринт нарентянской части Далматинского архипелага. Его планы относительно нарентян, владельцев побережья и острова Млета, были скромнее и он добился их осуществления другими средствами. Во время своего пребывания в Задаре дож послал десять кораблей из своего флота к небольшому острову Кацца, к западу от Корчулы, с целью перехватить нарентян, возвращавшихся из Апулии. Засада удалась, и дож захватил в плен до 40 «знатных нарентян»¹⁰³. «Вождь» нарентян и его «старшие», желая выручить из плена своих, вынуждены были согласиться на отказ от той дани, которую они взимали с плававших по Адриатике венецианских кораблей и дать обещание не причинять никакого ущерба венецианской торговле¹⁰⁴. После этого пленники были отпущены, за исключением шести, оставленных дожем в качестве заложников.

Диакон Джиованни, а за ним и все историки Венеции — древние, новые и новейшие — утверждают, что в это же время в сферу политического влияния Венеции попал

также и Дубровник. Когда экспедиция подходила к концу — пишет венецианский анналист о Дубровнике, — «архиепископ этого города, явившись со свитой к дожу принес ему клятву и многие другие выражения покорности»¹⁰⁵. Известие Джиованни, подозрительное вообще, в этом пункте подозрительно вдвойне. Дело в том, что Дубровник, благодаря своему географическому положению, или вовсе не страдал от нарентянских нападений или страдал незначительно: находясь в непосредственной близости от нарентян и имея возможность в любой момент атаковать их с суши, Дубровник и без помощи Венеции мог заставить уважать свой флаг. Это признают даже те историки, которые стоят в этом вопросе на венецианских позициях. Один из них, например, пишет: «Дубровник находился в согласии с нарентянами, которые сильно боялись этого соседнего города, имевшего возможность напасть на них в любой момент, когда их корабли были далеко. По этой причине Дубровник не страдал от этих «пиратов»¹⁰⁶. Таким образом Дубровнику не за чем было покупать венецианскую помощь да еще такую ценой, как отказ от собственной свободы. Не могли этого дубровчане сделать и под влиянием страха перед венецианским флотом, так как он даже и не показывался в водах Дубровника. Но возникает вопрос, какие соображения могли руководить автором «Венецианской Хроники», когда он изображал ход событий не в том виде, как они протекали в действительности? Ответ на этот вопрос может быть, конечно, только предположительным. Диякон Джиованни был близок дожу, выполнял различные дипломатические поручения республики и, следовательно, ему был известен курс внешней политики венецианского правительства. Мы уже видели, что поход Пьетро Орсеоло был задуман заранее. Идея территориальной экспансии уже твердо держалась в мыслях венецианских политиков. При наличии таких психологических предпосылок желаемое легко могло сойти за действительное. Появление дубровницкого архиепископа во флоте дожа, — а он, как это мы сейчас увидим, действительно там появлялся, — легко могло быть истолковано в желательном для республики смысле и, таким образом, венецианский бытописатель мог стать жертвой дезинформации, может быть даже официальной.

Одна из дубровницких хроник, на которую мы уже ссылались, под 997 г. сообщает, что венецианцы захватили несколько дубровницких купцов с ценным грузом из серебра и воска¹⁰⁷. А Мавро Орбини, пользуясь другими источниками, поясняет, что это случилось во время войны венецианцев с нарентянами, когда галеры дожа захватили несколько нарентянских торговых кораблей и на одном из них дубровницких купцов с ценным грузом. Появление дубровницкого посольства с архиепископом во главе у дожа Пьетро Орсеоло легко в этом случае объясняется желанием дубровчан помочь своим землякам выбраться из затруднительного положения, в которое они случайно попали. Рассказ дубровницкого источника более естественен и психологически обоснован, чем данные хроники Диакона Джiovанни. К этому надо добавить, что он отчасти согласуется и с венецианскими данными, так как захват 10 нарентянских судов — мы это только что видели — подтверждается и Джiovанни и Дандоло¹⁰⁸. Расхождения в датах в сущности также нет, так как и Диакон Джiovанни относит поход к седьмому году догата Пьетро Орсеоло, что может дать — мы это тоже видели — и 998 и 997 гг., тогда как 1000 г. является плодом ученой реконструкции.

Отвергая таким образом известие Джiovанни о добровольном подчинении Дубровника Венеции в конце X в., мы допускаем — и также на основании дубровницких известий — возможность добровольного соглашения обеих республик как равного с равным, о союзе и взаимной поддержке друг друга в Адриатике, причем инициатива исходила от Венеции. Эти переговоры и соглашения имели место, по сообщению того же дубровницкого источника, как раз в 1000 г. Может быть оно в несколько искаженном виде и нашло себе отражение в хронике Диакона Джiovанни. Республики согласились поддерживать друг друга в возможной войне посылкой одной вспомогательной галеры и в знак дружбы и согласия преподносить ежегодно друг другу равноценные подарки¹⁰⁹.

Мы не можем сказать, как долго действовал этот договор, но несомненно одно: Дубровник в течение XI и большей части XII в. совершенно не был в зависимости от Венеции.

Завершив свой поход, Пьетро Орсеоло принимает титул «герцога Далматинского»¹¹⁰. Ближайшей задачей венецианской политики было закрепление сделанных при-

обретений, символом которых был этот титул. За труднения, которых можно было ожидать со стороны хорватов, устранены были, как уже было указано, путем использования династических интриг, которые столь обычны в феодальных государствах. При первом известии о появлении венецианского флота у берегов Далмации Держислав, король хорватов, попытался вступить с дожем в переговоры, но не имел успеха¹¹¹. Пьетро Орсеоло знал, что положение Держислава было непрочным и потому не хотел идти ни на какие уступки, к которым, очевидно, могли бы привести переговоры. Дожд оказался правым. В момент, когда флот находился в Трогире, туда явился брат Держислава Святослав, предложив свои услуги в качестве союзника венецианцев. За поддержку его домогательств в Хорватии он, несомненно, обещал уступить намеченные к захвату дожем города Венеции и в обеспечение верности своих обещаний выдал в заложники своего сына. Дожд принял предложенные ему условия, взяв с собою молодого хорвата, за которого он выдал потом одну из своих дочерей. В качестве союзника Венеции Святослав появился потом в Сплите, где был торжественно принят венецианской партией «клиром и народом»¹¹². Святославу действительно удалось овладеть тронem хорватских королей и он, кажется, во все время своего правления, т. е. до 1018 г., оставался верным принятому им на себя обязательству перед Венецией. Ловким использованием феодальных неурядиц Пьетро Орсеоло устранил потенциально наиболее близкую и непосредственную угрозу его новым приобретениям.

Признание сделанных приобретений со стороны западного императора было по указанным ранее причинам достигнуто в форме признания за дожем его нового титула без малейшего труда: не только Оттон III, но и его преемник Генрих II, признали дожа дуксом Далмации¹¹³. Сомнительно, однако, чтобы и Византия сразу признала новую политическую ситуацию на восточном берегу Адриатики, хотя Восточная империя при этом, как могла тогда казаться, фактически ничего и не теряла. Во всяком случае, как мы уже упоминали, только во время первой большой войны с норманами Византия пошла на встречу венецианским домогательствам в этом вопросе, причем из хрисовула императора Алексея I не видно

чтобы это было подтверждением ранее сделанного пожалования¹¹⁴.

В результате похода Пьетро Орсеоло Венеции так или иначе подчинилось около десятка различных опорных пунктов на восточном побережье Адриатического моря. Венецианцам очень хотелось позднее показать эту зависимость гораздо более полной и тесной, чем она была в действительности. С этой целью известия Дандоло были фальсифицированы различными выдумками, правда не особенно ловко составленными, что не помешало, однако, ряду очень серьезных историков принять эти выдумки за чистую монету. Мы имеем в виду известия о назначении Венецией в далматинские города непосредственно вслед за походом 1000 г. своих представителей в качестве глав их муниципальных советов. Несмотря на то, что еще в XVIII в. было доказано, что не мог, например, Оттон Орсеоло быть наместником в Дубровнике, если ему в это время не было и 10 лет, тем не менее эта легенда оказалась необычайно живучей. Мы считаем unnecessary заниматься здесь ее опровержением¹¹⁵. Наверное можно утверждать, что на первых порах Венеция ограничилась только принципиальным признанием ее сюзеренитета, но усилила в подчинившихся ей городах свое экономическое давление: не ради же обеспечения и развития торговли своих собственных конкурентов предпринял Пьетро Орсеоло свой знаменитый поход.

На современников-венецианцев успех Пьетро Орсеоло произвел большое впечатление¹¹⁶. Диакон Джованни называет его мужем, который силой стремления и опыта «превосходил почти всех древних»¹¹⁷. После него Дандоло писал¹¹⁸ с гордостью об инициаторе венецианской колониальной политики большого масштаба: «Он не только упрочил все прежние приобретения, но так увеличил владения республики, что о Венеции заговорили как о провинции, превосходящей красотой и роскошью все прочие провинции». Чем дальше отходили эти события в прошлое, тем значительнее казалось дело Пьетро Орсеоло: Лоренцо де Моначи заявил, что «Пьетро Орсеоло II... всю Далмацию подчинил венецианскому господству»¹¹⁹. В XVIII в. Муратори в своих *Анналах* писал почти в таком же тоне: «В этом году (год похода Пьетро Орсеоло) государство Венецианское чрезвычайно увеличилось»¹²⁰. Отсюда высокая, очень часто до крайности преувеличен-

ная оценка деятельности Пьетро Орсеоло в новое время. Рядом с непосредственными экономическими выгодами, которые Венеция могла извлекать из своих новых приобретений, как, например, установление прямых связей с областями по Саве и Драве¹²¹, обычно указывается на безусловное господство Венеции в Адриатике как результат этого похода¹²², и Пьетро Орсеоло, правда больше за его строительную деятельность, преподносится имя Перикла Венеции¹²³.

Время догата Пьетро Орсеоло II несомненно является важным моментом в истории Венеции как колониального государства и в лице этого дожа Венеция имела политического деятеля первого ранга. Мы думаем, однако, что значение этого времени и этого человека заключается не столько в том, что было тогда сделано, что было достигнуто, сколько в том, что тогда было намечено сделать, и наглядно показано, к чему надо было стремиться. Практические результаты, которых Пьетро Орсеоло удалось добиться в Далмации, как ни были значительны, не были устойчивыми, — за них, как мы увидим далее, республика св. Марка вынуждена была бороться, конечно с перерывами, целое столетие и к концу его ей пришлось оказаться в том самом положении, с которого начал свою деятельность в Далмации ее предприимчивый дож начала XI в. Далеко не обеспеченным оказалось и ее господство в Адриатике: в том же XI в. Венеция должна была вести напряженную борьбу с различными врагами, которые ставили под вопрос не только ее господство в Адриатике, но и те пути через это море, которые связывали ее с Востоком. В год похода Пьетро Орсеоло Венеция не стала ни обладательницей Далмации, ни владычицей Адриатики, — это случилось много позднее; но в этот догат ее правящий класс, класс арматоров и купцов, впитавший в свой состав наиболее дальновидную часть трибунских феодальных фамилий, отчетливо осознал свои внешнеполитические великодержавные задачи и впервые сделал попытку в значительном масштабе осуществить их на практике. Это не было, однако даже первым актом колониальной истории Венеции, — это было только ее прологом.

Усматривая в событиях на грани X и XI вв. прежде всего зарождение идеи широкой колониальной экспан-

сии и с этой точки зрения прежде всего оценивая их значение, мы не хотим, однако, отрицать и ряда практических результатов, которые до известной степени служили проверкой правильности и целесообразности проведения в жизнь этой идеи. Венеция несомненно извлекла из своего нового положения в Истрии и Далмации ряд выгод, которыми она не преминула воспользоваться. Опорные пункты ее торговли в далматинских городах несомненно окрепли; ее связи с северной частью Балканского хинтерланда стали более непосредственными и живыми; природные богатства Далмации и прежде всего такие, как лес, скот, оливковое масло, стали более доступными и, возможно, дешевыми; представлялась практическая возможность воздействия на местное производство и местный оборот в нужном для республики направлении. Все это не может быть в надлежащей степени подтверждено текстами из источников, так как составители анналов того времени мало интересовались этими вопросами и редко их освещали, а официальный материал, собрания актов и грамот, если он вообще существует для этого времени, т. е. для XI столетия, не опубликован. Тем не менее история борьбы Венеции за свои первые приобретения не лишена фактов, которые позволяют сделать такие заключения, но не прямо, а косвенно.

Таким образом, подчеркивая еще раз свою основную мысль, мы должны заявить, что на грани XI в. мы присутствуем не при разрешении адриатического вопроса, как это столь часто полагали, а лишь при его возникновении. Приобретения Пьетро Орсеоло были пока не колониями, а разве сферами очень слабого влияния республики на далматинском побережье.

Г л а в а ш е с т а я

БОРЬБА ЗА ПЕРВЫЕ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ И КОММУНИКАЦИИ С ВОСТОКОМ

Прочный материальный базис и соответствующая ему политическая надстройка позволяли Венеции, прав-

да осторожно и с оглядкой, преследовать свои экспансионистские цели в XI в. Цели эти были ясны: в Далмации и Истрии надлежало если не расширить, то укрепить приобретенные сферы влияния: в водах Адриатического моря—всемерно препятствовать всяким попыткам каких бы то ни было посторонних сил поставить под угрозу коммуникации с Востоком; на Востоке—поддерживать добрые отношения с василевсами, несмотря на их прогрессирующую политическую слабость; на Западе—добиваться мира с наиболее строптивыми немецкими преемниками Карла Великого и дружбы с теми из них, кого сила обстоятельств делала сговорчивым.

Преследование этих политических целей сделало для Венеции необходимой борьбу с хорватскими королями, заинтересованными в Далмации, с патриархом Аквилей, претендовавшим на влияние в истрийских городах, с норманами, прочно обосновавшимися в южной Италии и Сицилии и обнаружившими тенденцию перешагнуть на другой берег Отрантского пролива, с венграми, когда те появились на восточном побережье Адриатики.

1. Первые десятилетия борьбы за далматинское истрийское побережье

Республика св. Марка, распространив свое влияние на часть далматинских городов, долгое время старалась поддерживать фикцию византийского суверенитета над своею будущей добычей, не отрицая одновременно и своей «зависимости» от восточного императора. Дожи охотно продолжают носить звания и титулы византийской табели о рангах: Доменико Флабениго (1034—1042) был пожалован титулом протоспатария, его преемник Доменико Контарини (1042—1071) носит титул не только «божией милостию дожа Венеции и герцога Далмации», но также и «императорского магистра», еще позднее Витале Фальеро именуется «императорским протосевастом»¹. Дальновидные венецианские политики, ценившие не форму, а существо дела, находили пока невыгодным вступать в конфликты с Восточной империей, где у Венеции было так много существенных эконо-

номических интересов. Императорский щит особенно был необходим Венеции в Далмации, укрываясь за ним, она усиливала свои позиции в борьбе с противниками. По этой причине только что упомянутый Витале Фальеро охотно признавал, что «Далмация есть преческая провинция»².

Среди потенциальных противников Венеции в Далмации в первые десятилетия XI в. первое место занимали несомненно хорваты. Возможно, что недоразумения между хорватскими королями и Венецией начались вскоре после экспедиции Пьетро Орсеоло³; но превратились эти недоразумения в открытую борьбу только после смерти Святослава, считавшего себя обязанным венецианцам за поддержку его домогательств против Держислава, именно при Крешимире III (1018—1035). Дандоло под 1018 г. сообщает об экспедиции к берегам Далмации преемника Пьетро Орсеоло, его сына Оттона. Рассказ ведется в обычном для Дандоло стиле: Оттон явился в восточных водах Адриатики по просьбе тамошних городов (*requisitus*), вызванной тем, что Крешимир, а может быть и его предшественник, «беспокоил Задар и другие города Далмации постоянными набегами». Дождж сообщает нам венецианский анналист, — обратился врагов в бегство и «обезопасил города»⁴. По-видимому, однако, опекаемые города не обнаружили достаточных верно-подданических чувств, так как дожу потребовалось «укрепить праждан этих городов в верности и послушании». Анналист не замечает явного противоречия, в котором находятся эти его слова с версией о выступлении по просьбе стесненных хорватами далматинских городов.

По сообщению Дандоло крупные далматинские города — мы не можем составить их списка — обязались по отношению к Венеции лишь клятвами в верности, но города более мелкие, благодаря своему островному положению легко уязвимые с моря, должны были пойти на некоторые материальные жертвы, правда незначительные. Дождж обязал жителей таких городов небольшою данью в пользу св. Марка и взял с них соответствующие обязательства. Это были города островов Цреса, Крка и Раба. Жители Раба обязались поставлять Венеции ежегодно ко дню рождества 10 фунтов шелка — сырца. Один из городов Крка дал обещание выплачивать в качестве да-

ни 30 лисьих шкур, а другой—15 кунных. Жители Цреса взяли на себя обязательство доставлять дожу по 40 кунных шкур⁵.

Трудно сказать, в каком объеме поколебавшееся было положение Венеции в Далмации действительно в конце второго десятилетия было выправлено⁶. Почти наверное можно утверждать, что острова Нарентянского архипелага вышли из подчинения Венеции еще до 1018 г. Нет никаких оснований считать также, что под властью Венеции в это время находился Дубровник. То обстоятельство, что мы довольно долгое время в XI в. не видим новых походов Венеции к далматинскому побережью, свидетельствует не столько о том, что далматинские города оставались верными принятым ими на себя обязательствам, сколько о том, что обстановка в Далмации коренным образом изменилась.

После разгрома Болгарского царства Василий II имел возможность подчинить себе сербские племена в Сербии, Боснии и Герцоговине. Хорватский король Крешимир III должен был признать византийское верховенство. Влияние Византии в далматинских городах резко увеличилось: политическая зависимость их от империи сделалась фактической и наместник Далмации, он же обычно и приор Задара, перестал быть декоративной фигурой. В этих условиях «герцоги Далматинские» на лагунах вынуждены были не проявлять по отношению к далматинским городам слишком большой строптивости, как и Крешимир III, со своей стороны, должен был до поры до времени признать, что власть его кончается у стен далматинских муниципий. Именно по этой причине мы склонны согласиться с акад. Васильевским в том, что только указанные выше острова Кварнеро признавали в это время власть «герцогов Далматинских».

Так дело продолжалось не особенно долго. В 1025 г. Василий II умер, и на византийском троне с 1028 г. сидят один за другим мужья императрицы Зои. Почти одновременно, именно в 1026 г., Орсеоло изгнан из Венеции, а наследником венгерского трона оказался сын Оттона от венгерской принцессы Петр Венецианский. Международная ситуация еще раз коренным образом изменилась: Далмация оказалась перед лицом хорватского короля и Венеции, не чувствуя из Византии прежней сильной поддержки. Изгнание Орсеоло из Венеции

сделало их союзниками Крешимира и сблизило Хорватию с Венгрией. Теперь Крешимир III мог держать себя по отношению к Венеции смело, не оглядываясь по сторонам. При сочувствии или даже при помощи венгров он около 1030 г. овладевает Задаром, поставив там в качестве своего наместника и приора этого города Добронью⁷.

Однако взоры далматинских городов в это время все еще были обращены на Венецию. Об этом говорят и Кедрин и Зонара⁸, об этом говорят и некоторые факты. Далматинские города предпочитали далекого суверена и Крешимиру, и Венеции. Города продолжали датировать свои грамоты годами правления императоров Востока⁹. Дубровник принимает участие в военных экспедициях Византии, и в 1032 г. его корабли вместе с греческим адмиралом, патрикием Никифором, отражают арабов, появившихся в районе Корфу¹⁰. Однако преемник Крешимира Стефан I (1035—1050) все еще был в состоянии держать по крайней мере некоторые далматинские города в ленной зависимости от Хорватии. Это, впрочем, продолжалось недолго: в конце 30-х или самом начале 40-х годов престиж Византии в Далмации восстанавливается еще раз. С большой долей вероятности можно сказать, что это было результатом прекращения дружественных отношений между Хорватией и Венгрией. Здесь после смерти Стефана I (1037 г.) начались смуты, в процессе которых знать низвергла с королевского трона двоюродного брата Стефана хорватского, Петра, занявшего трон после смерти своего дяди Стефана венгерского. Попытки Петра при помощи германского императора Генриха III вернуть себе трон приводили лишь к временным результатам. На долгое время Венгрия перестала быть серьезным фактором в ближневосточных политических отношениях. Византия в это время опять является активной силой в Адриатике, и по крайней мере Задар находится от нее в прямой зависимости,—здесь сидит в это время императорский наместник, претендующий на роль стратига Далматинской фемы.

Слабая активность Венеции в первые десятилетия XI в на далматинском побережье, помимо указанных причин, зависела также и от того, что борьба между Орсеоло и господствующим классом республики, опасав-

шимся династических притязаний этой аристократической фамилии, ослабляла Венецию изнутри. Только после окончания этой борьбы, но не ранее догата Доменико Контарини (1042—1071), эта активность оживает вновь.

В середине XI в. мы опять видим венецианский флот у берегов Далмации. Его задачей было добиться восстановления венецианского престижа на побережье этой части Адриатики, причем выполнение этой задачи решено было, по-видимому, начать с Задара. Хроника Дандоло в качестве даты выступления указывает второй год догата Доменико Контарини, т. е. 1044 или 1045 г., но запутывает хронологию, обвиняя в отпадении Задара венгерского короля Соломона (1063—1074)¹¹. В то же время «Краткая венецианская хроника» прямо указывает седьмой год догата Контарини, т. е. 1049 и 1050 г., как дату этого похода, которую воспроизводят и некоторые позднейшие составители хроник¹². Это позволяет нам принять в качестве даты нового покушения Венеции на далматинские города 1050 г.¹³ Возможно, что смерть хорватского короля Стефана или известие о его болезни придали венецианцам смелость.

Задар встретил венецианцев недружелюбно, не выражая никакого желания переменить византийский суверенитет на зависимость от ревнивой к чужим экономическим успехам республики на лагунах. Дандоло объясняет это интригами венгров, но нет никакой необходимости верить ему в этом. Мы не располагаем данными относительно венецианской экономической политики в Далмации для первой половины XI в.; но то, что нам известно об этом для более позднего времени, вполне объясняет сдержанное отношение далматинских городов к призывам Венеции и без венгерских интриг. Это признают даже такие защитники «культурной миссии» Венеции и Далмации, как авторы уже упоминавшегося сборника «Далмации», где мы читаем: «Экономическое подчинение является действительно той силой, которая подготовила венецианское господство и которое сделало далматинские муниципии ей враждебными»¹⁴.

Итак дож во главе значительного флота отправился к берегам Далмации и, по уверению Дандоло, вернул к повиновению Задар¹⁵. Трудно сказать, в чем это повиновение заключалось.

В конце пятидесятих или шестидесятих годах протекторат над далматинскими городами от Византии переходит к Хорватии. Последняя при Петре Крешимире IV (прав. до 1074 г.), достигла своего наибольшего могущества. В это время хорватские короли владеют обширной территорией от Дравы до Наренты, от Дрины до Далматинского архипелага. Крешимир IV принимает титул «короля Хорватии и Далмации» и называет Адриатическое море «нашим Далматинским морем». Отказ Византии от фактического протектората над далматинскими городами вытекал из общего направления византийской внешней политики после прихода к власти Константина Дуки, политики уступок и соглашений. Впрочем, Крешимир, не оспаривал, вероятно, верховных прав Византии на далматинское побережье, довольствуясь фактическим положением дела.

После смерти Крешимира обстоятельства в Далмации еще раз изменились. В 1074 г. на хорватский трон избран Славац или Славич, выходец из нарентянской знати. Однако он правил очень недолго. В это время активной силой на Адриатике становятся норманы. Один из норманских феодалов, которого латинские источники называют Амикус и владения которого находились в районе Бари, совершил разбойничий рейд на далматинское побережье, причем ему удалось захватить в плен Славича, о котором с тех пор ничего более не слышно. Есть основания полагать, что норманскому феодалу оказали содействие далматинские города¹⁷. На хорватский трон был избран бан посавских хорватов Звонимир, женатый на сестре будущего венгерского короля Владислава или Ладислава¹⁸.

Во время этих событий, несомненно ослабивших Хорватию, в Венеции снова созревает план подчинить своему влиянию далматинские города. Исполнителем этих планов выступил Доменико Сильвио, избранный дожем в 1071 г. Нам неизвестен ход событий, которые привели венецианцев к поставленной ими цели, но в 1075 г. признание Венеции частью далматинских городов в качестве своего сюзерена является фактом. Это относится не только к Задару, но также Трогире, Биограду и Сплиту. От этого года сохранились обязательства, выданные этими городами Венеции, в которых они обещали не допускать более в Далмацию норманов или каких-либо выходцев из иных земель. Виновники в такого рода

преступлении подлежат смертной казни, а их имущество—конфискации, причем одна половина конфискованного поступает дожу, а другая—заинтересованной общине¹⁹. Такого рода обязательство устраняет всякое сомнение в том, что выдавшие его города так или иначе считали себя зависимыми от Венеции.

В 1097 г. мы получаем новое доказательство продолжающегося политического влияния Венеции в городах северной и центральной Далмации. В этом году город Сплит выдает дожу Витале Микьеле обязательство выставлять при появлении венецианского флота в водах Сплита два корабля в полное распоряжение дожа, или уплатить денежный штраф в 1000 византийских золотых²⁰. К этому же времени относится и безоговорочное признание своей зависимости от Венеции города Трогира²¹.

Все это будет совершенно понятно, если мы припомним к тому, что в это время происходило в Хорватии. Преемники Крешимира IV не были в состоянии с достоинством поддерживать далматинскую политику Крешимира. Звонимир (1076—1089) позволил себе принять Хорватию из рук папы в качестве лена «св. престола». Это значило, что территория, которую Византия продолжала считать своею, отдана папе²². Конечно, эта передача была сугубо номинальной, но у православной Византии не было оснований поступаться и номинальными правами в пользу католической церкви в лице ее главы. Этим как раз и воспользовалась Венеция, только что оказавшая существенную помощь восточному императору в борьбе его с норманами: Алексей I, вероятно, впервые признал в восьмидесятых годах далматинские города за Венецией и вскоре после того дожи стали именовать себя герцогами не только Далмации, но также и Хорватии²³. Может быть, Венеция и не получила от Византии официального признания за нею также и Хорватии, но эта претензия могла быть следствием того факта, что государство Крешимира, после короткого правления преемника Звонимира, Стефана II (1089—1092), быстро стала клониться к упадку. Элементы феодального распада в момент заминки с престолонаследием дали себя болезненно почувствовать в это время. Фома Сплитский выразительно характеризует положение

ние дел в тогдашней Хорватии такими словами: «После смерти Звонимира между знатными людьми королевства поднялось великое несогласие, и то один, то другой из них выступают в качестве претендентов на королевскую власть, повсюду поднялись неисчислимые грабежи, убийства и всякие другие преступления»²⁴. Феодалная анархия была в полном цвету.

Перед Венецией возникла перспектива овладения не только далматинской лентой приморья, но и хорватским хинтерландом... Но в это время на побережье Адриатики появляется новая политическая сила, Венгрия. Период борьбы с хорватами закончился, началось время соперничества на берегах Адриатики с венгерской короной.

Как мы уже заметили, венецианские источники ничего не сообщают нам о взаимоотношениях республики в XI в. с сербскими племенами. Сербская часть Далматинского архипелага оставалась, вне всякого сомнения, совершенно независимой от всякого венецианского влияния. Это не значит, однако, что венецианцы не делали никаких попыток распространить свое господство и на эту часть далматинского побережья и архипелага. Если эти попытки были, то они во всяком случае не были удачными. Это делает понятным молчание о них венецианских анналистов. Тем большее значение приобретают даже отрывочные сведения, идущие со славянской стороны.

Цитированная уже нами дубровницкая летопись под 1018 г., т. е. как раз под тем годом, когда Оттон Орсеоло совершил свой поход в воды хорватской части далматинского побережья, сообщает, что венецианцы сделали неудачную попытку воздвигнуть собственное укрепление на побережье в непосредственной близости от Дубровника, но были предупреждены в этом намерении гражданами этого города²⁵.

Такого рода неудачные покушения на независимость сербских далматинских городов должны были вызывать резко враждебное отношение к Венеции по крайней мере в части их населения и до некоторой степени объясняют нам тот факт, что эти города, и Дубровник в частности, оказали потом своими кораблями поддержку норманам, когда в 80-х годах развернулась борьба между ними и Венецией, помогавшей Византии²⁶.

Если наши источники, из которых мы узнаем о положении Венеции в островном мире Далматинского архипелага и на далматинском побережье для XI в. настолько скудны, что мы в состоянии проследить лишь самые общие линии венецианской политики в этих районах и констатировать только некоторые факты удач и неудач этой политики, то по отношению к Истрии наши данные еще более скудны.

Мы видели выше, что в IX столетии Венеция вступила в качестве сюзерена Каподистрии, Паренцо и Пулы. Мы не можем судить о распространении венецианского суверенитета за пределы этих истрийских муниципий и не можем указать в точности, в чем заключалась их зависимость от республики св. Марка. Разумеется, нет ни малейших оснований также к тому, чтобы утверждать, как это иногда делается, что венецианцы уже тогда ставили в истрийских городах своих наместников²⁷.

В течение X в. Венеция добилась в Истрии очень скромных результатов, и если строго следовать источникам, то мы должны признать, что она ни на шаг не продвинулась вперед в истрийском вопросе в течение всего XI в. Это и понятно. В XI в. Венеция вынуждена была вести борьбу за свои далматинские приобретения со славянами. Потом начались войны с норманами. В самом конце столетия на Адриатике появились венгры. Необычайные успехи венецианской политики на Востоке, на территории Византии, ориентировали внимание политиков св. Марка в восточном направлении. Начавшееся в девяностых годах крестоносное движение поставило перед Венецианской республикой ряд новых и очень важных политических проблем. Нельзя было повсюду и одновременно быть сильным. В Истрии вследствие этого приходилось довольствоваться достигнутым ранее. Мы не видим в течение XI столетия никаких политических шагов со стороны Венеции на Истрийском полуострове.

В связи с этим значительный интерес приобретает проблема церковных отношений между сюзереном на лагунах и его вассальными городами.

Венеция прекрасно понимала значение церковной организации в деле установления или закрепления политических связей и всегда и всюду стремилась поставить церковные отношения на службу своей политики. Ее конечной целью при этом всегда было подчинение цер-

ковных организаций зависимых городов власти патриарха Градо, т. е. патриарха венецианского. Преследование этой цели наталкивалось на сопротивление—в Истрии патриарха Аквилейского и в Далмации—архиепископа Сплитского, а позднее также и архиепископа Дубровницкого, митрополитов Далмации. Это соперничество неизбежно вовлекало в свою орбиту папство, которое разрешало интересовавшие венецианских политиков церковные проблемы в зависимости от собственных мирских интересов.

Борьба за церковное влияние в Истрии восходит к очень раннему времени, но в XI в. она была особенно острой. Вопрос шел о подчинении шести епископов суффраганов Истрии в городах Триесте, Каподистрии, Читтануова, Перанцо, Пуле и Педене²⁸.

Патриарх Новой Аквилеи, как назывался первоначально патриарх Градо, отстаивая свою независимость от патриарха Аквилейского, от которого он отпочковался в период интенсивного заселения лагун²⁹, претендовал на подчинение себе епископских истрийских кафедр первоначально на том основании, что «морская» Венеция и Истрия составляли одну административную единицу в составе Восточной империи. После того, как у Венеции появились в Истрии экономические интересы, стремление ее к утверждению авторитета своего патриарха в истрийских муниципиях возросло еще более. В течение всего столетия Градо борется за Истрию против Аквилеи.

Патриарх Аквилеи был одним из могущественных феодалов северной Италии. Его епископами суффраганами были: епископы Беллуны, Ченедо, Конкордии, Фельтре, Падуи, Тревизо, Виченцы, Вероны и др. городов Фриульской и Тревизанской «марок»³⁰. Его обширные земельные владения и большое число вассалов, почти постоянная поддержка императоров, сюзеренов патриархата, делали его опасным противником не только патриарха Градо, но и самой Венеции, поскольку ее владения были уязвимы с суши. Отказавшись в конце концов от супрематии над «морской» Венецией, патриарх Аквилеи с тем большим упорством стремился сохранить ее в Истрии.

Почти каждый папа XI в. должен был решать этот спор. Сергей IV (1009—1012) считал епископов Истрии

суффраганами патриарха Градо. Мирить Градо с Аквилеей приходилось и Бенидикту VIII (1019—1024), поддерживавшему линию Сергия IV; но Иоанн XIX в первый же год своего погтификата (1024) стал на сторону Аквилеи и не только подчинил Истрию последней, но признал зависимым от Аквилеи самого патриарха «морской» Венеции, патриарха Градо³². В это время пост аквилейского патриарха занимал воинственный Поппо, не замедливший воспользоваться расположением к нему «св. престола» и организовавший грабительский налет на Градо. Впоследствии это благоволение Иоанна XIX к Аквилее—это *detestabile nefas*—не могли объяснить в Венеции иначе, как «дьявольским навождением» (*diabolo svadente*). Дьявол тут, впрочем, был не при чем: папы в это время еще зависели от императоров, а Конрад II был настроен по отношению к венецианцам в высшей степени враждебно, тогда как Поппо был его ставленником. Собор 1027 г., происходивший в присутствии Конрада, подтвердил еще раз решение о зависимости Градо от Аквилеи³³. Вынести решение еще не значит привести его в исполнение,—в Венеции, конечно, не обращали на него никакого внимания; но тем не менее при первой же возможности постарались вовлечь «св. отца» в русло своей политики. Бенедикт IX в 1044 г. отменил решение Иоанна XIX и постановление собора 1027 г. и даже побуждал Аквилею возместить Градо убытки, причиненные в свое время разбойничьим нападением Поппо. Несколько лет позднее, Лев IX и соборы—Латеранский 1049 г. и Римский 1053—еще раз вынесли решение о подчинении истрийского епископата венецианскому патриарху³⁴. Однако папа Александр II на Мантуанском соборе 1074 г. провел решение, которое говорит о признании за Градо только Венецианского дуката и не упоминает об Истрии,—знак, что церковное влияние Венеции в Истрии вновь пошатнулось. От 1075 г. сохранилось письмо папы Григория VII, в котором он жалуется дожу на бедственное положение патриаршей кафедры в Градо и просит его оказывать патриарху материальную поддержку, соответствующую достоинству его сана³⁵. С большой вероятностью можно говорить в связи с этим, что доходы венецианского митрополита сильно сократились вследствие прекращения поступлений от истрийских церквей.

Проблема церковной зависимости Истрии от венецианского патриарха перейдет в XII столетие столь же мало решенной, как и проблема политико-экономической зависимости от Венеции истрийских муниципий.

Влияние Венеции на церковные дела в Далмации было еще менее значительным, чем даже в Истрии. Здесь Венеция пока и не претендовала на какую-либо зависимость далматинских церквей от патриарха Градо, — это произойдет только в следующем столетии.

В Далмации до 1067 г. была только одна митрополия с центром в Сплите. Сплитские архиепископы считали себя преемниками митрополитов Салоны. В 1067 г., однако, по воле папы Александра II, возникает архиепископская кафедра в Антивари, митрополия «верхней» Далмации с районом ведения — Котор, Дривасто, Травунья, Босния, Сербия. Вся остальная Далмация, Далмация «нижняя» осталась за Сплитом. Это разделение Фома Сплитский мотивирует несчастным случаем, происшедшим с епископами «верхней» Далмации, следовавшими морем в Сплит³⁶.

Сплитская митрополия охватывала после этого диоцезы епископов Осора, Крка, Раба, Биограда, Тропира, Скадроны, Станьо³⁷. До конца XI в. архиепископ Дубровника находился в подчинении митрополита Сплитского³⁸. Кроме того, хорватские короли выхлопотали создание кафедры в Нине с районом действия, простиравшимся на Цетину, Ольмиш, и даже Хорватию по ту сторону Динарских Альп³⁹.

Церковная распря, поднявшаяся в Далмации вокруг вопроса о славянском богослужении в X в., в XI отнюдь не прекратилась, а даже обострилась, вследствие полного разрыва восточной и западной церквей, происшедшего в 1054 г. На соборе в Сплите 1059 и 1060 гг. еще раз было осуждено употребление славянского языка и писмен, «изобретенных еретиком Мефодием»⁴⁰. Благожелательное отношение Крешимира IV к латинству делало римское влияние в Далмации и Хорватии устойчивым, хотя борьба продолжалась и далее. Нинская епископская кафедра на некоторое время была опорой славянского богослужения, в то время, как в остальных диоцезах «их славянские церкви почти все были закрыты»⁴¹.

История со священником Ульфом или Вуком, подвергшимся преследованиям со стороны латинян, один из фактов этой борьбы. В конце концов борьба эта закончилась полукомпромиссом: часть хорватов сохранила славянский язык при богослужении, но та месса, которую они слушали в своих церквах, была католической, хотя и совершалась по книгам, написанным глаголицей, которую пришлось признать изобретением блаженного Иеронима⁴².

Венецианский правящий класс к религиозным вопросам, как к таковым, относился всегда довольно равнодушно; да это и не могло быть иначе в республике, экономические интересы которой были тесно связаны и со «схизматиками» Востока и с миром ислама. Однако там, где Венеция предполагала обосноваться более или менее прочно, она всегда добивалась религиозного единства с венецианской церковью. Мы будем иметь возможность убедиться в дальнейшем не раз в справедливости этого положения.

Мы уже видели, что именно католическое духовенство далматинских муниципий поддерживало Венецию в то время, когда она впервые выступила у берегов Далмации. Венеция, поэтому, не имея пока возможности сделать большее, довольствовалась тем, что становилась на сторону латинства против «схизматиков», на сторону Рима против Византии, во всех случаях, когда в далматинских городах устанавливалось ее политическое влияние. В дальнейшем она сделает следующий шаг: она захочет подчинить по крайней мере часть далматинских митрополий патриарху в Градо. Но сможет сделать она это, и то только отчасти, лишь в XII столетии.

Все это позволяет сделать тот общий вывод относительно венецианских колониальных притязаний для XI в., что они, натолкнувшись на сопротивление хорватов и сербов, с одной стороны, и на сопротивление самих далматинских городов с другой, нашли себе лишь частичную реализацию в некоторых городах истрийского, а также северной и центральной части далматинского побережья. Наиболее прочным преобладание Венеции было, однако, лишь на островах северной части архипелага: менее значительным оно было в городах северной Далмации и совсем не было реализовано к югу от Сплита.

Слабость экономических и политических позиций Венеции в ее сферах влияния не могла еще быть усилена за счет церковного влияния, так как помимо сопротивления Аквилейского патриархата в Истрии и митрополичьих кафедр в Далмации, Венеция пока не могла заинтересовать своими планами и привлечь на свою сторону папство. Венецианские политики, однако, были терпеливы и умели выжидать, когда это было необходимо.

2. Защита коммуникаций с Востоком

Во второй половине XI в. в Адриатическом море появилась новая сила, которая угрожала запереть Венеции выход в Средиземное море, и это как раз в такое время, когда торговые связи и интересы республики на Востоке быстро возрастали. Этою силой были выходцы из Нормандии.

Они, как известно, появились в Италии в качестве буйных пилигримов, жадных искателей ленов и в качестве наемных солдат как раз в первой половине XI столетия. Это был один из начальных моментов западно-европейской феодальной экспансии, продолжением которой явятся потом крестовые походы.

Упадок Византии, очень непрочню владевшей южной частью Аппенинского полуострова, и феодальный хаос, царивший здесь в это время, облегчали норманам сначала продажу их мечей тому, кто больше даст (катепан Византии, князя Беневента, Капуи и Сполето и др.), потом удовлетворение и более притязательных appetitov. Здесь, на юге Италии, главным образом за счет византийских владений, норманские авантюристы создали себе довольно значительные владения. При этом особенно посчастливилось восьми сыновьям неважного нормандского сеньора Танкреда Отвильского и в особенности двум из них, Роберту Гюискару и Рожеру.

Все новые и новые банды пришельцев с севера усиливают удачливых авантюристов, и Византии, как и арабам, пришлось совсем туго: к середине XI века в руках Византии остаются только Бари, Тарент и Бриндизи. Угроза нависла над арабами в Сицилии. В шестидесятых годах норманам, принятым папой Николаем II под покровительство св. Петра, сопротивляются только Бриндизи и Бари. С этого времени норманская экспансия на

юге Италии идет в двух направлениях: на запад, в Сицилию и на восток, в область Адриатики. В 1062 г. они завладели Мессиной, в 1072 г. в их руках был Палермо, в 1086 г. — Сиракузы⁴³. В 1071 г. были взяты Бриндизи и Бари, и норманы вышли на берега Адриатического моря⁴⁴. Через некоторое время они начали переправляться через него и атаковать его восточное побережье. Мы уже говорили о рейде, организованном одним из нормандских искателей приключений к берегам Хорватии.

Венеция сразу поняла, какая опасность нависла над ее коммуникациями с Востоком: арабская опасность возродилась в новой форме, — оба берега Адриатики могли оказаться в одних руках, и не в руках слабевшей Византии, раздираемой распрями аристократических феодальных фамилий, а молодого и хищного государства с отважным воином, хитрым и неразборчивым в средствах политиком во главе⁴⁵. Неудивительно, что Венеция сейчас же взялась за оружие, как только норманы открыли свои действия в Адриатике нападением на далматинское побережье. Дандоло сообщает нам, что в догат Доменико Сильвио «норманы вторглись во владения далматинцев и произвели здесь опустошения. Дожд, выступив против них, заставил их удалиться, а от жителей Далмации получил крепкое заверение и обещание не допускать норманов в Далмацию»⁴⁶. Это как раз то обещание зависимых от Венеции городов Далмации, с которым мы уже встречались ранее.

Скоро норманы перенесли направление своих ударов к югу, атаковав владения Византии, расположенные по восточному побережью Адриатического моря. При этом норманы не скрыли, что цели их идут гораздо далее этих территорий: в головах норманских феодалов родилась мысль о завоевании если не всей, то по крайней мере значительной части империи, которая сводилась тогда едва ли не к одному только Балканскому полуострову, да и то не в полном объеме. Грозная опасность нависла над восточной империей, которая как раз в это время до последней степени стеснена была тюркской экспансией с востока и севера⁴⁷; но серьезную угрозу это наступление представляло, как мы указывали, и для республики на лагунах.

Жизненные интересы Венеции и Византии совпадали. Император Алексей I Комнин, который в это время овла-

дел византийским тронном, мог рассчитывать на деятельную поддержку со стороны республики св. Марка.

Однако, венецианские политики умели извлекать для себя особые выгоды даже в таких условиях, когда им самим можно было сделать серьезные уступки. Наступление норманов в Адриатике, как уже было указано, представляло большую опасность для собственных интересов республики. Это наступление грозило не только перерезать водный путь, связывавший Венецию с Востоком, но представляло крупную угрозу ее интересам на территории империи непосредственно. В некоторых наиболее важных пунктах Балканского полуострова Венеция уже имела в это время колонии своих земляков⁴⁸. Норманы могли разорвать тонкую сеть экономических связей, которые были налажены венецианскими купцами. События в Византии, непосредственно предшествовавшие войне с норманами, оправдывали, казалось, самые худшие предположения. Венецианцы были кровно заинтересованы пока в поддержании империи, но они пошли навстречу Византии с чисто купеческим эгоизмом, вынудив у императора Алексея такие уступки, которые были чреваты неисчислимыми последствиями для обоих государств — и для Византии, и для Венеции⁴⁹.

Конечно, венецианцы могли быть особенно полезными на море. Задачей Венеции было «выступить со всеми своими морскими силами как можно скорее к Драчу и... выступить в бой с флотом Роберта» — сообщает порфирородная писательница об этих событиях⁵⁰. Действительно, в этой войне венецианский флот показал, что он является серьезной военной силой, а обладательница его, купеческая республика на лагунах, — силой, способной влиять на судьбы международных отношений. Не простым пустословием звучат хвалебные строки Вильгельма Апулийца, направленные им в адрес республики на лагунах⁵¹.

Походу Роберта предшествовал фарс с самозванцем, присвоившим себе имя императора Михаила⁵². Вероятно это была креатура Роберта, которой он хотел завуалировать свои хищнические планы, в состав которых, если верить Ромоальду Салернскому, входило и завоевание Константинополя⁵³.

В мае 1081 г.⁵⁴ Роберт Гюискар, оставив своего сына Рожера в Италии, с другим своим сыном Боемундом на-

правился к восточным берегам Адриатики. После того, как Роберт Гюискар овладел Газтой, Амальфи и Салерно, он получил в свои руки флот, который и позволил ему приняться за реализацию своих честолюбивых планов на противоположном берегу Адриатического моря. С другой стороны некоторые из далматинских городов и прежде всего Дубровник — мы уже об этом говорили — встали на сторону норманов, усилив тем самым их морские силы. Вильгельм Апулиец говорит о «далматинских кораблях, посланных Роберту на помощь по его просьбе»⁵⁵.

Одна часть флота направилась к Корфу и овладела им⁵⁶, другая произвела десант в районе Валлоны и Канины и также овладела этими пунктами⁵⁷. Роберт и Боемунд направились затем вдоль побережья на север и осадили Драч, который мужественно стал защищать только что назначенный императором Алексеем Георгий Палеолог⁵⁸.

Император Алексей наскоро собрал довольно многочисленное, но очень пестрое по своему составу войско и двинулся с ним к Драчу. Вместе с тем он просил помощи у венецианцев, которые по указанным выше причинам поспешили откликнуться на эту просьбу.

Венецианский флот под предводительством Доменико Сильвио прибыл под Драч летом 1081 г. Здесь произошла первая большая морская битва флота Роберта с венецианцами. Она закончилась полным поражением норманов. Описанию этого сражения посвящена вторая глава четвертой книги Анны Комнины. Поражение норманов подтверждают и Вильгельм Апулийский, и Дандоло, вопреки Малатерре; так как и сам Малатерра должен признать снятие осады Драча, то надо полагать, что победа Роберта представляет собою такой же вымысел, как и то, что в этой битве венецианцы применяли греческий огонь⁵⁹. Эта победа позволила венецианцам произвести в районе Драча десант и придти на помощь Палеологу, который удачно продолжал защищать город. Норманы должны были снять осаду и подготовиться к сражению с Алексеем, который приближался к Драчу.

Вскоре в водах Драча показался и византийский флот. Морские силы Венеции и Византии соединились и полностью господствовали на море, отрезав Роберта от **Апулии**. «Пока шла зима, — пишет Анна, — вражеским кораблям нельзя было выйти в море (из-за плохой пого-

ды); ромейский и венецианский флоты к тому же внимательно охраняли морской пролив между обеими землями (Апулия и Балканы), не допускали кораблей и подвоза из Италии (Лангобардии); когда же наступила весна и море стало спокойным, венецианцы первыми, снявшись со стоянки, направились против морских сил Роберта, а к ним вскоре присоединился и Маврих с ромейским флотом. Произошло сильное сражение, — морские силы Роберта показали тыл. Тогда Роберт приказал вытаскать корабли на берег»⁶⁰.

Хорошо начатая кампания, однако, была совершенно испорчена поражением, которое Роберт Гюискар нанес императору Алексею, между тем приблизившемуся к Драчу и вызвавшему к себе на помощь и Палеолога из Драча. И причины поражения, и его масштабы источниками изображаются различно⁶¹, но совершенно ясно одно: сражение было Алексеем полностью проиграно и тем самым были сведены на нет успехи, одержанные на море, и война должна была продолжаться. Сражение произошло 18 октября 1081 г. Приближалась зима, когда Адриатическое море не было безопасным для плавания. Венецианский флот вернулся на свою стоянку в лагуны.

Судьба Драча, за осаду которого Роберт принялся вновь, была решена. Войска Алексея рассеялись, тот и другой флоты удалились. Защитниками Драча были остатки прежнего гарнизона Палеолога, венецианская колония, конечно, очень немногочисленная, да еще небольшое число амальфитанцев. Мужество довольно скоро покинуло защитников и в феврале 1082 г. они сдали город Роберту. В этом событии некоторую роль сыграло, кажется, соперничество фамилий Контарини и Сильвио, — редкий в истории Венеции случай предательства интересов республики из чувства личной мести⁶².

После падения Драча, поражения армии Алексея и удаления флотов на свои зимние стоянки создалась обстановка, чрезвычайно благоприятная для осуществления самых смелых планов Роберта. Однако, он не был в состоянии ее использовать. Императору Алексею удалось парализовать успехи Роберта Гюискара дипломатическим путём⁶³: в Италии ему были противопоставлены некоторые из его вассалов, а император Генрих IV мог теперь отомстить и ненавистному Григорию VII, и его южно-италийскому союзнику. Движение среди италий-

ских вассалов Роберта и появление на севере Италии германского императора заставили его спешно покинуть Балканский полуостров и удалиться в Италию, возложив продолжение войны на своего сына Боемунда.

Боемунд первоначально довольно удачно выполнял возложенную на него задачу: по старой «Егнатиевой дороге» он углубился в Македонию. Его войска взяли Охрид, Касторию, Янину. Император Алексей спешно готовил новую армию⁶⁴ и убеждал венецианцев вновь выступить со своим флотом. Между тем Боемунд перешел в Фессалию, взял Трикалу и осадил Лариссу. Под этим городом его успехи и закончились: Леон Кефала мужественно оборонял город, а войска Алексея своевременно пришли ему на помощь. Боемунд должен был отказаться от продолжения осады и спешно отступить к Адриатике. Все его завоевания были разом потеряны⁶⁵.

Неблагоприятно для Боемунда сложилась обстановка и в его тылу. Венецианцы весной 1083 г. снова выступили в поход и приблизились к Драчу, где находился гарнизон Боемунда. Простояв некоторое время в порту, венецианский флот направился к Корфу, где и соединился с греческим флотом. Союзники овладели рядом укреплений на этом острове. Боемунд, оставив гарнизоны в занятых ранее эпирских городах, удалился в Италию. Венецианский флот вернулся в лагуны.

Тем временем Роберт преодолел трудности, созданные для него византийской дипломатией: феодалы южной Италии были усмирены, большая армия наемников весной 1084 г. направилась к Риму, откуда Генрих IV поспешил отступить. Роберт овладел «вечным» городом и разграбил его⁶⁶. Возвратившийся с Балканского полуострова Боемунд торопил отца продолжать начатое им дело. Роберт приступил к подготовке новой экспедиции. В октябре 1084 г. он и Боемунд смогли снова сесть на корабли и выступить к восточным берегам Адриатики⁶⁷.

Армия Роберта, отправившись из Бриндизи, высадилась между Валлоной и Бутринто и здесь соединилась с остатками армии Боемунда. Для Византии опять оказалось трудное положение. Но и Венеция не могла допустить торжества норманов. Поэтому она вновь откликнулась на просьбу Алексея о помощи и, снарядив большой флот, в третий раз направила его к спорным бере-

гам. В этом походе сам Доменико Сильвио, кажется, не принимал непосредственного участия.

Венецианский флот первоначально имел значительный успех в районе Корфу⁶⁸. На широте Кассиопе в ноябре 1084 г. флот Роберта понес серьезное поражение, и венецианцы уже сообщили о своей победе в Венецию. Однако через несколько дней недалеко от Пассари произошла новая битва, которая закончилась для венецианцев катастрофой. Из общего количества 59 судов разных типов, выступивших из Венеции, было потеряно около 10 больших кораблей, погибли тысячи матросов и солдат⁶⁹. Поражение будто бы было вызвано тем, что венецианские корабли были слабо балластированы, а потому и неустойчивы⁷⁰. Эта неудача стоила Доменико Сильвио трона: он был низвергнут и удалился в монастырь⁷¹.

Роберту казалось, что наступил благоприятный момент, для того, чтобы разъединить союзников. Он обратился к венецианцам с предложением мира. Однако правящий класс Венеции был настолько серьезно заинтересован в провале норманской затеи, что республика ответила решительным отказом: «Знай, Роберт, что если бы мы даже видели гибель своих жен и детей от твоего меча, — говорили будто бы Роберту венецианцы, — то и тогда мы не отказались бы от союза с самодержцем Алексеем⁷². Ответ был совершенно искренним, так как на карту были поставлены самые насущные интересы Венеции, которая уже успела в это время добиться таких уступок со стороны императора Алексея, каких она наверное не смогла бы добиться от Роберта.

Действительно, новый дож Витале Фальеро с необычайной энергией готовился к кампании 1085 г. Пострадавший в ноябре флот был пополнен и в конце 1084 г. уже был готов к действию. Война, таким образом, продолжалась. Венецианцы в новом походе действовали гораздо более счастливо, чем в предыдущую кампанию, они одержали над флотом Роберта значительную победу и, господствуя, таким образом, на море, сделали для Роберта рискованным всякое продвижение вглубь полуострова. Роберт попытался перенести базу своего флота несколько южнее, поручив одному из своих сыновей занять Кефалонию. Это ему удалось, но конец норманской затеи был близок. На Кефалонии Роберт заболел и в июле 1085 г. умер. Его сыновья Рожер и Боемунд поспешили в Италию, чтобы поделить между собою наследство отца.

Первое нападение норманов было отбито. Венеция по праву могла гордиться достигнутым успехом⁷³. Она избавилась от очень опасного для ее коммерческих интересов соседства; она заполучила от Византии исключительно важные экономические уступки; ее военная мощь должна была отныне внушать к себе уважение со стороны соседей; ее далматинские и истрийские приобретения получали особый смысл и значение. Венеция до конца останется верной этой своей политике по отношению к норманам, она неизменно будет на стороне Византии всякий раз, когда норманские притязания в отношении Восточной империи будут выходить за рамки простого грабительского набега.

3. Новый противник на берегах Адриатики

В момент, когда угроза со стороны норманов миновала, а положение в Далмации могло казаться стабилизировавшимся, внимание венецианских политиков должны были привлечь два новых крупных политических события международного значения: на западе — это усиливавшаяся проповедь крестового похода, а на востоке, в непосредственной близости к сфере территориальных интересов Венеции, — выход Венгрии на берега Адриатики. Последнее событие особенно близко затрагивало интересы Венеции, но и восточные проблемы, поднятые крестовосной проповедью на западе, требовали к себе самого пристального внимания. Венеция пока не могла быть одновременно сильной разом в нескольких местах, — можно было, поэтому, ожидать частичных и временных неудач.

Впервые венецианцы познакомились с венграми еще в период их опустошительных набегов на различные территории Западной Европы. В 899 г. они появились в северной Италии и напали на острова лагун. На кожаных мешках переплыли они незначительное водное пространство, которое отделяет острова от материка, сожгли поселения на Иезоло, пытались даже атаковать Риальто и Маломокко, но были отражены морскими силами республики под начальством дожа Пьетро Трибуно (888—911)⁷⁴. Теперь время таких набегов миновало. Венгрия

уже около столетия выступала в качестве организованной политической силы.

В XI в. предметом ее внимания делается Хорватия, включая и далматинское побережье. Отвергая все, что касается вмешательства Венгрии в далматинские дела до последнего десятилетия XI в., мы ставим это вмешательство в связь с теми процессами феодального распада в Хорватии, которые, как мы видели, особенно усилились здесь после смерти Звонимира. Столкновения у хорватов с венграми бывали и ранее, но только в это время создавалась в Хорватии обстановка, казавшаяся богатой чрезвычайно важными политическими последствиями для обеих стран. Хорватские феодалы вмешали венгров в свои распри. Жена Звонимира, сестра венгерского короля Владислава и кое-кто из представителей хорватской феодальной знати адресовались для прекращения неурядиц в Венгрию. Это дало Владиславу повод вступить в Хорватию с большой армией. Фома Сплитский сообщает, что отдельные города и замки сопротивлялись, но так как «действовали розно», не помогая друг другу, то конечный успех Владиславу был обеспечен: Владислав сумел занять всю территорию Хорватии до самой Далмации. Только нападение на Венгрию печенегов заставило Владислава отказаться от продолжения похода и оставить Далмацию в покое⁷⁵. Королем Хорватии Владислав посадил своего племянника Альмуша в качестве вассала венгерской короны. При преемнике Владислава Каломане (1095—1114) в Хорватии поднялось движение против венгерского ставленника, но с этим движением Каломан без особого труда справился. Теперь было ясно, что его планы шли далее, по ту сторону Динарских Альп: «Он, — говорит нам Фома Сплитский, — поставил свою задачей подчинить своему господству всю страну вплоть до моря Далматинского»⁷⁶.

Венгры выходили на берега Адриатики, — Венеция должна была насторожиться. Первые годы после овладения венграми Хорватией прошли в довольно дружественном препирательстве обеих сторон по поводу того титула, который только недавно приняли на себя венецианские дожи, и на который теперь стали претендовать и короли венгерские. Венецианцы, по-видимому, протестовали против захвата венграми Хорватии, — ведь дож был герцогом не только далматинским, но также и хорват-

ским. Коломан, несколько помедлив с ответом и извинившись в этом промедлении, — надо было обсудить письмо венецианцев, — направляет ответную ноту специальным послом, содержание которой он называет «дружественным соглашением» (*conventia amicitiae*). В ноте дожименуется своим недавним полным титулом и король ему обещает: «все укрепленные пункты, все подчиненные твоей власти места мною и моими людьми будут охраняться и не будут подвергаться никакому беспокойству»..., а если бы это случилось, и виновный не был обнаружен, то король возмещает причиненный ущерб. Однако венгерского короля смущает одно обстоятельство (*in principiis meis et sensis dubium videtur*), которое, собственно, и является центральным пунктом ноты: «А надо или нет, — пишет король дожу, — именовать тебя герцогом Далматинским и Хорватским?». По мнению Коломана, дожу лучше было отказаться от этого титула «для сохранения дружбы» и «во избежание конфликтов в будущем» (*ne alter alteri adversemur*)⁷⁷. Венеция, разумеется, держалась на этот счет другого взгляда, но ее взоры все более и более приковывались к тому, что в это время делалось на Востоке. Поэтому вести дело к разрыву в ее расчеты пока не входило, и видимость дружественных отношений ею пока не нарушалась. В данное время — это происходило в 1097 г. — Венеция не могла противопоставить Коломану ни своей, ни чьей-либо чужой силы; но республика св. Марка умела там, где это было нужно, выжидать и не торопиться. Она представляла пока инициативу разрыва «соглашения о дружбе» самому Коломану.

Нам кажется неправдоподобным известие Дандоло о попытке Венеции использовать силы венгров тотчас после их появления на берегах Адриатики для борьбы с норманами. Дож Витале Микьеле (1096—1102) заключил будто бы с Коломаном договор, по которому Венгрия и венецианцы совместно должны были напасть на норманов, атаковав их непосредственно в Италии. Венецианцы будто бы дали корабли, а венгры — солдат, но поход не вышел за рамки простого грабежа Апулийского побережья⁷⁸. Сомнительным нам это известие кажется потому, что оно не укладывается в рамки тех условий в которых Венеции в это время приходилось действовать ей незачем было беспокоить норманов в Италии, кото-

рые перестали быть опасными; ее флот готовился в это время к экспедиции на Восток; ей незачем было, наконец, впутывать в адриатические дела государство, которое явно готовилось стать противником ее в Адриатике. Кроме всего этого матримониальные переговоры Коломана с Рожером Сицилийским в 1097 г. также исключают какие-либо враждебные действия между венграми и норманами⁷⁹.

Устроив венгерские дела, убедившись в том, что Венеция слишком увязла в делах на Востоке — ее флот в 1099 г. отправился к берегам Сирии — Коломан решил приступить к реализации своих планов относительно Далмации. В 1002 г. он выступил к берегам Дравы. Хорваты, решив, по-видимому, еще раз воспротивиться венгерской экспансии, выступили ему навстречу. Здесь на берегах Дравы обе стороны вступили в переговоры и сошлись на том, что хорватские феодалы признают венгерского короля своим сюзереном, а он гарантирует им и зависимым от них людям свободу от всяких налогов и повинностей, кроме военной. Последняя должна была заключаться в том, что каждый вассал по зову своего сюзерена должен являться с 10 всадниками, содержание которых относится за их счет, если их силы используются к югу от Дравы, в противном случае содержание их ложилось на короля⁸⁰. Измена хорватской знати еще раз отдала Хорватию в руки венгерского короля. Теперь очередь была за Далмацией.

Венгры вступили в Далмацию тотчас же. Предметом их завоевательной политики, в первую очередь, были города на суше, так как у венгров не было флота. Нам недостаточно ясны детали венгерской экспансии в Далмации, равно как не бесспорной является и хронология их отдельных приобретений⁸¹. Ряд подробностей венгерского завоевания Далмации передает Фома Сплитский, но он не делает необходимой хронологической ориентировки. С большой степенью вероятности можно, однако, проследить ход венгерской экспансии на берегах Адриатики по некоторым королевским грамотам начала XII в.

Первым или одним из первых объектов завоевательной политики венгерского короля был Сплит. Архидиакон Фома, враждебно настроенный по отношению к венграм, передает, что Коломан, «муж дикого нрава», с большим войском появился на морском побережье и осадил

Сплит⁸². Жители этого города не выразили, однако, большого желания противостоять венграм и вступили с венгерским королем в переговоры. Коломан предложил городу почетные условия, гарантировавшие ему «привилегию свободы», и горожане открыли ворота. Это произошло не позже 1103 г., так как от этого города сохранилась грамота Коломана, подтверждающая права архиепископской кафедры в Сплите на различные доходные статьи и земли, разбросанные «по всей Хорватии и Далмации»⁸³.

Может быть еще ранее, подобно Сплиту, поступили жители Биограда и Задара. Такое предположение заставляет сделать другая грамота Коломана от 1102 г., выданная им монастырю св. Марии в Задаре, в которой значится, что грамота выдана после того, как «состоялся съезд в Белграде, что на море», причем Коломан называет себя в грамоте королем Хорватии и Далмации⁸⁴.

Позднее зависимость свою от Венгрии признал Трогир, — договорная грамота, в которой определяются права и вольности этого города, относится только к 1108 г.⁸⁵, что, впрочем, еще не говорит за то, что только в этом году Трогир оказался под венгерским верховенством, так как дошедшая до нас грамота может быть и не первой, и выданной с запозданием.

Ясно одно: Коломан стремился договориться с далматинскими городами, привлечь их на свою сторону обещаниями льгот и привилегий. Либеральная политика Коломана полностью себя оправдала. Дандоло, который всячески старается представить успехи венгров в Далмации как акт насилия⁸⁶, вынужден все-таки признать, по крайней мере относительно Задара, что Коломан овладел им, «склонив жителей лстивыми обещаниями»⁸⁷.

Венгерский король, насколько об этом можно судить по тем привилегиям, которые получили от него подчинившиеся ему города, действительно мог «прельстить» далматинцев, только что вкусивших от «благ» венецианской супрематии. Король предоставил им право не платить ни ему, ни его преемникам никаких других податей и налогов, кроме двух третей торговых пошлин; они получили право избрания духовенства и лиц городского самоуправления; в их пользу шли налоги и пошлины с иностранцев, прибывавших в их порты морем; от них самих зависело разрешать или не разрешать иностран-

цам селиться в пределах их общин; наконец, во время пребывания короля в пределах городской черты, жители по собственному усмотрению размещают на постой его свиту⁸⁸. Таким образом Коломан, как потом и его преемники, совершенно не вмешивался в экономическую жизнь далматинских городов, предоставляя им в этом отношении полный простор, чего как раз не могла сделать Венеция. Для континентальной Венгрии, основу экономики которой составляло сельское, тогда еще мало товарное, хозяйство, торговые далматинские города не являлись конкурентами, а были в известной мере необходимым дополнением в ее народном хозяйстве; для Венеции же, вся жизнь которой была на море, приморские далматинские города были опасными соперниками и в морской торговле, и в морских промыслах, в частности таком, как добывание соли. Экономическая политика Венеции, поэтому, должна была быть прямо противоположной политике венгров и жизненным интересам далматинцев. Здесь-то и кроется причина и быстрых успехов Венгрии в Далмации в начале XII в., и того упорства, с которым далматинские города стремились вырваться из когтей крылатого льва св. Марка и стать под защиту венгерской короны. Мы, поэтому полностью отвергаем все те соображения, по которым один новейший историк Далмации, Войнович, считает, что венгры «претили» далматинским городам, тем более, что среди этих «соображений» фигурируют также и такие, как «несовместимость расы», «преобладание бюрократии» в системе венгерского управления⁸⁹.

Политика венгров проложила им дорогу к дальнейшей экспансии в Далмации: венгерской короне вскоре подчинились Шибеник, Нин, Клисен, Скордона. Подчинение это, по сообщению автора жития св. Иоанна, было добровольным⁹⁰. Еще несколько позднее, когда венгры, воспользовавшись перевозочными средствами, которые дали им признавшие их супрематию далматинские города, стали распространять свое влияние и на острова Далматинского архипелага, то они опять не встретили никакого сопротивления. Таким образом, им подчинились тогда даже острова северной части архипелага, Раб, Крк и Црес, где венецианское влияние, казалось, было особенно устойчивым. Это произошло около 1111 г.⁹¹.

Этот же политикой объясняется и то обстоятельство, что в последующей борьбе за важнейший город в северной части далматинского побережья, Задар, Венеция всегда была вынуждена овладевать им силой, учиня порой суровые расправы с его непокорными жителями, тогда как венгры очень легко возвращали себе его верность. Не далее как в 1104 г., когда в Задаре началось движение против нового суверена, — несомненно благодаря венецианским проидам, — конфликт был улажен мирным путем, несмотря на энергичную провенецианскую пропаганду и личное руководство сопротивлением епископа Иоанна из Трогира: Задар вновь признал суверенитет венгерского короля, и Коломан милостиво беседовал с прелатом-воином⁹².

Таким образом в течение одного десятилетия Венеция потеряла все свои далматинские владения, которые ей удавалось так или иначе время от времени держать в своих руках в течение XI столетия. Только в Истрии влияние св. Марка, по-видимому, по крайней мере в некоторых городах, продолжало сохраняться, — у нас нет сведений, чтобы Венеции силой оружия или иным путем в ближайшие годы приходилось отстаивать здесь свои позиции.

Останавливает на себе внимание тот факт, что Венеция столь долгое время терпеливо созерцала, как далматинские города один за другим покидали ее знамя и становились под покровительство венгерского короля. Объяснение этому факту мы находим в общей политической ситуации, которая сложилась тогда для республики св. Марка. Она по горло в это время увязла в восточных делах, связанных с первым крестовым походом, в котором Венеция приняла участие — мы об этом уже говорили — с 1099 г.; в 1101 г. она должна была помогать графине Матильде против всегдашней своей соперницы Феррары; несколько позднее она должна была откликнуться на призыв императора Алексея, своего давнего союзника, который в это время готовился к борьбе с Боемундом Тарентским, причем нельзя было и думать об отказе, так как ходили слухи о быстрых успехах, которые делали пизанцы на берегах Босфора⁹³; около этого же времени у нее возник конфликт с Падуей из-за старого вопроса относительно регулирования нижнего течения Brentы и около того же времени начались недоразумения с Триви-

зо и Равенной⁹⁴; наконец, ко всему этому надо добавить катастрофу, постигшую Маламокко, которая как раз произошла в это время, и грандиозный пожар на Риальто в 1106 г., уничтоживший значительную часть центра дуката⁹⁵. Все это вместе взятое заставило политиков св. Марка быть терпеливыми и откладывать счета с венграми до более благоприятного времени.

Аналогичными же были причины, по которым далматинские города не получили в это время никакой помощи от своего верховного сюзерена, императора Восточной империи. Император Алексей также должен был молча созерцать, как венгры присваивали себе старинное достояние империи. Едва только Алексей устранил угрозу со стороны «Сицилийского дракона», как ему пришлось вести ожесточенную борьбу с турецкой опасностью в виде концентрированного наступления феодала и пирата из Малой Азии Чахи — с востока и печенежских орд — с севера. Едва было покончено с этой угрозой, как появилась новая: в 1095 г. началась проповедь первого крестового похода, в 1096 г. на территории Византии появились банды Петра Амьенского, а затем стали подходить и «организованные» крестоносные ополчения. Обстоятельства потребовали далее участия в крестоносном движении и военных операциях в Малой Азии. Еще позднее возникла угроза со стороны авантюристических планов Боемунда Тарентского, и руки у Византии еще раз были связаны.

Венгры хорошо выбрали момент для реализации своих захватнических планов.

* *
*

Естественные условия венецианского дуката ориентировали его хозяйственную жизнь на море. Это дало решительный перевес в социально-политической борьбе той общественной группе, хозяйственные интересы которой тесно были связаны с морем и морскими промыслами. Те трибунские фамилии, которые устремляли свои взоры в сторону континента и феодальных рент после длительного сопротивления вынуждены были к началу IX в. признать себя побежденными.

Внешним выражением этой победы «торговой партии» для внутренней политики Венеции был своеобразный синойкизм отдельных островных поселений и образова-

ние дуката, республики с дуксом или дожем во главе, в принципе избираемым пожизненно. В политическом смысле это была победа идеи централизованного государства над идеей феодального сепаратизма. Для внешней политики Венеции эта победа означала ее ориентацию на Восток, причем ближайшим практическим выражением этой политики была неизменная дружба республики с Византией и совместная с нею борьба против тех ее врагов, которые были или могли быть потенциальными противниками и самой Венеции. Первоначально это были арабы, позднее норманы. В обоих этих случаях это была оборонительная политика, диктовавшаяся необходимостью защиты свободы коммуникаций с Востоком.

Объединение и экономическое усиление правящего класса в Венеции дало ему возможность способствовать довольно долгое время усилению власти дождей, поскольку они олицетворяли идею централизации и поскольку они не могли еще быть опасными для него самого. Это — для внутренней политики. Для политики внешней возrastавшая мощь партии арматоров и купцов имела то значение, что она энергично, начиная с конца X в., активизируется и из оборонительной превращается в наступательную, захватническую. Международная обстановка для претворения в жизнь такой политики была исключительно благоприятной: обе империи — каждая по своему — были слабы; в Италии царил феодальный хаос, обессиливавший здесь ближайших соседей Венеции; едва ли лучше было положение и в областях ближайшего соседства республики с Востока, по восточному побережью Адриатики.

Идея территориальной экспансии практически пригодное и целесообразное, т. е. экономически выгодное и политически возможное, осуществление могла найти пока только на этом побережье, в Истрии и Далмации. Опираясь на провенецианские элементы населения истрийских и далматинских городов, т. е. главным образом, если не исключительно, на духовенство, Венеция создает себе, начиная, примерно, с середины X в., опорные пункты в таких городах Истрии, как Каподистрия, Пула и Паренцо. Наступление в область далматинского побережья, предпринятое в самом конце этого столетия, было заботливо дипломатически подготовлено и представлено в благовидной форме защиты далматинских городов от

славянских пиратов по просьбе самих этих городов. Практическим результатом этой политики было признание венецианского верховенства со стороны Задара, Трогира, Сплита и островов — Раба, Цреса, Крка.

Влияние Венеции во всех этих городах, как истрийских, так и далматинских, в политическом отношении было несомненно слабым, она еще не могла поставить там своих представителей в качестве их приоров или комитов, как это она сделает впоследствии; но экономическое влияние ее здесь несомненно усилилось, и, разумеется, в благоприятном для нее смысле. Внешним выражением этого является возникновение или усиление враждебных чувств «делового мира» этих городов к венецианскому господству, делавшее его крайне ненадежным, хотя духовенство в лице епископов, по-видимому, поддерживало венецианскую политику во всех этих городах до самого конца столетия. Политика подчинения «сфер влияния» в церковном отношении патриарху Градо наметилась уже в это время, по крайней мере для Истрии, но не привела к определенным результатам.

Агрессивная политика Венеции в сторону восточного побережья Адриатики должна была повлечь за собою борьбу с хорватскими королями, которые также претендовали на обладание этим побережьем. Отсюда несколько войн Венеции с Хорватией, которые она вела с переменным успехом, но тем не менее сумела сохранить свое влияние в указанных выше пунктах в отдельные периоды XI столетия. К концу его на берегах Адриатики появляется новый противник Венеции, Венгрия, сумевшая тогда, используя феодальные беспорядки в Хорватии, овладеть ею. С этого времени «адриатический вопрос» принял новую форму: до XI в. он был венециано-славяно-арабским, в XI в. — венециано-славянским, а с конца его — венециано-венгерским. — Это по форме, по существу же вопрос этот с VIII в. неизменно оставался вопросом венециано-славянским.

Значение приобретения Венецией ее первых «сфер влияния» обычно преувеличивалось, особенно итальянскими историками, в действительности оно было довольно скромным: Венеция еще не сделалась тогда ни колониальным государством, ни «царицей Адриатики», но она упорно будет стремиться к тому и другому. Идея колониальной экспансии окончательно становится руко-

водящей идеей венецианской внешней политики. Потеря республикой св. Марка в самом начале XII в. в пользу венгерского короля почти всех ее приобретений в восточных водах Адриатики нисколько не ослабило ни энергии, ни воли ее политиков к дальнейшей борьбе за эту идею. Внешняя политика Венеции в этом столетии активизируется в еще большей степени и примет характер систематического «наступления на Восток» при оборонительной до поры до времени тактике на западных границах.

Раздел третий

НАТИСК НА ВОСТОК

В XII в. Венеция сделала замечательные успехи на пути к образованию своей колониальной империи. Как и ранее, это было внешнеполитическим результатом больших успехов в области экономического развития республики, своеобразия ее социального и политического строя, редкой последовательности и целеустремленности ее политики и благоприятной для нее международной обстановки.

Хозяйственный подъем Западной Европы, начавшийся в XI и продолжавшийся в XII в., общеизвестен. Закон обязательного соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил позволяет усматривать в качестве основной причины экономического подъема Венеции и многих других городов и районов Европы в том, что производственные отношения и производительные силы этих районов находились в XII в. в такой степени соответствия, которая обеспечивала необходимые условия для быстрого развития феодального хозяйства. В этом столетии, равно как и в предыдущем, производительные силы Венеции еще не достигли такого уровня развития, при котором феодальные производственные отношения, феодальный строй в деревне и складывавшийся ремесленно-цеховой строй в городе, препятствовали бы экономическому развитию общества. Производственная техника в сельском хозяйстве еще не требовала свободного наемного труда, а производительные силы в ремесленном производстве могли достаточно успешно развиваться в рамках цехового ремесла.

В XII, как впрочем и в предыдущем XI столетии, и особенно в последующем XIII, несколько увеличивается товарность сельского хозяйства и быстро растет ремесленно-цеховое товарное производство. Для посреднической роли Венеции в торговле между Западом и Востоком общий хозяйственный подъем Европы имел огромное значение. Он дал возросшие товарные массы в руки венецианских купцов, он увеличил спрос на восточные товары. Затем огромные волны феодальной колонизации Востока, известные под названием крестовых походов, создали исключительную по своим масштабам, разнообразию и многосторонности среду для широчайшего проявления инициативы венецианских арматоров, купцов и ростовщиков, создали благоприятную сферу для деятельности быстро возраставшего торгового и ростовщического капитала Венеции, которые, по выражению Маркса, «достигают зрелости в самых различных общественно-экономических формациях»¹. Наконец, у Венеции в этом столетии появились новые источники роста ее хозяйственной мощи: эксплуатация приобретенных «сфер влияния», использование торговых льгот и преимуществ, полученных в отдельных странах и эксплуатация собственных граждан при помощи системы государственных займов².

Глава седьмая

ВЕНЕЦИЯ В ПЕРВЫХ ВОЛНАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОКА

Крестоносное движение—это грандиозная попытка феодальной колонизации Востока. Основной движущей силой крестовых походов были духовные и светские феодалы, их целью—добывание новых ленов и новых масс крепостных. Социальные элементы иного хозяйственного склада, городская часть движения, преследовали также колонизационные цели, но они искали на Востоке, в первую очередь, новых рынков для закупки и сбыта сырья и товаров. Для этой части крестоносного движения склад-

ские помещения, лавки, рынок — основное; земельные приобретения, феодальная рента — дело второстепенное, попутное. Крестьянская часть движения искала спасения от голода и крепостнического гнета¹.

«Буржуазная» волна крестоносного колониационного потока представлена в первый его период значительно слабее, чем церковно-рыцарская; тем не менее роль ее была огромной. Это понимали отчасти и современники², еще яснее это стало позднее³. Роль торговых городов в крестоносном движении, как известно, была двойной: с одной стороны это были различные виды обслуживания грандиозного потока, устремившегося на Восток⁴, а с другой — непосредственное и активное участие в крестоносных военных операциях. Трудно сказать, какая из них была важнее. В первой из этих ролей италийские города выступили в тот день, когда первому рыцарскому отряду пришла мысль предпочесть спокойное плавание по морю многотрудному сухому пути во «святую землю», временно сменить рыцарское седло на скамейку торгового корабля. Активные операции расчетливых купцов начались позднее, лишь после того, как движение дало известные результаты.

Венеция едва ли не первой выступила в первой из этих ролей и последней — во второй. Нелепостью является столь часто высказывавшаяся мысль, что участие Венеции в крестовых походах диктовалось благочестием венецианских купцов. Фрате Салимбене в XIII в. лучше понимал венецианцев, чем некоторые современные историки, когда он писал: «Венецианцы — люди жадные, упорные и суеверные; они захотели бы захватить весь мир, если бы только смогли»⁵.

Отношение Венеции к крестоносному движению было двойственным. С одной стороны, коммерческая выгода участия в нем была очевидной: венецианские арматоры и купцы теперь много могли заработать на транспорте, на продаже крестоносцам разнообразных товаров. С другой стороны, однако, многое в этом движении могло вызвать и беспокойство: движение направлялось на Восток, где у венецианцев уже давно были завязаны торговые взаимоотношения, им угрожал разрыв; оно должно было широко охватить территорию Византии, где только что удалось добиться исключительных при-

вилегий, здесь с уверенностью нужно было ожидать усиления торговой конкуренции не только со стороны итальянских торговых республик, но и других средиземноморских торговых городов Европы, французских, в частности; наконец, Венеция находилась в конце XI века в наилучших отношениях с Восточной империей, отрицательное же отношение императора Алексея к западно-европейской затее венецианским политикам, несомненно, было известно,—надо было опасаться осложнений с этой стороны. Все это диктовало необходимость осторожной и осмотрительной политики.

Основные конкуренты Венеции в восточных водах, Генуя и Пиза, несколько ранее чем Венеция, преодолели колебания, вызванные и их смущавшими широкими захватническими планами крестоносцев,—им здесь пока терять было нечего; но и они не особенно торопились. Пизанские анналы Марангона относят выступление пизанского флота на Восток только к 1099 году⁶, а Генуэзские анналы Кафаро для генуэзского флота указывают еще более поздний срок, 1100 год⁷; возможно, однако, что анналисты имеют в виду не первые выступления своих сопраждан, а те, что вызвали у современников и ближайшего потомства наибольший интерес. Нужно считать бесспорным, что официальная Венеция выступила последней⁸,—возможно даже, как это обычно и предполагается, что именно некоторые успехи на Востоке генуэзцев и пизанцев положили конец колебаниям политиков св. Марка⁹.

1. Социально-экономическое и политическое развитие Венеции в XII в.

Для того, чтобы понять и правильно оценить ту большую международную роль, какую республика св. Марка играет в XII и начале XIII века, необходимо конкретизировать высказанные выше общие положения об успехах Венеции в области экономического, социального и политического развития в это время.

Пути этого развития определились вполне уже в предшествующие столетия. Как и ранее, при относительно слабом развитии сельского хозяйства, в Венеции

расширяется добыча соли, совершенствуются разнообразные ремесла, посредническая торговля охватывает большую часть Европы, переднюю Азию и северную Африку. В области социальной происходит дальнейшее усиление и сплочение господствующего класса при более глубокой социальной дифференциации остального населения. В сфере внутренней политики продолжается процесс аристократизации управления городом-государством при установлении соответствующих этому процессу конституционных форм, а в области внешней политики с еще большей энергией, чем ранее, преследуются экспансионистские цели.

В XII в. феодальное землевладение не только консолидируется, но, вероятно, происходит и некоторый его рост. Территориальная экспансия Венеции облегчала поступательный ход этого процесса. Дарения дождей монастырям и церквям продолжались, покупки и инфеомирование увеличивали земельные владения знати. В 1164 году дож Витале Микьеле дарит церкви св. Марка доходные статьи от различных венецианских владений в Триполи¹⁰. В 1165 г. тот же дож инфеомирует Леонардо Моросини комитат Осор в Далматинском архителатге¹¹. В своих завещаниях знать говорит о принадлежащих ей «вотчинах» на территории дуката и за его пределами,—фамилии Бодзоэро, Микьеле, Циани фигурируют в этих документах. «Вотчина» (*alodium*) Угеро Бодзоэро на морском берегу в районе Кьоджии состоит в 1187 г. из «земель, домов, вод или салин»; «вотчина» дожа Витале Микьеле в районе Палестрины включает в своем составе около 1170 г. «земли, виноградники, салины»; Циани владеет «землями, домами, виноградниками, салинами, лугами в районе епископата Кьоджии»¹². М. Мерорес сделала выборку из Государственного Венецианского Архива по рубрикам *manì mortì* имен владельцев участков для разработки соли в XII в., причем среди 42 владельцев салин оказалось 20 монастырей и церквей, а среди светских владельцев выступают имена венецианских нобилей—Кандиано, Фоскари, Градениго, Фальери, Моросини и т. д.¹³.

Некоторый рост феодального землевладения за счет приобретенных земель или покупок их за пределами дуката ни в какой мере не мог поспеть за быстро возросшим спросом на хлеб и другие продукты питания

города на лагунах. Диспропорция между спросом и предложением становилась все более ощутительной, и проблема питания многочисленного городского населения была уже в XII в. одной из первых забот венецианского правительства. Высшие магистраты республики при вступлении в должность дают клятвенное обещание заботиться о продовольственном снабжении города¹⁴. Возникает сложная система регулирования хлебной торговли, всячески поощряется завоз и категорически воспрещается вывоз хлеба из Венеции¹⁵.

Венеция много производила соли, вероятно гораздо более, чем в предшествующее время. Добыча соли производилась в районе Дорсудуро, Мурано, Торчелло, Бурано и особенно Кьоджии и Палестрины. Вопрос организации торговли солью, которая уже давно, как мы видели, была предметом экспорта, становился не менее важным, чем проблема продовольственного снабжения. Салины дают верный доход и потому охотно скупаются знатью, рента салин служит предметом дарений и завещаний¹⁶.

Венеция быстро увеличивала свое население отчасти за счет притока его извне, из-за пределов дуката. Это население находило заработок в ремеслах и морской торговле Венеции.

В XII в. ранее существовавшие отрасли ремесленной промышленности, как и всюду в Европе, получают дальнейшее развитие. В это время мы видим: шелковое и стеклянное производство; выделку мехов и переработку кожи; изготовление всего, что нужно было для оснастки кораблей—канаты, паруса, цепи, якоря; приготовление ювелирных изделий; обработку металлов и, в частности, изготовление оружия — панцирей, копий, мечей, щитов; постепенное увеличение производства тканей из шерсти и хлопка; чеканку венецианской монеты, больших и малых венецианских «прошей»; изготовление платья, — венецианцы поражали современников красотой и роскошью своей одежды; развитую строительную и кораблестроительную отрасли промышленности; деревообработку... Мы имеем основание утверждать, что уже в XII в. венецианские ремесленники были организованы в цехи, именовавшиеся тогда «школами» (*scollae*). К 1142 г. относится интересный документ под заглавием: «Порядок процессий и шествия школ», в котором дож и

представители высшего духовенства точно определяют маршрут шествия ремесленников в день «Очищения св. Марии» от дворца дожей по направлению к церкви этого наименования¹⁷.

Еще большее развитие по понятным для Венеции причинам получила торговля, в частности, торговля посредническая. Мощные, разумеется относительно, товарные потоки из Венеции направлялись в страны Западной Европы отчасти своего, а в еще большей степени восточного производства, отчасти прямо, отчасти через посредство иноземных купцов, — «Торговый немецкий двор» в Венеции возник, по уверению его специального исследователя, до 1200 года¹⁸. Обширная сеть венецианских торговых пунктов, торговых «дворов», торговых кварталов отдельных городов покрывала в XII в. побережье восточного Средиземноморья. Караваны венецианских кораблей пересекали восточные воды по всем направлениям, отдельные суда плавали между ближними и дальними портами. Они везли на Восток товары западного производства, чтобы погрузить здесь товары Востока. Высокая прибыль заставляла пренебрегать опасностями «от людей и моря». Риальто стал узлом международного обмена. Здесь составлялись планы торговых операций; здесь возникали торговые организации различной формы; здесь заключались сделки, платежи по которым надлежало учинять в Сирии, в Константинополе, в Александрии; отсюда уходили и сюда приходили караваны торговых кораблей¹⁹.

Безусловное преобладание в хозяйственной жизни республики торговли и торговых интересов, быстрый рост богатств, накопленных морской торговлей и морским разбоем, чрезвычайно усилили социальную значимость того общественного класса, представители которого принимали в этой деятельности участие. Давно прошли те времена, когда землевладельческая знать оспаривала власть у венецианских купцов. Разница между знатью и купцами сгладилась. Землевладельцы покидают свои замки на островах лагун и переселяются на Риальто²⁰. Торчелло, Иезоло, Гераклея постепенно мельчают и превращаются в захолустья. После каждого пожара Риальто застраивается все более величественными и красивыми зданиями. Новые храмы поднялись над деревянной Венецией, перестроены были старые храмы.

Дворцу дождей начали подражать разбогатевшие нобили. Риальто становится символом могущества создавшего его класса. Землевладельцы ведут торговые операции, купцы покупают земли. Теперь это — класс, отчетливо осознавший свои интересы, ставшие у обеих его групп тождественными. Это — нобили. Они составляют верхнюю, привилегированную группу «граждан».

Высшие представители венецианского клира — патриарх, епископы, аббаты и аббатисы вербуются по-прежнему из этого класса. Богатые патрицианки, вступая в монастырь св. Захарии, сохраняли свое личное богатство, и не без труда папе Евгению III удалось добиться того, чтобы нобили, принимая монашество, не сохраняли за собою личного имущества в виде земельных владений²¹. В этом, впрочем, и не было необходимости. Земельные владения монастырей были велики и продолжали расти. Монастырю св. Николая принадлежали владения и «права» в Константинополе, Коринфе, Драче, Родосе, Альмиро, Иерусалиме, Акре, не говоря уже о землях в районе Болоньи, Падуи и в Истрии²². Монастырь св. Георгия имел «весьма» многочисленные владения не только в Венецианском дукате и королевстве Италийском, т. е. в районах Падуи, Тревизо, Триеста, Вероны, Болоньи, Римини, но также и в заморских землях, в Константинополе и св. земле²³.

Ниже нобилей стоит «народ», «популярны». Это, прежде всего, основная масса населения, которая организуется в цехи. В руках этой социальной группы сосредоточивается производство и обслуживание морской торговли. Значение этого социального слоя настолько ниже значения знати, насколько экономическое значение производства в Венеции того времени было ниже значения торговли. При всем том это все-таки «граждане».

Граждане противостоят не гражданам, иностранцам, «обывателям», *habitatores*, как называли в Венеции долго проживавших здесь иностранцев; однако и они в конце концов становились «гражданами» и особенно те из них, которые принадлежали к представителям «свободных профессий» — врачи, адвокаты, грамотные люди вообще²⁴.

Основная масса крестьянства на территории дуката была, по-видимому, свободной. Некоторые документы Государственного Венецианского Архива от XII в., опубли-

ликованные еще М. М. Ковалевским, говорят об этом достаточно убедительно. Нельзя согласиться только с тем, что взаимоотношения землевладельца и крестьянина, сидевшего на его земле, регулировались нормами римского права, как это думает М. М. Ковалевский²⁵. Мы уже указывали выше, что за старыми терминами надо искать новых социально-экономических отношений.

Едва ли можно сомневаться в том, что кое-где в небольших землевладельческих районах дуката сохранялись еще и крепостнические отношения²⁶. Это во всяком случае можно утверждать относительно церковных и светских владений за пределами дуката, в «марках» и особенно во Фриуле и Истрии.

Несомненно, по-прежнему было довольно много рабов преимущественно в качестве домашней прислуги. Диплом Фридриха Барбароссы гарантировал венецианским богатым неприкосновенность их достояния, заключается ли оно в различных видах имущества, или в рабах и рабынях²⁷. На рабах, помимо обслуживания своих господ, лежала также и тяжелая обязанность приводить в движение веслами тогдашние военные суда, галеры. «Галеотти», как их тогда называли, могли быть рабами и не в полном смысле этого слова: в Венеции существовала форма временного закладничества, превращавшая на определенный срок в раба и свободного человека. Среди «галерников» такой элемент не был, по-видимому, редкостью²⁸.

В заключение этой краткой характеристики хозяйственного и социального облика Венеции в XII в. следует поставить вопрос о типе производственных отношений. Как мы уже видели, эти отношения нередко назывались капиталистическими, — мы их называем феодальными.

Владельцами земли и салин являются крупные земельные собственники, духовные и светские. Не говоря уже о зависимом населении поместий, взаимоотношения свободных крестьян и землевладельцев, несмотря на внешнюю форму римских правовых отношений типа *locatio—conductio*, по существу являются феодальными. Двадцатидевятилетний срок «аренды» — чистая формальность, — в действительности это бессрочное и наследственное держание. Грамота 1159 г., извлеченная Ковалевским из архивов, говорит о держании на условиях, которые существовали «у наших отцов и дедов»²⁹. Гра-

мота 1187 г. позволяет держателю переуступить его право только лицу, «на которое может быть возложена плата феодальной ренты»³⁰. Фактическую бессрочность держания признает и сам М. М. Ковалевский, настаивающий на римских правовых отношениях в деревне³¹. Больше того, он должен был признать на основании им же приведенного документа, что «к чисто экономической зависимости присоединяется еще признание со стороны арендатора, если не того личного подчинения, в каком крепостной крестьянин стоит к помещику, то, во всяком случае, того проявления внешними знаками суверенитета, какой сеньер отправляет над своими вассалами»³².

Те же самые отношения мы наблюдаем и между владельцами салин и добытчиками соли, на них работавшими. Первые в наших документах называются «патронами», вторые «соучастниками владения». Пользование салинами бессрочно: «они (салины)—читаем мы в одном из таких документов—должны на будущее время находиться в пользовании наших наследников и потомков наших»³³. В большинстве контрактов прямо указывается, что договор заключается «на вечные времена»³⁴. Рента носит натуральный характер и выражается в доле сбора соли в размерах, предусмотренных «местным обычаем»³⁵. По наблюдениям М. Мерорес размер ренты оставался неизменным в течение всего XII столетия³⁶.

Таким образом, перед нами не аренда по римскому праву и тем более не аренда капиталистическая, а бессрочное держание по феодальному праву.

Это же следует сказать и о производственных отношениях в сфере венецианского ремесла. Достаточно указать здесь на то, что уже в XII в. венецианские ремесленники организуются в цехи, что с несомненностью свидетельствует о типично феодальной организации производства.

Переходя к политической организации Венецианской республики в XII в., надо сказать, что теперь вся полнота политических прав принадлежит почти исключительно знати. В сущности таково же было положение и ранее; но тогда политические позиции ослабляло взаимное соперничество двух ее групп. Теперь, когда противоречия этих групп сгладились, фактическое господство знати постепенно облекается в конституционные формы. При формально монархической организации государственной власти в Венеции это означало постепенное огра-

ничество власти дожа и передачу его функций по управлению различным новым учреждениям и группам магистратов, от него независимым. Именно в этом направлении и происходила перестройка политической организации республики.

Венецианский патрициат, в свое время борясь против центробежных феодальных сил, стремился усилить власть дождей, олицетворявших в себе идею политического единства; когда опасность феодального раздробления миновала, венецианская знать поставила своей задачей взять управление государством непосредственно в свои руки, превратив дожа в опекаемого со всех сторон и находящегося под бдительным контролем магистрата.

Этот процесс начался еще в XI в., когда в 1032 г. дожам запрещено было назначать себе «соправителей»³⁷. В следующем столетии эти ограничения становятся более многочисленными и касаются уже функций по государственному управлению. В 1160 г. ограничивается власть дожа по управлению заморскими владениями Венеции; с 1165 г. он не может отчуждать государственного имущества; в семидесятых годах ограничивается его право распоряжаться государственной казной; постепенно дож лишается права назначать должностных лиц и при том не только высших, но также и низших категорий, за исключением тех, которые работали в сфере его непосредственного ведения³⁸. Теперь не только «верные» приносят клятву вновь избранному дожу, но и сам дож в торжественном «обещании» принимает на себя все возрастающий ряд обязательств перед «коммуной» т. е. в сущности перед знатью³⁹.

И Венеция не избежала вспышек борьбы между духовною и светскою властью, столь характерных для средневековья на Западе. Дож Пьетро Поляно (1130—1148) и патриарх Герман «для устранения разногласий» не раз прибегали к папскому посредничеству: Целестин II, Люций и Евгений III мирили дожа с патриархом, папа Евгений в угоду патриарху в 1147 году отлучил даже Пьетро Поляно от церкви. Предметом споров было, как и всюду, — по мнению церковников — вмешательство светской власти в дела церкви, а по определению светской власти, — вмешательство патриарха в дела мирские, в частности во внешнюю политику⁴⁰. В Вене-

ции, при дружной поддержке дожа феодалами, армато-рами и купцами, победа осталась за дожем. Венеция в конце юнцов была наименее клерикальным государством средневековья.

В сороковых годах XII в. появляется в венецианских источниках понятие «Венецианской коммуны». По своей идее—это все государство, все его население; практически — это венецианский патрициат, венецианская знать, сконцентрировавшаяся на Риальто⁴¹. Политическое значение «общины» возрастает, значение дождей падает, хотя в документах, в частности, в дипломатических, они выступают рядом и дож даже впереди своего суверена, каким «община» становится по отношению к дожу. Они делят между собою управление, как делят и казну: рядом с «камерой» дожа появляется «камера» коммуны. Доходы последней, как и политическое значение, гораздо больше первой.

В сороковых же годах выступают и ближайшие советники дожа под разными наименованиями — *preordinati*, *consiliatores*, *sapientes*⁴². Из них в два следующих десятилетия образуется Большой Совет в составе по числу членов неопределенном⁴³. Еще несколько позднее, в восьмидесятых годах во всяком случае, появляется и Малый Совет в составе шести членов по одному от каждой «сестере» (1/6) Венеции⁴⁴, хотя самый термин Малый Совет появляется только в 1207 г.⁴⁵ Члены обоих Советов «избираются» ежегодно, хотя и в разное время, в марте и сентябре. Большой Совет стал выполнять функции суверена, Малый Совет—функции правительства⁴⁶. Разумеется, ряды обоих Советов заполнялись представителями знати,—в них она нашла конституционное оформление своей власти. Метод «выборов», осуществлявшихся путем кооптации особыми комиссиями из представителей знати, гарантировал аристократический характер обоих учреждений.

Вероятно с конца XII в. функционирует также и «Кваранция», судебная коллегия в составе 40 членов, Совет Сорока⁴⁷. Возможно, что члены этой коллегии долго скрывались под именем «судей», выступавших рядом с дожем⁴⁸.

В это же время или несколько позднее появляются различные коллегии магистратов, из которых особо важное значение приобретают «адвокаты коммуны», ве-

давшие, между прочим, казной коммуны. Возникает далее коллегия «нарочито приглашенных» *rogati* или *pregadi*⁴⁹, которые превратятся позднее в *consilium rogatorum*, или Сенат республики.

Венецианская аристократия прибрала целиком к своим рукам и высшие духовные должности и не только в том смысле, что посты патриарха и епископов занимали ее представители, но также и в том, что «выборы» происходили под ее контролем. «Обещание» Якопо Тьеполо, относящееся, правда, к 1229 г., устанавливает, что «выборы» патриарха осуществляются клиром и «народом», но затем следует характерная оговорка: «если только на этот счет не будет иного мнения большинства нашего Совета», т. е. Совета при доже, Малого Совета⁵⁰.

Анализ классового содержания появившегося в восьмидесятых годах уголовного кодекса⁵¹, также свидетельствует о безраздельном господстве класса венецианских арматоров и купцов: кодекс сурово карает нарушение права частной собственности внутри государства, но он же весьма снисходительно настроен по отношению к морскому разбою,—запрещено ограбление только венецианских купцов и «венецианских друзей»⁵²; кодекс угрожает палочными ударами за мелкую кражу, но за крупное воровство, кражу у богатого человека, виновник должен заплатить жизнью⁵³; венецианские купцы, добивавшиеся защиты от «берегового права» у иностранных государей, позаботились о том, чтобы в пределах венецианских владений использование этого «права» каралось беспощадно,—возвращение захваченного в двойном размере при большом штрафе за это преступление гарантировалось в кодексе содержанием виновного в оковах до полной уплаты того и другого, причем дом его подлежал разрушению⁵⁴.

Во всей этой конституционной перестройке венецианского государства характерно не только стремление экономически сильнее класса прибрать к своим рукам все нити государственного управления, но и то недоверие к представителям собственного класса, которым проникнут дух всех этих преобразований: выборы дожа, начиная с 1172 г., обставляются все более и более усложняющейся техникой их проведения; все коллегии правительственного механизма довольно многочислен-

ны, при решении всех вопросов простым большинством голосов и при кратком сроке полномочий членов этих коллегий.

Это недоверие к главе государства, дожу, и к каждому из своих представителей в отдельности не является случайным. Оно свидетельствует о наличии в Венеции еще одной социальной силы, которая, при известных условиях, могла быть использована отдельными честолюбивыми представителями господствующего класса в ущерб его интересам. Этою силой являются «популяры», или «народ», тот нижний слой «праздан», с которым аристократия не хотела поделиться политической властью. В руках этого класса—мы об этом уже говорили—сосредоточено было производство и выполнение «черной работы» в процессах обмена. Не случайным является то обстоятельство, что по мере возрастания экономической значимости этого люда, этого класса, венецианская конституция обставляется все новыми и новыми гарантиями против честолюбивых замыслов дожей и членов высших правительственных коллегий.

Венецианские источники не позволяют нам констатировать ни одного случая массовой борьбы этих классов между собою, не сообщают ни одного факта, который бесспорно мог бы говорить о ее наличии в рассматриваемое время. Несомненно, однако, что такая борьба, хотя и в глухой форме, все-таки существовала. Данные о такого рода борьбе сообщил нам участник Венецианского конгресса 1177 г., архиепископ Салерно Ромоальд. В фактах, сообщаемых автором Сицилийских анналов⁵⁵, мы видим плохо организованное движение народной партии, направленное против всемогущества аристократии, партии, которая демонстрирует свои гибеллинские симпатии, потому что официальная Венеция была в это время настроена прогвельфски. Голословное обвинение Ромоальда Салернского в том, что он «выдумал» эти факты, свидетельствует только о нежелании видеть в историческом процессе процессов классовой борьбы⁵⁶.

Несомненно, однако, что в рассматриваемое время эта борьба ни в какой степени не ослабляла в господствующем классе Венеции воли к власти и безраздельному обладанию ею.

В исторической литературе высказывался взгляд, что Венеция недостаточно энергично выступала в период

первых крестовых походов, именно потому, что в ее внутренней жизни не был решен вопрос о том, кто победит: «коммуна», «община» или дож⁵⁷. Мы увидим далее, что причина этого лежит в совершенно иной плоскости, но мысль о связи политики внутренней с политикой внешней, которая лежит в основе этого само по себе ошибочного мнения, заслуживает внимания. Правильнее будет высказать в связи с этим вопросом иное мнение: усиление могущества венецианской знати, класса арматоров, ростовщиков и купцов, нашедшее свое внешнее выражение в аристократических конституционных преобразованиях, в высшей степени активизировало внешнюю политику Венеции, политику «натиска на Восток», давшую уже в XII в. известные результаты и приведшую к поразительным успехам в следующем за ним столетии.

2. Участие Венеции в первых крестовых походах

«Краткие венецианские анналы» под 1099 г. сообщают: «В июле месяце венецианцы со своим флотом направились ко пробу господню»⁵⁸. Из других источников мы узнаем, что этому выступлению предшествовала некоторая подготовка. Двое уполномоченных, Бодоеро да Спинале и Фальери Сторнадо, были посланы в Далмацию, в задачу которых входило пригласить далматинские города принять участие в восточной экспедиции Венеции. Сплит выделил тогда в распоряжение незадолго перед тем избранного дожа Витале Микьеле один корабль и две галеры⁵⁹, возможно, что некоторое количество кораблей было поставлено и другими далматинскими городами, признававшими тогда венецианское верховенство,— почти наверное это можно сказать о Тропире⁶⁰.

Во главе соединенного венециано-далматинского флота, состоявшего более чем из 200 вымпелов, был поставлен в качестве адмирала сын дожа, Джиованни Микьеле, а духовным руководителем предприятия — епископ столицы дуката, Энрико Контарини. В Градо от патриарха Пьетро Бодоеро адмирал получил знамя с изображением льва св. Марка, а епископ — символ предприятия — знамя креста.

Как и всякую большую морскую экспедицию, венецианцы начали поход с демонстрации своей мощи у берегов Далмации⁶¹. Это показалось тем более необходимым, что прозорливые венецианские политики уже не сомневались более в честолюбивых замыслах венгерского короля и не были уверены в «верноподданнических чувствах» далматинцев.

Приближалась осень, когда венецианский флот прибыл на Родос⁶², обычное место стоянки кораблей во время зимы, когда плавание по Средиземному морю для тогдашних кораблей было небезопасным. Отсюда венецианцы вступают в переписку с Готфридом Бульонским, выполнявшим обязанности иерусалимского короля, с отдельными князьями королевства. Сюда направил свое посольство с богатыми подарками император Алексей, уговаривая своих союзников отказаться от крестоносной затеи⁶³. Здесь же у берегов Родоса произошло первое крупное столкновение венецианцев с пизанцами. Венецианцы находились в порту Родоса, когда показали пизанские корабли. Анонимный автор «Перенесения мощей св. Николая» сообщает, что при виде их 30 венецианских кораблей покинули порт и вступили в бой с численно превосходящим противником. Пизанцы были разгромлены, и из 50 их кораблей только 22 сумели уйти от победителей, причем было взято значительное количество пленных⁶⁴. Таким образом, поход был начат военными действиями не против неверных, а против единоверных пизанских купцов. В свое оправдание венецианцы, впрочем, могли указать, что подобным же образом действовали и сами пизанцы. «Пизанские анналы Марангона» спокойно повествуют, как пизанский флот, отправившийся «на освобождение гроба господня», начал свои операции с разграбления единоверной Кефалонии, так как жители этого острова будто бы «препятствовали в Иерусалим шествующим»⁶⁵. Так как Марангон эту операцию относит на 1099 г., то весьма возможно, что именно герои этого «подвига» получили должное возмездие со стороны венецианского адмирала⁶⁶. Анонимный автор «Перенесения мощей» сообщает далее, что император Алексей просил венецианцев выдать ему своих пленников пизанцев, захваченных во время битвы, но венецианцы отказались выполнить эту просьбу и отпустили пленников, за исключением нескольких человек, на сво-

боду. Весьма характерно, что это было сделано под обещание никогда не появляться более на территории Романии⁶⁷, — для венецианских купцов монопольное положение на византийских рынках было всего дороже.

Венецианский флот пробыл в водах Родоса более полугода, с 28 октября 1099 г. до 27 мая 1100 г.⁶⁸, направившись затем к берегам Ликии. Здесь-то, в небольшом городке Мирах, венецианские пилигримы и обрели «мощи» св. Николая, уже несколько лет перед тем перевезенные в Бари⁶⁹. Венецианцы всегда действовали с размахом, поэтому и в данном случае они не ограничились этим, а добыли еще и «мощи» св. Николая, дяди знаменитого участника Никейского собора, и мученика Федора. Отправив известие об этом в Венецию, венецианцы продолжали путь на Восток⁷⁰.

От Родоса венецианский флот направился к Кипру, а отсюда к берегам Сирии. Флот прибыл в Яффу, которая в это время была уже в руках крестоносцев. В Яффе венецианцы были встречены Готфридом и патриархом Иерусалимским, встречены с радостью, так как положение крестоносной армии или вернее ее остатков было до чрезвычайности трудным. Дел в Сирии было еще много, — в руках мусульман находилось еще большинство портовых городов; крестоносные ополчения рассеялись и поределели; новые крестоносные волны, двигавшиеся с Запада, истекали кровью в Малой Азии в мало продуманных, плохо согласованных, а потому и бесплодных попытках пробиться за реку Галис; иссякли и денежные средства⁷¹. Немудрено, что венецианский флот был встречен с искренним восторгом.

Готфрид вскоре вынужден был отправиться в Иерусалим, где он тяжело заболел и умер. Венецианцы теперь должны были иметь дело с второстепенными вождями ополчения, как Танкред, Гварнерий де Грейс и др. Прежде чем приступить к каким-либо операциям, венецианцы решили договориться с вождями ополчения о тех выгодах, которые они извлекут из этих операций, — венецианцы были народом деловым и «дело благочестия» хотели делать по-купчески. Аноним сохранил нам текст этого договора⁷². Он представляет собою стандарт тех требований, которые венецианцы будут предъявлять крестоносцам и позднее в качестве вознаграждения за их участие в военных операциях. Венецианцы обещали пред-

ставителям крестоносного ополчения «потрудиться на службе божией» с Иванова дня до Успенья, т. е. с 24 июня по 15 августа 1100 г. За эту службу крестоносцы должны предоставить венецианским купцам в каждом городе, портовом или внутри страны находящемся, рыночную площадь и церковь в их полное распоряжение, причем это обязательство крестоносцев одинаково распространялось как на те города, которые уже были взяты ими, так равным образом и на те, которые еще надо было взять. Во всех этих городах венецианцы должны быть свободны от всяких налогов и сборов, «которые обыкновенно выплачиваются купцам и владетельным князьям». Все это по отношению к тем местам св. земли, в добывании которых сами венецианцы не принимали никакого участия; в тех же городах и местностях, которые будут добыты при их содействии, права их должны быть значительно шире: в их распоряжение поступает треть таких городов и всей захваченной в них добычи, крестоносцы же, или, как они именуются у анонима, «франки», получают две трети, ибо они «были бедны» (*pecuniosi pop eiant*) и больше потрудились на службе божией». Этого всего, однако, венецианцам показалось мало и они выставили дополнительное требование относительно Триполи, который в это время еще находился в руках неверных: по взятии этого города Венеция должна была получить половину его и всей в нем захваченной добычи «без всяких обязательств и служб» со своей стороны за исключением разве «какой-нибудь малости, которая будет выплачиваться ради святости места и уважения к Иерусалиму». В конце договора венецианцы не забыли упомянуть и о свободе своей от «берегового права», нанесившего большой ущерб тогдашней торговле: товары потерпевших от кораблекрушения купцов должны быть в целости, и от самого купца будет зависеть размер платы, которую он учинит за труд людям, оказавшим ему помощь.

Заключение договора было отмечено актом благочестия: часть венецианцев вместе со своим адмиралом и епископом совершили путешествие на поклонение св. гробу; но к условленному в договоре сроку они оказались на месте. Теперь надо было приступить к делу. Возникли трения вокруг вопроса о том, с какого города следовало начинать борьбу с неверными: одни предлага-

ли Акру, — другие Кайфу. Решено было начать с последней, «гордости и главы всего язычества»⁷³. В июле началась осада, — венецианцы осаждали с моря, Танкред с суши. Среди осаждавших скоро возникли разногласия: князь Галилеи, Танкред, не хотел особенно стараться для патриарха и венецианцев, и стоило большого труда, чтобы удержать его на месте⁷⁴. К осени 1100 г., город, лишенный всякой поддержки, был, наконец, взят. Честь этого подвига венецианский аноним приписывает своим соотечественникам, француз Альбер из Экса (Albertus Aquisensis) считает это заслугой французов⁷⁵.

Аноним, являющийся наиболее достоверным источником первого похода венецианцев под знаменем креста на Восток, на этом и заканчивает историю этого похода. «Промедлив еще несколько дней, — пишет автор «Перенесения мощей св. Николая», — венецианцы, пожелав французам доброго здоровья и запечатлев поцелуй мира, отплыли к мирным берегам любезного отечества, стяжав лавры победы и пальмовую ветвь поклонения св. местам»⁷⁶. Через Родос, побывав опять у далматинских берегов, в декабре месяце 1100 г. венецианский флот стал на якорь у знаменитого по четвертому крестовому походу островка св. Николая⁷⁷.

Приобретения венецианцев по договору с крестоносцами были настолько велики, что расчетливые купцы с лагун справедливо со своей точки зрения считали, что дальнейшие их усилия в борьбе «за св. землю» являются пока излишними, тем более, что взаимоотношения с Венгрией и другими соседями требовали к себе пристального внимания. Хотя позднейшие венецианские источники, а за ними и многие историки утверждают, что венецианцы в ближайшие же годы принимали участие в целом ряде других подвигов на Востоке⁷⁸, но твердые основания под собой имеет в первом десятилетии XII в. еще только один поход, именно под Сидон, в 1108 г., когда была закончена совместная с императором Алексеем вторая война с норманами⁷⁹.

Осада этого города продолжалась до 1110 г., т. е. была очень длительной, но роль венецианцев во время ее была, должно быть, настолько незначительной, что источники невенецианского происхождения едва упоминают об участии в этой осаде венецианского флота⁸⁰. Если бы венецианцы действительно отправили под Сидон 100 ко-

раблей, как утверждает Дандоло⁸¹, то и арабские, и западно-европейские источники не преминули бы отметить это обстоятельство. По всей вероятности Венеция выступила на этот раз лишь с небольшой эскадрой, оказавшей малое влияние на ход осады⁸².

Таким образом венецианцы приняли пока участие в борьбе лишь за два прибрежных портовых города, за маленькую Кайфу и Сидон. Их соперница Генуя показала гораздо больше усердия: «Анналы Кафаро» называют целый ряд городов по сирийскому побережью, завоевать которые помогли генуэзцы⁸³. Объясняется это, конечно, не большим религиозным усердием генуэзских купцов, по сравнению с венецианскими, а несомненно тем обстоятельством, что позиции Генуи на Востоке были в то время значительно слабее венецианских. Генуэзцы могли надеяться, что широко утвердившись на Сирийском побережье, они в значительной степени парализуют то преимущество, каким располагали венецианцы в торговле с Востоком благодаря хрисовулу императора Алексея от 1082 г. Они оказались правыми, однако, лишь отчасти, так как венецианцы сумели прочно обосноваться также и на берегах Сирии.

Для колониальной истории Венеции имеет значение вопрос о том, каким образом венецианцы по смыслу договора от 1100 г., приобретя право на одну треть Кайфы, которую они помогли завоевать, в последующее время оказались обладателями такой части не Кайфы, а Акры, или Аккона, в завоевании которого они участия не принимали. На этот счет у нас имеется прямое указание Канале, утверждавшего, что они обменяли Кайфу на позднее взятую при помощи генуэзцев Акру⁸⁴. Нам кажется, что нет серьезных оснований в данном случае не доверять Канале: у венецианцев было достаточно побудительных причин, чтобы предпочесть тихой Кайфе более значительную и оживленную Акру, несмотря на то, что там уже прочно обосновались их конкуренты генуэзцы, получившие от короля Балдуина также одну треть этого города за услуги и помощь, оказанные при его взятии.

Венецианцы, как мы видели, ставили своей задачей обосноваться в Триполи, где они нацелились на половину города. План этот привести в исполнение не удалось, так как город был взят Раймондом при помощи пизанцев и, может быть, также генуэзцев⁸⁵, но без всякого участия

венецианцев, которые в момент осады были заняты подготовкой, а потом и войной с норманами в союзе с Византией (1106—1107 г.). Больше того, до нас дошли сведения, что венецианские купцы помогали осажденному крестоносцами городу к великому соблазну христианского мира. Надо думать, что это было не государственное предприятие, а проявление частной купеческой инициативы, хотя известие, которое мы имеем здесь в виду, прямо говорит о «государстве венецианском»: «По божественному произволению,— пишет Ибн-эль-Атири,— город (Триполи, доведенный осадой до отчаяния) получил с моря новый запас продовольствия с острова Кипра и из Антиохии и от государства Венецианского»⁸⁶. Можно было бы заподозрить известие этого араба, но оно находит себе косвенное подтверждение и в западных источниках. Автор одного из проектов «уничтожения сарацин» от начала XIV в. рекомендовал, между прочим, принять решительные меры против тех купцов, которые доставляют сарацинам людей, военные машины, продовольствие и другие товары⁸⁷. При таких условиях венецианцы не могли и думать о реализации своих планов относительно Триполи и, если они там все-таки позднее обосновались, то совершенно иным способом и далеко не так, как предполагали.

Венецианцы, как мы видели, приняли непосредственное участие в операциях против Сидона; но здесь они также не получили одной трети города, как бы это следовало по прямому смыслу договора 1100 г. Это может быть объяснено только тем, что роль венецианского флота при взятии этого города, ввиду малочисленности венецианских сил, была ничтожной, и венецианцы или не смели после его взятия заявить такую претензию, или получили отказ в ее удовлетворении.

Независимо от этого, приобретения республики св. Марка на этом этапе ее «натиска на Восток» были весьма значительны. Несомненно тогда же они поспешили повсюду в городах Иерусалимского королевства организовать свои торговые фактории, принимая самое деятельное участие в торговле и с крестоносцами, и с мусульманами. Власть Иерусалимского короля, правда, на практике была гораздо более территориально ограниченной, чем в теории, вследствие чего венецианцы вынуждены были добиваться сепаратных соглашений с некоторыми

из князей королевства; но это не уменьшало значения того, чего они все-таки добились в общем с меньшей затратой сил и средств, чем соперничавшие с Венецией итальянские республики. Венеция обеими ногами прочно стала на берегах Сирии. Прекрасное положение, которое занимали здесь ранее венецианские купцы, стало еще более устойчивым. «Кровь, пролитая венецианцами во имя креста,— пишет Эррера,— была тысячу раз компенсирована огромной коммерческой экспансией, приобретенной в странах Востока»⁸⁸. Не разделяя взгляда автора на «кровь, пролитую во имя креста», надо полностью согласиться с основной частью его вывода⁸⁹.

В конце второго десятилетия XII в. соперничавшие между собою итальянские республики, удовлетворившись успехами, достигнутыми на Востоке, переносят свое внимание на западные дела. Пиза и Генуя вступили между собою в тяжелую борьбу из-за Корсики и Сардинии, растянувшуюся более чем на десять лет, несмотря на неоднократные попытки папского посредничества. Пизанские и генуэзские анналы с утомительным однообразием повествуют о жарких схватках враждовавших республик у берегов спорных островов Лигурийского залива Тирренского моря⁹⁰. Венеция, со своей стороны, еще ранее в этом же десятилетии начала, наконец, борьбу за Далмацию с венгерской короной.

На Востоке между тем борьба шла своим чередом. Еще не все побережье Сирии находилось в руках Иерусалимского короля и его вассалов. Тир оставался прочной основой мусульманского влияния на побережье и служил выгодным опорным пунктом для крейсерских и каперских операций египетского флота в восточных водах Средиземноморья. Это затрудняло торговые связи восточных колоний Запада с этим последним и не мало вредило, несомненно, торговым операциям венецианских купцов. Неблагоприятно складывалась для крестоносцев и обстановка вдали от берегов Средиземноморья. В начале 20-х годов сам король Иерусалимский попал в плен к «неверным». В этих условиях взоры сирийских колонизаторов с надеждой устремились на запад в поисках подкреплений. И король Иерусалимский, и папа слали письма христианскому миру с призывами о помощи.

И король Балдуин, и папа Калликст II обратились с письмами к незадолго перед тем избранному дожу До-

менико Микьеле (1118—1130), в которых изображали мрачную обстановку, складывавшуюся на Востоке и просили у сильной на море республики помощи, причем, не скупилась на лестные характеристики религиозного усердия венецианских купцов⁹¹. Дожд, «с великим благочестием, приняв крест вместе с многими представителями знати, распорядился изготовить 200 кораблей, которые были бы в состоянии перевезти все необходимое для войска»⁹².

Мотивы согласия венецианцев на новый поход на Восток очевидны: борьба с Венгрией пока так или иначе была закончена; коммерческие интересы венецианской знати и купцов на Сирийском побережье настолько теперь были велики, что всякая угроза им должна была серьезно беспокоить венецианских политиков; в то же время император Алексей только что скончался, а его наследник не обнаруживал пока ни малейшего желания следовать политике своего отца во взаимоотношениях с Адриатической республикой, — хрисовул 1082 г. возобновлен пока не был, — стало быть торговые льготы на сирийском побережье получали особую ценность. Все это способствовало тому, что венецианцы на этот раз не оказались глухими к призывам «св. престола».

В соответствии с последним обстоятельством задача венецианцев на Востоке была теперь двойственной: с одной стороны, надо было как-то воздействовать на непокладистого нового владыку ромеев, а с другой — закрепить свое положение в Сирии. Обширность приготовлений — готовилось 200 кораблей — находит себе в этом достаточное основание. Арсенал, начатый постройкой еще при Орделафо Фальери⁹³, был теперь как нельзя более кстати.

Подготовка экспедиции длилась, по-видимому, около двух лет. Только в 1122 г. венецианские корабли покинули свою стоянку в лагунах и направились, как обычно, к берегам Далмации⁹⁴. Здесь дожд получил некоторое подкрепление судами и людьми и двинулся далее к югу. Первоначально план дожда заключался, по-видимому, в нападении на владения греков с тем, чтобы побудить нового императора Калоиоанна к подтверждению грамоты императора Алексея, и с этой целью поход начался с осады Корфу⁹⁵. Однако все более и более мрачные известия с Востока заставили изменить этот план и, оставив осаду Корфу, направиться к берегам Сирии.

В первой половине 1123 г. венецианский флот оказался в водах восточного Средиземноморья, где в это время, пользуясь долговременным отсутствием значительных морских сил Запада, господствовал египетский флот. Вследствие этого само собою понятно, что военные операции должны были начаться с морской битвы, которая должна была решить вопрос о господстве на море, очистить его от неприятельских кораблей и тем самым сделать плавание у сирийских берегов для торговых венецианских кораблей безопасным. Это была своя, особо важная для венецианцев, задача, которую они должны были разрешить в первую очередь.

Получив известие, что неприятельский флот блокирует Яффу, Доменико Микьеле — дож лично руководил экспедицией — направился к этому порту. Здесь, по свидетельству венецианских источников, и произошла знаменитая морская битва 1123 г.⁹⁶ Вильгельм Тирский уточняет события, сообщая, что при приближении венецианского флота, египетский флот отступил к Аскалону, на широте которого и произошла морская битва, решившая вопрос о господстве на море⁹⁷. Вильгельм Тирский, являющийся основным источником по истории этого венецианского похода, сообщает ряд подробностей относительно этой битвы. Доменико Микьеле построил свои боевые силы таким образом, что впереди шли обыкновенные корабли, за ними выступали специально для морских битв приспособленные галеры, а в третьей линии — по видимому, новинка тогдашнего военного морского судостроения — гатты, суда, превосходившие своими размерами и вооружением обычный тип судов того времени. Эти суда, — сообщает Вильгельм Тирский, — приводились в движение сотней весел, из которых каждое требовало сил не менее чем двух гребцов. Военным операциям венецианского флота благоприятствовали и ветер, и освещение, и море. Армада дожа обрушилась на египетский флот и довольно быстро привела его в расстройство. Неприятель обратился в бегство, но венецианские суда настигали его корабли, истребляли их, избивали команды и вооруженных людей на них. С обычным для средневековых описателей битв преувеличением Вильгельм Тирский говорит, что море окрасилось кровью врагов, а берега покрылись трупами их, куда они были выброшены морем⁹⁸.

Разгромив неприятельский флот, Доменико Микьеле предпринял крейсерскую операцию в направлении египетского побережья. Здесь ему удалось захватить десять торговых вражеских судов, нагруженных пряностями и шелковыми тканями⁹⁹. Разумеется, корабли были захвачены, а груз конфискован. Таким образом, завоеванное преобладание на море было символизировано захватом богатого приза. Роли переменялись: не венецианские купцы, а мусульмане должны были трепетать теперь, отправляя свои корабли за море. Для венецианцев в сущности основная задача тем самым была решена, в крайнем случае они могли бы ограничиться этим успехом, тем более, что им предстояло разрешать еще одну военную задачу: но иерусалимские власти усиленно хлопотали о поддержке «дела христиан» также и в сухопутных операциях, а то обстоятельство, что Аскалон и Тир оставались в руках сарацин, делало результаты морской победы недостаточно полными и решительными: наличие морских баз неприятеля, расположенных в центре торговых путей, ведущих в Сирию с Запада, давало ему возможность, избегая крупных морских битв, вести мелкую каперскую войну. Это соображение, а не благочестие дожда заставило венецианцев внимательно отнестись к просьбам иерусалимского правительства, которое возглавлялось тогда патриархом Варнундом.

Политики св. Марка умели, однако, и необходимые для них самих операции проводить таким образом, чтобы хотя часть издержек за это несли другие. Такой тактики они держались неизменно в отношении Византии, ее применили они и в данном случае. Прежде чем предпринять сухопутные операции, они решили добиться от Иерусалимского королевства значительных уступок. В сущности это не были новые требования, которые они предъявили теперь, а только расширенные и уточненные условия договора 1100 г., но, по-видимому, Венеция, занятая венгерскими, норманскими и иными западными делами, почувствовала, что авторитет ее на Востоке поколебался и требовал восстановления.

Морская победа венецианского флота обеспечивала дожу радостную и торжественную встречу со стороны Иерусалимского патриарха и других высоких баронов Иерусалимского королевства. Дож и его приближенные были приглашены в Иерусалим, где они и встретили

рождество 1123 г., — «окруженные великим почетом»¹⁰⁰, в то время как флот бросил якорь в Акре, где и проводил зиму. Тогда же начались и переговоры. Они завершились в начале 1124 г., приняв форму трактата, являющегося важнейшим документом, определявшим положение венецианских владений в Сирии в течение всего времени, пока Западная Европа имела там свои владения, т. е. в течение XII и XIII вв.

Грамота сначала была составлена от имени Иерусалимского патриарха Варнунда, причем, в ней же объяснена и причина этого: король Балдуин II в это время находился в плену у султана Алеппо. Позднее, после своего возвращения из плена, Балдуин подтвердил ее, воспроизведя ее первоначальную форму текстуально¹⁰¹.

Грамота начинается с указания на военные заслуги Венеции, которые должны мотивировать указанные ниже привилегии венецианских купцов. Далее идет перечисление этих привилегий. Венецианцы прежде всего имеют право во всех городах Иерусалимского королевства на квартал, пользующийся правами экстерриториальности. В состав этого квартала должны входить: церковь, торговая площадь, баня, печь для изготовления хлеба и, разумеется, жилища. Все операции, которые здесь совершаются, свободны от всякого обложения, как если бы это были предприятия самого короля. Венецианская колония судится по своим законам; претензии подданных короля к венецианцам разрешаются венецианским судом; но претензии венецианцев, предъявленные подданным короля, разрешаются королевской курией. Имущество венецианцев, умерших без завещания, составляет собственность Венеции. Венецианцы пользуются при продаже иностранцам своими собственными мерами и весом, но употребляют королевские измерители при покупке товаров у иностранных купцов.

Все эти привилегии венецианцы получают во всех городах королевства, в Акре в частности; но в городах, которые предстояло взять, т. е. в Тире и Аскалоне, венецианцы, после того, как ими удалось бы овладеть, должны получить третью часть этих городов и принадлежащих им территорий. По отношению ко всем, проживающим в экстерриториальных венецианских кварталах или частях городов, венецианские власти пользуются теми же правами, что и король по отношению к своим поддан-

ным. Защита поделенных таким образом городов осуществляется королем и венецианцами пропорционально находящимся в их распоряжении частям. Само собою разумеется, что «береговое право» к венецианским купцам и венецианским кораблям применяться не может¹⁰². Таковы условия, которые выговорили себе венецианцы, прежде чем начать военные операции против все еще находившихся в руках неверных сирийских городов. Совершенно очевидно, что на территории Иерусалимского королевства возникало разбросанное колониальное государство, не признававшее даже ленной зависимости от главы этого королевства.

В феврале 1124 г. решено было приступить к военным операциям. После некоторого колебания объектом нападения был избран Тир. Попытку овладеть этим городом делал еще Балдуин I в 1111—1112 г., но она окончилась тогда неудачей¹⁰³. Не сразу успешно пошла осада сильно укрепленного города и на этот раз. Венецианский флот покинул Акру и блокировал город. Крестоносцы осаждали его с суши. Дело, однако, подвигалось вперед крайне медленно. Между союзниками начались, по обыкновению, взаимные препирательства, и венецианцев, может быть не без основания, обвиняли в слабом усердии к общему делу, так как первоначально они выполняли только морские операции. Крестоносцы сильно опасались, что осада затянется, и осажденные сумеют, наконец, получить помощь извне. Опасность эту признавал, очевидно, и Доменико Микьеле, так как он принял решение участвовать и в осадных операциях с суши. Венецианцы высадились на берег, вытащив на него и свои корабли, и осада энергично продолжалась. Источники позднейшего происхождения украсили события под Тиром разнообразными легендами, Канале превратил их в настоящий роман¹⁰⁴. В действительности события протекали своим естественным порядком: попытки, предпринятые турками для освобождения Тира с суши из Дамаска и с моря — из Египта, были отражены, и город, доведенный голодом до крайности, в июне 1124 г. был вынужден сдаться после четырехмесячного сопротивления¹⁰⁵. Роль венецианцев во взятии города была несомненно весьма значительна, — без их флота его вообще, вероятно, не удалось бы взять; но венецианские источники готовы эту победу целиком отнести к заслугам своих соотечественников¹⁰⁶.

Взятие Тира позволило Венеций реализовать ту часть договора, в которой предусматривалась передача ей одной трети как самого города, так и принадлежавшей ему территории. Выдумкой надо признать сообщение автора «Истории дождей венецианских» о том, что крестоносцы на радостях, что им удалось, наконец, овладеть городом, предложили венецианцам не одну, а две его трети, но что венецианцы будто бы отказались¹⁰⁷.

Взятием Тира операции венецианского флота в водах Сирии и закончились: после этого события «победители с радостью направились в обратный путь». Возвращение в Венецию было превращено в карательную экспедицию против греческой империи, увенчавшуюся полным успехом. Окрыленные двумя крупными удачами, венецианцы свели в Адриатике счета и с венграми и с подчинившимися им далматинскими городами. И эта операция, как мы увидим далее, увенчалась крупным успехом.

В 1125 г. после трехлетнего похода венецианский флот вернулся в лагуны. Второй большой поход венецианцев на Восток был начат под добрыми ауспигиями и закончился необычайно успешно. Этот поход, представляя собою прямое продолжение первого, от 1100 г., и по своим результатам является завершением тех чаяний, с которыми венецианский флот в первый раз покинул лагуны, направляясь к берегам Сирии. В западно-европейском колонизационном потоке на Восток Венеция сумела найти не только почетное, но и привилегированное место, полностью соответствующее самым смелым ожиданиям венецианских политиков.

3. Венецианская политика в Сирии в период второго и третьего крестовых походов

Взятием Тира Венеция закрепила свое положение в Сирии. Ее цели были здесь достигнуты и упрочены. С точки зрения купеческого здравого смысла непосредственное вмешательство в военные операции отныне было излишним: оно уже ничего не могло прибавить к тем приобретениям, которые были сделаны. Поэтому Вене-

ция, менее всего думавшая о военных подвигах, как таковых, и о «гробе господнем» — для него самого, не обнаружила религиозного рвения в самые трагические дни «святых мест» на Востоке. Венецианских политиков занимали в первую очередь мирские дела и материальные интересы.

Добившись еще по договору от 1100 г. крупных привилегий на территории Иерусалимского королевства, венецианцы понимали, что этот договор не имеет значения на территориях крупнейших феодалов Сирии, — с ними надо было вступать в отдельные переговоры, добиваться уступок и привилегий от них непосредственно и от каждого в отдельности.

Раньше всего политики св. Марка постарались обеспечить положение своих купцов в том городе, в котором они первоначально предполагали овладеть целой половиной, т. е. в Триполи. По причинам, которые выше были указаны, от этого плана пришлось отказаться и удовлетвориться необходимым минимумом. В 1117 г. граф Понций дарит св. Марку жилой дом в непосредственной близости от триполитанского порта¹⁰⁸. Из грамоты графа мы ничего не узнаем о торговом статусе венецианских купцов, но едва ли можно сомневаться в том, что какие-то привилегии им все-таки были пожалованы, и венецианцы вели через Триполи торговые операции, в противном случае св. Марку не был бы нужен и тот дом, который пожертвовал граф Понций.

Другим важным торговым центром на Востоке, быть может более важным для венецианцев, чем многие другие, была Антиохия с ее портом Селевкией¹⁰⁹. Уже в договоре с Иерусалимским патриархом Варнундом венецианцы специально оговорили свои торговые привилегии в этом городе, но княжество Антиохийское занимало независимое положение на Востоке, — надо было с ним договориться отдельно. И вот мы видим, как Венеция добывается торговых привилегий на территории этого княжества всякий раз, как там происходит смена одного князя другим.

От Боемунда II (1126—1131) венецианцы добились, по-видимому, только подтверждения части тех привилегий, которые им были пожалованы Иерусалимским патриархом и подтверждены потом королем Балдуином II¹¹⁰. Об этом можно заключить на основании грамоты князя

Раймунда от 1140 г., из которой видно, что венецианцы и до этого времени располагали на территории княжества своим торговым двором¹¹¹.

Из этой грамоты видно также, что венецианские купцы могли чувствовать себя в пределах княжества в полной безопасности. Князь Раймунд гарантирует им полную свободу пребывания и передвижения в его владениях. В порту Суды, как тогда стала называться Селевкия, положение венецианских купцов обеспечивается пожалованием им торгового двора с обычными его составными частями. Помимо фондако, князь Раймунд жалует венецианцам также несколько домов, к нему примыкающих. Очевидно, венецианская колония в городе была довольно многочисленной. Уголовные и, конечно, гражданские дела и споры среди венецианцев разрешаются по их законам и обычаям. Они свободны в пределах княжества от ненавистного купцам всех наций «берегового права»¹¹².

В грамоте нет ни слова о налоговых льготах и привилегиях, — это потому, что венецианцы ими на территории княжества в это время и не пользовались. Это подтверждается грамотой от 1153 г., из которой видно, что до этого года венецианские купцы платили в качестве торговых пошлин в княжестве Антиохийском с шелковых и льняных тканей по 5%, а со всех остальных товаров по 7% их стоимости; независимо от этого они платят еще и портовые пошлины в размере от одного перпера восьми динариев до двух с половиной перперов с вьюка различных вьючных животных¹¹³.

Очередная грамота о торговых льготах и привилегиях, которыми пользовались венецианские купцы в пределах Антиохийского княжества, как раз и есть только что упомянутая грамота 1153 г., пожалованная князем Райнальдом. Грамота показывает, что венецианцы постепенно расширяли свои привилегии в пределах княжества: она не только подтверждает все те льготы, которыми венецианцы пользовались на основании пожалований предшественников Райнальда, но устанавливает и некоторые льготы в самом важном для всякого купца деле, именно в деле налогового обложения. Только что названные нормы пошлин были снижены на льняные и шелковые ткани до 4% и на все остальные товары до 5% с одновременным снижением и портовых пошлин до 1—2 перперов. В грамоте, между прочим, особо подчеркивается, что

в Антиохии венецианские купцы имеют собственный торговый двор, фондако, где они судятся по собственным законам и установлениям¹¹⁴.

В ближайшие за пятидесятыми годы венецианцам, по-видимому, ничего не удалось добиться от антиохийских властей нового по сравнению со льготами, дарованными ранее, так как очередная грамота Боемунда III от 1167 г. только подтверждает ранее предоставленные права и привилегии¹¹⁵. Понадобилось более полутора десятка лет, прежде чем венецианцам удалось «уломать» того же Боемунда III и добиться от него нового снижения пошлин на этот раз по всем товарам до 1% с оборота по продаже¹¹⁶.

Это было в 1183 г. После этого срока мы не имеем ни одной грамоты от антиохийских князей, по которым мы могли бы проследить положение венецианских купцов в Антиохии. Это понятно: с конца 80-х годов христианский мир на Востоке вступает в положение тяжелого кризиса, от которого по-настоящему ему уже не пришлось оправиться.

Для выяснения политики «натиска на Восток», которая на берегах Сирии дала такие замечательные результаты, имеют значение взаимоотношения Венеции с князьями Малой Армении, возникшей и окрепшей в период крестового движения. Как известно, это княжество, превратившееся потом в королевство, имело основным своим территориальным ядром Киликию. Малая Армения важна была для венецианских купцов и сама по себе со своими оживленными центрами, Тарсом, Мамистрой, но кроме того она имела еще и транзитное значение, как это видно и из жалованной грамоты от 1202 г., которая и является интересующим нас здесь документом¹¹⁷. Несомненно, задолго до даты этого документа венецианские купцы уже имели на территории Киликии известные торговые интересы,— это видно, между прочим, из жалованной грамоты Алексея Комнина от 1082 г., где права венецианских купцов оговорены также и на территории этой провинции¹¹⁸, хотя она в то время и не принадлежала Византии.

Грамота армянского короля Льва II, которую мы здесь имеем в виду, дарована им по ходатайству знаменитого Энрико Дандоло, который направил в Малую Армению в период подготовки четвертого крестового похода специальное посольство с Якопо Бодоарио во главе.

Лев II (1198—1219) гарантирует своей грамотой венецианским купцам полную свободу торговли в пределах его владений, равно как и транзит в соседние, даже мусульманские страны, разумеется, если его королевство не находится с этими странами в состоянии войны. Король гарантирует венецианцам не только свободу от «берегового права», не только за ними сохраняется право наследования по венецианским законам, но и предоставляется свобода вести торговлю беспошлинно¹¹⁹, за исключением тех из них, которые постоянно проживают «по сю сторону моря», т. е. в Сирии или Малой Азии, равно как во всех случаях подлежит обложению и привоз драгоценных металлов в византийской монете. В городе Мамистре венецианские купцы получают в свое распоряжение церковь, фондако для размещения товаров и место для постройки жилого дома, без которых не обходилась в средние века регулярно поставленная торговля с чужими странами. Несомненно венецианцы добивались также и права экстерриториальности для своих граждан на территории Малой Армении, но добиться этого им пока не удалось: они принуждены были удовлетвориться в этом отношении полууспехом, — венецианцы подлежали королевскому суду, но судить их должно было по венецианским законам и обычаям¹²⁰.

Все эти данные показывают, что после военных успехов первых двух десятилетий XII в. на Востоке Венеция развивает известную дипломатическую деятельность для укрепления своих экономических позиций там, где ее военные заслуги перед Иерусалимским королевством не обеспечивали торговые привилегии ее купцов. Военные успехи Венеции были больше ненужны и потому она не приняла ни малейшего участия в том очередном всплеске колонизационной волны, который известен под наименованием второго крестового похода. Венеция осталась совершенно безучастной к той пропаганде, которая была развернута на Западе вокруг этого предприятия. Разумеется, это не исключало участия в этом движении венецианских купцов и арматоров в качестве таковых, но у Венецианского государства не было мотивов для непосредственного вмешательства в эту плохо организованную и еще хуже проведенную авантюру.

Несколько иначе дело обстоит с третьим крестовым походом. В восьмидесятых годах обстановка на Востоке сделалась еще более мрачной. На этот раз дело шло не о далекой Эдессе, а о районах, где непосредственно затрагивались интересы Венеции: в 1187 г. была взята Акра. Венецианцы потеряли одну треть этого города и его окрестностей и один из своих лучших портов в Сирии. Развитие успехов мусульман, объединенных теперь Саладином, грозило бедствиями, размеры которых трудно было предвидеть. В таких условиях венецианская купеческая знать не могла оставаться спокойной.

От 1188 г. до нас дошел любопытный документ,—циркулярное распоряжение дожа Орио Малипьеро (1178—1192) ко всем венецианцам, где бы они не находились, о возвращении к пасхе 1189 г. в Венецию. В качестве причины этого распоряжения дож указывал на благочестивое решение принять участие в крестовом походе. Разумеется, при этом указывались только идеальные побуждения такого решения: нельзя не принять участия в таком благочестивом деле «нам, — писал дож, — кого благочестие, изобилие мирских благ, великое множество расудительных мужей сделали достославными среди прочих христиан»¹²¹.

В этом же 1188 г., по сообщению «Кратких венецианских анналов» венецианцы «с большим флотом — воины и великое множество прочего люда — отправились на помощь св. гробу»¹²². Венецианский флот прибыл под Тир и здесь остановился. В 1189 г. он принял участие при осаде Акры, которая подвигалась крайне медленно, на этот раз вследствие соперничества двух претендентов на королевский трон поставленного под вопрос королевства, Гюи де Луизиньяна и Конрада Монферратского. Венецианцы выполняли свою обычную роль при осаде береговых городов: они блокировали Акру с моря. Один из продолжателей Кафаро сообщает, что и генуэзцы также приняли участие в этой операции¹²³. Участие Лигурийской республики, которой в Акре также принадлежала одна треть, было, однако, незначительным, так как в 1187 г. возобновилась война между нею и Пизой¹²⁴, а внутри ее раздирали политические распри¹²⁵. Это несколько не способствовало подъему воинственного настроения сынов республики св. Марка, и они выполняли принятую ими на себя задачу блокады крайне небрежно. Эту небрежностью только можно объяснить, что тур-

кам удалось прорваться в гавань осажденного города и подать ему помощь людьми и припасами. Вследствие всего этого осада безнадежно затягивалась. Казалось бы, венецианцы должны были понимать, что таким образом они могут окончательно потерять город, в котором у них были такие значительные экономические интересы. Они несомненно это и понимали, но они знали также, что к «св. земле» приближались флоты французского и английского королей и потому можно было ожидать, когда Акра, как спелый плод, сама попадет в их руки. Венецианцы не любили затрачивать усилий там, где можно было обойтись без них. С холодной расчетливостью купцов они предоставляли другим делать их дело. «Крестоносные болваны» не всегда понимали и тем менее правильно оценивали эту политику¹²⁶.

В 1191 г. под Акру явились англичане и французы. Положение осажденного города ухудшилось. Хотя между осаждавшими по-прежнему не было согласия, и к прежним распрям Гюи и Конрада присоединилось соперничество двух королей, а венецианцы по-прежнему держались роли наблюдателей, тем не менее силы осажденных падали. В июне 1191 г. город был, наконец, взят. Венецианцы выдержали всю осаду: они не могли покинуть Акры, не закрепив за собою принадлежащую им часть города и его окрестностей. Как только венецианцы убедились в том, что их права останутся ненарушенными, они почли свою миссию на Востоке законченной и отправились в Венецию.

Венецианцы убедились, что наступательная сила мусульманского мира, если не была сломлена, то во всяком случае серьезно заторможена. Правда, в руках «неверных» оставался Иерусалим... Но какое дело было венецианским купцам до этого, если приморские города Сирии были к их услугам, если товарные потоки, двигавшиеся на Запад караванными путями, не могли миновать их рук. Яффа, Арсур, Цезарея, Кайфа, Акра, Сканделион, Тир, Сарепта, Сидон, Берит, старый Библ, Триполи, Арад, Тортоза, Лаодикея были для них важнее, чем Назарет, Вифлеем, Иерусалим.

Таким образом, без особых усилий, без тяжелых затрат людских сил и материальных ресурсов, политики св. Марка сумели отстоять в Сирии те позиции, которые им удалось занять в первоначальный «героиче-

ский» период их участия в колониционном движении Запада. Их первоначально активный «напор на Восток» уступил место в дальнейшем дипломатической деятельности. При помощи ее они пополнили и закрепили сделанные приобретения. Они не останавливались на этом пути даже перед тем, чтобы вступать в переговоры и заключаться привилегиями от таких лиц, которые сами были лишь претендентами. В 1191 г. Конрад Монферратский, избранный королем уже не существовавшего в сущности королевства, подтвердил венецианцам все договора и привилегии, которые они получили от Иерусалимских королей, их прелатов и баронов¹²⁷.

В результате усилий нескольких десятилетий на сирийском побережье возникла целая сеть венецианских экстерриториальных пунктов, торговых дворов, значительная часть ее будущей колониальной империи. Значение этих приобретений, однако, может быть по настоящему оценено в свете тех успехов, которых правящая венецианская плутократия в это же время добилась на все еще обширных пространствах Византийской империи.

Глава восьмая

ВЕНЕЦИЯ И ВИЗАНТИЯ В ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В XII в.

«Венецианская политика логически была направлена к поддержанию Римской империи Востока. Но это должно было иметь место до тех пор, пока эта империя была связана непосредственно или через какое-либо посредство с интересами романизма, который вскормил ее со дня ее рождения. Когда же Восточная империя, насыщенная эллинизмом или подчинившись влиянию славизма, потеряла свое единение с Западом и обнаружила дух ему прямо противоположный, изменилась и венецианская политика»¹... Так, по воле фашистского «историка», Венеция превратилась в борца за дело «романизма» в пределах империи Востока против эллинизма и славизма этой империи. Это сказано об итальянской республике, которая с остервенелой ненавистью боролась против других итальянских республик, оставаясь в наи-

лучших отношениях с мусульманскими государями; о республике, которая отказалась доставить в Европу из Александрии отпущенных мусульманами западно-европейских пленников, которые не смогла оплатить проезда и которых Саладин, для того, чтобы пристыдить этих «носителей романского духа», отправил в Европу на собственный счет...².

Никто так не был чужд всяким национальным, религиозным, моральным и иным «идеям», как сын св. Марка. Политика правящей венецианской знати, знати арматоров, купцов и ростовщиков, была всегда и неизменно политикой строгого материального расчета, чуждого всяких «предрассудков». Политика Венеции по отношению к Византии может быть понята только с этой точки зрения во всякое время, а в XII веке в особенности.

Взаимоотношения Венеции и Византии в XII в. могут быть правильно поняты и оценены только с точки зрения последовательно проводимой в это время венецианцами политики «натиска на Восток». В этой политике Византия занимала важнейшее место. Сирийские операции, как ни важны они по своим последствиям, были стимулированы обще-европейским колонизационным потоком на Восток и без этого последнего не были бы возможны; внедрение в поры Византийской империи было самостоятельной и последовательно проводимой политикой Венеции, все более и более агрессивной по мере ослабления Восточной империи.

1. «Мирное» проникновение Венеции в сферу жизненных экономических интересов Византийской империи.

Во второй половине XI в. Византийская империя находилась в исключительно трудном положении. Катастрофа при Манцикерте и последующие неудачи продвинули турецкие владения к самым берегам Пропонтиды, и из окон императорского дворца можно было видеть на востоке горы, которые уже не принадлежали империи³. На севере и северо-западе наседали варвары, от времени до времени поднималась Болгария, усилилась агрессивная политика Венгрии. На западе была потеряна Далмация и стремилась к независимости Сербия⁴. В южной

Италии появился и быстро усиливался новый враг, мечтавший о византийском наследстве,—норманы. Внутри остатков страны торжествовали феодалы, финансы были расстроены, армия—ничтожна, флот почти отсутствовал⁵. Императорская власть переходила из рук в руки в атмосфере придворных интриг и преступлений. Классовые антагонизмы находили выражение в народных волнениях и религиозных распрях.

В этих условиях самая наглая агрессия могла сойти за братскую помощь и дружескую поддержку. Венецианские дипломаты, всегда стремившиеся даже неблагоприятным делам придать некоторое подобие законности и приличия, вымогали у одряхлевшей империи одну уступку за другой, неизменно добиваясь со стороны своей жертвы признания, что эти уступки—заслуженное вознаграждение за очень важные услуги. Хрисовул императора Алексея I, которым открывается венецианская политика «напора» в пределы Византии и который стал своеобразным стандартом венецианских домогательств на почве Византийской империи, начинается с перечисления их заслуг: «Они, построив большое количество кораблей, явились под Эпидамн (Драч); они в помощь нам (императору) представили многочисленное войско морской пехоты (*virī navī pugnantes*); они победили своим флотом преступный вражеский флот»⁶. Все это более или менее близко к действительности, хотя, как мы видели, венецианцы защищали в этом случае также и свои собственные интересы. Но и хрисовул Иоанна Комнина, вынужденный разбойным нападением венецианского флота на владения Византии, также начинался с указания на заслуги Венеции перед империей: «Они,—говорилось здесь о венецианцах,—без колебаний и с готовностью сражались против врагов... да и в будущем снова обещают со своей готовностью сражаться за Романию»..., а «то, что они за последнее время наделали плохого (*quae paulo ante ab eis male gesta sunt*) император им простил и принял их обращение»⁷. Венецианские источники, конечно, идут еще далее и автор «Истории дождей венецианских» прямо говорит: «Венецианцы всегда были защитниками Романии»⁸.

«Всегдашние защитники Романии» за услуги, оказанные в борьбе против норманов, потребовали от императора Алексея признания за дожем титула «дукса Далма-

ции и Хорватии», и добились этого⁹. В 1082 г. последовал знаменитый хрисовул, создававший для венецианских купцов исключительное положение во владениях империи. В Константинополе Венеции был уступлен целый квартал со всеми лавками и мастерскими, которые здесь находились, и три морских причала в пределах этого квартала. Это была территория, тянувшаяся по южному берегу Золотого Рога в непосредственной близости от Босфора¹⁰. Свобода торговли предоставлена была венецианцам на всем пространстве империи, причем как покупка, так и продажа товаров должны быть свободны от всякого обложения. Не довольствуясь этими общими формулировками, венецианцы настояли на перечислении всех важнейших портовых городов как в Европе, так и в Азии, и даже таких, которые в данное время не находились в распоряжении константинопольского императора¹¹. Здесь мы видим Родосто, Силиврию, Гераклею — города на Пропонтиде в непосредственной близости от Константинополя; Адрианополь и Абидос; многочисленные города и порты по побережью Эллады — Деметриаду, Афины, Фивы, Коринф, Навплию, Корон и Модон; гавани на Эпирском побережье — Драч, Авлону, Водуницу; некоторые острова, как Хиос; порты и города Сирии и Малой Азии — Селевкию с Антиохией¹², Мамистру, Тарс, Аталию, Адану. Столь же пунктуальными были венецианские дипломаты и по части права их купцов не платить различных налогов, действительно многочисленных и разнообразных, с которыми торговому люду приходилось иметь дело на территории Византии: в договоре перечислены шесть различных налогов с прибавкой «и другие»¹³.

Одновременно, желая ущемить своих тогдашних конкурентов по торговле с Византией, амальфитанцев, венецианские дипломаты добились обложения в пользу св. Марка ежегодными взносами в три номисмы с каждого амальфитанского предприятия, — «льгота» в своем роде беспрецедентная в истории. Греческие чиновники, нарушители хрисовула, подлежали штрафу в 10 фунтов золота, т. е. в 720 перперов, и четырехкратному возмещению причиненного венецианским купцам ущерба. Высокие византийские титулы должны были украсить особу дожа и патриарха Градо: первый именуется прото-севастом, второй — ипертимон¹⁴. Наконец, две церк-

ви—одна в Константинополе, другая в Драче—были переданы венецианцам, причем, разумеется, с теми доходами, которые они получали¹⁵. Чтобы понять значение этой последней уступки, надо принять во внимание тот религиозный антагонизм, который существовал в это время, после разрыва между восточной и западной церквями в 1054 г., между католическим и греческим духовенством, но Алексей не остановился и перед этой, несомненно крайне неприятной греческому духовенству уступкой.

По сравнению с прамотой царей Василия и Константина от конца X в., хрисовул императора Алексея, с точки зрения венецианских интересов, был огромным шагом вперед, с точки же зрения интересов империи, едва ли он может найти себе оправдание даже в том, почти безвыходном, положении, в котором она находилась в момент водворения на троне новой династии. Хрисовул наносил огромный ущерб финансам империи; он ставил торговлю собственных «ромейских» купцов в крайне невыгодное положение по сравнению с их западными конкурентами и должен был вызвать справедливое негодование в деловых византийских кругах против венецианских купцов. Выгоды, предоставлявшиеся этим документом Венеции, были настолько велики, что представители республики св. Марка целое столетие цепко будут держаться за дарованные им привилегии, добиваясь подтверждения их от всех новых императоров и перенесения обязанности такого подтверждения на их преемников, императоров Латинской империи.

Венеция, разумеется, готова была поддерживать политику империи всюду, где это не расходилось с ее собственными интересами или было выгодно ей самой; но в Византии очень влиятельные круги считали, что эти уступки все-таки покупаются слишком дорогой ценой. Эта мысль должна была крепнуть по мере того, как политическое положение империи становилось более устойчивым. События 1107 и 1108 гг., когда Византия должна была вновь вступить в борьбу с норманами, были доказательством этой перемены.

На этот раз противником Византии выступил Боемунд, попытавшийся противопоставить ей силы италийских норманов и антиохийского княжества, а также авантюристов разных стран, собранных Боемундом под

предложением помощи крестоносцам на Востоке. Боемунд осенью 1107 г. высадился в Авлоне и, направившись к северу, осадил Драч,—Боемунд действовал по старому норманскому рецепту. Венеция, к которой Алексей обратился за помощью, мобилизовала свои морские силы и направила их в 1108 г. в воды южной Адриатики¹⁶. К этому времени, однако, выяснилось, что сил, приведенных в движение самим императором, было достаточно чтобы отвлечь нависшую над владениями империи угрозу. Боемунд был окружен под Драчем войсками Алексея, на море сицилийский флот потерпел поражение, и таким образом, осаждающие сами оказались в осаде. Боемунду, вместо фантастических мечтаний сделаться распорядителем судеб Романии, пришлось признать себя вместе с княжеством Антиохийским в вассальной зависимости от императора Алексея. Война была быстро закончена. Нам неизвестно в точности, в чем заключалась в этой войне роль, которую сыграл венецианский флот, ясно одно: роль эта не была значительной, иначе венецианские анналисты не преминули бы рассказать о заслугах своих соотечественников, да и Анна Комнина, вообще не склонная замалчивать венецианских заслуг, ничего не говорит о венецианской помощи в этой второй войне Алексея против норманов¹⁷. Достигнутые результаты, однако, могли вполне удовлетворить венецианских политиков: оба берега морского прохода на Восток остались в разных руках.

Этот успех должен был заставить задуматься и Алексея над целесообразностью тех жертв, которые несла Византия в пользу своего союзника, но при Алексее дело до открытого разрыва не дошло,—император считался, быть может, с возможностью новых конфликтов на Востоке и на Западе, когда дружественные отношения с Венецией могли оказаться необходимыми. Иначе взглянул на это дело преемник Алексея, Иоанн Комнин. Он не спешил подтвердить хрисовул своего отца, а когда венецианцы напомнили ему об этом, то он ответил отказом: положение дел в империи, по мнению Калоианна, не оправдывало политики его отца в отношении Венеции¹⁸.

Венецианцы начали тогда, как мы знаем, военные действия. С большим флотом Доменико Микеле отправился на Восток, для того, чтобы поддержать там по-

шатувавшиеся дела крестоносцев и упрочить собственные позиции в Сирии; но по дороге туда и обратно венецианский флот постарался причинить весь вред, какой только было возможно, владениям неподатливого императора. Как мы уже видели, по дороге к берегам Сирии венецианцы осаждали Корфу, а закончив операции в Сирии взятием Тира, напали на острова Эгейского моря. С возмутительной жестокостью расправлялись они с ни в чем неповинным населением этих островов. Вот взят город Родос, в гавани которого венецианский флот и венецианские торговые корабли всегда укрывались на время зимней непогоды, и венецианцы, «перебив врагов и взяв пленных, причем ускользнуть удалось лишь немногим, частично разрушили город»¹⁹. Затем венецианский флот направился к Хиосу и в то время, когда одна часть флота здесь зимовала, другая опустошила Самос, Митилену на Лесбосе, Андрос и ряд других островов. Разбойники всюду грабили мирное население и делили между собою награбленное²⁰. «Стены городов, — пишет Фульхерий Шартрский, — разрушались, взрослые и девушки жалости, достойным образом, забирались в плен, разное добро увозилось с собой... Мы в Иерусалиме, — продолжает Фульхерий, — благочестно скорбели»²¹. Разбойники, захватив с собой «мощи св. Исидора с острова Хиоса» и камень из Палестины, «на котором сидел спаситель», вернулись в Венецию²². Это было в 1125 г., а в следующем, 1126 г., они собирались организовать новую экспедицию, на этот раз против Ионических островов²³. Калойоанн не мог приостановить военными мероприятиями этого разбоя, — греческий флот не был достаточно силен, чтобы померяться силами с венецианским флотом. Мольбы о помощи, которые неслись в столицу с островов и побережий Эгейского моря, заставили Калойоанна быть более сговорчивым. С другой стороны, и венецианцы, уже несколько лет лишенные тех привилегий, к которым они привыкли в предшествующее царствование, не видели в награбленной добыче достаточной компенсации своих потерь. Это предрасполагало обе стороны к заключению мира²⁴.

Восстановление мира сопровождалось подтверждением хрисовула императора Алексея I, причем текст его был воспроизведен почти дословно. Таким образом, ве-

нецианцы с 1126 г. опять пользуются в пределах Византии исключительными привилегиями²⁵.

Разумеется, вынужденное возвращение венецианцам потерянных было ими привилегий сильно раздражало различные круги византийского населения, заинтересованного в этом вопросе, т. е., прежде всего, византийских купцов и отчасти духовенство. Не могла быть приятной эта уступка к лицам близким к императору: Киннам, преданный Калоиоанну, сообщая об этих фактах, не в силах скрыть своего раздражения, — «через это», — пишет он о возвращении венецианцам прежних привилегий, — «расположил их царь к еще большей надменности и гордости»...²⁶.

Император несомненно и сам смотрел подобным же образом на этот вынужденный договор, но обстановка складывалась так, что в течение всех последующих шестнадцати лет своего правления Калоиоанн не мог пересмотреть этого вопроса. Война с Венгрией, начавшаяся в 1128 г., потом борьба с сербскими вассалами в 1129 г., поход в Малую Азию в целях отвоевания ромейских земель у турецких эмиров, затянувшийся до 1135 г., необходимость держаться настороже против Рожера, короля Сицилийского в 1136 г., совместные с крестоносцами походы против сирийских и мало-азиатских турецких эмиров и, наконец, борьба за Антиохию не позволили императору до самой его преждевременной смерти в 1143 г. уделить надлежащее внимание республике св. Марка.

В правление преемника Иоанна, его младшего сына Мануила, обстановка очень скоро сложилась таким образом, что о разрыве с Венецией нечего было и думать. В 1147 г. Рожер Сицилийский начал наступательные операции против западных и южных областей империи на Балканском полуострове. Одновременно новая волна крестоносного движения с запада требовала к себе также пристального внимания, войск и средств для предотвращения возможных в связи с этим опасностей и осложнений. Не исключена была возможность союза Рожера с Людовиком VII, сицилийских грабителей с французскими. При таких условиях Мануил был вынужден обратиться за помощью к Венеции. Политика сицилийцев не могла быть приемлемой и для венецианцев, почему они

немедленно откликнулись на эту просьбу, заручившись, однако, подтверждением со стороны Мануила хрисовула Алексея I.

Хрисовул и на этот раз начинался с указания на заслуги венецианцев: «Призванные императорской властью нашей,—писал Мануил,—для совместного действия против властителя Сицилии, против его вооруженных сил на суше и на море, они (венецианцы), проявили готовность и быстроту... и поспешно обещали свою службу»²⁷. В награду за это император и пожаловал им то, о чем просили венецианские послы. Однако, на этот раз венецианские дипломаты не ограничились льготами и привилегиями хрисовулов 1082 и 1126 гг., а добились нового расширения своих прав. Дарованные этими хрисовулами привилегии способствовали быстрому росту венецианской торговли с Византией: возрастали товарные массы, поступавшие в распоряжение венецианских купцов, появились новые районы с возросшими торговыми интересами Венеции в пределах империи. Территориальные рамки хрисовулов Алексея и Иоанна, как они ни были широки, начали казаться тесными. От Мануила Венеция добивается значительного расширения своих владений в Константинополе²⁸, а к прежним городам и районам империи, где венецианские купцы пользовались правом беспошлинной торговли, были прибавлены острова Крит и Кипр²⁹. Со своей стороны Венеция должна была выполнить те обещания, которые были даны ее послами и которые заключались в военной помощи императору в начавшейся кампании.

Таким образом, норманы еще раз натолкнулись на союз Венеции с Византией. Военные действия, начатые Рожером, увенчались первоначально большим успехом: он овладел Корфу, поставив там свой гарнизон; потом, высаживаясь в различных местах на материке, совершил большой рейд в направлении Негропонта, Фив и Коринфа, которые были взяты и разграблены. Венецианский флот появился тогда перед Корфу, угрожая тылам Рожера. Между тем разбойничьи банды норманов продолжали опустошать страну, проникли во Фракию и угрожали самой столице³⁰. Венецианский флот тем временем соединился с флотом греческим и у мыса Малей нанес полное поражение флоту сицилийских разбойников, причем союзники потопили свыше 40 кораблей. Потом нача-

лась осада Корфу. Она первоначально проходила не особенно удачно и стоила дорого³¹. Однако общими усилиями город был, наконец, взят и очищен от норманов. Враг должен был убраться в Италию³².

Во время осады Корфу произошел инцидент, который должен был оставить глубокий след во взаимоотношениях Венеции с Византией. В 1149 г. на Корфу прибыл Мануил, занятый до того заботами, связанными со вторым крестовым походом, и отражением очередного нападения половцев. В присутствии императора, в момент, когда осада города была уже окончена, между союзниками внезапно вспыхнула ссора, едва не превратившаяся в кровавое побоище.

Греческие источники, Киннам и Никита, объясняют это столкновение заносчивостью и грубостью венецианцев, их насмешками над ромеями и императором Мануилом. «Это народ безнравственный, хищный больше, чем всякий другой, низкий и не имеющий ни малейшего понятия о флотской чести»,—писал Киннам о венецианцах³³. Разумеется дело было не только в заносчивости и грубости венецианцев. Привилегии республики тяжело давили на экономическую жизнь Византии, возбуждали со стороны греков непримиримо враждебное чувство к венецианским купцам, к венецианцам вообще. Со своей стороны и венецианцы, понимая эту вражду и сознавая за собой силу, позволяли себе оскорбительные выходки по адресу своих союзников и Мануила³⁴. Экономическую подоплеку этой вражды чувствует и сам Киннам, когда он с раздражением говорит о выгодах, полученных венецианцами от императора Алексея.

Столкновение началось с перебранки, но потом греки и венецианцы взялись за оружие, и едва не завязался настоящий бой. На суше венецианцы «обратили тыл», но на море венецианский флот оказался сильнее и начал жечь греческие корабли. Вожди той и другой стороны с трудом могли приостановить дальнейшее развитие событий.

Эта схватка показывает, что союз между Венецией и Византией не базировался на взаимных экономических выгодах, был в этом смысле искусственным, вызванным со стороны Византии неблагоприятной для нее внешне-политической конъюнктурой, а со стороны Венеции—ее все более и более усиливавшимся «натиском на Восток».

Такой союз не мог быть прочным, и Венеция скоро должна была почувствовать это.

2. Разрыв

Венецианцы все более и более обосновывались в недрах Восточной империи. Помимо Константинополя, они широко раскинули сеть своих торговых дворов по всем важнейшим экономическим центрам страны и даже в незначительных городах империи у них были свои экономические интересы. Венецианские колонии в XII в. мы видим в Филадельфии, Пеге, Абидосе, Адрианополе, Филиппополе, Фессалонике, Альмиро, в Фивах, Коринфе, на Эвбее и Лемносе, в Драче и т. д.³⁵. Повсюду в империи рядом с мирскими появились и церковные венецианские интересы. Выше говорилось о церквах, предоставленных венецианцам в Драче и Константинополе. В 1136 г. епископ острова Лемноса Михаил передал монастырю св. Георгия в Венеции часовню св. Власия с обязательством возвести здесь церковь в честь этого святого³⁶. В 1145 г. тому же монастырю дожем Пьетро Поляно передана была церковь в Родосто с рыночными доходами, к ней относящимися, что повело потом к спору местной венецианской колонии с приором монастыря³⁷. В 1150 г. собор св. Марка владеет землею в районе Воло в Фессалии, покупает земли в Константинополе³⁸ и т. д.

Все эти разнообразные интересы, особенно значительные в Константинополе, требовали учреждения здесь специального консульского пункта. И действительно, в Константинополе приблизительно около середины XII в. учреждена должность «прокуратора», который поставлен здесь был для охраны венецианских интересов³⁹.

Напряженность взаимоотношений между обоими государствами, вызывавшаяся экономическими причинами, со второй половины XII в. резко обострилась быстро нараставшими политическими противоречиями, корень которых крылся в итальянской политике Мануила, все более и более определенно принимавшей характер попыток восстановления Равеннского экзархата. Независимо от последующих успехов в его борьбе против венгров и сербов, борьбе, благодаря которой в его руках оказалась Далмация⁴⁰, пребывание греков в Анконе, которую Ма-

нуилу удалось привлечь на свою сторону⁴¹, угрожало Венеции объединением в руках одной державы обоих берегов Адриатического моря, препятствие которому было краеугольным камнем венецианской политики в Адриатике. С другой стороны, активная политика в Италии нового западного императора Фридриха Барбароссы, планы которого, очевидно, шли здесь очень далеко, создавала для Венеции особенно сложную политическую обстановку, поскольку интересам республики св. Марка не отвечала также и сильная политическая власть в северной Италии.

Отсюда сама собою напрашивалась мысль о необходимости сближения с южно-италийским королевством, одинаково враждебным обеим империям. Участие Венеции в отражении попыток короля Рожера укрепиться на Балканах не могло, разумеется, создать дружественных отношений между Палермо и городом на лагунах⁴². Поэтому при жизни Рожера Венеция держалась обособленно от Сицилийского королевства, но после его смерти с его племянником, Вильгельмом I, она немедленно вступила в соглашение. В договоре от 1154 г. Вильгельм гарантировал венецианцам свободу плавания по Адриатическому морю и признал за ними в качестве «сферы влияния» побережье этого моря до Дубровника⁴³. Добрые отношения с Палермо Венеция старалась поддерживать и в последующие годы, сближаясь с королевством норманнов все более и более, по мере обострения взаимоотношений с Византией.

Восточная империя, со своей стороны, не могла быть довольной новым политическим курсом своего союзника; однако Венеция не давала прямого повода для разрыва, — ей не было смысла терять свое привилегированное положение в империи Мануила. Новый дож, Витале Микьеле (1156—1172), не отказываясь от соглашения с Вильгельмом Сицилийским, поддерживал также дружественные отношения и с греками. Другое дело Византия. Несмотря на некоторое улучшение отношений около 1170 г., здесь все более и более крепла мысль использовать против своего ненадежного союзника конкурентов Венеции, пизанцев и генуэзцев. Ненадежность же свою Венеция ярко демонстрировала во время войны Мануила с Вильгельмом Сицилийским, когда Венеция, верная своему договору с Палермо, сохраняла строгий нейтралитет. Ви-

занятия после этого твердо взяла новый политический курс на сближение с Генуей и Пизой.

Дипломатические и деловые отношения с обоими этими государствами у Византии начались уже давно. Еще император Алексей в начале второго десятилетия XII в. предоставил пизанцам в Константинополе квартал для их купеческой колонии. Договор 1111 г., который мы здесь имеем в виду, устанавливал также льготное обложение пизанских купцов: со всех привозимых ими товаров они должны были платить только одну двадцать пятую их стоимости, кроме золота и серебра, которые не облагались вовсе. Товары местного происхождения оплачивались пошлинами, установленными для местных греческих купцов. Пизанские купцы одновременно получали место в храме св. Софии и на ипподроме. Причиненные пизанским купцам убытки, например, в результате ограбления, подлежали возмещению; всякие споры с греками или иностранцами, например с венецианцами, подлежали справедливому и скорому суду⁴⁴. Все это не могло идти ни в какое сравнение с положением, которое занимали венецианские купцы, но это могло быть малым началом большого будущего.

Пизанские анналы под 1137 г. сообщают о богатых подарках, доставленных в Пизу императорскими послами⁴⁵. Тогда же, вероятно, был возобновлен и договор от 1111 г., — по крайней мере в 1141 г. пизанского посла Дуоди мы видим в Константинополе, и там же существует в это время пизанская колония. В шестидесятых годах пизанская колония была в Константинополе настолько многочисленной, что во время столкновения пизанцев с генуэзцами на улицах столицы со стороны первых действовало будто бы свыше тысячи человек⁴⁶; но в этих же шестидесятых годах положение пизанцев в Константинополе было сильно скомпрометировано их упорным нежеланием порвать с Фридрихом Барбароссой, которого Мануил считал в это время своим главным противником в Италии. Во второй половине десятилетия их постигла настоящая опала, — они были изгнаны из Константинополя в предместья столицы⁴⁷.

Также рано начались сношения и с Генуей. Византия и Генуэзская республика обменялись посольствами по поводу столкновения их флотов в восточных водах в 1101 г.⁴⁸. Однако, только в сороковых годах мы видим

настойчивое стремление Генуи прочнее обосноваться в византийских владениях, — она ведет переговоры с Калоианном, когда тот находился в Антиохии. Преждевременная смерть императора помешала тогда генуэзцам добиться поставленной цели⁴⁹.

Новые переговоры начались в пятидесятых годах при императоре Мануиле. В 1155 г. генуэзцам удалось было добиться от византийских послов, направленных Мануилом в Геную, очень выгодных для республики условий, среди которых особенно важное значение имели ежегодные денежные субсидии, снижение обложения генуэзских купцов с 10 до 4%, предоставление причала и торгового квартала в Константинополе⁵⁰. Реализация этого соглашения, однако, серьезно задержалась. Сближение Генуи с королем Сицилийским, состоявшееся около этого времени, заставило Мануила повременить с утверждением уступок, сделанных его послами⁵¹. Гибеллинская политика Генуи в начале шестидесятых годов мало благоприятствовала ее дальнейшим домогательствам в Константинополе⁵² и в это время: усилия генуэзского посла Амико де Мурта добиться реализации соглашения от 1155 г. пока не давали результата. Тем не менее количество генуэзцев в Восточной столице быстро возрастало и в упомянутом выше столкновении с пизанцами они насчитывались сотнями. Во второй половине шестидесятых годов мы снова видим Амико де Мурта в Константинополе: генуэзцы хотят добиться равного положения с венецианцами, а император стремится оторвать их от союза с Фридрихом. Ни та, ни другая сторона сначала не хотят полууступок: Генуя отказывается от денег, которыми Мануил хотел купить ее союз против Барбароссы⁵³; Мануил, все еще увлеченный своей италийской политикой, ищет в Италии надежных союзников.

Около 1170 г. Мануил несомненно уже решил пойти на разрыв с Венецией. Изгнание в конце шестидесятых годов пизанцев из Константинополя, мало подвигавшиеся вперед переговоры с Генуей заставили Мануила, однако, медлить с выполнением этого решения, так ведь можно было противопоставить себе все три могущественные морские республики Италии, как ни мало они склонны были действовать в согласии друг с другом. Задумав разрыв с одной из них, по-видимому самой могущественной, Мануил должен был добиться тесной дружбы с другой и

по меньшей мере благожелательного нейтралитета третьей. При данных условиях легче всего было договориться с Пизой: она домогалась всего лишь восстановления своего прежнего положения в столице ромеев; но, сделав необходимые уступки Генуе, можно было добиться дружественного расположения и этой последней.

Этим и объясняется, что Мануил резко изменил свое отношение к Пизе и стал более сговорчивым в переговорах с Генуей. Детали переговоров с Пизой нам известны, но Пизанские анналы под 1172 г., т. е. уже после разрыва Мануила с Венецией, сообщают только о возвращении им императором прежних позиций на территории империи и в Константинополе⁵⁴. Это видно и из договора, заключенного может быть несколько ранее этого императором с Пизой⁵⁵. Миссия Амико де Мурта в свою очередь в конце концов также увенчалась если не полным успехом, то все же привела к значительному улучшению позиций Генуи в Византии. К 1170 г. генуэзцы получили твердую базу в Константинополе, добились еще раз снижения обложения их купцов до 4%, ежегодных незначительных денежных дотаций и гарантий свободной и безопасной торговли⁵⁶.

Таким образом, задумав порвать с венецианцами, император Мануил сблизился с пизанцами и постарался одновременно избежать всяких осложнений с генуэзцами. Об этом последнем обстоятельстве свидетельствует тот факт, что в Генуе об императоре Мануиле остались добрые воспоминания и, когда в 1180 г. он умер, генуэзский анналист, один из продолжателей Кафаро, нашел необходимым отметить этот факт следующими словами: «В 1180 г. скончался Мануил, дивной памяти всеблаженный император Константинопольский»⁵⁷. Венецианцы после 1171 г. отзывались о своем бывшем союзнике иначе.

Сближение Византии с Генуей и Пизой раздражало венецианцев не в меньшей степени, чем дружба Венеции с южно-италийским королевством возмущала императорское правительство. Отношения между обоими государствами оказались натянутыми до последней степени, — надо было ожидать враждебных действий с той и другой стороны. Инициативу взяла на себя Венеция. В 1168 г. шесть венецианских галер захватили пять анконских с их экипажами, причем несколько человек анконцев было по-

вешено. Это было сделано как раз в тот момент, когда отношения между Анконой и Византией были особенно дружественными, и Анкона превратилась в опорный пункт Восточной империи в Италию. Надо было ожидать ответного удара. Это и было сделано 12 марта 1171 г.

Венецианцы должны были быть готовы к репрессиям со стороны восточного соседа, но удар, нанесенный им Мануилом, был все-таки внезапным⁵⁸. Византийские источники — Киннам, Никита Хониат — изображают события 1171 г. как возмездие венецианцам за оскорбления, нанесенные императору под Корфу, как мероприятие, вызванное заносчивостью и дерзостью ненавистных «торгашей» с лагун. Киннам кроме того инкриминирует им еще нападение на генуэзский квартал в 1170 г. и отказ выполнить распоряжение императора о возмещении убытков. Венецианские анналисты, со своей стороны, относят эти события на счет зависти и злобы императора⁵⁹. В действительности, как мы видели, причины лежали глубже.

Венецианцы усиленно подчеркивают коварство Мануила, который «льстивыми словами» старался заманить в пределы Романии как можно больше венецианских купцов, чтобы готовившийся им удар был как можно более эффективным⁶⁰. Два венецианских посла, находившихся в то время в Константинополе, были императором обласканы, и он рассеял их опасения, вызванные дошедшими до них слухами о готовящемся нападении, заверениями в своей дружбе⁶¹. Удар обрушился на голову нескольких тысяч венецианцев, что не так уж невероятно при обширности тех экономических связей, которые существовали у венецианцев в Византийской империи. Почти двадцать тысяч их, — уверяют нас венецианские анналисты, — находилось весной 1171 г. в пределах Романии и около половины этого числа было сосредоточено в одном Константинополе⁶². «Подобно льву» обрушился Мануил на венецианских купцов и в столице, и на всем протяжении империи. Их хватали в домах, на площадях, ловили на море⁶³. Кто не успел бежать, были посажены в тюрьмы, — для узников в них нехватало места, ими стали заполнять монастырские кельи и казематы. Имущество, деньги и товары были конфискованы, но только часть всего этого

попала в казну, — остальное было расхищено местными чиновниками, исполнителями распоряжения императора⁶⁴.

Взрыв возмущения вызвали эти действия в Венеции, когда туда в апреле прибыло несколько венецианских кораблей, уцелевших от погрома, с известием о его размерах. Немедленно было принято решение организовать экспедицию в византийские воды с целью мести и возмещения убытков. Голоса благоразумия, рекомендовавшие вступить с Византией в переговоры, смолкли в буре общественного негодования⁶⁵.

В четыре летних месяца 1171 г. был вооружен флот в составе 100 галер и 20 кораблей; флот этот затем был усилен несколькими судами зависимых далматинских городов. Дожд Витале Микьеле сам стал во главе экспедиции. Венецианский флот обогнул Морею, направился к Негропонту, делая нападения на приморские города, замки и именья. Побережье Негропонта также было разграблено без всякой помехи, так как греки не смели сопротивляться. Несколько сановников империи, очевидно крупные землевладельцы острова, «просили отправить к императору послов для переговоров». Дожд нашел это предложение приемлемым, послы были отправлены, а флот продолжал углубляться в византийские воды. Венецианцы подошли к Хиосу и здесь решили обосноваться для зимовки и для организации нападений на соседние острова. Витале Микьеле подражал Доменико Микьеле.

Надо было подождать и результатов посольства. Дожда ожидало разочарование: посланцы не были приняты Мануилом, они только привезли с собою представителя императора, по совету которого в Константинополь было отправлено новое посольство. Так завязались бесконечные и бесплодные переговоры, которые затянулись на годы.

Между тем в армии и флоте появилась чума, опустошавшая ряды венецианских матросов и солдат⁶⁶. К этому прибавились продовольственные затруднения. Носились слухи, что греки отравили колодцы и вино, которое венецианцам удавалось захватить. Чем дальше, тем дела шли все хуже и хуже. Флот побывал на Лемносе, Лесбосе; но смерть преследовала венецианцев всюду. Наступила пасха 1172 г., а люди продолжали умирать сотнями. Во флоте и войске сначала тихо, потом все громче и

громче раздавались сетования: «нас предали и нами дурно руководят»...

Естественно, что миролюбие дожа и неподатливость Мануила возрастали. Второе посольство также не было принято императором и привезло только обещание, что будет принято третье посольство. «Так как,—наивно объясняет автор «Истории дождей венецианских»,— дож любил мир... и не мог переносить народного ропота», то он, отправив в Константинополь третье посольство во главе со знаменитым впоследствии Энрико Дандоло, «по общему совету» решил возвратиться в Венецию⁶⁷. Киннам, преувеличивая успехи своих соотечественников, сообщает, что отступавшие венецианцы подвергались преследованию и нападениям со стороны греческого флота⁶⁸. Так широко задуманная карательная экспедиция закончилась катастрофой.

Она была также и личной катастрофой дожа. Возвратившийся флот был встречен взрывом недовольства. Во дворце дождей состоялось бурное заседание, во время которого одни в бешенстве (*nimie rabientes*) угрожали дожу ножами и кинжалами, а другие, болсе благоразумные, поспешили оставить собрание и скрыться. Витале Микье-ле пробовал искать спасения в бегстве, думая укрыться в церкви монастыря св. Захарии, но один из участников бурного собрания (*latro nefandissimus*) нанес дожу кинжалом смертельную рану, успев при этом скрыться⁶⁹.

Тем временем вернулось ни с чем и третье посольство, а глава его Энрико Дандоло, передают, подвергся даже какому-то личному оскорблению⁷⁰. Отправлено было новое, четвертое посольство, но и оно не привезло с собою мира, а только двоих новых посланцев Мануила, единственной целью посылки которых, казалось, было соглядательство и дальнейшее затягивание переговоров. По совету этих представителей венецианцы направили в Константинополь пятое посольство. Оно было принято императором, но, заверив послов в том, что в дальнейшем мир будет заключен, император рекомендовал им пока отправиться обратно, прихватив и на этот раз двух его представителей, которые, явившись в Венецию, «говорили новому дожу (Себастино Циани) сладкие речи»... Терпение венецианских дипломатов, наконец, лопнуло: дож прекратил переговоры⁷¹.

Италийская политика Мануила, разрыв с Византией, потеря византийского рынка, сближение восточного императора с Генуей и Пизой, безуспешные попытки восстановить в греческой империи свое прежнее положение заставили Венецию пересмотреть свою внешнюю политику и временно ориентировать ее по-иному, не нарушая, впрочем, ее основных положений: «натиска на Восток» и безопасности плавания по Адриатическому морю.

Этим объясняется война Венеции с Анконой в союзе со своим прежним противником Фридрихом Барбароссой, заключение договоров с восточными мусульманскими государями, возобновление договора с королем Сицилийским на новое двадцатилетие и в дальнейшем — активизация политики в Сирии в связи с третьим крестовым походом.

Война с Анконой в 1173 г. была в сущности войной против Византии. Автор «Истории дождей венецианских» так и объясняет ее происхождение: «Война началась потому, что анконцы из ненависти и наперекор венецианцам приняли к себе враждебных венецианцам греков⁷². Венеция не могла допустить того, чтобы в руках одного и того же государства оказались оба берега Адриатического моря, и это тем более, что теперь восточный император из сомнительного союзника превратился в открытого врага.

Война с Анконой не принесла венецианскому оружию военных трофеев, но демонстрировала перед всем миром изворотливость венецианской политики. Для того, чтобы парализовать политику восточного императора в Италии, Венеция пошла на сближение с императором западным, с которым она до того времени, как член Ломбардской лиги, находилась в состоянии войны, изменив таким образом своим бывшим союзникам. В 1173 г. представитель Фридриха Барбароссы в Италии Христиан, архиепископ Майнцский, в апреле месяце осадил Анкону⁷³,—ему также нужно было парализовать здесь влияние Восточной империи⁷⁴. Правильно оценив политическое положение в Венеции, Христиан вступил с Венецией в переговоры о совместных действиях под Анконой. В результате этих переговоров венецианский флот в составе 40 кораблей принял участие в осаде Анконы⁷⁵. Союзники до последней степени стеснили осажденный город. Голод, ужас всех осажденных городов, терзал его жителей. Пизанские анналы сообщают, что защитники города ели собак, ко-

шек, павших животных, но продолжали мужественно отстаивать его укрепления⁷⁶. Венецианцы не выдержали первыми: они покинули воды Анконы, возложив продолжение осады на немцев⁷⁷. Однако, они ошиблись: Христиану не удалось сломить сопротивления анконцев, так как они надеялись на помощь Ломбардской лиги, которая действительно и была подана им в конце сентября или начале октября. Таким образом, предприятие союзников окончилось ничем: венецианцам помешала приближавшаяся «зимняя непогода», а архиепископу Майнцскому — войска Ломбардской лиги⁷⁸. Однако, эта операция имела то значение, что с этого времени, не порывая с лигой прямо, Венеция до самого конгресса 1177 г. оставалась в знаменитой борьбе лиги с императором нейтральной. Это был один из поворотов в ее политике, в значительной степени продиктованный ее разрывом с Восточной империей.

Если борьба с Анконой преследовала цели вытеснения Византии с западного побережья Адриатики, то мелкая крейсерская война в водах Архипелага и восточного Средиземноморья, заключавшаяся в ограблении греческих купцов и в опустошении греческих приморских городов преследовала те же цели, что и дипломатические интриги на Балканском полуострове, где Византии были противопоставлены сербы⁷⁹. Цели эти заключались в создании для Восточной империи возможно больших затруднений повсюду, чтобы тем побудить ее к прежним экономическим и политическим уступкам в пользу венецианских купцов. Мы видели, что все эти усилия были напрасными.

Прекращение чрезвычайно выгодных для Венеции торговых взаимоотношений с Византией толкало венецианскую дипломатию на путь более тесных взаимоотношений с мусульманскими potentатами, владения которых находились на путях движения восточных товаров на запад. Автор «Истории дождей венецианских» указывает, что вследствие создавшейся для венецианской торговли обстановки, дож, вероятно Себастиано Циани (1172—1178), заключил дружественные соглашения с Египтом и Багдадом. Это дало возможность Венеции «свободно» осуществить свою торговлю. Понимать это известие венецианского источника надо с большим ограничением, так

как укрепление старых связей с восточными странами не могло все-таки возместить потерь на византийском рынке.

В 1175 г. Венеция возобновила свой договор с королем Сицилийским. Обычно считается, что это произвело настолько сильное впечатление на императора Мануила, что он поспешил вступить с Венецией в переговоры и восстановить прежние привилегии венецианских купцов. На этой позиции стоят, например, из византинистов—Гопф, Герцберг, Арменго, Шаландон, Успенский, Васильев, Ёорга и т. д.; из историков Венеции — Романин, Хэзлит, Браун, Ходгсон, Кречмайр, Баттистелли, Музатти и т. д., из историков средиземноморской торговли в средние века — Гейд, Гейнен, Шаубе, Манфрони. Эта позиция имеет за собой прямое свидетельство хорошего источника. Никита Хониат, рассказав о бесплодных попытках Венеции силой принудить Мануила к восстановлению в империи прежнего положения венецианцев, пишет далее: «Венецианцы, видя, что войной они не могут добиться ничего хорошего, заключили мирный договор с Сицилийским королем, для того, чтобы в случае войны он помогал им против ромеев. Император, узнав об этом по слухам, возобновил прежний союз с венецианцами, так как известно, что и малые причины порождают великие изменения и огромные бедствия. Хотя император и не мог добиться разрыва их с королем Сицилийским, однако по их просьбе пошел им навстречу и вернул им положение, подобное положению ромеев, которое они занимали ранее. Он согласился вернуть им все, что из их достояния поступило в государственное казначейство. Однако, и сами венецианцы, как опытные купцы, нашли более удобным и выгодным возместить свои потери получением 15 кентенариев золота. Эта сумма не сразу, а в несколько приемов и была им выплачена»⁸⁰.

Наиболее ранние венецианские источники, однако, совершенно единодушно стоят на той позиции, что мирный договор с Мануилом заключен не был и именно по его вине. Они относят восстановление нормальных отношений с Византией только ко времени Андроника Комнина. У автора «Истории дождей венецианских» мы читаем: «Венецианцев же он (Андроник) освободил из тюрем, обещав вместе с тем путем ежегодных взносов выплачивать и те деньги, что получил Мануил, и таким образом был восстановлен мир»⁸¹. У Дандоло соответствующее

место читается так: «Император же (Андроник) потом, по просьбе дожа, охотно освободил всех захваченных венецианцев и обещал в скором времени возместить нанесенный им ущерб путем ежегодных взносов»⁸². В этом же роде повествует об этих событиях и Лоренцо де Моначи⁸³.

Мы уже говорили, что вся новейшая историография следует в этом вопросе за Никитой, — мы тем не менее считаем, что в данном случае надо отдать предпочтение известию венецианцев.

Содержание договора 1175 г. не оправдывает тех опасений, которые он будто бы вызвал в душе императора Мануила. Прежде всего надо заметить, что договор не был заключен Венецией *ad hoc*, ввиду безнадежности переговоров с Византией. Это было возобновлением уже упоминавшегося нами договора от 1154 г., заключенного тогда на 20 лет, и срок, которого, следовательно, в 1174 г. истек. В самом договоре нет статей, направленных против Византии, если не считать в качестве таковой статью о том, что можно было бы назвать «размежеванием сфер влияния»⁸⁴; но из этой статьи следует только, что если сицилийцы по старому норманскому рецепту нападут на Драч или Валлону, то венецианцев это касаться не будет. Прочие статьи не имели никакого отношения к Византии и представляли собою гарантии свободного плаванья по Адриатике и свободной торговли в пределах Сицилийского королевства. Договор был заключен опять на 20 лет, но не помешал Венеции впоследствии, когда Византия пошла с ней на сближение, принять на себя весьма далеко идущие обязательства по защите империи от короля сицилийского. Таким образом, договор не заключал в себе ничего такого, что могло бы испугать императора Мануила.

Иногда указывают, что император мог не знать содержания известного нам договора и мог предполагать в нем большее, чем он в себе заключал⁸⁵. Это, конечно, вполне возможно, но тут надо вспомнить тогдашнюю международную обстановку. В 1175 г. Мануил был в одном лагере с королем сицилийским, но у Вильгельма II была война с Фридрихом Барбароссой, а Леньяно и Венецианский конгресс были еще впереди. Вильгельму II было пока не до завоеваний на Балканах. Этим же, вероятно, надо объяснить и то обстоятельство, что Венеция пошла на такое размежевание сфер влияния в Ад-

риатике, которое в корне противоречило ее традиционной политике в этом море. Наконец здесь полезно вспомнить, что шестое венецианское посольство в поисках соглашения с Мануилом было отправлено в Византию после 1175 г. и вернулось также ни с чем: Мануил был по-прежнему непреклонен⁸⁶.

Мы не имеем в своем распоряжении официальных документов, на основании которых мог бы быть разрешен вопрос о возобновлении прежнего положения Венеции на территории Восточной империи в том или другом смысле; но этой цели, по нашему мнению, идеально служат частные грамоты, в частности уже упоминавшиеся выше «Документы», характеризующие венецианскую торговлю в рассматриваемое время.

Что говорят эти данные? Они показывают совершенно согласно, что деловые взаимоотношения, нормальные связи между Венецией и Византией, будучи разорваны в 1171 г., не были восстановлены в течение более 10 лет, до времени правления Андроника Комнина.

Из этих документов прежде всего видно, что в период времени с 1161 г. по 1171 г. в византийских городах было составлено венецианскими купцами более половины общего количества деловых контрактов, заключенных ими в то время, — разумеется, мы имеем в виду при этом дошедшие до нас и опубликованные контракты. С другой стороны, в десятилетие от 1184 г. по 1194 г. опять около трети всех документов составлено было в византийских городах. Между тем в интересующие нас 13 лет, от 1171 до 1184 г., такие документы составляют только один процент от общего их числа. В абсолютных цифрах это составляет: в десятилетие, предшествующее разрыву, 53 документа были составлены в различных византийских городах и в том числе — в Константинополе 31 документ, в Альмиро — 12, в Фивах — 5, в Спарте — 2, в Коринфе — 2, на Крите — 1; в последующие же 13 лет только один документ был составлен в Фивах и ни одного во всех остальных городах⁸⁷.

Все это говорит о том, что сеть венецианских факторий на территории Византии была разрушена и не была восстановлена во все время правления императора Мануила. Пронырливый венецианец Сизинуло, к деятельности которого относится фиванский документ, представляет собою исключение, и вполне возможно, что он опери-

ровал в это время в Фивах не под венецианским именем. Торговая венецианская сеть была разрушена настолько основательно, что восстанавливалась лишь очень медленно: число грамот, помеченных греческими городами, в шестидесятых годах равнялось 53, а в восьмидесятых и девяностых — 22.

Несколько фактов из истории торгового дома Майрано делают картину взаимоотношений Венеции и Византии в интересующее нас время еще более ясной. Дом Романо Майрано вел крупные торговые операции в Константинополе. Здесь находилась его главная контора. Помимо торговых операций, Романо Майрано арендовал по специальному контракту, заключенному им в 1169 г., доходные статьи и земли в Константинополе, принадлежавшие патриарху Градо, т. е. патриарху венецианскому.

12 марта 1171 г. разразилась гроза: последовал эдикт императора Мануила. Венецианцы искали спасения в бегстве. Именно Майрано был собственником того большого корабля, который поражал своими размерами современников, как греков, так и латинян. Об этом корабле говорит и Никита, без достаточных оснований считая его кораблем греческим; о нем говорит и Бонкомпанья в своей повести «Об осаде Анконы»⁸⁸. Этим то кораблем и воспользовался Майрано, равно как и многие другие его соотечественники, для того, чтобы поспешно бежать от ставших столь негостеприимными берегов базилевса. Майрано и его спутники счастливо отделались от преследовавших их греческих кораблей и прибыли к берегам Сирии, где они поведали своим сирийским землякам о постигшем их несчастье.

Лишившись своих позиций в Константинополе, Майрано переносит центр своей деятельности в Александрию. От 1172 г. мы имеем документ, представляющий собою расписку патриарха Градо, выданную Майрано, в получении от него 120 веронских фунтов, в качестве арендной платы по упомянутому выше договору. Размеры этой суммы свидетельствуют, что Майрано рассчитывался за два с половиной года действия договора — с 15 сентября 1168 г. очевидно по 12 марта 1171 г., так как дата действия соглашения указана в нем самом, а сумма годовой арендной платы составляла 50 веронских фунтов⁸⁹. После изгнания венецианцев из Константинополя сделка становилась беспредметной, но контрактанты только через год

убедились в том, что прежнее положение Венеции в Константинополе в ближайшее время не будет там восстановлено и освободили друг от друга от принятых на себя обязательств, что было отмечено составлением нового договора в январе 1173 г. В самом договоре причина расторжения соглашения договора не указана, но она теперь ясна для нас совершенно так же, как и для контрактантов в то время⁹⁰.

В семидесятых годах и начале восьмидесятых годов деятельность Майрано разворачивается, как уже было сказано, в Александрии и в Сирийских портах. Все это время он продолжает выплачивать различным своим кредиторам в Венеции по сделкам, заключенным до 1171 г. с платежом в Константинополе⁹¹. Мы не видим ни одной сделки его, ни одной операции, которая бы предусматривала в качестве места платежа, Восточную столицу с 1170 до 1184 г.

Но в восьмидесятых годах обстановка изменилась. Мануил умер, появилась надежда на возвращение потерянного рая на Босфоре. Андроник оказался сговорчивее своего предшественника, и мы видим, как уже в 1183 г. мелкий торговый венецианский люд разворачивает в Константинополе свои операции. Об этом нам говорят еще Тафелем опубликованные грамоты от 1183 и 1184 гг.⁹². Солидные фирмы спешить особенно не будут: мир налаживался, но обстановка в Константинополе продолжала быть напряженной... Майрано опять обоснуется в Константинополе только к концу восьмидесятых годов, хотя его операции с Константинополем возобновляются уже с 1184 г.

Все эти факты совершенно согласно свидетельствуют о том, что деловые связи венецианцев с греческим миром были прерваны в начале семидесятых годов и начали возобновляться только со времени Андроника. Все это позволяет сделать вывод, что мирные отношения между Венецией и Византией при Мануиле восстановлены не были. Наши документы, однако, дают возможность прийти к такому выводу и непосредственно, на основании прямого свидетельства о том, что и в 1181 г., т. е. после смерти Мануила мир с Византией заключен не был, но была перспектива на вероятное его заключение в ближайшем будущем. Мы приведем это место из нашего документа полностью: «Указанное выше соглашение было заключе-

но в Риальто, в феврале месяце 1181 г., индикта 15. В соответствии с этим соглашением Якопо и его брат Филиппо обязаны уплатить в Венеции Гвидону Валерессо в течение одного года после заключения мира между Венецией и императором Константинопольским... 50 веронских фунтов»⁹³.

Нам кажется, нельзя представить более убедительных данных в пользу правдивости известия венецианского анонимного автора «Истории дождей венецианских», именно его слов: «Дождь заключил (после окончательного провала переговоров с Мануилом) договора с султаном Каиро (вспомним деятельность дома Майрано в Александрии) и другими мусульманскими государями, и ходили венецианцы во все земли в полной безопасности, свободно совершая свои торговые операции, кроме земель греческих»⁹⁴.

Таким образом в конце правления императора Мануила Византия сделала попытку избавиться от экономических пут, которые были возложены на нее в тяжелые времена императором Алексеем. Венеция почти на 20 лет оказалась отрезанной от византийского рынка, и понятно то упорство, с каким она добивалась восстановления своих прежних позиций на территории империи. Позиции эти были взяты Венецией в годы тяжких испытаний, которые переживала империя в конце XI в., — они теперь и возвращены могли быть только при аналогичных условиях. Эти условия как раз и возникли через 100 лет, после того, как император даровал Венеции свой знаменитый хрисовул.

3. Сближение при Андронике I и Ангелах

После смерти Мануила в Византии опять наступил период смут и дворцовых переворотов. Мануил оставил после себя малолетнего сына Алексея, который и был провозглашен императором под именем Алексея II. За малолетством императора регентство осуществляла его мать Мария Антиохийская, сблизившаяся с протосевастом Алексеем Комнином. В первом же году правления регентши была сделана попытка захватить власть со стороны дочери Мануила от первого брака и ее мужа

кесаря Райнерио. Попытка эта кончилась неудачей, но она была повторена весной следующего 1182 г. Андроником Комнином, двоюродным братом императора Мануила.

Кратковременное правление Андроника I было чрезвычайно бурным. Началось оно с кровавого погрома латинян в 1182 г. и через три года закончилось в буре восстания константинопольской черни, поднятой аристократами. За эти три неполных года в Константинополе свирепствовал террор, направленный императором против всегда склонных к мятежу феодальных аристократических фамилий, а перед империей еще раз возникла страшная опасность со стороны южной Италии. Вот этими затруднениями многовековой империи и воспользовались венецианцы, для того чтобы вновь обрести потерянный в пределах Романии торговый рай.

Надежда вернуть прежние позиции в пределах Византии появилась в Венеции несомненно тотчас же после смерти императора Мануила. Беспринципное правительство Марии и протосеастра Алексея, сразу же оказавшееся в довольно затруднительном положении, не могло быть таким несговорчивым, каким оказался под конец своего царствования Мануил. Это доказывается хотя бы тем только что приведенным фактом, что в Венеции в 1181 г. заключались сделки, учитывавшие возможность заключения мира с Византией в недалеком будущем. Вероятно это бы и случилось, если бы Мария и протосеаст не были вскоре низложены. Именно по этой причине, надо полагать, заключение мира было отсрочено еще на некоторое время.

Переворот 1182 г. сопровождался страшной Константинопольской баней, когда латиняне подверглись в столице беспощадному истреблению. Движение это было результатом ненависти, которую уже давно возбуждали к себе многочисленные представители итальянских торговых республик, жестоко конкурировавшие на базе своих привилегий с местными купцами и ремесленниками. В момент исчезновения власти, во время переворота, это негодование против привилегированных иноземцев легко переросло в кровавую расправу с ними столичной толпы.

Вопреки общепринятому мнению, мы полагаем, что венецианцы во время этих событий или вовсе не постра-

дали, что всего вероятнее, или пострадали из них отдельные немногие лица, хотя без сомнения для греков венецианцы были наиболее ненавистными, как наиболее привилегированные из всех латинян. Такой взгляд логически вытекает из того факта, что мирные связи между Венецией и Византией восстановлены не были и, конечно, сколь-нибудь значительного количества венецианских купцов и резидентов в роковые дни 1182 г. в Константинополе быть не могло, если не считать тех, что все еще томились в тюрьмах. Неподатливость императора Мануила да тюрьмы «спасли» тогда сынов св. Марка от кровавой расправы.

Этим легко объясняется то «странное» обстоятельство, что венецианские источники ничего не знают об этих событиях. Венецианцы редко следовали христианской заповеди о прощении обид и никогда не прощали материального ущерба, между тем в данном случае их бытописатели не говорят ни о том, ни о другом⁹⁵. Невенецианские источники по истории этих событий — Никита, Вильгельм Тирский, Евстрафий Солунский — говорят только вообще о латинянах. Нам кажется, однако, что у одного из них, именно Евстрафия, можно найти косвенное подтверждение правильности постановки нами этого вопроса. Евстрафий Солунский в своем известном сочинении «О взятии Солуни», раскрывая понятие «латиняне», которым он оперировал, описывая злоключения их в момент прихода Андроника к власти, называет среди пострадавших людей из Пизы, Генуи, Тосканы, Ломбардии, но совершенно не упоминает венецианцев⁹⁶. Вряд ли это обстоятельство можно объяснить забвением, — это невероятно при тех чувствах, которые писал Евстрафий по отношению к «земноводной змее, болотной лягушке, морским разбойникам с Адриатики», как он аттестует сынов св. Марка в своей речи по поводу освобождения Анконы⁹⁷.

Из всего этого следует тот вывод, что взаимоотношения Венеции и Византии не были омрачены событиями 1182 г., и венецианцы могли спокойно продолжать уже начатые, вероятно, до переворота переговоры о восстановлении мира. Если все-таки венецианские источники относятся к Андронику отрицательно, то это легко объясняется классовыми симпатиями их авторов: аристократически настроенные венецианские анналисты не могли

быть довольны антифеодалной политикой Андроника. Но внутренняя политика Византии интересовала венецианское правительство гораздо менее чем проблема восстановления прежних отношений с империей и возмещения убытков, причиненных венецианским купцам в 1171 г. Начатые переговоры успешно продолжались и закончились уже известным нам по венецианским источникам соглашением, в силу которого Андроник освободил посаженных Мануилом в тюрьмы венецианских купцов и обещал возместить причиненные им убытки. В нашем распоряжении имеются бесспорные доказательства того, что это обещание не только было дано Андроником, но и начало им выполняться. Это видно из частных грамот от конца 1185 г. В грамоте от ноября этого года мы читаем: «Андроник, император Константинопольский, в возмещение убытков, которые были в свое время (*tunc temporis*) причинены венецианцам, прислал в Венецию через наших послов столько золотых перперов, что по определению наших экспертов (*secundum quod nostri examinatores existimaverunt*) за каждый перпер потерь причитается половина золотого карата и половина венецианского денария», т. е. около 2,5%⁹⁸. Грамота от декабря того же года гласит: «В возмещение этих потерь Андроник, император Константинопольский, переслал в Венецию через послов дожа 100 фунтов перперов. Отсюда следует, что каждому за свои потери по расчету, сделанному экспертами (*facta ratione per prudentes viros*), которым было поручено это дело, причитается половина карата и половина венецианского денария за перпер»⁹⁹.

Едва ли можно сомневаться в том, что тогда же были восстановлены и прежние привилегии венецианцев в пределах империи. Дандоло не говорит нам об этом прямо, но для венецианских политиков того времени мир с Византией и пользование на ее территории торговыми привилегиями были понятиями равнозначущими. Возможно, что в связи с этой венецианской политикой Андроника находится и его категорическое запрещение пользоваться на территории империи «береговым правом», против которого всегда и всюду боролись венецианцы.

Все это убедительно свидетельствует о том, что у Венеции не было оснований быть недовольной политикой Андроника¹⁰⁰. «Националист», каким этот император рисуется нередко в сочинениях новейших историков, ока-

зался гораздо более благосклонным к знаменитой торговой республике на лагунах, чем «западник» Мануил. Ни на чем не основанной выдумкой является обвинение Венеции в участии в разбойном нападении на Византию совместно с королем сицилийским в 1185 г.¹⁰¹; но справедливо, что в этом столкновении, оказавшимся для Андроника роковым, республика св. Марка сохраняла строгий нейтралитет и не пришла на помощь базилевсу: у нее не было побудительных причин вмешиваться в это дело, пока оно не приняло опасного для адриатической политики Венеции оборота, а море к югу от Дубровника, по договору от 1175 с сицилийским королем, лежало в сфере политических интересов последнего.

После того, как Андроник был низвергнут, и на троне появилась новая династия, Венеция должна была вновь хлопотать о восстановлении своих прав и возмещении убытков. Ее послы появились в Константинополе с этой целью тотчас же, как только выяснилось, что положение Исаака Ангела на троне базилевсов упрочилось. Венецианские послы с большей степенью вероятности могли рассчитывать на успех своей миссии. Норманское нашествие, правда, было отражено и на этот раз без помощи Венеции, тем не менее новая династия должна была избегать всяких внешнеполитических осложнений, чтобы окончательно укрепиться на троне. Тем не менее жертвы, которых требовала Венеция, были настолько велики, что Исаак довольно долго колебался, согласившись, наконец, подтвердить хрисовулы своих предшественников, он медлил с разрешением вопроса об убытках¹⁰². Но венецианцы знали, чем припугнуть неподатливого основателя новой династии. Перед ним несомненно была нарисована перспектива активизации венецианско-сицилийского союза, а воспоминания о разгроме Солуни были так еще свежи в памяти, что Исаак должен был положить конец своим колбаниям. Так венецианцы добились своей цели и от императора новой династии. В 1187 г. Исаак подтвердил хрисовулы своих предшественников и заключил с Венецией оборонительный союз, но только через два года, в 1189 г., было достигнуто соглашение о возмещении убытков¹⁰³.

Соглашение о восстановлении прежних прав венецианских купцов на территории Византии и возобновлении союза Венеции с Восточной империей облечено было

в форму обширных документов, где после подтверждения Исааком хрисовулов императора Алексея, Калоиоанна и Мануила с почти дословным их воспроизведением и с обычными указаниями на «заслуги» венецианцев перед империей, следует договор о союзе республики с империей¹⁰⁴. Трудно сказать, в какой степени этот договор был новинкой по сравнению с предшествующим временем: хрисовулы Алексея, Калоиоанна и Мануила таким или ему подобным договором не сопровождаются, но союз Венеции с Византией стоит и для того времени вне всякого сомнения. Возможно, что такого рода дополнительные соглашения существовали и тогда, но до нас не дошли¹⁰⁵. В февральском соглашении во всяком случае есть ряд подробностей, которые вытекали из международной политической ситуации данного момента.

Договор начинается с указания, что в нем речь идет о восстановлении «прежнего союза». Венеция брала на себя обязательство не присоединяться ни к какой стране, с которой Византия находилась бы в состоянии войны, равно как и самой воздерживаться от всякого причинения ей вреда и ущерба¹⁰⁶. Больше того, если бы какое-либо государство напало на византийские владения, то Венеция по просьбе императора должна оказать ему помощь: в шестимесячный срок со дня уведомления императором о необходимости такой помощи Венеция должна была выставить от 40 до 100 кораблей, издержки по снаряжению которых ложились, однако, на империю, но людей должна была поставить Венеция и не каких-либо, а «способных к войне», не моложе 20 и не старше 60 лет. Командование этим флотом могло быть поручено как венецианцу, так и греку, но венецианцы во всяком случае должны были ревностно служить делу империи¹⁰⁷. Если бы по миновании непосредственной надобности, т. е. по окончании похода, император пожелал сохранить флот на своей службе, то он должен был делать это за свой собственный счет¹⁰⁸. Все венецианцы, оказавшиеся на территории империи, подвергшейся вражескому нападению, обязаны принять личное участие в ее защите¹⁰⁹. Империя со своей стороны не должна нападать на союзников Венеции или страны, ей дружественные. Свои войска проводить через владения Венеции Византия имеет право в одном единственном случае, именно тогда, когда они предназначаются для действия против заведомых вра-

гов Венеции. Для Венеции в условиях этого договора было, однако, одно затруднительное обстоятельство: в это время она стояла в дружественных отношениях с Западной империей и союзных — с Сицилийским королевством. Это знала и Византия, и, конечно, необходимо было внести в этот вопрос надлежащую ясность, — это должно было быть желанием обеих сторон. Вероятно не без продолжительных прений удалось подыскать нужную формулировку, — она могла быть, конечно, только компромиссом: договор терял для Венеции обязательную силу, если Византия втягивалась в войну с западным императором или королем сицилийским до истечения мирных договоров, существовавших между Венецией и этими государями. Такая формулировка не могла удовлетворить Византии, в особенности в той ее части, которая касалась Сицилии, поэтому Византия настояла на добавлении: если, однако, король Сицилийского королевства сам нападет на владения Византии, то Венеция обязывалась в четырехмесячный срок выступить на поддержку армии и флота восточного императора¹¹⁰. Наконец, заранее выговорив восстановление всех прежних льгот и преимуществ на территории империи, Венеция, на всякий случай, оговорила в рассматриваемом договоре право на приобретение в любом городе, завоеванном совместными усилиями, экстерриториального квартала с обычными в таком случае бытовыми и торговыми удобствами¹¹¹.

Так был возобновлен союз Венеции с Византией, снова отдавший в руки венецианских купцов командные высоты в торговле Византии и с западными странами, и отчасти с Востоком. Согласившись взять на себя некоторые военные обязательства, она строго ограничила их морской службой, да и то в значительной мере за счет империи. На море Византии могли угрожать в это время лишь другие итальянские торговые республики, как Пиза и Генуя, или королевство Сицилийское. Во всех этих случаях защита Византии была одновременно и защитой венецианских интересов, ибо ничто так не противоречило этим интересам, как усиление за счет Византии любого из этих государств. Таким образом, Венеция собиралась защищать свои собственные интересы за счет Византии под благовидным предлогом защиты владений императора.

В 1189 г., преодолев, наконец, сопротивление Исаака Ангела, Венеция добилась договора о возмещении убытков, причиненных Мануилом¹¹². Общую сумму убытков договор определял в 14 кентенариев золота, не считая ранее выплаченного кентенария. Это, несомненно тот взнос, который был сделан еще Андроником, имя которого канцелярия императора Исаака по непонятным причинам упоминать не хочет. Одновременно или тотчас после заключения договора Исаак сделал еще один взнос в размере двух или двух с половиной кентенариев¹¹³, остальная же сумма должна была быть выплачена равными долями в течение шести лет, т. е. очевидно по два кентенария ежегодно¹¹⁴. Однако, венецианцам всего этого казалось мало. Поэтому они дополнительно потребовали и получили все те торговые кварталы, причалы, которыми до этого времени пользовались немцы или французы на территории Византии. При этом вновь полученные места должны быть начисто свободны от всяких налогов, и появление там агентов императорского фиска воспрещается совершенно так же, как во владениях самого императора¹¹⁵. Это был полный налоговый иммунитет.

Венецианцы без всякого сомнения полностью реализовали все те пункты договора, которые создавали им исключительное положение в империи. Труднее было добиться выполнения договора о возмещении убытков. Мы не можем шаг за шагом проследить ход выполнения принятых на себя императором Исааком денежных обязательств. Считается, что с некоторой вероятностью можно говорить о получении Венецией очередного взноса за 1191 г.¹¹⁶, получение же остальных сумм, на основании известного места из хроники Джустиниани¹¹⁷, обычно отрицается. Мы полагаем, однако, что Исаак аккуратно вплоть до года своего низвержения с трона выполнял и это обязательство. Это, по нашему мнению, следует из инструкции, которую в 1197 г. послал своим уполномоченным при императорском дворе Энрико Дандоло, ведущим с Алексеем III переговоры о возобновлении договоров, заключенных с Исааком. По этой инструкции Энрико Навигеозо, Андреа Донато и Бенуто Грильоне должны были потребовать уплаты четырех кентенариев за два последних года¹¹⁸, т. е. за 1195 и 1196 (посольство вело переговоры в 1197 г.), могли ограничиться половиной

этой суммы¹¹⁹ и в крайнем случае согласиться на отсрочку уплаты и внести эту сумму задолженности в договор¹²⁰. Очевидно, что только эта сумма в четыре кентенария и не была еще уплачена, а это значит, что Исаак аккуратно выплачивал по своему обязательству все четыре года, когда он мог это сделать, т. е. в 1191, 1192, 1193 и 1194 гг.

Дворцовый переворот 1195 г. опять поставил перед Венецией вопрос о подтверждении полученных ею ранее привилегий. Новый император Алексей III на первых порах оказался столь же несговорчивым, сколь и его предшественник. Венеция вынуждена была послать одно за другим три посольства, прежде чем удалось добиться удовлетворительных, с точки зрения Венеции, результатов.

В 1195 или 1196 г. были посланы Райнерио Дзено и Марино Малипьеры, но они, по-видимому, не смогли договориться с Алексеем. Это побудило Энрико Дандоло, сделавшегося дожем в 1192 г. и великолепно знакомого с византийскими дипломатическими порядками по своей прежней миссии в Константинополе, послать второе посольство в конце 1196 или в начале 1197 г., состав которого мы уже называли¹²¹. Из упомянутой выше инструкции этим послам мы видим, в чем заключались основные трудности переговоров, на чем настаивали в Византии и чего добивалась Венеция.

Это был прежде всего вопрос о военных обязанностях Венеции перед Византией. Договор с императором Исааком предусматривал помощь Венеции против Сицилийского королевства только в случае прямого нападения Сицилии на владения императора в течение всего срока действия договора Венеции с сицилийским королевством. Теперь этот срок кончился, — он истек в 1195 г. — император Алексей, естественно, хотел исключить этот пункт и возложить на Венецию помощь Византии против Сицилии и Апулии без всяких ограничений. В Венеции думали иначе: «Если он (т. е. император Алексей) поднимет вопрос о статье, касающейся Сицилии, — инструктировал дож своих послов — и скажет, что срок (действия договора Венеции с королем сицилийским) истек, и пожелает прямо указать, что мы обязаны помогать ему против Сицилии и Апулии, то скажите, что мы (т. е. дож и его советники) об этом еще не думали и не дали вам на

этот счет никаких поручений и что вы не можете, поэтому, здесь что-либо сделать. Если же он на этом настаивать не будет (т. е. на вопросе о Сицилии и Апулии), то согласитесь»¹²². Подобный же вопрос возникал и по поводу статьи, содержащей оговорку относительно Западной империи. «Если он упомянет о статье, касающейся германского императора и захочет удалить эту статью, то скажите,—наставляет дож своих посланцев,—что послали мы вас просто и без обмана, что на эту тему мы еще не размышляли, а потому и не дали вам на этот счет никаких указаний (*Dicetis, quod pure vos misimus et sine fraude nec posuimus mentem ad ista, nec inde vobis aliquid diximus*). Поэтому вы можете согласиться только на существующую редакцию (*Non aliter possetis facere, nisi sicut dicitur*), а если он непременно захочет исключить этот пункт, то вы не соглашайтесь»¹²³. Понятна позиция обоих государств в этом последнем вопросе. Это было как раз то время, когда Генрих VI шумно готовился к походу на восток, ставя своею задачей сокрушение Византийской империи. В 1197 г. в Италии, готовилось войско для отправки в этот поход. Византия прекрасно была осведомлена о всех этих приготовлениях, и ей нужны были союзники. Венецианская оговорка очевидно не могла быть приемлемой для Алексея III. Со своей стороны и Венеция опасалась ринуться в борьбу против императора, могущество которого быстро возросло, и казалось, что, после овладения Генрихом VI Апулией и частью Сицилии, Гогенштауфены близки были, наконец, к реализации идеи «всемирной» империи. Такая империя была, конечно, неприемлемой и для Венеции, но не в союзе с Алексеем III можно было сокрушить ее. Отсюда выжидательная политика Венецианской республики. То же самое надо сказать и о сицилийском вопросе. После смерти Танкреда большая часть королевства оказалась в руках того же Генриха VI. Следовательно, в обоих этих вопросах Венеция должна была занять одну и ту же позицию, что она и сделала. Не желая поступиться выгодами дружественных отношений с Византией и не смея втянуться в борьбу с Западной империей, Венеция должна была держаться выжидательной политики и затягивать переговоры. В той же инструкции и в связи с тем же вопросом Энрико Дандоло рекомендует

своим послам: «Если император будет стоять на своем, постарайтесь привлечь его посольство в Венецию»¹²⁴.

Другим вопросом, волновавшим Венецию, был вопрос об отношении Алексея III к пизанцам. После изгнания венецианцев из пределов Византийской империи пизанские и генуэзские купцы постарались здесь занять место своего конкурента. За этот успех тем и другим пришлось в 1182 г. заплатить очень дорогою ценой: среди «латинян», подвергшихся погрому в этом году, Евстафий Солунский, как мы видели, на первом месте называет пизанцев и генуэзцев. Вероятно уже при Андронике представителям обеих торговых республик удалось вновь утвердиться в Восточной столице. При Исааке они во всяком случае обосновались там довольно прочно. Как мы увидим далее, в 90-х годах Венеция и Пиза находились во враждебных отношениях друг к другу; между тем Алексей III был к пизанцам особенно внимателен, что Венеции не могло быть приятно. Но в отношении своих конкурентов в Константинополе у венецианского правительства, по-видимому, не было тогда определенного плана, вследствие чего в своей инструкции Дандоло рекомендует послам по этому вопросу посоветоваться с «опытными и благоразумными» людьми из местной константинопольской колонии венецианских купцов и действовать в этом вопросе сообразно с их мнением и мнением самих послов (*quod apparuerit vobis et illis*)¹²⁵.

Наконец, Энрико Дандоло дал указания своим послам и относительно той позиции, которую они должны занять в отношении еще не выплаченных Византией сумм по договору с императором Исааком. Эти указания нами уже были рассмотрены.

Легко понять, что при такой позиции договаривающихся сторон переговоры не могли закончиться быстро. Второе посольство также, как и первое, возвратилось, не достигнув определенных результатов. Это побудило Венецию в 1198 г. направить в Константинополь третье посольство в составе двух полномочных представителей Пьетро Микьеле и Октавио Квирини. На этот раз международная обстановка была более благоприятной для успешного хода переговоров. Император Генрих в 1197 г. умер, и вместе с ним рухнули его честолюбивые замыслы в отношении Восточной империи, а в Германии началась борьба за королевский трон. В то же время законные

права на трон в сицилийском королевстве перешли к ребенку и женщине, его матери. Теперь ни германский император, ни король Сицилии не могли быть опасными. Но в это время появился новый фактор в международной политике: 1198 был первым годом пантификатора Иннокентия III, который сейчас же начал проповедь нового крестового похода. Опыт предшествующих крестовых походов и в частности третьего крестового похода и тех осложнений, которые он вызвал во взаимоотношениях Византии с Фридрихом Барбароссой, рекомендовал Алексею III осторожность и делал его более сговорчивым. По этим причинам миссия третьего посольства увенчалась полным успехом: Венеция не только добилась прежних уступок и привилегий, но и позаботилась о том, чтобы расширить их по крайней мере, в территориальном смысле¹²⁶.

Новое соглашение было подписано Алексеем III в 1199 г. В этом соглашении Византия на первый план выдвинула договор о союзе с Венецией, заключенный при императоре Исааке. Венеция обязывалась свято соблюдать свои обязательства по этому договору, забыв обиды, нанесенные императором Мануилом, или «вызванные какой-либо иной причиной»¹²⁷, а император Алексей подтверждал все хрисовулы, выданные его предшественниками от Алексея I до Исаака II. Венецианские представители настояли на том, чтобы самым подробным образом были перечислены все те разнообразные налоги, которые отягощали подданных восточного императора и от которых полностью освобождались венецианские купцы, — очевидно общей формулировки в свободе от всяких налогов было недостаточно¹²⁸. Обращает на себя внимание также список тех городов и провинций империи, в которых венецианцы пользовались или желали пользоваться гарантированными им льготами. Здесь, кроме портовых городов, которые были преимущественным объектом внимания в прежних договорах, перечислены города и области, расположенные далеко от прибрежных территорий, как Прилеп, Скопле, Струмица, Кастория, Ниш и др.¹²⁹. Возрастание числа территорий и городов, где венецианские купцы пользуются торговыми льготами, которое мы наблюдаем в следовавших один за другим хрисовулах, неопровержимо свидетельствует о том, что венецианцы все глубже и глубже внедрялись в поры империи,

что сфера их экономических интересов в ее пределах продолжала возрастать, несмотря на те перерывы, которые мы в этом росте наблюдали. Разумеется, права экстерриториальности, которыми венецианские колонии на территории империи пользовались издавна, в новом договоре были оговорены и особо подчеркнуты в статье, трактующей о вопросе судебных привилегий венецианских купцов и колониальной администрации¹³⁰.

В договоре 1199 г., как и в предыдущих договорах, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в них совершенно замалчивается вопрос о черноморских портовых городах и портах Крыма. Разумеется, это не может быть объяснено забывчивостью венецианских дипломатов. Правильнее будет заключить отсюда, что до XIII в. у Венеции не существовало здесь серьезных экономических интересов, вопреки неоднократно высказывавшемуся в исторической литературе мнению¹³¹. Это не значит, конечно, что отдельные торговые корабли и отдельные венецианские купцы до XIII в. не бывали в портах Черного моря; но наверное можно утверждать, что эта группа заинтересованных лиц не была настолько влиятельной, чтобы воздействовать на правительство в благоприятном для их интересов смысле. Проблема венецианской торговой экспансии в районах Черноморья — проблема не XII, а XIII в.

Таким образом, в 1199 г. Венеция уладила свои взаимоотношения с Восточной империей и единственно чем она могла быть недовольной, так это отношением Алексея III к пизанцам. Оно оставалось для них по-прежнему благоприятным. Пизанская колония была в Константинополе многочисленной и богатой. Пизанцы во второй половине 90-х годов владели здесь четырьмя причалами, двумя церквями, многочисленными лавками; налоги с пизанских купцов в 1198 г. были еще раз снижены¹³². Алексей видел в пизанских купцах противников Венеции, которые при благоприятных условиях могли быть использованы против Адриатической республики. Со своей стороны пизанцы старались заслужить доверие императора, рассчитывая на венецианское наследство. Не случайным, поэтому, будет то обстоятельство, что в критические для Алексея III дни 1203 г., когда венецианцы вместе с крестоносцами будут осаждать Константинополь, пизанцы будут сражаться на его стороне,

но это обстоятельство не было настолько существенным, чтобы венецианцы испытывали чувство вражды к Алексею III и считали необходимым вооруженный конфликт с империей. Отношения между Византией и Венецией накануне четвертого крестового похода, с венецианской точки зрения, могли почитаться нормальными.

В самом деле, политика «натиска на Восток» на территории империи базилевсов принесла в течение XII в. такие обильные результаты, что венецианские политики могли быть вполне удовлетворены ими. При сохранении независимости империи большего добиться было невозможно. Венецианская плутократия вела бы себя, вероятно, иначе в период четвертого крестового похода, если бы она была уверена в двух вещах: во-первых в том, что империя сумеет сохранить свою независимость и во-вторых в том, что политика императоров в отношении Венеции останется неизменной. Ни в том, ни в другом у республики св. Марка уверенности не было, и здесь кроются предпосылки ее поведения в период четвертого крестового похода.

Глава девятая

ФЛАНГОВЫЕ И ТЫЛОВЫЕ ПОЗИЦИИ РЕСПУБЛИКИ СВ. МАРКА В ПЕРИОД ЕЕ «НАТИСКА НА ВОСТОК»

Успешное наступление Венеции на Востоке, нашедшее свое выражение во все возраставшем привилегированном положении ее на обширном пространстве византийских владений, на Сирийском побережье и во многих пунктах Малой Азии, диктовало ей строго оборонительную политику на Западе, в ее тылу и на флангах. Венецианские политики хорошо понимали, что все их успехи в Сирии, в Африке, в Малой Азии, исключительные привилегии в Византии имеют полноценное значение лишь в том случае, если на берегах Адриатики, в непосредственной близости от лагун, не будет сильного государства, если оба берега этого моря не будут сосредоточены в одних руках, если «большая дорога на Во-

сток» будет свободной. Чем настойчивее государственными людьми республики св. Марка проводилась политика «натиска на Восток», тем менее забывали они о слабости своего тыла и своих коммуникаций с восточным Средиземноморьем. Этим определялась и политика Венеции по отношению к Венгрии, и политика на материке Италии, и ее отношения с Западной Империей, и даже в известной степени ее отношение к торговым республикам—конкурентам, Генуе и Пизе.

1. Борьба с венгерской короной за далматинское побережье

В начале XII в., как мы видели, Венеция потеряла все свои владения в Далмации. Венгрия, усиленная присоединением Хорватии, вышла на берега Адриатического моря. Столетняя борьба за обладание далматинским побережьем должна была начаться снова: венецианские политики редко отказывались от того, что однажды попало им в руки. Разнообразие политических задач, которые Венеция должна была почти одновременно разрешать в самых различных местах, заставило ее временно помириться с этой чрезвычайно чувствительной и неприятной потерей; но Венгрия должна была ждать реванша.

Уже около 1106 г. Венеция повела переговоры с императором Алексеем о совместных действиях против венгерского короля. Усиление Венгрии не входило в расчеты Византии, поэтому венецианские планы были встречены в Константинополе вполне благосклонно¹. Однако назревавшая борьба с Боемундом отвлекла внимание обоих государств от выполнения этих планов. Потом республика св. Марка еще раз почла необходимым заняться сирийскими делами. Все это отсрочивало годы борьбы с венгерской короной. От 1111 г. сохранилась грамота, из которой видно, что даже остров Раб в это время принадлежал королю венгерскому,—в ней Коломан подтверждает права и земли, которыми кафедральная церковь острова пользовалась еще во времена короля Крешимира².

Борьба началась только в 1115 г., когда Венеция урегулировала все наиболее неотложные политические

дела, заручилась поддержкой, по крайней мере нравственной, со стороны обеих империй и подготовила свои боевые силы для венгерской войны³. Война началась походом дожа Орделафо Фальери в воды Далматинского архипелага. В первую очередь, несомненно, были подчинены большие острова северной части архипелага — Раб, Крк и Црес. Затем флот дожа произвел высадку в районе Задара и заставил венгерский гарнизон его запереться в городе. Для того, чтобы осажденным не было подано помощи со стороны городов южной части побережья, дож направил часть своих вооруженных сил в сторону Биограда, откуда венгры могли, в первую очередь, ожидать себе подкреплений. Эти операции увенчались лишь частичным успехом: дож сумел в этот поход овладеть только городскими кварталами Задара, тогда как цитадель осталась в руках венгерского гарнизона⁴. Дож вернулся в Венецию с намерением в ближайшее время продолжить военные операции против отложившихся городов и их венгерских гарнизонов.

Второй свой поход Орделафо Фальери совершил при еще более благоприятной международной обстановке. В 1116 г. в Венеции побывал германский император Генрих V, который и до этого визита, как мы говорили, благосклонно относился к венецианским планам возвращения Далмации под знамя св. Марка. Император отнесся к республике весьма милостиво, называя даже, по уверению Дандоло, владения дожа королевством и обещал свою помощь против Венгрии. Первое вовсе не входило в планы венецианской знати, второе было весьма желательно, если бы у императора, кроме доброго намерения, были бы и силы для его практического осуществления. В этом же году дож со своим флотом вторично отправился к берегам Далмации. На этот раз его усилия увенчались более решительным успехом. При сочувствии обоих императоров дож смело развернул военные операции. Он одержал над венграми победу в открытом поле, осадил и принудил к сдаче венгерский гарнизон, запершийся в цитадели Задара, овладел укреплениями Шибеника, подчинил Сплит и Трогир, поставил в зависимость от себя Биоград, и таким образом, восстановил положение Венеции на Далматинском побережье. С большою добычей, пленниками и заложниками победоносный венецианский флот вернулся в лагуны⁵.

Принадлежность к этому времени Биограда Венеции устанавливается, между прочим, также и грамотой, выданной дожем монастырю Биограда и датированной 1116 г.⁶

Венгры, однако, не думали считать себя окончательно побежденными, и потому война в следующем, 1117 г., возобновилась. В этом году неутомимый Орделафо Фальери снова на далматинском берегу. Этот поход лично для него кончился трагически: он погиб в одной из стычек с венгерскими войсками⁷. Несмотря на это, венграм, по-видимому, не удалось на этот раз восстановить свое положение в Далмации, так как в 1122 г., когда венецианский флот отправился в новую, третью экспедицию в Сирию, то он не только нигде не встретил сопротивления, но даже получил подкрепления от далматинских городов⁸.

Иначе обстановка сложилась во время продолжительного отсутствия нового дожа Доменико Микьеле с флотом и войсками в восточных водах. Ряд городов снова оказывался в венгерских руках,—Сплит, Трогир, Биоград. Это видно из того, что в 1124 г. Стефан, король венгерский, подтвердил Трогиру и Сплиту права и вольности, которыми они пользовались при короле Коломане⁹.

На обратном пути из восточной экспедиции Доменико Микьеле в начале лета 1126 г. еще раз подчинил себе эти города, изгнав или пленив венгерские гарнизоны¹⁰. Все эти города попали в руки венгров не путем завоевания, а добровольно перешли на их сторону, так как чем далее, тем все более и более они убеждались в том, что им с Венецией не по пути. По-видимому не остался верным Венеции и Задар, но этот город, после неудачной попытки оказать сопротивление победоносному флоту Доменико Микьеле со стороны Биограда и суровой расправы с ним венецианцев, не решился на открытую борьбу и принял венецианский флот, как уверяет Дандоло, с почетом¹¹. Таким образом, Венеция еще раз вернула под свою власть упорно не желавшие ей подчиняться города Далмации.

Результаты всех этих усилий Венеции не были, однако, прочными: по-видимому, в ближайшие же после знаменитого похода Доменико Микьеле годы некоторые

города материковой Далмации опять оказались в венгерских руках¹². Нам не ясен ход событий в Далмации в конце и начале 30-х годов, но из письма папы Иннокентия II к венгерскому королю Бэле видно, что по крайней мере Сплит принадлежал в 30-х годах венгерской короне¹³. Принадлежность этого города венграм и в самом начале сороковых годов подтверждается грамотой венгерского короля Гейзы, выданной сплитской церкви в обеспечение ее старых прав и вольностей¹⁴. Сведения, восходящие к 50-м годам, позволяют установить, что в венгерских руках находились также Шибеник и Тротир¹⁵.

С другой стороны, принадлежность Венеции за все это время островов северной части Далматинского архипелага не подлежит сомнению: в сороковых годах без всяких осложнений происходит назначение двух сыновей дожа в качестве комитов островов Цреса и Пага¹⁶. По-видимому не вышел за это время из подчинения Венеции и Задар, так как в 50-х годах, когда Венеция начала борьбу с Венгрией за Далмацию, мы видим переход этого города на сторону венгерского короля.

Это было не то, к чему стремилась Венеция в Далмации, но она вынуждена была до поры, до времени мириться с этим положением,—по крайней мере, начиная с 30-х годов, в течение двух десятков лет мы не видим с ее стороны новых попыток изменить положение в Далмации в свою пользу. Под 1130 годом, когда дожем стал Пьетро Поляно, анонимный автор «Истории дождей венецианских» нашел возможным заметить: «Мудро управляя венецианцами, дож со всеми пребывал в мире»¹⁷. Миролюбие Венеции в 40-х годах XII в. не является случайным. В это время назревал конфликт у Византии с норманами,—надо было ожидать, что Восточная империя будет искать помощи у своего старого союзника. С другой стороны, древнейшая сфера венецианского влияния, истрийское побережье, нуждалось в пристальном к нему внимании.

Города истрийского побережья несомненно также тяготились венецианской супрематией. Здесь нельзя было обвинять в интригах венгерского короля,—он не смел притязать на эту территорию, так как это был старинный член империи; но и здесь, как и в Далмации, экономическая политика «царицы Адриатики» шла в разрез с ин-

тересами приморских городов. Сходные причины вызывали и одинаковые последствия: Венеция время от времени силой принуждала города Истрии к повиновению.

В 1145 г. Венеция вынуждена была предпринять экспедицию в районы Каподистрии и Пулы, «давних данников дожей». Республика еще раз напомнила этим городам о необходимости подчинения. Каподистрия и Пула вынуждены были поклясться в верности и принять на себя ряд обязательств, изложенных в договорах с этими городами, заключенных дожем с ними в том же 1145 г. Содержание этих договоров одно и то же. Жители Пулы и Каподистрии поклялись дожу в Венецианской коммуне верностью «на вечные времена». Эта клятва должна была возобновляться при каждой смене дожа. Для них было обязательным военное сотрудничество с республикой на лагунах: они должны были выставлять по одной галере всякий раз, когда венецианский флот оперировал в Адриатическом море между Дубровником и Анконой; если бы в распоряжении Каподистрии и Пулы не оказалось военных судов, Венеция брала снаряжение таковых за их счет; Венеция брала на себя защиту истрийских городов с моря и с суши: если бы нападение было совершено с моря, то на помощь должен был прийти венецианский флот, при нападении с суши, — Венеция должна была послать на помощь сотню хорошо вооруженных солдат. В договоре были оговорены экономические и юридические привилегии Венеции: в городах венецианским резидентам должно было быть отведено место для поселения и торговли в непосредственной близости от порта; венецианские купцы освобождаются в Каподистрии и Пуле от всяких налогов за исключением портовых пошлин; венецианцы в спорах с местными жителями судятся по венецианским законам, если они являются исковой стороной, и наоборот, — по местным, если они являются ответчиками¹⁹.

Вновь подтвержденные обязательства, по-видимому, выполнялись плохо, по крайней мере Пулой. Не прошло и пяти лет со времени очередного признания зависимости от Венеции этими двумя городами Истрии, как мы видим вновь венецианский флот в истрийских водах. Это была большая экспедиция против прибрежных городов, организованная новым дожем Венеции Доменико Моросини (1148—1156). В 1150 г. сын дожа и Марино Градениго получили в свое распоряжение войско и 50

кораблей, и отплыли к берегам Истрии. Истрийские города один за другим без серьезного сопротивления признали свою зависимость от республики св. Марка. Они, по уверению венецианских анналистов, принесли повинную за совершенные перед Венецией «преступления». Конечно,—это обычное обвинение в морском разбое, который будто бы затруднял мореплавание и вредил торговле венецианцев в Адриатике,—обвинение, выдвигавшееся каждый раз, когда Венеция покушалась на свободу приморских городов этого большого залива Средиземного моря²⁰. Подчинена опять была Пула, признали свою зависимость Ровиньо, Паренцо, Умаго, Читта Нуова. Строптивые города в заключенных ими договорах, помимо клятвы в верности, обязались данью в пользу св. Марка частью натурой, частью денежными взносами. В них предусматривалось также и военное сотрудничество в указанных выше районах Адриатического моря. Предусмотренная договорами дань в пользу св. Марка была, конечно, невелика и имела не материальное, а символическое значение вассальной зависимости от Венеции: Пула, например, должна была ежегодно доставлять к рождеству в Венецию два милиария оливкового масла, Читта Нуова и Умаго обязались, помимо 40 фунтов масла, вносить ежегодно в кассу св. Марка первый и второй семь перперов, в то время, как Ровиньо обязался поставлять 15 фунтов масла и 20 баранов²¹.

Закрепив свои позиции в Истрии, Венеция обратила теперь свои взоры на Далмацию. В пятидесятых годах, как уже было отмечено, Сплит, Шибеник и Трогир находились в руках венгров. Задар, по-видимому, сначала оставался верным Венеции, — в 1152 г. мы видим в качестве комита в этом городе одного из сыновей дожа Доменико Моросини,—но ненадолго²². При новом доже Витале Микьеле (1156—1172) венгерский король Гейза II с тридцатитысячной армией овладел также и этим городом²³. При этом, как это всегда бывало, при приближении армии венгерского короля, жители Задара не замедлили перейти на его сторону,—король овладел городом «вследствие измены задратинцев», — вынуждены признать венецианские анналисты²⁴.

В XIX в., некоторые итальянские историки объясняли эту «измену» личными качествами жителей Задара, разумеется весьма отрицательным (в их изображении),

среди которых «лепкомыслие» является еще самым невинным²⁵. Венецианские летописцы XIII и XIV вв., усматривали причину «неверности» задрачинцев в том, что архиепископская кафедра Задара, до XII в. входившая в состав Сплитской митрополии, передана была в ведение патриарха Градо, т. е. в церковном отношении подчинена была Венеции. Как ни наивно это объяснение с первого взгляда, тем не менее в нем гораздо больше смысла, чем во мнении историков, подобных Капелетти. Действительно, еще папа Евгений III в 1145 г. изъяс из сферы церковного подчинения Сплитскому митрополиту епископские кафедры в Задаре, на островах Рабе, Цресе и Крке; папа Адриан IV, подчинив епископов этих островов архиепископу Задара, поставил последнего в зависимость от венецианского патриарха Градо²⁷. Ясное дело, что эта перетасовка церковных округов была делом рук венецианских политиков, которые хотели закрепить обладание Задаром также и церковными узам, — подчинение этих епископских кафедр находившемуся в венгерских руках Сплиту было для Венеции совершенно неприемлемо. Именно так и понимали жители Задара эту церковно-административную реорганизацию и потому были ее решительными противниками: в ней они справедливо видели новые цепи, которыми Венеция хотела приковать их к себе и подчинить своей экономической политике, политике удушения местной хозяйственной инициативы.

Дожд думал первоначально ограничиться демонстрацией у берегов Задара, но появление его флота в составе 30 кораблей не произвело на город должного впечатления. Надо было подготовиться к серьезной военной операции²⁸. В 1159 году Витале Микеле с большим войском и флотом выступил к далматинским берегам. Хотя вся материковая Далмация находилась в венгерских руках, дож благополучно сделал высадку и осадил Задар. Город не получил своевременной необходимой помощи со стороны своего венгерского суверена и не был в состоянии отразить венецианцев. После упорной борьбы, стоившей венецианскому войску больших потерь, город все-таки оказался снова в венецианских руках²⁹. Затянувшаяся и стоившая больших потерь осада Задара сделала венецианцев неспособными на этот раз к дальнейшему развитию в Далмации своего успеха, и флот, по окон-

чании операции под Задаром, вернулся в свою базу в лагуны. Возможно, что в данном случае имело значение и возраставшее напряжение взаимоотношений с Западной империей, при котором развязывание большой войны в Далмации не было бы благоразумным.

Венецианское правительство стало искать компромиссного решения вопроса о Далмации и устойчивого мира с венгерской короной. В 60-х годах (между Венецией и Венгрией был заключен мир и была сделана попытка закрепить его брачным союзом: сын дожа Николо Микьеле был обвенчан с венгерской принцессой Марией. «Краткая летопись» относит это событие к 1167 г.³⁰. Однако из этих планов ничего не вышло: Задар опять перешел на сторону Венгрии, и в 1171 г. мы видим дожа с большим флотом и войском вновь под стенами этого города, который к этому времени успел принять венгерский гарнизон. Осада привела к сдаче города и бегству из него венгров. Венеция на этот раз должна была ограничиться только этим успехом, так как в Далмации появился новый претендент на обладание далматинскими городами, император Мануил. Незадолго перед тем, счастливо справившись с вооруженными силами венгров, византийский император овладел всеми венгерскими приобретениями в Далмации, и в частности, такими, как Сплит и Трогир³¹. Еще в 1167 г. Шибеник, по крайней мере, находился в венгерских руках,—об этом свидетельствует грамота короля Стефана III, выданная этому городу как раз в этом году³²; но к 1171 г. у венгров в Далмации не осталось уже никаких владений, и в Сплите находился греческий наместник.

Переход почти всего далматинского побережья из венгерских в византийские руки также мало соответствовал политическим и экономическим интересам республики, как и пребывание его в составе владений венгерской короны, но Венеция в 60-х годах не могла вести серьезной борьбы за это побережье, будучи связана событиями на материке Италии, и потому довольствовалась пока ролью простого наблюдателя. К 1171 г. в руках Венеции сохранялись только островные владения и Задар; но в этом году произошли события, которые побуждали Венецию активизировать свою политику на далматинском побережье: Венеция могла теперь покинуть лагерь Ломбардской лиги, а византийский император,

разгромив венецианские колонии в пределах византийских владений, тем самым объявил войну своему старому, но в высшей степени своекорыстному союзнику.

Естественно, что с этого времени далматинская политика Венеции тесно связана с ее византийской политикой.

В 1171 г., отправляясь на Восток с целью мести Мануилу за причиненные им венецианским купцам обиды и убытки, дож имел возможность получить некоторое подкрепление от Задара и подчинил себе Трогир и Дубровник, причем первый из этих городов, оказавший упорное сопротивление венецианскому флоту, был сурово наказан, а второй оказал лишь слабое сопротивление³³. Так изображают дело венецианские анналисты. Дубровнические источники отрицают акт насильственного подчинения Венецией своего города и представляют его, как акт политики местного архиепископа, который был родственником дожа³⁴. Таким образом, в руках Венеции в 1171 г., помимо островов северной части Далматинского архипелага, были Задар и Трогир, и сделана была первая серьезная попытка наложить руку на Дубровник.

Катастрофа, которой закончился поход Витале Микеле, и сильное ослабление Венеции в результате этой неудачи, необходимость бороться с Анконой и императором Мануилом лишили республику на некоторое время возможности вести политику сильной руки на далматинском побережье: был вновь потерян Трогир, вновь оказался независимым Дубровник. С другой стороны, неудачи последних лет правления императора Мануила и последовавшие вслед за его смертью годы внутренних и внешних потрясений сделали неспособной и Византию отстоять в Далмации сделанные Мануилом к началу семидесятых годов приобретения. В Далмации еще раз возникла обстановка, благоприятная для венгров, которой они и не преминули воспользоваться. Их задача по возвращению себе прежних позиций в Далмации, как всегда, облегчалась тем, что далматинские города предпочитали венгерское верховенство венецианскому.

Тотчас же после смерти Мануила венгры овладевают одним далматинским городом за другим. Еще в 1180 г., незадолго до своей смерти, византийский император ли-

сал своему далматинскому дуге, чтобы он возвратил сплитской церкви часть отнятых у нее земель, что тот и исполнил³⁵, однако уже в 1181 г. Сплит находился в подчинении у венгерского короля, так как папа Александр III обращается в этом году к Бэле III с просьбой, чтобы он разрешил, по обычаю, свободные выборы архиепископа Сплитского³⁶. В восьмидесятых же годах в руках венгров мы видим Трогир, Биоград³⁷ и даже Задар опять оказался у венгров, причем венецианские источники опять признают, что инициатива омены венецианской супрематии на венгерскую, как и ранее, принадлежала самим жителям Задара. Венгерский король Бела III принял Задар под свое покровительство, поспешил поставить там свой гарнизон и обнести город стенами³⁸.

Борьбу надо было начинать снова, но Венеция умела быть настойчивой, когда дело шло об ее серьезных экономических или политических интересах. Напряженная обстановка на Западе после Венецианского конгресса 1177 г. в корне изменилась: отношения с Западной империей были наилучшими. Нечего было опасаться теперь и со стороны Византии: внутренние неурядицы и разбойное нападение из Палермо сделали ее бессильной.

Сначала Венеция попыталась «уговорить» задратинцев добровольно вернуться под покровительство св. Марка. Из Венеции писали, что хотя задратинцы «и сделали не мало такого, чего они не должны были бы делать»³⁹, но дож не питает к ним враждебных чувств, и они, при желании, легко могут сохранить мир. Задар остался глух ко всем этим призывам,—в Венеции решили ввязаться за оружие.

Венеция начала приготовления в широком масштабе: правящая аристократия в лице Большого Совета вынесла решение об экстраординарном обложении торговых предприятий на Риальто, где к этому времени сконцентрировалась «большая» хозяйственная жизнь дуката, в размере 2,5% с оборота; завербованы были корабли, пригодные для военных или транспортных целей, принадлежавшие частным лицам, под гарантию их целостности или возмещения убытков со стороны государства⁴⁰. Скоро приготовления были закончены, и дож Орио Малипьеро выступил в 1187 г. с большим войском и флотом в воды Далматинского архипелага⁴¹. Предприятие оказалось нелегким: венецианский флот сумел

внушить уважение к себе со стороны островов архипелага, овладев, между прочим Пагом; но разрешить основную задачу, овладеть Задаром и другими далматинскими городами, не был в состоянии, так как венгры оказали упорное сопротивление, и боевые операции венецианцев не были удачными⁴². В сентябре этого же года флот республики вернулся в Венецию.

Надо было готовиться к новой кампании. Шел 1188 г. Дела в Сирии приняли такой оборот, что там затрагивались жизненные интересы республики. Венеция не могла пока одновременно вести двух больших войн, — надо было выбирать между далматинским или сирийским фронтом. Венеция, как уже нам известно, выбрала сирийское направление и приняла участие в третьем крестовом походе. Политика «натиска на Восток», которой республика св. Марка твердо держится в XII в., властно требовала именно такого решения. С венграми надо было заключить, если не длительный мир, то по крайней мере, перемирие. Не было оснований отказывать в мирных переговорах и у венгерского короля, — Далмация теперь ведь находилась в его руках. Предлог для начала переговоров был как нельзя более благовиден: обе стороны готовились к походу для «помощи св. земле». Начавшиеся переговоры привели стороны к соглашению о перемирии на два года, которое потом должно было быть или могло быть продолжено⁴³.

Так в Далмации на некоторое время был восстановлен мир. В руках венгров оставалось побережье, Венеция владела крупнейшими островами северной Далмации. Дубровник оставался фактически независимым. В 1190 г., когда истек первый срок перемирия, оно было возобновлено. Но к 1192 г., когда дожем стал знаменитый Энрико Дандоло, «старец разумнейший, благородный, щедрый и доброжелательный», как характеризует его Джустиниани, политика Венеции активизировалась, так как новый дож на время был свободен от восточных забот, где сирийские дела были улажены, а со всеми остальными соседями он постарался жить в мире.

В первый же год своего догата Энрико Дандоло начал войну. Закрепив положение Венеции на подчиненных ей островах Далматинского архипелага, Дандоло предпринял осаду Задара. Операция протекала, по-видимому, совсем не так хорошо, как можно было надеять-

ся: хотя город был отрезан и с суши, и с моря, но жители его и венгерский гарнизон мужественно сопротивлялись им, несмотря на все усилия, взять город не удалось. И на этот раз большую роль сыграло «упорство» самих задрастинцев⁴⁴.

По сообщению хроники Джустиниани, обескураженный дож несколько позднее, около 1200 г., будто бы даже отказался от титула «далматинский» из-за «упорства задрастинцев», именуясь в дальнейшем только «герцогом венецианским и хорватским»; но это известие не находит себе подтверждения в грамотах и может свидетельствовать разве о некотором и то временном разочаровании венецианских политиков, которым никак не удавалось упрочить положения Венеции на далматинском побережье⁴⁵.

Отказ Энрико Дандоло от дальнейшей активной политики в Далмации был, конечно, временным и диктовался продолжавшейся в это время борьбой с пизанцами и новыми осложнениями в Истрии. Неудачи венецианцев под Задаром вдохнули, по-видимому, мужество в некоторые истрийские города, и здесь началось неблагоприятное для Венеции движение. Форму восстания против венецианского господства оно приняло, однако, только, по-видимому, в одной Пуле. Когда венецианский флот отправился в экспедицию против пизанцев, то в соответствии с ранее заключенным договором, венецианцы потребовали от Пулы военной поддержки. Жители Пулы, однако, в грубой форме (*cum verbis opprobrioribus*) ответил венецианскому адмиралу отказом⁴⁶. Тогда венецианцы осадили город, взяли его и подвергли разграблению. После «возвращения жителей Пулы к прежней верности», экспедиция в истрийских водах была закончена.

Прочие города Истрии все это время оставались спокойными. Морское могущество Адриатической республики было достаточно внушительным, чтобы стоило начинать открытую борьбу,—пример Пулы был поучительным. Один из истрийских городов в это время был и непосредственно заинтересован в дружбе с Венецией. Еще в 1182 г. Венеция заключила с Каподистрией договор на 29 лет, согласно которому Каподистрия превращалась в стапельное место по торговле солью в северных водах Адриатики от Градо до Пуды. Была выделена

из состава венецианского флота одна галера для защиты этого права Каподистрии. Эта уступка со стороны Венеции не была, впрочем, бескорыстной: Каподистрия обязалась за предоставленное ей право передавать республике одну треть всех таможенных пошлин как со ввозимых, так и вывозимых товаров⁴⁷.

Из всего этого видно, что влияние Венеции в Истрии не выходило за пределы узкой береговой полосы полуострова. Попытка дожей украсить свой титул добавкой *totius Istriae dominator*⁴⁸, которая была сделана в середине столетия, почти также мало соответствовала истинному положению дела, как и титул «герцога Далматинского и Хорватского». Вся эта титулатура указывала только на цели, за которые венецианская плутократия считала необходимым вести неустанную борьбу.

Так окладывалась борьба Венеции в Адриатике за свои позиции на восточном фланге в течение XII в. Здесь Венеция вынуждена была преодолевать не только силы венгерских гарнизонов, но также и силы сопротивления местного населения. Не только численно преобладавшее славянское население далматинских и истрийских породов, но и его романская часть предпочитала венецианскому господству венгерское, или добивалось полной независимости. Не будучи, в состоянии в силу своей политической раздробленности, преодолеть иноземное господство, славянский приморский мир, по крайней мере в Далмации, готов был мириться с венгерской супрематией, поскольку она была в известной степени номинальной. В самом деле: из грамоты короля Стефана III, о которой выше мы уже упоминали и которая была выдана Шибенику в 1167 г., видно, что король обязуется трактовать жителей не как своих подданных, обязанных регулярно платить государственные налоги (*tributarii non sitis*), но как автономный город под венгерским суверенитетом. Город сам избирает своего комита,—король его лишь утверждает. Иностранцы, в том числе и венгры, селятся в нем с разрешения граждан. Даже во время коронации король не имеет права принудительно занимать дома граждан. Их денежные повинности исчерпываются двумя третями портовых пошлин и т. д. В хозяйственную, как и политическую жизнь города, король не вмешивается. Мы увидим позднее, что

политика Венеции в зависимых от нее далматинских городах была иной.

Итогами целого века напряженной борьбы с венгерской короной Венеция не могла быть довольной. В руках республики на лагунах остались к концу столетия портовые города Истрии,—ненадежные подданные, которым надо было время от времени напоминать о силе когтей крылатого льва св. Марка; под ее властью оставалось несколько островов Далматинского архипелага,—Раб, Крк, Црес, Паг,—у венгров ведь не было флота, но и за эти владения Венеция не могла быть спокойной; на далматинском побережье в ее руках не было теперь, как и в начале XII в., никаких владений, и было ясно, что за каждый опорный пункт здесь надо было вести хроническую борьбу, конца которой не было видно. Все это говорит о том, что знаменитый город на лагунах не только к началу XI, но и в конце XII в. не был «царицей Адриатики», как бы это не хотелось самим венецианцам. Венеция все еще чувствовала левый фланг своих коммуникаций к Востоку, значение которых выросло с каждым десятилетием, не обеспеченным. Она будет вести борьбу за это и в следующем столетии, когда она превратится в великую державу Средиземноморья.

2. Взаимоотношения Венеции с ближайшими к ней крупными политическими силами Запада—империей, папством и Сицилийским королевством

Взаимоотношения всех этих трех политических сил, находившихся в непосредственной близости от Венеции, на ее правом фланге и в тылу, поскольку лицом она была обращена на Восток, так тесно были переплетены в рассматриваемое время, что они представляют собою единый политический комплекс. Как известно, империя и папство, начиная с середины XI в., находились в состоянии почти непрерывной борьбы. Борьба эта время от времени приобретала напряженную, драматическую форму. Одновременно империя с ее притязаниями на всю Италию не могла не быть во враждебных отношениях сначала с герцогством, а потом, с середины XII в.,

королевством южной Италии и Сицилии⁴⁹. Тем самым определялись дружественные отношения этого государства со «святым престолом» особенно в те периоды, когда его занимали не ставленники, а враги германского императора.

Отношение Венеции к этому комплексу политических противоречий определялось генеральными линиями ее политики «натиска на Восток», — это всемерное противодействие всякой попытке образования в непосредственной близости от нее сильного государства и заботливая охрана коммуникаций с Востоком, частным выражением которой было недопущение в одних руках обоих берегов Адриатического моря. Когда возникала серьезная угроза той или другой опасности, Венеция без колебания бралась за оружие; когда эта опасность исчезала или становилась проблематичной, Венеция старалась сохранять мир и дружбу и с германским императором, и с Сицилийским королем. Только с папой Венеция всегда в это время сохраняла дружественные отношения и особенно дружественные в том случае, когда папа боролся против империи. Стало быть, генеральная линия папской политики в это время совпадала с основными политическими задачами Венеции.

История взаимоотношений Венеции с тремя важнейшими политическими силами Италии в XII в. является иллюстрацией этих положений.

В XII в. трон западных кесарей, как известно, последовательно занимали Генрих V, Лотарь III, Конрад III, Фридрих Барбаросса и Генрих VI. Наиболее значительной фигурой из пап этого столетия был Александр III (1159—1181), еще в бытность свою кардиналом резко разошедшийся с императором Фридрихом I на сейме в Безансоне во взглядах на взаимоотношения между папской и императорской властью. В Сицилии современниками этих императоров и папы были короли Рожер, Вильгельмы I и II.

В начале столетия обе политические силы северной Италии, обессилив себя в упорной борьбе XI в., находились в состоянии равновесия. Венеция была тогда в дружественных отношениях с императором Генрихом IV, как мы это отчасти уже видели. В 1100 г. император, появившись в Вероне, мирит Венецию с па-

дуанцами, тревизанцами и равеннатами. Пользуясь пребыванием Генриха IV в Италии, Венеция заключила с ним очередное соглашение, которое должно было определить положение венецианских купцов в пределах «королевства», т. е. северной Италии. «Пакт» Генриха V в основном воспроизводит аналогичные акты прежних императоров, в том числе и акт 1094 г. предшественника Генриха V, Генриха IV; однако в нем есть и нечто новое. Наиболее важная для венецианской торговли ст. 10 пакта Генриха V, с точки зрения венецианских интересов, идет назад по сравнению с «пактом» 1094 г. Акт Генриха IV со своей формулировкой свободного плаванья итальянских купцов по Адриатическому морю только «до вас и не далее» превращал Венецию в стапельное место для всех товаров, шедших на север по Адриатическому морю, акт Генриха V исправлял это положение, изменив формулировку соответствующего места акта Генриха IV в том смысле, что итальянским купцам гарантируется Венецией право свободной торговли и провоза товаров не только по морю до Венеции, но также и по рекам до своих городов. Эта часть статьи 10 гласила: «Люди дожа имеют право свободно разъезжать по земле и рекам нашего королевства, равно как и наши — по морю и рекам до них, но не далее»⁵⁰. Венеция, готовясь к борьбе с Венгрией за Далмацию, вынуждена была временно мириться с этим ограничением приобретенных ею в предшествующем столетии привилегий.

В 1116 г., во время своего вторичного посещения Италии, Генрих V посетил Венецию, «поклонился ее святыням» и заключил с нею нечто вроде военного союза против венгров⁵¹.

Быстро меняются в это время на папском престоле Пасхалис II, Геласий II и Калликст II. Вормсский конкордат, заключенный Калликстом II и Генрихом V, смягчил на некоторое время остроту борьбы между сторонами и вселял в Венецию уверенность за прочность ее ближайшего тыла. Удары, нанесенные союзом Венеции и Византии норманам южной Италии и Сицилии, сделали на время безопасными и фланговые позиции республики св. Марка. Тем смелее она могла осуществлять свою политику «натиска на Восток», — мы видели, что это было время ее замечательных успехов на этом поприще.

В тридцатых годах состояние неустойчивого равновесия между папством и империей продолжалось. После смерти Генриха V, Лотарь III, оказавшийся на троне благодаря поддержке церкви, старался жить с нею в мире. Только во второй половине своего царствования, в 1133 г., добился он признания со стороны папы Иннокентия II условий Вормского конкордата, а до этого времени эти условия трактовались в Риме, как уступка, сделанная лично Генриху V, но не его преемникам⁵². Терпение Лотаря, продиктованное ему также и условиями долго не прекращавшейся борьбы с Гогенштауфенами, было вознаграждено, помимо императорской короны, особенно торжественной формой признания его императорского достоинства⁵³. Но и Иннокентий II со своей стороны вынужден был считаться с тем, что антипапа Анаклет II энергично поддерживался королем Сицилии Рожером, и даже появление римского первосвященника в своей столице, сделалось возможно далеко не сразу. Это обстоятельство и сделало Иннокентия II сговорчивым по вопросу о Вормском конкордате в гораздо большей степени, чем был его предшественник Гонорий II.

Такое отношение друг к другу политических сил на севере Италии позволяло венецианцам находиться в дружественных отношениях и с папой, и с императором. Расположение императора к Адриатической республике нашло свое выражение в том, что Лотарь III, подобно своему предшественнику, гарантировал права венецианских купцов на территории «королевства» актом, буквально воспроизводящим акт 1111 г.⁵⁴.

Временное согласие папы и императора всегда влекло за собою их совместную вражду к королю сицилийскому. У каждого из них на это были свои причины: Иннокентий II не мог простить Рожеру поддержки антипапы, Лотарь выражал намерение овладеть южной Италией. Отношения Венеции с королем Рожером делались все более напряженными: замыслы его в отношении восточного побережья Адриатики в Венеции были хорошо известны. Это сближало ее одновременно и с папой, и с императором Запада, и с императором Востока, который с большим подозрением относился к Рожеру. На этой почве возникла коалиция, направленная против

Сицилии, не давшая, однако, серьезных результатов. Не без влияния Венеции свое правление император Лотарь закончил походом на юг Италии⁵⁵.

Преемник Лотаря III, Гогенштауфен Конрад III, правил в еще более трудных условиях, чем его предшественник. Длительная борьба против Вельфов в Саксонии и Баварии, междоусобная борьба в Лотарингии, неудачный крестовый поход 1147 г., стихийные бедствия, вроде страшного голода 1146 г., делали западного императора бессильным. Но и папство переживало не легкие времена. Антипапа Анаклет II в 1138 г. умер. Иннокентий II, освободившись от соперника, поспешил объявить все постановления антипапы лишенными силы, но не посмел отказать Рожеру Сицилийскому в королевском титуле, который тот получил от антипапы. В городах Ломбардии, с другой стороны, вместе с ростом хозяйственной жизни пробудилось антифеодальное республиканское движение, дух независимости и при том не только от императора, но и от папы. В самом Риме в 1143 г. поднялось восстание, объявившее Рим республикой с сенатом во главе, представлявшем собою, впрочем, простое собрание знати⁵⁶. Восстание было прямо направлено против светской власти папы. С 1143 г. по 1145 сменилось двое пап, Целестин II и Люций II, но они ничего не могли поделать с мятежными римлянами. Новый папа должен был дважды покидать Рим. Это был Евгений III. В городе пробудилось демократическое движение, — теперь обе стороны, и папа, и сенат, искали поддержки у Конрада III, но он был слишком занят германскими и иными делами и все отсрочивал свое появление в Риме. Между тем положение Римского первосвященника осложнилось еще более, когда в Риме появился Арнольд из Брешии⁵⁷. Крестовый поход 1147 г., в свою очередь, ослабив империю, не способствовал и укреплению папского престижа. Рассчитывать теперь на Конрада III не приходилось вовсе. Отсюда сближение папы с королем сицилийским, который, казалось, один может помочь «св. престолу» против народного движения. Не нравился несомненно папе и союз западного и восточного императоров, налаживавшийся еще при предшественниках того и другого, и направленный против Рожера⁵⁸.

Бессилие империи и папства делало совершенно безопасными тыловые позиции Венеции в течение всего правления Конрада III, который не вмешивался не только в венецианские, но, как мы только что видели, и в итальянские дела. С тем большей энергией могла отстаивать республика св. Марка свои позиции в Адриатике, которым в конце сороковых годов не на шутку угрожала сицилийская агрессия на Балканах. Соединенными силами Византии и Венеции удалось отразить сицилийцев. Третий их союзник, Конрад III, мог только сочувствовать их успехам, не будучи в состоянии что-либо для них сделать.

Таким образом, мы видим, что вся первая половина XII в. проходит для Венеции в тылу ее и на флангах под знаком мира и дружбы с западным императором и папством, и устойчивой вражды ее с королевством Сицилийским. Эта политика полностью отвечает ее основным политическим максимам, которыми она руководилась в XII в. Эта политика была проста, и венецианские дипломаты могли следовать ей и следовали прямолинейно. Иначе обстановка сложилась во второй половине этого столетия.

Причина этой перемены кроется как в западническом направлении политики византийского императора Мануила, которую он стал проводить, начиная с пятидесятых годов, так и политических планах второго Гогенштауфена, германского императора Фридриха Барбароссы, мечтавшего об императорской власти времен Константина, Карла Великого и самое меньшее — Оттона I.

Оба императора начали проводить свою политическую линию, начиная с первых годов пятого десятилетия. Мы уже говорили о появлении преков в Анконе в 1151 г. Германский император в первый раз появился в Италии в 1154 г., т. е. во второй год своего правления. И с этого времени хроники итальянских городов, до тех пор довольно мало интересовавшиеся номинальными владыками империи, наполняются известиями о деятельности этого короля и все время держат ее в центре своего внимания: она взбудоражила всю Италию.

Анконская и последующие операции императора Мануила охладили взаимоотношения давнишних союзников, — с тем большим вниманием обратила Венеция взоры в сторону западного императора. Почва для сближения

была налицо: Византия из Анконы угрожала разом и венецианским интересам, и интересам Западной империи. Добрые отношения между Венецией и Фридрихом сохраняются довольно долго. В 1154 г., во время своего первого пребывания в Италии, Фридрих подтвердил Венеции те права и привилегии, которые предусматривались актами Генриха V и Лотаря III⁵⁹. В 1157 г. на сейме в Безансоне венецианские послы приветствовали императора от имени дожа. В шестидесятых годах, однако, эти отношения круто изменились к худшему и скоро стали враждебными.

О причине этого нам рассказывают хроники различных итальянских городов и анналисты Венеции.

Фридрих, как только что было указано, появился в Италии в первый раз в 1154 г. и на Ронкальских полях наметил общую схему своей будущей политики в Италии, которая позднее и также на Ронкальских полях была развернута в целую политическую программу, хорошо переданную продолжателем Оттона Фрейзингенского⁶⁰. Император не только говорил, но и сейчас же показал, что он считает себя распорядителем судеб Италии. Милан в этом году воевал с гибеллинской Павией, — ему было приказано прекратить военные действия⁶¹. В следующем году Фридрих осаждает Тортону, — Милан оказал ей некоторую помощь, — за это его поля опустошены, как и ряд других территорий в Ломбардии⁶². В 1157 г. Милан вновь вызвал гнев императора: город опять начал войну с Павией и победил ее. Фридрих ответил на это при своем втором появлении в Италии в 1158 г., осадой самого Милана, овладел им и взял заложников⁶³. В следующем году Милан снова выступает против императора, оказав помощь осажденной им Креме. За это область его вновь опустошена, а Крема в 1160 г. взята и сожжена⁶⁴.

1160 г. был годом зарождения Ломбардской лиги, — еще во время осады Кремы Милан, Брешия, Пьяченца и Крема заключили между собою союз с обязательством поддерживать друг друга⁶⁵. Союз получает поддержку со стороны папы. Впервые обнаруживает беспокойство и Венеция.

Адриан IV, занявший трон св. Петра в 1154 г., искал первоначально союза с германским королем против короля Сицилии Вильгельма I и народного движения в Ри-

ме. В 1155 г. папа короновал Фридриха императорской короной, а Фридрих выдал папе Арнольда из Брешии, стоявшего во главе движения. Однако, новый император не обнаружил желаний содействовать папским планам и не совершил похода против короля сицилийского, — его больше интересовали дела в северной Италии. Началось охлаждение, которое постепенно перерастало под влиянием коллегии кардиналов, большинство которых группировалось вокруг кардинала Роланда, во враждебное чувство к императору. В 1159 г. Адриан IV умер в тот момент, когда он готовился обрушить проклятие на голову императора. Большинство коллегии кардиналов избрало ему преемником кардинала Роланда, фанатического носителя теократического идеала и непримиримого противника императорских притязаний на подлинное верховенство в Италии. Но это же было причиной того, что гибеллинская часть конклава избрала Виктора IV, а после его смерти последовательно Пасхалиса III и Климента III. Это значило, что отныне кардинал Роланд, теперь папа Александр III, будет смертельным врагом Фридриха, поборником, организатором и союзником всех сил, враждебных императору. Свою деятельность в качестве первосвященника он начал в 1160 г. с проклятия сторонников императора в Италии — Мантуи, Кремоны, маркиза Монферратского⁶⁶. Зародившийся союз итальянских городов получил себе надежного союзника.

Политика сильной императорской власти, которую проводил Фридрих в северной Италии, заставила Венецию опасаться за свою собственную судьбу. Венецианские анналисты прямо обвиняют Фридриха в стремлении подчинить себе Венецию⁶⁷. Это заставило политиков св. Марка пересмотреть курс своей внешней политики. Уже в середине пятидесятых годов она заключила договор с королем сицилийским Вильгельмом I, размежевав с ним сферы влияния в Адриатике. Пришлось еще раз сблизиться с императором Мануилом и теснее примкнуть к «св. престолу».

Между тем германский император пошел войной против образовавшегося союза. В 1161 г. поля Милана были опустошены, пленники, попадавшие в руки немцев, подвергались жестоким мучениям⁶⁸, а вслед за этим был осажден вторично и сам непокорный город. Доведенный

до отчаяния муками голода Милан вынужден был в марте 1162 г. капитулировать⁶⁹. На примере Милана император хотел показать, как он будет карать непокорные ему города Италии: император разрушил дома, стены и башни города, засыпал рвы, — «почти вся Ломбардия принимала участие в этой работе», — воины посажены в тюрьмы, жители должны были покинуть город с тем, что могли унести на себе⁷⁰. Расправившись с Миланом, Фридрих в августе удалился в Германию.

Теперь настало время действовать и для Венеции. В 1161 г. она все еще пыталась поддерживать мирные отношения с императором, — в этом году послы Фридриха еще были в Венеции; но скоро начались враждебные действия. Весной 1162 г. Падуя, Верона, Феррара, Адрия, Ариано напали на Каварчере. Дож Витале Микьеле отбил захваченный союзниками город и опустошил владения Адрии и Ариано. Фридрих ответил на это жалованной грамотой Генуе, которая, правда не особенно усердно, держала сторону императора. Из этой грамоты видно отношение германского императора к Венеции в это время, — грамота датирована июнем 1162 г.: «Городу Генуе представляем мы полное право изгонять правансальских купцов, совершающих путешествие по морю с торговыми целями, — писал император, — а также купцов всего венецианского принципата, если только они не сумеют снискать нашу благосклонность и доброе расположение⁷¹... Своего рода блокада была объявлена Венеции. «Теперь венецианцы не смели никуда больше показываться, кроме моря», — сообщает анонимый автор «Истории дождей венецианских»⁷².

Тогда Венеция приступила к организации враждебного Фридриху союза на территории Веронской марки. «Дож начал действовать мудро в Мархии, склоняя жителей к отпадению от императора путем обещания за это больших денежных наград»⁷³. Его усилия увенчались полным успехом: «В это время (1164 г.), — читаем мы в «Анналах Лоди», — жители Вероны, Падуи, Виченцы и других городов этой марки, за исключением небольшого числа оставшихся императору верными, восстали против него, частью потому, что получили деньги от венецианцев, которые уже раньше стали императору в оппози-

цию, частью потому, как они говорили, что они были обременены вымогательствами ставленников императора»⁷⁴.

Дальнейшие события не только способствовали укреплению созданного венецианцами веронского союза, но и сближению его, а потом и объединению с постепенно усиливавшимся союзом городов Ломбардии.

В 1162 г. папа, не чувствуя себя в безопасности в Италии, направился через Геную во Францию. Фридрих потребовал у генуэзцев выдачи Александра III, но получил отказ⁷⁵. Удалившись во Францию, папа неумоимо собирал силы для борьбы в Италии против Барбароссы. Сторонники папы со всей Италии искали и находили убежище в Венеции. Появившись в 1163 г. в Италии в третий раз и убедившись в образовании против него Веронского союза, император начал против него военные действия, но он не был для этого в достаточной степени подготовлен и потерпел неудачу⁷⁶. Попытка направить против Венеции патриарха Аквилеи и тревизанцев закончилась разгромом воинственного прелата и пленением его венецианскими войсками⁷⁷. В 1166 г. Фридрих еще имел некоторый успех в борьбе против Ломбардской лиги, но враждебные ему силы крепили все более и более⁷⁸. Александр III, ожесточенный противопоставлением ему новых антипап, прилагал все усилия к укреплению союза. Венеция действовала в том же направлении. С 1164 г. Фридрих не без основания считал республику св. Марка «возбудительницей мятежа и непокорности против нас (императора) и империи нашей»⁷⁹.

Так в 1168 г. образуется, наконец, против Фридриха мощная итальянская конфедерация. В ее состав после объединения Веронского союза с союзом Ломбардским, вошли: Верона, Брешия, Бергамо, Мантуя, Лоди, Новара, Верчелло, Пьяченца, Парма, Реджио, Мутина, Болонья, Феррара, Венеция⁸⁰... Папа был душою союза. Король Сицилии и император Византии временно сблизились и помогали союзу деньгами, которые проходили частью через венецианские руки. Затруднения, созданные Фридриху в Германии, не позволили ему прибыть в Италию раньше 1174 г., а его сторонники в Италии ничего не могли поделать с мощной коалицией. В Италии наступил перелом. Ряд городов, до того времени поддерживавших императора, стал переходить на сторону лиги, среди таких оказалась даже Павия. Фридрих почувствовал себя

confusus et ejectus, как уверяет автор «Истории дожей венецианских»¹⁸. Во время отсутствия императора лига окончательно окрепла. Воскрес из развалин Милан. Был выстроен новый город — живой символ союза — Александрия⁸². Все говорило за то, что торжеству императора пришел конец.

В это время Мануил опять в Анконе. Потом — события 1171 г. в Константинополе. Венеция, убедившись в том, что положение в Италии вновь пришло в состояние равновесия, нашла, что настало время изменить свою политику. И вот мы видим, как республика, так недавно принесшая клятву в верности союзу на двадцать лет, изменяет ему через два года. Венецианцы входят в сношения с Христианом Майнцским, заменявшим Фридриха в Италии, и из этих переговоров вырастает анконская операция. — «Внешняя политика — элемент текучий», — заметил по этому поводу один из историков Венеции⁸³. «Это был мастерский ход, — похвалил венецианцев за эту измену другой⁸⁴.

Возможно, что тогда же за этот «поворот» в политике Венеция была вознаграждена возобновлением договора, который венецианцы заключили в 1154 г., когда Венеция была еще в дружбе с германским королем⁸⁵.

Венеция, помирившись с императором, не вышла, однако, из состава союза, но, оставаясь в нем, она сохраняла, начиная с 1173 г., строгий нейтралитет до самого конца войны⁸⁶. На лавры победы при Леньяно она претендовать не могла, и ее анналисты даже не упоминают об этом завершающем моменте торжества того дела, которому она одно время служила; вместо победных лавров венецианские политики решили заполучить себе масличную ветвь мира, — она им необходима была для того, чтобы отчасти прикрыть нескромную наготу своего поведения во время войны. Венецианские дипломаты поставили своею задачей добиться того, чтобы мирный конгресс, которым теперь должна была закончиться война, состоялся под сенью св. Марка.

К этому сравнительно легко можно было склонить императора, но члены лиги, по вполне понятной причине, были решительно против такого домогательства Венеции. Положение папы было затруднительным: ему нельзя было обидеть членов лиги, но не было оснований портить отношения и с Венецией. В марте 1177 г. папа побывал

в Венеции, где он был принят торжественно и с почетом⁸⁷. Здесь, вероятно, венецианским дипломатам и удалось склонить его на свою сторону, по крайней мере с этого времени папа осторожно, но настойчиво проводил мысль о созыве конгресса в Венеции.

В Ферраре незадолго перед пасхой собрался съезд представителей лиги. Сюда явился и папа, а через некоторое время прибыли и послы императора. В Ферраре были выработаны условия конгресса. Было решено, что каждый из участников конгресса, т. е. лига, папа, император и король Сицилийский, будут представлены семью делегатами. Когда поднялся вопрос о созыве конгресса в Венеции, члены лиги высказали в адрес республики св. Марка немало горьких истин относительно поведения ее во время войны⁸⁸. Папа должен был проявить большое дипломатическое искусство, чтобы склонить лигу в пользу Венеции.

Когда участники съезда сошлись, наконец, в вопросе о месте созыва конгресса, Венеция была извещена об этом, причем папа выставил в качестве неперемennого условия требование, чтобы венецианцы без его согласия не разрешали Фридриху прибыть в Венецию⁸⁹.

В мае начали собираться участники конгресса. Торжественно прибыл папа, явились делегаты короля Сицилийского, послы императора, представители лиги. Каждую делегацию сопровождала опромная свита. В Венеции собралось самое блестящее общество, которое когда-либо до того видела феодальная Европа⁹⁰.

Переговоры подвигались вперед довольно туго: папа выставил предложение, согласованное несомненно с его союзниками, о заключении с императором перемирия с лигой на шесть лет и королем Сицилийским—на 15, но послы Фридриха и слышать не хотели об этом,—император готов был примириться только с папой. Создался тупик. Послы императора предложили пригласить на конгресс его самого. После некоторого колебания, посоветовавшись со своими союзниками, папа дал согласие на прибытие Фридриха в Кьоджию, т. е. западную окраину Венецианского дуката, прибытие же императора в Венецию было обусловлено предварительным принятием выставленных папой условий⁹¹.

Император прибыл в Кьоджию, но продолжал здесь настаивать на своем. Попытка венецианцев стать на его

сторону вызвала бурный протест союзников, и послы Сицилийского короля, усердно поддерживавшие папу, заявили о своем отъезде, а ломбардцы удалились в Тре-визо⁹². Венецианцы отказались тогда от своей мысли, и Фридрих, оставшись без всякой поддержки, вынужден был принять предложенные условия, «оставив свирепость львиную, надел личину права овечьего», по выражению архиепископа Салерно, участника конгресса.

В июле, наконец, все было улажено. Шесть венецианских галер было послано за императором в Кьоджию. В Венеции он был торжественно встречен дожем и патриархом Градо в присутствии собственных делегатов на конгрессе. Император направился в собор св. Марка, где его с сонмом своего клира поджидал папа. Здесь состоялась встреча, сопровождавшаяся сценой унижения императора, в различных вариантах описанная духовными авторами анналов⁹³. Противники облобызались;—интердикт был снят еще ранее. В начале августа переговоры были закончены. Заключение мира сопровождалось пышными торжествами.

В августе конгресс разъехался. Это был большой успех венецианской дипломатии: неприглядное с нравственной точки зрения поведение Венеции во время войны было сглажено торжественной обстановкой и пышностью конгресса. Венецианцы приходили в восторг от этого успеха: конгресс поднимал престиж и международное значение их отечества. «О, как вы счастливы,—обращался анонимный автор «Истории дождей» к своим соотечественникам,—что мир такого значения был заключен у вас; это обстоятельство сделает ваше имя памятным на вечные времена!»⁹⁴.

Император остался в Венеции до сентября. Венецианцы использовали это время для того, чтобы добиться от него расширения объема тех привилегий, которыми они пользовались ранее на основании грамот Генриха V, Лотаря III и самого Фридриха. Император, как и его предшественники, гарантировал венецианцам целостность и сохранность их имущества и собственности на всем протяжении империи, в частности гарантировал неприкосновенность земельных владений монастырей и епископских кафедр Венеции. Император гарантировал венецианским купцам защиту от берегового права. Рабы,

украденный или забредший скот выдаются их владельцам. Судебное разбирательство венецианских дел на территории империи должно производиться в присутствии представителей дожа. По ранее дарованным грамотам венецианские купцы платили пошлины на территории империи в размере 2,5 процента со стоимости товаров, теперь они от этой обязанности освобождаются, но купцы империи на венецианской территории по-прежнему были должны выплачивать этот налог. Заслуживает внимания также то, что император на этот раз распространяет действие дарованных им привилегий не на территорию только «королевства», как это всегда делалось ранее, но на всю империю и не только на земли, которыми он владел в момент выдачи грамоты, но и на те, «которыми, с помощью божией, он овладеет в будущем»⁹⁵.—Это был большой шаг вперед по пути венецианских домогательств на территории империи, до известной степени сближавший их положение на Западе с их позициями на Востоке.

Теперь, когда императорская власть в Италии превратилась в призрак, а положение венецианских купцов на территории империи стало таковым, каким оно до того времени никогда не было, Венеция должна была позаботиться о поддержании наилучших отношений с императором. Это было для нее необходимо еще и потому, что ссора с восточным императором продолжалась, а дела в Сирии принимали такой оборот, что в любой момент могло понадобиться ее вооруженное там вмешательство.

Восьмидесятые годы были благоприятны для проведения такой политики. События в Германии, потом восточные планы Фридриха не дали ему возможности повернуть дела в Италии в выгодном для себя направлении. В 1183 г., после переговоров в Пьяченце, с ломбардскими городами был заключен окончательный мир на условиях отказа от большей части ронкальских претензий императора и предоставления городам широкого самоуправления с сохранением, однако, над ними императорского суверенитета, что, впрочем, при данных условиях могло иметь лишь формальное значение. С другой стороны, общие заботы по организации третьего крестового похода сблизили императора с папой Люцием III, получившим тиагу после смерти Александра III

в 1181 г. Эти же причины и осторожная политика Фридриха I по отношению к папству способствовали сохранению мира с последующими преемниками (св. Петра—Урбаном III, Григорием VIII и Климентом III).

Женитьба старшего сына Барбароссы Генриха на наследнице Сицилийского королевства в 1186 г. должна была заставить венецианских политиков призадуматься. Вся Италия в руках германского императора—это как раз то, что могло беспокоить Венецию не в меньшей степени, чем и папу, но это пока была опасность более или менее отдаленного будущего. Мы думаем, что усиленные переговоры, которые в это время вели Византия и Венеция, без достаточных оснований приписываются этой отдаленной опасности⁹⁶,—причем для ускорения переговоров в Константинополе было, как мы видели, немало и других. Скорее, наоборот, как раз возможность такого усиления императора в будущем диктовала венецианским дипломатам заботу о том, чтобы их восточный договор не подавал никакого повода для осложнений на Западе. Эту политику, как мы видели, проводили оба дожа конца XII в. и Орио Малипьеры, и Энрико Дандоло.

Император со своей стороны также был уверен в дружбе венецианцев, но он жестоко заблуждался, когда думал, что Венеция будет способствовать зародившимся у него планам овладения Константинополем. Это заблуждение видно из его письма своему сыну Генриху, написанному им в ноябре 1189 г.: «Направь послов в Геную, Венецию, Анкону, Пизу и другие места с просьбой о помощи,— пусть они в марте встретятся вместе с нами (императором) у Константинополя и мы атакуем этот город с суши и с моря»⁹⁷. Не без основания считается, что если император в дальнейшем отказался от этих планов, то это произошло не без влияния того факта, что Венеция заняла по отношению к этим планам весьма сдержанную позицию и направила свой флот не под Константинополь, а в Сирию⁹⁸.

С приходом к власти Генриха VI, женатого на наследнице Сицилийского королевства, и сейчас же заявившего притязания на это наследство, как только Вильгельм II умер, казалось, над Италией опять нависла угроза императорского абсолютизма. Опасность приняла еще более реальный характер, когда в 1194 г. Танкред,

соперник Генриха в южной Италии, умер, и императору удалось возложить на свою голову корону обеих Сицилий. Одновременно Генрих лелеет планы завоевания Восточной империи, принимает на себя обет крестового похода. С внешней стороны все эти планы производили импозантное впечатление, но дальновидные политики св. Марка не могли не видеть, что эти восточные предприятия надолго обессилят императора и сделают его безопасным для итальянских республик. Однако, и ссора с императором не оправдывалась пока ничем, и мы видели, как Энрико Дандоло предостерегал своих послов против таких обязательств перед Восточной империей, которые могли бы посорить Венецию с империей Запада. Венеция стремилась поддерживать с Генрихом дружественные отношения и в 1197 г., незадолго до его смерти, добывается от него подтверждения привилегий в том их объеме, как они были сформулированы его отцом⁹⁹.

В этом же 1197 г. все эти планы императора рухнули вместе с его смертью. Последующие события погрузили империю вновь в состояние того хаоса, который так был нужен Венеции в ее тылу и на флангах. Теперь, когда Восточная империя опять вступила в полосу дворцовых переворотов, а в Западной наступила пора обострения феодальных неурядиц, в то время, как и на троне Сицилийского королевства были ребенок и женщина, Венеция могла бы поздравить себя, наконец, с полным владычеством в Адриатике, если бы и на левом фланге ее путей на Восток все обстояло благополучно и не было венгерских неудач.

Итак, отчасти средствами дипломатии иногда довольно беззастенчивой, отчасти, где это было необходимо, вооруженной рукой Венеция умело защищала свои западные позиции в течение всего XII в. и не только сохранила их в неприкосновенности, но в известном смысле даже расширила их,— грамота Фридриха I от 1177 г. служит тому доказательством.

3. Венеция в ее отношениях с итальянскими городами и республиками

Не только по отношению к главным политическим силам Италии, но и по отношению к соседним городам и своим соперникам, Генуе и Пизе, Венеция в XII в. дер-

жалась в общем оборонительной позиции. Такая политика диктовалась ей все тем же стремлением иметь развязанными руки на Востоке. Мелкие столкновения и дразги, однако, все же были неизбежны и здесь, и в соперничестве с Пизой эти столкновения принимали иногда серьезный характер.

Не говоря уже о тех столкновениях, которые в шестидесятых годах XII столетия были вызваны борьбой против Фридриха Барбароссы, или в семидесятых—императора Мануила, Венеция на протяжении этого века воевала с Равенной, Тревизо, Вероной, Падуйей.

Нам не во всех случаях в достаточной степени ясны мотивы этих столкновений; но нельзя сомневаться в том, что причиной враждебных отношений Венеции с этими своими соседями были экономические трения,—это были вопросы свободного плавания по водным путям, вопросы торговых пошлин, и лишь в спорах с Падуйей видную роль играл вопрос относительно регулирования течения Бренты, но и этот вопрос в конце концов — вопрос экономический. Наиболее полно в этом отношении мы информированы относительно споров Венеции с Вероной, имевших место в течение XII столетия и закончившихся особым соглашением в конце его. Хроника Джустиниани прямо указывает, что вражда вызывалась тем, что веронцы облагали венецианские товары высокими пошлинами и тем самым препятствовали венецианской торговле. Поэтому, когда Верона должна была пойти на уступки, она взяла на себя обязательство вернуть венецианским купцам перебранные с них пошлины, гарантировать свободное плавание венецианских судов по реке Адидже и сохранить за венецианцами разного рода юридические и экономические льготы¹⁰⁰. Когда в середине столетия произошло сближение с Фано, то мы опять видим, что венецианцы выговаривают себе различные торговые льготы и преимущества¹⁰¹.

Венеция в течение XII в. дважды вступала в борьбу с Вероной в начале и в конце столетия¹⁰²; в начале этого столетия она боролась с Тревизо¹⁰³; дважды сталкивалась с Равенной, причем противники стремились нанести друг другу максимальный вред на суше и на море¹⁰⁴; несколько раз враждовала с Падуйей¹⁰⁵. Мы уже говорили в своем месте о распрях с Феррарой, с городами Веронской марки, Анконой. Венеция во всех этих столкнове-

ниях сравнительно легко справлялась со своими противниками; исключение, как мы видели, составляет одна лишь Анкона. Причина заключалась в том, что Венеция далеко превосходила своих противников на «терра ферма» не только экономически, но и большей степенью организованности,—мы не видим ни разу, чтобы города, расположенные по нижнему течению рек, впадающих в Адриатическое море, выступили против Венеции совместно и обнаружили необходимое в борьбе упорство.

Иначе складывались взаимоотношения с Пизанской республикой. Борьба с нею Венеции растянулась, конечно, со значительными перерывами на все столетие. Противоречия, разделявшие эти две итальянские республики, были глубже, силы были более соизмеримы, упорство и настойчивость почти одинаковы. Основные экономические противоречия между обеими торговыми республиками в XII в. сводились к соперничеству на восточных рынках, и прежде всего, как мы уже видели, в Константинополе; однако со второй половины столетия возник новый источник раздоров,—Пиза стремилась укрепиться в Адриатике, заключить ряд торговых соглашений с городами по его западному и восточному побережьям. Венеция рассматривала попытки такого рода, как нападение на нее в ее собственном доме и, конечно, приложила все усилия к ликвидации таких планов. Не подлежит сомнению, что борьба с нею Венеции оказалась бы не менее тяжелой и опасной, чем в следующем столетии была борьба с Генуей, если бы Пиза не находилась в состоянии почти не прекращавшейся войны с Лигурийской республикой, которая подтачивала, а нередко и полностью парализовала ее силы. Неудивительно, что Венеция неизменно выходила победительницей из своих столкновений со своим упорным торговым конкурентом.

Первое столкновение с пизанцами у Венеции, как мы знаем, произошло как раз на грани XI и XII столетий. Венецианцы вышли из этой схватки победителями, и с того времени враждебные отношения между обоими городами стали хроническими, причем скрытая вражда не раз превращалась в открытую вооруженную борьбу. Мир, которым заканчивались такие столкновения, оказывался обычно не миром, а только более или менее длительным перемирием.

Особенно Венецию раздражало стремление пизанцев проникнуть в Адриатическое море. Когда в сороковых годах Пиза через Анкону и Дубровник попыталась наладить постоянную торговую связь с Балканским полуостровом, то это резко обострило взаимоотношения между обеими республиками, и все усилия папы Люция II в 1144 г. примирить их между собою не увенчались успехом¹⁰⁶. Раздоры между ними продолжались и позднее, и только в 1156 г. последовало прекращение «затянувшейся вражды»¹⁰⁷.

Мир был заключен на сорок лет, и некоторое время действительно мы не видим враждебных столкновений между торговыми республиками; но поскольку его условия, как бы они ни были хороши, не могли устранить основных противоречий, существовавших между договаривавшимися сторонами, постольку, как уже только что было отмечено, всякий мир превращался лишь в кратковременное перемирие.

В шестидесятих годах Пиза заключает торговый договор с Дубровником¹⁰⁸, ведет переговоры со Сплитом,— Венеция должна была насторожиться. Изгнание венецианцев из пределов Восточной империи весной 1171 г. и благополучное пребывание там пизанцев не могло не вызывать на лагунах чувства раздражения; однако неудачная борьба на Востоке исключала пока всякие активные действия на Западе.

Во время борьбы Венеции с Анконой, Пиза оказывала последней поддержку, что было равносильно объявлению войны. Однако дело до большой вооруженной борьбы не дошло. Венеция, как мы знаем, отказалась от мысли о сокрушении Анконы, и это открыло дорогу к мирным переговорам между республиками-соперницами. В 1174 г., вскоре после окончания войны с Анконой, еще раз был заключен мир,—на этот раз только на пять лет. О содержании мирного трактата можно судить по сохранившемуся мирному договору от 1180 г., который был простым продолжением заключенного в 1174 г. Договор регулировал Анконский вопрос и проблему торговых пошлин. Пиза отказалась от дальнейшей поддержки Анконы, за что Венеция заплатила ей отказом во всякой поддержке Генуи. Обе республики согласились даже отказаться от всяких сношений с этими городами, если возникнет война с ними у одной из договаривавшихся сто-

рон. Республики согласились воздерживаться от торговых операций с иноземцами в своих портах, при сохранении обычного двадцатипроцентного таможенного обложения привозимых Пизой в Венецию, а Венецией в Пизу товаров. Восточная проблема затрагивалась в договоре лишь в том смысле, что пизанским кораблям предоставлялось право следовать из Венеции в пределы Романии, а венецианские корабли могли делать то же самое из порта, принадлежавшего Пизе. В момент заключения договора Мануил был еще жив, и венецианцы не имели пока доступа в Восточную столицу, что делало постановку вопроса о взаимоотношениях в пределах Византии, по крайней мере для Венеции, излишним¹⁰⁹.

В конце восьмидесятых годов обе республики принимают участие в военных операциях в Сирии в связи с третьим крестовым походом. Однако в самом начале девяностых годов взаимоотношения Пизы и Венеции опять испортились¹¹⁰. В 1188 г. Пиза заключила торговый и политический договор с Задаром¹¹¹, под которым венецианцы только что потерпели военную неудачу. Венеция не без основания могла рассматривать этот договор, как недружелюбный по отношению к себе акт. Вместе с тем, в начале 90-х годов Пиза удобно устраивается в Константинополе: Исаак Ангел в 1192 г. подтвердил в своем хрисовуле все прежние льготы пизанцев, которыми они пользовались на территории базилевсов ранее; Алексей III был расположен к ним еще более, чем его брат и предшественник. Это никак не могло радовать венецианцев, но это было еще не все: в 1194 г. корабли Пизы появились в Адриатическом море,—республика св. Марка восприняла это как объявление войны. По известиям венецианских источников пизанский флот в Адриатике стал нападать на венецианские торговые корабли и стал грабить венецианских купцов. Одновременно пизанцы вступили в сношения с Пулой, которая в это время попыталась еще раз вырваться из когтей льва св. Марка¹¹². Смирив непокорный город, венецианский флот направился на юг Адриатики, куда удалился пизанский флот. У южной оконечности Мореи, в районе Модона, венецианские адмиралы настигли шесть пизанских торговых кораблей и немедленно напали на них. Два корабля вместе с их экипажами, доходившими до 400 человек, были захвачены, остальным удалось бежать,—события явно пе-

рерастали в войну республик между собою¹¹³. Развитию враждебных действий помешало императорское вмешательство: Генрих VI, собираясь совершить свою восточную экспедицию, постарался примирить враждующие республики между собою,—их корабли были необходимым условием успеха задуманной им операции. Это было в 1196 г. В этом году Венеция и Пиза возобновили между собою старое соглашение от 1174 и 1180 гг.

Соглашение это опять оказалось кратковременным. Уже в следующем 1197 г., как мы видели, Энрико Дандоло рекомендовал своим послам при Константинопольском дворе включить отдельные статьи, касающиеся пизанцев, согласовав их с колонией венецианских резидентов и купцов в Восточной столице¹¹⁴. Разумеется, Венеция всего менее при этом думала об интересах своего конкурента. Прошло еще только три или четыре года, и мы вновь видим Венецию и Пизу во вражде друг с другом. На этот раз пизанцы вздумали посягнуть на святая святых венецианских купцов, на их коммуникации с Востоком. Пизанцы в 1201 г. вошли в соглашение с Бари и, опираясь на этот порт, заперли венецианским торговым кораблям выход из Адриатического моря в Средиземное¹¹⁵. Случилось как раз то, чего всегда боялась Венеция, и против чего она готова была бороться до последней крайности. Дождь вынужден был немедленно направить свой флот в угрожаемый район для устранения возникшей здесь опасности. Пизанский флот не решился померяться силами с венецианским флотом в открытом море и укрылся под защиту укреплений Бари. Море было очищено. Венеция постаралась при этом нанести максимальный вред торговле своих противников. Таким путем венецианцы добились восстановления мира¹¹⁶.

По сравнению с Пизой, отношения Венеции к другим торговым городам Италии в XII в. были более или менее нормальными.

Амальфи, ранее других городов сделавший большую торговую карьеру на Востоке, был еще в начале столетия совершенно парализован норманским завоеванием.

Генуя позднее, чем Амальфи, Венеция и Пиза, стала на путь большой морской торговли. Ее значительные морские предприятия в водах восточного Средиземноморья начинаются не ранее первых годов XII в. Она позднее своих конкурентов выступает и в Константино-

поле. Это неслучайно: та экономическая переориентировка, которая произошла в Венеции в IX и X вв. и которая заключалась в том, что центром экономической жизни окончательно становятся морские промыслы и морская торговля, а не сельское хозяйство, в Генуе задержалась в силу ряда причин до XI и XII вв. Только в XII в. и при том в середине его, по мнению одного из буржуазных исследователей социально-экономических проблем средневековых городов Италии, «капитал земельный», как он выражается, уступил место торговому капиталу¹¹⁷. Получатели земельных рент, феодалы, и здесь должны были уступить стяжателям торговых прибылей и вместе с ними начали принимать деятельное участие в морских предприятиях широкого масштаба. С этого времени внешняя политика Генуи становится все более и более активной. В XII в., однако, все еще поглощенная своей борьбой с Пизой, она только собирается с силами для того, чтобы решительно выступить смелым противником республики на лагунах в следующем столетии.

Косвенным доказательством отсутствия в XII в. между Венецией и Генуей серьезных экономических противоречий является поведение Генуи в известном конфликте, происшедшем между обеими республиками в 1170 г. в Восточной столице. Факт нападения венецианцев на только что появившийся здесь генуэзский квартал не подлежит сомнению, хотя о нем ничего не говорят ни венецианские, ни генуэзские анналисты. Мы не видим также, чтобы Генуя предъявила по этому поводу какие-либо претензии к республике св. Марка,—инциденту не было придано политического значения. Между тем совершенно незначительное столкновение в Акре во второй половине XIII в. повлекло за собою тяжелую войну между обеими торговыми республиками.

Таким образом, в своих взаимоотношениях с итальянскими городами Венеция в XII в. держалась в общем оборонительной тактики. Наиболее серьезными столкновениями ее в это время были столкновения с Анконой и Пизой. И ту и другую, со своей точки зрения, Венеция могла рассматривать в качестве нападающей стороны: Анкона способствовала неприемлемым для Венеции западным планам императора Мануила, Пиза пыталась создать торговый мост через Адриатику.

Столкновения Венеции с ближайшими соседями не носили такого напряженного характера, какими они будут отличаться в следующем столетии,—это потому, что вопреки не раз высказанному мнению, Венеция в XII в. еще не стала на путь подчинения приадриатической Ломбардии своей экономической гегемонии. Это произойдет несколько позднее. Это не мешало, однако, тому, что в Италии и за ее пределами престиж Венеции, как политической и экономической силы, быстро возростал.

* * *

Общие итоги венецианской политики «натиска на Восток» в XII в. сводятся к таким положениям.

Торговые интересы правящего класса Венеции привели ее в XII в. к проведению последовательной политики агрессии на Востоке при обороне на Западе, в тылу и на флангах. Умелое использование собственных сил и международной обстановки позволило Венеции создать себе на Востоке положение, которое полностью оправдывало затраченные на его приобретение силы и средства.

Успехи венецианской политики, которая уже тогда заслуживает до известной степени наименования колониальной, нередко преувеличивались¹¹⁸; но они и в самом деле были значительны. В Сирии и юго-восточном углу Малой Азии Венеция создала почти непрерывную сеть приморских торговых факторий с небольшими колониальными территориями в окрестностях Тира и Акры. На всем пространстве Византийской империи, преимущественно в приморских городах, Венеция создала сеть торговых пунктов, где венецианские резиденты обзаводились домами и землями¹¹⁹, где венецианские монастыри и епископские кафедры располагали различными оброчными статьями¹²⁰. В северной части Далматинского архипелага Венеция прочно обосновалась на больших его островах и только временно вынуждена была отказаться от приобретений на самом побережье; она практически проверила большое значение для нее далматинских городов и со всей силой энергии, не брезгуя никакими средствами, будет бороться за них в дальнейшем. Наконец в Истрии в той или иной степени зависимости от нее находились все значительные портовые города побережья.

В Адриатическом море теперь не было силы, которая могла бы быть опасной для Венеции. Византия и Сицилийское королевство в конце столетия переживали, каждый по-своему, политический кризис, исключавший большую внешнюю политику с их стороны. Венгрия по-прежнему не имела флота. Анкона была смирена. Попытки Пизы встать на венецианских путях на Восток были немедленно ликвидированы. Венеция могла поздравить себя в качестве фактической распорядительницы водами Адриатики. Соседние государства мало-помалу привыкнут именовать это море «Венецианским заливом», или «морем Венецианским»¹²¹.

Международное значение Венеции резко выросло: она превратилась в политическую силу юго-восточной Европы, союза с которой искали такие крупные государства, как Сицилийское королевство или Византия, с которой серьезно приходилось считаться германским императорам. Ни одно большое предприятие в водах восточного Средиземноморья не обходится теперь без ее участия, если только она сама не старалась уклониться от него. Глава католического мира старался не обострять взаимоотношений с нею.

Серьезные экономические интересы стимулировали венецианскую восточную политику, но успехи этой политики, в свою очередь, способствовали дальнейшему росту ее хозяйственных сил и толкали ее на расширение поставленных ею политических задач. Венецианская политика на Востоке была успешной в значительной степени потому, что она базировалась на хорошей экономической основе, но и быстрый экономический рост ее, в свою очередь, в высокой степени зависел от успешности ее внешней политики. То и другое были совершенно необходимыми предпосылками для той большой исторической роли, которую суждено было купеческой общине сыграть на Востоке в следующем столетии. Венеция стояла на пороге Средиземноморской империи.

Раздел четвертый

ОТ ГОРОДСКОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Более столетия продолжавшийся «натиск на Восток» в XIII в. завершился событиями четвертого крестового похода.

Венецианская республика, до этого времени игравшая лишь второстепенную роль в восточных авантюрах христианского Запада, внезапно оказалась на переднем плане очередной волны крестоносного движения. Она широко использовала сложившуюся в процессе этого похода ситуацию и добилась замечательных результатов: четвертый крестовый поход и события с ним связанные далеко продвинули вперед процесс образования ее колониальной империи.

Несмотря на несомненную переоценку результатов этого похода, которая нашла свое выражение в горделивом титуле дождей, именовавших себя «властителями четверти и полчетверти Византийской империи», тем не менее именно в это время Венеция сделала основные территориальные приобретения, некоторыми из которых она владела потом в течение ряда столетий. Время четвертого крестового похода справедливо может быть признано временем подведения итогов великодержавных усилий Венеции за два предшествовавших столетия и началом нового периода венецианской истории, когда республика св. Марка перестала быть простою, хоть и богатой городской общиной с широко раскинутой сетью опорных торговых пунктов в восточных водах, и превратилась в торговую империю Средиземноморья.

РОЛЬ ВЕНЕЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ И НАПРАВЛЕНИИ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

1. Подготовка похода

Знаменитый поход начала XIII в. был делом Иннокентия III. С самого начала своего понтификата папа одновременно преследовал две цели: поставить византийскую церковь в зависимость от Рима и укрепить положение католического мира в Сирии. Первую из этих задач он думал разрешить, используя метод угроз и политического шантажа, через византийского императора Алексея III, положение которого на византийском троне, как узурпатора, не было прочным. Вторая цель могла быть достигнута только путем вооруженного нападения на мусульманские владения в Сирии или Египте, — для завоевания Палестины нужен был крестовый поход¹. Но папе принадлежала только инициатива похода, он только привел в движение крестоносные ополчения. Обстоятельства и хитрые венецианские политики, однако, в самом начале похода исторгли руководство им из рук Иннокентия III, и оно целиком перешло в руки республики св. Марка и ее дожа Энрико Дандоло.

Этот восьмидесятилетний дож—символическая фигура. В нем купеческая республика на лагунах нашла живое воплощение своего политического идеала государственного деятеля, а правящая плутократия—представителя своих классовых интересов. Неукротимая энергия, уменье дерзать, мудрая дальновидность и тонкий политический расчет, беззастенчивость в выборе средств для достижения поставленных целей, безусловная преданность интересам своего класса и государства сочетались в нем с редкой в те времена свободой от религиозных предрассудков, делавшей его нечувствительным к громам папской курии и равнодушным к делам веры и благочестия, если они не сочетались с серьезными мирскими интересами.

Неудивительно, что под руководством такого вождя крестовое движение впервые ярко обнаружило свою действительную природу: религиозные лозунги впервые были отброшены, грубо материальные цели бесстыдно обнажены, колониальный грабеж лишь очень поверхностно был прикрыт видимостью права².

Выдающаяся роль, которую играла Венеция в четвертом крестовом походе, широкое использование ею результатов его в целях своей захватнической политики дали повод рассматривать весь этот поход, как тонко и издавна задуманное и проведенное с большим мастерством предприятие политиков св. Марка. При этом одни из историков выдвигали в качестве мотива, толкнувшего венецианцев на «измену христианскому делу», их желание получить остаток задолженности по убыткам, причиненным Византией во времена императора Мануила³; другие рассматривают поход, как акт мести за причиненные греками венецианцам обиды⁴; третьи считали его вызванным неуверенностью Венеции в том, что договор 1198 г., для нее выгодный, будет Алексеем III соблюдаться⁵; четвертые обвиняли Венецию в том, что она была подкуплена египетским султаном Малек Адилом и т. п.⁶.

Несомненно, поход, как нельзя более отвечал целям восточной политики Венеции, и ей принадлежит выдающаяся роль в деле изменения его первоначального направления,—мы склонны допустить, что без участия в нем Венеции Византия не имела бы латинского перерыва в своей истории. Не следует, однако, переоценивать дар человеческого предвидения: венецианцы и их дож «делали» историю четвертого крестового похода в рамках, которые были созданы не ими, а ходом событий, им благоприятствовавшим, но от них непосредственно не зависящим⁷.

В феврале 1201 г. в Венецию прибыли шесть делегатов от некоторых крупных сеньоров восточной и северо-восточной Франции и Фландрии, «принявших крест» вместе с большим числом рыцарей других стран и королем венгерским. Среди посланцев был и знаменитый бытописатель похода, маршал графа Шампанского, Жоффруа Вильярдуэн. Целью посольства было заключение с республикой св. Марка договора на перевозку средствами республики крестового ополчения на Восток. Идея ис-

пользования транспортных средств Венеции для борьбы против мусульман была не новой: мы в своем месте видели, что она родилась еще в начале XI в., за несколько десятилетий до начала крестоносного движения, в энциклике папы Сергия IV, если только считать ее подлинной. С того времени Венеция в еще большей степени приобрела право на ту роль, которую теперь крестоносцы хотели возложить на нее. Нет поэтому ничего удивительного в том, что именно к Венеции адресовались крестоносцы за необходимыми для них вспомогательными средствами. Этим целям могли бы служить также флоты Генуи и Пизы, но они находились в это время в состоянии войны друг с другом, и попытки примирить их, предпринятые в частности, вождем ополчения Бонифацием, остались совершенно безрезультатными.

От имени вождей крестоносного ополчения посольство в апреле 1201 г. заключило с венецианским правительством договор о предоставлении в распоряжение крестоносцев достаточных перевозочных средств для армии в 4500 всадников в полном вооружении, 9000 щитоносцев и 20000 пехотинцев с необходимым на один год количеством фуража и продуктов⁹. Все это венецианцы должны были приготовить ко дню Петра и Павла следующего 1202 г. Венецианцы для того, чтобы избежать конкуренции со стороны крестоносцев при закупке фуража и продуктов, указали в договоре те районы северной Италии, в которых они не могли производить для себя закупок иначе, как от имени Венеции¹⁰. Плата в 85.000 марок серебра должна была быть внесена в рассрочку¹¹, но не позднее апреля 1202 г. и при том независимо от того, какое количество войск будет представлено к перевозке¹². Апрель 1202 г. был указан в качестве срока, к которому должны были собраться крестоносцы в Венецию. Одновременно венецианцы обещали со своей стороны снарядить флот в 50 кораблей и отправиться с ними на Восток. За это участие в походе Венеция выговорила себе половину тех завоеваний и той добычи, которую они могли общими усилиями захватить во время похода¹³. Договором предусматривался также и порядок разрешения конфликтов, которые могли возникнуть в процессе его выполнения,—для этой цели намечалась комиссия в составе 12 членов, по 6 человек от каждой стороны. На вся-

кий случай венецианцы возложили на крестоносцев обязанность добиться санкции договора со стороны папы¹⁴.

В договоре не было указано направление похода и это потому, вероятно, что и сами крестоносцы еще колебались между его сирийским и египетским направлениями. Эти колебания довольно ясно отражаются в наших источниках: у Робера де Кляри Бонифаций обсуждает с баронами этот вопрос¹⁵; тот же автор сообщает, что во время позднейших споров, поднимавшихся в крестоносном войске о дальнейшем направлении похода, рядом с Каиро, Константинополем и Александрией фигурировала также и Сирия¹⁶. Однако сторонники египетского направления среди тех крестоносцев, которые не желали отвлекаться от прямых целей похода, по-видимому преобладали; это видно отчасти из сообщения того же источника¹⁷, но особенно энергично подчеркивается Гунтером Парижским, который дает и развернутую мотивировку преимуществ египетского направления¹⁸.

Для нас особенно важна в этом вопросе позиция венецианцев. В исторических сочинениях обычно подчеркивается совершенная неприемлемость для венецианцев египетского варианта похода. Мы считаем это едва ли не общепринятое мнение по меньшей мере спорным. С экономической точки зрения интересы Венеции гарантировались обусловленным в договоре сроком службы зафрахтованного флота, а с политической точки зрения они и в этом и в другом случае должны были вступить в конфликт с одним и тем же Эйюбидом, братом Саладина, Мелек-Адилем, который как раз к 1200 г. овладел южной Сирией и Египтом¹⁹. Мы склонны даже полагать, что египетское направление было выгоднее венецианцам, чем сирийское. Овладение Египтом и подступами к Красному морю, древнейшему морскому пути, по которому и во времена фараонов, и во времена владычества Птолемеев, и в период римского господства шли на Запад драгоценные товары Востока,—это было такую заманчивой перспективой, перед которой не могла бы устоять купеческая дружба, если Венеция и находилась в это время в добрых отношениях с Египтом. Неприемлемым этот план был бы для Венеции лишь в том случае, если бы с уверенностью можно было думать, что поход обязательно закончится неудачей. Между тем политическая обстановка на юго-восточных берегах Средиземного моря скорее

говорила против такого предположения. Между наследниками Саладина уже несколько лет подряд шли кровавые распри, и утверждение Мелек Адиля в Египте и Сирии никто не мог считать прочным. При аналогичных условиях крестоносцы первого похода овладели Иерусалимом,—почему бы теперь не овладеть Александрией и Каиро? Тут было необходимо дерзание, а дерзать, когда это было нужно, Венеция умела. Нет никаких оснований, поэтому, не доверять Вильярдуэну, который сообщает, что в переговорах, предшествовавших подписанию договора о перевозке, речь шла о направлении похода в Египет²¹.

Венецианцы отклонили несколько поправок к договору, которые Иннокентий III будто бы предложил в целях обеспечения антимусульманского направления похода. Отклонили их венецианцы,—если только это имело место²¹,—надо думать, потому, что опыт предшествующих крестовых походов говорил о возможности враждебных столкновений и с греками, и с пизанцами, и с генуэзцами, и самих крестоносцев между собою, а не с одними только «неверными». Венецианские коммерсанты не могли ставить торговой сделки в зависимость от всех этих случайностей и воли третьих лиц, не ответственных по договору материально, каким был в данном случае папа. Когда летом 1202 г. в Венецию прибыл папский легат, кардинал Петр Капуанский, то верные взятой ими линии венецианцы отклонили участие кардинала в предстоящем походе в качестве руководящего лица²², и тому ничего не оставалось более, как вернуться в Италию и несколько позднее направиться в Сирию, куда направлялись и многие другие, кто не был согласен с принятым направлением похода²³.

Весной 1202 г. начался сбор крестоносного ополчения в Венеции²⁴. Это были по преимуществу французские и фламандские рыцари. Во главе их стал, вместо умершего Теобальда Шампанского, Бонифаций Монферратский. Ближайшими сподвижниками его были Балдуин, граф Фландрии и Генегау, Луи, граф Блуа и Шартра, Юг де С, Поль и другие высокие бароны Франции и Фландрии²⁵.

Венецианцы не захотели, во избежание всякого рода столкновений, разместить прибывавшие массы крестоносцев по городским квартирам и отвели для них один из небольших островов лагун, остров с портом св. Николая.

в непосредственной, однако, близости от Риальто²⁶. Пока у крестоносцев были деньги, венецианцы снабжали их в изобилии всем необходимым, и все шло прекрасно. Однако вскоре начались затруднения.

Венеция, в соответствии с принятым на себя обязательством, приготовила все необходимое для намечавшейся экспедиции. Крестоносцы, со своей стороны, должны были выплатить обусловленную в договоре сумму. Оказалось, однако, что сделать этого они не в состоянии, так как далеко не все ополчение собралось в Венеции, — часть его, главным образом, провансальцы, направилась в другие пункты, где предполагала соединиться с основными массами крестоносной армии²⁷. Это было обычное проявление феодальной недисциплинированности, сыгравшее на этот раз злую шутку с частью крестоносцев, собравшихся в Венеции: им теперь предстояло расплатиться за все ополчение. Робер де Кляри, представитель рядового рыцарства, подробно описывает нудную операцию по сбору среди крестоносцев необходимых для расплаты средств²⁸. Все усилия собрать необходимую сумму оказались, однако, тщетными, несмотря на «героические» усилия вождей и рядового рыцарства: в конце концов для расплаты с венецианцами все же не хватало более 30 тыс. марок²⁹. Сборы средств для расплаты со своим неумолимым контрагентом, веселая первоначально жизнь на острове в ожидании скорой отправки по назначению расстроили личный бюджет основной массы ополчения, вследствие чего положение из трудного сделалось трагическим: венецианцы не хотели ни отправить ополченцев по назначению до полной оплаты обусловленной по договору суммы, ни кредитовать их, снабжая хотя бы самым необходимым. У крестоносцев сложилось мнение, что дож хочет уморить их голодом³⁰. Суассонский аноним выразительно характеризует положение, говоря, что крестоносцы «почти три месяца не могли ни сесть на корабли, ни вернуться назад»³¹. Другой аноним, Гальберштадский, замечает: «Венецианцы держали их как пленников, не позволяя им даже вернуться назад до выплаты всего долга»³². Третий аноним, автор «Константинопольского погрома», рисует положение крестоносцев на острове св. Николая самыми мрачными красками: «Между ними поднялась удивительная смертность, так что живые не успевали хоронить мертвых»³³. Сама собою

напрашивалась мысль, что венецианцы нарочито создали такую обстановку для того, чтобы подчинить себе «христово воинство».

Надо полагать, что именно в это время у венецианского правительства родилась мысль использовать крестоносную армию в своих, более узких чем египетские планы, интересах. Как ни заманчивы были перспективы захвата Египта, трезвые венецианские политики постепенно убеждались в том, что эти перспективы стали более чем туманными: общее число явившихся в Венецию крестоносцев составляло половину, а может быть и менее, численности предусмотренной в договоре армии³⁴,—было ясно, что загребать жар чужими руками не придется; положение Мелек Адиля—теперь это было ясно для всех—упрочилось, и надо было предвидеть, что борьба с ним будет тяжелой, особенно, если будет сделана попытка атаковать его в Египте; наконец отчетливо наметилась перспектива использования крестоносной армии для решения других политических задач. Венецианцы умели хорошо разбираться в складывавшейся политической обстановке и не желали ловить журавлей в небе, если синицы давались в руки. Венецианское правительство быстро перестроило свою политику: если силы собравшейся крестоносной армии могли оказаться слишком слабыми для решения большой египетской проблемы, то они все же были достаточны для решения других менее сложных, как могло казаться венецианцам, задач.

Волей судеб крестоносная армия оказалась в венецианских руках. Это обстоятельство было как нельзя более благоприятным для колониальных планов Венеции в Истрии, где, как мы видели, в самое последнее время позиции Венеции пробовали оспаривать пизанцы, и в Далмации, за которую республика св. Марка вынуждена была вести борьбу уже целое столетие против венгерской короны. Мы видели, что в самом конце предыдущего столетия венецианцы потерпели неудачу при попытке еще раз подчинить себе непокорный Задар, который упрямо тянул в сторону венгерского короля. Теперь естественно родилась мысль использовать крестоносное ополчение для подчинения этого далматинского города. Крестоносцам было предложено «отработать» отсрочку по уплате недостававшей суммы, совершив поход вместо египетских берегов к берегам Далмации, причем кресто-

носцам дано было понять, что та добыча, которая их ждет в Задаре, поможет им расплатиться с венецианским правительством³⁵.

Даже оптимистически настроенный Вильардуэн сообщает, что крестоносцы согласились на сделанное им предложение «не без споров»; ряд других известий говорит нам о большом соблазне и великом замешательстве, которое оно вызвало по крайней мере среди части крестоносного воинства. Епископ Гальберштальский Конрад только по совету папского легата, тогда еще находившегося при войске, согласился остаться и «по возможности терпеть их (венецианцев) наглость»³⁶. Другой прелат, участник похода, аббат Мартин «весь измучился, не зная куда склониться и что делать»³⁷. В лагере поднялись великие споры и «много прошло времени в раздорах и разногласиях, причем венецианцы энергично настаивали (на походе под Задар), а наши (крестоносцы) робко возражали»... В результате «многие даже бедные люди, оставив войско и обратив свои стопы назад, вернулись домой»³⁸. Положение, таким образом, оказалось трудным: поход этот, незначительный сам по себе, был крайне неприятен по крайней мере для части крестоносцев в том отношении, что он направлялся, вопреки папским предписаниям, или указаниям папского легата, против христианского города, принадлежавшего христианскому королю, также «принявшему крест». Суассонский аноним, поэтому, прав, когда он говорит, что «венецианцы заставили» крестоносцев совершить этот неприятный поход³⁹.

Когда, наконец, безвыходность положения одних, надежда на богатую добычу других, томительная бездеятельность третьих заставили согласиться с предложением Дандоло, дож, а по его примеру и много других венецианцев в особо торжественной обстановке приняли крест «к великой радости крестоносного ополчения»⁴⁰. Венецианский флот быстро приготовился к отплытию; но прежде чем он покинул лагуны, возникло новое обстоятельство, которое сыграло исключительную роль в дальнейшей истории похода. Это были планы Бонифация Монферратского, за которым стоял Швабский дом.

В Венеции появилось немецкое посольство от Филиппа Швабского и царевича Алексея, сына Исаака Ангела, свергнутого с престола его братом Алексеем и осле-

пленного им⁴¹. Молодому принцу весной 1202 г.⁴² удалось бежать из тюрьмы, куда он был посажен своим дядей, и он теперь искал на Западе помощи против узурпатора. Он обращался к Иннокентию III, но встретил холодный прием: папа пока не желал осложнять крестового похода вмешательством во внутренние дела Византии и хоть косвенно оказать этим поддержку дому Гогенштауфенов⁴³. Наоборот, в Филиппе Швабском, женатом на его сестре Ирине, принц встретил живейшее участие, и при дворе Филиппа созрел план использовать для возвращения византийского трона Исааку крестоносное ополчение. Бытописатель четвертого крестового похода уверяет, что на эту мысль натолкнули Алексея пизанцы, помогшие ему бежать из Константинополя, при встрече в Вероне с крестоносными отрядами, двигавшимися в Венецию⁴⁴. Вероятно, это так и было, но форму определенной политической акции мысль эта приняла только после свидания Алексея со своим немецким зятем.

Нам недостаточно ясной представляется роль вождя крестоносного ополчения Бонифация Монферратского на первоначальной стадии развития этого проекта, но в дальнейшем он нашел в нем горячего сторонника, сумевшего увлечь за собой и ряд других высоких баронов ополчения. Единственным мотивом, который при этом руководил ими, могла быть только надежда на богатое вознаграждение за оказанную услугу, — Константинополь представлялся западным рыцарям городом сказочных богатств, каким он, по сравнению с западно-европейскими городами того времени, и был в действительности.

У венецианцев были свои и особо важные причины отнестись внимательно к предложению Филиппа и его шурина: предложение Алексея открывало перед Венецией исключительно заманчивые перспективы. Конечно, в это время Энрико Дандоло еще не мог предвидеть, что крестоносцам удастся овладеть Константинополем и тысячелетней империей, его, может быть, не особенно интересовала крупная денежная награда, которую можно было получить от Алексея, еще менее, надо полагать, планы объединения церквей; но венецианские политики с уверенностью могли рассчитывать на дальнейшее улучшение своих позиций на рынках империи, и прежде всего, на то, что им удастся, наконец, дать мат своим итальянским соперникам в Константинополе, пизанцам и генуэзцам. Мы

видели, как озабочены были венецианцы благосклонным отношением к Пизе императоров Исаака и Алексея и как им было неприятно, когда успешно развернули свою деятельность на Босфоре генуэзцы при императоре Мануиле. Нам думается, что соображения мести за причиненные ранее обиды и Венеции, и ее дожу играли тут ничтожную роль. Никита Хониат ближе к истине в 9-й книге своей «История Алексея Комнина (Ангела)», где он выдвигает материальные интересы участников похода, чем в 8-й, где вспоминает об обидах, нанесенных венецианцам византийскими императорами. Венецианские политики при разрешении больших политических вопросов обыкновенно руководились серьезными мотивами⁴⁵. Венецианцы могли при этом думать, что возведение претендента на константинопольский трон не потребует больших материальных затрат и военных усилий, ведь дворцовые перевороты в Византии и смена династий совершались так легко; между тем выгоды предприятия были заманчивы. Конечно, эти выгоды не могли идти в сравнение с тем, что могло быть завоевано в Египте; но это последнее могло обойтись очень дешево, тогда как поход под Константинополь, при наличии законного искателя византийского трона, мог быть простою военной прогулкой. Наконец, могли думать венецианские политики, водворив законного государя на византийском троне, они вместе со своими крестоносцами союзниками и с помощью своего ставленника будут иметь больше шансов и для успешного решения египетской проблемы.

Как бы то ни было, но предложение посланцев Филиппа Швабского и Алексея было встречено благосклонно⁴⁶. Открыта была новая страница в истории четвертого крестового похода.

2. Поход к берегам Истрии и Далмации

Восьмого октября 1202 г. крестоносная армада в составе более 200 кораблей покинула, наконец, лагуны⁴⁷. Энрико Дандоло стал во главе ее, так как Бонифаций Монферратский еще не присоединился к крестоносному ополчению.

Дандоло направил свой флот не прямо к основной цели похода, Задару, а к берегам Истрии. После столк-

новений, происшедших здесь в девяностых годах предшествующего столетия, в Истрии все было спокойно, вооруженное выступление здесь было ненужно, но Дандоло следовал традиционной политике Венеции демонстрировать свою мощь перед строптивыми истрийскими и далматинскими городами всякий раз, как к этому представлялась возможность,—так в свое время поступали и Пьетро Орсеоло II, и Витале Микеле, знаменитые дожи Венеции предыдущего столетия⁴⁸.

Флот демонстрировал перед Пирано, Умаго, Пореч, Пулой⁴⁹. Власти этих городов спешили выразить свою полную покорность могущественной республике св. Марка. Триест еще раз поклялся в верности и обещал ежегодно доставлять ко двору дожа 50 амфор самого лучшего вина. Штраф в 100 фунтов золота грозил городу за отказ от выполнения принятых на себя обязательств. Подобным же образом выразил свое подчинение и Умаго⁵⁰.

Пополнив запасы продуктов в Пуле⁵¹, флот от берегов Истрии направился к Далматинскому побережью и в начале ноября появился перед Задаром. Форсировав порт, флот вошел в него, а крестоносная армия высадилась по обеим сторонам города. В день св. Мартина крестоносцы приступили к его осаде.

Сомнения относительно законности далматинского предприятия, волновавшие крестоносцев еще в Венеции, усилились еще более. Оппозиционное меньшинство, руководимое Симоном де Монфором и аббатом одного из цистерцианских монастырей, настойчиво требовало отказа от операции, но вожди ополчения и большая часть жадного до добычи рыцарства стояли на своем⁵². Оппозиционерам не оставалось ничего другого, как покинуть крестоносный лагерь, что они и сделали, удалившись в Венгрию⁵³. Остальная часть крестоносцев продолжала осаду.

Соппротивление города, впрочем, не было продолжительным: на пятый день после начала осады он был 19 ноября атакован объединенными силами венецианцев и крестоносцев, и взят штурмом⁵⁴. Христианский город, находившийся во власти короля, также принявшего крест и потому считавшегося под особым покровительством церкви, сделался добычей крестоносного ополчения и был безжалостно разграблен⁵⁵. Один из венецианских источ-

ников с гордостью, но без достаточных оснований, приписывает это «доблестное» дело только своим соотечественникам⁵⁶.

По предложению Дандоло, который указывал на позднее время года и на осенние и зимние бури в Адриатическом и Средиземном морях, решено было перезимовать в Задаре, продолжив поход весной следующего года. Крестоносцы и венецианцы расположились в городе двумя отдельными лагерями. Это не помешало, однако, союзникам рассориться друг с другом в ближайшие же дни, причем распря превратилась в побоище, стоившее той и другой стороне многих жизней. Вождям обеих частей ополчения только с большим трудом удалось приостановить кровопролитие⁵⁷.

Между тем, штаб крестоносного воинства готовил его было успокоившейся совести новое испытание. Завязанные еще в Венеции сношения с Алексеем и Филиппом Швабским продолжались. Некоторое время спустя после захвата Задара, их послы опять появились в лагере крестоносцев с заманчивыми предложениями. Алексей обещал помочь крестоносцам в их «святом деле»: он предлагал или лично отправиться в поход против мусульман, или выставить и содержать в течение года 10 тыс. хорошо вооруженных людей и в течение всей своей последующей жизни содержать в «св. земле» 500 рыцарей для ее защиты. Кроме того, Алексей считал возможным обещать, что «особенно нелепо», по выражению Никиты, «воссоединение западной и восточной церквей, — обещал признать латинские уклонения в вере и новшества папских привилегий и вместе с этим соглашался отменить и изменить древние ромейские обычаи»⁵⁸. Наконец Алексей, не особенно задумываясь над выполнимостью своих обещаний, предложил крестоносцам в возмещение их расходов 200 тыс. марок серебра, «море денег», как замечает тот же Никита. За все это крестоносцы еще раз должны были отвлечься от их «святой цели» и вместо Египта или Сирии направиться в Константинополь и восстановить там низложенного Исаака на троне⁵⁹.

Обстановка в лагере была напряженной. Крестоносные низы считали себя обиженными при разделе добычи, захваченной в Задаре. Впоследствии автор «Константинопольского погрома» писал: «Добычу, захваченную в городе, бароны удержали за собой и ничего не дали бед-

ноте, которая страшно страдала от нужды и голода»⁶⁰. В то же время поползли слухи, потом подтвердившиеся, что папа за разгром Задара наложил на крестоносную армию интердикт⁶¹. Момент был мало подходящим для того, чтобы можно было предложить новое отклонение от первоначальной цели похода.

Тем не менее вожди венецианцев и крестоносного ополчения не колебаясь приняли предложение послов Алексея, заключили с ними договор и скрепили его своими печатями⁶². Кажется, вместе с ними тогда, или несколько позднее, из крестоносного лагеря были отправлены к Алексею два рыцаря с приглашением прибыть к войскам для приведения намеченного плана в исполнение⁶³. Крестоносная армия, уже поредевшая от прежних несогласий, «чувствовала себя неважно» (*li pelerin n'estoient mie a aise*), когда Бонифаций Монферратский, тем временем прибывший в крестоносный лагерь, выступил перед армией с новым предложением: «отправиться в Константинополь и запастись там продовольствием и другими предметами»⁶⁴. Представитель голодного рядового рыцарства, Робер де Кляри, уловил из объяснений Бонифация, прежде всего, эту мысль.

Вновь поднялись великие разногласия в стане крестоносцев. Отдельные отряды недовольных политикой вождей армии или те, кому поход уже наскучил, стали покидать ряды ополчения. «Армия уменьшалась с каждым днем,—сообщает нам Вильардуэн. Даже некоторые важные светские и духовные сеньеры направлялись в Сирию или возвращались на родину. Это ослабляло крестоносную армию, но ослабляло одновременно и оппозицию, голоса которой постепенно слабели: «Большая часть (крестоносцев), — пишет Гунтер Парижский, — начала склоняться в пользу юноши (Алексея), и только немногие... робко возражали»⁶⁵. Таким образом, венецианцам и вождям крестоносного ополчения еще раз удалось направить поход мимо поставленной цели.

Одновременно штабу крестоносного войска надо было парировать затруднения, которых надо было ожидать со стороны римского первосвященника. Иннокентий III был, прежде всего, политиком и при том политиком беззащитным и большого масштаба. Нравственная неприглядность деяний крестоносного воинства под Задаром, далекие от «дела креста» планы похода под Константинополь

сами по себе, если бы они входили в его первоначальные планы, не могли вызвать протестов с его стороны,—папа позднее вполне терпимо отнесся к еще большим злодеяниям, совершенным во время альбигойских войн; но крестоносцы и венецианцы, Бонифаций и Дандоло, расстраивали его политические планы, которые, как мы указывали выше, заключались в том, чтобы путем переговоров подчинить римскому влиянию восточную церковь и вооруженной рукой восстановить владения латинян в Сирии. Иннокентий III не мог примириться с мыслью об утрате руководства тем движением, инициатором которого был он сам⁶⁶. Особенно его раздражали венецианцы: он не мог им простить изгнания его легата из руководящего состава крестоносного ополчения,—даже спустя два года, когда предприятие Энрико Дандоло и Бонифация Монферратского увенчалось полным успехом и на Востоке шла подготовка к созданию там нового центра латинства, что не могло не быть приятным папе, он все еще с раздражением напоминал дожу об этом факте⁶⁷.

Когда Иннокентий III получил известие о падении Задара и об обстоятельствах, которыми оно сопровождалось, негодованию его, по крайней мере с внешней стороны, не было границ. Он писал тогда крестоносцам: «Дьявол заставил вас пойти войной против братьев ваших... Оскорбляя крест, вы завоевали город и граждан насильственно принудили к сдаче... Венецианцы на ваших глазах срыли стены города,... разграбили церкви, разрушили дома, а вы вместе с ними разделили награбленную у жителей Задара добычу». Папа угрожал крестоносному войску отлучением, если оно не даст удовлетворение за содеянное венгерскому королю⁶⁸. Крестоносцы решили отправить к папе посольство и письмо, в котором в тоне полного смирения оправдывали свое поведение безвыходностью того положения, в котором они оказались. Папа ответил на это послание письмом, в заголовке которого стояло демонстративное — *sine salutatione*. Папа стоял на своем и требовал возмещения жителям Задара отнятого у них имущества и извинения перед венгерским королем⁶⁹. Так как крестоносцы и венецианцы сделать этого не хотели и не могли, то папа и привел в исполнение свою угрозу, наложив на крестоносное войско и венецианцев интердикт⁷⁰.

Это обстоятельство до крайности осложнило положение крестоносного руководства. Надо было просить о прощении и снятии интердикта. В новом письме, преисполненном раскаяния и заверений в сыновней преданности «св. престолу», вожди крестоносного ополчения молят папу о том и о другом. Венецианцы, однако, предпочитали сохранять молчание. Обстановка складывалась, таким образом, что папе приходилось идти на уступки, — он еще надеялся направить крестоносное ополчение в Египет. Упорство и «нераскаянность» венецианцев заставили папу принять среднее решение: он снял интердикт с крестоносцев, но оставил его на венецианцах, которых справедливо считал «дьяволом—соблазнителем» крестоносного воинства.

Вожди ополчения старались сохранить всю эту переписку в секрете от рядового рыцарства, — его представителю, Роберту де Кляри, она осталась неизвестной. Нельзя было обнародовать и последнее письмо папы. Бонифаций Монферратский, сообщая об этом Иннокентию III, не без основания указывает, что это было бы равносильно роспуску крестоносного ополчения⁷¹. Это побудило Иннокентия смягчить свое первоначальное решение в том смысле, что, оставляя интердикт по отношению к венецианцам в силе, он в то же время «с горечью в сердце» разрешил крестоносцам «деловое» общение с ними⁷². Вместе с тем он рекомендовал вождям крестоносцев, чтобы они, скрывая до прибытия к месту назначения свое истинное отношение к своим союзникам, по миновании в них надобности, при первом удобном случае «подавили их злокозненность»⁷³.

До папы тем временем дошли слухи о новой затее венецианцев и их союзников. Иннокентий III спешит предупредить вождей ополчения: «Император (Алексей III) и его люди... допустили проступки, но не ваше дело судить о их преступлениях..., не для этого приняли вы крест»⁷⁴.

Отрицательное отношение Иннокентия III к походу на Константинополь вытекало, однако, не только из указанных выше соображений и мотивов, которые он высказывал в своей переписке: по-видимому, папа не особенно верил в успех новой авантюры, задуманной в крестоносном лагере. Гунтер Парижский, писавший со слов аббата своего монастыря Мартина, принимавшего близкое участие во всех этих делах, прямо заявляет, что папа не был

бы противником похода под Константинополь, если бы только он надеялся на успех, но он очень опасался, что крестоносцы будут отражены Алексеем III, в распоряжении которого находилось свыше тысячи одних только рыбацких судов, а такая неудача, естественно, должна была пустить все предприятие ко дну⁷⁵. Этим объясняется и то обстоятельство, что Иннокентий III очень легко примирился с событиями, когда потом увидел, что его предположения оказались ошибочными.

Письмо папы с запрещением крестоносцам похода под Константинополь, кажется, уже не застало флота союзников в Задаре. Весной 1203 г., предварительно разрушив все укрепления этого города, венецианцы вместе с крестоносной армией направились к югу, следуя вдоль Далматинского побережья.

3. Поход на Константинополь

Ближайший виновник нового изменения в направлении четвертого крестового похода, Алексей появился в лагере крестоносцев или незадолго до отплытия из Задара, или догнал венецианский флот уже в пути на специально оставленных для него кораблях⁷⁶. Во всяком случае, во время следования венецианского флота вдоль восточных берегов Адриатики, Алексей находился уже среди своих союзников, так как и Вильардуэн, и Никита согласно указывают, что прибрежные города Адриатики, признававшие верховенство над собой византийского императора, как например, Драч и Дубровник, признали в Алексее своего законного властелина⁷⁷. Таким образом, на первых порах разрешение задачи восстановления законных прав семьи Исаака на византийские владения проходило довольно гладко.

Тяжелые затруднения ожидали вождей крестоносного ополчения на Корфу, где крестоносная армия остановилась, как для того, чтобы подчинить этот остров Алексею, так и для того, чтобы соединиться здесь с теми крестоносными ополчениями, которые по разным причинам направились на Восток не через Венецию, и на Корфу поджидали основные силы крестоносного войска. Здесь крестоносцы провели еще около трех недель, так как, по

объяснению Вильярдуюэна, «остров был очень богат и полон всяких благ»⁷⁸.

Во время этого пребывания на острове в крестоносной армии опять начались разногласия, подобные тем, от которых крестоносная рать, как мы видели, страдала и в Венеции, и в Задаре; более половины войска отказывалось следовать на Константинополь и требовало похода в Сирию. Один из вождей ополчения в своем письме сообщал: «Из-за этого между нами началось великое разногласие и смятение... Все кричали надо направиться в Акру... Лишь немногие одобряли поход на Константинополь»⁷⁹. Робер де Кляри со свойственной ему непосредственностью живо передает споры вокруг этого вопроса. «Что нам делать в Константинополе?» — кричали одни... «А что нам делать в Александрии без продовольствия и средств?» — вопросом же отвечали другие...⁸⁰. Запросили мнения епископов, бывших при армии, не будет ли константинопольский поход греховным... Те поспешили успокоить на этот счет смятенные души сомневающихся⁸¹.

Под усиленным нажимом Дандоло и Бонифация сопротивление противников похода было еще раз сломлено и константинопольское его направление еще раз подтверждено. Оппозиции удалось добиться лишь клятвенного обещания со стороны вождей ополчения, что крестоносное войско будет заниматься константинопольскими делами не далее, чем до дня св. Михаила, т. е. до начала ноября, а после этого срока «без задержек, по доброй воле и без всякого обмана» будет переправлено в Сирию⁸². После этого единство в крестоносном ополчении было восстановлено⁸³.

Накануне троицы соединенные силы крестоносцев при благоприятной погоде и попутном ветре двинулись далее. Флот обогнул мыс Малею и пристал на некоторое время к Негропону. Отсюда небольшая часть его совершила диверсию в направлении острова Андроса и Киклад с целью подчинения их власти низвергнутой Алексеем III семьи. Затем каждая из частей флота двигалась своим путем по направлению к Мраморному морю. Около Абидоса обе части флота соединились вновь и поплыли далее. Через короткое время в чудесный июньский день перед восхищенным взором крестоносцев предстал во всем своем блеске и красоте царственный город⁸⁴.

После короткой остановки у монастыря св. Стефана в предместьи Константинополя крестоносный флот 23 июня 1203 г. бросил якорь у Халкиндона⁸⁵.

Крестоносцы и венецианцы рассчитывали, что у низложенного императора Исаака и его сына найдется в столице не мало сторонников, которые облегчат им задачу по водворению Алексея и его отца на троне. Отвергнув переговоры, начатые было императором Алексеем III, Дандоло и Бонифаций демонстрировали привезенного ими принца перед населением столицы, проплыв с ним под стенами Константинополя и агитируя в его пользу⁸⁶. Демонстрация эта не дала никакого эффекта,—надо было добиваться поставленной цели силой.

Это была не легкая задача. Перед армией крестоносцев, нуждавшейся в продовольствии и насчитывавшей едва ли значительно более 30 тыс. бойцов, лежал самый большой город средневековья, город хорошо укрепленный, с населением до 400 тыс. человек и гарнизоном, далеко превосходившим по численности армию крестоносцев⁸⁷. Сомнение закрадывалось даже в отчаянные головы многих авантюристов. Только полная неподготовленность столицы к обороне, слабая сила сопротивления греческих войск, пассивное поведение населения столицы и непреодолимая трусость императора Алексея обеспечили крестоносцам успех затеянного ими дела⁸⁸.

В начале июля крестоносная армия высадилась на правом берегу Босфора, овладела Золотым Рогом и Галатой, и после небольшой передышки, занятой мелкими стычками, начала штурмовать город—венецианцы с моря, крестоносцы — с суши. 17 июля венецианцам удалось овладеть несколькими башнями, они ворвались в город и зажгли часть его, примыкавшую к атакованному участку городской стены⁸⁹. Престарелый Дандоло под знаменем св. Марка принимал непосредственное участие в битве⁹⁰.

Счастливо для крестоносцев сложилась и обстановка на суше. Негодование части населения столицы заставило Алексея «кое-как надеть оружие» и сделать вылазку против окопавшихся у стен города рыцарей. Ни та, ни другая сторона не решалась начать битву. Наконец, Алексей отвел свои войска обратно в город. Это было все, что он сам сделал для обороны столицы и своего трона. Рассказ Робера де Кляри слишком напоминает

chansons de gestes, чтобы быть правдивым⁹¹. Правдивее гораздо Никита: «Мысль о бегстве, неотвязчиво преследовавшая Алексея, и непобедимая робость его ближайших советников помешали ему сделать то, что надо было сделать». В следующую же ночь, захватив царскую сокровищницу, Алексей бежал из города «в малодушии, в трусости, он променял блага всех городов, областей и всего народа на свое личное спасение и то — сомнительное», — с горестью и возмущением рассказывает Никита⁹². «Это был случай, когда Господь во всем своем блеске проявил свое всемогущество», — повествует о тех же событиях Вильардуэн⁹³. Город оказался в руках крестоносцев.

После этого не было препятствий к восстановлению Исаака на троне и соправительству Алексея. Оба императора, отец и сын, поспешили под нажимом крестоносцев и венецианцев подтвердить договор, заключенный ранее Алексеем⁹⁴. После этого крестоносное ополчение, по просьбе Исаака и Алексея, покинуло город и расположилось в его окрестностях, в изобилии снабженное всем необходимым.

Теперь, казалось, можно было приступить к разрешению основной задачи похода, нанести удар мусульманам в Египте или в Сирии. Но тут возникли новые препятствия: надо было удовлетворить просьбу императоров об отсрочке отъезда до весны 1204 г., так как они пока не чувствовали себя в силах сохранить в своей власти город и империю, да у них не было и денег, чтобы расплатиться со своими союзниками, без чего те не хотели и не могли двинуться куда бы то ни было. В крестоносном стане поднялись опять споры: одни настаивали на немедленной отправке ополчения во «св. землю», другие вполне резонно указывали на необходимость закончить дела в Греции, укрепить получением обусловленной по договору с Алексеем суммы финансовую базу дальнейших операций и переждать неблагоприятное для плавания по Средиземному морю зимнее время под Константинополем. «С помощью божией, — сообщает благочестивый Вильардуэн, — доброе мнение восторжествовало»⁹⁵. Крестоносцы решили остаться, а венецианцы «выразили согласие» продолжить договор о пользовании их флотом еще на один год, конечно за соответствующее вознаграждение, уплату которого брали на себя Исаак и Алексей. Таким образом,

клятвенное обещание вождей крестоносного ополчения направить крестоносное войско против мусульман после Михайлова дня 1203 г., данное ими крестоносцам на Корфу, было забыто.

Теперь предстояло решить две новых задачи: во-первых, надо было завоевать хотя бы ближайшие места к столице для Исаака и Алексея и во-вторых, добиться уплаты огромных сумм, выговоренных по договорам с обоими императорами. Первую часть этой программы взял на себя с основной массой крестоносцев Бонифаций, а вторую—Дандоло со своими венецианцами. Первая из этих задач была решена без особых усилий, хотя нужно сказать и без особого успеха. Бонифаций вместе с Алексеем совершили небольшой поход в ближайшие к Константинополю районы и добились с их стороны признания совершившегося в столице переворота. Поход был непродолжителен: в середине ноября Бонифаций и Алексей были уже в столице⁹⁶.

Гораздо более сложной оказалась задача, которую надо было разрешать Дандоло. Сумма задолженности была огромной, а государственная казна пуста, и не было надежды на ближайшее ее пополнение, так как целый ряд провинций и в их числе богатейшие малоазиатские фемы не признавали совершившегося в Константинополе переворота и не платили налогов. То, что императорам удалось первоначально собрать и вручить крестоносцам, хоть и покрыло все произведенные ими до этого издержки⁹⁷, тем не менее не составляло и половины общей суммы их претензий. Никита с возмущением рассказывает об усилиях Исаака собрать нужные средства: обобрать казну, использовав личное достояние императрицы Евфросинии и ее родственников, «он святотатственно каснулся неприкосновенного, ...он пошел в храмы,—иконы повергались наземь и разрушались топорами, ...содрав драгоценные оклады с них, бросали их в переливку, ...похищали из церквей священные сосуды, переплавляли их и отдавали неприятельским войскам в виде обыкновенного серебра и золота...»⁹⁸. И тем не менее становилось все яснее, что те обещания, которые надавал Алексей и которые был вынужден подтвердить Исаак, были невыполнимы.

Когда Алексей вместе с Бонифацием вернулись из похода, то молодой император, до того времени охотно бы-

вавший в лагере крестоносцев, теперь стал избегать свидания с ними, как должник, который прячется от назойливого кредитора. С тем большей энергией крестоносцы и венецианцы настаивали теперь на выполнении контракта. Дело дошло до угроз со стороны последних применить силу. Об этом согласно говорят и представитель верхов крестоносного ополчения Вильардуэн, и представитель его низов Робер де Кляри⁹⁹.

Все это ожесточило обе стороны. Ряд дополнительных обстоятельств осложнили положение еще более. Население столицы с крайним недоверием смотрело на «латинян» и было склонно приписывать им все несчастья, которые обрушивались на его голову. Осенью 1203 г. в городе произошел большой пожар, уничтоживший большое количество общественных и частных зданий, и оставивший без крова, в частности, значительное количество западно-европейских выходцев, проживавших в столице Восточной империи. Жители города не замедлили обвинить в этом несчастье крестоносцев¹⁰⁰. С другой стороны, присутствие возле стен Константинополя целой армии должно было повлечь за собой рост цен на жизненно необходимые продукты. Это особенно затрагивало низы крестоносного ополчения, — не даром именно Робер де Кляри сообщает об этом, указывая цены на отдельные продукты¹⁰¹.

Положение обоих императоров становилось невыносимым: они не могли теперь с уверенностью рассчитывать на раздраженные войска крестоносцев и венецианцев, но не привлекли к себе расположения также и со стороны греков; крестоносцы угрожали им теперь войной, а среди греков уже зрели планы низвержения ставленников ненавистных «латинян». В этих условиях византийские властители попробовали обратить свои взоры на Запад: Алексей написал Иннокентию III послание, в котором изъявлял желание воссоединить восточную церковь с западной. Папа, прекрасно осведомленный относительно того, в каком положении находились Исаак и Алексей, ответил очень сдержанно, рекомендуя императорам перейти от слов к делу¹⁰². Но выполнение и этого обещания было по крайней мере столь же трудно, как и выплата обещанных сумм крестоносцам, вследствие чего переговоры о воссоединении церквей пока на этом и остановились.

Между тем взаимоотношения между императорами и крестоносцами продолжали ухудшаться. Зимой начались враждебные действия. Когда попытка Алексея сжечь венецианский флот путем внезапной атаки брандеров не удалась, в городе произошло движение народных масс и дворцовый переворот, приведший на трон Алексея Дуку, по прозванию Мурзуфла, и низвержение Исаака и Алексея. Исаак вскоре после этих событий умер, а Алексей погиб в тюрьме от рук палача¹⁰³.

Борьба теперь вступила в новую фазу. Крестоносцы оказались теперь вне города, ворота которого были для них закрыты: «Таким образом,—пишет аноним Суассонский,—наши, будучи удалены из царственного города, проводили время, находясь между ним и морем, в то время, как со стороны греков днем и ночью угрожала смерть»...¹⁰⁴. Неудивительно, что крестоносцы трусили и попробовали, «скрывая страх»¹⁰⁵, вступить с Алексеем Мурзуфлом в переговоры, из которых, однако, ничего не получилось¹⁰⁶. Теперь задача крестоносного войска и венецианцев внезапно расширилась: они должны были приступить к завоеванию столицы, или отправиться ни с чем восвояси. Так события привели участников четвертого крестового похода ко вторичной осаде Константинополя.

На этот раз враждебные действия крестоносцы оправдывали желанием наказать узурпатора Алексея Мурзуфла за убийство Алексея IV, но это было только предлогом, действительные цели крестоносцев и особенно венецианцев шли гораздо далее. Это показывают те договоры, которые крестоносцы, насильники и грабители, заключили между собою по разделу ожидавшихся территориальных захватов и добычи. Не подлежит сомнению, что именно венецианцы проявили во всем этом деле особенное упорство и настойчивость,—за это говорит отчасти львиная доля, которую они постарались обеспечить за собой из намечавшейся добычи. Само собой разумеется, что они были совершенно равнодушными к гибели Алексея, но почувствовали себя серьезно задетыми тем, что из их рук вырвана была эта жертва.

Затруднительным было и положение Иннокентия III. Руководство походом, им затеянным,—теперь это было ясно для всех,—было окончательно вырвано венецианцами из его рук. Оружие, которым папа думал вернуть

себе руководящую роль, оказалось недейственным, по крайней мере, по отношению к главным виновникам всех событий, венецианцам: они не обращали на папский интердикт никакого внимания. Наметившийся успех предприятия, с другой стороны, обещал ряд выгод и «св. престолу». Папа, все еще не покидавший мысли направить поход против мусульман, резко изменил тон. На смиренное послание крестоносцев с извещением о том, что Алексей водворен на императорском троне и готов выполнить свое обещание о воссоединении церквей, папа ответил выражением своего удовлетворения и для приличия напомнил баронам о том, что вот теперь как раз и следовало бы приступить к выполнению данного обета относительно «святой земли»¹⁰⁷. Надо было, очевидно, как-то поладить и с наиболее упорными в своем «заблуждении» сынами церкви, венецианцами. В конце января 1204 г., когда дела в Константинополе явно клонились к своей трагической развязке, папа наставляет своего незадачливого легата, Петра Капуанского, который в это время мирил в Тире враждовавших между собою генуэзцев и пизанцев: «Тебе надлежит прилежно увещевать дожа и венецианцев, и привести их к раскаянию в содеянном, с тем, чтобы они могли воспользоваться благостью снятия с них интердикта по установленной церковью форме». Папа при этом рекомендует легату не опасаться потери его, папы, расположения к нему, если «по настоятельной необходимости» ему придется вступить в сношения с грешниками с лагун¹⁰⁸. Разумеется, для выполнения этой миссии Петру Капуанскому не приходилось дожидаться венецианцев в Сирии, а надо было самому направиться в Константинополь. Не дожидаясь результатов деятельности своего легата, Иннокентий III в феврале того же года сам пишет дожу о настоятельной необходимости для него испросить прощение у «св. престола»: «Смойте слезами раскаяния греха вашего скверну», — заканчивает папа свое послание¹⁰⁹.

Между тем события под Константинополем разворачивались с необычайной быстротой.

Алексей V, видя неизбежность открытой борьбы против крестоносцев, попробовал перейти в наступление. Греки атаковали часть крестоносных войск в районе Филе, но их командир, Генрих Фландрский, не дал захватить себя врасплох¹¹⁰. Атака была отражена, и этим был ис-

черпан наступательный порыв греческих войск. Они укрылись за крепкими стенами столицы.

К весне 1204 г. дипломатическая и техническая подготовка к штурму в лагере крестоносцев была закончена. Стены Константинополя были атакованы в первый раз 9 апреля. Штурм был отбит, но это лишь на короткий срок ослабило энергию осаждавших войск. Двенадцатого апреля он был повторен, и осаждавшим удалось ворваться в город. Немцы, французы, венецианцы оспаривали друг у друга эту честь. Аноним Суассонский ратует за своих соотечественников, французов, хотя и указывает, что проникли они в город с венецианских кораблей¹¹¹; Гунтер Парижский приписывает успех «какому-то немецкому графу», удачно поджегшему обороняющийся город¹¹²; кажется, однако, что и на этот раз именно венецианцы добились решительных результатов, атаковав укрепления со стороны воды, где оборонявшиеся считали их особенно надежными.

Начались трагические дни Византийской столицы. Император бежал. Возник еще раз страшный пожар. Беззащитный город сделался добычей разнузданной солдатски. Разграблены были храмы, дворцы и гробницы императоров; замечательные памятники искусства, веками украшавшие столицу, были низвергнуты, разбиты и расплавлены¹¹³; драгоценные ткани, хотя бы это были и церковные завесы, были сорваны и расхищены; даже реликвии, причудливые предметы средневекового суеверия, стали предметом грабежа и торга¹¹⁴. Невероятные злодеяния, которыми сопровождался этот грабеж, расхищение и уничтожение веками собранных ценностей, потрясли современников, и даже в далеком Новгороде летописец поведал своим соотечественникам об ужасающей судьбе Царя-города¹¹⁵.

Армия разместилась в полусгоревшем городе: высокие бароны и знатные венецианцы выбрали себе лучшие из уцелевших зданий, крестоносная масса размещалась, как могла¹¹⁶. Город был окончательно захвачен. Выбранный наспех, в последнюю минуту император Феодор Ласкарис поспешил укрыться в Никее. Вожди крестоносного ополчения и Дандоло могли поздравить себя с успехом, который превзошел самые смелые их ожидания.

Совершилось невероятное: огромный город с превосходной системой укреплений, войсками, многочисленным

населением сделался добычей каких-нибудь двух-трех десятков тысяч авантюристов. Город не был изнурен продолжительной осадой и голодом, не чувствовал недостатка в оружии и припасах, не переживал пароксизма лихорадочной внутренней борьбы и все же пал. Он пал не от храбрости крестоносных головорезов, не от мудро составленных вождями ополчения планов нападения; он пал от равнодушия народных масс к его судьбе. Византийская бюрократия и феодалы, веками угнетавшие народ, не желавшие и не умевшие защитить его интересы даже перед лицом мелких итальянских торговых республик, не могли искать себе поддержки у масс городского населения столицы;—они ее и не искали: при помощи наемников думали они отстоять столицу империи. Не случайно, что в период первой осады и первого штурма Алексея III поддерживали пизанцы, сражавшиеся за него на городских стенах, а не ромеи, его подданные. Никита Хониат, сам принадлежавший к императорской бюрократии, с горечью рассказывает, как простой народ, ремесленники, крепостные крестьяне со злорадством смотрели на бежавшую знать, нарочито переодетую в рубище, грязью и сажей перемазавшую лица своих жен и дочерей¹¹⁷. «Земледельцы и простые люди,—говорит Никита,—издевались над ними, византийцами, неразумно считая наше несчастье, нашу бедность и наготу, уравнием в положении с ними, нисколько не вразумляясь несчастьями своих ближних»¹¹⁸. Страшный погром коснулся в первую очередь, если не исключительно, кварталов богатей, так как в лачугах константинопольской бедноты грабителям нечего было взять, и едва ли голой клеветой является другое утверждение Никиты: часть константинопольского торгового люда сама приняла участие в скупке награбленного в церквях и богатых домах столичной знати¹¹⁹. Все это было заслуженным возмездием за века угнетения и презрения к народным нуждам и интересам.

Венецианцы хорошо знали внутреннее состояние империи и смело шли к своей цели. Вожди крестоносных войск следовали их примеру, полагаясь на мудрость венецианского вождя, которому не отказывают в ней и те бытописатели событий, которые вовсе не дружественно настроены по отношению к венецианцам¹²⁰. Крестоносная мелкота приводилась в движение тою же жаждой стяжа-

ния, которая, «вдохновляла» и вождей, но стяжание мелкого, не выходявшего за рамки обычного рыцарского разбоя. Мудрый Дандоло прекрасно разбирался в этой психологии оказавшихся у него под рукой крестоносных авантюристов и смело и неуклонно проводил свою политику, точнее—политику своего класса, венецианских купцов и ростовщиков. Венецианцы правильно также оценили и позицию главы католического мира, папы. Они видели вперед дальше Иннокентия III и были уверены, что победителей судить не будут. Они в этом и не ошиблись. Мы уже видели, как резко снизил тон своих упреков знаменитый римский первосвященник, как только увидел, что он недооценил серьезности затеянной венецианской плутократией авантюры.

Глава одиннадцатая

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ДОЛЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ НАСЛЕДСТВЕ

Ближайшим результатом разгрома Восточной столицы было образование Латинской империи. Трудно сказать, когда созрела мысль о захвате Византийской империи в головах вождей ополчения,—источники не дают нам на этот вопрос прямого ответа. Можно только предполагать, что это произошло не ранее гибели династии Ангелов. Как ни были широки планы крестоносцев и особенно венецианцев в самом начале похода на Константинополь, они все-таки едва ли шли далее получения новых привилегий и новых опорных торговых пунктов для венецианцев, нескольких ленов—для вождей крестоносного ополчения и богатой добычи—для всех участников восточного предприятия. Гибель династии, полное равнодушие провинции к событиям в столице, изолированное положение знати и бюрократии в осажденном городе, малая боеспособность гарнизона, в чем крестоносцы убедились еще во время первого штурма Константинополя, толкнули Дандоло, Бонифация и их штаб на более смелые дерзания. Во всяком случае надо считать, что к мар-

ту 1204 г. план создания новой империи созрел окончательно.

Основателям ее не нужно было отличаться особым политическим глубокомыслием: схема ее была готова,— это было Иерусалимское королевство; ее надо было только несколько видоизменить и приспособить к условиям образования новой империи. Основы этой империи, доля участия в ней партнеров по грабежу были определены в мартовском договоре 1204 г. Разработка этого договора представляла собою дипломатическую подготовку образования на Востоке еще одной феодальной империи крестоносцев.

1. Мартовский договор 1204 г. и его реализация

Отдельные статьи этого договора группируются вокруг четырех вопросов: вопроса о венецианских привилегиях в пределах будущей империи, вопроса о разделе добычи, которую крестоносцы рассчитывали захватить в столице, вопроса об участии в организации управления и доли во власти, вопроса о территориальных правах участников похода.

Для венецианцев на первом плане стоял вопрос о их торговых привилегиях на территории империи. Они хотели сохранить их и приумножить. Это было достигнуто путем введения в договор такого пункта: «За нами (венецианцами) должны быть сохранены те преимущества и владения, которыми мы пользовались с давних пор (*quos habere consueveramus*),... и все интересы и права, как обеспеченные писанными документами, так и без таковых»¹... Это последнее—*sine scripto* — открывало венецианцам самый широкий простор для самых разнообразных домогательств в сфере их исключительного положения в экономической жизни империи.

В вопросе о разделе добычи венецианцы постарались обеспечить за собою львиную ее часть: из массы захваченных ценностей, в первую очередь им и крестоносцам должны были быть оплачены все виды задолженности по обязательствам императора Алексея IV, остальное должно было быть поделено поровну. По предварительным

соображениям финансистов св. Марка это должно было составить для венецианцев три четверти всей добычи, тогда как на долю крестоносцев могла прийти только одна четверть. Именно это соотношение и было записано в договор².

Новая империя должна была получить выборного императора. Венецианцы несомненно с самого же начала решили отклонить от себя обременительную честь занятия этого ответственного поста, с которым была связана забота об обороне империи, но пожелали заполучить в свои руки нити церковного управления, которое никогда не было убыточным, но открывало широкие возможности разнообразного влияния не только на дела духовные, но и светские,—венецианцы во всяком случае надеялись на это. Они позаботились, поэтому, включить в договор пункт, в силу которого та из сторон, из среды которой не будет выбран император, получает пост Константинопольского патриарха³. Избирательная комиссия по договору составлялась таким образом, что венецианцы с уверенностью могли рассчитывать на то, что будет избран угодный им кандидат на императорский трон. Она должна была состоять из 12 членов, по шесть представителей от каждой стороны, от венецианцев и крестоносцев. Имея в своем распоряжении половину голосов, легко было привлечь на свою сторону еще несколько человек из разноплеменного состава остальных шести членов комиссии, представлявших в ней интересы крестоносцев. Порядок голосования предусматривал получения кандидатом простого большинства, а при равенстве голосов дело должен был решить жребий⁴.

Вопрос о территориальных правах участников похода был разрешен таким образом: император, на котором, в первую очередь, лежала забота об обороне империи, должен был получить одну четверть всего ее состава, остальные три четверти подлежали разделу между крестоносцами и венецианцами поровну. Так родился знаменитый титул дожей—«владыка четверти и полчетверти Византийской империи». Этот принцип раздела распространялся также и на столицу, но в доле императора нарочито были указаны дворцы Влахернский и Буколеон⁵. Все участники раздела должны были принести за свои владения ленную присягу императору,—империя мыслилась как единое феодальное целое. Однако эта идея уже в самом

договоре компрометировалась оговоркой: от обязанности ленной присяги освобождался дож венецианский. Этот пункт смягчался, правда, дополнительной оговоркой, что свобода от ленной присяги распространяется только на самого дожа, но не на тех лиц, которым ему заблагорассудилось бы уступить свои владения⁶. Это условие венецианцы несомненно приняли с твердым намерением никогда его не выполнять, что они в дальнейшем и делали.

В отношении вопроса о территориальном разделе была принята только общая, принципиальная установка. Детали раздела должны были быть определены позднее, когда новая империя была бы уже не проектом, а фактом. Эту работу должна была провести комиссия из 24 членов, избранных также на паритетных началах⁷. Исключение составляла доля забаллотированного кандидата на императорский трон. Он должен был получить малоазиатские провинции и остров Крит⁸.

Легко видеть, что договор был делом венецианских рук, так как именно венецианские интересы он обеспечивал наилучшим образом.

Торговые привилегии, исключавшие такие привилегии всех других лиц и народов, получали только венецианцы. Крестоносцам они, впрочем, и не были нужны. При разделе награбленной добычи им должна была принадлежать львиная доля. В вопросе организации управления империей они сохранили за собою, как им казалось, важный по своему политическому значению и доходный пост Константинопольского патриарха. В воображении венецианских политиков, возможно, возникал образ восточного папы, которого они будут держать в своих руках. Правда, горькие разочарования ждали венецианцев в этом вопросе, но сделалось это ясным только значительно позднее. План территориального раздела также, в первую очередь, обеспечивал венецианские интересы. Будучи прекрасно осведомлены о размерах и действительной протяженности империи, зная экономику отдельных ее районов и областей, учитывая значение отдельных ее городов и портов, венецианцы надеялись при предстоящем детальном разделе использовать невежество «крестоносных болванов» и выкроить себе самые лучшие части византийского наследства. И действительно, в позднейшем договоре «О разделе империи» они

усердно снабдили императора и крестоносцев целым рядом областей, уже давно не находившихся в распоряжении империи⁹, чего они постарались избежать при определении собственной доли в территориях Византии. Наконец, идея поставить владения дожа в особые условия по отношению к императору, мысль о превращении их в экстерриториальные владения внутри новой империи, мысль о слиянии их в одно целое с остальными венецианскими владениями и сферами влияния открывала перспективу создания собственной колониальной империи.

Из всего этого с полной ясностью следует, что договор лил воду, главным образом, на венецианскую мельницу.

Договор этот, как и предшествовавшие соглашения, крестоносцы и венецианцы должны были представить на утверждение папы.

Таков был план основания новой империи. Мы теперь должны рассмотреть, как протекало его выполнение.

Первоначальной задачей при осуществлении этого плана встал практически вопрос о разделе добычи. Крестоносцы грабили город несколько дней, по меньшей мере с 13 по 15 апреля. Прелаты, высокие бароны, венецианская знать, простые рыцари и солдаты соперничали друг перед другом и в деле разгрома Восточной столицы. «Были разгромлены не только церкви, но бесстыдно разбиты и раки, в которых покоились мощи святых; золото, серебро и драгоценные камни при этом захватывались, а сами мощи ставились ни во что»,—повествует анонимный каноник Лангрского капитула¹⁰. «Такой огромной, знатной и богатой добычи,—рассказывает Робер де Кляри,—не было захвачено ни во время Александра, ни во времена Карла Великого, ни до этих событий, ни после них»¹¹. Новгородская летопись в свою очередь отмечает: «Иные церкви в граде и вне града, и монастыри в граде и вне граде пограбиша все, им же не можем числа ни красоты их сказать»¹². Вместо организованного ограбления города, которое намечалось по договору, возникли тенденции индивидуального расхищения его богатств¹³. Потребовались суровые меры, чтобы приостановить развитие этих тенденций и заставить сносить награбленное в специально для этого отведенное помещение¹⁴, «всю добычу нашу мы снесли в одно место,—рассказывает автор «Константинопольского погрома»,—и наполнили ею три огромных башни»¹⁵.

Далеко не все, что было награблено, поступило в общий фонд раздела, но и то, что удалось собрать, поражало своим богатством жадную толпу западных грабителей. Трудно оценить размеры этой добычи. Наши источники определяют долю, полученную каждым пехотинцем, в 5 марок, клириком и щитоносцем — в 10 марок, рыцарем — в 20 марок¹⁶. Венецианцы будто бы предлагали крестоносцам за их долю в добыче 400 тыс. марок, или более полутора миллионов византийских золотых¹⁷.

Раздел протекал не без споров и затруднений. Это было совершенно естественно, — ведь приходилось делать оценку самым разнообразным предметам, многие из которых представляли собою уникальные вещи. Для удобства раздела крестоносцы превратили в слитки целый ряд художественных изделий, похищенных в городе. Кое что венецианцам удалось сохранить в целости, — такова, например, знаменитая квадрига, украшавшая константинопольский ипподром, а с этого времени и до сих пор украшающая площадь св. Марка.

Доля богатств, полученных венецианцами, особенно подробно описана Рамнузием. Автор истощил всю свою фантазию и весь свой лексикон для обозначения разнообразных драгоценностей, которые ее составляли. Вероятно, тут много измышлений — автор писал в XVI столетии, — но несомненно, что венецианцы получили огромные ценности. Замечательно, что ранние венецианские источники избегают описаний страшного разгрома и грабежа, которые были учинены в Византийской столице и умалчивают о богатствах, которые республика вывезла из Константинополя, что не мешает им дать подробные отчеты о реликвиях в это же время добытых и привезенных в Венецию¹⁸.

Мы вправе предположить, что не только венецианская доля, но и значительная часть богатств, полученных крестоносцами, попала в руки венецианских купцов. Предприимчивые венецианские дельцы несомненно сумели прибрать к рукам загулявшие банды крестоносной солдатески. Рыцари потом проигрывали в кости и достававшиеся им по разделу лены¹⁹.

Значение этого раздела награбленных ценностей имело для Венеции в дальнейшем огромное значение. В руки венецианских купцов и ростовщиков попали огромные богатства, которые способствовали дальнейшему росту

венецианской торговли и отчасти подводили экономическую базу под ее колониальную экспансию. «Торговый капитал,—говорит Маркс,—когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет собою систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, у португальцев, голландцев и т. д.»²⁰. Приведенные выше факты иллюстрируют это положение Маркса.

Вопрос об организации управления был разрешен в полном соответствии с желанием венецианцев. На императорский пост было выдвинуто две кандидатуры, если не считать кандидатуры Энрико Дандоло, снятой венецианцами,—вождя ополчения Бонифация Монферратского и Балдуина, графа Фландрского. Кандидатура Бонифация была менее желательной для венецианцев, чем кандидатура его соперника. Он был сильнее Балдуина, и потому венецианцы отдали свои голоса этому последнему, причем, как это и предвидели венецианские политики, французы были готовы подать голос также за Балдуина, что делало бесполезным сопротивление ломбардцев, входивших в состав комиссии, почему, после долгих споров и препирательств, Балдуин и был избран императором новой империи единогласно. «Французы,—сообщает нам по этому поводу Робер де Кляри,—радовались, а ломбардцы были опечалены»²¹.

Выборы произошли 9 мая, а шестнадцатого состоялось торжество коронации нового императора в церкви св. Софии. Высокие бароны крестоносного войска—забаллотированный Бонифаций Монферратский, Людовик, граф Блуасский, Юг. де С. Поль вели себя при этой церемонии, как это подобает вассалам перед лицом своего сюзерена²². Империя была формально основана.

Император Балдуин и бароны расценивали сложившуюся обстановку в высшей степени оптимистически... В восторженном стиле сообщал Балдуин Иннокентию III об основании новой империи: «Се ныне день спасения... восхвалите его первосвященнической трубой в Сионе...,—писал император папе,—с уверенностью можем сказать, что никогда история войн не расскажет о более величественных и удивительных событиях...»²³.

Над союзниками Балдуина, дожем и венецианцами, все еще тяготел, однако, наложенный на них интердикт. Балдуин усиленно рекомендует их папе, как вернейших и благороднейших сподвижников описанных им славных дел. Мы видели, что папа и сам пришел к мысли об изменении к ним отношения. Когда Петр Капуанский вместе с несколькими отрядами крестоносцев, которые раньше направились прямо в Сирию, а теперь решили присоединиться к константинопольским удачникам, явился к завоеванной Восточной столице, венецианцы были возвращены в лоно католической церкви. Несколько позднее этот акт легата был подтвержден и самим папой²⁴.

Когда Иннокентию III сделались известными ужасающие подробности разгрома Константинополя, его совесть еще раз была подвергнута тяжелому испытанию. Политик в папе победил, однако, и на этот раз. В своем письме к Балдуину от 7 ноября 1204 г. он выражает радость по поводу основания новой империи и берет ее под защиту церкви: «Тебя, земли и людей твоих мы берем под защиту св. Петра и наше особое покровительство», — писал он императору²⁵. Все участники крестового похода «должны мудро и всеми силами помогать тебе».

Так как за Венецией было признано право назначить Константинопольского патриарха, то венецианцы поспешили избрать на этот пост своего соотечественника Томаса Моросини. Избрание происходило заочно, так как Томас находился в Венеции и прежде чем получить палий восточного патриарха от главы католической церкви, который мыслил теперь себя главой всего христианского мира, должен был пройти целый ряд ступеней священства, отделявшие скромное звание иподиакона, которое носил Т. Моросини, от сана патриарха, на что требовалось время. Основанная крестоносцами империя была, поэтому, пока без духовного главы; но она имела теперь своего императора, получила санкцию на свое существование со стороны св. престола, даже взята под особое покровительство церкви. Пока все шло относительно гладко.

2. Венецианские планы захвата византийских территорий

Надо было ожидать, что согласие покинет союзников, как только дело дойдет до раздела тех ценностей, которые феодал считал основными, ленов. Это так и случилось. Бонифаций, как забаллотированный кандидат в императоры, должен был бы получить малоазиатские провинции и остров Крит. Провинции эти, несомненно, были богатейшими в империи, но в данное время они не могли быть к услугам Бонифация, так как были заняты или турками, или греческими феодалами, сгруппировавшимися вокруг Феодора Ласкириса в Никее. Бонифаций понял, что он попал в невыгодную сделку и поставил перед Балдуином вопрос об обмене Азиатских провинций на Фессалию и Македонию с центром в Солуни и с титулом короля. После некоторых колебаний Балдуин дал на это согласие²⁶.

Таким образом вновь рожденная империя имела императора и короля, но состояла пока только из одной столицы. Империю надо было еще завоевать. Когда однако император и король приступили к овладению византийским наследством, то дело быстро дошло до разрыва между ними. Балдуин овладел Солунью, а Бонифаций начал осаду Адрианополя, где Балдуин уже поставил свой гарнизон. Энрико Дандоло и Людовику Блуасскому, остававшимся в Константинополе, удалось, однако, предотвратить дальнейшее развитие конфликта; но вместе с тем была оставлена и мысль о предварительном, до раздела, завоевании империи, мысль, которая, по-видимому, сначала руководила деятельностью крестоносцев, не спешивших с детальным разделом византийского наследства.

Вильардуэн, рассказав о ликвидации возникшего между Бонифацием и Балдуином конфликта, сообщает далее, что после этого начался раздел территории империи между участниками похода²⁷. Эта работа была проведена комиссией в составе 24 членов, избранных на паритетных началах, как это и было предусмотрено мартовским договором²⁸. Мы уже говорили в своем месте, что раздел был произведен или в конце сентября, или в начале октября 1204 г.

Акт о разделе является одним из важнейших документов в истории образования Венецианской империи.

Не все, что венецианцы выговорили себе по договору в действительности стало их достоянием, но очень важно то, что он характеризует размеры венецианских территориальных притязаний, их программу колониальной экспансии, которую они по мере своих сил старались провести в жизнь.

В исторической литературе юридический статус и фактическое положение дела в этом вопросе столь часто смешивались, что необходимо особо подчеркнуть важность такого различия. Это тем более, что отсутствие такого различия характерно даже для самых последних исторических работ, касающихся этого вопроса. Мы уже говорили о преувеличенной оценке венецианских приобретений у Дорена. То же самое надо сказать и о работе Карли. В своей «Истории итальянской торговли» последний пишет: «Венеция овладела доброй половиной империи и господствовала над всем морским побережьем от Дубровника до Босфора, а также овладела Критом, Корфу, Кефалонией, Занте, Наксосом, Паросом, Мелосом, Андросом, Миконосом, Сиросом, Кеосом, Лемносом, наконец—тремя восьмыми Константинополя»²⁹. С такой же преувеличенной оценкой венецианских приобретений встречаемся мы и в нашей исторической литературе,—укажем для примера труд проф. Семенова В. Ф.³⁰. Разумеется, ни один из названных авторов не исследовал этого вопроса самостоятельно: их общие труды отражают несовершенство разработки его в специальных сочинениях, посвященных истории Венеции. Тем больше оснований остановиться на этой проблеме с надлежащим вниманием.

Акт о разделе империи показывает, что участники его поставили своей задачей произвести раздел по «справедливости». С этой целью империя была, по-видимому, сначала разделена на три неравных части: одну, считавшуюся, вероятно, более ценной, составляли прилегающие к Константинополю земли во Фракии и северной Македонии³¹; другую—остальные материковые земли в Европе и Азии; третью—острова Архипелага и Ионического моря. Каждый из трех участников раздела должен был получить долю в каждой из них. В самом договоре различаются, впрочем, лишь первые две части, но внимательное рассмотрение показывает, что во второй части каждому участнику выделяются и острова. В общем мы име-

ем здесь перед собою обычную для западного феодала форму черезполосного раздела земель с отнесением их по добротности к нескольким конам.

В центре нашего внимания стоят венецианские владения, почему земель, предназначенных для императора и для остальных крестоносцев мы будем касаться лишь попутно. Доля венецианцев, как и других участников раздела, в соответствии с указанным выше принципом раздела, заключалась, прежде всего, во владениях во Фракии, в непосредственной близости от столицы, затем в материковых владениях в южной и западной части Балканского полуострова и, наконец, в некоторых островах Архипелага и Ионического моря. Венецианские владения всюду перемешаны с владениями крестоносцев и императора, только в Ионическом море и по западному побережью Балкан ни император, ни крестоносцы не хотели или не могли обеспечить себе владений.

Во Фракии венецианцы выговорили себе города: Адрианополь, Аркадиополь, Бургарофль и Картокопль с территориями, к ним примыкающими³². Территория этих городов идет довольно широкой полосой по центру Фракии от верховьев Марицы и ее притоков к Мраморному морю. На побережье Пропонтиды эта полоса расширяется и захватывает все пространство от Селимврии до южной оконечности Галлиполийского полуострова. Здесь Венеция особенно заботливо оговорила свои территориальные притязания, перечислив в договоре даже незначительные пункты побережья с обязательным указанием на *pertinentia*. Таким образом, здесь названы: Гераклея, Родосто, Панизо, Ганос, Пактия, Галлиполи и Мадита³³. На противоположном берегу, в Малой Азии, венецианцы получили Лампсак, единственное по разделу внеевропейское владение Венеции. Отдельно от основного массива своих владений во Фракии венецианские делегаты обеспечили за собой Месинополь, претензию на который со стороны Венеции можно объяснить только особыми соображениями венецианцев³⁴.

Континентальные притязания Венеции распространялись также на весь Пелопоннес: во втором разделе венецианских владений, в первую очередь, названа *provincia Lakedaemoniae* и при том еще отдельно города: Патрас, Коловрит, Модон, т. е. важнейшие пункты на севере полуострова (Патрас), почти в центре его (Коловрит) и на

юге (Модон),—все это, конечно, *sunt parva et magna pertinentia*.

Далее по западному побережью Балкан, на довольно значительную глубину от береговой полосы Ионического и Адриатического морей, владения Венеции, по замыслу ее представителей в комиссии по разделу империи, должны были идти сплошной полосой от середины северного побережья Коринфского залива до Дринополя или Дрина (залив Дрин в Албании). Здесь были названы несколько известных городов и много мелких пунктов: Навпакт, Вонница, Никополь, Арта, Янина, Драч, Охрида и др., конечно с примыкающими к ним территориями³⁵.

Таковы были территориальные притязания св. Марка на континенте.

Из островов Архипелага венецианцы претендовали на немногое: за ними были оставлены два пункта—один на севере, другой на юге—на острове Негропонте,—это Ореос и Каристос; острова Андрос, Эгина и Саламин³⁶.

Вся остальная масса островов была поделена между императором и крестоносцами. В этом пункте мы серьезно расходимся с тем широко распространенным взглядом, по которому венецианцы добились признания за собой всех Киклад, Спорад и даже Додеканеза (в современном смысле слова) и Родоса в частности. Здесь большое влияние оказали Томас и Тафель, и следующий за ними в этом вопросе Гейд³⁷. Это утверждение основывается на отождествлении *Konchilari* нашего акта с Кикладами и *Canisia*—с Наксосом. Уже сами эти отождествления довольно произвольны, но что особенно важно, ни Наксос, ни другие Киклады венецианцы не считали своими, хотя владели этими островами выходцы из Венеции. Сеньор Наксоса ведет себя на Крите, как увидим это в своем месте, не как вассал могущественной республики, которая всегда умела обуздывать своих граждан, а как независимый от Венеции феодал. Позднее в договорах Венеции с Михаилом Палеологом она прямо будет указывать, что сеньоры Киклад не находятся в ее власти³⁸. От своих же прав, даже самых сомнительных, Венеция никогда не отказывалась, по крайней мере добровольно. Маркко Санудо и его товарищи принесли за свои владения ленную присягу не Венеции, как это часто без всяких оснований принимается³⁹, а императору, а

позднее, по уступке последнего, князю Ахейскому. Наконец, в договоре прямо указано, что Додеканез (Dodecanisos), как тогда назывались Киклады, относится к доле крестоносцев⁴⁰. Не лишенным значения представляется нам и свидетельство Канале, который писал в XIII в. и хорошо знал владения Венеции в то время, в своей хронике, перечисляя владения Венеции на Востоке, Киклад он не называет⁴¹. Прекрасно осведомленный в восточных делах Лоренцо де Моначи говорит об островах Архипелага перед занятием их венецианцами, что они «они пребывали в состоянии безначалия» и нигде не называет их принадлежащими Венеции⁴².

Отнесение к венецианским владениям Спорад, как это делают Дарю, Пужуля и др., вообще ничем не обосновывается ими, как и другими авторами, разделяющими их взгляд. Прямо противоречит тексту договора утверждение, что венецианцы «оставили за собой» Родос и группу островов вокруг него. Некоторые соображения, впрочем, могли бы быть приведены в пользу принадлежности венецианцам Родоса: это, во-первых, тот факт, что временный владыка острова леон Гавала, отстаивая свою независимость от Никейской империи, принес ленную присягу Венеции, а, во-вторых, в одном арабском источнике Родос по разделу империи отнесен ко владениям Венеции⁴³. Но эти аргументы не могут быть признаны убедительными: ленная зависимость сеньора Родоса была кратковременной и случайной, не имевшей никакого практического значения и во всяком случае не предусматривалась договором, чем мы теперь интересуемся; свидетельство араба противоречит тексту договора и фактическому положению дела, в чем можно убедиться хотя бы из того, что на Родос претендовали и пытались его захватить в тридцатых годах XIII в. генуэзцы, а в это время они были в дружбе с венецианцами, что было бы совершенно невозможно, если бы Генуя притязала на владения св. Марка.

Таким образом, притязания Венеции в области островного мира Эгейды были довольно скромными. Зато в Ионическом море венецианцы захотели получить все семь крупных островов этого моря и среди них, прежде всего, Занте, Кефалонию, Левкас и Корфу.

В договоре о разделе империи обращает на себя внимание тот факт, что и здесь, как и в договорах Венеции с

Византией в XII в., не упоминаются совершенно территории Черноморья. Объяснить это ссылкой на то, что Византия фактически уже не распоряжалась на берегах «Большого Моря», нельзя, так как Венеция не останавливалась перед такой ситуацией там, где ее интересы серьезно затрагивались. Остается, поэтому предположить, что до начала XIII в. у Венеции здесь не было скольнибудь значительных интересов. Мы в этом вопросе расходимся с некоторыми русскими исследователями проблемы итальянской торговли на Черном море. Еще Медовиков полагал, что венецианцы получили несколько пунктов на берегах Понта⁴⁴. Позднее Брун в своей работе, посвященной поселениям итальянцев в Крыму, прямо указывал на Согдайю, Сурож наших летописей, как город, выговоренный венецианцами для себя во время раздела. Основанием для такого суждения было для Бруна упоминаемый в договоре *emborium Sagadai*. Он же считал *Lazi et Lactu* договора устьями Днепра и Буга. Несколько позднее Юргевич в примечании к изданному им тексту «Устава для генуэзских колоний» нашел возможность заметить, что венецианцы при разделе «не забыли упомянуть о Сугдее, или Суроже»⁴⁵. Эта или подобные точки зрения встречаются, конечно, и у иностранных историков⁴⁶. Согласиться со всем этим мы не считаем возможным. *Messini* Медовикова имеет разночтение *Mesiporle*, как мы уже отмечали выше, что говорит не о Месимврии, как думает Медовиков, а Месинопле. От части своих догадок Брун отказался сам в результате полемики с Гейдом, и в частности—от только что приведенных географических отождествлений⁴⁷. Мы, впрочем, не можем согласиться с вопросом о *Sagudai* также и с Гейдом, который, опираясь на одно место из Алексиады Анны Комниной, относит это наименование к одному из пунктов в Малой Азии⁴⁸. По ходу описания территорий в акте о разделе здесь должна идти речь об одном из портов на южно-фракийском побережье. В таком случае *Sagudar* договора должно быть сближено с одним из наименований славянских племен, живших в южной Фракии или Северной Македонии⁴⁹. Заинтересованность венецианцев в таком пункте могла быть двойкой и обуславливаться, с одной стороны, их торговыми интересами в северной Македонии и южной Фракии, а с другой стороны, как и обладание Мозинополем, желанием приобрести ряд земель

в непосредственной близости от Солуни для обмена с Бонифацием Монферратским на острове Крит.

При оценке компетентности членов комиссии в том вопросе, который им надлежало разрешить, а следовательно и при оценке качества их работы в исторической литературе давались самые противоречивые отзывы: они то изображались как люди, хорошо знающие свое дело⁵⁰, то как мало компетентные в нем, если не круглые невежды⁵¹, причем это последнее мнение опирается на прямое известие византийца Никиты, который свой рассказ о разделе империи заканчивает такими словами: «Таким образом подпали их дележу: счастливый, лежащий на реке Ниле город Александрия, Ливия, области, простирающиеся от Ливии до Гадеса, Парфия, Персия, восточная Иберия, Ассирия, Гиркания и все страны, которые омываются водами всех восточных рек»...⁵². Нужно сказать, что во всем этом нет ни слова правды,—ни одна из этих территорий в договоре не упоминается.

Не следует, конечно, преувеличивать компетентность членов комиссии, считая их знатоками порученного им дела, но не все они были и круглыми невеждами. Уточняя это положение, следует отличать венецианцев от крестоносцев. Представители республики св. Марка несомненно прекрасно разбирались в географии земель, подвергавшихся разделу. За это говорит их продолжительный опыт по заключению договоров с Византией в более раннее время, в которых, мы видели, довольно компетентно были учтены все области Восточной империи. Этому ни коим образом нельзя сказать о «крестоносных болванах», географические познания которых, вероятно, действительно были близки к тем, какие зло изображает Никита. Во всяком случае, именно крестоносцы оказались «обладателями» тех земель, которые надо было завоевать и которые никогда ими завоеваны не были,—такого большинство территорий в Малой Азии или островной мир в Эгейском море. Мы склонны допустить, что венецианская часть комиссии нарочито вела работу ее таким образом, что, создавая видимость больших, но фактически нереальных «приобретений» крестоносцев, с тем большим успехом, как ей казалось, она обеспечивала реальные венецианские интересы. Мы увидим далее, что она в этом сильно ошибалась.

Новые владельцы еще прежде, чем фактически успели вступить во владение, уже начали широко осуществлять свое право собственности: меняли, продавали, проигрывали в кости полученные ими лены; но умная республика св. Марка поспешила отвлечь угрожавшую с этой стороны опасность,—от своих получателей ленов она неизменно требовала обязательства: «Из всего того, что мне предоставляется или будет предоставлено, я не осмеюсь передать никому, кроме венецианцев»⁵³.

Феодалы новой империи поделили или пытались поделить лены в соответствии «с достоинством» каждого из них, т. е. очень неравномерно. Робер де Кляри сообщает, что в то время, когда рядовые воины получили по одному лену, среднюю стоимость которого он определяет в 300 анжуйских ливров, привилегированная часть крестоносного воинства сосредоточила в своих руках по несколько рыцарских ленов,—по шести, восьми, шестидесяти, ста и даже двухсот ленов⁵⁴. Таким образом, существовавшая на Западе иерархия ленов целиком была перенесена на почву Возникшей империи.

Мы не видим, однако, чего-либо подобного в деятельности венецианской части ополчения. Фактическое инфеодирование полученных ею территорий наблюдается не в первый момент становления империи, а лишь в последующие годы.

Робер де Кляри, рассказав о разделе, сообщает далее, что феодалы, получив лены, отправились в свои земли и ставили там своих балы⁵⁵. Однако, это может быть справедливым по отношению лишь части новых владельцев империи: и крестоносцам, и венецианцам долго пришлось потом бороться за фактическую возможность овладения теми территориями, которые они между собою поделили. Ход последующих событий внес в планы участников раздела такие коррективы, которые совершенно видоизменили намечавшуюся карту новой феодальной империи.

Из наследников византийского наследства Венеция была несомненно сильнейшим. Она была сильна единством воли ее правящего класса, большей дисциплиной и сплоченностью ее армии; она была сильна также своим флотом, без которого крестоносцам было почти невозможно реализовать свои права на доставшийся им по разделу островной мир. И тем не менее действительность

разбила не одну мечту венецианских политиков о великодержавстве на Востоке.

Если бы представить себе на один миг, что Венеция действительно получила те территории, которые она за собой обеспечила по договору, то от берегов Истрии до самой южной оконечности Балканского полуострова она имела бы в своем распоряжении широкий массив земель с большим количеством портовых городов и удобных морских стоянок, а в Архипелаге только отрезок от Негропонта до Дарданелл остался бы без промежуточных станций и то вследствие уступок, которые пришлось сделать в порядке обмена территориями Бонифацию Монферратскому. Возможно, что на этом участке, где острова относились по преимуществу к доле императора, венецианцы рассчитывали обосноваться; и действительно, обосновались иным способом. В Дарданеллах Венеция контролировала доступ в Мраморное море и, следовательно, в море Черное. В восточной Фракии в ее руках оказался бы большой массив земель, прикрывавший Константинополь. Такие масштабы территориальных претензий несомненно свидетельствуют о широте взглядов венецианских политиков, о купеческой алчности ее правящего класса, но вместе с тем здесь налицо несомненная переоценка успехов их политических дерзаний.

Многие из этих земель никогда не входили в состав Венецианской империи, другие входили лишь на краткий срок, еле оставив о себе в качестве венецианских владений след в истории, третьи сделались действительным достоянием республики св. Марка лишь несколько столетий спустя, и лишь сравнительно небольшою частью их Венеция овладела действительно в момент основания Латинской империи или в первые годы ее существования. Венецианские планы разошлись в этом вопросе с венецианской историей.

Причины этого были разные. В ряде районов население тотчас же подняло восстание, как только крестоносцы попробовали осуществить свои владельческие права—так было это, например, во Фракии⁵⁶. В других районах возникли более или менее независимые владения ромеев—империи, деспотаты,—таковы владения Льва Сгура в южной Греции⁵⁷, Леона Гавалы на Родосе, Михаила Ангела в Эпире, Никейская и Трапезундская империи. Ряд районов почти тотчас же за образованием империи

был выбит из рук Венеции и крестоносцев ударами, нанесенными только что возникшим вторым Болгарским царством. Потом лавры крестоносного ополчения привлекли сюда новых авантюристов из числа тех, что с самого начала по разным причинам направились в Сирию, как Реньо де Монмирайль, кузен графа Блусского⁵⁸, или появились там в виде позднейших подкреплений, как племянник бытописателя четвертого крестового похода Жоффруа Вильардуэн⁵⁹, и которые также приступили к захвату земель империи, не особенно сообразуясь с договором по ее разделу. Наконец, при этих условиях и Венеция нашла возможным кликнуть клич среди своей предприимчивой знати об охоте за восточными ленами и также, разумеется, не обращая внимания на бумажные права постепенно распыливших свои силы крестоносцев.

Все это делало неизбежным длительную борьбу Венеции за свои восточные владения, и прежде всего, за свои территориальные права по акту о разделе. Такая же борьба была неизбежна и для крестоносцев. Обе империи—Латинская и Венецианская—каждая по-своему должны были пережить тяжелые годы своего становления.

3. Гроза с севера

Раздел империи открывал широкие перспективы для проявления личной инициативы отдельных вождей ополчения, их групп и союзов в деле реализации договора. И действительно, мы видим далее, как участники предприятия, каждый за свой риск и страх, ведут борьбу за овладение своей частью в общей добыче, отказавшись, если не в принципе, то практически от совместных действий по завоеванию империи. Венецианцы, Бонифаций Монферратский, император, отдельные сеньоры, как граф Блуасский, Пьер де Брашейль, Макарий де Менегу и др., ведут мелкую войны в Малой Азии, на островах Эгейского моря, во Фракии, Македонии; новые авантюристы из числа запоздавших крестоносцев, как мы говорили, появились в поисках ленов на горизонте империи, открыв захватнические действия на Пелопоннесе.

В ходе этих событий некоторое время «народ безмолствовал». Соппротивление со стороны местного насе-

ления сначала было очень слабым или отсутствовало вовсе, и казалось, что несмотря на свою неорганизованность, новые властители сумеют без особых затруднений обосноваться на захваченных территориях, что смена одних феодалов другими, греческой знати рыцарями и баронами из латинян, пройдет гладко, без потрясений.

Неожиданно, однако, разразилась гроза, и такой силы, что она едва не смела с лица земли только что основанную империю. Она пришла с севера, в лице Иоанна Асеня I, или Иоанницы, царя возродившегося Болгарского царства.

По-видимому, болгарский царь пытался первоначально договориться с крестоносцами и добиться от них «добровольных» уступок в виде части захваченных земель. Его притязания, естественно, простирались на ближайшие к Болгарии земли, так называемую Великую Влахию, значительная часть которой уже была уступлена Бонифацию. Иоанница получил на это грубый и исполненный презрения отказ⁶⁰. Больше того, — крестоносцы сами предъявили болгарскому царю территориальные претензии. «Деяния Иннокентия III» пересказывают письмо болгарского царя к папе, в котором он сообщал: «Они (крестоносцы) в высшей степени надменно отвечали ему, говоря, что мира между им и ними быть не может, если он не вернет им земель, принадлежащих Константинопольской империи и насильственно им захваченных». Болгарский царь гораздо более резонно отвечал на это, что дело идет о земле, которую «потеряли его предки, а они (крестоносцы) заняли Константинополь, который им никогда не принадлежал»⁶¹.

Результатом было то, что весной 1205 г. Калоиоанн внезапно появился перед Адрианополем и получил здесь, как первоначально и повсюду, мощную поддержку в начавшемся народном движении против захватчиков.

Крестоносцы вообще, а венецианцы в особенности, вели себя самым вызывающим образом по отношению к населению, которое оказалось теперь от них в зависимости. Это единогласно утверждают и Вильардуэн, и хроника Сикарда, и Фландрская хроника, и другие источники⁶². Ответом на это было почти повсеместное восстание, по крайней мере во Фракии, и восставшие принялись за уничтожение слабых местных гарнизонов, по-

ставленных венецианцами и крестоносцами⁶³. Это временно объединило тех и других, императора Балдуина и дожа Энрико Дандоло. Совместно осаждали они восставший Адрианополь, когда появилось там болгарское войско⁶⁴.

Болгары пришли вместе с половцами. 14 апреля крестоносцы потерпели полное поражение: Балдуин был взят в плен, Луи граф Блуасский, Этьен де Перш, Райнальд де Монмирайль, епископ Петр Вифлеемский, только что прибывший из Палестины, погибли в битве. Вильардуэн, охранявший лагерь, и Дандоло с остатками своих венецианцев поспешно бежали в Родосто⁶⁵. Болгары и половцы, подобно степному пожару, охватывают всю Фракию, проникают в Македонию, захватывают и опустошают города Геллеспонта и Пропонтиды до самой Селимврии, т. е. почти до Константинополя. По-видимому, только Родосто первоначально оставался в руках венецианцев, опиравшихся здесь на свой флот⁶⁶, но в следующем году был потерян и этот город⁶⁷.

Крестоносцы обнаружили в постигшей их внезапной беде крайнее малодушие. Венецианцы спешили в Родосто сесть на свои корабли,—Вильардуэн с возмущением рассказывает об этом. Из Родосто некоторые из них уехали тайком, их примеру последовали крестоносцы других национальностей. Остальные завоеватели укрылись за крепкими стенами Константинополя: «Итальянцы, упав от всего этого духом, забились в Константинополь, как в пещеру»,—с понятным чувством злорадства сообщает об этом Никита⁶⁸. Казалось, что новорожденной империи пришел конец.

Как сами крестоносцы объяснили свое поражение? На этот вопрос дает подробный ответ письмо Генриха Фландрского папе Иннокентию III, посланное вскоре после адрианопольского разгрома.

В качестве причины этого несчастья Генрих на первом месте ставит разбросанность сил крестоносцев: «Мы были разделены тогда следующим образом,—пишет Генрих папе: маркиз Монферратский с большим числом воинов находился за Солунью; я также с изрядным числом людей (поп раucis)—по ту сторону Дарданелл, у Адрамиттия; Пьер де Брашейль—на той же стороне около Никеи, де Три с большим числом воинов—у Филиппо-

поля, да и многие другие в различных местах были рассеяны по укреплениям»... Вторую причину поражения Генрих усматривает в «безрассудной храбрости» (*inconsulta postrogi audatia*) самого Балдуина и окружавших его вассалов⁶⁹. На этом анализ причин поражения будущий император Латинской империи и заканчивает.

С военно-тактической точки зрения анализ этот может быть и правилен; однако несомненно, что именно союз болгар с восставшим против латинского господства греческим населением обеспечил болгарскому царю поразительный успех его выступления против крестоносцев. Это, впрочем, понимал и сам Генрих, поскольку можно судить об этом по его дальнейшему отношению к местному населению. Не мог не понимать этого и Калонианн; но ненависть болгар к византийцам, вызванная более, чем полуторастолетним гнетом византийских феодалов и чиновников в Болгарии, воспоминания о котором еще у всех были свежи в памяти—с одной стороны, и дикая необузданность союзников болгар, половцев—с другой не могли не повлечь за собою событий, распоряжаться которыми болгарский царь не был в состоянии.

Победители не щадили и своих союзников греков,—Никита красочно описывает мрачные картины опустошений, ужаса и смерти, которые сеяли во Фракии болгары и их союзники половцы⁷⁰. Это должно было привести к распаду случайный союз болгар с греками. Из двух зол крестоносцы начали казаться наименьшим. Генрих, преемник Балдуина, вскоре мог сообщить другому своему брату: «Граждане Адрианополя и Димотики, которые первоначально присягнули болгарскому государю, убедившись в его вероломстве, направили к нам своих послов, предложив нам со своей стороны мир и покорность, а мы... благосклонно их отпустили»⁷¹.

Во время борьбы крестоносцев и венецианцев с болгарями погиб взятый в плен первый император Латинской империи Балдуин—об этом Иннокентию III сообщил сам болгарский царь⁷². Вскоре после адрианопольской катастрофы сошел в могилу и главный виновник событий четвертого крестового похода Энрико Дандоло. Родившаяся Латинская и зарождавшаяся Венецианская империи лишились возглавлявших их лиц. Необходимо было срочное замещение освободившихся постов.

Первоначально была надежда, что императору Балдуину удастся освободиться от болгарского плена. Поэтому его временно замещал по общему согласию баронов его брат Генрих с титулом «правителя империи» (*moderator imperii*)⁷³. Но к концу августа 1206 г. гибель Балдуина стала несомненной. Тогда стал вопрос о выборах императора. Генрих был бесспорным кандидатом, но тем не менее выборы его прошли не без затруднений, которые чинились венецианцами. Робер де Кляри сообщает, что их умилоствовали иконой в драгоценном окладе⁷⁴. Вассалы империи принесли присягу на службу и верность императору.

После смерти престарелого Дандоло на его место в Венеции был избран Пьетро Циани⁷⁵. Венецианская армия и флот на Востоке, оставшись после смерти Дандоло без вождя, со своей стороны избрали себе в качестве вождя и вице-дожа на Востоке Марино Дзено с пышным титулом *Dei gratia potestas in Romania ejusdemque imperii quartae partis et dimidiaie dominator*, но недостаточно определенной компетенцией. Некоторое время подеста, по-видимому, действительно, был настоящим заместителем дожа на Востоке.

Подеста поспешил предъявить Генриху еще до того, как он сделался императором, требование о подтверждении им всех договоров и соглашений, которые были заключены Дандоло с крестоносцами или императором Балдуином. Генрих вынужден был удовлетворить эту претензию, так как в его распоряжении не было ни сил, ни правовых оснований к отказу⁷⁶. Необходимо, впрочем, заметить, что и сам Генрих должен был стремиться к более четкому определению отношений императора к своим союзникам и к своим вассалам. «Конфирмация» от октября 1205 г. и соглашение от марта 1207 г. и являются такого рода документами.

Содержание их в той части, которая касалась венецианцев, сводится к следующему: за венецианцами сохраняются все те привилегии, которыми они пользовались ранее; венецианский подеста вместе со своими шестью советниками заседает в императорской курии рядом с баронами империи; венецианцы входят и в состав Высого суда, компетенции которого подлежат и венецианские дела, связанные с феодальным держанием; смешанные гражданские дела (тяжбы между венецианцами и

франками) рассматривает императорский суд; установлены были приемы и методы судебных доказательств и документации гражданских дел; разбор тяжб между венецианцами, разумеется, был компетенцией венецианского суда при венецианском подеста; устанавливался порядок возмещения нанесенного одной стороной другой материального ущерба⁷⁷.

Этим документам некоторыми буржуазными историками придавалось значение, которого они в действительности не имеют. Один немецкий историк Латинской империи считал возможным утверждать даже, что первоначальный план Венеции—полностью хозяйничать в Константинополе—оказался невыполнимым, и венецианцы сохранили за собой лишь то, чем они пользовались во времена византийских императоров⁷⁸.

Несоответствие такого заявления действительному положению дела очевидно. Если в области торговых привилегий венецианцы действительно не могли получить, по сравнению с прежним временем, ничего более, то только потому, что большего получить было физически невозможно; но за то они теперь дали мат своим конкурентам в пределах Романии—пизанцам и генуэзцам,—так как император обязался не допускать в пределы империи генуэзских купцов иначе, как с согласия Венеции. Конечно, венецианцы не могли единолично распоряжаться в империи; но зато они могли оказывать большое влияние на течение государственных дел через своих дисциплинированных членов императорской курии, не неся непосредственно ответственности за общее состояние дел в империи. По прямому смыслу «Конфирмации» венецианцы должны были поставить свои военные контингенты под военное руководство императора; но здравый смысл и не допускал иного порядка, а венецианский флот всегда находился под командованием венецианских адмиралов, признававших только те распоряжения, которые шли с лагун, и «Конфирмация» не предусматривала иного порядка.

Во второй половине 1205 г. прибыл в Константинополь и патриарх Томас Моросини,—одетый по-венециански, в платье, плотно облегавшем его тучное тело и совершенно бритый, что специально нашел нужным отметить Никита⁷⁹.

Империя теперь имела патриарха и энергичного носителя императорской власти, но положение по-прежнему оставалось тяжелым.

Еще в письме своем, направленном папе с извещением о катастрофе под Адрианополем, Генрих просил Иннокентия III о срочной помощи, указав одновременно, что и сам он начал укреплять подступы к Константинополю. Несколько позднее, в качестве «правителя» империи, Генрих сообщил папе о ряде новых своих мероприятий по усилению обороны латинских владений на территории Византии, но одновременно поставил в известность главу католического мира и о новых неудачах, постигших империю⁸⁰. Еще позднее, вероятно уже в первой половине 1206 г., «байло» империи сообщает о новых неудачах, но также и о некоторых успехах поредевшего крестоносного воинства. Письмо заканчивалось словами: «В таком тревожном состоянии с мольбой прибегаем к вашей помощи и совету»⁸¹. Слал письма Генрих с просьбами о помощи и о поддержке и в другие адреса. Осенью 1206 г., уже будучи императором, Генрих писал своему брату Готфриду, что только 600 рыцарей и с десятков тысяч пехотинцев защищают империю и что необходима срочная помощь: «Всеми мерами, какие только имеются в вашем распоряжении, постарайтесь подать совет и помощь»⁸².

Помощь с Запада приходила медленно и была недостаточной, венецианцы думали больше о торговых операциях и закреплении за собой доставшихся им по разделу территорий и городов, а враждебные действия со стороны болгар продолжались. Они осаждали в 1207 г. самую столицу Солунского королевства. В войне с ними погиб Бонифаций Монферратский. Трудно сказать, какие еще испытания ждали латинян, если бы в этом же 1207 г. не был убит и болгарский царь Иоанн. Гибель этого врага империи дала ей необходимую отсрочку и позволила Генриху и венецианцам вернуть потерянные ими в пользу болгар территории.

Гроза с севера миновала.

Возникшая империя была, однако, не велика—значительно менее владений Византии, которыми она располагала до разбойничьего нападения на нее крестоносцев. Мы уже говорили о том, что в состав ее по разным причинам не вошел целый ряд византийских территорий: в

Малой Азии крестоносцам удалось утвердиться только на узкой полосе побережья Пропонтиды, да и то ненадолго; в Эпире возникло самостоятельное политическое образование, резко враждебное империи; такие же или подобные ему политические организмы появились и в других местах—на Родосе, в Пелопоннесе. К этому надо добавить, что владения венецианцев и таких вассалов, как король Солунский, лишь со значительными оговорками могли быть отнесены к частям империи.

Незначительная территориально, организованная далеко не по лучшим образцам феодального государства, резко враждебная местному населению, окруженная со всех сторон врагами, Латинская империя в самой себе носила элементы разложения и гибели.

Иногда создателей ее упрекали в том, что они не захотели привлечь на свою сторону греческих феодалов, что крестоносцам не надо было грабить столицы империи, раз они там предполагали остаться⁸³.

Всех этих советов не поняли бы венецианцы и тем более крестоносцы. Они не могли не разграбить Константинополя, так как они за этим сюда и явились. Сначала они думали, что эту операцию проведет за них их протеже Алексей; но этот план провалился. Им ничего тогда не оставалось делать, как произвести эту операцию самим, что они и выполнили. Они не хотели также—по крайней мере во Фракии, Фассалии и Малой Азии воспользоваться услугами греческой знати — соглашение Феодора Враны с венецианцами было исключением, — так как западные феодалы искали для себя на Востоке ленов, крепостных, а не сеньоров... Предложение оставить местных феодалов на своих местах звучало бы для крестоносных баронов такой же нелепостью, как и совет бандам Вильгельма Завоевателя оставить на своих местах англо-саксонскую знать, если бы кто-нибудь подал им такой совет. По этой причине только там, где собственных сил у западных захватчиков для подчинения местного крестьянского населения было недостаточно, они вступали на путь соглашений с местными архонтскими фамилиями,—так было, например, на Пелопоннесе, о чем подробно рассказывает Морейская Хроника.

Для Венеции устранение болгарской опасности означало возможность возобновления ее усилий по овладению доставшейся ей частью византийского наследства.

Республика св. Марка, впрочем, не проявила особенной энергии в деле отражения этой опасности: венецианцы очень поспешно эвакуировали все свои приобретения во Фракии и на фракийском побережье, хотя, опираясь на свой флот, они могли бы успешно оборонять все приморские укрепленные пункты. Расчетливые венецианские купцы и занятые коммерческими делами венецианские феодалы предпочитали возложить эту обязанность на своих товарищей по оружию: в нашем распоряжении нет данных об участии венецианцев в сухопутных операциях нового императора, которые он вел против болгар.

Урок, который Венеция получила во Фракии, пошел ей на пользу: она отказалась от дальнейших попыток территориальной экспансии в областях, слишком удаленных от морского побережья, и с легким сердцем инфеодировала византийскому феодалу Феодору Вране свои Адрианопольские «владения». Объектом ее цепких притязаний отныне будут лишь те части полученного ею по разделу византийского наследства, которые были расположены на морском побережье или на островах, где противник должен был обладать флотом, для того, чтобы иметь возможность оспаривать у республики св. Марка захваченную ею добычу.

Глава двенадцатая

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

В ближайшие годы после взятия Константинополя, одновременно с образованием Латинской империи, заканчивался процесс становления империи Венецианской в ее первом великодержавном варианте. Процесс этот заключался не только в реализации договора о разделе империи, но также и в правовом закреплении фактического положения республики на рынках стран Востока. Овладевая с оружием в руках частью доставшегося ей византийского наследства, Венеция одновременно дипломатическими средствами закрепляла свои торговые позиции в странах Средиземного моря и его северных ответвлений—Архипелага, Черного и Азовского морей. В

пределах византийского наследства Венеция создает систему феодальных колоний, на территориях суверенных государей, договорами обеспечивает существование возникших здесь торговых колоний венецианских купцов.

1. Международное положение Венеции в первые годы XIII в.

В первые 15 лет XIII столетия внимание республики св. Марка было приковано к Востоку; это не значит, однако, что она могла полностью освободить себя от всяких забот политических на Западе. Приступив к практической реализации своих восточных великодержавных планов, Венецианская республика не могла забывать о своем западно-европейском тыле и о своем положении в Адриатике.

Если создание Венецианской Средиземноморской империи было логическим завершением венецианской политики XII в., политики «натиска на Восток», то очевидно она должна была следовать избранной ею в то же время политике на Западе. Ведя войну на Востоке, Венеция избегала всяких серьезных и длительных осложнений на Западе, не уступая, однако, и здесь ни пяди из завоеванных ранее позиций. Говоря об этом, мы имеем в виду взаимоотношения Венеции с папством и империей, с Сицилийским королевством, с феодальными государствами, заинтересованными в Истрии и Далмации, с городами-республиками Италии и в особенности с республиками-конкурентами, Генуей и Пизой.

В начале XIII в. одной из крупных политических сил Запада было несомненно папство. Поэтому взаимоотношения с Римом имели в то время для Венеции важнейшее значение.

Мы уже видели, что папа становился все более и более благосклонным по отношению к своим непокорным сынам с лагун, по мере того, как выяснялся успех руководимого ими авантюрного предприятия. Только в начале 1205 г. Дандоло нашел возможным, наконец, обратиться к «св. отцу» с письмом, исполненным показного смирения, лицемерия и политической казуистики, которое должно было оправдать действия венецианцев, пред-

шествовавшее их поразительному успеху на Востоке. «Извещаю святость вашу,—писал Дандоло,—что вследствие трудностей зимнего времени мне с моим флотом и крестоносцами пришлось зимовать в Задаре. Так как этот город, вопреки данным им и его жителями клятвам, изменнически взбунтовался против меня и венецианцев, то я и полагал, что по справедливости могу наказать бунтовщиков, как это обычно и делается с враждебными людьми. Правда, говорят, что город находился под вашим покровительством, но этому я не верил, так как считал, что ни вы, ни ваши предшественники не брали его под свою защиту; а что жители его приняли крест, — так это только для того, чтобы его носить, а не для того, чтобы принять участие в походе... Ваше отлучение мы смиренно и с терпением переносили, пока оно не было снято Петром кардиналом... Да будет известно святости вашей,—заканчивал дож письмо,—что я вместе с народом венецианским что ни делаем, трудимся во славу Божию и св. Римской церкви»...¹. Папа, разумеется, многое мог бы возразить на это запоздалое послание, но если ему дорога была принятая под свое покровительство империя, то он должен был сделать вид, что удовлетворился этим объяснением. Папа подтвердил снятие интердикта²; но так как дож возбуждал также ходатайство об освобождении его от принятого им на себя обета совершить поход против «неверных» по причине своей «старости и слабости телесной», то папа дипломатически разъяснял, что «святому делу» можно послужить не только личными трудами, но и советом, и материальными средствами. Папа убеждал дожа продолжить поход, дав ему надлежащее направление: со своими врагами дож расправился, теперь надо победить врагов церкви³.

Последовать этому совету венецианцы не собирались и, конечно, не одна только смерть помешала Энрико Дандоло выполнить свой обет. Папа это хорошо понимал и в дальнейших своих сношениях с венецианцами постоянно давал им чувствовать, что он ими недоволен.

Уже избрание Томаса Моросини не понравилось папе: в своем письме к епископам и аббатам Романии Иннокентий III назвал это избрание *contra formam canonis attemptam*, усматривая это «нарушение канонической формы» в факте сильного влияния во всем этом деле

светского элемента⁴. Не желая, однако, окончательно испортить взаимоотношений с Венецией — папа все еще надеялся направить крестоносцев на Восток, что без содействия венецианцев сделать было очень трудно, — Иннокентий после некоторых колебаний утвердил Томаса на его патриаршем посту.

Папа пытался потом перетянуть Томаса на свою сторону и поддерживал в дальнейшем патриарха во всяком конфликте, который возникал у него с венецианскими властями. В конце 1206 г. как раз произошел такой конфликт: Константинопольский подеста, очевидно по заданию из Венеции, захотел овладеть иконой, которая была обещана венецианцам еще при выборах Генриха, и не остановился перед взломом церковного хранилища, где находилась икона. Патриарх за такое «святотатство» отлучил подесту и его советников от церкви, — сначала кардинал Бенедикт, а потом и сам папа немедленно утвердили это отлучение.

Для обеспечения за собой патриаршего поста в Константинополе Венеции необходимо было держать в своих руках капитул св. Софии. Республика св. Марка поспешила заполнить места каноников этого капитула своими подданными, клятвенно обязав каждого из них выдвигать на все духовные места, зависевшие от капитула, только венецианцев⁵. Такое же обязательство было возложено и на самого патриарха. Это ясно из писем Иннокентия III, которые он направлял патриарху: в них он подчеркивает, что за ним сохраняются все права, связанные с высоким постом Константинопольского патриарха, а в письме от июня 1206 г. прямо освобождает Томаса Моросини от клятвы назначать в каноники церкви св. Софии только венецианцев, как клятвы, «исторгнутой насильственно»⁶. Естественные опасения патриарха папа пытается рассеять назиданием: «надо бога бояться больше, чем людей»⁷.

Венецианцы, были, однако, настойчивы. В 1207 г. мы видим, что от каноника св. Софии Эгидия отбирается клятвенное обещание избирать на церковные посты, поскольку это зависело от капитула св. Софии, только венецианцев⁸. Несколько позднее такую же клятву они обязывают принести и каноника Энрико⁹, хотя папа не скрывал своего недовольства этим вмешательством сеньории в сферу церковных интересов. Папе не оставалось

ничего другого, как освобождать каноников, как и самого патриарха, от взятых с них обещаний, как «насиловственно исторгнутых»¹⁰.

В 1211 г. патриарх Томас умер. В Константинополе произошли бурные выборы, в которых приняло живое участие и население венецианской колонии столицы. Папа вынужден был кассировать выборы и назначить их *de novo*¹¹. На новых выборах 1212 г. капитул св. Софии раскололся: часть каноников остановила свой выбор на плебана церкви св. Павла в Венеции, другая часть отдала свои голоса архиепископу Гераклеи Понтийской. Хотя архиепископ был также венецианцем, но официальная Венеция стала на сторону плебана. Раскол давал папе формальное основание сначала медлить, а потом и вовсе отказать в паллии официальному кандидату Венеции, несмотря на специальное ходатайство об этом со стороны дожа¹².

Представляет известный интерес переписка по этому предмету папы с дожем. Когда в 1213 г. венецианские послы сообщили папе, что дож готов всемерно содействовать организации крестового похода против «неверных», мысль о котором все еще не покидала Иннокентия III, то он принял это известие «с радостью» и просил дожа приготовить «корабли и все необходимое для похода». Венецианцы выступили с этим предложением с единственной целью склонить папу к признанию сана Константинопольского патриарха за венецианским кандидатом; но папа также научился понимать своих «любезнейших сынов» с лагун и об удовлетворении этой просьбы не хотели и слушать, — об этом *pec decuit pec liceat exaudire*, — писал он дожу¹³.

Положение детища Иннокентия, Латинской империи, было таково, что папа не мог позволить себе по отношению к «венецианским торгашам» политики того стиля, которой он держался иногда по отношению к некоторым монархам Запада. Он старался подслащивать горькие пилюли, которые он иногда преподносил св. Марку. Примером может служить дело с утверждением архиепископа в Задаре, избранного венецианцами. В 1206 г., несмотря на все усилия венецианцев, папа медлил с утверждением венецианского кандидата, но свой «временный» отказ папа сопровождал письмом, в котором между прочим говорилось: «Да будет угодно вам, любезнейшие сыны, с

удовольствием воспринять слова наши, хоть внешне и горькие, но в своем существе приятные... Подобно тому, как слова друга лучше поцелуев врага, так и исправительное научение отца должно вас услаждать более, чем лесть грешника»...¹⁴.

Из всего этого видно, что Иннокентий III не видел достаточных оснований для серьезного разрыва с венецианцами, и его политика по отношению к ним была политикой булавочных уколов, которую венецианцы оценивали по достоинству и неизменно проводили на Востоке не политику церкви, а свою собственную. Было очевидно, что со стороны Рима Венеции не было оснований ожидать каких-либо осложнений. Если папе дорога была Латинская империя, если он хотел организовать очередной поход на Восток, ему надо было ладить с венецианцами.

С еще большим спокойствием и уверенностью могла взирать на свой тыл Венеция со стороны империи, переживавшей в начале XIII в. тяжелый кризис. Вскоре после смерти Генриха VI в Германии, как известно, началось двоевластие. Венеция во время четвертого крестового похода сблизилась с Филиппом Швабским, но со второй половины 1204 г. он был ей более не нужен, а стремление без особой необходимости не обострять взаимоотношений с Иннокентием III, поддерживавшим Оттона IV, заставило венецианских политиков пойти на сближение с этим последним.

Начатые с Оттоном переговоры в 1209 г. закончились подтверждением привилегий, дарованных венецианцам прежними германскими королями. В своей грамоте, выданной венецианским послам, Руджеро Премарино и Марино Дандоло, император текстуально воспроизводил грамоты своих ближайших предшественников¹⁵.

Борьба между двумя германскими королями делала их обоих бессильными. Когда один из них сошел со сцены, смута в империи вступила в новую фазу: началась вражда между папой и Оттоном IV, которому он до того времени покровительствовал. Венеция еще раз могла поздравить себя с полной безопасностью своего тыла.

Венеция, насколько это было возможно, старалась поддерживать добрые отношения и со своими ближайшими соседями на terra ferma. В начале XIII в. она заключает с ними ряд торговых договоров: с Аквилеей в

1200 г., с Червией—в 1203 г., с Мантуей и Феррарой—в 1204 г.¹⁶. С Аквиллей в 1206 г. договор был возобновлен и пополнен несколькими новыми статьями. Патриарх Вальхер помимо того, что предоставлял венецианским купцам полную свободу торговли в пределах своих владений и брал на себя обязательство возмещать все потери, причиненные им его подданными, обещал вместе с тем своевременно предупреждать венецианских купцов, если бы им угрожала какая-либо опасность со стороны императора¹⁷.

Только несколько позднее, когда дела на Востоке приняли более или менее устойчивый характер, Венеция подняла старые споры с Падуей и Тревизо. В середине второго десятилетия между Падуей и Тревизо, с одной стороны, и Венецией, с другой, началась война, которую традиция украсила легендой о «замке любви». Эту легенду разрабатывали хронисты, историки, ученые, поэты⁷⁸, но события в действительности были более прозаическими, чем изображает эта легенда.

Действительной виновницей конфликта была Венеция, но она постаралась обставить дело таким образом, что нападающей стороной оказались ее противники. Венецианские источники склонны объяснить происхождение этой войны, как проявление злой воли падуанцев, которые «без всякой причины, по одной только своей гордости», напали на венецианские владения с большим войском, соединившись с тревизанцами¹⁹. Противная сторона приводит более резонные основания этого столкновения, указывая на то, что ему предшествовала таможенная война падуанцев с венецианцами. Венеция уже давно стремилась захватить товарные потоки, шедшие из северной Италии через Адриатическое море, в свои руки. Мы видели, что в 1177 г. она добилась от Фридриха Барбароссы признания за собой этого «права». Доктрина об исключительных правах Венеции в Адриатике естественно встречала живой отпор со стороны заинтересованных городов, а Венеция выступала с этой доктриной все более и более настойчиво. На эти домогательства, надо полагать, Падуя ответила запретом привозить к себе и провозить через нее венецианские товары²⁰. Венецианцы организовали тогда в массовых размерах контрабандную торговлю. Это и вызвало нападение союзных войск на район Кьоджии. Нападение было отражено венецианцами и нападающие подверглись преследованию со сторо-

ны венецианского флота²¹. Эти события относятся к 1214 и 1215 гг. При посредничестве папского представителя и патриарха Аквилеи мир был восстановлен²².

Мирные договоры, заключенные Венецией и Падуей, и Тревизо в 1216 г., устанавливают на будущее время полную безопасность купцов обеих сторон на падуанских, венецианских и тревизанских рынках как в отношении их личности, так и их товаров, при сохранении старых норм таможенных сборов; венецианские купцы получили свободный доступ через Падую внутрь континентальной Италии; стороны обязались воздерживаться в дальнейшем от нападений друг на друга. Договор должен был быть скреплен клятвой всех свободных жителей Падуи и Тревизо, начиная с четырнадцатилетнего возраста, — со стороны Венеции предусматривалась клятва только одного дожа, а не всей «Венецианской коммуны»²³. Мир в ближайшем тылу Венеции был восстановлен.

Обстановка в Адриатическом и Ионическом морях, воды которых венецианцы все более и более привыкали считать «своими», была также не совсем спокойной: здесь еще раз поднял восстание Задар, сильнее стали чувствоваться неприязненные действия Генуи.

Исторгнутый из рук венгерского короля в самом начале четвертого крестового похода, Задар смирился, казалось, надолго; но после того, как дож с войском и флотом серьезно втянулся в византийские дела, жители Задара опять отвернулись от республики св. Марка²⁴. Не без помощи венгерского короля, как уверяют нас венецианские источники, жители Задара, изгнанные ранее венецианцами из своего родного города, вернулись в него обратно и начали враждебные действия против Венеции. Помощь эта была только денежной, и задратинцы на этот раз были предоставлены собственным силам²⁵. Они овладели небольшим венецианским укреплением, которое незадолго перед тем было возведено на острове Монконсейо, расположенном недалеко от Задара. Сын дожа Райнерио Дандоло, оставленный отцом в качестве заместителя на время восточного похода, направил в воды Задара флот в составе 18 галер, и этого было достаточно, чтобы задратинцы смирились²⁶. Легкость, с которою венецианцам удалось ликвидировать враждебное им движение, объясняется, по-видимому тем, что в него втянуто было не все население города, а лишь его наиболее враждебная эмигрантская часть. Те внутренние затруднения, которые пе-

реживала в это время Венгрия и которые исключали с ее стороны деятельную поддержку восстания, побудили более уступчивую часть городского населения отказаться от борьбы, очевидно безнадёжной.

Этого было, однако, достаточно, чтобы венецианцы еще туже затянули веревку на шее строптивного города. До нас дошли те условия, которые вынуждены были теперь принять жители Задара²⁷.

Венецианцы, прежде всего, позаботились о том, чтобы поставить в тесную зависимость от Венеции духовного и светского главу города, архиепископа и комита. Так как примасом Далмации был архиепископ Сплитский, а Сплит в это время находился в зависимости от венгерского короля, то венецианцы решили добиться независимости Задара от Сплита и подчинения задарской архиепископской кафедры патриарху Градо, причем капитул Задара был обязан избирать на архиепископский пост непременно венецианца²⁸. Комит также должен был быть венецианцем по выбору горожан, но с неперменным условием утверждения избранника в этом звании дожем, который имел право отвергнуть неприемлемого для Венеции кандидата. Комит должен был приносить присягу на имя дожа²⁹. Присягой ему было обязано и все население города, начиная с четырнадцатилетнего возраста. На город были возложены расширенные военные и финансовые обязательства в отношении Венеции: Задар был должен за свой счет принимать участие во всех военных предприятиях республики св. Марка в пределах Адриатики вплоть до Дубровника как своими кораблями, так равно и войском. С иноземных кораблей Задар обязан был взимать те же пошлины, что взимались и в Венеции, но только одна треть их поступала городу, а две трети шли архиепископу и комиту³⁰. Кроме того, город должен был выплачивать Венеции 150 перперов, как это видно из одного обязательства Задара, или 3 тыс. кроличьих шкур, как это утверждает хроника Джустиниани³¹. Городу было запрещено возведение укреплений и он должен был выдать заложников в обеспечение верности в дальнейшем. Изгнанные перед тем сторонники Венеции могли теперь вернуться вновь и получить возмещение за причиненные им убытки. Наконец, венецианцы возвели в городе укрепление и поместили в нем свой гарнизон «с согласия задратинцев»³². Так была ликвидирована очеред-

ная попытка Задара добиться независимости от венецианского господства.

В связи с четвертым крестовым походом стоит и установление венецианского господства над Дубровником. Хроника Дандоло изображает подчинение этого города, как первый акт патриаршего служения Томаса Моросини, который совершил этот «подвиг» по дороге в Константинополь, тотчас после того, как он получил паллий от Иннокентия III³³. т. е. в 1205 г. Дубровнические источники решительно отвергают это известие венецианцев³⁴. Мало вероятно, конечно, чтобы прелат, который только что с трудом добился паллия от папы, начал свою «пастырскую деятельность» на Востоке с этого разбойного нападения. Иннокентий III еще не освободился от тягостного впечатления, произведенного на него разгромом Задара и папа не преминул бы попенять патриарху за такое начало его «пастырского служения»; но переписка Иннокентия III сохраняет по отношению к Томасу неизменно дружественный тон. Это заставляет взять под подозрение венецианское известие, если не с точки зрения самого факта датирования венецианской супрематии над Дубровником со времени четвертого крестового похода, то со стороны тех подробностей, которыми сообщение этого факта сопровождается. Нам думается, что из всего этого можно сделать такой положительный вывод: при обстоятельствах, которые нам неизвестны, Дубровник был вынужден еще раз признать венецианское верховенство в годы, следовавшие за образованием Латинской империи и превращением Венеции в великую Средиземноморскую державу. Это было вскоре после 1205 г., что подтверждается между прочим тем, что в 1208 г. в качестве комита мы видим в Дубровнике венецианца Лоренцо Квирини, в 1214 г. в этом же звании там состоит Джиованни Дандоло³⁵.

Таким образом, в начале XIII в. Венеция утвердилась в Задаре на севере Далматинского побережья и в Дубровнике — на юге. Мы не имеем известий о каких-либо попытках Венеции обосноваться в других пунктах Далматинского побережья в это время,— разрушение дворца и башни, возведенных епископом Сплитским Бернардом на одном из островов вблизи Сплита, было простым актом мести за помощь, оказанную архиепископом Задару

в 1203 г., но не попыткой распространить свое господство на центральную часть далматинского побережья³⁶.

Истрийские города, по-видимому, сохраняли в это время «ллойальность» по отношению к своему сюзерену, мощь которого была только что столь внушительно продемонстрирована на Востоке. Документ, идущий из Паренцо и относящийся к 1205 г., с несомненностью свидетельствует о продолжающейся зависимости этого города от республики св. Марка³⁷.

Гораздо более хлопот Венеции доставили западные ее соперники, вернее один из них, именно Генуя: пизанцы, получив отпор в конце девяностых годов истекшего столетия, в начале XIII в. более не решались серьезно беспокоить венецианцев и встали с ними даже на дружественную ногу. Есть основания утверждать, что в 1206 г., когда пизанцы еще продолжали враждовать с генуэзцами, а Венеция уже имела основания заподозрить Геную во враждебных намерениях, Пиза и Венеция заключила между собою союз с обязательством военной помощи друг другу против Лигурийской республики³⁸.

Ожесточенная вражда Генуи и Пизы, растянувшаяся на многие десятилетия, помешала им принять участие в четвzртом крестовом походе. Автор «Деяний Иннокентия III», сообщая о бесплодности всяких попыток примирения враждовавших республик, пишет: «Они не были сынами мира и мирных слов не принимали»³⁹. Вражда между ними продолжалась и далее, и в то время, как их противники с лагун добывали на Востоке новые территории и новые сферы влияния. Ревнивым взором следили в Генуе за успехами Венеции в восточных водах. Один из продолжателей Кафаро деловито, но с явным недоброжелательством к Венеции, изложил события четвертого крестового похода в Генуэзских анналах, отметив факт приобретения венецианцами ряда греческих островов с «некоторой частью земель Романии»⁴⁰. Надо было создать для счастливого конкурента в восточных водах затруднения.

Еще не кончена была война с Пизой,—мирные переговоры начались только в 1208 г. и только в 1209 г. закончились заключением мира,—но генуэзцы уже начали интриговать против Венеции в водах восточного Средиземноморья. Первоначально они действовали скрытно, противопоставляя венецианцам в этих водах различных

проходимцев, которыми кишела тогда средиземноморская часть Европы. Сначала это был пират Ветрано, потом мальтийский граф Энрико, основным занятием которого был также морской разбой, только в еще более широких масштабах. Лишь после того, как генуэзцы сбросили с плеч заботы пизанской войны, они решили начать открытые враждебные действия против республики св. Марка, оказав значительную военную поддержку Мальтийскому графу, что повлекло за собою открытый разрыв и военные действия⁴¹. Враждебные столкновения торговых республик протекали преимущественно на Крите и в водах этого острова и являлись для Венеции одним из эпизодов ее борьбы за реализацию византийского наследства.

Делая общую оценку международной обстановки, в рамках которой Венеция должна была овладевать доставшеюся ей по разделу частью Византийской империи, приходится еще раз подчеркнуть отсутствие у Венеции серьезного противника, который встал бы на путях ее к созданию на Востоке обширной торговой империи. Греческая империя была теперь повержена в прах, возникшие на ее территории отдельные политические миры и мирки были пока совершенно безвредны; восточные мусульманские государства после Саладина не могли обрести политического единства; у Запада были свои заботы; венгерский король собирался в крестовый поход и мирной политикой старался сохранить свои далматинские владения, принеся в жертву своей крестоносной авантюре несчастный Задар, который столько раз сражался под его знаменем против Венеции; противники на континенте были бессильны или смиренны; Пиза стала дружественной, а Генуя, истощенная годами войны с этим городом и рядом внутренних причин, не была пока в состоянии вести большой войны.

2. Венецианская «четверть и полчетверти империи Романии»

Ход реализации договора о разделе империи очень скоро показал венецианцам, что горделивый титул дождей и их подеста в Константинополе лишь в некоторой степени приближался к действительному объему их тер-

риториальных приобретений в результате четвертого крестового похода. Осуществление программы земельных захватов на Востоке оказалось делом настолько сложным и трудным, что, несмотря на сравнительно благоприятную международную обстановку для Венеции в начале XIII в., она смогла реализовать лишь незначительную часть своих притязаний.

Венеция приступила к реализации приобретенных ею прав на византийскую территорию, как и ее партнеры, сейчас же после совершения акта о разделе. Она началась, естественно, с самого Константинополя и территорий в непосредственной от него близости.

В Константинополе республика св. Марка имела право на три восьмых города. Мы не располагаем точными данными относительно того, в какой мере она использовала это право. Несомненно одно: владения венецианцев в Восточной столице значительно расширились, а их колония численно сильно возросла. Право на такое заключение дает быстрый рост различных доходных статей в Константинополе, принадлежавших венецианской церкви и монастырям. Владения патриарха Градо увеличились в несколько раз по сравнению с тем, чем располагала венецианская патриархия в XII в. Торговый дом Майрано арендовал тогда различные доходные статьи патриарха Градо в Константинополе за 50 веронских фунтов, что приблизительно соответствовало 100 перперам; но в 1206 г. доходы патриарха в несколько раз превышали эту сумму: дома «подле городской стены» приносили патриарху в виде ежегодной аренды 86 перперов, другая группа зданий *arid Drongagium* давала ежегодно 48 перперов, дома «вдоль морского берега» — 139 перперов, дома около церкви св. Акиндина — 13 перперов, еще одна группа зданий — 36 перперов и т. д. Различные мелкие статьи давали патриарху от половины до 20 перперов каждая в отдельности. Весовые сборы и сборы за измерительные приборы давали 72 перпера и т. д.⁴² Дож Пьетро Цгани имел возможность в 1207 г. пожаловать монастырю св. Георгия в Венеции значительный участок побережья вдоль Золотого Рога⁴³. К прежним церквям, которыми венецианцы владели на основании старых договоров с византийскими императорами — св. Марка, св. Николая, св. Марии и св. Акиндина, — теперь, после раздела, были присоединены монастырские церкви Марии Привлепти, Пантеноптос, Пантократора. Один из

преемников первого подеста выстроит в конце 20-х годов обширный новый венецианский фондако в Константинополе. Все это говорит за то, что венецианцы во всяком случае серьезно улучшили свои позиции в Восточной столице.

Не позднее начала 1205 г., а возможно и в конце 1204 г., венецианцы овладели Адрианополем, поставив там свой гарнизон⁴⁴. Тогда же был занят, вероятно, и Аркадиополь. По крайней мере, когда в апреле 1205 г. болгары от Адрианополя направились к Аркадиополю, то венецианский гарнизон, не будучи в состоянии отстоять города, покинул его, — следовательно, он успел занять его еще до этого времени⁴⁵. О Бульгарофле мы не имеем таких сведений, но уже по самому своему положению между только что названными городами он не мог остаться вне венецианских рук. Это все города в западной от Константинополя части Фракии.

На берегах Пропонтиды были заняты Гераклея и Родосто⁴⁶, затем Ганос, Пактия, Галлиполи и Мадита. Георгий Акрополит, рассказывая об опустошениях болгар в 1205 и 1206 гг., называет Мадиту и Галлиполи городами, «платившими дань итальянцам»⁴⁷. Автор «Летописи великого логофета» не называет здесь прямо венецианцев, но то обстоятельство, что он не выделяет Галлиполи и Мадиты среди других городов Пропонтиды, из которых некоторые несомненно находились в зависимости от венецианцев, позволяет сделать заключение, что Венеция успела реализовать и эту часть программы своих захватов. За это же говорит и то обстоятельство, что мы не имеем никаких данных об уступке Венецией кому-либо этих своих владений.

Таким образом, реализация венецианцами своих прав на территории, непосредственно примыкавшие к столице, протекала вполне успешно, но это продолжалось недолго. Мы уже видели выше, как вызывающее поведение завоевателей повлекло за собою весной 1205 г. всеобщее восстание во фракийских владениях крестоносцев и как восставшие в союзе с болгарским царем едва не положили конец латинскому господству на севере Балканского полуострова в первые же месяцы этого господства. Возвращение потерянных земель при Генрихе восстановило и венецианское обладание приобретенными территориями, но венецианские политики поспешили сделать

практический вывод из только что полученного урока. В Венеции поняли, что защита далеких материковых владений, не представлявших для венецианских купцов к тому же и большой ценности, экономически себя не оправдывает, и мы уже говорили о том, как республика уступила Адрианополь на ленных началах Феодору Вране, одному из греческих магнатов, которого и Генрих был вынужден привлечь на свою сторону, инфеодировав ему Дидимотику⁴⁸. Венеция оставила за собой, однако, все приморские пункты, и потери здесь начались позднее, в период общего распада Латинской империи.

Из всего этого видно, что венецианцы на ближайшие десятилетия смогли сохранить за собой из первой группы владений, доставшихся им по разделу, одно только побережье Пропонтиды и Геллеспонта. Эти владения вместе с Лампсаком, расположенным на противоположном берегу, были для них особенно важны: они гарантировали им господство на Мраморном море и в Константинополе, открывали свободный доступ к Черному морю и торговле с его берегами, которая начала здесь быстро развиваться. Позднее они прочно обоснуются в самом отдаленном углу Приазовья.

Значительно хуже сложилась обстановка для венецианцев на юге Балканского полуострова и на его западном побережье, где им по разделу достались обширные территории Пелопоннеса, Акарнании, Этолии и Эпира.

Пелопоннесом им пришлось поступиться, как мы увидим далее, в пользу Бонифация Монферратского, с согласия которого здесь возникло зависимое от него княжество Ахейское. Но Венеции здесь все-таки нужны были опорные пункты, так как здесь, вблизи южной оконечности полуострова пролегла морская дорога на Восток. В 1206 г. венецианский флот под начальством Райнерия Дандоло и Руджеро Премерино появился перед гаванями Корона и Модона и, встретив слабое сопротивление со стороны гарнизона княжества Ахейского, овладел ими⁴⁹. Этими «важнейшими глазами Венецианской Комуны» республика владела несколько столетий.

Еще хуже сложилась обстановка для венецианских территориальных притязаний на восточном побережье Адриатики. Возникший здесь сильный Эпирский деспот превратил договор о разделе в этой его части в простой клочок пергамента. Еще летом 1204 г. Михаил Ан-

гел, действовавший первоначально совместно с Бонифацием, овладел Никоподем и Артой, которыми управлял византийский наместник, и положил начало Эпирскому княжеству. Он захватил все побережье от Коринфского залива до Сербии, за исключением территории города Драча.

Здесь уже в 1205 г. утвердились венецианцы. Венецианская традиция связывает овладение этим городом с именем Томаса Моросини, который совершил этот «подвиг» по дороге из Венеции в Константинополь, куда он направлялся в качестве патриарха.

В Венеции рассчитывали превратить Драч в центр большого административного округа, почему наместник дожа получил здесь титул дуки. Однако дука—это был Марино Валерессо—наткнулся на упорное сопротивление албанцев, во главе которых стал некто Димитрий, именуемый в источниках то как «судья», то как «князь», и являвшийся одним из племенных албанских вождей в районе города Арбана. Хуже всего было то, что он нашел поддержку у деспота Эпира Михаила, а венецианские попытки противопоставить ему и его покровителю несколько славянских, очевидно сербских князей—Георгия, Младина и Петра,—не дали положительных результатов⁵⁰. По этой причине владения венецианцев на западном побережье Балканского полуострова вместо большой полосы земель от Коринфского залива до Дрина свелись к территории одного только города.

Несколько позднее в Драче водворен был и архиепископ-венецианец, которого, как и дуку, окружали представители знатных венецианских фамилий — Бароции, Дандоло, Премарино. Архиепископ был обязан своими советами содействовать венецианскому дуке в делах управления городом⁵¹.

Все это продолжалось очень недолго. Через 10 лет Драч был потерян Венецией. В 1215 г. брат и преемник Михаила Ангела, Феодор Ангел, расширяя владения деспотата в направлении Фессалии и Пелопоннеса, овладел также и Драчем⁵². При этих условиях ровно никакого значения не имело то обстоятельство, что на один момент незадолго перед этим Венеции удалось было поставить от себя в ленную зависимость и самого владыку Эпира⁵³.

Не закрепился в венецианских руках и ни один из островов Ионического моря, хотя Венеция и приложила к этому делу значительные усилия.

Остров Корфу в тот момент, когда венецианские уполномоченные подписывали акт о разделе империи, находился в руках генуэзского пирата Ветрано, который сделал это приобретение не без поддержки своих соотечественников. Упомянутая выше экспедиция Райнерио Дандоло и Руджеро Премарино должна была между прочим реализовать и на Корфу права венецианцев по разделу. Венецианский флот в 1206 г. справился с этой задачей вполне успешно: остров был взят, Ветрано захвачен в плен и повешен, но торжество венецианцев не было продолжительным, хотя они и поспешили поселить на островах своих колонистов⁵⁴. Быстро возросшая мощь Эпирского деспотата лишила их этого владения: в самом начале своего правления Феодор Ангел вырвал из рук венецианцев эту добычу и долго,— целых два столетия,— Венеция не могла здесь осуществить своих прав наследника Византийской империи.

Кефалония и Занте, равно как и Итака, еще до четвертого крестового похода сделались собственностью апулийской фамилии Орсини⁵⁵. В тот момент, когда корабли Дандоло и Премарино показались у берегов острова, граф—палатин этой островной группы, опасаясь участи Корфу, признал себя вассалом республики. Повидимому именно этот эпизод кратковременной вассальной зависимости Кефалонии от Венецианской республики имел в виду граф этого острова Николай, когда столетием позднее, в 1220 г., желая при помощи Венеции овладеть деспотатом Арты, он решил стать в вассальную зависимость от Венеции, «как это было при его предшественниках»⁵⁶. Ленная зависимость Кефалонии и Занте от республики св. Марка была лишь кратковременным эпизодом: в ближайшие же годы осторожному графу Кефалонии и Занте пришлось признать себя ленником князя Ахейского, сильнейшего из феодалов Латинской империи.

Судьба четвертого большого острова Ионического моря, Левкады или С. Мауры, как он именовался в это время, была аналогичной истории Корфу лишь с той разницей, что венецианцы не владели ими и тех десяти лет, в течение которых они держали в своих руках Корфу.

Виновником нарушения их прав был в это время все тот же Феодор Ангел, деспот Эпирский⁵⁷.

Таким образом, венецианская плутократия, обеспечив за собою по акту о разделе обширнейшие владения в Ионическом море и по западному побережью Балканского полуострова, не была в состоянии практически овладеть этою частью византийского наследства: к 1216 г. в руках Венеции здесь не было более никаких владений.

Несколько более счастливо для венецианцев сложились их дела в островном мире Архипелага.

Здесь, как мы знаем, Венеция получила, прежде всего, остров Эвбею или Негропонт. Возможно, что Венеция уступила, как и Пелопоннес, свои владения здесь также Бонифацию Монферратскому, иначе трудно было бы объяснить тот факт, что Бонифаций вскоре после раздела самостоятельно распоряжался островом без всяких претензий со стороны венецианцев, что было бы совершенно невозможно, если бы они видели в его действиях нарушение своих прав. Не позднее 1205 г. Бонифаций направил на Эвбею небольшой отряд под начальством Якова д'Авена, который и приступил к его завоеванию. Остров перешел потом к выходцу из Вероны, Равано делля Карчери, который и закончил его подчинение. После смерти Бонифация, погибшего, как мы видели в 1207 г., Венеция предъявила свои права сеньору Негропонта и добилась от Равано признания им себя вассалом св. Марка. Ломбардцы, хозяйничавшие в Солунском королевстве во время малолетства наследника Бонифация, во главе которых стоял граф Бландра, безуспешно хлопотали у императора Генриха о признании острова за Солунским королевством⁵⁸. Наши источники не дают возможности установить, в какой мере этот отказ был делом венецианских рук. После смерти Равано в 1216 г. венецианцы, как мы увидим далее, разделили остров на шесть ленов, и венецианский байло на острове умело направлял развитие торговых факторий Венеции по городам Эвбеи⁵⁹.

Среди прочих островов Архипелага венецианцам по разделу достались, как мы видели, Андрос, Эгина и Саламин. Основная масса Киклад и Спорад составили долю крестоносцев. Последние, однако, не обладали морскими силами, которые были необходимы для освоения этих владений. Это открывало перед политиками св. Марка

перспективу распространения своего влияния и на этот островной мир.

Венеция, разумеется, легко могла овладеть доставшимися ей по разделу островами; но прямой захват Кикладских и Спорадских островов был бы нарушением условий акта о разделе империи и, очевидно, такой путь не был бы достаточно практичным. Само собою напрашивалась мысль предоставить разрешение этой государственной задачи частной инициативе венецианских феодалов,—тогдашние государственно-правовые и международно-правовые понятия не шли вразрез с такого рода предпринимательством: по крайней мере одно государство и несколько крупных сеньорий возникла в тогдашней Европе подобным же образом.

В 1207 г. в Венеции было постановлено, что каждый гражданин республики, снарядив экспедицию за свой собственный счет, может овладеть любым островом Эгейды или любым прибрежным пунктом, не успевшим стать чьим-либо ленным владением⁶⁰.

Немедленно вслед за этим развернулась лихорадочная деятельность венецианских конкистадоров, далеко вышедшая из рамки тех земель, которыми по праву могли распоряжаться венецианцы. Наиболее удачливым захватчиком оказался М. Санудо с «товарищами». Он и его соратники овладели Наксосом, Паросом, Мелосом и некоторыми другими островами. Марино Дандоло получил венецианский Андрос. Братья Гизи обосновались на Скиросе, Миконесе, Тиносе, а также Аморгосе. Другая знатная венецианская фамилия, Квирины, связала свое имя с островом Стамплией. Навигойози овладели Лемносом. Веньеро и Виаро получили в качестве феодов небольшие острова Чериги и Чериготто у южной оконечности Морей. М. Дандоло и Дж. Виаджо «захватывают и сильно укрепляют» Галлиполи⁶¹. Тогда же, вероятно, появились в Лампсаке и «именитые мужи» Сакугулло и двое Квирины⁶². Кеос и Серифос заняли П. Джустиниани и Д. Микьеле. Леонардо Фосколо овладел Намфио или Анафе, а Як. Бароцци—Ферой или Санторином и Ферасией⁶³.

Из всего этого списка захваченных островов и прибрежных пунктов Венеции по разделу принадлежали только Галлиполи, Лампсак и Андрос,—все остальное было частью или императора, или крестоносцев. Именно,

по этой причине венецианские захватчики должны были принести ленную присягу не своему родному городу, а императору непосредственно и при том первоначально только ему одному. Некоторые при этом получили пышные титулы византийской табели о рангах, и Навигаёзи, например, стал мегадукой империи, т. е. главным адмиралом флота, пока, правда, не существовавшего.

Стоя строго на юридических позициях, Венеция могла бы потребовать ленной присяги со стороны Марино Дандоло, овладевшего Андросом, но она этого не сделала. По-видимому, Венеция не реализовала своих прав также и в отношении доставшихся ей двух островов Саронического залива⁶⁴.

Мы уже отмечали, что Венеция не считала большинство из этих феодалов своими ленниками; но она все же извлекала из факта их господства на Кикладах, Спорадах и других островах Архипелага известные для себя выгоды, чем и объясняется выявившееся позднее стремление Адриатической республики выговаривать для них у возродившейся Византийской империи некоторые льготы из числа тех, какими она пользовалась сама, отказываясь, однако, нести ответственность за их действия в Архипелаге⁶⁵.

Наиболее значительным и прочным приобретением Венеции в результате четвертого крестового похода был несомненно остров Крит: крылатый лев св. Марка несколько столетий цепко держал эту колонию в своих когтях.

В истории овладения Критом венецианцы проявили замечательную дальновидность и тонкую дипломатическую игру. Мы уже видели, что они старались закрепить право на этот остров за кандидатом на императорский трон, который оказался бы забаллотированным. Венецианские политики учитывали, что ни Бонифаций, ни Балдуин не будут в состоянии овладеть островом, далеко заброшенным в море, не имея для этой цели флота. Это сулило Венеции возможность увеличения ее доли, которую она могла получить по разделу, за счет этого важного для нее владения: остров был плодороден и представлял собою очень выгодную стоянку для судов, отправлявшихся на Восток, и удобные пункты для наблюдения заведшим туда морским путем.

Вероятно, вскоре после выборов начались и переговоры с Бонифацием относительно покупки у него Крита⁶⁶. В августе 1204 г. венецианцы достигли поставленной ими себе цели. Дошедшая до нас запродажная показывает, что предметом сделки был не только интересовавший венецианцев остров, но и фантастические 100 тыс. перперов, обещанных Бонифацию императором Алексеем IV, из дарения которого маркиз выводил и свои права на Крит⁶⁷. За уступку всех этих «прав» Бонифация, Венеция обязалась уплатить ему тысячу марок серебра и передать в его распоряжение столько земель в западной части империи, чтобы они обеспечивали ему годовой доход в размере 10 тыс. перперов⁶⁸. Маркиз, уже наметивший смену доставшихся ему восточных владений на западные, имел в виду сделать их более значительными и компактными. Может быть отчасти по этой причине венецианцы не гнались при разделе за восточными провинциями и восточными портовыми городами. Только этим обязательством Венеции можно объяснить тот факт, что она равнодушно отнеслась к захвату доставшегося ей по разделу Пелопоннеса Вильардуэном и Шамплитом, а Эвбеи—вассалом Бонифация Яковом д'Авенон, — эти территории, равно как Мосинополь и гавань сагудеев в южной Фракии или Македонии, принадлежали уже не св. Марку, а Бонифацию. Только после гибели Бонифация венецианцы принялись за возвращение уступленных Бонифацию земель и добились этого в довольно широких размерах на Эвбее, и, как мы видели, частично на Пелопоннесе. Маркиз в числе принятых им на себя обязательств по сделке дал обещание всемерно содействовать покупателям в деле фактического овладения запродаанным имуществом, но это обстоятельство не имело никакого практического значения⁶⁹.

Из всего этого видно, что свои права на Крит венецианцы постарались сделать юридически безупречными, но и при всем этом им предстояло преодолеть немало затруднений, прежде чем удалось прочно обосноваться на острове.

Наибольшее количество забот доставили им здесь генуэзцы, ревниво взиравшие на восточные успехи своих конкурентов. Поддерживая Ветрано, Генуя создала затруднения для республики св. Марка уже при овладении Корфу. Венецианский флот легко разбил здесь эти ин-

триги. Значительно более трудным делом оказалось преодоление генуэзских махинаций на Крите. В 1206 г. здесь появился граф Мальты Энрико Пескаторе с намерением оспаривать у св. Марка его покупку. «Генуэзские анналы» довольно подробно освещают деятельность этого авантюриста в восточных водах Средиземноморья. В 1205 г. с двумя галерами и одним большим кораблем он выступил под Сиракузы для борьбы с пизанцами на стороне Генуи, а затем отправился в каперский рейд на Восток. У берегов южной Греции он встретил два венецианских торговых корабля, из которых один графом-пиратом был захвачен, а другой потопили сами венецианцы. Совершив этот подвиг, Пескаторе направился к берегам Сирии, где оказал некоторые услуги графу Триполи в его борьбе с турками, за что тот подтвердил различные права и привилегии генуэзцев в его владениях. В Генуе по этому поводу «все были преисполнены радостью и весельем»⁷⁰.

Наконец, после нескольких новых разбойничьих подвигов, «достойный уважения и победоносный граф Мальты Энрико,—повествуют анналы,—с кораблями, галерами... и другими вооруженными и быстроходными судами явился на Крите и с бою овладел им, отняв у венецианцев; он сделался властителем острова, держал его в своих руках и получал с жителей его дань»...⁷¹. Упоминавшаяся уже выше экспедиция Дандоло и Премарино, покончив с делами в Ионическом море и на Пелопоннесе, явилась на Крит для того, чтобы положить конец успехам предприимчивого феодала. В 1207 г. здесь завязалась борьба между венецианцами и генуэзским эмиссаром. В следующем году его дела на острове стали совсем плохи, и тогда он отправил в Геную посланцев с мольбой о «помощи и совете»⁷². Генуэзцы поспешили откликнуться на этот призыв и послали Энрико Пескаторе корабли, людей и коней. Это еще раз повернуло колесо военного счастья на сторону генуэзского авантюриста. В происшедших стычках венецианцы понесли значительный урон, погиб и сам Райнерио Дандоло,—венецианские силы для успешного завершения борьбы были явно недостаточны. Борьба на острове угрожала перейти в большую войну против Генуи.

Генуэзцы, заключив мир с Пизой, попробовали теперь отважиться на новую серьезную схватку с еще более

серьезным противником. Когда в 1210 г. Энрико Пескаторе лично явился в Геную за подкреплениями, генуэзское правительство дало ему восемь галер, два корабля, 100 лошадей и такое количество продовольствия и снаряжения, что для покрытия его стоимости пришлось ввести специальный налог⁷³. Впрочем генуэзцы попытались сначала уладить дело мирным путем на основе уступки венецианцами приобретенного ими острова и совместного с Пескаторе владения им Генуей. Естественно, что венецианцы не хотели и слышать об этом, — «их нельзя было успокоить никакими доводами»⁷⁴. Вот тогда-то Пескаторе и получил еще раз нужные ему силы и средства. Внимание Генуи, однако, было отвлечено в следующем году начавшейся войной с Марселем, вследствие чего с Венецией надо было заключить хотя бы перемирие. Перемирие было заключено на три года, причем Энрико Пескаторе должен был расстаться со своими критскими мечтами, а Генуя обязалась возместить венецианцам захваченные у них во время войны на одном из их кораблей ценности⁷⁵.

За годы перемирия Венеция постаралась закрепить за собой свое новое владение, направив на Крит еще в 1211 г. свою первую военно-феодалную колонию⁷⁶.

Борьба с генуэзцами возобновилась тотчас же, как только истек срок трехлетнего перемирия. Венецианцы теперь имели возможность перейти в наступление: в 1215 г. они вместе с пизанцами, провансальцами и анконитанцами организовали крейсерскую операцию в районе Сицилии, захватив несколько генуэзских кораблей⁷⁷. Война после этого продолжалась еще некоторое время; складывалась она для Генуи в общем неблагоприятно, и там решено было искать выхода в заключении мира. В начале 1218 г. по инициативе Генуи начались переговоры, которые и привели к заключению мира сроком на десять лет⁷⁸.

Таким образом, Венеция победоносно завершила борьбу за Крит как раз в такое время, когда перед ней все более и более настойчиво вставала задача преодоления внутреннего сопротивления ее господству на этом острове, задача, оказавшаяся гораздо более трудной, чем борьба с республикой — конкурентом.

Из всего этого видно, что Венеция в ближайшие после четвертого крестового похода смогла реализовать лишь часть своей обширной программы территориальных приобретений на Востоке, которая была намечена актом о разделе империи.

Во Фракии пришлось ограничиться лишь узкой прибрежной полосой Пропонтиды с городами Гераклеей, Родосто, Панизо и Ганос. В Херсонесе Фракийском Венеция удержала за собою Пактию, Галлиполи и Малиту. Некоторое время в руках ее находился Лампсак на Азиатском берегу Пропонтиды. В вассальной зависимости от нее с 1209 г. находилась Эвбея. Республика твердо держала в своих руках гавани Корона и Модона с небольшими прилегающими к ним территориями. Остров Крит возмещал ее потери в островном мире Ионического моря и в западной части Балканского полуострова, побережья Этолии, Акарнании и Эпира. Выходцы из Венеции владели большею частью островного мира Архипелага, Кикладами и северными Спорадами, но они были вассалами не своего родного города, а императора Латинской империи или князя Ахейского.

Таково было положение венецианских владений на территории Византийской империи около 1216 г. Само собой разумеется, что Венеция усиленно насаждала свои фактории во всех важнейших торговых городах и портах империи независимо от того, были ли они ленами императора или его вассалов. И тем не менее подробный обзор территорий, вошедших в состав венецианских владений после четвертого крестового похода, показывает, что размер этих владений так же мало соответствовал пышному титулу дожей, который они носили, начиная с Энрико Дандоло—«властитель четверти и полчетверти Византийской империи»,—как и принятый ими ранее титул «герцогов Далмации и Хорватии».

3. Торговые фактории Венеции в восточной и центральной части Средиземноморья в первой половине XIII в.

Представление о процессе становления Венецианской торговой империи было бы неполным, если бы мы оставили без внимания тот вид торговой экспансии Венеции, который заключался в создании ею сети опорных торго-

вых пунктов, торговых факторий по берегам Средиземного моря. Мы уже отчасти касались этого вопроса в связи с колониальной экспансией Венеции в Сирии и на территории Византии. Здесь необходимо обобщить эти данные и дополнить краткими сведениями относительно проникновения венецианских купцов на территории мусульманских государств.

Торговая практика и опыт торговой экспансии на территории Византии определяли те задачи, которые следовало разрешать венецианским дипломатам, и давали те образцы, которым в меру возможности надо было подражать. Хрисовулы Алексея I и последующих Комнинов и императоров из дома Ангелов были тем идеалом, к осуществлению которого упорно стремились венецианцы в своих переговорах с различными государями Востока. Степень приближения к этому идеалу прямо зависела от соотношения сил сторон и международной обстановки, в которой протекали переговоры. В одних случаях дипломатам республики удавалось добиться таких льгот и привилегий для своих купцов, какими они пользовались в пределах византийских владений; в других—им приходилось довольствоваться обеспечением льготного и безопасного торгового оборота на территории контрагента и свободы от произвольного обложения. Примером договоров первого типа могут служить договоры с Иерусалимским королевством, или Латинской империей; примером второго рода—договоры с различными мусульманскими государями.

Договоры, которыми мы располагаем для освещения этого вопроса, относятся, поскольку дело идет о взаимоотношениях с Византией, еще к XI в., договоры с государствами крестоносцев в Сирии—к XII в., как мы это уже видели; договоры же с различными мусульманскими государями восходят к началу и первой половине XIII в. Не подлежит никакому сомнению, что правительственная деятельность в Венеции, как и всякая другая правительственная деятельность в условиях частнособственнических отношений, отставала от инициативы отдельных лиц и санкционировала уже сложившиеся связи и отношения. Об этом свидетельствуют и сами договоры, где подчеркивается, что норма обложения венецианской торговли «не должна превышать установленной издавна, по обычаю»⁷⁹. Таким образом, можно безошибочно ут-

верждать, что и на территориях мусульманских стран торговые дворы Венеции возникали ранее начала XIII в. Косвенным доказательством этого являются также и дошедшие до нас торговые договоры соперницы Венеции, Пизы, которые она заключила с Египтом, Марокко и другими мусульманскими странами уже в семидесятых и восьмидесятых годах XII в.⁸⁰.

В результате длительных усилий частью в форме полупринудительно навязанных договоров, как это было на территории Византии, частично насильственными средствами, как это было в некоторых пунктах Сирии, частью, наконец, средствами дипломатического искусства, как это было в той же Сирии или в сношениях с мусульманскими государствами, республика св. Марка раскинула за пределами своих непосредственных владений, в районах центрального и восточного Средиземноморья, обширную сеть торговых факторий, в большинстве случаев на началах большей или меньшей экстерриториальности.

Ранее чем где бы то ни было сеть опорных торговых пунктов была раскинута Венецией в пределах Византийской империи. Это вполне понятно: Венеция когда-то была частью этой империи, она была географически близка к владениям восточного императора, а роль Византии в посредническом торговом обороте между Западом и Востоком была огромной. Венеция очень рано стала заботиться о том, чтобы обеспечить свои интересы в отдельных пунктах империи торговыми договорами. Неудивительно, что и торговая сеть, раскинутая Венецией в пределах Византийской империи, была наиболее обширной по числу составлявших ее единиц.

Об этой сети со значительной долей вероятности можно судить уже по хрисовулу Алексея I. Этим документом, как мы видели, Венеция постаралась нарочито обеспечить свои интересы в наиболее важных для нее центрах, которые и были в хрисовуле перечислены. Здесь сначала названы были пункты северной Сирии—портовый город Лаодикея (Латаки) и Антиохия; затем был указан ряд городов в Малой Азии—Мамистра, Тарс, Аталия, Стровилон; из островов Архипелага назван Хиос; очень много пунктов указано на Балканском полуострове, по преимуществу на побережье — Драч, Авлона, Корон, Навплий, Коринф, Фивы, Афины, Хризополь, Димитриада; нако-

нец перечислен ряд городов на побережье Пропонтиды—Абидос, Родосто и во Фракии—Адрианополь⁸¹.

Все эти географические названия потом неизменно воспроизводились в хрисовулах и Колоиоанна, и Мануила, и Исаака Ангела⁸². Только в Хрисовуле Алексея III—это мы тоже видели—этот список резко расширяется: в этом документе от 1199 г. перечисляются уже не города только, а «провинции» и при том не только прибрежные, но и расположенные далеко от морских берегов. Здесь названы районы Охриды, Кастории, Ниша, Прилепа, Моглины, Лариссы, Трикалы и др.; перечислены важнейшие острова Архипелага и Ионического моря—Негропонт с его городами, Андрос, Кеос, Милос, Самос, Кос, Крит, Кипр и др., Корфу, Кефалония, Закинф, Левкада, Итака; в Малой Азии также перечислены почти все входящие в ее состав области⁸³.

Это стремление перечислить по возможности все области империи не означает, конечно, что во всех этих пунктах Венеция развернула свою торговлю, многое здесь указано было, вероятно, «про запас», для обеспечения будущих интересов; однако едва ли можно сомневаться в том, что хрисовул Алексея III косвенно свидетельствует о значительном росте торговых связей и торговых интересов Венеции на Востоке. Об этом свидетельствует такой факт, как появление в списке интересующих Венецию городов Солуни, которой не было названо в хрисовуле Алексея I, но которая позднее будет фигурировать в качестве важного торгового центра, где крупное фондако будет обеспечено специальным пунктом договора⁸⁴.

Возникает вопрос, в каких именно из всех этих перечисленных выше пунктов возникли настоящие торговые дворы венецианских купцов. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности прямо и с надлежащей полнотой ответить на этот вопрос, мы можем представить лишь косвенные доказательства наличия таких договоров в отдельных городах. Мы видели в своем месте, что во время борьбы с норманами при императоре Алексее I Драч от Роберта Гюискара защищали, между прочим, венецианцы, проживающие в городе. Едва ли можно сомневаться в том, что здесь речь идет о венецианской торговой колонии в осажденном городе. В Родосто—это мы также видели—венецианцы обосновались

довольно прочно, так как здесь венецианские купцы хлопчут перед императором Мануилом о льготах для монастыря св. Георгия. Далее мы увидим, что венецианцы получают разрешение на обладание фондако в городах Сирии и Малой Азии, перечисленных в хрисовуле императора Алексея, от различных потентатов, владевших ими во второй половине XII и начале XIII вв. Это—Лаодикея, Антиохия, Аталия, Мамистра. Едва ли можно сомневаться в том, что этими договорами создавалась не новая ситуация, а закреплялась старая. Когда потом после гибели Латинской империи венецианцы будут вести переговоры с Михаилом Палеологом, то они постараются добиться от него санкции на обладание домами, складами, банями, церквями и землями для их размещения в различных портовых городах. Среди них мы видим Альмиру, город на Пегасийском заливе; Волер расположенный в Южной Фракии; Энос — в той же Фракии в устье реки Гебра; Артаку — город недалеко от Кизика: Адрамиттий в Малой Азии и Энею около Эфеса, а также Смирну⁸⁵. Выше уже была названа, кроме того Солунь. Венецианская колония в Константинополе общеизвестна. Африканские фондако в Египте, Тунисе и т. д. несомненны. Этот список мог бы быть значительно пополнен, если бы мы располагали достаточно подробными сведениями об этом вопросе.

Когда Венеция вела переговоры с императором Алексеем I о городах в Малой Азии и Сирии, уже не принадлежавших империи, то венецианские политики делали это «на всякий случай», и они не ошиблись: когда позднее, отчасти уже при Алексее I, а в еще большей степени при его ближайших преемниках Калоианне и Мануиле, некоторые из этих городов оказались снова в руках Византии, то в их распоряжении оказалось готовое на счет этих городов соглашение. Еще позднее, когда Византия еще раз потеряла эти владения, Венеция, как мы увидим, заключала о них особые соглашения с новыми их владельцами.

Это были крестоносцы в Сирии и Малой Азии, Мало-Армянское государство в малоазиатской провинции Киликии, Румский султанат в центральной и Никейская империя в западной Малой Азии.

Мы уже видели в своем месте, как прочно обосновались венецианцы в период трех первых походов в Сирии.

Договора с Иерусалимским королевством, с князьями Антиохии, сеньорами Бейрута и Триполи, соглашения с королями Малой Армении позволили Венеции раскинуть широкую сеть торговых факторий по всему сирийскому, а отчасти и малоазиатскому побережью. В некоторых пунктах венецианцы обосновались довольно далеко от морских берегов, именно там, где пролегали караванные пути с Востока, или города были важными торговыми центрами сами по себе.

В начале XIII в., когда Венеция вступила в права византийского наследства, венецианские купцы так или иначе обосновались в Акре, Кайфе, Тире, Сидоне, Бейруте, Аскалоне, Яффе, Цезарее, Триполи, Антиохии, Судии, Мамистре, Адане, Тарсе. Все это были приобретения и успехи XII в., но в XIII в., поскольку эти города и порты сохранились в руках их прежних владельцев, права венецианцев по-прежнему подтверждались. Это мы можем видеть на примере Малой Армении: король Хетон в сороковых годах подтвердил все льготы, предоставленные венецианским купцам его предшественниками⁸⁶.

Торговые интересы республики св. Марка были значительны и в прочих городах Малой Азии. В начале XIII в., когда южное и западное побережье этого полуострова оказалось в руках никейских императоров и румских султанов, неизбежны были переговоры с этими новыми владельцами побережья. Порт Аталия, например, находясь в центре южного побережья Малой Азии, упомянут уже в первом договоре венецианцев с Комнинами,—очевидно, что уже во второй половине XI в. значение этого пункта не было маловажным⁸⁷.

Экономические интересы Венеции заставили ее дипломатов преодолеть трудности, вытекавшие из естественного чувства острой вражды, которые питали друг к другу венецианцы и владельцы Никейской империи. В 1219 г. подеста Венеции в Константинополе Якопо Тьеполо заключил торговый договор с императором Феодором Ласкарисом. Венецианцы на основании этого договора могли свободно торговать на всем протяжении Никейской империи без уплаты обычных торговых пошлин, равно как и использовать малоазиатские порты для транзитной торговли⁸⁸. Одновременно обеспечивалась целостность имущества и товаров венецианских купцов, потерпевших кораблекрушение, и устанавливались гарантии правильной

передачи имущества и товаров по наследству. Договор этот был двухсторонним, так как венецианцы обязались предоставить греческим купцам Никейской империи те же условия на территории, находившейся в их распоряжении, правда с некоторыми оговорками: греческие купцы освобождались не от всех пошлин, а лишь от некоторых, и от подеста в Константинополе зависело разрешение на вывоз лесоматериалов и тем более вербовка солдат на территории Романии. Ласкарис вынужден был согласиться на некоторую неравноправность договора очевидно потому, что торговые греческие города Малой Азии болезненно ощущали разрыв старых экономических связей с Западом. Играло известную роль и то обстоятельство, что венецианцы признали за Ласкарисом императорское достоинство, равно как, впрочем, и сам никейский император признал императорское достоинство за новыми властителями Константинополя.

Аналогичные же причины заставили венецианцев почти тотчас же за образованием Латинской империи вступить в переговоры с мусульманскими государями и, прежде всего, с султаном Рума.

Мы располагаем данными относительно трех договоров, заключенных венецианцами в период существования Латинской империи с румскими султанами,—это договора с Кейхозревом I и его двумя сыновьями, последовательно правившими после отца, Азеддином и Кейкобадом. По договору, заключенному с Кейхозревом, венецианцы получали на территории султанов право свободного передвижения по всей стране и право торговли. Купцы республики св. Марка не могли, конечно, рассчитывать здесь на беспошлинные операции, но они добились все-таки сравнительно низкого процента обложения. «Никто из представителей власти на территории султана—гласил хрисовул Кейхозрева—да не посмеет взимать с венецианцев более двух процентов»...⁸⁹. Договор этот может быть датирован лишь приблизительно годами правления Кейхозрева (1203—1211).

Как уже было указано, договор был подтвержден и преемниками Кейхозрева, Азеддином (1211—1220)⁹⁰, и преемником этого последнего Алаеддином Кейкобадом, сделавшего это в самый год вступления на трон румских султанов, т. е. в 1220 г. Договор этот, заключенный с венецианской стороны константинопольским подеста

Якопо Тьеполо, был разработан более детально, чем два предыдущие, сохранив, однако, их существенные черты. Договор предусматривал прежний размер пошлин, но освобождал от налога операции с хлебом, золотом, серебром и драгоценными камнями. Если каперские суда подданных султана захватят корабль венецианцев, то он должен быть отпущен без всякого нарушения венецианских интересов. Венецианские купцы не должны также терпеть никаких убытков и в том случае, если бы они были захвачены не на своем, а на чужеземном корабле. Все порты султана должны быть открыты для венецианских кораблей, преследуемых корсарами. Несомненно, венецианцы добивались, как и всюду, для своих купцов права экстерриториальности и во владениях султана, но в этом им было отказано: и венецианцы между собою и в их спорах с пизанцами, и тем более в распрях с подданными султана должны были представлять свои дела для разрешения судьям султана, которые должны были чинить разбирательство по законам страны. Характерной особенностью этого договора является требование взаимности, выставленное турками. Венецианцы согласились на него по отношению к той территории, на которую распространялись их суверенные права, но сумели все-таки не связать себя определенным процентом обложения торговых операций турецких купцов,—они должны были платить «по обычаю»⁹¹.

Действие этого договора продолжалось несомненно в течение всего правления Кейкобада, т. е. до 1237 г. После смерти Кейкобада политическая обстановка в Малой Азии еще раз резко изменилась: там появились татары, а с ними и новые заботы венецианцев о защите своих торговых интересов. С татарами венецианцам пришлось иметь дело, однако, не столько в Малой Азии, сколько в районах северного и восточного Черноморья.

Так как часть Сирии в начале XIII в. оказалась в руках эмира Алеппо и при том такая часть, по которой пролегали пути транзитной торговли с отдаленными областями Азии, то Венеции нужно было обеспечить свои интересы также и с этой стороны.

Около 1207 г. по инициативе Венеции был заключен первый договор с алеппским султаном Эльмелик Эльзари. Договор этот потом с благоприятными для венецианцев изменениями был подтвержден и преемником Эльме-

лика Мухаммедом Эльмелик-Азизом около 1225 г. и еще раз в 1229 г.

Эльмелик Эльзари обещал венецианцам неприкосновенность их личности и товаров, а также свободу передвижения и торговли в пределах его владений, при уплате, однако, довольно высоких пошлин: со всех ввозимых и вывозимых товаров венецианцы должны были платить 12 проц., и кроме того портовые пошлины в размере 17 динаров с каждого корабля, перечеканка золота и серебра в монету должна была сопровождаться уплатой шестипроцентного сбора с золотой и пятипроцентного сбора с серебряной монеты. Имущество умерших на территории эмирата венецианцев передавалось по завещанию, а в случае отсутствия завещания, поступало в распоряжение дожа⁹². Мухаммед Эльмелик-Азиз в первом своем договоре снизил указанный выше размер пошлин до 6 проц. к обороту и до 3 проц. и двух динаров с корабля—портовые пошлины. Венецианцы, по-видимому, усердно хлопотали о предоставлении в их распоряжение порта Лития (прежняя Лаодикея к югу от Антиохии), но встретили твердый отказ (*poi rodea far*); вместо этого эмир предоставлял венецианским купцам право организовать в интересовавших их портовом городе свой торговый двор, предоставлял в их распоряжение церковь, баню, хлебопекарню⁹³. Кроме того, эмир отказался от практиковавшейся, по-видимому, до этого времени круговой поруки венецианских купцов за убытки и преступления, причиненные или совершенные каждым из них, — с того времени каждый отвечал за себя⁹⁴. В договоре от 1229 г. были подтверждены все условия предшествующего договора, и кроме того, предоставлялось право на организацию торгового двора также и в Алеппо. Представители венецианских интересов в Литии и Алеппо именуются в договоре *baĵuli*, и им представляется право разбирать тяжбы венецианцев между собою. Из договора мы видим также, какие товары служили главным предметом торговли венецианцев с подданными эмира,— это были сукна, хлопок, перец и пряности⁹⁵.

Огромное значение морского и караванного пути, связывавшего южные страны Востока со Средиземным морем через Египет, делало для венецианцев необходимым проникновение и в нильскую долину. Торговые связи с Египтом, существовавшие несомненно издавна, не были,

по-видимому, до начала XIII в. облечены в форму договорных отношений. Мы допускаем, как об этом уже говорилось выше, что у венецианских политиков одно время могла существовать мысль о том, чтобы проложить дорогу в Красное море при помощи крестоносных ополчений; но затем расчетливые купцы пришли к мысли добиться разрешения интересовавшей их проблемы мирными средствами. Республика св. Марка после событий четвертого крестового похода особенно сдержанно относилась к новым крестоносным авантюрам, в которых венецианцы уже не могли рассчитывать на руководящую роль. На письмо Иннокентия III к преемнику Энрико Дандоло, написанное в 1213 г., где папа деликатно напоминал о все еще невыполненном Венецией обете, дож выразил готовность содействовать крестоносцам, но не отзывался на приглашение римского первосвященника лично принять крест⁹⁶. Мысли венецианских дипломатов работали в это время в другом направлении.

Вероятно около 1217 г.⁹⁷, когда начала подниматься новая крестоносная волна с Запада, венецианцы и добились у тогдашнего египетского султана Эльмелик Эладия обычных в их сношениях с мусульманскими государствами привилегий. Султан в нескольких грамотах гарантирует свободу передвижения в своих владениях, неприкосновенность личности и имущества не только венецианцев, но и тех из западных пилигримов, которые будут совершать путешествия во «св. землю» вместе с венецианцами. «Для роста и укрепления торговли»,—значилось в договоре,—венецианцы не должны платить больших портовых и таможенных пошлин⁹⁸; они могут беспрепятственно торговать на всей территории Египта⁹⁹; султанские чиновники не должны преследовать их даже за ввоз вина, поскольку последнее предназначалось для личного употребления¹⁰⁰; венецианские купцы должны быть в почете и получают охраняемые грамоты ко всем местным представителям султана. Венеция обеспечила для своих купцов также и опорный пункт в Александрии: договор предоставлял им право «на птичьем рынке» этого города устроить гостинный двор, вокруг которого они могут поставить стражу и «спокойно и благопристойно» проживать в нем¹⁰¹. Договор составлен в особо дружественном тоне, и стороны называют себя добрыми друзьями.

Вероятно, заключением этого соглашения объясняется тот факт, что позднее, в связи с шестым крестовым походом, католический Запад не мог добиться от венецианцев большего, чем простой нейтралитет в предстоявшей войне с египетским султаном. Циркуляр дожа от 1226 г. запрещал венецианским купцам отправлять на Восток лес, железо, смолу, под страхом конфискации этих грузов, как военной контрабанды¹⁰².

В рассматриваемое нами время торговые интересы Венецианской республики в остальных районах Африки были менее значительными, чем в Египте или Малой Азии и Сирии, но тем не менее, они заслуживают внимания. Северная Африка была рынком закупки и сбыта самых разнообразных товаров. Из Африки Венеция вывозила рабов, лошадей, соленую рыбу, соль, зерно, оливковое масло, выделанную кожу разных сортов, дубители и красители, сахар, воск, мед, финики, миндаль, благовонные травы, ковры, шерстяные и хлопчатобумажные ткани и в еще большей степени разнообразное текстильное сырье, свинец, ртуть, слоновую кость, кораллы, лаки и клей. В состав встречных товарных потоков входили: лес и изделия из него, металлы—медь, олово, железо, драгоценные металлы в монете и слитках, драгоценные камни—рубины, изумруды и жемчуг, фальшивые камни, мастерски изготовлявшиеся в Венеции, железо — скобяные и посудохозяйственные товары, стекло, некоторые виды красителей, белители и обезжириватели, пряности, сукна, благовонные вещества, медицинские средства и даже отчасти вино для христианского населения. Тлемсен, Бужия, Тунис, Триполи, Бона были оживленными рынками, где всюду слышалась европейская, особенно итальянская речь¹⁰³.

В западной части северо-африканского побережья гораздо раньше венецианцев обосновались их конкуренты, пизанцы и генуэзцы. Возможно, что даже ранее чем пизанцы и генуэзцы, появились в западной части северо-африканского побережья марсельцы. Первый их договор с султаном Марокко относится еще к 1138 г.¹⁰⁴. Пизанцы и генуэзцы показались в портах африканских potentatov почти одновременно, около середины XII в.,— по крайней мере от этого времени мы располагаем документами, свидетельствующими о таких связях¹⁰⁵: в 1157 г. от султана и Туниса в Пизе было получено письмо

об оформлении договора о мире и торговле, заключенного между ним и Пизанской республикой; документы о торговле различных коммерсантов Генуи идут от 1155, 1157, 1162 и т. д. годов.

Венеция вступает в договорные отношения с государствами северной Африки гораздо позднее и с султаном Туниса, например, не ранее тридцатых годов XIII столетия. Первый дошедший до нас договор относится к 1231 г. Султан Туниса и Триполитании Захария Яхья по этому договору предоставил венецианцам право повсеместной торговли в его владениях, при условии оплаты пошлин в размере 10 проц. с оборота. Операции с золотом и серебром могли протекать при вдвое пониженном проценте обложения, но портовые пошлины должны были оплачиваться во всех случаях. От каперских операций, направленных друг против друга, должны были воздерживаться обе стороны, а венецианцы, кроме того, и не должны были покупать товаров, отнятых кем бы то ни было у тунисских купцов, а если бы кто-нибудь из них совершил такую операцию, то такие товары подлежали конфискации. Венецианцы особо оговорили важное для них право закупки хлеба в пределах владений султана, на что он дал согласие при условии, если цена на него не будет выше определенного уровня. Венецианские купцы по смыслу договора могли основывать торговые дворы во владениях султана, обносить их высокой изгородью, охранять их, самостоятельно разбирать в них тяжбы между собою. При любом торговом дворе они могут иметь церковь, хлебопекарню и пользоваться банями по своему обычаю. Если султану понадобился бы флот, то он мог бы зафрахтовать до одной трети венецианских кораблей, которые оказались бы в портах Туниса и Триполитании, но по выбору венецианского консула¹⁰⁶.

Так по всему побережью восточной части Средиземного моря постепенно вырастала цепь венецианских фондако, которые не только облегчали венецианским купцам ведение их торговых операций, но служили также и целям политического влияния на Востоке.

Представление о масштабах венецианской торговой экспансии не было бы достаточно полным, если бы мы не коснулись еще одного важного района этой экспансии, берегов Черного моря.

Вопрос о времени появления венецианцев на Черном море трактуется обычно в том смысле, что их деятельность широко развернулась там еще с очень раннего времени, не позднее начала XI в.¹⁰⁷. Первые крестовые походы расширили здесь их торговые операции и ввели сюда их конкурентов, генуэзцев и пизанцев¹⁰⁸. «Пизанский порт» на Азовском море и генуэзцы в Тане появились будто бы еще в XII в.¹⁰⁹. «Венецианские экспедиции в эту страну (северные берега Черного моря) в XII в. были очень активными,—пишет Арменго,—северная Европа обязана им своими связями с Югом и Востоком»¹¹⁰. На раннем появлении в Черном море итальянцев вообще и венецианцев, в частности, настаивали и наши русские ученые — Ф. К. Брун и М. М. Ковалевский.

В качестве единственного документального доказательства всего этого привлекается содержание договора, заключенного императором Мануилом и генуэзцами в семидесятых годах XII в., в котором лигурийским купцам разрешалось плавание по Черному морю, за исключением Руси и Матрахи¹¹¹, причем из этого делается совершенно неожиданный и ничем неоправданный вывод — «для венецианцев и пизанцев, следовательно, такого ограничения не существовало»¹¹². Ссылаются иногда на факт упоминания о венецианцах в Киеве в «Слове о полку Игореве». Этот факт, конечно, достоин внимания, но из него не следует, что венецианцы появлялись в Киеве благодаря их широкому внедрению на берегах Черного моря уже в XII в.¹¹³.

Нам думается, что весь этот вопрос должен быть поставлен несколько иначе.

Огромное значение для Византии северного рынка общеизвестно. Отсюда этот самый большой город средневековья получал продовольствие и разнообразное сырье для своей промышленности. Не забудем, что в VII в. арабы отняли у Византии Египет, а в XI в. — турки — Малую Азию. Торговые договоры киевских князей с Византией нужны были не только Руси, но в еще большей степени для самой Византии. В X в. Русь обосновалась на берегах Черного и Азовского морей. Усиленное засорение черноморских степей кочевниками затрудняло, разумеется, торговые связи Руси с Восточной империей, но они не прерывались. Плано Карпини видел в Киеве в 1247 г. трех венецианских и двух генуэзских купцов, — торговые

связи новых владельцев Константинополя и проливов с северным Черноморьем продолжались, стало быть, традиционным порядком, несмотря на татарский погром. Торговые связи Византии с севером были «святая святых» ее экономической жизни, которые она должна была ревниво охранять от всякого проникновения в них посторонних,—только ее корабли должны были плавать вдоль северного Черноморья. Осуществлять этот принцип экономической политики, политики монопольного использования торговли с северным Черноморьем и Приазовьем было тем более легко, что ни один корабль не мог пройти незамеченным мимо причалов и морской стражи Восточной столицы.

Потому, думаем мы, ни венецианцы, ни генуэзцы, ни пизанцы не могли иметь и не имели регулярных торговых связей с северными берегами Черного моря вплоть до того момента, когда и морская дорога, ведущая из Средиземного моря в Черное, и Константинополь не оказались в руках латинян.

В свете такого понимания дела все будет ясно. Понятно будет, почему Мануил, разгромив венецианцев, пошел на уступки генуэзцам, допустив их проникновение в Черное море, за исключением, однако, берегов Азовского моря и северного побережья Черного¹¹⁴. Понятно, почему в договорах Венеции с Византией в XI и XII вв. нет упоминания ни об одном торговом пункте на берегах Азовского и Черного морей, хотя, особенно в договоре девяностых годов XII в., венецианцы перечислили все сколько-нибудь значительные торговые пункты на всем, кроме севера, протяжении империи. Понятно, наконец, почему в договоре о разделе империи венецианцы не обеспечили за собою никаких территорий и портовых городов по берегам Черного моря. Мы уже говорили выше, что в Венеции, очевидно, не существовало сколь-нибудь значительной группы купцов, которая могла бы подталкивать венецианское правительство в этом направлении.

Тут, естественно, возникает возражение: Византия в XII в. фактически не владела северным Черноморьем и поэтому для Венеции было бесполезно добиваться включения в свои договоры с Византией его торговых пунктов. На это возражение мы отвечаем указанием: во-первых на то, что фактически экономическое влияние Византии на северных берегах Черного моря не прекращалось и в

XII в. и во-вторых на то, что венецианцы настаивали на включении в договоры городов и портов, которые заведомо не принадлежали более Византии,—такова, например, Антиохия, упоминаемая в договоре Венеции с Алексеем I. Предусмотрительные политики св. Марка не упускали из вида возможности возвращения под скипетр базилевсов уже давно потерянных ими владений.

Таким образом, не исключая возможности посещения черноморских берегов отдельными венецианскими мореплавателями и купцами и ранее четвертого крестового похода, хотя для такового допущения в нашем распоряжении не имеется бесспорных доказательств, мы тем не менее относим возникновение серьезных торговых интересов Венеции на Черном море только к первой половине XIII в. В ближайшие же после взятия Константинополя время,—когда именно сказать очень трудно,—венецианцы появились в портовых городах Крыма, в Солдае-Суроже в первую очередь, а затем и во всех других городах будущей генуэзской экспансии, т. е. в Кафе, Чембало (Балаклава), Черко (Керчь), Тамани, оживили старинную Тану. Генуэзцы после мира 1218 г. в свою очередь энергично приступили к колонизации северного Черноморья, не будучи в состоянии, однако, вытеснить отсюда своих конкурентов венецианцев, пока те держали в своих руках большую дорогу из Средиземного моря в Черное, т. е. до 1261 г. В крымских торговых городах и в Приазовье возникли венецианские торговые конторы, венецианские купцы обзаводились здесь домами, на улицах рядом с греческой все более и чаще слышалась речь итальянская.

*
* *

В результате двухвековых усилий Венеция создала ряд опорных пунктов для распространения своего владычества в Истрии, в Далматинском архипелаге и на Далматинском побережье, создала сеть торговых дворов в северной Африке и на сирийских берегах. События четвертого крестового похода отдали в ее руки Корон и Модон на Пелопоннесе, остров Крит на большой дороге из Адриатики к берегам восточного Средиземноморья, распространили влияние на Негропонт, сосредоточили в ее руках проливы и торговлю важнейшего центра средневековой торговли, Константинополя, открыли венециан-

ским купцам дорогу к черноморским портам. В прямой связи с событиями этого похода находится деятельность венецианских конкистадоров, захвативших значительную часть островного мира Архипелага. В руках Венеции или в сфере ее политического и экономического влияния оказалась обширная колониальная империя.

Империя еще была далека от того, что можно было бы назвать состоянием устойчивого равновесия. Всюду была необходима борьба: и в Истрии, где многочисленные враги Венеции оспаривали ее влияние; и в Далмации, где надо было постоянно считаться с королем венгерским и непреодолимым стремлением самих зависимых городов освободиться от экономической венецианской гегемонии; и на берегах Босфора, где медленно агонизировала Латинская империя; и на Негропонте, где беспокойные феодалы всегда были готовы схватиться за оружие; и на Крите, где за войной с генуэзцами последовали тяжкие испытания классовой борьбы с закрепощенным крестьянством, выступавшим под руководством греческих феодалов. От времени до времени перед республикой св. Марка возникала перспектива полного крушения ее великодержавия: это были то тяжелые войны на Востоке, против врагов Латинской империи, то борьба с великодержавными притязаниями Фридриха II, то схватки не на живот, а на смерть с Генуэзской республикой.

Венецианская колониальная империя возникла в непрерывной борьбе и только благодаря ей могла продолжать свое существование.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

К вопросу о значении *he Rhosia* в некоторых византийских памятниках XII—XIII вв.

Для решения вопроса о времени проникновения в Черное море генуэзских и венецианских купцов полезно уяснить себе, что должно понимать под словом *he Rhosia* в грамоте Мануила Комнина, выданной им генуэзцам в 1169 или 1170 г., в то время, когда он готовился к разрыву с Венецией.

Вопрос этот, как известно, со времени полемики В. Г. Васильевского с Ф. К. Бруном, решается в том смысле, что под *Rhosia* названного нами памятника следует разуметь один из пунктов на Азовском море, обозначаемый на итальянских картах XIV и следующих столетий как *Casale degli Rossi*¹. В этом не сомневается и исследователь одной из смежных проблем М. В. Левченко, как это видно из его статьи в IV томе Византийского Временника². Нам думается, однако, что вопрос этот вовсе не так бесспорен, как это кажется.

Единственным доказательством существования этого *Casale degli Rossi* являются только что названные итальянские карты. Однако в нашем распоряжении имеется известие Рубруквиса, в котором он сообщает об основании русского поселения в районе нижнего течения Дона в XIII в. по приказу Батые и Сартака. Это место читается так: *In illo loco fecerunt Baatu et Sartach fieri quoddam casale de Ruthenis in ripa orientali qui transferunt nuncios et mercatores cum naviculis*, где под «тем местом» разу-

¹ На карте Градиоза Бенинказа, составленной в Венеции в 1467 г., пункт этот называется *Cassar de Rossi*; на карте Баптиста Генуэзца, появившейся в начале XVI в., — *Casale de Rossi*. (П. Леонтьев). Археологические разыскания на месте древнего Тананса и в его окрестностях. Прописи, IV. М., 1854, стр. 481 и следующие).

² Источник по вопросу русско-византийских отношений, стр. 52.

меются устья Дона¹. Только потому, что в распоряжении В. Г. Васильевского уже имелась *he Rhosia* грамоты императора Мануила, он предполагал, что Рубруквис сообщает о другом русском поселении, которое на итальянских картах не обозначено².

Но нам думается, что вполне позволительно будет спросить, откуда следует, что на интересующих нас картах обозначена *he Rhosia* императорской грамоты, а не деревня русская, о которой говорит Рубруквис? Наименование этого поселения итальянским *Casale degli Rossi* больше подходит к поселению Рубруквиса, чем к географическому пункту, который был хорошо известен императорской канцелярии.

Правда, арабский географ XII в., Идриси, говорит о русском городе в устье Дона, но здесь мы согласны с Бруном, который считает, что араб имеет в виду город Керчь, так как за устье Дона он принимает Керченский пролив, с чем согласен и В. Г. Васильевский³. Заслуживает внимания также то обстоятельство, что итальянские карты помещают *Casale degli Rossi* на левом берегу Дона, т. е. как раз там, где было выстроено по приказу Батыя и русское поселение. В. Г. Васильевский, впрочем, и сам был готов согласиться с Бруном, если бы его не смущало только то обстоятельство, что Керчь нигде в других памятниках не именуется русским городом⁴.

Из всего этого следует, что надо считать недоказанным, что в грамоте Мануила речь идет о незначительной географической точке на Азовском море, обозначаемой на картах XIV и следующих столетий.

К решению интересующего нас здесь вопроса правильнее будет подойти с несколько иных позиций: нужно указать в источниках, наиболее близких ко второй половине XII в., на другие случаи употребления *he Rhosia* и установить значение этого слова.

¹ Отрывок напечатан в рецензии Васильевского на сборник «Черноморье», где была помещена статья Бруна (ЖМНП, 1879, XI—XII, стр. 106).

² Там же, стр. 106, 107.

³ Там же, стр. 105.

⁴ Там же, стр. 106.

М. Я. Сюзюмовым в одной из его работ достаточно убедительно показано, что слово *he Rhosia*, начиная уже с IX в., утвердилось в греческом языке, как наименование страны руссов, России. Официальным обращением к русским князьям уже в дохристианскую пору было: *ros ton archonta Rhosias*¹.

Именно в этом смысле употреблялось это слово и в более позднее время. Приведем некоторые примеры такого словоупотребления.

Одним из таких примеров может служить отрывок из письма Михаила Акомината, направленного им к Феодору Ласкарису, императору Никейской империи. Интересующий нас отрывок читается следующим образом: *Ei de kai lagon levcon hopoiouys he Rhosia katagei eis ten Megalopolin syn te theriake episteiles*².

Нет никакого сомнения, что под *he Rhosia* здесь надо понимать наше отечество, в чем не сомневается и сам В. Г. Васильевский, переводя это слово из письма Михаила Акомината вместе с Ф. И. Успенским, как Русь, Россия, а не *casal degli Rossi*³.

Точно так же и у Георгия Акрополита, писавшего, как известно, также в XIII в., мы встречаемся со страной руссов в следующем отрывке:

*Epi ta ton Rhoson chorei ekette te chronon hikanon diameinas, kai tinas ton synggklyson Rhoson syn eavto periagagon*⁴.

Из всех этих данных видно, что по крайней мере с таким же, если не с большим основанием, можно утверждать, что в грамоте Мануила Комнина речь идет о русском побережье вообще, а не о какой-то отдельной точке на Азовском море. Что северные берега Черного моря могли почитаться в Византии русскими, что русские поселения были на нем до рассматриваемого нами време-

¹ М. Сюзюмов. К вопросу о происхождении слов *Rhos*, *Rhosia* ВДИ., 1940, № 2, стр. 123.

² Помещено это письмо в книге Ф. И. Успенского «Образование второго Болгарского царства», Приложения, стр. 51.

³ Рецензия Васильевского на эту книгу, цит. выше, стр. 337.

⁴ *Georgius Acropolita. Annales*, ed. Bonn., p. 35.

ни, об этом свидетельствует, между прочим, параллельное наименование Маврокастро́на не па Rhoσία о чем сообщает М. В. Левченко в своей уже упоминавшейся статье о «Записке греческого топарха»¹.

Наконец, в грамоте императора Мануила, где запрещается генуэзским купцам посещать Россию и Матра́ху, речь идет не о городах и не о портах, а о землях, странах, *chorai*: *En pantalais tais hopodepote choraïs tes basileias mou, anev tes Rhosias kai Matrachon*².

В таком случае грамота императора Мануила предусматривала право торговли и различные льготы генуэзским купцам в пределах своих владений всюду, за исключением Азовского и по крайней мере, северной части Черного моря, а не одного только моря Азовского. Торговля с северным Причерноморьем имела огромное значение для Византии, и отнюдь не одну только рыбу получали отсюда греки: цитированное выше письмо Михаила Акомината говорит о мехах, многовековую давность имела торговля хлебом, кожевенным сырьем, отсюда вывозилось большое количество рабов. Неудивительно, что византийские императоры ни в одном из нескольких хрисовулов, выданных ими Венеции на протяжении XII в., не предоставляют венецианским купцам льготных условий в портах на Азовском и Черном морях. В течение XII в., эти порты, пожалуй, были единственным местом, где византийцы могли вести торговые операции, не натываясь на каждом шагу на конкуренцию италийских торговых республик. Этим районом приходилось особенно дорожить.

Мы думаем, что ни венецианцы, ни генуэзцы не могли вести и не вели сколь-нибудь серьезной торговли на Черном и Азовском морях до XIII в.³.

¹ Визант. Времени., т. IV, стр. 52.

² *Acta et Diplomata*, ed Fr Miklosich et Jos. Muller, v. III, 35.

³ Подобная же мысль высказана румыном Братиану в его статье *Véniciens sur la mer Noire au XIV-e siècle*. Bouch., 1939, 31, однако нам неизвестна его аргументация, так как его работа, на которую он ссылается, *Recherches sur le commerce génois dans la mer Noire*, нам не была доступна.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Решает ли «одно латинское наречие» старую историческую контроверзу?

Здесь речь идет о латинском наречии *olim* из письма Иннокентия III к византийскому императору Алексею III, написанного им в 1202 году. Это наречие, по мнению современного буржуазного византиниста Грегуара, решает вопрос о времени бегства узника Алексея III, принца Алексея, сына императора Исаака II, в Италию. Грегуар думает, что тем самым решается, при том в положительном смысле, и вопрос о так называемой «швабской теории» изменения направления четвертого крестового похода¹.

Мы не имеем в виду останавливаться на разных других доводах в пользу этой теории, которые в разное время приводились ее защитниками (Риан, Винкельман, Пирс и др.), так как эти доводы подвергнуты были в свое время уничтожающей критике со стороны русских ученых акад. В. Г. Васильевского в его рецензии на книгу Ф. И. Успенского о втором Болгарском царстве² и проф. П. Митрофанова в его статье «Изменение в направлении четвертого крестового похода»³. Предметом нашего внимания будет именно это «решающее наречие».

Об этом наречии, ссылаясь на которое, некоторые буржуазные историки четвертого крестового похода, задолго до Грегуара доказывали, что принц Алексей бежал из Константинополя в 1201 году, а не в 1202, акад. Васильевский заметил: «Если де папа в письме от 16 ноября 1202 года говорит, что у него некогда был царевич Алексей, то это никак не может относиться к весне или началу 1202 года, а по крайней мере, к осени предыду-

¹ Н. Gregoire. The question of the diversion of the fourth crusade, or an old controversy solved by a latine adverb. (Byzantion, vol XV, 1940-1941, pp. 158 ss).

² ЖМНП, 1879, №№ 7—8.

³ Визант. Врем. 1897, т. IV, вып. 3—4.

шего года. Как будто таким рассуждением и таким образом в самом деле получается значительная разница, могущая оправдывать употребление частицы *olim* в значении чего-то давно-прошедшего и уже потерявшего свою определенную дату в памяти говорящего! По нашему мнению, с точки зрения строгой латыни, однако вовсе не той латыни, которая дает себя чувствовать в выше приведенном отрывке¹, совсем не цicerоновскими качествами, частица *olim* одинаково остается неуместною, будем ли мы помещать событие, характеризуемое ею относительно времени, в том же самом году, в котором писано послание, или же в предыдущем»². Таким образом, В. Г. Васильевский считал излишним вдаваться в какие бы то ни было дальнейшие подробности относительно этого *olim*.

Грегуар, подняв этот вопрос, по меньшей мере обязан был считаться с тем, что было написано по этому вопросу ранее его. Этого он не делает,—думаем по незнанию,—статья Васильевского ему во всяком случае, осталась неизвестной, хотя в западно-европейской буржуазной науке ссылки на нее имеются³. Не берет он на себя и труда проверить на других материалах и других источниках правильность своего взгляда на значение *olim* в средневековом латинском языке, как на наречие, всегда имеющее значение чего-то давно прошедшего.

Мы постараемся доказать, что *olim* в средневековых памятниках, и близких ко времени написания письма Иннокентия III, и более далеких, отнюдь не имеет только одно значение, именно значение чего-то давно минувшего.

Начнем с того, что и в классической латыни *olim* отнюдь не имеет только это значение. Берем первый попавший под руку словарь классического латинского языка. Здесь мы читаем следующее: «*Olim, adv.*, означает неопределенную точку зрения времени, 1) когда-нибудь, когда-либо:... а) о прошедшем времени, некогда, когда-то... также: а) недавно... б) давно, издавна... б) о будущем времени, когда-нибудь, некогда... 2) в другой раз, в другое время, иногда... 3) обыкновенно... Авторы словаря при этом приводят примеры, заимствованные из произ-

¹ Назв. статья, стр. 342. Здесь В. Г. Васильевский привел длинный отрывок из письма Иннокентия III.

² Там же, стр. 342, 343.

³ Н. Kretschmayr Op. cit., в. I, p. 479.

ведений писателей времен «золотой латыни»¹. Таким образом пресловутое *olim* и в классической латыни может означать недавно.

Мы имеем возможность привести некоторые примеры из средневековой латыни, из которых будет видно, что Грегуар и его предшественники совершенно напрасно возлагают на интересующее нас латинское наречие ответственную роль «решающего» доказательства старой исторической проблемы. Такого значения это наречие не имеет, так как оно может относиться к событию, имевшему место не только в том же году, но и сравнительно очень недавно. Приведем эти примеры.

От 1318 года мы имеем письмо Фридриха Сицилийского, направленное им Венеции. Письмо было написано 2-го сентября этого года. Здесь, мы между прочим, читаем следующее: «*Olim infra mensem Januarii proxime preteriti prime indictionis in gulfo Negroponto*»...¹ Из этого текста видно, что *olim* относится к событию, имевшему место в этом же году, когда было написано и письмо, причем время написания письма от упоминаемого в нем события отделено самое большее только семью месяцами. Возможность ошибки в датировке исключается, так как проверка индиктом дает один и тот же 1318 год.

Другой пример мы возьмем из хроники Космы Пражского, написанной как известно, в начале XII в. Во второй книге своей хроники Косма, рассказав о набеге на Чехию германского императора Генриха III в 1042 году и о том, как чешский князь Бжетислав откупился от этого грабителя, замечает далее: „*Mox velut insignis cum flammis aestuat ignis, si quis nimiam desuper fundit aquam, paulatim impetum ejus confudit et extinxit regina pecunia Caesaris iram. Nam qui olim hanc terram intraverat immitis, accepta pecunia revertitur mitis, pace interposita*“.

Совершенно ясно, что здесь *olim* относится к событию, не только имевшему место в одном и том же 1042 году, как это и значится в самой хронике, но и к такому (грабительский поход император), которое отделено от описываемого события) обещание уплатить 1500 марок се-

¹ Ананьев, Яснецкий, Лебединский. Сокращенный латинский словарь. М., 1883, стр. 716.

² *Diplomatarium Ueneto-Levanticum*, ann, 1318, v. I, pp. 114, 115. *Cosmae Pragensis Chronica*, p. 126.

ребра) всего несколькими неделями, а может быть и днями.

Все это позволяет передать спорное место из письма Иннокентия III, сохраняя за *olim* одно из его значений в классической латыни, именно значение — недавно, следующим образом: «Названный выше Алексей, явившись недавно к нам на аудиенцию в присутствии братьев наших и многих знатных римлян, поднял серьезный вопрос о том, что и т. д.»¹. Именно это же значение должно быть сохранено за *olim* и в приведенном отрывке из хроники Космы Пражского.

¹ Migne. *Patrologia Latina*, v. 214, col 1124.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Вопрос о преднамеренности в изменении направления четвертого крестового похода вызвал во второй половине XIX и первой половине XX столетия появление значительной полемической литературы. Существуют обзоры этой литературы и полемики,—П. Митрофанова в конце прошлого века («Изменение направления четвертого крестового похода» в Визант. Врем., т. IV, вып. 3—4, стр. 461—523), Герлянда в начале текущего столетия (*Der vierte Kreuzzug und seine Probleme. Neue Jahrbücher für d. klass. Altert.*, XIII, 1904, Leipzig), М. А. Заборова в последнее время («Крестовые походы», стр. 179 и след., а также отдельные статьи в Визант. Временнике). Это делает излишним рассмотрение этой литературы в подробностях. Здесь достаточно указать, что теория преднамеренности разрабатывалась в нескольких вариантах: с одной стороны, в изменении направления похода обвиняли венецианцев (Мас Лятри, Гопф, Риан со своей первоначальной точки зрения), с другой—Филиппа Швабского (Винкельман, Риан после изменения им своей первоначальной позиции в этом вопросе), иногда, наконец, Иннокентия III (Ф. И. Успенский, отчасти Тессье). Критика этих теорий первой—Ганото, Тессье, второй—В. Г. Васильевским, Митрофановым, Тессье настолько серьезно подорвала аргументацию этих авторов теории «преднамеренности», что в более поздней исторической литературе вопрос этот иногда или оставляется открытым, как это делает, например, Люшер (*Innocent III. La question d'Orient*), или Шарль Диль (*The fourth crusade and the Latin empire. Camd. Med. Hist.*, v. IV, p. 417), или рассматривается в духе сторонников теории «случайностей», как это делают, например, Альфан (*L'essor de l'Europe*, p. 272), Фараль (op. cit., p. 582), или Кречмайр (op. cit. v. I, p. 482), формулирующий свою мысль словами: *auctor Casus, actrix Venetia*). Сходную мысль высказывал, впрочем, еще Штрейт: *auctor rerum casus, actor rerum Uenetia*. (Op. cit., *Archiv. Ven.*, XVI, p. 58).

Однако старые теории время от времени вновь появлялись на историографической сцене. Рене Груссе, например, выводит события четвертого крестового похода из враждебных чувств, которые Запад питал по отношению к Византии, и Филипп Швабский именуется вдохновителем изменения направления похода (R. Grousset, *L'empire du Levant*, Paris, 1946, p. 443). Л. Брейе обвиняет в направлении четвертого крестового похода мимо его «святой цели», кроме Филиппа Швабского еще и Венецию, которая, по его мнению, была лишена Алексеем III «своего прежнего положения в империи в пользу Генуи» (L. Bréhier, *Vie et mort de Byzance*, Paris, 1947, p. 365). Ст. Рэнсимэн в своей трехтомной «Истории крестовых походов» нашел возможным воскресить давно похороненное обвинение Венеции в прямой измене «делу креста». Подобно Гопфу, Рэнсимэн верит известию Эрнуля о том, что в 1202 г. в Венеции побывали послы египетского султана и заключили с нею договор, обязывавший венецианцев направить крестовый поход мимо его цели. (Steven Ranciman, *History of the crusades*, v. II, Camb., 1952, p. 113). М. А. Заборов потратил много усилий на то, чтобы доказать соучастие Иннокентия III в союзе с Швабским домом в направлении крестового похода против схизматической Византии и даже «принявшего крест» Задара. (Крестовые походы, стр. 192 и след., а также несколько статей в Визант. Врем.). Наконец А. Фроловым сделана попытка объединить все эти теории в одно целое, уделив известную долю ответственности за поход под Константинополь каждому из его участников и их вдохновителей. (A. Frolov, *Recherches sur la déviation de la IV croisade vers Constantinople*, Paris, 1955).

Из всего этого видно, что хотя «к настоящему времени основные события этого выдающегося крестоносного предприятия выяснились с достаточной полнотой» (Заборов М. Я. Крестовые походы, стр. 188), единство взглядов на виновников и причины того, что поход вместо Сирии или Египта был направлен под Константинополь, все еще отсутствует. Наиболее близкой к нашей трактовке этого вопроса является работа Адольфа Вааса, вышедшая в двух томах в 1956 г. (A. Waas, *Geschichte der Kreuzzüge*, 1—2, 1956, Freib.). Однако публикуемая нами книга написана гораздо ранее выхода в свет «Истории крестовых походов» А. Вааса.

ПРИМЕЧАНИЯ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

1. H. Kretschmayr. Geschichte von Venedig. B. I-III. Gotha-Stuttg. 1905 — 1934.

2. E. Cicogna. Bibliographia veneziana. Venezia. 1847.

G. Soranzo. Bibliographia veneziana. Ven. 1885. R. Cessi. Indiz. Archivto Veneto (1871 — 1930). 1935.

Глава первая.

1. Chronicon Venetum quod dicund vulgo Altinatum. MGH. SS., v. XIV.

2. H. Simonsfeld. Venezianische Studien. Münch 1878 r. 52.

Cippola, Ricerche sulla tradizioni intorno alle antiche immigrazioni nella laguna. AV., v XXXI, p. 441.

3. Chronicon Gradense. MGH. SS., v. VII. Chronica de singulis patriarchis nove Aquileie ed. Monticolo. Chron. Veneziane antich. Fonti. 1890.

4. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 387.

5. Johannis Diaconi Chronicon Venetum. MGH SS. v. VII.

6. G. Monticolo. Intorno alla Cronaca di Giovanni Diaconi. AV., vv. XV, XXV.

7. Annales Venetici breves. MGH. SS., v. XIV.

8. Simonsfeld. MGH. SS., v. XIV, p. 69.

9. Historia de translatione ss. Magni Nicolai, ... ejusdem avunculi alterius Nicolai, Theodorique martyris. Monachi anonymi Iit-torensis. RHCr. Hist. occ., v. V, pp 253 ss. Cerbano Cerbani, clerici veneti, translatio mirifici martyris Isidori a Chio insula in civitatem Venetam ed. nom., pp. 321 ss.

10. Historia ducum veneticorum. MGH SS. v. XIV.

11. Simonsfeld. Ibid., p. 72.

12. Simonsf. Ibid., p. 89.

13. Veneti, qui semper Romanie defensores steterunt ... Ibid., p 75.

14. Oderant enim Jadrenses venetos propterea quod archiepiscopum suum ipse dux patriarchatui Gradensi subesse debere dicebat. p. 76.
15. Ibid., p. 76.
16. Ibid., p. 92.
17. Annales Veneti seculi XII NAV., nuova ser., v. VII^a.
18. Martin da Canale. Chronique des Veniciens. ASI, v. VIII. 1845, ed. Rossi.
19. H. Simonsfeld. A. Dandolo und seine Geschichtswerke. Münch., 1876 p. III.
20. Et por ce que Iengue franseise cort parmi le monde est la plus delitable a lire et a oir que nul autre ... p. 238.
21. Ibid., pp. 452 — 532.
22. Chronicon Marci. ASI, v. VIII, 1845.
23. Simonsf. Ven Stud., p. 57.
24. Kretschm., op. cit., B. I, p. 392.
25. Simonsf. A. Dand., pp. 128, 129 131.
26. Ibid., pass.
27. A. Danduli Shronicon Venetum. A. Muratori. RISS, u. XII. Nunc est etiam Emanuelis ... scelesti per scelus in venetos perpetratum ... auctore per Deo digne ulcionis poena punitum est ... col. 330.
28. Kretschm., op. cit., B. II, p. 537.
29. Simonsf. A. Dand., pp. 141, 142.
30. Frater Petrus de Cligia (A. Dand. Chr., col. 273). P. Riant. Exuviae sacrae constantinopolitanae. Petri Calo, Legendae de tempore et de sanctis. Genevae. MDCCCLXXVII.
31. Marino Sanudo Torsello. Secreta fidelium crucis, ed. Bongarius. Gesta Dei per francos, v. II. Hannov. 1611.
32. P. Girardin. Les origines de la question d' Orient. (Rev. de Deux Mondes, mars, 1864.)
33. Istorica dei regno di Romania. ed. K. Horf. Chroniques gréco — romanes inédites ou peu connues. Berl. 1873, pp. 93—170.
34. Fragmentum Marini Sanuti Torselli. Ibid., pp. 171 — 174.
35. Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus venetis, ed. Fl. Cornelius. Venetiis, 1758.
36. Ed. cit., pp. 29, 20.
37. Kretschm., op. cit., B. I, p. 394.
38. Anna Commena. Alexias. CSHB, v. I, 1839; v. II, 1878.
39. Op. nom., v. I, pp. 285, 286.
40. Ibid., pp. 221, 223.
41. Johannes Cinnamus. Epitome. CSHB. 1836.
42. Op. nom., p. 280.
43. Ibidem, pp. 281, 282.
44. Ibid., pp. 98, 99.
45. Ibid., p. 170.
46. Ibid., p. 281.
47. Ibid., pp. 283, 284.
48. Eustatius Archiepiscopus. De Thessalonica a latinis capta anno 1185. CSHB. 1842.
49. Nicetas Acominatas (Choniates). Historia. CSHB. 1835.
50. Ф. И. Успенский. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874, стр. 21, 22, 35.
51. Nicetas., op. cit., p, p. 113 ss.

52. Ibid., p. 223.
53. Ibid., pp. 225, 226.
54. Ibid., pp. 324, 325.
55. Ibid., pp. 772—853.
56. Ф. И. Успенский, назв. соч., стр. 36.
57. Там же, стр. 120. В. Г. Васильевский. Союз двух империй. Труды, т. IV, стр. 77—79.
58. Nicetas. op. cit., pp. 787, 824.
59. Georgius Acropolites. Annales. CSHB. 1837.
60. Georgius Pachymeres. Historia, vv. I—II. CSHB. 1835.
61. Op. nom., v. I, cap. 3, 11, 14, 16, 20, 28.
62. Ibid., cap. II, 32, 35.
63. Nicephorus Gregoras. Byzantina historia, v. I—III. 1829—1855.
64. Op. nom., v. I, p. 16.
65. Willermi Tyrensis Archiepiscopi historia rerum in partibus transmarinis gestarum. RHCr. hist. occ., v. I. 1872.
66. Op. nom., I. VII, cap. 21.
67. Ibid., I. XII, cap. 22 23.
68. Ibid., cap. 24.
69. Ibid., I. XIII, cap. 5, 14.
70. Chronique d'Ernoul et Bernard le Trésorier. ed. Mas Latrie Paris. 1871.
71. Op. nom., pp. 383, 384.
72. Le livre de la conquest de la Morée, . ed. Buchon (Recherches hist. sur la principauté de Morée, v. I) Cronaca di Morea (versione italiana), ed. Hopf. Chroniques, pp. 414—468.
73. Cronaca di Morea, ed. nom., pp. 416 ss.
74. Ibid., pp. 417, 418.
75. Ibid., pp. 419 ss.
76. Ibid., p. 422.
77. Ibid., pp. 430. Нередко это известие относится к области фантастических измышлений автора хроники, — напр. Ф. И. Успенский, Истор. Виз. Имп., т. III, стр. 449.—Мы не разделяем этого скептицизма.
78. Thomas Archidiaconus Spalatensis. Historia Salonitanorum pontificum. MSHSM., v. III. Zagreb. 1894.
79. Op. nom., pp. 74, 83, 99.
80. Simonsfeld. A Dand., p. 79.
81. Presbyteri Diocleatis Regnum slavorum, ed. J. Lucii Dalmatini. De regno Dalmatiae et Croatiae. Amsterd. 1666, pp. 287—302.
82. И. Н. Смирнов. Очерки истории Хорватского государства. Казань. 1880, стр. 116.
83. Presb. Diocl., ed. cit., p. 290.
84. Regnum Dalmatiae et Croatiae gesta a Marco Marulo Spalatensi patricio latinitate donata, ed. J. Lucii, op. nom., pp. 303. ss.
85. Obsidionis Jadrensis libri duo, ed. J. Lucii, op. nom., pp. 387 ss.
86. В. В. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. (Прилож. к XI т. ЗАН., 1865).
87. Op. nom. pp. 338 ss.
88. Макушев, назв. соч., стр. 587, 319 и след.
89. Jadera tantis ignominitis et molestiis Venetorum multo jam temporis perfluxo curriculo ... quod vitam consumere nitebatur ... (Lib. I, cap. 2).

90. Полное собрание русских летописей, т. III, 1841, стр. 29.
91. Бицилли. Новгородское сказание о 4-м крестовом походе. (Истр. Известия, 1916 г., № 3—4, стр. 53).
92. Полное собрание русск. лет., т. XXII, стр. 180 и след.
93. В. Г. Тизенгаузен. Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1881.
94. Назв. изд., стр. 111, 112, 279, 280, 284 и др.
95. *Annales Januenses*. Caffaro—Nicolai Guerii 1100—1269 MGH. SS., v. XVIII. *Annales Pisani*, MGH. SS., v. XIX.
96. *Ann. Jan.*, ed. nom., pp. 238 ss.
97. *Ibid.*, pp. 189 ss.
98. *Guillermi Apuliensis Gesta Roberti Wiscardi*. MGH. SS., v. IX. *Lupus Protospatarius. Annales. Anonymus Barensis Annales. Gaudfredus Malaterra*, ed. Muratori, RIS., v. V.
99. *Romualdi Arch. Salern. Annales*. MGH. SS., v. XIX.
100. H. Klimke. *Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges*. Breslau, 1875. E. Gerland. *Der vierte Kreuzzug und seine Probleme*. (N. Jahrb. für d. Klass. Alt., B. 13). П. Митрофанов. Изменение в направлении четвёрт. крестового похода. (Визант. Временник, 1894, т. IV, вып. 3—4).
101. Ed. Faral. *Geoffroy Villhardouin. La question de sa sincérité*. (RH., N. 177. 19:6. p. 582).
102. Образование второго Болгарского царства (Рецензия на книгу Ф. И. Успенского, ЖМНП, 1879, ч. 204). Статья Грегуара в журнале «Византион», XV, 1940—1941, стр. 158 и след. Подробно-сти см. приложение 11.
103. G. Villehardouin. *La conquête de Constantinople*, ed. Michaud et Poujoulat. Par. 1843, cap. 201.
104. Robert de Clari. *La prise de Constantinople*, ed. K. Hopf. *Chroniques* ...
105. *Chronicon Gallicum iueditum*. FRA. DA., v. XII, pp. 528—ss.
106. *Anonymi Suesionensis De terra Iherosolymitana*, ed. Riant. *Exuviae*, pp. 2—9.
107. *Balduinus Constantinopolitanus*. FRA. DA., v. XII, pp. 293 ss. *Croisade de Constantinople*. FRA. DA., v. XII, pp. 315.
108. Rob. de Clari, op. nom., p. 83.
109. Укажем на его краткие речи, которые он влагает в уста Дандоло, обращенные последним к крестоносцам, запёртым на острове св. Николая в Венеции, или к Алексею IV, когда тот оказался несостоятельным. Там же, стр. 8, 48, 49.
110. *Gunteri Parisiensis Historia Constantinopolitana, seu de expugnatione urbis Constantinopolitane*, ed. Riant. *Exuviae*, pp. 57 ss.
111. *Eis navigium abnegabant nisi prius cum ipsis celebram Dalmatiae civitatem ... expugnaverunt*. Op. nom., p. 71.
112. *Ibid.*, p. 72.
113. *Pecunie, cujus illa gens maxime cupida est*. *Ibid.*, p. 85.
114. *Ibid.*, p. 91.
115. *Anonymi Halberstadenensis De perigrinatione in Greciam*, ed. Riant. *Exuviae*, pp. 10 ss.
116. Op. nom., pp. 15, 16.
117. *Gesta Innocentii III papae*. MPL., v. 214.
118. *Devastatio Constantinopolitana*, ed. Hopf. *Chroniques*.
119. *Quinti belli sacri scriptores minores*, ed. Rörich. Gen. 1879.

120. *Mattias Parisiensis, Chronica Majora*. MGH SS., v. XXVIII.
121. *Annales Mediolanensis*. MGH SS., v. XVIII.
122. *Annales Placentini Guelfi et Guibellini*. MGH. SS., v. XVIII.
123. *Annales Cremonenses*. MGH. SS., v. XVIII.
124. *Sicardus episcopus Cremonensis. Cronica*. MGH. SS., v. XXXI.
125. *Henri de Valanciennes. Continuation de l'histoire de Villehardouin*, ed. Michaud et Poujoulat. NCM., v. I.
126. *Op nom.*, pp. 130 ss.
127. *FRA. DA.*, vv. XII-XIV. Vind. 1856—1857.
128. *MGH. L. Const.*, vv. I—II. *MGH. L. Cap.*, v. II. *MGH. Dipl.*, vv. I—II.
129. *J. Schafarik. AAV.*, I—II. Vind. 1860—1862.
130. *Fr. Miklosich. MS. Vien.*, 1858.
131. *Kukuljević Sakcinski. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavinae*. Zag. 1875.
132. *F. Rački. Documenta historiae Croatiae periodum antiquissimam illustrantia*. Zag. 1877.
133. *LJubić. MSHSM.*, v. I. Zag. 1868.
134. *MHSM.*, v. I. Warsch. 1874; v. II Belgr. 1882.
135. *I capitolari delle arti veneziane* ed. Monticolo vv. I—III. Roma. 1896—1914.
136. *DCV.*, ed. R. Marozzo della Rocca, A. Lombardo. Torino, vv. I—II. 1940.
137. *AV.* (1870—1889; *NAV.* (1890—1900); nuova serie (1901—1921) *AVT* (1922—1926); *AV.* (1927—...).
138. *BECH.* 1839 ss.
139. *Bulletino di archeologia e storia dalmata* (1873—1920). *Vještnik na archeologiju i historiju dalmatinsku* (192)—...).
140. *FRA. DA.*, XII pp. 37, 38.
141. *Ibid.*, pp. 51—54.
142. *Ibid. DA.*, pp. 109—111. *Ibid.*, pp. 96—98. *Ibid.*, pp. 115—123.
143. *Ibid.*, pp. 196—204. *Ibid.*, pp. 207, 210.
144. *Ibid.*, pp. 243—277.
145. *FRA. Da.*, v. XIII. pp. 205—207.
146. *Ibid.*, pp. 119—122.
147. *Ibid.*, pp. 320—321.
148. *FRA. DA.*, v. XIV, pp. 68, 69, 70—83, 94—99.
149. *FPA. DA.*, v. XII, pp. 84—88.
150. *Ibid.*, pp. 90—92.
151. *Ibid.*, pp. 133, 134.
152. *Ibid.*, pp. 148, 149, 176.
153. *FRA. DA.*, v. XIII, pp. 231—233.
154. *FRA. DA.*, v. XII, pp. 76—77.
155. *Ibid.*, pp. 265—368—.
156. *Ibid.*, pp. 446—448, 513—514, 452—501.
157. *FRA. DA.*, v. XIII, pp. 31, 35.
158. *Ibid.*, pp. 195—214, 283—284, 291—292.
159. *Ibid.*, pp. 159—163.
160. *FRA. DA.*, v. XIV.. pp. 29—31, 53—55.
161. *FRA. DA.*, v. XIII, pp. 184—193, 336—357, 417—418, 484—489.
162. *Ibid.*, pp. 222, 223.

163. Ibid., pp. 64—66, 256—258, 275—276; v. XIV. p. 61.
164. FRA. DA., v. XIII, pp. 300—302, 452—455; v. XIV pp. 119—121.
165. FRA. DA., v. XII, pp. 331—384; v. XIII, pp. 426—428; v. XIV pp. 115—117.
166. MGH. L. Cap., u II, pp. 130—136.
167. Ibid., pp. 136—137, 138—111, 141—143.
168. Ibid., 143—147 147, 148, 148—150 150, 151.
169. MGH. L. Const., v. I, pp. 32—36 36—87, 38—40, 40—44. 45—46, 57—58 MGH. Dipl., v. I. pp. 483—481, 478—483. Ibid., v. II, pp. 350—352, 352—356.
170. MGH. L. Const., v. I, pp. 121—124, 152—156.
171. Ibid., pp. 171—175.
172. Ibid., pp. 373, 374.
173. Ibid., pp. 279—273, 526—530; v. II, pp. 93—97.
174. Ibid., pp 38—42.
175. FRA. DA., v. XII, p. 173.
176. Ibid., p. 135. Danduli Chr., col. 286.
- 177 F. Carabellese. Le relazioni commerciali fra la Puglia e la repubblica di Venezia. Ricerche e documenti, vv. I—II. Trani. 1897—1898.
178. FRA. DA., v. XIII, pp. 198—204, 342—345, 457—460.
179. FRA. DA., v. XIV, pp. 64, 65.
180. FRA. DA., v. XII, pp. 65 66.
181. Ljubić, MSHSM. v. I, p. 23.
182. ADTV., v. I, 1870.
183. Kretschmayr, op. cit., v. I, pp. 449—497.
184. Gli statuti veneziani di Jacopo Tiepolo del 1242 e le loro glosse, ed. R. Cessi. Venezia, 1938.
185. FRA. DA., v. XIV pp. 403—448.
186. I capitolari, ed. nom. v. I pp. 295, 300, 305, 310, 311.
187. Le magistrature giudicarie veneziane e i loro capitolari fino al 1300, ed. M. Roberti Venezia, 1909, v. II.
188. Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia per cura di R Cessi, v. I. Bologna, 1952.
189. Ed. nom. m. pp. 235 ss.
190. A. Lombardo. Le deliberazioni del Consiglio dei 40 della Repubblica di Venezia. ed. Dep. di stor. patria. Monumenti stor. N. S. Venezia. 1957—58.
191. FRA. Da., v. XIII, pp. 18, 56—58, 90—92, 93—96, 176—184; v. XIV, pp. 1—15, 46—50.
191. Ibid., v. XIII pp. 130—135, 135—145, 236—219 470—475.
192. Ibid., pp. 211—212, 252, 314, 323—325.
193. FRA., DA., v. XII, pp. 6, 7, 32—33.
194. Ibid., p. 42.
195. Ibid., pp 387—388, 396; v. XIII, pp. 313—319; v. XII, pp. 397—402.
196. Ibid., v. XII, pp. 421—424; v. XIII, pp. v. 432—441 308—311, 467—468.

197. FRA. DA., v. XII, pp. 548—551, 226, 570, 261—262; *ibid.*, v. XIV, pp. 282—286, 24—31, 1.3, 4i.
198. Venezia, 18.2.
199. Delibrazioni, *ed. cit.*, pp. 3 ss.
200. G. Giomo. Regesto dei Misti del Senato della repubblica Veneta. AV., NN. 17, 18, 19, 20, 24, 27, 29, 30, 31.
201. I libri commemoriali della repubblica di Venezia. Regesti. Venezia, 1876, v. I.
202. FRA. DA., v. XIII, pp. 216—220.
203. *Ibid.*, pp. 338—339.
204. Flaminius Cornelius. Creta sacra sive de episcopis utriusque cultus. Venetiis, 1755. E. Gerland. Das Archiv des Herzogs von Kandia. Strassb., 1893.
205. Benevenuto de Brixano notato in Candia 1301—1302. Venezia, 1950, à cura di Ratimondo Marozza della Rocca.
206. Regesta pontificum romanorum, v. VII, *ed.* P. Kehr Berlin, 1925.
207. MPL., vv. 214—217.
208. Codice diplomatico Padovano, vv. I—II, *ed.* Cloria. Venez, 1877.
209. An. Baracchi. Le carte del mille e millecento che si conservano nel Archivio notarile di Venezia. AV., NN. 6—10, 21—22.
210. DCV., *ed.* R. Marozza della Rocca, A. Lombardo. Torino, vv. I—II, sec. XI—XIII.
211. Op. nom., № 17.
212. *Ibid.*, № 219.
213. *Ibid.*, № 348.
214. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin de reizième siècle (1281—1290), *ed.* Bratianou Buch., 1927.

Глава вторая

1. Маркс и Энгельс. Избранные произведения в двух томах, 1935, т. I, стр. 152.
2. P. Daru. Histoire de la république de Venise Paris, 1811' v. I, pp. 398, 399.
3. Fra Paolo, Fra Fulgentio, Ventura Vincentinus et cet. Mencke. Catalogue de Principaux historiens. Lips., 1714, p. 354.
4. M. A. Sabellico. Rerum venetarum ab urbe condita. Venetiis, 1457.
5. Petri Bembi cardinalis historiae venetae libri XII. Venetiis, 1551.
6. Paolo Paruta. Historia Venetiana, libri XII. Venetiis, 1635.
7. Andrea Mauroceni senatoris historia veneta. Venetiis, 1623.
8. Battista Nani. Historia della repubblica Veneta. Venetiis 1662.
9. Michiele Foscarini. Historia della repubblica Veneta. Venet., 1696.
10. Pietro Garzoni. Istoria della repubblica di Venezia., Ven., 1705.
11. Sabellico, op. nom., *ed.* 1668 p. 44.
12. *Ibid.*, p. 48.
13. *Ibid.*, p. 78.
14. V. Formaleoni, Saggio critico della storia Veneta. Venezia, 1786.
- G. Galliccioli. Delle memorie Venete. Venez., 1775.

15. G. Cappelletti. Storia della repubblica di Venezia. Venezia, vv. I—II, 1818, v. I, p. 6.
16. S. Cerva. Prolegomena in sacram Metropolim Ragusinam. A. Vargas. Dissertatio critico—chronologico—historica. 1771. Изд. В. Макушев. Исследования об исторических памятниках изд. цит.
17. Joh. Fr. Le Bret. Staatsgeschichte der Republik Venedig. vv. I—II. Riga, 1769—1775.
18. Op. nom., v. I, p. 1.
19. Ibid., pp. 472, 474.
20. In Venedig ist der Pöbel ... allen Lastern unterworfen ... Der Geist der Unruhe, der Rache, der Ausgelassenheit hat ihn ganz besessen ... Der Adel hat meistens mehr Sitten, mehr Einsicht, mehr Anständigkeit ... Ibid., pp. V—IX, XII.
21. Alle Punkte desselben (Vertrags) verraten den Kaufman, der alle Vorteile allein haben will, und seine Schulden mit äusserster Schärfe eintribt, sollten auch Reiche und Städte zu Grunde gehen. Ibid., pp. 302, 390, 437.
22. Ibid., v. I, p. 501.
23. C. A. Marin. Storia civile e politica del commercio de' veneziani. Venezia, v. I, 1798, v. II, 1799.
24. Op. nom., v. I, pp. IV, V.
25. Ibid., v. II, pp. 254 ss.
26. Ibid., v. I, p. VII.
27. J. B. Fanucci. Storia dei tre celebri popoli marittimi dell'Italia Veneziani, Pisani e Genovesi e delle, loro navigazioni e commerci nei bassi secoli. Pisa, vv. I—IV, 1817—1822.
28. G. Canale. Nuova istoria della repubblica di Genova, vv. I—IV, Firenze, 1859 ss. „I popoli corrotti sino bugiardi, loquaci, arroganti; i forti, prudenti, gravi e accorti—i primi erano greci, i secondi i Veneziani, i Pisani, e gl'Italiani tutti d'allora“ ... Op. nom., v. II, p. 471.
29. G. Fillasi. Memorie storiche de' veneti primi e secondi. Padova, 1812, v. VI, pp. 233, 242, 252.
30. L. Curti. Mémoires historiques, vv. I—II. Paris, 1802.
31. Fanucci, op. cit., v. II. p. 107; v. I, pp. 193, 194.
32. Ibid., v. I, p. 120.
33. Daru, op. nom., v. I, pp. 109, 112, 116, 119, 127, 131.
34. Ibid., p. 128.
35. Ibid. pp. 307 ss.
36. Ibid., p. 113.
37. L. Galibert. Histoire de la république de Venise.. Paris. 1847.
38. Op. nom., p. 41.
39. Ibid., p. 61.
40. Ibid., p. 62.
41. F. Filippi. Geschichte von Venedig, vv. I—V. Dresden, 1828.
42. Op. nom., v. I, p. 66.
43. Cappelletti op. cit, v. I, p. I.
44. Ibid., p. 19.
45. Ibid., p. 337.
46. Ibid., p. 336.
47. Ibid., p. 13.
48. Ibid., p. 14.
49. Ibid., p. 19.

50. Ibid., pp. 229, 309.
51. Ibid., p. 400.
52. Ibid., v. II, p. 95.
53. Ibid., v. I, p. 381.
54. Ibid., v. II, p. 146.
55. Ibid., v. I, p. 410, v. II, p. 140.
56. Ibid., v. I, pp. 357, 445.
57. Ibid., v. II, p. 207.
58. Ibid., v. II, p. 48,
59. Ibid., pp. 40—62.
60. Ibid., v. II, pp. 230—356.
61. S. Romanin. Storia documentata di Venezia, vv. I—10. Ven. 1853—1861.
62. S. Romanin. Lezioni di storia Veneta, vv. I—II. Firenze, 1876.
63. Storia doc., v. I, p. VI.
64. Th. Okey. The story of Venice. London, 1910.
65. Storia, v. I, p. VI.
66. Lezioni, v. I, pp. 106, 107.
67. Ibid., p. 109.
68. Storia, v. II, pp. 14 ss., 95 ss.
69. Ibid. p. 118.
70. Lezioni, v. I, 204.
71. Storia v. II, p. 182.
72. Lezioni, v. I, p. 209.
73. G. J. Fontana. Storia popolare di Venezia dall'sue origini sino ai tempi nostri. Venezia, 1870 (AV. № 8, 1874, pp. 382 ss).
74. Fr. Zanotto. Tavola cronologica della storia Veneta Venezia, 1859. Например, венецианский поход к берегам Сирии, состоявшийся только в 1099 г., Дзанотто относит к 1089 г. (стр. 13), под 1205 г. выдумывается в действительности никогда не имевшее места предложение Энрико Дандоло о перенесении столицы Венецианской империи с лагун на Босфор и в то же время нет ни слова о важных договорах республики с Михаилом Палеологом (стр. 21) и т. д.
75. J. B. Cecchetti La repubblica di Venezia e la corte di Roma.
76. P. G. Molmenti. La vie privée à Venise. 1882.
77. Op. пом., p. 29.
77. Мольменти. Зарождение Венеции. Вестник Всемирной Истории, 1902, III, стр. 95.
78. Le industrie in Venezia nel secolo XIII. (AV. N 4).
79. La vita dei Veneziani al 1300 (AV, N 2) La vita dei Veneziani fino al 1200. Venezia, 1870.
80. Главный труд Чекетти, его двухтомная история взаимоотношений Венеции с папской курией, касается, возможно, некоторых вопросов, имеющих прямое отношение к проблемам образования и организации управления колониальной империи Венеции, но это сочинение нам не было доступно, ввиду отсутствия его в книгохранилищах нашей страны.
81. B. Croce. Storia della storiografia italiana nel secolo decimo nono, vv. I—II, Bonon., 1921, v. II, pp. 167 ss.
82. Eug. Mussatti. Venezia e le sue conquisti nel medio evo. Ver—Padova, 1881.
83. Op. пом., pp. 94, 95.

84. Ibid., p. 97.
85. Ibid., pp. III, 132, 180.
86. Ibid., p. 186.
87. Ibid., p. 132.
88. A. Battistelli. *La repubblica di Venezia*. Venezia — Bologna, 1897.
89. Op. nom., p. 61.
90. J. Armingaud. *Venise et le Bas—Empire*. Paris. 1868.
- Ch. Yriarte. *Venise. Histoire. Art. Industrie La vie*. Paris, 1878.
- F. Valințin. *Histoire abrégée de Venise*. Tours, 1884. E. Sergent.
- Histoire de Venise depuis son origine ... Venise, 1889.*
91. Armingaud, op. nom., pp. 85 ss.
92. Ibid., pp. 66.
93. Ibid., p. 76.
94. Ibid., p. 76.
95. Ibid., p. 48.
96. Ibid., pp. 48, 53.
97. Ibid., pp. 107, 108.
98. V. Steen. *Un abrégé de l'histoire de Venise*. Ven., 1875.
99. Op. nom., p. V.
100. Ibid., pp. 32, 33.
101. Fr. Crawford. *Gleanings from the Venetian history*, vv. I—II. London, 1905.
102. G. Bilitzer. *Geschichte. Venedigs von seiner Gründung bis di neuste Zeit*. Leipzig. 1871.
103. Otto Kohlschütter. *Venedig unter dem Gerzoge Peter II Orseolo*. Cöttingen, 1868.
104. Op. nom., p. 44.
105. Aug. Gfrörer. *Geschichte Venedigs von seiner Gründung bis zum Jahre 1084*. Graz, 1872.
106. Op. nom., p. 566.
107. Ibid., p. 45.
108. Ibid., pp. 81—88.
109. Ibid., pp. 508 ss.
110. Ibid., p. 539.
111. Ibid., pp. 560 ss.
112. Ibid., p. 392.
113. Ibid., pp. 137, 138.
114. P. Pinton. „E questo è per me uno gravissimo difetto dell'opera gfroriana, il lato più debole e vulnerabilissimo del suo concetto fondamentale“ ... (AV. v. 29, pp. 310 ss.)
115. H. Zwiedenek — Sudenhorst. *Venedig als Weltmacht und Weltstadt*. Bielefeld und Leipzig, 1899.
116. Op. nom., pp. 25, 28, 30.
117. Ibid., p. 32.
118. Ibid. p. 32.
119. J. Schor. *History of Venice from the beginning down to the present time*. Colombo. 1871. M. Oliplant. *The makers of Venice doges, conquerors, printers*. London, 1893.
120. W. C. Hazlitt. *The Venetian republic, its rise, its growth and its fall*, vv. I—II. London, 1900—1902.
121. Op. nom., p. 234, v. I.

122. Ibid., pp. 284, 285, 286, 288, 293.
123. With the Kahn of Crimea . . Ibid., p. 105.
124. Ibid., p. 257.
125. Ibid., p. 254.
126. Ibid., p. 256.
127. Ibid., p. 247.
128. Ibid., p. 294.
129. Ibid., pp. 301, 308.
130. H. Brawn. Venice an historical sketch of the Republic. London, 1895.
131. Op. nom.; pp. 131 ss.
132. The venetians bought Bonifacè s rights over Crete and Salonica . . Ibid., p. 130.
133. Ibid., p. 119.
134. CMH., v. IV, 1936. Venice, pp. 385 ss.
135. Eug. Musatti. Storia di Venezia. Milano, vv. I—II, 1936.
136. Op. nom., v. I, p. 92.
137. Ibid., p. 98.
138. Ibid., p. 109
139. Ibid., v. II, pp. I ss.
140. R. Cessi. Storia della repubblica di Venezia, vv. I—II. Milano. Messina, 1944—1946.
141. Op. nom., v. I, pp. 18, 27, 100, 144; v. II, pp. 24, 320.
142. Ibid., v I, pp. 84, 89.
143. Ibid., p. 90.
144. Ibid., p. 318.
145. Ibid. pp. 255, 320.
146. Ibid., pp. 134, 142.
147. Ibid., pp. 270 ss.
148. Ch. Diehl. Une republique patricienne. Ven., 1916. Aug. Bailly. La republique de Venise. Paris, 1946.
149. Op. nom., pp. 57, 60.
150. Ibid., p. 114.
151. Bailly, op. nom., p. 78.
152. Ibid., p. 85.
153. Ibid., p. 106.
154. M. A. Hodgson. The early history of Venice. London, 1901. Venice in the thirteenth and fourteenth centuries. Lond., 1910.
155. The early hist., p. 57
156. Ibid., p. 119.
157. Venice, pp. VIII, IX.
158. The early h., p. 183.
159. Ibid., pp. 423. ss.
160. Venice, pp. 121 ss.
161. Капитал, т. III, изд. 1950 г., стр. 339.
162. Kretschmayr, op. cit., v. I, p. 323 „Das XII Jahrhundert ist die Zeib eines bereites durchgebildeten Kapitalismus“ ...
163. Ibid., v. I, p. 187; v. II, p. 136
164. Ibid., p. 135.
165. Promissio maleficorum, op. cit., v. I, pp. 494—497.
166. Ibid., pp. 344, 345.
167. Ibid., p. 592.

168. „Etwa ... Ende des XII Jahrhunderts ... Venezianer sich in Tana .. festsetzen“ ... Ibid., p. 366.
169. Ibid., p. 368.
170. Ibid., pp. 318, 363.
- 170a. Storia di Venezia. ed. R. Cessi. v. II, Venez. 1958.
171. V. A. Formaleoni. Storia filosofica e politica della navigazione, del commercio e delle colonie nel mar Nero. Venezia, 1758.
172. Op. nom., v. II, pp. 9 ss.
173. Ibid., p. 21.
174. Ibid. pp. 28, 29.
175. Ibid., pp. 30, 31.
176. Ibid. p. 37.
177. F. Mutinelli. Del commercio dei Veneziani. Venezia, 1835.
178. Yriarte, op. cit., pp. 36, 37.
179. Mutinelli, op. cit., p. 23.
180. Ibid., p. 35.
181. El. de La Primaudaie Étude sur le commerce au moyen-âge. Histoire de la commerce de la mer Noire et des colonies génoises de la Crimée. Paris, 1848.
182. W. Heyd. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter v. v. I—II. Stuttg., 1879.
183. Op. nom., v. I, p. 128.
184. Ibid., p. 34¹.
185. Ibid., pp. 298, 303, 305.
185. Ibid., p. 342.
187. A. Schaub. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelalters bis zum Ende der Kreuzzüge. Berl., 1909.
188. Op. nom., p. 264.
189. W. Sombart. Der moderne Kapitalismus. München und Leipzig, 1924, v. I, p. 175.
190. Ibid., pp. 172—174, 309—315.
191. К. Маркс. Сочинения, т. XVII, стр. 257, 258.
192. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 3-е, т. IX, стр. 130.
193. Sombart, op. cit., pp. 291, 282.
194. Ibid., p. 433.
195. Ф. Энгельс. Антидюринг, изд. 1938 г., стр. 26, 35, 96.
196. Sombart, op. cit., p. 435.
197. Ibid., p. 434.
198. Ibid., p. 441.
199. Ibid., p. 445.
200. Ibid., pp. 443, 690—692.
201. L. Brentano. Die Anfänge des modernen Kapitalismus. München, 1916.
202. Op. nom., pp. 16 ss, 33, 34, 35.
203. Ibid., pp. 65—77.
204. Ibid., pp. 96 ss.
205. Ibid., p. 106.
206. Ibid., p. 35.
207. Ibid., p. 13.
208. Ibid., p. 36.
209. Ibid., p. 42.

210. Ibid., pp. 76. 77.
211. Ibid., p. 40.
212. Ibid., p. 37.
213. Ibid., p. 112.
214. В. И. Ленин *Аграрный вопрос и критики Маркса*. Соч., изд. 3-е, т. IV, стр. 216, 217.
215. Brentano, op. cit., p. 94.
216. Ibid., p. 63.
217. Ibid., pp. 74, 75.
218. Ibid., p. 75.
219. Ibid., p. 96.
220. Ibid., pp. 96, 97.
221. R. Heinen. *Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig*. Stuttg., 1905, p. 121.
222. Ibid., p. 124.
223. Ibid., p. 121.
- Ibid., pp. 121—125.
- Ibid., p. 124.
- Ibid., pp. 86—120.
- Ibid., p. 40.
228. F. Carli. *Storia del commercio italiano*, vv. I—II. Padova 1934—1935,
229. Op. nom., v. II, pp. 65 ss.
230. Ibid., p. 237.
231. Ibid., p. 219.
232. A. Doren, *Italienische Wirtschaftsgeschichte*. B. I. Jena, 1934.
233. Op. nom., p. 318.
234. G. Luzzato. *Studi di storia economica veneziana*. Padova 1954,
235. *Издательство иностранной литературы*. М., 1954.
236. G. Luzzato. *Les activités économiques du patriciat vénicien* (X—XIV ss.). *Annales de l'histoire économique et sociale*, v. I, 1937, N 43, p. 25.
237. G. Luzzato. *Sindacati e cartelli nel commercio veneziano nei secoli XIII, XIV*. (*Rivista di storia economica*, v. I, 1936, p. 52).
238. *Экономическая история Италии*, стр. 315.
239. E. Rey. *Les colonies de Syrie aux XII et XIII —me siècles*. Paris, 1883.
240. Op. nom., pp. 69—79, 448 ss.
241. Ibid., pp. 448—503.
242. H. Morris. *The history of colonisation*, v. I. New—York, 1900.
243. Op. nom. pp. 170, 171.
244. Ibid., p. 171.
245. Ibid., p. 176.
246. Ibid., p. 177.
247. C. Manfroni. *Storia della marina italiana delle invasioni barbariche al trattato di Ninfio (400—1261)*. Livorno, 1899, p. 26.
248. Ibid., pp. 310 ss.
249. Ibid., p. 337.
250. Ibid., p. 274.
251. W. Miller. *The latins in the Levant. A history of frankish Greece (1204—1566)*. London, 1907.
252. Op. nom., p. IX.
253. Ibid., p. VIII.
254. *The dux of Naxos* (EHR, v. 21); *Ithake under the franks* (ibid., pp. 513—517); *The last venetian islands* (EHR, v. 22).
255. CMH., v. IV.
256. Op. cit., pp. 57, 62, 63—76, ss.
257. Op. cit., p. 9.
258. Ibid., p. 30.
259. B. Dudan. *Il dominio veneziano di Levante*. Bologna, 1938.

260. La Dalmazia, sua italianità, suo valore per libertà d' Italia nell' Adriatico. Genova, 1915.
261. „Italiani, bisogna difendere l'italianità della Dalmazia! Oggi o non più"... Op. nom., p. VIII.
262. Dudan, op. nom., p. 8.
263. Ibid., pp. 11, 13.
264. Ibid., p. 39.
265. Ibid., p. 195.
266. Ibid., pp. 240, 241, 248, 264, 265.
267. Ibid., p. 258.
268. Ibid., p. 267.
269. Ibid., p. 274.
270. Ibid., p. 34.
271. Ibid., p. 27.
272. Ibid., p. 8.
273. Guntheri Parisiensis Historia, ed. Riant, Exuviae, p. II.
274. Dudan, op. cit. p. 299.
275. Ibid., p. 130.
276. Ibid., p. 10.
277. Ibid., p. 15.
278. Ibid., pp. 20, 26.
279. Ibid., pp. 133, 134.
280. Ibid., p. 113.
281. R. Grousset. L'empire de Levant (Histoire de la question d'Orient) Paris, 1946.
282. Op. cit., pp. 566—563, 555—560.
283. Ibid., p. p. 10, 9.
284. Ibid., p. 550.
285. Fr. Thiriet. La Romanie Vénitienne. Paris, 195.
286. Op. cit., p. 121.
287. Ibid., pp. 36, 38, 93, 98.
288. Ibid., p. 443.
289. Ibid., p. 202.
290. Автор сделал эту работу в рецензии на рассматриваемую здесь книгу Тирие, в XIX томе Виз. Врем.

Глава третья.

1. Н. Лятошинский. К столетию падения Венецианской республики, Киев, 1897. П. Перцов, Венеция, СПб., 1905.
2. Вестник Всеобщей Истории, 1902, 111.
3. Назв. соч., стр. 106.
4. П. Медовиков. Латинские императоры в Константинополе. М., 1849.
5. Т. Н. Грановский. Соч., т. II, М., 1856, стр. 136.
6. Назв. соч., стр. 29, 30.
7. Там же, стр. 62.
8. Грановский. Соч., т. II, стр. 149, 150.
9. М. М. Стасюлевич. Общий курс истории средних веков. СПб., 1856, стр. 208—211.
10. Назв. соч., стр. 210.
11. Там же, стр. 270.
12. Там же, стр. 211.
13. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1865.
14. Назв. соч., стр. 2.
15. Ф. К. Брун. О поселениях итальянских в Газарии. М., 1872.
16. Назв. соч., стр. 3.
17. Там же, стр. 10, 11.
18. Там же, стр. 4.
19. Н. Мазуркевич. История генуэзских поселений на Черном море. Одесса, 1837; Генуэзские консулы города Кафы. ЗООИД, т. III.
20. В. Юргевич. Генуэзские надписи в Крыму. ЗООИД, т. V, стр. 157—177, 629 и след.

21. М. Волков. Соперничество Венеции и Генуи. ЗООИД, т. IV, стр. 153 и след.
22. Н. А. Осокин. История средних веков. Казань, 1889.
23. ЖМНП, 1889, V—VI.
24. Осокин, назв. соч., стр. 71.
25. Казань, 1864.
26. В. В., т. IV, вып. 3—4, стр. 461—523.
27. АМЭ., т. V, стр. 194. «Дандоло решил сделать из крестоносной глупости торговую операцию»...
28. П. Митрофанов, назв. соч., стр. 520.
29. E. Gerland. Der vierte Kreuzzug und seine Probleme. NJKA, XIII. Leipz., 1904.
30. Экономический рост Зап. Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898—1903, тт. I—III.
31. Назв. соч., т. II, стр. 268 и след.; там же, т. III, стр. 56 и след., 87.
32. К ранней истории Азова. Труды XII археологического съезда, т. II, М., 1905.
33. Назв. соч., стр. 115.
34. Там же, стр. 116.
35. Там же, стр. 118.
36. Происхождение современной демократии, тт. I—IV, М., 1895—1899.
37. Конец аристократических республик. М., 1897.
38. Торговля на Западе в средние века. М., 1904. Словарь Граната, т. IX, изд. 7-е, стр. 474.
39. Торговля на Западе, стр. 62.
40. Там же, стр. 148.
41. Там же, стр. 79, 149.
42. М. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы. М., 1909.
43. Назв. соч., изд. 7-е, 1926 г., стр. 222.
44. Там же, стр. 80.
45. Хлебная торговля в средние века. Народное хозяйство, 1901, № 3—4, стр. 6, 9, 12.
46. История эконом. быта, стр. 173.
47. Очерки по истории всемирной торговли. СПб., 1906.
48. История Италии в средние века. СПб., 1906.
49. Назв. соч., стр. 150.
50. Там же, стр. 150.
51. Там же, стр. 155.
52. Там же, стр. 154.
53. Д. Н. Егоров. Крестовые походы, чч. I—II, 1914—1915, изд. лит.
54. Названное соч., ч. I, стр. 97.
55. Там же, ч. II, стр. 43, 64.
56. Там же, ч. II, стр. 130.
57. Н. Рожков, Русская история, тт. II—III. Петроград, 1922.
58. Названное соч., т. III, стр. 344.
59. Назв. соч., т. II, стр. 364, 365, 367.
60. Там же, стр. 364.
61. Там же, т. III, стр. 168.
62. Там же, т. II, стр. 367.
63. Там же, стр. 365.
64. В. Н. Щепкин. История южных славян. М., 1913, лит. изд. стр. 6.
65. П. А. Лавров. История южных славян. М., 1896, лит. изд.
67. М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. ЧОИД, т. III, 1875, стр. 134.
68. И. Н. Смирнов. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне. Казань, 1880.

69. Назв. соч., ст. 25, 29, 56, 57, 62, 97.
70. Там же, стр. 59.
71. Отношение Венеции к городским общинам Далмации, Казань, 1880.
72. Далматинские общины в X и XI вв., ЖМНП, 1881, IV.
73. Назв. соч., стр. 302.
74. А. Л. Липовский, История хорватов. СПб., 1900.
75. Н. Ястребов. Рецензия на книгу Липовского. ЖМПН, 1901, III.
76. В. М. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. (Прилож. к XI т. ЗАН., № 5, 1865).
77. Назв. соч., стр. 167, 285.
78. Назв. соч., стр. 286.
79. Д. Войнович. История сербского народа. Одесса, 1903, стр. 6, 20, 21.
80. Там же, стр. 28.
81. А. Л. Погодин. История Сербии. СПб., 1909, стр. 15.
82. ВУИ., 1872, № 2.
83. Образование второго Болгарского царства. Одесса, 1879 VII, VIII.
84. Советы и рассказы византийского боярина XI в. ЖМНП, 1881 VII, стр. 160.
85. Союз двух империй. Труды, т. IV, стр. 26.
86. Там же, стр. 112.
87. Там же, стр. 50, 113, 136, 137.
88. Образование второго Болгарского царства ЖМНП, 1879, VII, стр. 94 и след.
89. Назв. соч., стр. 96.
90. Стр. 25, а также приложение к настоящей работе № 11.
91. Исторические сведения о Суроже. Труды, т. III, стр. 156 и след.
92. ЖМНП, 1879, X.
93. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 217—219.
94. Цари Алексей II и Андроник Комнины, ЖМНП, 1880, IX.
95. История крестовых походов. СПб., 1900, стр. 125.
96. Назв. соч., стр. 112.
97. Там же, стр. 117, 118.
98. Там же, стр. 122.
99. Там же, стр. 122.
100. Там же, стр. 123.
101. Там же, стр. 121.
102. Там же, стр. 121.
103. Там же, стр. 125.
104. Там же, стр. 130.
105. Там же, стр. 126.
106. Там же, стр. 131.
107. Там же, стр. 135.
108. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 498.
109. Там же, стр. 500.
110. Там же, стр. 502.
111. Там же, стр. 627.
112. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. СПб., 1882, стр. 30, 31.
113. Византия и арабы, СПб., 1902, т. II, стр. 18.
114. Византия и крестоносцы, Петроград, 1921, стр. 50.
115. Там же, стр. 62.
116. Там же, стр. 56.
117. Там же, стр. 72.
118. Там же, стр. 73.
119. Там же, стр. 73.
120. Латинское владычество на Востоке. Петроград, 1923, стр. 33.
121. Там же, стр. 9.
122. История средних веков. М., 1949, стр. 208.
123. История средних веков, т. I, 1952, стр. 466.

124. Петрарка о тенуэзцах на Леванте. ВВ., т. II.
125. Там же, стр. 221.
126. Там же, стр. 221.
127. Там же, стр. 222.
128. Там же, стр. 224.
129. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 224 и след.
130. Назв. соч., стр. 216.
131. Там же, стр. 231.
132. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы в XIII—XV вв., М., 1952, Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма, М., 1954.
133. Экономическая история, стр. 351.
134. Там же, стр. 316.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава четвертая

1. С. Manfroni. Op. пом., p. 26. Наиболее подробное описание лагун с интересующей нас точки зрения дано Цилле в упоминавшейся уже коллективной „Истории Венеции“ под редакцией Р. Чесси (том I, стр. 1—76).
2. Kretschmayr, op. cit. v. I, pp. 68, 61.
3. Joh. Diaconi Chr., ed. cit. pp. 5, 6.
4. Cassiodorus. Varia, I, XII, cap. 24.
5. H. Kretschmayr. Die Besiedelung der venezianischen Insel. BZ., XIII, 1904, p. 485.
6. Ibid., p. 488.
7. Romanin. Storia doc., v. I, pp. 32, 45.
8. Documenti per la storia delle augusta ducale basilica di S. Marco in Venezia, ed. F. Ongania. Venez., 1886, doc. NN 1, 2.
9. Ibid., doc. N 19.
10. Ibid., doc NN 23, 24.
11. Ibid., doc. NN 27, 28, 32, 34, 36.
12. Regesta pontificum Romanorum, ed. cit. pp. 174, 184, 143, 144, 155, 161, 163, 164.
13. Kohlschütter. op. cit., p. 10.
14. Romanin, Storia doc., v. I, documenti, p. 319. „Fundus Bur-sinus... cum casis, hortis, terris, silvis et pascuis“.
15. Ibid., p. 363.
16. Ibid., p. 367.
17. Codex dipl. Padov., ed. cit., v. II, p. 42.
18. Romanin, op. cit., v. I, documenti, pp. 389, 390.
19. Gfrörer, op. cit., pp. 494, 495. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 154.
20. Romanin. Storia doc. v. I, docum., pp. 351 ss., 362 ss.
21. Ibid., p. 347.
22. FRA. DA. v XII, p. 12.
23. MGH. L. Const., v. I, pp. 40, 41.
24. Ibid., pp. 45, 46.
25. Codex dipl. Pad., v. II, pp. 45, 46.
26. Ibid., pp. 54, 55.
27. Ibid., pp. 106, 107.
28. Ibid., p. 193.
29. Ibid., pp. 201, 346, 353.
30. Ibid., pp. 218, 219.
31. Ibid., p. 57.
32. Laur. de Monacis, op. cit., pp. 29, 33.
33. FRA. DA., v. XIII, p. 235.
34. Kohlschütter, op. cit., p. 2. Heynen, op. cit., p. 19.
35. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 185.
36. R. Broglio d'Ajano. Die venezianische Seidenindustrie. Stuttg., 1893, p. 10.
37. Kretschmayer, op. cit., B. I, p. 189.

38. А. Н. Кубе. Венецианское стекло. Петроград, 1923.
39. Nicetas, ed. cit. Munuel, l. VII, cap. 7.
40. Kretschmayr, op. cit., B. I. pp. 86, 87, 205—207.
41. Romanin, Storia doc., v. I, pp. 31, 32. Kretschmayer, op. cit., p. 181 ss.
42. Deliberazioni, ed. cit., v. I, pp. 106, 206 FRA. DA., v. XIII, p. 235.
43. Joh. Diaconi Chr., p. 21.
44. Kretschmayr, op. cit. B. I, p. 78.
45. Ibid., p. 186.
46. FRA. DA., v. XII, p. 27.
47. MSHSM, v. I, pp. 1, 2.
48. Kretschmayr, op. cit. B. I, p. 186.
49. Heyd, op. cit. B. I, p. 123.
50. Cassiodorus. Varia, l. XII, cap. 24.
51. Procopius. De bello gothico, v. III, c. 26.
52. Una grossa nave veneta a Ragusa con molti signori pelegriani delle parti di Tramontana e di Ponente. Макушев, цит. соч., стр. 318.
53. Heynen, op. cit., p. 23.
54. Romanin, Storia, v. I, p. 372.
55. BECh., 1857, p. 21.
56. Еропов, цит. соч., стр. 118, 119.
57. L. Bréhier. Les colonies d'orientaux en Occident au commencement du moyen âge. (BZ., 1903. B. XII, pp. 20—37).
58. FRA. DA., v. XII, pp. 3, 38.
59. Heyd, op. cit. B. I, pp. 110—113. Schaube, op. cit. p. 3.
60. Joh. Diaconi Chr., ed. cit., p. 29.
61. Kohlschütter, cit. p. 12. Heynen, op. cit., p. 42.
62. MGH. L. Cap., v. II, pp. 130 ss.
63. MGH. L. Const., v. I. pp. 45 ss.
64. MGH. L. Cap., v. II, pp. 120 ss.
65. Ibid., pp. 141 ss.
66. Ibid., pp. 143 ss.
67. Ibid., pp. 35, 36.
68. MGH. L. Constit., v. I, pp. 152 ss.
69. Gfrörer, op. cit. pp. 81—83.
70. FRA. DA., v. XII, p. 20.
71. Ibid., pp. 27, 28.
72. Capitulare della dogana, ed. Макушев, цит. соч.
73. FRA. DA., v. XIII, p. 393.
74. Codex dipl. ed. Kukuljev. Sakc., p. 8.
75. Gfrörer, op. cit., p. 81.
76. Joh. Diaconi Chr., ed. cit., p. 29.
77. Ibid., pp. 29, 30.
78. Kretschmayr, op. cit. B. I. 188.
79. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 607, изд. 1950 г.
80. Cod. diplom. Pad. v. II, p. 171.
81. Chron. Altin. ed. cit. pp. 28 ss.
82. Familiares, libertini, servi, ministeria retinendos... (Ibid., p. 43).
83. Satis erunt habentes.. (Ibid., p. 36).
84. De personis parvis.. (Ibid., p. 33).
85. Edificantes castra manserunt.. (Ibid., p. 33).
86. P. G. Molmenti. La vie, ed. cit., p. 2.
87. H. Brown. Venice, ed. cit., p. 21.
88. R. Cessi, op. cit., v. I, p. 100.
89. Ibid., p. 144.
90. Caloprini de Cremona venerunt, tribuni ante fuerunt, magnifici et potientes... artificiosi sed mendaces.. benivoli sed rixosi... molesti et negligentiosi de omne opere... (Arch. St. It. v. VIII, p. 86).
91. Происхождение современной демокр., т. IV, стр. 9.

92. B. Cecchetti. I. nobili e il popolo (AV., v. III, pp. 430 ss).
93. Chron. Alt. ed. ASI, v. VIII, pp. 41—45.
94. Ibid., pp. 46, 47.
95. Joh. Diac. Chr., ed. cit., p. 28.
96. Magna parte populi, majores mediocres et minores... (Romanin, Storia, v. I. 374).
97. Chron. Altin. MGH. v. XIV, p. 35.
98. Ibid., p. 9.
99. Ibid., pp. 41 ss.
100. М. М. Ковалевский. Эконом. рост Зап. Европы, т. II, стр. 268.
101. Nullus enim remansit... nisi tantum modo libertini, et servi ac cultores vinearum.. Chr. Alt. MGH. v. XIV, p. 34.
102. A. Doren, op. cit. p. 50.
103. Cod. dipl. Pad. v. II, N 7.
104. MGH. L. Const., v. I, p. 33.
105. Cum plenissima virtute et potestate ipsam habendi, tenendi, dandi, donandi, alienandi, barrattandi, obligandi, francandi, pig-nandi, affittandi, disfittandi, de eo vel ea testandi, et pro anima et corpore iudicandi et quidquid emptori... placuerit faciendi.. A. Valsecchi. Bibliografia analitica della legislazione della re-pubblica di Venezia. (AV, v. XIII, 1877, pp. 114 ss).
106. Chr. Alt. ed. cit., p. II.
107. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 199.
108. Киев, 1886, стр. 48.
109. Gli statuti ven. ed. Cessi, Vene-zia, 1938, p. 213.
110. RPR, v. VII, p. 18.
111. В. И. Ленин. Великий почин. Соч., изд. 3-е, т. 24, стр. 337. О государстве. Соч., т. 24, стр. 366 и след.
112. E. Musatti. Storia di Ven., ed. 1936, v. I, p. 13.
- Учетная контроверза о времени появления первых дождей подробно изложена в названной уже не раз новейшей коллективной «Истории Венеции», выходящей под редакцией Р. Чесси (т. II, стр. 76 и след.).
113. L. Hartman. Die wirtschaftliche Anfänge Venedigs. (Viert. f. S.—Wiss., B. II, 3, p. 436).
114. Gfrörer, op. cit. mm p. 37.
115. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 43.
116. Romanin, Lezioni, p. 36.
117. R. Cessi, op. cit. p. 18.
118. Ibid, p. 27.
119. Chr. Alt. ed. cit., p. 46.
120. Возрождение Венеции. (Вестн. Вс. Истоп., 1912, III, стр. 95).
121. Hodgson, The early history, pp. 119, 120.
122. Omnes veneti cum patriarcha et episcopis convenientes (Joh. Diac. Chr., p. II). Tribuni et omnes proceres et plebei cum patri-archa et episcopis et cuncto clero.. (Danduli Chr. ed. cit., col. 127).
123. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 195.
124. Romanin, Storia, v. I, p. 374.
125. Dominus Petrus dux Urseolus cum cunctis suis primatbus et procerbus... cum comune consilio... Cum cunctis suis primatibus cum comuni consilio... (Cit. a. Romanin, Storia, p. 378).
126. Heinen, op. cit., p. II.
127. Romanin, Storia, v. I, pp. 41, 42, 43. Kholschütter, op. cit., p. 35.
128. B. Schmeidler. Der Dux und das Comune Venetiarum von 1141—1229. Berl. 1922, pp. II, 22. Kretschmayr, op. cit., p. 17.
129. G. Cappelletti, op. cit., v. I, p. 19.
130. Gfrörer, op. cit., p. 17.
131. Joh. Diac. Chr. ed. cit., p. 35.

132. Ed. Lenz. Der allmähliche Übergang von factischer zu nomineller Abhängigkeit von Byzanz. (BZ., B. III, pp. 64 ss).
K. Neumann. Zur Geschichte der byz.-venez. Beziehungen (BZ., B. I, pp. 366 ss). Очень подробно эти отношения рассматриваются также и в коллективной „Истории Венеции“ под ред. Р. Чесси (т. II, стр. 76 и сл.).

133. Schmeidler, op. cit., p. 9. 134. Romanin, Lezioni, p. 26.
135. Ibid., p. 24. 135. Gfrörer, op. cit., p. 48.
137. Schmeidler, op. cit., p. 9. 138. Kretschm. op. cit., B. I, p. I.
139. Gfrörer, op. cit., pp. 62, 63. 140. Romanin, Lezioni, p. 42.
141. Joh. Diac. Chr. ed. cit. p. 77. Danduli Chr. ed. cit. col. 201.
142. FRA. DA., v. XII, pp. 2, 3. 143. FRA. DA., v. XII, 16, 17.
144. Kretschmayr, op. cit., B. I, pp. 181—185, 203, 205.
145. Nicetas. Mauuel, l. VII, cap. 1.
146. MGH. Dipl., v. I, pp. 478. Const., v. I, p. 33.
147. Joh. Diac. Chr. ed. cit., p. 27.
148. Romanin, Storia, v. pp. 379, 380.
149. Диак. Джiovанни и за ним Дандоло объясняют последовавшие события исключительно интригами Калюприни, тогда как истинной их причиной была позиция, занятая венецианцами в Вероне.
150. Joh. Diac. Chr., pp. 27, 28.
151. Schmeidler, Die Unterwerfung Venedigs durch Otto II. (HZ., B. 153, pp. 540, 513).
152. W. Lenel. Über die angebliche Unterwerfung Venedigs (H. Z. B. 153, p. 457 ss). 153. Kretschm., op. cit., B. I, p. 174.
154. Joh. Diac. Chr. ed. cit., p. 13.
155. Romanin, Storia, v. I, p. 271. 156. Ibid., v. II, p. 109.
157. H. Simonsfeld. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig. Stuttg., 1877, B. II, pp. 93, 94.
158. FRA. DA., v. XII, pp. 12, 13 ss.
159. Ibid., pp. 6, 1.
160. Romanin, Storia, v. I, p. 273.
161. Ibid., p. 273. 162. Gfrörer, op. cit., p. 337.
163. Kretschmayr, op. cit. B. I, p. 175.
164. Danduli Chr. ed. cit. l. IX, cap. I, 15.

Глава пятая

1. P. Z. Rambaldi. Nel nome di S. Marco. (Dalmazia. Genova, 1915, p. 33). 2. Rombaldi, op. nom. p. 46.
3. A. Müller. Der Islam im Morgen—und Abendlande. Berl., 1885, B. I, p. 83.
4. Mas—Latrie. Traité de paix et de commerce et documents divers. Paris, 1868, p. 6.
5. Müller, op. cit. B. I. 506.
6. Manfroni, op. cit., p. 46. 7. Müller, op. cit. B. I, pp. 554 ss.
8. Ibid., p. 556. 9. Joh. Diac. Chr., ed. cit., p. 16.
10. Manfroni, op. cit., pp. 42, 43.
11. Joh. Diac. Chr., ed. cit., p. 17. А. Васильев считает датой этого похода 838 г. (Виз. и арабы, стр. 141, 142).
12. Danduli Chr., ed. cit., col. 175.
13. Ibid., col. 177. Joh. Diac. Chr., ed. cit., p. 19.
14. Danduli Chr., col. 184. 15. Ibid., col. 184.

16. Joh. Diac. Chr., ed. cit., p. 20.
17. G. Herzberg. Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches. Berl., 1883, p. 153.
18. Joh. Diac. Chr., p. 16.
19. Muller, op cit., B. I, p. 598.
20. L. Halphen. L'essor de l'Europe, Paris, 1924, pp. 372 ss.
21. Danduli Chr., ed. cit., I. IX, cap. 1, 44. Muratori. Annali, v. IX, p. 122.
22. Н. Державин. История Болгарии. М.—Л., 1946, т. I, стр.
23. J. B. Bury. The treatise De administrando imperio (BZ., B. XV, p. 557. Особенно же Иречек в его обстоятельной и богато документированной работе под заглавием: Die Romanen in den Städten Dalmatiens. (DKAW, BB. XLVIII, XLIX). B. XLVIII, pp. 25, 28, 31, 33... Также В. Дитякин, Образование Хорватского государства. ИЖ., 1944, №№ 10—11.
24. De administrando imperio, cap. 29, 30.
25. Ibid., cap. 31.
26. Zbornik kralja Tomislava. Izd. Jug. Ak. Znatn. i Umentn. Zagreb, 1955, p. XII.
27. Державин, назв. соч., I, стр. 69 и след., 119.
28. De administr. imperio, cap. 36.
29. Ibid., cap. 29.
30. Ibid., cap. 30.
31. Ibid., cap. 33.
32. Ibid., cap. 33, 34.
33. Ibid., cap. 30, 35.
34. Скабаланович, цит., соч., стр. 219.
35. Гильфердинг, Соч., т. I, стр. 59.
36. De adminiistr. imperio, cap. 29.
37. Ibid., cap. 35.
38. Thomas Archid. Spalatensis, op. cit. cap. VII. M. Marulo, op. nom., p. 304.
39. K. Irecsk. Die Romanen... DKAW. B. XLVIII, pp. 93 ss.
40. И. Н. Смирнов. Далматинск., об. ЖМНП, 1881, IV, стр. 293, 294.
41. Это упускает из виду И. Н. Смирнов. (Цит. соч., стр. 293).
42. Гильфердинг, соч., т. I, стр. 60.
43. Le Bret, op cit. B. I, p. 238.
44. Thomas Archid. Spal. op. cit., ed. Jug. Ak. Zn., pp. 28, 29
- Hi terram incolunt, hi navibus negotiantes per mare discurrent.
45. De administr. imp., cap. 31.
46. Ibid., cap. 31. Гильфердинг, соч., т. I, стр. 43.
47. В. М. Макушев. Исследования, стр. 233.
48. Codex diplom., p. 55.
49. Promissio maleficorum, a. 1181. Kretschmayr, op. cit. B. I, p. 496.
50. Летопись по списку Стулича (Макушев, Исследования, стр. 316 и слез.). Здесь под 842 г. (стр. 318) мы читаем: „Venne a Ragusa una grossa uave con molti signori pelegrini della parte di Tramontana e da Ponente“.
51. Ibid., p. 339. I Veneziani tolsero ai Ragusei... mercanzie... valore di ip. 25000 e portarano a Venezia...
52. Romanin, Storia doc. v. I, pp. 90, 91.
53. Danduli Chr. Narentani.. continuo exercebant piraticam artem (ed cit., III. I. VIII) Joh. Diac. Chr., ed. cit., p. 16.
54. Joh. Diac. Chr., p. 17. Danduli Chr., I. VIII, cap. III, 13.
55. Cum Drosaico... foedus renovavit, licet modicum perduraret... (A. Danduli Chr., I. VIII, cap. IV, 3).
56. Макушев, Исследования, стр. 319.

57. Danduli Chr., 1. VIII, cap. IV, 3.

58. Ibid., cap. IV, 4. Non laetus ad propria remeavit...

59. Ibid., cap. IV, 17. Joh. Diac. Chr. p. 18.

60. Danduli Chr., 1. VIII cap. IV, 24. Qui venetos saepe laeserat...

61. Ibid., cap. IV, 24.

62. Дандоло не называет нападавших нарентянами, но это следует из общего хода его рассуждений, и в частности, из гл. 5-й цитированной VIII книги его Хроники. Диякон Джиованни перечисляет пострадавшие города Истрии—Умаго, Ровиньо, Эронию (стр. 20).

63. Danduli Chr., 1. VIII, cap. VII, 2. Joh. Diac. Chr., p. 22.

64. Danduli Chr., 1. VIII, cap. XIII, 6.

65. Ibid., 1. IX, cap. 1, 3. Joh. Diac. Chr., p. 30.

66. В хронике Дандоло он называется Исса. Издатель хроники Диякона Джиованни, Перц, поясняет, что речь идет об острове и городе Лисса. С этим согласиться нельзя, так как Лисса (Вись) находится в нарентянском архипелаге, а поход был направлен против хорватов. Полагаем, что мы имеем здесь дело с римским названием Пага, Иссой (Перц, назв. изд. т. VII, стр. 30).

67. Danduli Chr., 1. IX, cap. I, 10. Hoc majoris odii cumulus repululavit...

68. Danduli Chr., IX, cap. 1, 15.

69. Обычно историки не брали под сомнение этого сообщения Дандоло. Из русских историков для примера можно назвать В. Г. Васильевского (Советы и рассказы византийского боярина, ЖМНП., 1881, VII, стр. 160), Дринова (Южные славяне и Византия, ЧОИЛИД., т. III, 1875, стр. 135); из немецких историков с Дандоло соглашались Лебре (цит. соч., т. I, стр. 242), Гфререр (цит. соч., стр. 392) и др.; из итальянцев можно назвать Капелетти (цит. соч., т. I, стр. 229), Романина (цит. соч., т. I, стр. 275, 276) и др. Однако еще в прошлом столетии были высказаны и сомнения. Укажем в качестве примера на Ленеля, который справедливо утверждал, что Дандоло писал с плохо скрываемым желанием доказать, что Венеция имеет законные права на Далмацию, а Венгрия их не имеет (Die Vorherrschaft Venedigs, p. 86), а в начале текущего столетия Кречмайр прямо называл эту грамоту плодом фантазии знаменитого дожа-анналиста (цит. соч., т. I, стр. 136).

70. Danduli Chr. 1, IX, cap. I, 14. Joh. Diac. Chr., p. 36.

71. Joh. Diac. Chr., p. 36.

72. Ibid., p. 34.

73. Danduli Chr., 1. IX, cap. I, I. Joh. Diac. Chr., p. 29.

74. Ibid., p. 29. Laur. de Monacis, op. cit., p. 74.

75. Joh. Diac. Chron., p. 30. Homines subsidii Veneticorum carentes, miserabili calamitate perplessi... pacem humiliter efflagitaverunt...

76. Thomas Archid. Spalatensis, op. cit., cap. XIII. Reges Dalmatiae et Croatiae appellati sunt... В настоящее время можно считать установленным, что дата превращения Хорватского княжества в королевство должна быть отнесена ко времени правления Томислава, который и был первым хорватским королем, т. е. самое меньшее на три четверти столетия ранее Держислава. На этой позиции стоят Людмил Гауптман, Иосиф Сребринич, Векослав Клаич, Дале Грубер, Никола Радойич и др., авторы названного выше «Сборника короля Томислава».

77. Dand., Chr., I, IX, c. 1, 15. Этот период в истории Хорватского государства все еще слабо выяснен.

78. Danduli Chr., I, IX, cap. 1, 20 ss. Автор цитированной выше «Истории Далмации», Войнович, считает, что Держислав умер в 997 г., что Святослав был одним из его сыновей, и что раздоры возникли между братьями, сыновьями Держислава (наз. соч., стр. 323). Мы не принимаем этой точки зрения на том основании, что от 999 г. и 1000 г. имеются грамоты от имени короля Держислава (Doc. historiae Croat. periodum antiqu. illustr., NN 20, 28).

79. Если объединение сербских племен при Чеславе (середина X в.) и зашло так далеко, как это думал Дринов (Южные славяне, цит. из., стр. 140 и след.), то после него это единство исчезло, как не было его ранее Чеслава. Доказательством этого может служить письмо папы Иоанна X к князьям Томиславу и Михаилу Захлумскому (Codex dipl. regni Cr., Dalm., p. 78).

80. Гильфердинг, соч., т. I, стр. 215. Дринов, Южные славяне и Византия (ЧИОЛИД, III, стр. 144, 145).

81. Joh. Dias, op. cit., p. 31. 82. Le Bret, op. cit., B. I, p. 241.

83. Daru, op. cit., v. Ipp. 113, 114. Leur récit me paraît invraisemblable... Filippi, F. op. cit., B. I, p. 52.

84. Из большого числа сочинений историков разных национальностей, писавших в XVIII—XX вв. по истории Венеции, назовем далеко не лучшее по качеству, но одно из более поздних по времени, сочинение фашиста Дудана, где мы читаем: „Venezia, agli arbori del 1000, guida già una federazione di città dalmate e istriane (Parenzo, Pola, Zara, Belgrado, Traù, Spalato, Lezina, Curzola, Ragusa), città queste che, formando quasi una catena, in realtà dominano militarmente l'Adriatico (II dominio Veneziano, p. II).

85. Historia Solan. pontif., cap. XI.

86. Гильфердинг, соч., т. I, стр. 64.

87. Папа выражает в нем радость, что «высокопочтимые пастыри и весь народ», равно как и князь Бранимир, остаются верными католической церкви.

88. Op. cit., cap. XV.

89. Odnosaji pape Ivana X prema Bizantu i slovenimi na Balkanu. (Zborn. kralja Tomisl., pp. 159 ss).

90. Ibid., Z vremena kralja Tomisl., pp. 320 ss.

91. Codex dipl. regn. Cr., Dalm. pp. 77, 78.

92. Только при занятии Осора на острове Цресе Дандоло указывает, что не только духовенство, но и «римляне, и славяне» из соседних мест сошлись приветствовать дожа (Dand. Chr., I, IX, c. 1, 18).

93. Вопрос о дате похода Пьетро Орсеоло II решался и решается различно. Не говоря уже о таких фантастических датах, как 805 г. (Погодин, История Сербии, СПб., 1907, стр. 15), или 963 (Дринов, Южные славяне и Виз., стр. 133 и 134), которые могут быть объяснены только ошибкой, можно указать еще на 997, 998 и 1000 гг., которые обычно и встречаются в исторической литературе. Каждая из этих трех дат имеет под собою известные основания и наименьшее из всех—дата 997 г. Этой даты держался еще Муратори (Анналы Италии, т. X, стр. 76), но она может быть признана только по так называемому пизанскому летосчислению, начинавшему новый год с 25 марта. По этому летосчислению Пьетро Орсеоло, избранный 22 марта, был избран еще в 990 г. и, следовательно, седьмой год его догата, когда начался поход, придется на 997 г. Две других даты основаны на одном и том же источнике, известиях Диакон-

на Джиованни. Указывая седьмой год догата Пьетро Орсеоло в качестве даты похода, т. е. по общепринятому летосчислению 998 г., он в то же время сообщает, что он сам передал Оттону III только те полученные им сведения о результатах похода. Между тем это было в 1000 году, когда Оттон в третий раз появился в Италии.

Так получается принятая нами дата.

94. FRA. DA., v. XII, pp. 32, 33. 95. Joh. Diac., p. 31.

96. Ibid., p. 31. Danduli Chr., l. IX, cap. I, 17.

97. Joh. Diac., op. cit., p. 31.

98. Ibid., p. 31. Danduli Chr., l. IX, cap. I, 18, 19.

99. Danduli Chr., l. IX, cap. I, 23, 24.

100. Joh. Diac., op. cit., p. 32.

101. Ibid., p. 32. Danduli Chr., l. I, cap. I, 28.

102. Ibid., cap. I, 30. Joh. Diac. Chr., p. 33.

103. Ibid., cap. I, 21.

104. Ibid., cap. I, 27.

105. Joh. Diac., p. 33. Archiepiscopus cum suis conveniens, . . sacramenta omnes facientes, obsequia multa detulerunt..

106. B. Venuti. La Dalmazia e la sua latinità fino al secolo XI (Dalmazia, p. 18).

107. Напечатано у Макушева, Исследования, стр. 320.

108. Joh. Diac. Chr., p. 31. Danduli Chr., l. IX, cap. I, 21.

109. У Макушева, назв. соч., стр. 320.

110. Диакон Джиованни называет Пьетро Орсеоло дуксом Далмации только один раз и именно под 1004 годом, что, конечно, не значит, что дож принял этот титул именно в это время (цит. Хроника Диак. Джиов., стр. 35).

111. Имена у Дандоло искажены. Danduli Chr., l. IX, c. I, 20.

112. Ibid., cap. I, 26.

113. Romanin, Storia, v. I, pp. 387 s.

114. Мы уже не касаемся того вопроса, что и хрисовул императора Алексея нам известен только из его воспроизведенный более позднего времени. Danduli Chr., ed. cit. col., 250.

115. Имеющаяся здесь в виду приписка в Амбросианском кодексе хроники Дандоло относится, как теперь доказано, к XVIII столетию «Кречмайр, цит. соч., т. II, стр. 537). Впервые известия, содержащиеся в этой приписке, появляются в венецианской анналистике только в XIV в и в XV закреплены такими сочинениями, как написанное по заказу Светлейшей Синьории произведение Сабеллико. В XVIII в. эта фальсификация была разоблачена дубровническими патристами Варгой и Червой (сочинения их напечатаны у Макушева в его Исследованиях, стр. 423 и след.). В том же столетии автор капитального для своего времени труда по истории Венеции, Лебре, также отвергал эту версию назначения дожем своих наместников в признавшие венецианский суверенитет города Далмации, считая эту версию выдумкой Сабеллико (Лебре, цит., соч., т. I, стр. 245). Тем не менее эта версия в последующее время неоднократно повторялась даже в таких серьезных трудах, как сочинение Гфререра (цит. соч., стр. 404), причем особенно усиленно ее поддерживали и поддерживают итальянцы (Романин, Докум. Истрия, т. I, стр. 280; Бруно Дудан, цит. соч., стр. 12 и т. д.). Доказательства таких утверждений, конечно, очень неубедительны, — Бруно Дудан, например, ссылается в подтверждении своих слов на кампильяцию XVIII в. Навигьеро.

116. В связи с этими событиями находится и «вопрос» об обряде, существовавшем в Венеции и известном под названием «обручения

с морем». Для историка-марксиста этот «вопрос», заключающийся в том, возник ли этот обряд в связи с походом Пьетро Орсеоло, или после Венецианского конгресса 1177 г., не представляет интереса.

117. Joh. Diac. Chr., p. 29.

118. Danduli Chr., ed. cit., I. IX, cap. I, col. 223.

119. Laurent de Monacis, op. cit. p. 74.

120. Muratori, Annali, v. X, p. 76.

121. Romanin, Storia, v. I, p. 281

122. Мысль о господстве Венеции в Адриатике со времени Пьетро Орсеоло доказывал еще Кольшюттер (цит. соч., стр. 44); потом она получила авторитетное подтверждение со стороны Гейда (цит. соч., т. I, стр. 128); в конце прошлого столетия по этому вопросу возникла специальная полемика между двумя компетентными немецкими историками Венеции, Ленелем и Симонсфельдом, причем последний горячо защищал эту мысль от критики ее Ленелем, который относится к оценке значения похода Пьетро Орсеоло более осторожно (Simonsfeld, HZ, V. 84, pp. 433, 434; Lenel, Die Vorh. p. 14). Несмотря на критику Ленеля, Кречмайр считает возможным не только отстаивать эту мысль в полном объеме, но высказывается еще более решительно: „Der Zug vom Jahre 1000 ergab für die Stellung Venedigs in Adria, was in grösserem Masse der vierte Krezzug für dessen Stellung in östlichem Mittelmeere ergeben sollte“ (Kretschmayr, op. cit., V. I, p. 141). В том же роде высказывались Ходгсон, Музати, Манфрони (Hodgson, op. cit., p. 181; Musatti, op. cit., v. I, p. 57; Manfroni, op. cit., p. 78).

123. Kretschmayr, op. cit. V. I, p. 141.

Глава шестая

1. Muratori, Annali d'Italia, v. IX, pp. 278, 474.

2. Danduli Chr. ed. col. 250.

3. В этом случае, очевидно, не помогло и родство дожа с хорватским правящим домом. «Ежедневные набеги», о которых говорит Дандоло, еще Гфререром толковались как доказательство того, что положение Венеции в Далмации пошатнулось еще в первые годы после экспедиции Пьетро Орсеоло II (цит. соч., стр. 429). Мы думаем только, что эти «ежедневные набеги» едва ли не выдумка Дандоло с целью оправдания похода Оттона Орсеоло.

4. Danduli Chr., I. IX, cap. II, 6.

5. DHC, NN 25, 26, 27.

6. В. Г. Васильевский утверждает, что Оттон Орсеоло не решился померяться силами с Крешимиром III, а ограничился приведением в подчинение лишь нескольких островов (Советы и рассказы визант. бояр. XI в., стр. 216, ЖМНП., 1881, VII).

7. Васильевский, назв. соч., стр. 166, 167.

8. DHC., N 212.

9. Lenel, Die Vorhersch., p. 16

10. DHC., N 217.

11. Danduli Chr., col. 244.

12. Эта последняя дата и принимается обычно более поздними историками Венеции. Дата Дарю—1065 г.—может рассматриваться, как попытка согласовать противоречивые указания Дандоло, поставив вместо второго двадцать второй год догата Контарини (цит. соч., т. I, стр. 126).

13. Laur. de Monacis, op. cit. p. 77.

14. La Dalmazia p. 35

15. Danduli Chr., ed. cit., col. 244.
16. И. Н. Смирнов. Очерк истор. Хорв. госуд., стр. 62.
17. Voinovitsch, op. cit. pp. 340, 341.
18. А. Л. Липовский, Хорватия, стр. 35 и след.
19. MHSM., v. I, pp. 2, 3.
20. Ibid., p. 3.
21. Ibid., p. 4. Quoniam sub tantorum dominorum regimine nos degere atque sub eorundem evigilata cura atque assidua tutela nos persistere congruum atque tutissimum satis esse cognovimus...
22. Смирнов, Очерк ист. Хорв. госуд., стр. 97.
23. MHSM., v. 1, pp. 3, 4, 5. В первый раз, впрочем, этот титул в дошедших до нас грамотах встречается в 1094 г. в грамоте, касающейся Лорео. (Norden. Der vierte Kreuzzug. Anm. 2 und. 4. Romanin, Storia, v. I, pp. 392, 393).
24. Thomas Archid. Spalat., op. cit., cap. XVII.
25. Макушев, Исследования, стр. 821.
26. Gulelmus Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi. MGH. SS. XI V, p. 282.
27. Gfrörer, op. cit., p. 246.
28. RPR., v. VII, pp. 208—240.
29. F. Ughelli. Italia sacra sive de episopis Italiae. 1720, v. V, col. 1072.
30. Ughelli, op. cit., v. V, pp. 9, 10.
31. RPR., v. VII, p. 50.
32. Ibid., p. 51.
33. Ibid., pp. 53, 54.
34. Ibid., pp. 19, 55 56. Ughelli, v. V, col. 1115.
35. Ughelli, op. cit. v. V, col. 1080.
36. Thomas Archid. Spalatensis, op. cit. p. 44.
37. Ibid., p. 45.
38. Codex dipl. regni Cr., v. II, p. 131.
39. DHC., N 184, p. 205. Thomas Arch. Sp., op. cit., pp. 50 ss.
40. Thomas Arch. Sp., op. cit., p. 49.
41. Ibid., pp. 50, 51, 52 ss.
42. Л. В. Березин. Хорватия. Славония, Далмация и Военная граница, тт. I—II, СПб., 1879, т. II, стр. 427, 428.
43. Schaubе, op. cit., p. 41.
44. Anonymi Barensis Annales. Muratori, RIS., v. V, col. 152.
45. Anna Comnena, Alexias, v. I, pp. 50, 58, 69.
46. Danduli Chr. ed. cit., l. IX, стр. VIII, 6.
47. Anna Comn., op. cit., v. I, pp. 166, 178 ss.
48. При осаде Драча оборону его ведет, между прочим, группа венецианцев (Анна Комнина, т. I, стр. 223), а между тем этот портовый город имел не больше значения для торговых интересов Венеции, чем десятки других.
49. Мы поэтому, только с большими оговорками можем согласиться с акад. Васильевским, который называет Венецию «искренне преданной служительницей Восточной империи» (Труды, т. IV, стр. 26, Союз двух империй).
50. Anna Comnena v. I, p. 192.
51. Non ignara quidem belli navalis et audax Gens erat haec; illam populosa Venetia misit, Imperii prece, dives opum, diveque virorum... Semper aquis habitant; quas nulla valentior ista Aequoris bellis, ratiumque per aequora ductu. (Gullelmus Apuliensis, op. cit., p. 235).
52. Vir quidem dicens se Michaelē imperatorem fuisse... auxilium sibi dari. Dux eum honorabiliter circa se habens, secum duxit

eum usque Salernum. (Romualdi II Archiepiscopi Salernitani Annales. MGH., SS., XIX, p. 408). Анна Комнена, op. cit., v. I, p. 57.

53. Super Constantinopolim ire cupiens. (Rom. Salern. Annales, ed. cit. p. 408).

54. Дата похода определяется различно, и Гфререр, например, называет 1082 г. (цит. соч., стр. 526), ссылаясь на то, что проигранная Алексеем битва происходила в первый год войны и проверка индиктом дает будто бы 1082 год. Это в действительности не так. Анна прямо говорит, что дело было в июне, индикт 4-й, а это не 1082, а 1081-й год (1081—312=169:15=5 + 4). Император отправился из Константинополя в августе индикта 4-го и стало бы также в 1081 году. (Анна, цит., изд., т. I, стр. 187, 189).

55. Dalmatiae naves honeri dux elegit aptes, Auxilio sibi quas gens miserat illa petitas. (Op. cit., p. 282).

56. Анна Comn., op. cit. p. 76. 57. Ibid., v. I, pp. 182 ss.

58. Ibid., pp. 188 ss.

59. Malaterra, ed. cit., col. 583 ss.

60. Анна Комнена, op. cit. v. I, p. 195.

61. Ромоальд Салернский насчитывает в войске Алексея 70 тыс. солдат, а в войске Роберта—только 700 рыцарей (Анналы, цит. изд., стр. 410). Первая цифра, вероятно, преувеличена, вторая же очевидно недостоверна, если только Ромоальд не имеет в виду особо квалифицированную часть войска Роберта. Анна и Малатерра (цит. изд., колонна 584) приписывают поражение тому обстоятельству, что не выдержали натиска норманов дружины англо-саксонских «варягов».

62. Анна говорит только о переходе Пьетро Контарини на сторону врагов (т. I, стр. 288). Рассказ о предательстве Контарини, ненавидевшего дожа Доменико, находится у Вильгельма Апулийского (цит. соч., стр. 288 и след.) и писавшего независимо от него Малатерры (цит. изд., колонна 584).

63. Анна Comn. op. cit., v. I, p. 289.

64. Ibid., pp. 22/, 228.

65. Анна объясняет поражение Боемунда под Лариссой отчасти изменой некоторых феодалов из норманского стана (Анна, цит. изд., т. I, стр. 243), с которыми Алексею удалось вступить в переговоры. Вильгельм Апулийский объясняет неудачу естественными причинами: продовольственными трудностями, потерей лагеря и т. д. (цит. соч., стр. 290 и след.).

66. Guilelmi Ap., op. cit., pp. 289, 289.

67. Dand. Chr., col. 243.

68. Анна Comn., ed. cit., v. I, p. 283. Guilel. op. cit., p. 294.

69. Дандоло в общей форме: Venetis multis occisis et captis... classis fugam arripuit... (Dand. Chr., col. 249), Анна говорит о гибели 13 тыс. венецианцев (цит. соч., т. I, стр. 285).

70. Анна Comn., v. I, p. 285.

71. Danduli Chr., col. 249.

72. Анна Comnina, ed. cit. v. I, p. 285

73. Нам думается все-таки, что Гфререр сильно преувеличивает, когда говорит, что Греческая империя в 1082—1085 гг. была спасена Венецией (цит. соч., стр. 555).

74. Joh. Diac Chr., ed. cit., p. 22, 23.

75. Thomas Arch. Spal., ed. cit. p. 57. Nec tamen usque ad maritimas regiones pervenit.

76. Ibid., p. 58. Marco Marulo, ed. cit. p. 309 ss.

77. DHC., p. 5. 78. Danduli Chr., I. IX, cap. X, II.

79. Сходный взгляд по этому вопросу высказал, вопреки его обычному изложению, Кречмайр (цит. соч., т. I, стр. 220). Матримониальные подробности у Ленея (*Die Vorherrsch.* 20).

80. *Codex dipl. regni Cr.*, v. II, N 4.

81. Кречмайр дает такую хронологическую схему этих событий: завоевание Сплита—1103 года, Задара и Трогира—1108 год, трех островов—Раба, Крка и Цреса—1111 год (цит. соч., т. I, стр. 220); но этой схеме можно противопоставить несколько других—Лебре (цит. соч., т. I, стр. 293, 294), Капететти (цит. соч., т. I, стр. 445) и др.

82. *Thomas Arch. Spalat.*, op. cit. p. 59.

83. *Codex dipl. regni Cr.*, v. II, N 8.

84. *Ibid.*, N 6.

85. *Ibid.*, N 16.

86. *Terrori commoti...* (*Danduli Chr.*, col. 264). Подобным же образом освещает события и другой венецианский источник, более близкий описываемым событиям, чем хроника Дандоло,—это продолжение Альтинатской хроники или «История дождей венецианских», где мы читаем: *Rex Ungarorum Jadram. violenter accepisset* (*ASI.*, v. VIII, 1845, p. 152).

87. *MHSM.*, v. I, pp. 5, 6. *Danduli Chr.*, col. 264.

88. *Farlati. Illiricum sacrum*, v. IV, p. 323.

89. *Voinovitsch*, op. cit. p. 38.

90. *Farlati*, op. cit. v. IV, p. 314.

91. *Kretschmayr*, op. cit. B. I, p. 220.

92. *Farlati*, op. cit. v. IV, p. 314.

93. *Danduli Chr.*, col. 261.

94. *Ibid.*, col. 263. *Annales venetici breves*, ed. cit., p. 70.

95. *Ibid.*, p. 70.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

НАПОР НА ВОСТОК

1. Маркс и Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 340.

2. Этот источник обогащения венецианской плутократии был указан еще Марксом. Соч., т. XVII, стр. 824.

Глава седьмая

1. Все эти положения в той или иной степени признает и серьезная буржуазная историческая литература,—укажем для примера на Гейда, Стивенсона (Гейд, цит. соч., т. I, стр. 146; *W. Stevenson. The crusaders in the East. Cambr.*, 1907, pp. 5, 6) и др. Однако, буржуазная историография не так давно «обогатилась» еще одним «исследованием», которое отбрасывает понимание этого вопроса на уровень мышления рядовых братьев орденов св. Франциска или св. Доминика, видя в крестоносном движении исключительно борьбу ислама с христианством, креста с полумесяцем и «серьезно» утверждая, что борьба эта не закончена и по сегодняшний день (*H. Belloc. The crusade. The worlds debate. London*, 1937, pp. 3, 8, 21, 22). В высшей степени фальшиво звучит также и высказывание Шаубе, не признающего в коммерческих интересах одного из движущих факторов крестоносного движения: „So sicher ist es, das

unter mannigfacher Beweggründen, die grosse Kreuzzugsbewegung ins Leben gerufen haben, Kommerzielle Interesse keine Rolle spielten... (Schaube, op. cit., p. 122).

2. У Бенъо из Жака де Витри приведена такая цитата: «Что касается выходцев из славных городов—Генуи, Пизы и Венеции, которые живут ныне в Сирии, предки и предшественники которых составили себе бессмертное имя и вечный венец, то они были бы еще более страшными для сарацин, если бы они отказались от взаимного соперничества, от их ненасытной жадности и не вели между собою бесконечных споров и вооруженных стычек» Beugnot. Introduction aux Assises de la cour de bourgeoisie. (BECh., v. V, 1854. t 55).

3. Гейд, например, не без основания утверждает, что крестоносцы вообще не могли бы держаться на Востоке без помощи итальянских городов (Гейд, цит. соч., т. I, стр. 136). Подобную же мысль высказывает и Стивенсон (назв. соч., стр. 6).

4. Januensium, Venetorum... naves..., quae rebus onustae venalibus frequenter accedebant, quae nostris legionibus multum inferrebant consolationem. (Willermi Tyrensis, op. et ed. cit., lib. VII, cap 21). Veneti quoque et Pizani et Jauenses et qui Oceani vel maris Mediterranei litus incolebant rāvibus onustis, armis et hominibus, machinis et victualibus mare sulcantes operierunt... (Ealdrici episcopi Dolensis Historia Hierusolimitana. RHCr., hist. occid., v. III, p. 18).

5. У Мольменти, например, мы читаем следующее: «Верная Христу Венеция ощущала на себе религиозное рвение идти на освобождение св. гроба и, свободная от всяких мирских расчетов, была охвачена религиозным порывом на маленьком островке в Риальто, хотя и на свой образец»... (Цит. по русскому переводу,—подлинник автору не был доступен—«Зарождение Венеции» ВИИ, т. III, 1902).

6. Annales Pisani Marangonis. MGH. SS., v. XIX, p. 239.

7. Annales Januenses Caffari. MGH. SS., v. XVIII, p. II.

8. Гейд, правда без особо веских оснований, датирует выступление важнейших итальянских республик, таким образом: выступление Генуи—1097 год, Пизы—лето 1099 г. и приблизительно в это же время—Венеция (Гейд, цит. соч., т. I, стр. 147, 149, 151).

9. C. Errera. I crociati veneziani in terra santa (Dal concilio di Clermont alla morte di Ordelafo Falier). AV., v. XXXVIII, parte II, p. 240. Romanin, Storia doc., v, II, p. 14. Hodgson, The early history, p. 239. H. Brown. Venice, p. 85.

10. Deliberazioni, ed. cit. p. 244.

11. Ibid., p. 246. 12. M. Merores. Die venezianische Salinen der alteren Zeit in ihrer wirtschaftlichen und sozialen Bedeutung. (VJSW., B. XIII, 1916), pp. 100, 77.

13. Ibid., p. 77.

14. Le magistrature giudicarie veneziane e i loro capitolari ffino al 1300, ed. Roberti, M., v. II, Venezia, 1909, pp. 24 ss.

15. De edelis vendendis et de ponderibus et mensuris. (B. Cecchetti. II vitto dei veneziani nel secolo XIV. AV., v. 29, 1885, p. 238).

16. M. Merorse, op. cit. p. 85.

17. Deliberazioni, ed. cit. pp. 235, 236.

18. Simonsfeld, H. Fondaco dei tedeschi in Venedig, v. II, pp. 6, 8.

19. DCV., ed. cit. v. I, NN pp. 17, 33 35, 40, 167, 181, 194, 195...

20. Chr. Altinatum, MGH. SS., v. XIV, p. 34.

21. RPR., v. VII, p. 19.
22. Ibid., p. 191.
23. Ibid., p. 184.
24. I capitolari, ed. cit., v I pp. 287, 297, 299.
25. Экономический рост Зап. Европы, т. II, стр. 68 и след.
26. Нельзя понять оснований, которые позволяют Кречмайру говорить о росте этой группы населения дуката (цит. соч., т. I, стр. 371).
27. MGH. L. Const., v. I, p. 376.
28. I galeotti. Annali dei signori Reifenberg (AV., v. XVIII, p. II).
29. М. М. Ковалевский. Экон. рост Зап. Европы, т. II, стр. 269.
30. Persone, que... sit idonea ad fictum persolvendum... Там же, стр. 273.
31. Там же, стр. 271.
32. Там же, стр. 272.
33. Ab hereditibus et prohereditibus nostris profuturum possidendi. (M. Merore, op. cit. p. 76, 77).
34. In perpetuum... (Merore, op. cit., p. 86).
35. Ibid., pp. 81, 82.
36. Ibid., p. 80.
37. Romanin, Storia doc., v. II, p. 287.
38. Kretschmayr, op. cit., B. I, pp. 334, 336, 3-7.
39. Для примера можно указать на «промиссию» Энрико Дандоло (Кречмайр, цит. соч., т. I, стр. 431). Первый случай принесения «обещания», по мнению специального исследователя этого вопроса, относится к 1152 г., когда дож Доменико Моросини «поклонился всей общине Венецианской». B. Schmeidler. Der dux und das comune Venetiarum. Berl., 1902, p. 19.
40. RPR, v. VII, p. 22.
41. Schmeidler, op. nom., p. 19.—Zu den neuen regierenden Körper schaft nur Bewohner des Rialto... Zutritt hatten. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 328.—Auf das Stadtgebiete von Rialto—Venedig beschränkte Zusammenfassung... des kaufmännischen und grundbesitzenden Patriziates...
42. От 1142 г. мы имеем решение дожа, его судей и советников, сформулированное в его вводной части следующим образом: „Congregatis igitur nobis in nostro palatio cum nostris iudicibus et ipsis viris sapientibus. qui preerat consilio, quod hoc in tempore pro honore et utilitate seu et solvatione nostre patrie habebantur“. (Deliberazioni, p. 256).
43. От 1160 г. сохранился документ, гласящий: „In nostro palatio cum nostris iudicibus quoque nobis sapientum viris consiliatoribus“. (Там же, стр. 239). Неопределенность членского состава Б. С. зависела от самого порядка его комплектования. Если со второй половины XII в., судя по числу подписей советников под различными грамотами, выходившими из канцелярии дожа, число это можно определить в 30, или 35 членов (Deliberazioni, p. 248, 253), то участие в этом Совете с самого начала ряда других ежегодно избираемых магистратов не позволяет точно определить весь его состав в целом.
44. От 1187 г. мы располагаем таким текстом: „Dux cum iudicibus et sapientibus consilii“ (Ibid., pp. 254, 255).
45. Ibid., p. 263.
46. Kretschmayr, cit., p. 331.
47. Лео полагал, что «кваранция» восходит ко времени, когда трибуны потеряли свою судебную власть, и что члены этой коллегии и есть «судьи» трибунов. (H. Leo, op. nom. v. III, pp. 2, 3.).
48. Сам термин «кваранция», Совет 40, хорошо засвидетельствован только для XIII в.

49. Molment. La vie privée, p. 3ⁿ.
50. Romanin. Storia doc., v II, pp. 430—438.
51. Promisso maleficorum 1181 a. (Kretschmayr, op. cit., B. I, pp. 494, ss).
52. Op. cit., p. 495.
53. Ibid., p. 4.5.
54. Ibid., p. 494.
55. Romoaldi Sal. Annales, ed. cit., pp. 449 ss.
56. R. Eichner. Beiträge zur Geschichte des Venezianer Friedenskongresses vom Jahre 1177. Berl., 1886, p. 48.
57. Schmeidler, op. cit., p. 49.
58. Annales venetici breves, ed. cit., p. 70.
59. MSHSM, v. I, p. 3.
60. Ibid., p. 4, Оба документа, которые здесь имеются в виду, издателем датированы 1097 г. Эррера предлагает датировать их в связи с описываемыми событиями 1099 годом (цит. соч., стр. 248). Нам кажется, что для этого нет достаточных оснований, так как подготовка к походу должна была занять не менее года.
61. Danduli Chr., ed. cit., col. 256.
62. Historia de transl. s. magni Nicolai... (RHCr. v. V, pp. 253 ss).
63. Ibid., p. 2 7.
64. Ibid., p. 258.
65. Annles Pisani, ed. cit., p. 239.
66. Пизанские анналы ничего не говорят об этом столкновении. Дандоло сообщает очень кратко (Хроника, кол. 256). Издатели венецианского анонима считают, что здесь речь идет не о первой эскадре, опустошившей Кефалонию, а о второй, которая была послана Пизой в подкрепление первой. Это, конечно,—простой домысел,—ссылка на Негри, автора XVII в., ничего не доказывает. (RHCr., v. V, p. 259). Равным образом не имеет под собою никаких оснований и соображение Брауна, который хочет видеть в Пизе орудие императора Алексея, противника венецианского похода. По нашему мнению легче обосновать как раз противоположный тезис.
67. Translatio, p. 258.
68. Ibid., p. 259.
69. Спор о том, Бари или Венеция получили «мощи» св. Николая создал целую «литературу» по этому «вопросу», указанную у Эрреры (цит. соч., стр. 257).
70. Translatio, pp. 219, 270.
71. Pecunia quidem tenui et numero satis parvo. (Transl., p. 271).
72. Ibid., pp. 272 ss.
73. Ibid., p. 271. Дандоло, а за ним и другие венецианцы говорят еще об осаде в это же время также и Акры, но она была взята только в 1104 г. (Danduli Chr., col. 258).
74. Особенно подробно на этих разногласиях останавливается Альберт из Экс. Он же усиленно подчеркивает недостаточность доброй воли и надлежащего гусердия со стороны венецианцев во время этой осады (Albertus Aquensis. Historia Ierosolymitana. RHCr. hist. occ., III, pp. 521, 522).
75. Translatio, pp. 277, 278. Albertus Aquensis, op. cit., pp. 522, 523.
76. Gemina palma peregrinationis et victoriae triumphantes, ad patriam pacis semper amicam remcabant... (Translatio, ed. cit., p. 278).
77. Трехлетняя длительность похода, о которой говорит Дандоло, нужна ему только для того, чтобы показать коварство венгерского короля, который использовал отсутствие венецианского фло-

та, занятого «святым делом» на Востоке, для своих захватов в Далмации. (Danduli Chr., col. 264).

78. Подробности по источникам у Эрреры (цит. соч., стр. 265). В качестве примера повторения этих ошибок для новейшего времени можно указать на сочинение Бруно Дуана, который пишет: *Nel 1100 i veneziani sono a Giaifa con 200 navi e offrono il loro servizio a Goffredo Buglione. La presa di Caifa, quella di Teberia-de, di Tolemaide, di Beruto, di Feramnia sono pagine di storia vene-ta. (Il dominio venez., p. 18).*

79. Договор от 1123 г., заключенный патриархом иерусалимским, а затем подтвержденный Балдуином, прямо говорит об участии венецианцев в деле у Сидона *Pretere a aliam partem (ruge Achon)... quam rex Balduinus Ierosolimetanus primus beato Marco... duci Ordelafo suisque successoribus in acquisitione Sidonis dedit.. (FRA. DA, v. XII, pp. 81, 85).*

80. Alb Aquensis, op. cit., p. 652.

81. Danduli Chr., col. 264.

82. Errera, op cit, p. 265 ss.

83. Annales Januenses, ed. cit, pp. 11, 14.

84. Si les Venetiens lor voloient doner celui chastel (Caifa), il lor donneoient une belle partie d'Acre.. *Chronique ven., ed. cit., p. 269.*

85. Annales Januenses, ed. cit., p. 15.

86. Errera, op cit. p. 276.

87. Guillelmus Adae. *De modo saracenis extirpandis (RHCr., v. II, pp. 521 ss).*

88. Errera, op. cit., p. 276.

89. Совершенно непонятна в этом вопросе позиция Ходгсона, который склонен считать единственным результатом первого выступления венецианцев на Востоке приобретение «мошей св. Николая» (цит. соч., стр. 86). Правда, несколько ниже он говорит о «зародыше купеческой колонии, жившей под особым режимом капитуляций, обусловленных договором», но достигается это путем путаницы вокруг этого договора, так как автор ничего не знает о договоре 1100 г., а позднейший договор с Балдуином относит ко времени осады Сидона. (Там же, стр. 87).

90. Annales Januenses, ed. cit. pp. 65 ss.

91. *Historia ducum Veneticorum, ed. cit. p. 73. Danduli Chr., col. 270. Cerbano Cerbani clerici Veneti Translatio martyris Isidori a Chio insula in civitatem Venetam (RHCr., v. V, p. 522):*

92. *Historia ducum, p. 73. Fulcherii Carnotensis Historia Ierosolymitana (RHCr., v. III, p. 449).* Этот источник называет другую цифру кораблей, меньшую, но как и автор *Secunda pars Historiae Ierosol (RHCr., v. III, p. 580)*, подчеркивает, что это была крупная экспедиция.

93. Romanin, *Storia doc, v. II, pp. 31, 32.*

94. Danduli Chr., col. 270.

95. *Historia ducum, p. 73. Danduli Chr., col. 270*

96. *Hist. d., p. 74.*

97. Willermi Tyrensis, op. cit., lib. XII, cap. 22.

98. *Ibid., lib. XII, c. 23.* В этом же стиле рассказывает о событиях и Фульхерий Шарптрский (цит. соч., стр. 452, 453), а равно и анонимный автор *Balduini III Historia Nscaena vel Antiochena: Hostes cernerunt igitur, eos undique attingentes, nec locum fugae uspiam dederunt; sed naves eorum Veneti intrantes, omnes detruncaverunt.. (RHCr., v. V, p. 185).*

99. Danduli Chr., col. 270. Fulcher. Carn., op. cit., p. 433. Historia Antiochena, ed. nom., p. 185.
100. Wilermi Tyr. Arch. op. cit., lib. XII, cap. 21.
101. FRA. DA., v. XII, pp. 90—92.
102. Ibid., pp. 84, 88. Danduli Chr., col. 275, 276. Historia ducum, p. 74.
103. Le Bret, op. cit., B. I, p. 304.
104. Mart. da Canale, op. cit., pp. 308 ss.
105. Wilermi Tyr. Arch. op. cit., l. XII, cap. 14. Danduli Chr., col. 271. Historia ducum, p. 74. Fulch. Carnot., op. cit., pp. 464, 465.
106. Hist. ducum, p. 74. Veneti ceperant eam et bonis omnibus expoliaverunt...
107. Ibid., p. 74.
108. FRA. DA., v. XII, pp. 76, 77.
109. Ibid., pp. 87, 88.
110. Ibid., p. 95.
111. Ibid., p. 102.
112. Ibid., p. 102.
113. Ibid., p. 134.
114. Ibid., p. 134.
115. Ibid., pp. 148, 149.
116. Ibid., p. 176.
117. Ibid., p. 383.
118. Ibid., pp. 52, 53.
119. Ibid., p. 382.
120. Ibid., pp. 382, 384.
121. Ibid., p. 204.
122. Annales venetici breves, ed. cit., p. 72. Датировано отплытие флота, вероятно, ошибочно, так как эта дата анналов противоречит и ходу событий, и только что приведенному циркулярному распоряжению дожа от ноября 1188 г. Надо читать вместо 1188 года год 1189.
123. Octobani Scribae Annales. MGH. SS, XVIII, p. 104.
124. Ibid., p. 102.
125. Ibid., pp. 102, 103. Hoc anno (1188) sediciones multae, discordiae immensae et proelia fuerunt in civitate...
126. Правильную оценку поведения Венеции в этом походе дал еще Лебре. (назв. соч., т. I, стр. 390).

Глава восьмая

1. B. Dudan, op. cit., p. 6.
2. Chronique d'Ernoult et Bernard le Tres., ed. cit., p. 233. Si eu demora bien M crestiens povres, di n'orent de quoi les nès loer ne de quoi viande acheter por metre es nès... Когда венецианцы отказались взять их на свои корабли, представитель Саладина с изумлением спросил: s'ils estoient crestiens? (Chronique, p. 233).
3. Anna Comnena, ed. cit. pp. 177, 178.
4. Ibid., p. 436.
5. Ibid., pp. 100, 225.
6. FRA. DA., v. XII, p. 51.
7. Ibid., p. 96.
8. Historia ducum, ed. cit., p. 75.
9. Danduli Chr., col. 250.
10. FRA. DA., v. XII, p. 52. Anna Comnena, v. I, pp. 26, 287.
11. FRA. DA., v. XII, pp. 51, 52.
12. Мы не видим оснований согласиться здесь с издателями этого документа, Тафелем и Томасом, которые имеют здесь в виду не знаменитые сирийские города, а незначительные ливийские порты. Венецианцы заботились несомненно о перечислении тех городов, в которых они имели серьезные экономические интересы, а что Селевкия и Антиохия как раз были такими городами, это видно из того, что венецианцы договаривались о них потом с королем Иерусалимским и князьями антиохийскими, подобно тому как это они

делали с королем Малой Армении о перечисленных здесь же Тарсе и Мамистре. Все это мы видели при обзоре политики Венеции в Сирии.

13. FRA. DA., v. XII, p. 53.

14. Ibid., p. 52.

15. Орделафо Фальеро в 1107 г., осуществляя дарение константинопольской церкви св. Акиндина, полученной по хрисовулу императора Алексея, делает это cum omni suo territorio et beneficio (FRA. DA., v. XII, pp. 67, 68).

16. *Annales venetici breves*, ed. cit., p. 70.

17. «Краткие венецианские анналы» сообщают только о самом факте выступления венецианского флота; «История дождей» вовсе не сообщает об этом походе сведений; «Хроника» Дандоло довольно неопределенно говорит об участии венецианского флота в деле у Драча (цит. соч., кол. 261). Анна со своей стороны сообщает только, что Алексей обратился с письмами в Пизу, Геную и Венецию (цит. соч., т. II, стр. 132).

18. Danduli Chr., col. 269. *Historia ducum*, p. 73. *Predecessorum statuta eis dare nolebat*. Cinnamus, op. nom. p. 281.

19. Danduli Chr., col. 271, 272. *Opes abstulit et acceptas dividit: capit et postea spolia distribuit...* *Historia ducum*, p. 74.

20. Cerbani, *Translatio*, ed. cit., p. 323. Cinnamus, op. cit., p. 281.

21. Fulcherius Carnotensis, p. 470.

22. Cerbani, *Translatio*, p. 470.

23. F. Chalandon. *Les Comnènes*. Jean II et Manuel I. Paris, 1912, p. 158.

24. «История дождей» приписывает инициативу мирных переговоров императору (цит. соч., стр. 74).

25. FRA. DA., v. XII, pp. 97, 98. Danduli Chr., col. 269, 274.

26. Cinnamus, ed. cit., p. 281.

27. FRA. DA., v. XII, pp. 109, 110. 28. Ibid., pp. 111, 112.

29. Ibid., p. 124.

30. *Historia ducum*, p. 75. Cinnamus, p. 92.

31. *Historia ducum*, p. 75. 32. Danduli Chr., col. 282, 283.

33. Cinnamus, op. cit., p. 280. Nicetas, op. nom., v. I, pp. 113—115. Необходимо заметить, что ранние венецианские источники ничего не знают об этом инциденте.

34. Cinnamus, op. cit., p. 98. Nicetas, op. cit., pp. 113, 114, 115.

35. Heyd, op. cit., B. I, pp. 263 ss.

36. Flaminio Cornaro. *Ecclesiae Venetae*, v. IX, p. 219. Armingaud, op. cit., pp. 130, 131.

37. FRA. DA., v. I, pp. 107, 108.

38. Armingaud, op. cit., pp. 130, 131.

39. Дата учреждения этого поста не может быть указана точно, но мы неоднократно встречаемся с этим должностным лицом в конце XII в. (FRA. DA., v. XII, pp. 213, 216). Нельзя, однако, согласиться с Гфререром, который относит учреждение этой должности к гораздо более раннему времени: помимо того, что он не может привести никаких доказательств этому, так как одного слова *immunitates* у Дандоло недостаточно для такого далеко идущего заключения, как то, что венецианцы уже в X веке пользовались в Константинополе правами экстерриториальности и имели своего «судью» (Гфререр, цит. соч., стр. 363), это сомнительно еще и потому, что совершенно невероятно, чтобы документы полутора столетий ни разу не называли этого представителя Венеции, если бы он там был в действительности.

40. Cinnamus, op. cit., p. 249.
41. Danduli Chr., col. 292.
42. Historia ducum, p. 75. Rex Venetos valde odiret, cepit eos per se et per quos poterat in personis et in rebus offendere..
43. Danduli Chr., col. 286. Historia ducum, p. 75.
44. J. Buchon. Recherches historiques sur le principauté de Morée, v. II. Nouvelles recherches. Paris, 1845, pp 5, 6.
45. Annales Pisani, ed cit., p 240.
46. Annales Januenses, ed. cit., p. 33.
47. Buchon, Recherches, v. II, pp. 7—9. Annales Pisani, p. 262.
48. Cafari De liberatione civitatum orientis. MGH. SS, v. XVIII, p. 46.
49. Annales Januenses, ed. cit., p. 20.
50. Текст напечатан у Бюшона в только что названном сочинении, т. II, стр. 6.
51. Annales Januenses, p. 55.
52. Ibid., p. 30.
53. Ibid., p. 86.
54. Annales Pisani, p. 262.
55. Buchon, Recherches, v. II. p. 7, 8, 9.
56. ADMM, v. II, p. 35.
57. Annales Januenses, p. 99
58. Дандоло уверяет даже, что дож Витале Микьеле, предвидя опасность, которая угрожала его соотечественникам в пределах Романии, настойчиво рекомендовал им задолго до событий 1171 г. покинуть пределы империи (цит. соч., кол. 291). Если это сообщение верно, то оно во всяком случае не имело практического значения.
59. Nicetas, op. cit., v. I, p. 223. Cinnamus, op. cit. pp. 281, 282. Danduli Chr., col. 295. Historia ducum, p. 78. Conceperat malum in corde suo.. verda dulcia in dolo.
60. Invitante Venetos, ut omnes ad eum et ad terras ejus imperii sicut ad propria properarunt. (Hist. duc., p. 78).
61. Venetos ut filios d.ligeret (Ibid., p. 78)
62. Veneti portantes secum pecunias infinitas et arma et naves multas.. (ibid. p. 78). Цифры преувеличены, но несомненно, очень большое количество делового венецианского люда и кораблей находилось в сфере досягаемости византийского императора.
63. DCV., NN 336, 333.
64. Annales venet. brev, p. 72.
- Nicetas, op. cit., p. 223.
65. Historia ducum, p. 79. Danduli Chr., col. 293. Annales venetici breves, p. 72.
66. Intra paucum tempus fere millia viri mortui sunt.. (Hist. ducum, p. 7).
67. Hist. duc., p. 80. Dand. Chr., pol. 295.
68. Cinnamus, op. cit., pp 284, 285.
69. Historia ducum, p. 80.

70. Ослепление знаменитого посла несомненно относится к области легенд. Автор «Истории дождей венецианских», рассказывающий о событиях этого времени очень подробно, ничего об этом не говорит, и, конечно, последующая карьера зловещего венецианца исключает возможность такой операции. Тем не менее свидетельство о том, что Дандоло был слаб зрением, является всеобщим, и даже Новгородская летопись называет его «дож слепый». Происхождение этой легенды, по нашему мнению, очень просто объясняется предположением, что знаменитый дож был сильно близорук, что в те времена, не обремененные книгой, было большой редкостью. Не надо забывать, что в годы его догата ему было свыше 80 лет, — неудивительно, если он и был слаб зрением.

71. *Historia ducum*, p. 81.
72. *Cinnamus*, op. cit., pp. 288, 289.
73. *Cinnamus*, op. cit., p. 288.
74. Aug. Baer, *Die Beziehungen Venedigs zum Kaiserreiche in der Staufischen Zeit*. Insbr., 1887, p. 40.
75. *Annales Venetici breves*, p. 72. *Annales Pisani*, p. 265. *Danduli Chr.*, col. 299. *Historia ducum*, p. 81, 82.
76. *Danduli Chr.*, col. 301. *Ad tantum penuriam civitatem coegit, ut canes, et gattas, et coria mortuorum animalium comederant...* (*Annales Pisani*, p. 265).
77. *Historia ducum*, p. 82.
78. *Ibid.*, p. 82 *Hiemis timentes...*
79. *Cinnamus*, op. cit., pp. 285, 286.
80. *Nicetas*, op. cit., v. I, pp. 225, 226.
81. *Historia ducum*, p. 92.
82. *Danduli Chr.*, col. 309.
83. *Laurentius de Monacis*, op. cit., pp. 125, 126.
84. *FRA. DA.*, v. XII, p. 173.
85. *Schmeidler*, op. cit. p. 91.
86. *Historia ducum*, p. 90.

87. Правда, в интересующее нас время рассматриваемое здесь издание документов помещает три документа, составленных в Фивах и один в Константинополе. Однако, если мы повнимательнее отнесемся к документам, составленным в Фивах, то убедимся, что они представляют собою оригинал и две копии с него, т. е. в сущности один документ; документ же константинопольский отнесен издателями на май месяц 1171 г., таким образом на время после эдикта Мангуила о преследовании венецианских купцов и резидентов, изданного им, как известно, 12 марта этого года, по очевидно-му недоразумению: ситуация, сложившаяся для венецианцев в Константинополе непосредственно после опубликования эдикта исключала всякую возможность функционирования там венецианского нотариального аппарата. Издатели неправильно датировали его маем, прочитав ошибочно *mađii* вместо *martii*. (DCV., NN 273, 274, 275).

88. *Boncompagno Florentino. Liber de obsidione Anconae*. Muratori, *RIS.*, v. VI, col. 925 ss.

89. DCV., N 245.

90. *Ibid.*, N 249.

91. *Ibid.*, NN 252, 267, 280, 329.

92. *FRA. Da.*, v. XII, pp. 190. ss.

93. *Ipsam vero suprascriptam cuationis cartulam quondam tempore recurrente anno domini milesimo centesimo octagesimo primo mense february sub indictione quintadecima, Rivoalto, fecerunt scilicet ipse suprascriptus Jacobus et Philippus ejus frater ad eundem Guidonem Valeressum, continente in ea quod postquam pax esset inter imperatorem Constantinopolitanum et Venetiam infra annum unum, debebunt dare et persolvere suprascripto Guidone Valeresso in Venetia libras denariorum veronensium quinquaginta...* (DCV., N 348).

94. *Historia ducum*, p. 81.

95. Среди венецианских источников, где встречается упоминание об интересующем нас вопросе, до сих пор известно лишь одно место из частной грамоты, опубликованной уже довольно давно в кратком итальянском ее изложении (В. Cecchetti. *La vita dei veneziani al 1200.*, v. II, 1871), и недавно в полном виде в латинском подлиннике в тех же «Документах венецианской торговли» (№ 331), которые мы только что цитировали. Этот документ не находится в противоречии с нашей концепцией. В самом деле: кораблю, направ-

лявшемуся в византийские воды, встречаются по дороге несколько венецианских кораблей; пассажиры и матросы с них останавливают встречный корабль словами—«Куда вы плывете? В Константинополе бьют всех латинян без разбора»... Корабль остановился и взял курс на Александрию. Из документа вовсе не видно, чтобы встретившиеся венецианцы пострадали, или сами были очевидцами событий.

96. Eustath., *De Thessalonica capta*, ed. cit., pp. 395, 396, 415.

97. G. Tafel. *Komnenen und Normanen*. Stuttg., 1870, pp. 216, 217.

98. DCV., NN 358, 359.

99. Ibid., NN 360, 361.

100. Всякие рассуждения о мести со стороны Венеции за события 1182 г. не основываются на документах, а вытекают из ошибочного предположения о том, что среди пострадавших в Константинополе латинян надо разумеать преимущественно, если не исключительно, венецианцев. Мы должны с удовлетворением констатировать, что отстаиваемая нами точка зрения на венециано-византийские отношения при императорах Мануиле и Андронике (1171—1185) нашла признание со стороны такого знатока венецианской истории, как Роберто Чесси. В своей двухтомной истории Венецианской республики, вышедшей в сороковых годах текущего столетия, он еще стоял на оспариваемой нами точке зрения, но в начавшей выходить коллективной «Истории Венеции» (1957—58 гг.), он полностью отказался от общепринятых ранее взглядов на венециано-византийские отношения в последней четверти XII в. (назв. соч., т. II, стр. 406 и след.). Изложенный нами здесь взгляд впервые был опубликован в V. Зап. Горьк. Госуд. университ. в 1950 г. в статье под названием «Восточная политика венецианской plutократии в XII в.» и затем более подробно в статье, помещенной в Виз. Врем. в т. V от 1952 г. под заголовком «К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов» (1171—1185).

101. Эти выдумки являются логическим развитием той же ошибки. С ними мы встречаемся у Армэнго (лит. соч., стр. 108). Брауна (лит. соч., стр. 113), Ходгсона («Ранняя история Венеции», стр. 333) и др.

102. *De restituendis dapnis habuerunt dilaticnem.* (Just. Chr., p. 90. Danduli Chr., col. 314).

103. FRA. DA., v. XII, pp. 179—200.

104. Ibid., p. 179.

105. Этим вопросом специально занимался Нейман (C. Neuman. *Zur Geschichte der byzantinisch—venezianischen Beziehungen*. BZ., т. I, 1892, pp. 370 ss.), и ответил на него именно таким образом. Мы должны признаться, что, хотя и допускаем такое решение этого частного вопроса, тем не менее доводы Неймана нам не кажутся убедительными. Вопрос этот, впрочем, не имеет большого значения и мы совершенно не согласны с Ф. И. Успенским, который на основании этих весьма спорных высказываний Неймана делает далеко идущие выводы относительно ценности публикации Тафеля и Томасса для истории взаимоотношений Византии и Венеции (История Византийской империи, т. III, стр. 124).

106. *Nec per se unquam ei posebit...* (FRA. DA., v. XII, p. 196).

107. Ibid., p. 197.

108. Ibid., p. 198.

109. Ibid., p. 201.

110. Ibid., p. 199.

111. *Ecclesiam, embolum et scaiam...* (FRA. DA., v. XII, p. 207).

112. Только желание во что бы то ни стало доказать, что во время константинопольского погрома латинян пострадали и вене-

цианцы, заставило Манфрони утверждать, что договор с Исааком предусматривал возмещение убытков, причиненных Андроником (цит. соч., стр. 274). В договоре, напротив, прямо указывается: „in redditionem rerum, que Veneticis ablatae fuerunt tunc... domino Manuele Comnino... (FRA. DA., v. XII, p. 207).

113. Договор называет два кентенария, одна частная грамота от марта месяца 1191 года говорит об illis ducentis quinquaginta libris de perperis, quas dominus Zurchacchius imperator Constantinopolitanus misit in Venetiam pro parte de ipso habere, quod Veneticis ablatum fuit in Romania. (DCV., NN 396, 403, 413).

114. FRA. DA., v. XII, p. 210.

115. Ibid., p. 209.

116. Heinen, op. cit., p. 64.

117. Tamen dicta pecunia integre soluta... nunquam fuit... (Just. Chron., p. 92).

118. Quadringentis libras yperperorum, quas nobis dari debent pro annis duobus. Кречмайр, у которого эта инструкция напечатана полностью (цит. соч., т. I, стр. 473), почему то думает, что он опубликовал ее впервые, между тем как она была воспроизведена еще Арменго (цит. соч., стр. 114 и след.).

119. Kretsch., op. cit., p. 473. Et si nollet mittere aut dare quadringentas, si saltem ducentas dederit vel miserit, faciatis..

120. Quod nec etiam ducentas vellet dare vel mittere, si nobis crisobula miserit ad hoc, quod eas debemus habere, nec remaneat.

121. Дата пребывания этого посольства в Константинополе определяется различно: Арменго указывает 1198 г. (цит. соч., стр. 114), Шаубе относит деятельность этого посольства на 1195—1196 гг. (цит. соч., стр. 256). С Арменго нельзя согласиться потому, что император Генрих VI во время написания инструкции был еще жив, а он умер осенью 1197 г.; соображения Шаубе, с другой стороны, не оставляют времени для деятельности первого посольства Венеции к царю Алексею III. Отсюда вытекает с большой степенью вероятности принятая нами датировка событий.

122. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 4/3.

123. Ibid., p. 473.

124. Ibid., p. 4/3.

125. Ibid., p. 473.

126. Совокупность именно всех этих обстоятельств облегчила Венеции возможность благополучно закончить переговоры в Византии, и нужно считать необоснованным домысел Гейда, объясняющего сговорчивость Алексея III угрозой со стороны Венеции противопоставить ему Алексея, сына эксимператора Исаака (Гейд, цит. соч., стр. 250). Эта угроза не могла в это время быть реальной уже по одному тому, что будущий Алексей IV в это время находился в руках Алексея III.

127. FRA. DA., v. XII, p. 255.

128. Nec commercium aut pedagium, aut samariaticum, vel potuaticum, aut sauraticum (i. e. subuviaticum), aut causa operandi, aut scalaticum... (FRA. DA., v. XII, p. 257).

129. Ibid., pp. 258—272.

130. Ibid., pp. 274—277.

131. Из многочисленных примеров назовем: М. М. Ковалевский, (К ранней истории Азова, (ТАС, т. II, стр. 115), Романин, Документированная история Венеции, (т. I, стр. 334).

132. Schaub., op. cit. pp. 251 ss.

1. Danduli Chr., col. 265.
2. Codex dipl. regni Cr., Dalm., v. II, p. 21.
3. Dux autem in proximo mense madii suo undique collecto exercitu et Henrici imperatoris atque Alexii Constantinopolitani adjutus praesidiis contra Hungaros, qui ad subveniendum castrum Jadræ rederent, Dalmatiam agressus est. (Romanin, Storia doc., v. II, p. 28).
4. Дандоло, правда, говорит, что Задар подчинился полностью и выдал заложников. Это, однако, не совсем вяжется с дальнейшим рассказом хрониста, из которого видно, что венгерский гарнизон по-прежнему оставался в цитадели Задара, что было бы едва ли возможно, если бы успех был полным и решительным. Кроме того, «Краткие венецианские анналы» прямо утверждают, что Задар взят не был (цит. изд., стр. 71), а выражение названного источника «дож отправился с войском в Далмацию и овладел ею» надо понимать, как указание на овладение островами и посадами Задара.
5. Danduli Chr., col. 266. Historia ducum, p. 73. Hungaros fugavit, Jadratinos et Dalmatinos ad suam fidelitatem reducens, ...obsides accepit, quot et quales voluit... «История дожей венецианских» представляет эти два последовательные похода, как один поход. В действительности, их было все-таки два, как это подтверждают и «Краткие венецианские анналы» (цит. изд., стр. 71).
6. Codex dipl. reg. Cr., Dalm., v. II, N 26.
7. Danduli Chr., col. 267. Historia ducum, p. 73.
8. Danduli Chr., col. 270.
9. Codex dipl., v. II, N 35.
10. Historia ducum, p. 74.
11. Danduli Chr., col. 272.
12. Войнович, не приводя никаких доказательств, утверждает, что Сплит, Задар и, вероятно, Трогир с 1127—1128 гг. бесспорно принадлежали венграм (цит. соч., стр. 370).
13. Codex dipl., v. II, N 45.
14. Ibid., NN 48, 49.
15. Historia ducum, p. 76.
16. Ibid., p. 74.
17. Ibid., p. 76. Annales venet. breves, p. 71.
18. Danduli Chr., col. 280.
19. ADTV., v. I, pp. 5, 6. Danduli Chr., col. 281.
20. Marinis latrociniis debitas... (Dand. Chr., col. 284).
21. ADTV., v. I, pp. 6, 7.
22. Danduli Chr., col. 285.
23. Ibid., col. 292.
24. Historia ducum, p. 76.
25. Cappelletti, op. cit., v. I, p. 445.
26. Historia ducum, p. 76. Danduli Chr., col. 292.
27. Cappelletti, op. cit., v. II, p. 192.
28. Венецианские источники, неизменно подчеркивающие услуги венецианцев Византии даже там, где эти услуги диктовались эгоистическими интересами самой республики, и на этот раз стремятся войну с Венгрией из-за Далмации представить как дело, предпринятое ради интересов Восточн. империи: Rex ille imperatorem in multis leserat, unde Veneti Hungaros ubicunque poterant offende-bant.. (Historia ducum, p. 76).
29. Ibid., p. 76. Annales venetici breves, p. 71.
30. Annales venet. brev., p. 71. Historia ducum, p. 71.
31. Киннам говорит в своем труде о том, что Мануил овладел в Далмации 57 городами (цит. соч., книга V, гл. 17). Ac poena tota Dalmatia subjungatur... (Danduli Chr., col. 252).

32. Codex diplom. regn. Cr., Dalm., v. I. N 97.
33. Historia ducum, p. 79. Danduli Chr., col. 294.
34. De Vargas, op. nom. (Нан. у макушева, Быт. Дубровн. стр. 438).
35. Codex dipl., v. II, NN 155, 156.
36. Ibid., N 166.
37. Ibid., N 194.
38. Danduli Chr., col. 311.
39. Codex dipl., v. II, N 161.
40. Cum stolo Venet'ae ad obsidionem Jadrae ire vel mittere debetis... (MSHSM., v. I, NN 18, 19, 20).
41. Annales venetici breves, p. 72.
42. Pagam et alias insulas sibi animose subjecit, sed Jadram sub tempore non potuit refabere.. (Just. Chr., ed. cit., p. 90).
43. Danduli Chr., col. 214. Just. Chr., p. 91.
44. Just. Chr., p. 91.
45. Propter Jadratorum durit'iam... (Just. Chr., p. 92).
46. Ibid., p. 91. Danduli Chr., col. 317. Annales ven. brev., p. 72.
47. W. Lenel, Venezianisch—Istrische Studien, pp. 195, 196.
48. W. Lenel, Die Vorcherrschaft, p. 30.
49. Romcaldi arch. Salern. Annales, ed. cit., p. 419.
50. MGH. L. Const., v. I, p. 154.
51. Danduli Chr., col. 264, 266.
52. Hoc sibi et non successibus datum (Otto Freisingen, cit. Poole, CMH., v. V, p. 341).
53. Ibid., p. 343.
54. MGH. L. Const., v. I, pp. 171—175.
55. Poole. Germany, CMH., v. V, p. 345.
56. L. Halphan. L'essor de l'Europe, p. 242.
57. Н. А. Бортник. Общественная деятельность Арнольда Брешианского. (Учен. Зап. Сврдловск. Унив., ист. отд. XI, 1952).
58. В. Г. Васильевский. Союз двух империй. Труды, т. IV.
59. MGH. L. Const., v. I, pp. 209—213.
60. Annales Pisani, p. 242. Annales Veronenses. MGH. SS., v. XIX, p. 3. Annales Mediolanenses. MGH. SS., v. XVIII, p. 360.
61. Otto de s. Blasio. Annales, Muratori RIS, v. VI, col. 873.
62. Annales Med., ed. cit., p. 360.
63. Ibid., p. 360. Annales Pisani, p. 242.
64. Annales Med., pp. 364, 365. Annales Veron., p. 3. Annales Pisani, p. 244.
65. Annales Med., p. 367. Ann. Pis., p. 244.
66. Annales Med., p. 368.
67. Ibid., p. 370.
68. Annales ven. brev., p. 71. Historia ducum, p. 76.
69. Fecit nares incidere... et unum oculum extrahere... carere utrique oculo.. (Annales Med., p. 372).
70. Ibid., pp. 373, 374. Annales Parmenses, MGH. SS., v. XVIII, p. 664.
71. Annales Med., p. 373.
72. Kretschmayr, op. cit. B. I, p. 466.
73. Historia ducum, p. 77.
74. Occulte promitans multas pecunias, ut contra dominum suum imperatorem jurare... (Hist. duc., p. 77).
75. De rebus laudensubus Acerbi Morenae continuatio. MGH. SS., v. XVIII, p. 642.
76. Annales Pisani, p. 247.
77. Annales Med., p. 375.
78. Historia ducum, p. 77.
79. Annal. Med., p. 376.
80. Из грамоты с привилегиями для Феррары от 1164 г., помещенной у Кречмайра (цит. соч., стр. 466, т. I).

80. Annales Med., p. 377.
81. Historia ducum, p. 77.
82. Otto de s. Blasio, op. cit., p. 881.
83. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 259.
84. Aug. Baer. Die Beziehungen Venedigs. Innsbruck, 1887, p. 43.
85. Ibid., p. 44.
86. Все усилия Капелетти оживить старую басню о морской битве при Сальворе у берегов Истрии в 1176 г., опровергнутую еще Сисмонди, где венецианский флот разбил будто бы флот императорский в составе 650 судов, нельзя признать удачными. Мы уже говорили выше, что для этого Капелетти понадобилось заподозрить Анналы Ромоальда (цит. соч., т. II, стр. 40 и след.).
87. Romcaldi Sal. Annales, p. 444.
88. Lombardi autem e diverso suspectos habebant venetos, asserentes, illos pacis cum eis foedera violasse, et sepe imperatoris nuncios contra hoc, quod statutum inter eos fuerat, recipisse.. (Ibid., p. 445).
89. Ibid., p. 446.
90. Historia ducum, pp. 84—87.
91. Ibid., pp. 451, 452.
93. Refecto pallio, ad pedes pape totum se expenso corpore inclinavit... (Romcaldi Annales, p. 452). Seseque in terram prostravit et primum pedes, deinde genua... deosculatus est.. (De pace venetea relatio. MGH. SS., v. XIX, p. 463).
94. Hist. ducum, p. 83.
95. Ipsi vero Veneti per totum Imperium et per totam terram, quam vel nunc habemus vel in posterum auctore deo habituri sumus, liberi sunt ab omni exactione et datione (MGH. L. Const., v. I, pp. 373—377).
96. Aug. Baer, op. cit., p. 61.
97. Письмо приведено у Креймайра (цит. соч., т. I, стр. 470).
98. Zimmert. Der deutsch-byzantische Konflikt. (BZ., B. XII, 1903, p. 74).
99. MGH. L. Const., v. I, pp. 526—530.
100. Just. Chr., p. 91. Danduli Chr., col. 316.
101. Kretschmayr, op. cit. B. I, p. 258.
102. Annales ven. breves, p. 70.
103. Ibid., p. 70.
104. Venetie Ravennatenses plurima n' a terra marique intulere. (Otto Freisingen, Chr. MGH. SS., v. VII, p. 29).
105. Danduli Chr., col. 274, 279, 280. Longo tempore cum Paduani dissensionem habuerunt amnemque, qui civitatem eorum praeterfluit, ab alveo derivaverunt.. (Otto Freis., p. 27).
106. Danduli Chr., col. 281.
107. Pisani..., qui per multos annos cum Veneticis habebant inimicitiam, ad pacem venerunt. (Hist. duc., p. 76). Danduli Chr., col. 287.
108. MSHSM., v. I, N 14.
109. Договор напечатан у Креймайра по специально для него сделанной выписке из венец. архива (цит. соч., т. I, стр. 467, 648).
110. Just. Chr., p. 90. Danduli Chr., col. 311.
111. Macushev, MSHSM, v. I, pp. 422, 423.
112. Annales ven. brev., p. 72. Danduli Chr., col. 317.
113. Just. Chr., p. 91.
114. Kretschmayr, op. cit., B. I, p. 473.
115. Just. Chr., p. 92. Venetis pontis Adriatici vias claudunt.
116. Ibid., p. 92.
117. R. Lopez. Aux origines du capitalisme génois (Annal. d' histoire économique et soc., N 47, sept. 1957, pp. 449, 450).
118. E cosi... dalla Siria sino alla estremità del golfo Adriatico...

tutta la costa marittima dell'oriente... ritorno à Venezia glorioso..., говорит, например, Капелетти, рассказав о походе Доменико Микеле на Восток (цит. соч., т. т. стр. 462).

119. FRA. DA., v. XIII, pp. 249, 250.

120. Ibid., pp. 107, 108, v. XII.

121. „Gulfum venetiarum“ (Annales Januenses, p. 247); „Per mare Venetiae“ (Annales Placentini Gibellini. MGH. SS., v. XVIII, p. 505).

РАЗДЕЛ 4-й

Глава X

1. Что это было прямо целью похода,—в этом сходятся все наши важнейшие источники по истории четвертого крестового похода, об этом свидетельствует в особенности богатая переписка Иннокентия III от 1198 по 1205 гг. Всякая попытка представить Иннокентия III союзником Филиппа Швабского, например, как это иногда делается в исторической литературе (Ф. И. Успенский в «Истории крестовых походов», стр. 125 и особенно следующий за ним М. А. Заборов в своих статьях и книге «Крестовые походы» стр. 205 и др.), должна быть признана по меньшей мере сомнительной. Основания, которые могут быть найдены для такого мнения в источниках—Морейская Хроника, (ed Hopf, Chroniques, p. 414), Главные Кельнские Агналы (Annales Colonienses maximae, MGH, v. XVIII, p. 810),—совершенно недостаточны для такого вывода, так как эти источники, как и византиец Никита, передают чужие рассказы, представляющие в этом пункте простые сплетни. То же самое следует сказать и о Канале, который к тому же стремится представить действия венецианцев всегда в наилучшем виде. По Канале Дандоло в Константинополе выполнял прямое поручение папской курии (цит. соч., стр. 324, 326).

2. На этом основании некоторые из новых историков крестовых походов не находят возможным отвести места четвертому походу в своих книгах (среди прочих волн крестоносного движения) Stevenson, op. cit., p. 296; René Grousset. L'empire du Levant, Paris, 1946, p. 442). Это—результат непонимания этими авторами существа крестоносного движения, — четвертый крестовый поход, напротив может почитаться классическим выражением истинной сущности крестоносных авантур XII и XIII вв.

3. Belloc, H. The crusade, p. 299; Hodgson, The early Hist., p. 438).

4. Musatti, op. cit. p. 101.

5. Streit, L. Venezia e la quarta crociata (Arch. Ven. N 16, 1878, p. 249).

6. Hopf, K. Geschichte Griechenlands, p. 188; Mas Latrie, Histoire de l'île de Chypre, v. I, p. 162.

7. См. приложение III.

8. Concordare se minimum potuerunt... (Annal. Jan., ed. cit., p. 119).

9. Cum victualibus ad annum unum.. (FRA, DA., v. XII, p. 365); Chron. Just., ed. cit., p. 92.

10. Non debetis a Cremona et infra versus Venet'iam, et a Bononia, Imola, Faventia et infra versus Venet'iam, nisi verbo nostro (emere)...(FRA. DA., v. XII, p. 361).

11. В одном из источников похода указано, что речь идет о кельнских марках, так как стоимость марки определена в 4 перпера. (Guntherii Parisiensis, *Historia Const.*, Exuviae, p. 78).

12. De quibus... si defecerint, argentum inferius dictum nobis tam minuere non debet (ib., p. 365). Нередко за этот последний пункт Вильярдуну и его товарищей упрекали в недальновидности и даже глупости, а венецианцев — в хитрости и жадности, — такова, например, позиция Митрофанова (назв. соч., стр. 468), Герцберга (цит. соч., стр. 350), Шарля Дилля (назв. соч., стр. 416). Это — неосновательно. С коммерческой точки зрения, а венецианцы рассматривали этот подряд, конечно, не как дело благочестия, а как дело коммерческое, — еще Маркс в свое время метко заметил, что Энрико Дандоло «решил из крестоносной глупости сделать торговую операцию» (Архив, Маркса, Энгельса, т. V, стр. 194) договор почти безупречен. Венецианцы ведь вперед должны были, независимо от числа явившихся крестоносцев, произвести все необходимые затраты: покупку, зафрахтование или постройку кораблей, частичное авансирование экипажей для них, покупку или заключение договоров на поставку продовольствия. Правительство республики, надо думать, в свою очередь, должно было заключить ряд договоров с частными лицами, которые несомненно потребовали неустоек в обеспечение контрактов.

Требование всей обусловленной суммы вперед также, с коммерческой точки зрения, вполне основательно как потому, что большую часть затрат вперед должны были произвести и сами венецианцы, так и потому, что надо было финансировать такое ненадежное дело, как война. При наличии всего этого ни один толковый коммерсант не заключил бы другого, более приемлемого для крестоносцев договора.

Наконец, что касается самой договорной суммы, то историки не раз говорили о ее чрезмерности, но еще никто не взял на себя труда подсчитать, во сколько должна была обойтись перевозка и содержание армии в 30 тыс. человек и 5 тыс. лошадей в течение целого года.

По словам крестоносцев можно было поставить в упрек лишь то, что они не обеспечили выполнения договора со стороны венецианцев неустойкой; но это имеет в данном случае лишь теоретическое значение, так как венецианцы не только намеревались выполнить договор, но и действительно его выполнили. Из всего этого видно, что нет никаких оснований рассматривать договор, как косвенное доказательство преднамеренного «закрепощения» крестоносцев, как это делали и делают сторонники теории «преднамеренности».

13. FRA. DA., v. XII, p. 267.

14. Ibid., p. 268.

15. Robert de Clary op. cit., p. 5.

16. Ibid., p. II.

17. Li barons respondirent que en le tere de Surie ne voloient il mie aler... (Ibid., p. 5).

18. Guntherii Parisiensis op. cit., p. 71 — Quod ubique si fecissent, sperabile satis erat... in eorum potestatem posse transferri, ecquid totus fere populus terre vel consumptus fame perierat, vel squalibat penuria, propter sterilitatem ejusdem videlicet terre, qui Nilus frugiferas aquas... annis, ut ajunt, jam quinque subtraxerat...

19. Miller, *Der Islam*, v. II, p. 162.

20. Ce qu'ayant esté executé, chacun sceût que l'on iroit à Babylon et en Egyrte... (FRA. DA., v. XII, p. 413).

21. Вильардуэн, впрочем, говорит, что папа, которому договор был представлен на утверждение, сделал это очень охотно — et il le fist moult volentiers. Это заставляет заподозрить правдивость автора «Деяний Иннокентия III» и предположить, не является ли это известие его выдумкой *post factum*.

22. FRA. DA., v. XII, p. 443. — Tu autem—писал в 1204 г. папа дожу—et tui, omnibus his (litteris) despectis et legato nostro repulso, contra regem (Ungarorum) impetum facientes...

23. Gunth. Parisiensis, op. cit., pp. 81, 82.

24. Villehardouin, op. cit., p. 18.

25. Ibid., pp. 1819.

26. Ibid., p. 5; Robert de Clary, op. cit., p. 8.

27. Это подтверждается и таким источником, в данном случае вполне компетентным, как сочинение Эрнуля и Б. Трезорье (цит. соч., стр. 340).

28. Robert de Clary, op. cit., pp. 7, 8.

29. Вильардуэн называет 34, Робер де Кляри—36 тыс. марок.

30. Rob. de Clary, op. cit., p. 8.

31. Exuviae sacrae, p. 5.

32. Devastatio Constantinopolitana, ed. cit., p. 87.

33. Ibid., p. 12.

34. Ж. Лоньон определяет число неявившихся в Венецию крестоносцев в половину обусловленного в договоре о перевозке количества воинов. (J. Longnon, L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée. Paris, 1949, p. 30).

35. Villehardouin, ed. cit., p. 20.

36. Exuviae Sacrae, ed. cit., p. 12.

37. Ibid., p. 72.—Nesciens quo verteret se, quidve ageret, totus in se exorruit...

38. Ibid., p. 71.—Unde et multi pauperes...relicto exercitu, versis vestigiis, ad propia regressi sunt..

39. Exuviae, p. 5.

40. Villehardouin, ed. cit., p. 21.

41. Ibid., p. 22; Nicetas, ed. cit., p. 715.

42. Об этой дате В. Г. Васильевский—«Критические заметки. Об образовании второго Болгарского царства. Ф. И. Успенский». (ЖМНП., 1879, авг., стр. 337 и след). На основании доводов Васильевского мы отвергаем взгляд, по которому бегство Алексея относится на 1201 г. (Гейд, цит. соч., т. I, стр. 265; Шаубе, цит. соч., стр. 254 и т. п.). Плодом недоразумения является статья, принадлежащая известному византинисту Грецуару, в которой он думает «одним наречием разрешить старую контроверзу» (Byzantion, т., v. XV. 1940—1941, p. 158) и в которой он обвиняет в тенденции Фараля, также считавшего датой бегства Алексея 1202 г., как это делает и академик В. Г. Васильевский. (Подробно об этом см. Приложение II).

43. Иннокентий III писал императору Алексею III: *praestaremus subsidium vel favorem..* (FRA. DA., v. XII, p. 404).

44. Nicetas, op. cit., p. 715; Anon. Ha'b. Exuviae, p. 13; Новгородская летопись, цит. изд., стр. 26.

45. Мы отвергаем много раз высказывавшуюся в исторической литературе мысль о том, что четвертый крестовый поход представ-

лял собою в какой то степени акт мести за коварство греков, обнаруженное ими во время предыдущих крестовых походов и в других сношениях с западными европейцами. Норден в своей небольшой книге, посвященной этому походу, развернул эту мысль в целую «теорию». (W. Norden. Der vierte Kreuzzug in Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz. Berlin, 1898). Здесь он высказывается в том смысле, что поход был одним из актов той длинной серии столкновений стран Запада с Византией, какие бывали ранее—с норманами, с крестоносцами первых крестовых походов, с венецианцами, с Генрихом VI (стр. 11, 13, 21, 30). Мы повторяем, поход был результатом общего хода исторических событий, которыми очень умело воспользовались венецианцы, а авантюристам, принявшим участие в походе, в конце концов было безразлично, где и кого грабить,—византийский вариант представлял собою даже некоторые преимущества.

43. Vellehardouin, ed. cit., p. 23.

47. Chr. Danduli, col. 323; Chr. Just., p. 92; Rob. de Clary, p. 9, 10.

48. Всякая попытка объяснить это крейсирование у берегов Истрии другими мотивами, как это делает, например, Ф. И. Успенский (История крестов. поход., стр. 121), не может быть обосновано данными источников.

49. Romanin, Storia doc., v. II, pp. 424 ss.

50. FRA. DA., v. XII, pp. 397, 398, 402; Minotto, v. I, pp. 10 ss.

51. Rob. de Clary, p. 10.

52. Villehardouin, op. cit., pp. 24, 25. Вильардуэн не называет иначе противников отклонения похода от его основной цели, как людьми, желавшими расстроить его,—qui l'ost voloient dépicier.

53. Anonym. Halberst., ed. cit., p. 13.—Quamplures peregrinorum secum trahentes Hungar'iam discesserunt...

54. Villehardouin, ed. cit., p. 27; Just. Chron., ed. cit., p. 92; FRA. DA., v. XII, p. 409.

55. Gunther, Parisiensis, op. cit., p. 27; Rob. de Clary, p. II.

56. Just. Chron.: „Quam civitatem rebellam factam... dux cum suo exercito tamen, videlicet venetorum, viriliter expugnantes, ipsam sua potestate ceperunt... eam que usque ad fundamenta fecerunt dirui et vastari.. (p. 92). Роберто Чесси в коллективной «История Венеции» делает неуклюжую попытку оправдать разбойничье нападение на Задар различными благовидными соображениями: для венецианцев де нужно было закрепить в Адриатике «статус кво», а для крестоносцев—нужны были необходимые условия для зимовки, и задарцы сами виноваты, что встретили крестоносных громил враждебно (т. II, стр. 454 и след.).

57. Villehardouin, p. 28; Danduli Chr., col. 321.

58. Nicetas, op. cit., p. 715.

59. Villehardouin, p. 29.

60. Devast. Constantinopolitana, ed. cit., p. 88.

61. Anonym. Halberst., Exuv'ia, p. 12.

62. Villehardouin, p. 30; Danduli Chr.—Benigne pueri assumunt negotia.. (col. 321).

63. Robert de Clary, p. 23.

64. Ibid., p. 12. Мы предпочитаем эту версию другим известиям, по которым перед войском выступал сам Алексей, как более естественную.

65. Gunther. Parisiensis, ed. cit., p. 77.
66. Мы полагаем, что ни Ф. И. Успенскому, ни следующему по его стопам Заборову не удалось доказать соучастия Иннокентия III в организации похода под Константинополь, ни тем более—под За-дар.
67. FRA. DA., v. XII, p. 443.
68. Ibid., p. 409.
69. Ibid., p. 411.
70. Ф. И. Успенский в качестве одного из доказательств причастности Иннокентия III к планам генерального штаба крестоносной армии, выдвигает мысль, что Иннокентий мог сразу остановить поход, наложив на его участников интердикт, если бы он действительно хотел направить его в Сирию или Египет... Это очень странно: не может быть того, чтобы Ф. И. Успенский не знал, что папа так именно и поступил, но... не так то легко было справиться с венецианцами.
71. FRA. DA., v. XII, 414.
72. Ibid., p. 418.
73. Ibid., p. 419.
74. Ibid., p. 417.
75. Gunther. Parisiensis op. cit., p. 78.
76. Robert de Clory, op. cit., p. 23.
77. Villehardouin, op. cit., p. 29; Devastatio Const. ed. cit., p. 88.
78. Multe ère riche et plenteuroise...
79. Buchon, Recherches, v. II, p. 64.
80. Robert de Clary, op. cit., p. 24.
81. Ibid., p. 34.—Et li vesques respondirent et disent, que che n'estoit mie pechies...
82. Villehardouin, p. 31.
83. Robert de Clary, p. 34.—Adont si s'accorderent tout li pelerin et li venicien, que on i al'ast...; Villehardouin, op. cit., pp. 31, 32.
84. Ibid., pp. 31, 32.
85. Ibid., p. 34.; Nicetas, op. cit., p. 717.
86. Villehardouin, p. 36; Robert de Clary, p. 35.
87. Villehardouin, pp. 37, 40, 46, 59.
88. Nicetas, op. cit., p. 723.
89. Ibid., p. 722.
90. Villehardouin, p. 42.
91. Robert de Clary, pp. 39, 43.
92. Ibid., p. 42; Nicetas, p. 722.
93. Villehardouin, p. 44.
94. Ibid., p. 46.
95. Ibid., p. 48.
96. Ibid., p. 51.
97. Ibid., p. 47.
98. Nicetas, op. cit., p. 729.
99. Villehardouin, p. 51; Robert de Clary, pp. 48, 49.
100. Villehard., p. 49; Nicetas, pp. 730, 731.
101. Robert de Clary, p. 49.
102. FRA. DA., v. XII, pp. 432, 423.
103. Villehard., p. 53; Rob. de Clary, p. 60.
104. Anonymi Suess., op. cit., Exuviae, p. 6.
105. Gunter. Paris., op. cit., pp. 92, 93.
106. Nicetas, pp. 751, 752.
107. FRA. DA., v. XII, p. 435.—Ad recuperationem Terrae sanctae totis viribus insistatis...
108. Ibid., p. 441.—De indulgentia nostra securus labem peccati propter hoc nullatenus pertimescas...
109. Ibid., p. 443.
110. Robert de Clary, pp. 53, 54.
111. Exuviae, pp. 6, 7.
112. Ibid., p. 101.

113. Nicetas De signis Constantinopolitanis, ed. cit., pp. 854 ss.
 114. Exuviae, pp. 7, 8, 20, 21, 35—44, 104—106, 145—148.
 115. Собр. Летоп., т. III, стр. 29 и след. Источники четвертого крестового похода венецианского происхождения замалчивают эти злодеяния.
 116. Robert de Clary, p. 64.—Si alerent dont qui miex, miex...
 117. Nicetas Historia, ed. cit., pp. 778, 779.
 118. Ibid., p. 785. 119. Ibid., pp. 785, 786.
 120. Для примера можно указать на того же Гунтера, который характеризует Дандоло следующим образом: „Vir quidem prudentissimus, dux videlicet Venetiarum, cecus quidem in facie, sed perspicatissimus in mente, qui corporis cecitatem animi vigore atque prudentia optime compensabat“. (Exuviae, p. 91).

Глава XI

1. FRA. DA., v. XII, p. 446.
 2. Толкование текста этого пункта договора представляет известные трудности. Текст гласит следующее: *De quo tamen havere nobis et omnibus venetis tres partes debent solvi pro illo havere, quod Alexius quondam Imperator, nobis et vobis retinere debetis, donec fuerimus in ipsa solutione coaequales...* (FRA., DA. XII, p. 446). Наше толкование основывается на том факте, что задолженность Алексея перед венецианцами была гораздо более значительной, чем перед крестоносцами, так как венецианцы согласились продолжить срок службы своего флота еще на один год за очень большую плату. Естественно, что они, в первую очередь, и должны были хлопотать о покрытии этой задолженности, а возможный избыток разделить в соответствии с договором, заключенным еще в Венеции, пополам.
 3. Ibid., p. 447. 4. FRA. DA., v. XII, pp. 446, 447.
 5. Ibid., p. 447.
 6. Ibid., p. 448. Встречающееся иногда в исторической литературе утверждение, что венецианцы по договору с баронами не были обязаны ленной присягой императору, (например, у Люшера в цит. соч., стр. 211 и след.) основано на недоразумении.
 7. Ibid., p. 447.
 8. Villehardouin. p. 84. По свидетельству Вильардуэна это решение было принято в связи с предстоявшими выборами императора. В тексте договора этого пункта нет. У. Миллер предлагал читать интересующее нас место у Вильардуэна не как *isle de Crete*, а как *isle de Crece*. Основанием для такой корректуры он считает то обстоятельство, что Бонифаций выводил свои права на Крит из обещаний и уступок Алексея, ему будто бы сделанных последним. Нам думается, что Миллер здесь неправ, равно как и вдохновившая его работа Баротто. Если бы Бонифацию, действительно, достался не Крит, а Пелопоннес, то совершенно непонятно, как могли согласиться венецианцы включить Пелопоннес в состав своих владений, если он уже принадлежал Бонифацию. Мы думаем, что текст Вильардуэна в этом месте должен быть сохранен в его обычном чтении (У. Миллер, цит. соч., стр. 27).
 9. В качестве примера можно указать на такие области, как Тарс в доле императора, или Прилеп в доле крестоносцев (Provincia Tharsiae..., provincia Prilapi).

10. Exuviae, p. 38.
11. Robert de Clary, p. 64.
12. Полн. Собр. Летоп., т. III, стр. 28.
13. Robert de Clary, pp. 64, 65.; Ernoul et Bern. le Tres
Последний источник, враждебно настроенный по отношению к венецианцам, нарочито подчеркивает, что пальма первенства принадлежала здесь этим последним: *et cil qui plus emblerent, ce furent j'i Venissiens, qui le portoient par nuit à lor nés* (p. 375).
14. Villehardouin, p. 64.
15. *Devastatio Constantinopolitana*, p. 92.
16. *Ibid.*, p. 92.
17. Villehard., p. 60. Стоимость марки анонимным автором «Константинопольского Погрома» определяется в 4 перпера (цит. соч., стр. 78).
18. *Danduli Chr.*, col. 331; *Anonymi monachi S. Georgii Translatio corporis beatissimi Pauli martyris*, Exuviae, pp. 145, 148; *Petri Calo Veneti ordinis predicatorum Translatio S. Johanni*, Exuviae, pp. 179 ss.
19. Nicetas, op. cit., p. 788.
20. К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 317.
21. Rob. de Clary, op. cit., p. 73.
22. Villehardouin, p. 63.
23. FRA. DA., v. XII, p. 510.
24. *Ibid.*, p. 532.
25. *Ibid.*, pp. 516, 517. *Gavisi sumus in Domino...*
26. Villehardouin, pp. 86, 87.
27. *Ibid.*, pp. 64, 65.
28. *Ibid.*, p. 65.
29. F. Carli, op. cit., v. II, p. 190.
30. В. Ф. Семенов. История средних веков, М., 1956, карта на стр. 160.
31. Манфрони полагает, что это было сделано с целью возложения обороны Константинополя на всех наследников Византийской империи (цит. соч., стр. 340).
32. Название первого из этих городов не вызывает никаких сомнений,—под Аркадиополем или просто Кардиополем разумеется современный Люле-Бургас. О Бульгарофле говорит Анна Комнина и помещает его около Никицы, что соответствует современной Хавса на речке того же наименования (FRA. DA., v. XII, p. 465). Картокопль Вильардуэн называет замком. Местоположение его может быть приблизительно определено на основании таких соображений. Генрих, брат Болдуина, спешит ему на помощь из Азии, перейдя Геллеспонт в районе Галлиполи. Он направился под Адрианополь, но по дороге узнал о разгроме войск императора и бегстве венецианцев в Родосто. Он тогда меняет маршрут Адрианополя на Родосто и останавливается на ночлег в Картокопле (Вильард., стр. 201). Картокопль находился на расстоянии одного дня пути от Родосто. Следовательно, с большой вероятностью Картокопль может быть отнесен к северо-западу от Родосто километров на 25—30. Приблизительно здесь же определяют его положение Тафель и Томас (*Locus prope Rodosto quaerendus...* FRA. DA., v. XII, p. 466).
33. В этой части договора упоминаются *casalia* разных наименований,—под ними разумеются мелкие прибрежные пункты, вероятнее всего имена знати. Между Ганосом и Галлиполи мы находим: *casalia Kerisia, Mitrofitum, casalia Raubatis et Examili...*

34. Претензии на этот пункт могут быть объяснены только желанием заполучить пункт для своего обменного фонда, так как ко времени составления акта о разделе империи венецианцы уже приобрели у Бонифация Крит и последний получил Солунское королевство. По акту о покупке венецианцы обязались уступить Бонифацию расположенные на западе территории, доход с которых равнялся бы 10 тыс. перперов ежегодно.

35. В акте о разделе указывались Никополь, территории по реке Ахелю, Кониска (de Lesconis), будущая столица Эпирского деспотата Арта, Вонита на Артском заливе, округ Янины и Охриды (provincia Achridis), территории по реке Арбану и далее на север—округа Драча, Дринополя или Дрина.

В этом разделе несколько загадочным представляются *pertinentia Lopadii*. Мы не думаем, чтобы здесь могла идти речь о малоазиатском Лопадии,—это противоречило бы всему остальному содержанию раздела. Будет правильно усматривать здесь Лепанто, древнегреческий Навпакт, который около этого времени принимает новое название *Nerant*. В этом случае *pertinentia Lopadii* будут здесь совершенно естественными. Этим отвергается предложение Тателя и Томаса, усматривающих здесь древний *Labinthos*.

36. *Culuris* подлинника можно было бы отождествить с *Calauria*, наименованием небольшого острова в Сароническом заливе, но нам кажутся достаточно убедительными доводы Тафеля и Томаса, видящих здесь наименование средневекового Саламина и опирающихся в этом случае на географа Птоломея, который ставит знак равенства между *Salami* и *Koulouri* (FRA. DA., v. XII, p. 469).

Мы отвергаем обычное истолкование географического наименования акта *Canisia* с разночтением *Cavisia vel Nisia*, как наименование острова Наксоса, так как по ходу изложения здесь речь идти может лишь о пунктах в районе западного побережья Балкан.

37. FRA. DA., v. XII, p. 469. Heyd, W. op. cit., v. I, p. 303.

38. *Non sunt subjectae nobis et comune Venetiarum*. (FRA. DA., v. XIV, p. 99).

39. Heyd, op. cit., v. I, p. 304; Schaube, op. cit., p. 264; Battistelli, op. cit., p. 83. Последний придумал даже условия, на которых Венеция будто бы infeодировала острова представителям своей знати. Правильно определяют положение островов Марко Санудо и товарищей Гопф (Geschichte Griech. p. 223) и Фортерингэм (Fortherigham, J. K. Marco Sanudo, Oxf., 1915).

40. Наименование Киклад Додеканесом для XIII в. засвидетельствовано Морейской хроникой, где мы читаем: *Proton ton didei ho basileus dia dorean kai proika Holen ten Dodekaneson na ten krate ap autou*. (Buchon, Chr., p. 63) Совершенно произвольным является отказ У. Миллера признать Киклады за крестоносцами, хотя он и соглашается, что Киклады и Додеканес—одно и то же (M. Miller, op. cit., pp. 25, 29.).

41. Canale, Chron. Ven. ed. cit., p. 340.

42. Op. пом., p. 143.

43. Хроника Ибн эль Атири (FRA. DA., v. XIV, p. 461).

44. Назв. соч., стр. 29, 30.

45. Записки Одесского Общества истории и древностей, т. V, стр. 817.

46. Назовем для примера старые сочинения Дарю (т. I, стр. 107) или Пужуля (назв. соч., стр. 377).

47. Подробности у В. Г. Васильевского в его отзыве на книгу Ф. К. Бруна «Итальянские поселения в Газарии». (ЖМНП, 1879, ч. 206).

48. Это место у Анны читается так: *Choropolin tina Sagoudaus egchorios kaloumenen. Anna Comnina, Alexias, ed. Bonn., II, p. 315*.

49. О сагудатах в указанном районе говорит, например, анонимный автор сочинения «О чудесах св. Дмитрия», писавший, вероятно в конце VIII в. Текст перевода дан в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии». (Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 100).

50. Ф. И. Успенский. История крестовых походов, стр. 130.

51. Daru, op. cit., v. I. p. 303.

52. Nicetas Historia, ed. cit., p. 787.

53. Цитировано у Вильхена (назв. соч., т. V, стр. 373).

54. Robert de Clary, p. 80.

55. Ibid., p. 80. 56. Villehardouin, pp. 110 ss.

57. Buchon, Livre de la conquest, pp. 36, 37; Nicetas Hist., pp. 799, 800, 807.

58. Villehardouin, pp. 72, 73.

59. Ibid., p. 75.

60. Robert de Clary, pp. 51—53; Nicetas Hist., p. 809.

61. Gesta Innocentii papae. ed. Migne, Patr. Lat., v. 214, I. CXLVII, CXLVIII.

62. Villehardouin, p. 101; Chronique de Flandres, cap. 9; Sicardi episcopi Chronicon, ed. Muratori RIS, v. VII, col. 20.

63. Villehardouin, p. III.

64. Nicetas Hist., pp. 811, 812.

65. Villehardouin, p. III; Nicetas Hist., p. 814.

66. Villehardouin, p. 150.

67. Ibid., p. 215—220; Nicetas, pp. 832, 833.

68. Ibid., p. 834; Et sachlès que c'estoient Veniciens... por paour de mort, chose faut qut à deshonnaire li peut estre reprouvée à tuos jours (Villehard. cap. 147).

69. Migne Patr. Lat. v. 214, col. 293.

70. Nicetas Hist., pp. 832, 833, 839, 840.

71. Письмо Генриха (лит. у Медовикова, назв. соч., стр. 93).

72. Gesta, Migne, v. 214, CXLVIII.

73. FRA. DA., v. XIII, p. 31; Ernoul et B. le Trés. op. cit., p. 389.

74. Robert de Clary, p. 83.

75. Historia ducum, ed. cit., p. 95.

76. По мнению Ф. И. Успенского различные обстоятельства «позволили Генриху заключить с венецианцами в октябре 1205 г. важный договор, гарантировавший единство власти в военных делах и упразднило существовавшее со времени похода особое положение венецианцев». (История Византийской империи, т. III, стр. 429).

77. FRA. DA., v. XIII, pp. 49, 50, 51.

78. Gerland, E. Geschichte des Lateinischen Kaiserreichs von Konstantinopel, Hamb., 1905, p. 1-8.

79. Nicetas Hist., p. 824.

80. Migne, Patr. Lat., v. 214, col. 294-295.

81. Gesta, ed. cit., p. CXLVII.

82. Цитировано у Медовикова (назв. соч., стр. 93).

83. Manfroni, op. cit., p. 355 Sagredo, A. Venezia e le sue lagune, v. I, pp. 39 ss.

Глава XII.

1. FRA. DA., v. XII, pp. 522, 523.
2. Ibid., p. 532.
3. Ibid., p. 531.
4. Ibid., pp. 528 536.
5. Ibid., pp. 548, 550, 551.
6. Ibid., p. 546.
7. Ibid., v. XIII, p. 15
8. Ibid., p. 62.
9. Ibid., p. 75.
19. Ibid., p. 114.
11. Ibid., p. 127.
12. Ibid., p. 172.
13. Migne. Patr. Lat., v. 214 col. 892, 893, 963, 964.
14. Migne, Patr. Lat., v. 215, col. 959.
15. MGH. Leges. Constitutiones, v. II, pp. 38—42, 95.
16. H. Kretschmayr, op. cit. v. I, pp. 359, 360.
17. Minotto, v. I. pp. 12, 13.
18. Подробности у Пределли во введении к опубликованным им документам, относящимся к этой войне. (Predelli. Archivio Veneto, v. 30, p. 28, Documenti).
19. Just. Chronicon, ed. cit., p. 96.
20. Rolandini Patavini Chronica, ed. cit., p. 46.—Custodia confinia, ne quid de hac terra ad alteram portarentur,... et sic denuo discordia crevit...
21. Ibid., p. 46.
22. Danduli Chr., col. 339, 340; Canale Chronique Ven, ed. cit., pp. 356—360.
23. Predelli. Documenti, Archiv. Ven., v. 30, pp. 431, 435.
24. Danduli Chr., col. 321.
25. Just. Chr., ed. cit., p. 93.
26. Thomas Archid. Spalatensis, op. cit., pp. 84, 85.
27. FRA. DA., v. XII, pp. 421 ss.
28. Ibid., p. 421.
29. Ibid., 422.
30. Ibid., p. 423.
31. Just. Chron., p. 93.
32. FRA. DA., v. XII, pp. 423, 424.
33. Danduli Chronica, col. 333.
34. Макушев. В. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника, стр. 439.
35. Ljubi'c, S. Monumenta, v. I, NN 50, 58.
36. Thomas Arch. Sp., op. cit., p. 85.
37. Minotto, v. I, p. 12.
38. Manfroni, op. cit., p. 343.
39. Gesta Innoc., Migne, v. 215, p. XCI.
40. Annales Januenses. Ogerii Panis annales, ed. cit., p. 121.
41. Ibid., pp. 127, 129.
42. Regesta pontificum, ed. Kap Herr, v. VII, pp. 10, 11.
43. Ibid., pp. 40, 48.
44. Villehardouin, p. 137. Это, впрочем, следует и из других источников, как «Хроника Фландрская» или «Хроника Сикарда».
45. Villehard. cap. 215.—Et li veniciens garnirent une autre cité qui aveit nom Cardiope (Ibid., cap. 155).
46. Ibid., cap. 213, 217.
47. Acropolita Georgios. Annales, ed. Bonn., p. 39.
48. FRA. DA., v. XIII, p. 18.
49. M. Sanuto. Vite de' duchi di Venezia, ed. Muratori, RIS, v. XXII, col. 535 ss.
50. K. Horf. Geschichte Griech., p. 221 ss.
51. FRA. DA., v. XIII, pp. 123, 124.

52. Acrop. Geog., op. cit., p. 28.
53. FRA. DA., v. XIII, pp. 119—122.
54. Danduli Chr., col. 334; M. Sanuto, op. cit., col. 540; FRA. DA., v. XIII, pp. 57, 58.
55. Danduli Chr., col. 336.
56. Diplomatarium Veneto—Levantinum, ed. Thomas. Venetiis, 1880, v. I, p. 169.
57. H. Kretschmayr, op. cit. v. II, p. 16.
58. H. de Valenciennes, op. cit., p. 137.
59. FRA. DA., v. XIII, pp. 97, 98. Danduli Chr., col. 336.
60. Ibid., col. 334.
61. Ibid., col. 334.
62. FRA. DA., v. XIII, p. 209.
63. K. Hopf, Analecta, pp. 64 ss.
64. Различные подробности, связанные с этими вопросами, изложены у Гопфа в его «Аналектах» и у Фортерингема в его работе о М. Санудо.
65. FRA. DA., v. XIV, pp. 99, 146.
66. Мнение де Канале, что остров первоначально был предложен Маркизом Монферратским генуэзцам, ни на чем не основано (Да Канале, цит. соч., т. II, стр. 12).
67. FRA. DA., v. XII, p. 513. По нашему мнению маркиз нарочито выводил свои права на Крит из фантастического пожалования императора Алексея, для того, чтобы избежать неприятного воспоминания о чувствах забаллотированного кандидата. Мы уже указывали, что если бы Пелопоннес, а не Крит, достался Бонифацию в качестве такового, то Венеция ни в коем случае не допустила бы того, чтобы Пелопоннес вошел в состав ее владений по разделу империи. К этому надо еще добавить, что Лоренцо да Моначи, хорошо знавший критские дела, совершенно ясно говорит, что Крит Бонифаций получил по «разделу империи» (цит. соч., стр. 142).
68. FRA. DA., v. XII, p. 514.
69. Ibid., p. 514.
70. Annales Januenses, ed. cit., p. 125.
71. Ibid., p. 125.
72. Ibid., p. 127.—Postulans et implorans consilium et auxilium contra Venetos inimicos...
73. Ibid., p. 129.
74. Veneti nulla ratione acquiescere vellent... (Ibid., p. 129).
75. Ibid., p. 132.
76. FRA. DA., v. XIII, pp. 130 ss.
77. Ibid., p. 136. Канале называет 27 кораблей, причем набег был произведен будто бы не из Венеции, а из Константинополя (Канале, назв. соч., стр. 352).
78. Annales Januenses, p. 137. Canale, Chron. Ven., pp. 352—354.
79. FRA. DA., v. XIII, p. 184.
80. Fanucci, J. B. Storia dei tre celebri popoli marittimi della Italia. Pisa, 1817—1822, v. I, pp. 91. ss.
81. FRA. DA., v. XII, pp. 51 ss.
82. Ibid., pp. 115—122, 248—254.
83. Ibid., pp. 258, 272.
84. Ibid., v. XIV, pp. 77—89.
85. Ibid., p. 81.
86. Ibid., v. XIII, pp. 426—428.
87. Ibid., v. XII, pp. 52, 53.
88. Ibid., XIII, p. 206.—Sine commercio et sine aliqua dactione.
89. Ibid., v. XII, pp. 439—441.

90. Ibid., pp. XIII, p. 143.
91. Ibid., pp. 222, 223.
92. FRA. DA., v. XIII, pp. 64 - 68.
93. Ibid., pp. 257, 258.—Lo fondego, e la glexia, o lo bagno, e lo foro...
94. Ibid., p. 257.
95. Ibid., p. 275.
96. Ibid., p. 171.
97. Хроника Дандоло связывает заключение этого договора с походом венгерского короля Андрея (цит. хр., кол. 339, 340).
98. FRA. DA., v. XIII, p. 186.
99. Ibid., p. 188.
100. Ibid., p. 193.
101. Ibid., p. 189.
102. Ibid., pp. 261, 262.
103. Mas Latrie. Les Traitées de paix. Introduction, pp. 214, 215, 219.
104. Ibid., p. 88.
105. Ibid., pp. 22 ss., 106 ss.
106. FRA. DA., v. XIII, pp. 301, 303.
107. Armingaud, op. cit., p. 130.
108. Marin, op. cit., v. III. pp. 28, 51; Da Canale, op. cit., v. II, p. 154.
109. Armingaud, op. cit., pp. 120, 121.
110. Ibid., p. 121.
111. Aneu Rhosias kai ton Matrachon.
112. Schaubе, op. cit., p. 239.
113. Этот довод вслед за Бруном повторяет также и Гейд. (Heyd, op. cit., v. I, p. 328).
114. Мы считаем искусственным доводы Гейда (который отказался в анеу Rhosias видеть берега русского Черноморья,—с X в. они по традиции считались русскими—и усматривает здесь никому неизвестный *casal degli Rossi* в устьях Дона; толкование же *ton Matrachon*, как пункта у входа в Азовское море, мы принимаем полностью. (См. приложение I).

Цитированные источники и литература предмета

I. Классики марксизма

- К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, 1930.
- К. Маркс. Международные обзоры, сочинения, т. VIII.
- К. Маркс. Капитал, т. I, соч., т. XVII; т. III, изд. 1931 г.
- К. Маркс. Архив, т. V, 1938.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест, изд. 1935 г.
- К. Маркс. Немецкая идеология, соч., т. IV, 1932 г.
- В. И. Ленин. Великий почин, соч., изд. III, т. 24.
- В. И. Ленин. О государстве, соч., изд. III, т. 24.

II. Источники

1. *Acropolita Georg. Annales.* CHBS. ed. Bonn. 1837.
Acta archivii Veneti, spectantia ad historiam Serborum.
et reliquorum slavorum meridionalium. ed. Schafarik, W. 1860—1862.
Acta et diplomata res Albanie mediae aetatis illustrantia.
 ed. Thalosz, Jirecek, Sufflay. Vind. 1913, v. I.
Acta et diplomata e R. Tabulario Veneto. ed. Minnato, v.
 I. 1870.
5. *Actes des notaires de Péra et de Caffa de la fin du*
treizième siècle. (1281—1290) ed. Bratianou. Buch. 1927.
Adae Guillelmi De modo sarracenos extirpandi. Rec. des
 hist. d. crois., hist. arm. v. II.
Annales Cremonenses. MGH. SS. v. XVIII.
Annales S. Justiniae Patavinae. MGH. SS. v. XIX.
Annales Januenses. Caffaro et sui continuatores MGH.
 SS. v. XVIII.
10. *Annales Mantuani.* MGH. SS. v. XIX.
Annales Parmenses majores. MGH. SS. XVIII.
Annales Mediolanenses. MGH. SS. XVIII.
Annales Pisani Bernhardi Marangonis. MGH. SS.
 XIX.
Annales Placentini Gibellini. MGH. SS. v. XVIII.
15. *Annales Placentini Guelfi.* MGH. SS. v. XVIII.
Annales Veneti seculi XII. Nuovo Arch. Ven. nuova
 ser. vol. I.
Annales Venetici breves. MGH. SS. XIV.
Annales Veronenses. MGH. SS. v. XIX.
Annali dei signori Reifenberg. Arch. Ven. v. XVIII.
20. *Albertus Aquensis. Historia Hierosolymitanae expedi-*
tionis. Rec. des hist. d. crois. hist. ocl. v. VI.
Anonymi Barensis annales. Muratori. SS. v. V.
Anonymi Halberstadensis de peregrinatione in Greci-
am. ed. Riant.
Exuviae sacr. const. Genovae. 1872.
Anonymi Suessionensis de terra Iherosolimitana. ed.
 Riant. Exuviae.
Baldrici, episcopi Dolensis Nistoria Hierosolimit-
tana. Rec. des. hist. d. crois. hist. occ. v. III.
25. *Balduinus Constantinopolitanus.* FRA. DA. v. XII.
Baracchi, A. Le carte del mille e millecento che si conservano
nel Archivio Notarili di Venezia. Arch. Ven. vv. 6—10, 20—22.
Benevenuto de Brixano notaio in Candia 1301—1302.
 Venezia, 1950, à cura di R. Marozza della Rocca.
Boncompagno Florentino. Liber de obsidione Anco-
nae. Muratori SS. v. VI.
Cerbanus Cerbani, clerici Veneti, translatio mirifici mar-
tyris Isidori a Chio insula in civitatem Venetam. Rec. d. h.
 d. cr. h. occ. v. V.
Chronicon de singulis patriarchis novae Aquileiae. ed. Mon-
ticolo. Chr. Ven. ant. Fonti. 1890.
30. *Chronicon gallicum ineditum.* Riant. Exuviae.
Chronicon Gradense. MGH. SS. v. VII.
Chronicon Justiniani. Supplementum ad Historiam
ducum Veneticorum. MGH. SS. v. XIV.

- Chronicon Marci. Archivio storico Italiano. v. VIII. 1845.
 Chronicon Venetum vulgo Altinatum. MGH. SS. v. XIV.
35. Chroniques etrangeres relatives aux expéditions françaises pendant le XIII me siècle ed. Buchon, J. Piris. 1860.
 Cinnamus. Epitome. CSHB. ed. Bonn. 1836.
 Clari, R. La prise de Constantinople. ed. Horf. Chroniques. Ber. 1873.
 Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. ed. Kukuljevic-Sakcinsky. v. I. Zagr. 1874.
 Codice diplomatico Padovano. ed. Gloria. R. D. Ven. st. patr Documenti. v. II. 1877.
40. Comnena Anna. Alexias. CSHB. ed. Bonn. 1839.
 Croisade de Constantinople. FRA. DA. v. XII.
 Cronaca di Morea. ed. Horf. Chroniques. Ber. 1873.
 Danduli A. Chronicon Venetum. Muratori. SS. v. XII.
 Lombardo, A. Le deliberazioni del consiglio dei 40 della repubblica di Venezia. Venezia, 1957—58.
 Deliberazioni del maggior consiglio di Venezia per cura di R. Cessi, v. I, Padova, 1952.
 Devastatio Constantinopolitana. ed. Horf. Chroniques. Berl. 1873.
45. Diaconi Johannis Chronicon Venetum. MGH. SS. v. VII.
 Diplomatarium Veneto—Levanticum sive acta et diplomata res venetas, graecas atque Levantis illustrantia. a. 1300—1350. ed.
 Thomas. R. D. V Venetiis. MDCCCLXXX.
 Documenti del commercio veneziano. ed. R. Marozza della Rocca, A. Lombardo. Torino. 1940, vv. I—II.
 Documenti finanziari della repubblica di Venezia. ed. Luzzati. v. I. (1263—1379).
 Documenta historiae Croatiae periodum antiquam illustrantia. ed. Racki, F. Zagr. 1877.
50. Documenti per la storia delle augusta ducale basilica di S. Marco ed. Ongania, F. 1886.
 Documenti relativi alla guerra pel fatto del Castello di amore. ed. Predelli. Arch. Ven. N 30.
 Epistolae Innocentii III papae. ed. Migne. Patrologia latina. vv. 215, 216.
 Epirotica seculi XIII. Epistolae. изд. В. Г. Васильевский. Визант. Временн. т. III. 1896.
 D'Ernoult et Bernard le Tresorier. Chronfque. Paris. 1871.
55. Epitaphos Nicolai Mesariti. ed. Heisenberg. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaiserreiches und der Kirchunton. Sitz.—Ber. Bayer. Ak. d. Wiss. phil.—philos. Klasse Münch. 1923.
 Eustatius. Oe Thessalonica capta. Bon. 1842.
 Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta. ed. Tafel et Thomas. vv. XII—XIV. Wien. 1856 ss.
 Fulcherius Carnotensis. Historia Hierosolimitana. Rec. d. h. d. cr. hist. occ. v. III.
 Gesta Innocentii III papae. ed. Migne. Patr. lat. v. 214.
60. Gregora Nicephorus. Byzantina historia. CSHB. Bonn. 1829.

- Gualterii Cornuti, senonensis archiepiscopi historia susceptionis coronae spinae. Riant. Exuviae. Gen. 1872.
- Guillelmus Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardii—MGH. SS. v. XIV.
- Gunterius Parisiensis. Historia Constantinopolitana. Riant. Exuviae.
- Historia de translatione ss. Magni Nicolai ejusdemque avunculi alterius Nicolai, Theodoricus martyris. Monachi anonymi litorensis. Rec. d. h. d. cr. hist. occ. v. V.
65. Historia ducum Venetorum. MGH. SS. v. XIV.
- Henry de Valenciennes. ed. Michaud et Poujat. Paris. 1843.
- Ibn-el-Athiri Chronicon. FRA. DA. v. XIV.
- Incipit capitulari delle arti veneziane. ed. Monticolo. vv. I—III. Roma. 1806—1905—1914.
- I libri commemoriali della repubblica di Venezia. Regesti. v. I. Venezia. 1876. Dep. Ven. ed. Predelli.
70. Historia del regno di Romanga. ed. Hopf. Chroniques. Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus Venetorum. ed. F. Corr. Ven. 1758.
- Liber Communis vel Plegiorum. ed. Predelli. Arch. Ven. NN 4, 6. Regesti.
- Le livre de la conquête de la Morée. ed. Buchon. Recherches hist. v. I. Par. 1845.
- Le magistraturi giuridicali veneziane e i loro capitolari fino al 1300. ed. Roberti, M. v. II. Ven. 1909.
75. Marini Torselli fragmentum. Hopf. Chroniques.
- Martin de Canale. Chronique des Veniciens. ed. Rossi. Arch. stor. Ital. ser. I. v. VIII. 1845.
- Mattias Parisiensis Chronica majora. MGH. SS. v. XVIII.
- Monumenta Germaniae historica. Leges. Constitutiones, Capitularia. vv. I—II.
- Monumenta historica slavorum meridionalium. ed. Makushev. v. I. Warsch. v. II. Belgr. 1874—1882.
80. Monumenta serbica. ed. Miklisich. Fr. Vien. 1858.
- Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium. v. I ed. Ljubic. Zagr. 1868.
- Marin Sanudo Torsello. Liber secretorum fidelium S. Crucis. ed.
- Bongarius. Gesta Dei per francos Hamb. 1611.
- Nicetas Acominates (Choniates) Historia. CSHB. Bonn. 1835.
- Ottonis de Blasio Chronicon. ed. Muratori. SS. v. VI.
85. Otto Morena de rebus Laudensibus. MGH. SS. v. XVIII.
- Pachimerus Georgios. Historia. CSHB.
- Petri Calo. Translatio S. Johannis Alexandrini. ed. Riant. Exuviae.
- Presbyteri Diocleatis Regnum Slavorum. ed. Lucii Damiani de regno Dalmatiae et Croatiae. Amst. 1666.
- Quinti belli sacri scriptores minores. ed. Röricht. Geneva. 1879.
90. Raimundi de Aguilers. Historia francorum qui ceperrunt Jherusalem. Rec. d. h. d. cr. h. occ. v. III.
- Regesta pontificum romanorum. ed. Kehr, P. Berl. 1925. v. VII.

- Regesto dei Misti del Senato della repubblica Veneta** ed. Giomo. Arch. NN 17, 20, 24, 27, 29, 30, 31.
- Regnum Dalmatiae et Croatiae gesta a Marco Marulo Spalatensi patricio latinitate donata.** ed. Lucius Dalm. De regno... Hamb. 1666.
- Rolandini Patavini Chronica.** MGH. SS. v. XIX.
95. **Romoaldi II. archiep. Salernitani De pace Veneta relatio.** MGH. SS. XIX.
- Romoaldus II. arch. Salernitanus. Chronicon sive annales.** MGH. SS. XIX.
- Salimbene de Adam ordinis minorum Cronica.** MGH. SS. v. XXXII.
- Secunda pars historiae Jherosolimitane.** Rec. d. h. d. cr. h. occ. v. III.
- Sicardi de S. Germano notarii Chronica.** SS. XIX.
100. **Sicardi episc. Cremonensis Chronica.** MGH. SS. v. XXXI.
- Statuta navium.** FRA. DA. v. XIV.
- Gli statuti veneziani di Jacopo Tiepolo del 1242 e le loro glosse.** ed. Cessi. Ven. 1938.
- Stefano Magno. Estratti degli annali veneti** ed. Hopf. Chroniques.
- Traitées de paix et de commerce et documents divers.** ed. Mas—Latrie. Par. 1868.
105. **Villehardouin, G. La conquête de Coustantinople.** ed. Michaud et Pouj. Par. 1843.
- Willermi Tyrensis archiep. Historia rerum in partibus trans marinis gestarum.** R. d. hist. de cr. hist. occ. v. I.
- Новгородская летопись. Полное собрание русских летописей, т. III.**
- Сборник документов по социально-экономической истории Византии.** Изд. АН СССР, 1951.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, ч. I, СПб., 1884.**
110. **Хронограф редакции 1912 г. Полное Собр. Русск. Лет., т. XXII, 1948.**

II. Историческая литература

- Березин Л. В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница, тт. I—II, СПб., 1879.**
- Бицилли. Новгородское сказание о четвертом крестовом походе.** Историч. Извест. М., 1916, 3—4.
- Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии.** М., 1872.
- Васильев А. А. Византия и арабы.** СПб., 1902.
- Васильев А. А. Латинское владычество на Востоке.** Петроград, 1923.
115. **Васильевский В. Г. Замечания о полемике Ф. К. Бруна с Гейдом.** ЖМНП., 1879, 11—12.
- Васильевский В. Г. Советы и рассказы византийского боярина XI в., ЖМНП, 881, VII.**
- Васильевский В. Г. Рецензия на книгу Ф. И. Успенского. Образование второго Болгарского царства.** ЖМНП, 1879, VII—VIII.
- Васильевский В. Г. Рецензия на Историю средних веков. Осокина, ЖМНП, 1889, V—VI.**

- Васильевский В. Г. Союз двух империй 1148—1155 гг. Труды, т. IV.
120. Васильевский В. Г. Южно-италийская война 1156—1157 гг. Труды, т. IV.
Васильевский В. Г. Рецензия на Сборник Черноморье, ЖМНП, 1879, 11—12.
Войнович Д. История сербского народа. Одесса, 1903.
Волков М. Соперничество Венеции и Генуи на Черном море. Записки Од. Общ. Ист. Др., т. IV.
Гильфердинг А. Соч., т. I, СПб, 1871.
125. Горянов Б. Т. Византийское крестьянство при Палеологах. Виз. Врем., т. III, 1950.
Грановский Т. Н. Соч., т. II, М., 1856.
Державин Н. С. История Болгарии, т. II, М.—Л., 1946.
Дживилегов А. К. Венеция. Гранат. Энци. Слов., т. IX, изд. 7-е.
130. Дитякин В. Образование Хорватского государства. Истор. Журн., 1944, 10—11.
Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X в. Чтения Имп. Общ. Истр. Др. при Моск. Универс., 1875, т. III.
Заборов М. А. Крестовые походы, М., 1956.
Егоров Д. Н. Крестовые походы, чч. I—II, 1914—1915, Литограф, изд.
Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., тт. I—III, 1898—1903.
135. Ковалевский М. М. История современной демократии, т. IV, М., 1897.
Ковалевский М. М. К ранней истории Азова, Труды XII археологич. съезда, т. II, М., 1905.
Кубе А. Н. Венецианское стекло, Петр, 1923.
Кулишер И. М. Хлебная торговля в середине века. Народное хозяйство, 1901, СПб, № 3—4.
Кулишер И. М. История экономического быта западной Европы, М., 1926—1931, тт. I—II.
140. Лавров П. А. История южных славян. Лит. изд., М., 1896.
Левченко М. В. История Византии. М.—Л., 1940.
Левченко М. В. Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X в. Виз. Вр., т. IV, 1951 г.
Липовский А. Л. История хорватов. СПб, 1900.
Лучицкий И. В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1866.
145. Луццатто Дж. Экономическая история Италии. М., 1954.
Лятошинский Н. К столетию падения Венецианской республики, Киев, 1897.
Мазуркевич Н. История генуэзских поселений в Черном море. Одесса, 1837.
Мазуркевич Н. Генуэзские консулы города Кафы. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. III.
Макушев В. М. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. Приложение к т. XI, ЗАН, № 5, 1865.
150. Макушев В. М. Болгария в конце XII и в первой половине XIII в. Варш. Унив., Изв., 1872, № 2.

- Макушев В. М. О пронии в древней Сербии. ЖМНП, 1874, IX.
- Майков А. А. О земельной собственности в древней Сербии. Чтения Общ. Ист. и Древн., 1860, I.
- Майков А. А. Что такое прония в древней Сербии. Чтения Общ. Ист. и Древн., 1868, I.
- Медовиков П. Латинские императоры в Константинополе, М., 1849.
155. Митрофанов П. Изменение в направлении четвертого крестового похода. Визант. Врем., т. IV, вып. 3—4, СПб, 1897.
- Мольмнети П. Г. Зарождение Венеции. Русск. пер. Вестник Всемирной Истории, 1902, № 3.
- Осокин Н. История средних веков. Казань, 1889.
- Перцов П. Венеция, СПб, 1905.
- Погодин А. Л. История Сербии. СПб, 1909.
160. Семенов В. Ф. История средних веков. М., 1956.
- Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI в., СПб, 1884.
- Скряжинская Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. Виз. Врем., т. I, 1947.
- Скряжинская Е. Ч. Византия и итальянские колонии в XIV в. Вопросы Истории, 1945, № 1.
- Скряжинская Е. Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте. Виз. Врем., т. II, 1949.
165. Смирнов И. Н. Далматинские общины в X и XI вв. ЖМНП, 1887, № 4.
- Смирнов И. Н. Отношение Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV в., Казань, 1880.
- Смирнов И. Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне. Казань, 1880.
- Соболев И. Очерки по истории всемирной торговли. М., 1902.
- Стасюлевич М. Общий курс истории средних веков. СПб, 1856.
170. Стасюлевич М. М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1856.
- Тарле Е. В. История Италии в средние века. СПб, 1906.
- Удальцов А. Д. и Сказкин С. Д. История средних веков, М., 1948.
- Успенский К. Экскурсия иммунитет в Византийской империи. Виз. Вр., т. XXIII, 1923.
- Успенский Ф. И. Последние Комнины. Виз. Вр., т. XXV, 1927.
175. Успенский Ф. И. Цари Алексей II и Андроник Комнины ЖМНП, 1880, т. 212 и 1881, т. 214.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи, т. III, М.—Л.
- Успенский Ф. И. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, 1884, № 1—2.
- Успенский Ф. И. Образование второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
- Успенский Ф. И. История крестовых походов, СПб, 1900.
180. Успенский Ф. И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. Виз. Врем., т. XXII, вып. 1—2, 1915—1916 гг.
- Успенский Ф. И. Значение византийской и южно-славянской пронии. Сборник статей по слав. по случ. 25 лет. уч. деят. В. И. Ламанского, СПб, 1883.

- Успенский Ф. И. К вопросу крестьянского землевладения в Византии, ЖМНП, 1883, ч. 225.
- Успенский Ф. И. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон, СПб, 1874.
- Успенский Ф. И. Наблюдения по сельскохозяйственной истории Византии, ЖМНП, 1888, X.
185. Флоринский Т. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в., СПб, 1882.
- Щепкин В. Н. История южных славян. Литгр. изд. М., 1913.
- Юргевич В. Генуэзские надписи в Крыму. Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древн., т. V.
- Юргевич В. Н. Устав Генуэзских колоний. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. т. V.
- Ястребов Н. Рецензия на книгу Липовского «Хорваты», ЖМНП, 1901, III.
190. Amelot de la Houssaye. Histoire du gouvernement de Venise. vv. I—II. 1714.
- Armingaud J. Venise et le Bas—Empire. Par. 1887.
- Basta, En. Gli statuti civili di Venezia. Arch. Ven. Nuova ser. 1901, N I.
- Baillly. Aug. La republtque de Venise. Par. 1946.
- Barzoni. Rivoluzioni della repubblica di Venezia. Ven. 1790.
195. Battistelli, Ant. La repubblica di Venezia. Ven.—Bol. 1897.
- Bauer, Cl. Venezianische Salzhandelpolitik bis zum Ende des 14. Jahrhunderts. Viert. Jahrsch. für Sozial—und —Wirtschaftsgeschichte. v. 23, II. 3. 1930.
- Besta e Predelli. Gli statuti di Venezia anteriori al 1242. (Nuovo Arch. Ven. nuov. ser. v. I, 1901.
- Belloc H. The crusade. The Worlds debate. Lond. 1937.
200. Beloch J. Bevölkerungsgeschichte der Republik Venedig. Jahrb. für Nationalok und Statistik 1894. III Folge. B. 18,
- Bemb P. Historiae venetae libri XII. Venet. 1551.
- Benussi P. Nel medio evo pagine di storia istriana Parenzo, 1897.
- Beugnot. Introduction aux Assise sde la cour de bourgeoiste. Biblioth. de l'Ecol d. Chart. v. V 1854.
- Beugnot. Mémoire sur le regime des terres dans les principautés fondées en Syrie. Bibli. d.l. Ec. d. Ch. 1855. v. V ser. 3.
205. Bilitzer, G. Geschichte Venedigs von seiner Gründung bis auf die neuste Zeit. Leipz. 1871.
- Bratianou, G. I. Les vénitiens dans la mer Noire au XIV e siècle. Buch. 1939.
- Bréier, L. Les colonies d'orientaux en Occident au commencement du moyen—âge. Byz. Zeitsch. 1903, v. XII.
- Bréier, Vie et mort de Byzance, Paris, 1947.
210. Brentano L. Die Anfänge des modernen Kapitalismus. Münch. 1916.
- Brogliod'Ajano R. Dievenezianische Seidenindustrie. Stuttgart. 1893.
- Brown H. Venice an historical sketch of the republic. Lond. 1895.
- Brown Venice. The Camb. Med. Hist. v. IV. 1936.
- Buchon J. Recherches historiques sur la principauté française de Morée. v. II. Par. 145.

215. Bury J. B. The treatise De administrando imperio Byz. Zeitschr. v. XV. 1906.
 Ch. Cahen. Notes sur l'histoire des croisades et de l'Orient latin (Bulet. de la faculté de lettres de de Strassbourg. nov., 1950).
 Canale M. G. Nuova istoria della repubblica di Genova. vv. I—IV. Fir. 1858.
 Carabellese F. Le relazioni commerciali fra la Puglia e la repubblica di Venezia. Ricerche e documenti vv. I—II. Trani. 1897. 8.
 Carli F. Storia del commercio italiano. vv. I—II. Pad. 1934—1936. v. II. Le mercato nell'età del comune.
 Catalinich D. Storia della Dalmazia. Zara. 1834. vv. II—III.
 220. Cecchetti B. I nobili e il popolo di Venezia. Arch. Ven. N 3.
 Cecchetti La vita dei veneziani al 1300 Arch. Ven. v. N 29.
 Cecchetti Le industrie in Venezia nel secolo XIII. Arch. Ven. N 4.
 Cerva S. Prolegomena in sacrum Metropolim Ragusinam. 1771. Напечатано у Макушева в его „Исследованиях об исторических памятниках и бытописателях Дубровника“.
 Cessi R. Storia della repubblica di Venezia. vv. I—II. Mil.—Mess. 1944—1946.
 225. Chalandon F. Les Comnènes. vv. I—II. Paris. 1912.
 Cicogna E. Bibliographia veneziana. Ven. 1847.
 Cippolo. Ricerche sulla tradizioni intorno alle antichi migrazioni nella laguna. Arch. Ven. 31.
 Cohn H. Die Stellung der byzantischer Statthalter in Ober und Mittel—Italien.
 Crawford F. Gleanings from the venetian history. vv. I—II. L. 1905.
 230. Croce B. Storia della storiografia italiana nel secolo dici-
 monono. vv. I—II. Bar. 1921.
 Cusin F. Il confine orientale d'Italia nella politica europea del XIV e XV secolo. v. I. Milano. 1938.
 Daru. Histoire de la république de Venise. Par. 1811 ss. vv. I—VII.
 Diehl Ch. The fourth crusade and the Latine Empire. Cambr. Med. Hist. v. IV.
 Diehl Ch. Une république patricienne. Ven. 1916.
 235. Diehl Ch. L'Europe orientale de 1081 à 1453. Paris, 1945.
 Doren A. Italiensche Wirtschaftsgeschichte. B. I. 194.
 Dudan Aless. La Dalmazia di oggi. La Dalmazia. Genova. 1915.
 Dudan B. Il dominio veneziano di Levante. Bol. 1938.
 Errera C. I crociati veneziani in terra santa. Arch. Ven. v. N 38. part—II.
 240. Eucher, Beitrage zur Geschichte des venezianischen Friedens vom Jahre 1177. Berl. 1886.
 Fanucci G. Storia dei tre celebri popoli marittimi della Italia. Pisa. I—IV. 1817—1822.
 Faral E. Geoffroy Villehardouin. La question de sa sincérité. Rev. Hist. v. 177. 1936. mai—juin.
 Filiast J. Memorie storiche de' Veneti primi e secondi. v. VI. Pad. 1812.
 Filippi F. Geschichte von Venedig. vv. I—II. Dresden. 1828.

245. Fontana G. J. Storia popolare di Venezia dal suo origine sino ai tempi nostri. Venezia. 1870.
 Formaleoni V. Storia filosofica della navigazione, del commercio e delle colonie degli antichi nel mar Nero. Ven. 1788. v. II.
 Forthingham J. K. Marco Sanudo. Oxford. 1915.
 Foscari M. Historia della repubblica Veneta. Ven., 1696.
 Frolov, A. Recherches sur la déviation de la IV e croisade vers Constantinople, Par., 1955.
250. Galibert L. Histoire de la république de Venise. Par. 1847.
 Gallicioli G. Delle memorie Venete. Ven. 1775.
 Garzoni P. Istoria della repubblica di Venezia Ven. 1716.
 Gerland E. Geschichte der Frankenherrschaft in Griechenland (1204—1216). Hamb. 1905.
 Gerland E. Geschichte des lateinischen Kaiserreichs von Konstantinopel. Hamb. 1905.
255. Gerland E. Kreta als venezianische Kolonie. Hist. Jahrb. B. XX. 1899.
 Gerland E. Der vierte Kreuzzug und seine Probleme. (Jahrb. f. d. k. Altertums, B. XIII, 1904).
 Gerola. Candia al epoca Veneziana. La Rassegna Internazionale. ann II. vol. VII. f. 3, 4. Florenz. 1901.
 Gerola. Monumenti Veneti nell'isola di Creta. vv. I—IV. 1905—1917.
 Gfrörer, E. Geschichte Venedigs bis zum Jahre 1084. Graz. 1872.
 Girardin Les origines de la question d'Orient. Rev. d. d. Mond. 1864. mars.
260. Gruber D. Z vremena kralja Tomislava. Zbornik kralja Tomislava.
 Grousset, R. L'empire de Levant. Paris, 1946.
 Halphan L. L'essor de l'Europe. Paris.
 Hazzlit W. C. The venetian republic, its rise, its growth and its fall. vv. I—II. L. 1900—1902.
 Heinen B. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig. St. 1905.
265. Herzberg, G. Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches. Berl. 1883.
 Heyd, W. Histoire de commerce de Levent. Par. 1885.
 Hodgson, M. A. The early history of Venice. From the foundation to the conquest of Constantinople. a. d. 1261. Lond. 1905.
 Hodgson M. A. Venice in the thirteenth and fourteenth centuries. Lond. 1910.
 Hopf, K. Di alcune dinastie nella Grecia. Arch. Ven. N 31.
270. Hopf, K. Geschichte Griechenlands im Mittelalter. Leipz. 1868.
 Hopf, K. Veneto—byzantinischen Analekten.
 Sitz. Ber. K. Ak. W. v. 32. Wien. 1859.
 Jirecek, K. Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. vv. I—III. Denkschr. der kais. Akad. W. vv. 48, 49. phil. hist Kl. 1903, 1904.
 Jorga, N. Histoire de la vie byzantine vv. I—III Buch. 1934. v. III. L'empire de la pénétration latine. (1081—1453).
 Klimke. Di Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzugs. Bresl. 1875.

275. Kolrarić, J. Das Ende des kroatischen Nationalkönigtums. Agram. 1905.
 Kohlschütter, O. Venedig unter dem Herzog Peter Orseolo II. Gött. 1868.
 Kretschmayr, H. Die Besiedelung der venezianischen Insel Byz. Zeitsch. v. XIII 1904.
 Kretschmayr, H. Geschichte von Venedig. Gotha. vv. I—III 1905—1934.
 Kugler, B. Geschichte der Kreuzzüge. Berl. 1880.
280. Kunstman, F. Studien über Marino Sanudo den Älteren. München. 1885.
 Le Bret, J. F. Staatsgeschichte der Republik Venedig. v. I. Riga 1769. v. II. 1773. v. III. 1775.
 Leicht, P. S. Ricerche sulle corporazioni professionali in Italia dal secolo V all XI. Rendiconti della Acad. Naz. dei Lin. di ser. mor., stor., fil., ser. VI, v. XII, f. 3—4. 1936.
 Lenel, W. Entstehung der Vorherrschafts Venedig in Adria. 1897.
 Lenel, W. Über die angebliche Unterwerfung Venedigs. Hlst. Zeitsch. B. 152.
285. Lenel, W. Venezianisch—istrianische Studien. Stuttg. 1911.
 Lenz, Ed. Der almaliche Übergang Venedigs von faktischer zu nomineller Abhängigkeit von Byzanz. Byz. Zeitschr. v. III.
 Leo, H. Geschichte der italienischen Staaten. Hamb., 1829.
 Lignon, J. L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée. Paris, 1949.
 Lopez, R. Aux origines du capitalisme génois. Annales d'histoire économique. N 47. pt. 1937.
290. Luchair, A. Innocent III. La question d'Orient. Par. 1911.
 Luzzatto, G. Les noblesses: les activités économiques du patriciat vénicien (X—XIV ss). Annales d'hist. éc. et soc. N 43. janv. 1937.
 Luzzati, L. Le rigolazione delle entrate e delle spese (sec. XIII—XIV), 1936.
 Luzzatto, G. Syndicats et cartelles dans le commerce vénicien des XIII et XIV siècles. Revista di storia economica 1936. mar.
 Luzzatto, G. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954.
295. Manfroni, C. Storia della marina italiana (400—1261). L. 1899.
 Marin C. A. Storia civile e politica del commercio dei veneziani. Ven. v. I, 1798. v. II, 1799.
 Mas-Latrie. Des relations politiques et commerciales de l'Asie Mineure avec l'île de Chypre.
 Bibl. d. l'Ec. d. d. Ch. vv. 45, 46. 1844 5.
 Mas-Latrie, C. A. Traitées de paix et de commerce et documents divers. Paris. 1868.
 Mauroceni A. Historia Veneta. Ven. 1623.
300. Mencke. Catalogue des principaux historiens. Lips. 1714.
 Merores, M. Die venezianische Salinen der älteren Zeit. (Vierteljahrsschrift für Sozial—und Wirtschaftsgeschichte, 1916, B. XIII.
 Miller W. The latins in the Levant. A history of the frankish Greece (1204.—1566). Lond. 1908.

- Molmenti, P. G. *La vie privée à Venise*. 1882.
- Monticolo, G. *Intorno alla Cronaca di Giovanni Diaconi*. Arch. Ven. vv. 15, 25.
- Morris, H. *The history of colonisation from the earliest times to the present day*. vv. I—II—1901.
305. Da Mosto, A. *I dogi di Venezia con particolare riguardo alle loro tombe*. Ven. 1939.
- Müller, A. *Der Islam in Morgen und—Abendlande*. Berl. v. I, 1885.
- Muratori. *Annali d'Italia*. vv. IX, X.
- Musatti, E. *Storia di Venezia*. vv. I—II. Mil. 1936.
- Musatti, E. *Venezia e le sue conquisti in medio evo*. Ver.—Pad. 1881.
310. Mutinelli, F. *Del commercio dei veneziani*. Ven. 1835.
- Nani, B. *Historia della repubblica Veneta*. Ven. 1662.
- Neuman. *Über die urkundliche Quellen zur Geschichte der byzantisch—venezianischen Beziehungen vornämlich in der Zeit der Komnenen*. Byz. Zeitsch. v. I. 1892.
- Norden, W. *Der vierte Kreuzzug in Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz*. Berl. 1898.
- Okey, Th. *The story of Venice*. Lond. 1910.
315. Oliphant, M. *The makers of Venice doges, conquerors, printers*. Lond. 1893.
- Paruta, P. *Historia veneziana*. Ven. 1605.
- Philippi, F. *Geschichte von Venedig*. vv. I—II. Dresden. 1828.
- Poole. *Germany*. Cambr. Med. Hist. v. V.
- Primaudae, E. *Etude sur le commerce du moyen—âge*. Par. 1848.
- Pritz, H. *Kulturgeschichte der Kreuzzüge*. 1883.
321. Rambaldi, P. Z. *Nel nome di S. Marco*. Dalmazia. Genova. 1915.
- Rey, E. *Les colonies franques de Syrie aux 12. et 13. siècles*. 1883.
- Romanin, S. *Lezioni di storia veneta*. Fir. 1876. vv. I—II.
- Romanin, S. *Storia documentata di Venezia*. vv. 1—10. Ven. 1853 ss.
- Runciman, St. *A history of the crusades*. vv. I—III. Cambr., 1952.
325. Sabellico, M. A. *Dell' historia venetina*. Ven. 1668.
- Sacerdoti. *Le colleganze nella pratica degli affari e nella legislazione veneta*. Atti Veneti LIX. Ven. 1899-900. Part. II.
- Sayous, A. E. *Les noblesses: aristocratie et noblesse à Gênes*. Annal d'hist. écon. et soc. N 46. Juil. 1937.
- Schaube, A. *Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelalters bis zum Ende der Kreuzzüge*. Berl. 1909.
- Schmeidler, B. *Der dux und das Comune Venetiarum von 1141—1299*. Berl. 1922.
330. Schmeidler, B. *Die Unterwerfung Venedigs durch Otto II*. Hist. Zeitsch. B. 153. Münch. 1936.
- Schor, J. *History of Venice from the beginning to the presenttime*. Col. 1871.
- Sergent, E. *Histoire de la Venise depuis son origine jusqu'à nos jours*. Ven. 1889.

- Simonsfeld, H. Andreas Dandolo und seine Geschichtswerke. Münch. 1876.
- Simonsfeld, H. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig. vv. I—II. Stuttg. 1887.
335. Simonsfeld, H. Venezianische Studien. 1878.
- Sombart, W. Der moderne Kapitalismus. Berl. 1924, B. I.
- Sòranzo, G. Bibliographia veneziana. Ven. 1885.
- Srebrnic, I. Odnosaji pape Ivana X prema Bizantu i slovenima na Balkanu. Zbornip kralj Tomislava.
- Steen, V. Un abrégé de l'histoire de Venise. Ven. 1875.
- Stevenson, W. The crusaders in the East. Cambr., 1907.
- Streit, L. Venezia e la quarta crociata. Arch. Ven. N 16. 1878.
- Storia di Venezia, ed. R. Cessi, vv. I—II, Venezia 1957—58.
340. Thiriet, Fr. Histoire de Venise. Paris, 1952.
- Streit, L. La Romanie Vénicienne. Paris, 1959.
- Tafel, Fr. Komnenen und Normanen. Ulm, 1852.
- Ughelli, F. Italia sacra, sive de episcopis Italiae, v. V, 1720.
- Valentin, F. Histoire abrégée de Venise. Tours, 1884.
- Valsecchi, A. Bibliografia analitica della legislazione della repubblica di Venezia. (Arch. Ven., v. XIII, 1877).
345. Vargas, A. Dissertatio critico—chronologico—historica, ed. cit. Makushev, 1771.
- Voinovich, L. Histoire de la Dalmatie des origines au marché infâme, Par., 1938.
- Venuti, B. La Dalmazia e la sua latinità fino al secolo XI. Dalmazia. Gen., 1915.
- Waas, A. Geschichte der Kreuzzüge. BB. I | II. Freiburg, 1956.
- Wilken Fr. Geschichte der Kreuzzüge. BB. I—VII, 1807—1872.
- Yriarte, Ch. Venise Histoire. Art. Industrie. La ville. La vie. aris, 1878.
350. Zanotto, F. Tavola cronologica della storia veneta. Venezia, 1859.
- Zimmert, K. Der deutsch-byzantische Konflikt. Byz. Zeitschr., B. XII, 1903.
- Zwiedenek—Südenhorst, H. Venedig als Weltmacht und Weltstadt. Biel.—Leipz., 1899,

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббасиды, арабские халифы — 187.
- Абу Абдаллах Мухаммед — султан Туниса—40.
- Абу Яхья Захария, султан—40.
- Августин, епископ—90.
- Авен Жак, сеньор Бейрута — 38.
- Авен Жак, сеньор на Эвбее — 425, 428.
- Аглабиды, эмиры Кейруана — 188, 190.
- Адриан IV, папа—326, 339.
- Азеддин, султан Иконии — 39, 437.
- Акоминат Михаил, митрополит Афин — 449.
- Акоминат Никита, историк византийский — 20, 22, 23, 28, 57, 111, 120, 133, 290, 296, 301, 302, 304, 308, 367, 369, 373, 376, 377, 382, 397, 402, 403, 405.
- Акрополит Георгий, визант. историк—20, 23, 421, 449.
- Александр II, папа—226, 227.
- Александр III, папа—329, 334, 340, 342, 346.
- Алексей I Комнин, виз. император—306, 311, 317, 320, 432, 433, 434, 435, 445.
- Алексей II Комнин, виз. император — 130, 306.
- Алексей III Ангел, визант. император — 31, 37, 120, 133, 136, 313—319, 352, 353, 359, 365, 366, 372, 373, 375, 376, 378, 382, 434, 451, 456.
- Алексей IV Ангел, визант. царевиц, потом император — 72, 129, 133, 365, 366, 369, 370, 373, 375, 376—380, 383, 407, 428, 451, 454.
- Алексей V Дука, визант. император—379, 380.
- Алексей Комнин, протосеваст—306, 307.
- Альмуш, король Хорватии — 237.
- Альфан Анри, французский историк—455.
- Альбер из Экса, хронист—265.
- Амвросий, католический святой, епископ—90.
- Амело де ля Уссей, франц. историк—54, 55.
- Амикус, норманский феодал в Италии—221.
- Анаклет II, антипапа—336, 337.
- Анафест Павлний, дож венецианский—172.
- Ангел Михаил, деспот Эпира—439, 422, 423.
- Ангелы, династия в Византии—306, 383, 432.
- Ангел Феодор, деспот Эпира—423—425.
- Андрей, король венгерский—42.
- Андрей, епископ—205.
- Андроник Комнин, визант. император—69, 72, 86, 98, 130, 136, 301, 302, 305—309, 313, 316.
- Аноним Гальберштадский, хронист—33, 363.
- Аноним Суассонский, хронист—32, 363, 365, 379, 381.
- Аргира, виз. император—200.

- Арменго, французский историк—69, 301, 443.
- Арнольд из Брешии—337.
- Архангельский С. И.—9, 138.
- Аттила, вождь гуннов—162.
- Балдуин I, император Латинской империи—32, 137, 362, 384, 390, 393, 402—404, 427.
- Балдуин I, король Иерусалимский—38, 266, 268, 273.
- Балдуин II, король Иерусалимский—272, 275.
- Балдуин II, император Латинской империи—60.
- Бальди А., итальянский писатель—72.
- Бальн Огюст, франц. историк—75, 77, 79.
- Баракки, итальянск. ист. — 48, 63, 131.
- Барбаро, итальянск. ист. — 60.
- Бароччи, венецианск. фам. nobilей—423.
- Баронци Якопо, венец. nobиль—426.
- Баттистелли Ант., венецианский историк—63, 68, 301.
- Батый, хан—447.
- Бадозро (Бодоэро), фам. вен. nobилей—151.
- Бадозро Пьетро, венец. адмирал—261.
- Бадозро да Спинале, венец. посол—261.
- Бембо Джованни, венец. путешественник—88.
- Бембо Пьетро, венецианский историк—52.
- Бенедикт VIII, папа—226.
- Бенедикт IX, папа—226.
- Бенниказ Грацио, итальянск. картограф—447.
- Беренгарий, король Италии—41.
- Бернар де Трезорье, хронист—25.
- Бернард, епископ Сплита—417.
- Бжетислав, король Чехии—453.
- Билитцер Г., историк—69.
- Бландра, феодал Солунского королевства—425.
- Бодоарио (Бадарио) Яконо, венецианский посол—277.
- Бодуэн д'Авен, хронист—32.
- Бонифаций Монферратский, вождь 4-го крест. похода—35, 38, 74, 76, 132, 133, 360—362, 365—367, 370—372, 374, 375, 377, 384, 389, 391, 397, 399, 400—402, 406, 422, 423, 425, 527, 428.
- Бонкомпанья, хронист—304.
- Бозмунд Тарентский—135, 231, 232, 234, 235, 242, 243, 285, 286, 320.
- Бозмунд II, князь Антиохии—275.
- Бозмунд III, князь Антиохии—38, 277.
- Бригадино, капитан венец. флота—198.
- Бранимир, король хорватский—205.
- Братану Г., румынск. историк—49, 450.
- де Брашейль П., участн. 4-го крест. похода—400, 402.
- Брейе Л., франц. историк—456.
- Брентано Луйо, немецк. ист.—86, 88—92.
- Брольо д'Айяно, нем. истор.—151.
- Броун Г., англ. историк—72, 74, 75, 301.
- Брун Ф. К., русск. историк—80, 85, 112, 113, 128, 129, 143, 396, 443, 447, 448.
- Булзвилье, франц. историк—68.
- Бэла III, король венгерский—329.
- Бюхер К., нем. истор. хозяйства—121.
- Ваас А., немецк. историк—456.
- Валентэн Ф., франц. ист. Венеции—68.
- Валерессо Марко, дука Драча—423.
- Вальдрада, жена дожа П. Кандиано—173.
- Вальперт, патр. Аквилей—205.
- Вальхер, патриарх Аквилей—414.
- Варга, ист. Дубровника—54.
- Варнунд, патриарх Иерусалима—38, 271, 272, 275.
- Василий I, виз. император—193.

- Василий II и Константин, император визант.—17, 37, 53, 91, 153, 156, 157, 159, 181, 200, 201, 218, 285.
- Васильев А. А.—135, 136, 137, 301.
- Васильевский В. Г., акад. византинист—31, 80, 113, 128, 129, 132, 143, 218, 447, 448, 449, 451, 452, 455.
- Вельфы, герц. германские — 337.
- Веньеро, фамилия венец. нобилей—426.
- Ветрано, пират—419, 424, 428.
- Виадно, венец. фамилия ноб.—426.
- Вильардуэн К., князь Ахейский—39.
- Вильардуэн Ж., маршал графа шампанского, историк 4-го кр. похода—30—34, 39, 91, 111, 133, 359, 362, 364, 370, 373, 374, 376, 378, 400, 401, 402, 454.
- Вильардуэн Ж., князь ахейский—39, 428.
- Вильгельм Апулийский, хронист—30, 231, 232.
- Вильгельм Завоеватель — 90, 407.
- Вильгельм I, король Сицилии—339, 340.
- Вильгельм II, король Сицилии—292, 302, 334, 347.
- Вильгельм Тирский, хронист — 25, 102, 270, 308.
- Вилькен, нем. историк—109, 120.
- Виктор IV, папа—340.
- Винкельман, немецк. историк—451, 455.
- Винтерий, маркграф—183.
- Виталис, патр. Градо—207.
- Владимир, князь Киева—201.
- Владислав (Ладислав), король венгерский—221, 237.
- Власий, св. покровитель Дубровника—28, 291.
- Войнович Др., сербский историк—126, 127, 241.
- Волков М., историк—113.
- Врана Феодор, визант. феодал—407, 408, 422.
- Газала Леон, визант. фесдал—395, 399.
- Галла, дож. венец.—172.
- Галибер Леон, франц историк—59, 60, 97.
- Галличоли, историк Венеции—53.
- Гальбайо Мавриций, дож. венец.—172, 176.
- Ганото, французск. историк — 91, 114, 455.
- Гартман, нем. историк—170.
- Гарцони П., историк Венеции—53.
- Гвидон, король Италии — 41, 158.
- Гейд В., историк немец.—80, 85, 86, 88, 97, 112, 113, 115, 129, 134, 157, 301, 394, 396.
- Гейза II, король венгерский — 323, 325.
- Гейнен Рейнхардт, нем. историк—48, 86, 92, 93, 301.
- Геласий II, папа—335.
- Генрих Валансьенский, ист. — 4-го крест. похода—34.
- Генрих, император Латинской империи — 32, 34, 39, 380, 402, 403, 404, 405, 411, 421, 422, 425.
- Генрих II, император Германии—41, 158, 212.
- Генрих III, император герм. — 219, 453.
- Генрих IV, император герм. — 41, 174, 233, 234, 335.
- Генрих V, император герм. — 41, 321, 334, 335, 336, 339, 945.
- Генрих VI, император герм. — 41, 315, 316, 334, 347, 348, 353, 413.
- Георгий, князь сербский—423.
- Герланд Эд., немецк. истор. — 46, 114, 455.
- Герман, патриарх Градо—257.
- Герцберг Г., немецк. византинист—301.
- Гетон (Хетон), король Мал. Армении—40, 436.
- Гиббон, историк—72, 97.
- Гизн, венец. аристократ. фамилия—426.
- Гильом де ля Рош, феодал—39.

- Гогенштауфены, династия германских императоров—29, 34, 41, 67, 315, 338, 366.
- Гомер—90.
- Гопф Карл, нем. историк—19, 91, 134, 301, 455, 453.
- Готфрид Бульонский, один из вождей 1-го крест. пох. — 120, 262, 263.
- Готфрид, брат Генриха императора Лат. импер.—406.
- Градениго, фамилия венец. nob.—251.
- Градениго Марко, венец. адмирал—324.
- Гранат—117.
- Грановский Т., историк—109, 110.
- Грацианский Н., сов. историк—138.
- Грегуар, буржуазн. визант — 31, 129, 451—453.
- де Грейс Гварнерий, феодал Лат. империи—263.
- Григора Никифор, визант. истор.—20, 24.
- Григорий, визант. катепан—190.
- Григорий VII, папа—226, 233.
- Григорий VIII, папа—347.
- Грильоне Бенуто, венец. посол—313.
- Грубер Дане, югослав. ист. — 206.
- Груссе Р., французский историк—96, 104, 105, 456.
- Гугон, король Италии—41.
- Гунтер Парижский, историк 4-го крест. похода—33, 91, 361, 370, 372, 381.
- Гфрёрер Ф., немецк. историк—69—71, 159, 161, 170, 178, 179.
- Гюнскар Робер, основатель норманского государства в Италии—20, 434.
- Дамиевский Петр, хронист—17.
- Дандоло, фамилия венец. nobлей—423.
- Дандоло Андрей, дож венец. и хронист—15, 16, 17, 18, 27, 41, 54, 73, 103, 104, 106, 119, 124, 129, 132, 133, 136, 189, 196, 198, 200, 202, 208, 211, 213, 217, 219, 230, 232, 238, 240, 266, 301, 309, 321, 322, 417.
- Дандоло Джованни, комит Дубровника—417.
- Дандоло Марино, венец. посол—413, 426, 427.
- Дандоло Райнерио, сын дожа Энрико Дандоло—415, 422, 424, 429.
- Дандоло Энрико, дож венец., один из вождей 4-го крест. пох. — 24, 32, 33, 53, 136, 277, 298, 313—316, 330, 331, 347, 349, 353, 358, 365, 366—369, 371, 374, 375, 377, 381, 383, 384, 389, 402, 403, 404, 409, 410, 431, 440.
- Дарю П., франц. историк Венеции—53, 58, 59, 60, 61, 67, 69, 97, 204, 394.
- Демагой, князь хорватов—197.
- Державин Н. С., советский славист—191, 192.
- Держислав, король хорватский—202, 203, 212.
- Дживелегов А. К. — 115, 117, 118.
- Джованни, епископ. Беллуны—161.
- Джованни Диакон, хронист — 14, 56, 93, 103, 145, 157, 189, 200, 202, 204, 208, 209, 210, 211, 213.
- Джомо, издатель документов по ист. Венеции—45, 63.
- Джорджо Марсили, байло Венеции в Сирии—46, 79, 81, 160.
- Джустиниани, хронист — 15, 313, 330, 331, 349, 416.
- Джустиниани Пьетро, венецианский феодал—426.
- Дзено Марино, константинопольский подеста—45, 404.
- Дзено Райнерио, венец. посол—314.
- Дидье С., францужск. историк Венеции—54, 55.

- Дилль Шарль, франц. историк—
75, 77, 78, 455.
- Дмитрий, албанский вождь —
423.
- Добронья, приор Задара—219.
- Донат А., посол венец.—313.
- Дорен А., немецкий историк —
93, 94, 312.
- Дринов М. С., славист—173.
- Дудан Алессандро, итальян-
ский историк—101.
- Дудан Бруно, итальянский ист.
фашист—96, 100, 101—104.
- Дюринг Ойг—87.
- Евгений III, папа — 254, 258,
326, 337.
- Евстафий Солунский, еписк.,
визант. историк — 20, 22,
308, 316.
- Егоров Д. Н., русский исто-
рик—120, 121.
- Ешевский С. В., русский исто-
рик—110, 112, 113.
- Заборов М. А., сов. историк —
455, 456.
- Звонимир, бан хорватский —
221—223, 237.
- Здеслав, князь хорватский —
193, 204.
- Зомбарт Вернер, немецк. исто-
рик—86, 87—89, 92.
- Зонара, визант. ист.—219.
- Зоя, визант. императрица—218.
- Ибн-эль-Атири, арабский исто-
рик—267.
- Ибн Батута—арабский гео-
граф—28.
- Идриси—448.
- Идрисиды, арабские эмиры —
188, 190.
- Иероним блаженный—228.
- Ингельфредо, граф—150.
- Иннокентий II, папа—323, 336.
- Иннокентий III, папа — 28, 31,
34, 102, 114, 132, 150, 159,
317, 358, 362, 366, 370, 371,
372, 378—380, 383, 389, 390,
401—403, 406, 410, 411—413,
417, 418, 440, 451, 452, 455.
- Иоанн, епископ—242.
- Иоанн Асень I, болгарский
царь—401.
- Иоанн VIII, папа—205.
- Иоанн X, папа—206.
- Иоанн XIX, папа—226.
- Иоанн Комнин (Калоианн),
визант. император — 37,
135, 269, 283, 286—289, 294,
311, 434, 435.
- Иоанн Равеннский, еписк.—205.
- Иоанн, архиепископ Сплит-
ский—204.
- Иоанница (Калоианн), бол-
гарский царь—127, 41, 406.
- Йорга, румынский историк —
301.
- Ираклий, визант. император —
146, 178.
- Иречек К., сербский историк—
192, 193.
- Ирниарт, французский исто-
рик—68.
- Ирина, жена Филиппа Шваб-
ского—366.
- Исаак Ангел, визант. импера-
тор — 37, 72, 98, 108, 129,
136, 310—312, 316, 317, 352,
365, 367, 369, 373, 375,
376—379, 434, 451.
- Исидор, святой кат. церкви—
15, 287.
- Калликст II, папа—268, 335.
- Калоприни, фам. венецианских
нобилей—165, 182.
- Кало Пьетро, венец. хронист—
18.
- да Канале Мартино, историк
Венеции—16, 17, 114, 266,
273, 395.
- Канале М. Дж., итальянский
историк—57.
- Кандиано, венецианская фами-
лия nobilей — 173, 175,
251.
- Кандиано Пьетро I, дож вен.—
192, 196.
- Кандиано Пьетро II, дож. ве-
нец.—196, 197, 202.
- Кандиано Пьетро IV, дож. ве-
нец.—153, 157, 159, 173.
- Капетелли Дж., историк Ве-
неции—53, 60—62, 69, 70,
104, 326.
- Капелло Бьянка—76.
- Карабеллезе Дж., итальянский
историк—41.
- Карли Ф., итальянск. историк—
93, 94, 392.

- Карл Великий — 154, 155, 180, 181, 216, 338, 387.
 Карл III (Толстый), император—41, 148, 158.
 Каролинги—41, 164.
 да Карчере Нарзотто, феодал на Эвбее—43.
 да Карчере Равано, феодал на Эвбее—43, 425.
 Кассиодор—146, 154.
 Каффаро, генуэзский хронист—30, 250, 266, 279, 295, 418.
 Квирины, фам. венец. nobilей—426.
 Квирины Лоренцо, конит Дубровника—417.
 Квирины Октавио, венец. посол—316.
 Кедрин, визант. ист.—219.
 Кейкобад Алаэддин, иконийский султан—437, 438.
 Кей Хозрев, икон. султан—39, 437.
 Кефала Леон, полководец Алексея I—234.
 Киннам Иоанн, визант. историк — 20, 21, 57, 288, 290, 296, 298.
 Клари, Робер, рыцарь, ист. 4-го кр. похода — 32, 133, 361, 363, 370, 372, 374, 375, 378, 387, 389, 398, 404.
 Кирилл (Константин)—204.
 Клементе С.—145.
 Климент III, папа—340, 347.
 Ковалевский М. М. — 115, 116, 118, 142, 143, 164, 166, 255, 256, 443.
 Каломан, король венгерский—174, 237, 238—242, 320, 322.
 Кольшюттер О., немецкий историк—69, 70, 74.
 Комнины, династия визант. империи—93, 98, 99, 100, 130, 432, 436.
 Комнина Анна, визант. историк — 20, 21, 174, 230, 284, 396.
 Конрад, еп. Гальберштадский—33, 365.
 Конрад Монферратский — 279, 280, 281.
 Конрад III, герм. импер.—334, 337, 338.
 Константин I, римский император—338.
 Константин Багрянородный, виз. импер.—145, 191, 192—194.
 Константин Дука, виз. император—221.
 Контарини, венец. арист. фамилия—233.
 Контарини Доменико, дож венец.—216, 220.
 Контарини Франческо, итальянск. писатель—72.
 Контарини Энрико, епископ—261.
 Корнеро Фламинио, историк Крита—46.
 Косма Пражский—453, 454.
 Кречмайр Г., немецкий историк Венеции — 11, 75, 79—81, 103, 106, 120, 122, 170, 178, 301, 455.
 Крешимир I, король хорватский—61.
 Крешимир II, король хорватский—198.
 Крешимир III, король хорватский—217—219.
 Крешимир IV, король хорватский—221, 222, 227, 320.
 Кроуфорд, англ. историк—69.
 Кудрявцев П. Н. — 110, 112, 113.
 Кулишер И. М.—115, 118, 119.
 Куник А.—128.
 Кукулевич Сакцинский, хорватск. историк—36.
 Курти, историк Венеции—57.
 Кэр, нем. издат. документов папской канц.—46.
 Лавров П. А., славист — 123, 126, 127.
 Ласкарис Феодор, никейский император—38.
 Лебо, франц. историк—72, 109.
 Лебре, историк Венеции — 54, 55, 204.
 Лев (Лесн) II, король Мал. Армении—40, 277, 278.
 Лев I (Леон), король Мал. Армении—40.
 Лев IX, папа—226.
 Левченко М. В., сов. византист—141, 447, 450.

- Ленин В. И.—5, 90, 169.
 Леонгардо Доменико, дож венецианский—172.
 Леон Гавала, визант. феодал—38.
 Липовский А. Л., русск. историк Хорватии—124, 125.
 Ложье, французск. ист. Венеции—54, 55, 58, 67.
 Ломбардо А., издатель венец. торг. документов—43, 48.
 Лотарь I, король Италии—41, 158.
 Лотарь III, герм. император—334, 336, 337, 339, 415.
 Луи, граф Блуасский—32, 362, 389, 391, 400, 402.
 Луизиньян Гюг—279, 280.
 Луп Протоспатарий, хронист—30.
 Луццатто Джино, историк Венеции—82, 94, 95, 106.
 Луций III, папа—346.
 Лучицкий И. В.—111, 112, 113, 168.
 Любименко И. И.—9.
 Любич Симе, хорватский ист.—36.
 Людовик II, каролинг—41, 158.
 Людовик VII, король франц.—288.
 Людовик IX, король франц.—34.
 Люций I, папа—257.
 Люций II, папа—337, 351.
 Люшер А., франц. ист.—455.
 Лятошинский Н.—107.
 Маврих, визант. адмирал—233.
 Мазуркевич Н., русск. историк—113.
 Майрано Романо, венецианский купец—48, 93, 304, 305, 306, 420.
 Макушев В. М., историк славян—36, 125, 126, 127, 129.
 Малатерра Готфрид, хронист—30, 232.
 Малек Адиль, египетский султан—25, 74, 359, 361, 362, 364.
 Малипьеро Марино, венец. посол—314.
 Малипьеро Орио, дож венецианский—81, 279, 329, 347.
 Манин Даниеле, президент Венец. республики—60.
 Манойлович, югославский историк—192.
 Мануил Комнин, визант. император—18, 21, 22, 37, 53, 65, 69, 73, 86, 98, 100, 129, 131, 135, 136, 140, 152, 288—299, 301—303, 305—307, 308—311, 313, 327, 328, 338, 340, 343, 352, 354, 359, 434, 435, 443, 447—450.
 Манфрони К., итальянский историк—96—98, 301.
 Марр Н. Я.—191.
 Марангон Бернанд, пизанск. хронист—30, 250, 262.
 Марин К. А., итальянский историк—55, 62, 156.
 Мария Антиохийская—306, 307.
 Мария, венгерская принцесса—327.
 Мария, дочь Аргирь—200.
 Маркс Карл—5, 80, 86, 89, 248, 389.
 Марк, хронист—16, 17.
 Маросини, аристократич. венец. фамилия—48, 180, 251.
 Маросини Леонардо, комит. Орсо—251.
 Мартин, аббат—33, 365, 372.
 Мартин, святой католич.—368.
 Маруло Марк, хорватский историк—27.
 Мас Латри, франц. историк—455.
 Матвей Парижский, хронист—34.
 Матвей, патриарх Латинской империи—45.
 Матильда, графиня—242.
 Медовиков П., русск. историк—109, 110, 396.
 Мелек эль Массир, эмир Алеппо—40.
 Мелек Моиз, султан Египта—39.
 де Менегу Макарий, феодал. Лат. империи—400.
 Мерорес М., немецк. историк—251, 256.
 Мефодий, епископ—26, 204, 227.
 Микаели Маркантонио—18.

- Микьеле, венецианская фам. нобилей—251, 426.
- Микьеле, сын дожа—327.
- Микьеле Витале I, дож венецианский—60, 222, 238, 251, 261.
- Микьеле Витале II, дож венецианский — 292, 297, 298, 325, 326, 328, 341, 368.
- Микьеле Джованни, венец. нобиль—261.
- Микьеле Доменико, дож. венец. — 269, 270, 271, 273, 286, 297, 322.
- Микьеле Пьетро, посол венец.—316.
- Миллер Уильям, английский историк—96, 98, 99, 106.
- Минотто, изд. документов по истор. Венеции—42.
- Минь, аббат—47.
- Михаил Ангел Комнин, деспот Эпира—38.
- Михаил, епископ Лемноса — 291.
- Михаил, князь Захлумский — 206.
- Михаил VIII Палеолог, император визант.—23, 38, 42, 116, 134, 140, 394, 435.
- Михаил, самозванец—231.
- Митрофанов П.—114, 115, 132, 143, 451, 455.
- Мишо, франц. историк—97.
- Младин, князь сербский—423.
- Мольменти П. Г., историк Венеции—63, 65, 108, 163, 173.
- Моммзен Теодор—80.
- да Моначи Лоренцо, венец. историк—19, 150, 213, 302, 395.
- де Монмирайль Ренье, феодал Лат. импер.—400, 402.
- Монтиколо Дж., издатель документов по истор. Венеции—36, 43, 66, 115.
- де Монфор Симон, франц. феодал—368.
- Моррис Г., ист. колонизации—96, 97.
- Морисони Андреа, венец. нобиль, историк Венеции—52.
- Моросини Доменико, дож венец.—324, 325.
- Моросини Томас, патриарх Латинской империи—390, 405, 410, 411, 412, 417, 423.
- Музатти Е., историк Венеции—63, 67, 75, 76, 301.
- Муратори М. А.—213.
- де Мурта Амико, ген. посол—294, 295.
- Мутинелин Фабьо, ист. Венеции—84.
- Навигайози, венец. фамилия нобилей—426, 427.
- Навигайози Энрико, венец. посол—313.
- Нани Баттиста, историк Венеции—52.
- Наполеон—58.
- Нарзес, визант. полководец — 145, 155.
- Никифор, патриарх визант. — 219.
- Николай, святой — 15, 62, 65, 77, 97, 150, 254, 262, 263, 265, 362, 363, 420.
- Николай II, папа—229.
- Николай Мистик, патриарх Константинополя—205.
- Обелерио, дож венец.—172.
- Окей Т., истор. Венеции — 64, 69.
- Олифент М., историк Венеции—72.
- Ольдерик, епископ—150.
- Орбини Мавро, слав. историк—211.
- Орно Малипьеро, дож венец.—42.
- Орсеоло, венецианская фамилия нобилей—173, 218, 219.
- Орсеоло Пьетро I, дож венец.—152.
- Орсеоло Пьетро II, дож. венец.—7, 14, 53, 56, 59, 61, 64, 67, 69, 70, 71, 72, 93, 103, 117, 119, 122, 123, 151, 152, 157, 168, 176, 181, 182, 198, 200, 201, 202, 204, 206—215, 217, 368.
- Орсеоло Оттон, дож венец. — 149, 173, 176, 201, 213, 217, 218, 223.
- Орсини, фамилия феодалов—424.

Орсини Николай—424.
Орсо, дож венец.—172.
Осокин Н., историк—113, 114.
Оттон I, герм. император—41,
165, 167, 179, 181, 182, 338.
Оттон II, герм. император —
41, 149, 179, 180, 181, 201.
Оттон III, герм. император —
41, 158, 161, 182, 184, 201,
212.
Оттон IV, герм. император—41,
413.
Оттон, сын дожа—53, 59.
Оттон Фрейзингенский, хро-
нист—339.

Павел V, папа—52.
Палеологи, императ. династия
в Византии—78.
Палеолог Георгий, полков.
Алексея I—232, 233.
Партечиачи Джованни, дож ве-
нец.—148, 189, 196.
Партечиачи Орсо I, дож ве-
нец.—153, 189, 197.
Партечиачи Орсо II, дож ве-
нец.—197.
Парута Паоло, венец. истор. —
52.
Пасхалис II, папа—335.
Пасхалис III, папа—340.
Пахимер Георгий, визант.
истор.—20, 24.
де Перш Этьен, феодал Лат.
импер.—402.
Пескаторе Энр., граф Маль-
ты—429, 430.
Перцов П.—107.
Петр, князь сербский—423.
Петр, король хорватский—219.
Петр Амьенский—243.
Петр Венецианский, король
венгерский—218.
Петр Вифлеемский, феодал
Лат. импер.—402.
Петр Капуанский, кардинал,
легат, Иннокентия III—362,
380, 390, 410.
Пигулевская Н. В.—9.
Пипин, король италийский—
155.
Пиренн, бельг. истор.—86.
Пирс, англ. истор.—451.
Плано Карпини—443.

Погодин А. Л., историк сла-
вист—126, 127.
Поляно Пьетро, дож венец.—
257, 291, 323.
Полянский Ф. Е.—141, 142.
Понций, граф Триполи—38, 275.
Поппо, патриарх Аквилеи —
226.
Пределли, издат. док. по истор.
Венеции—45, 63.
Премарино, венец. аристократ.
фамилия—423.
Премарино Руджерно, венец
адмирал—413, 422, 424, 429.
Пресвитер Диоклейский, слав.
хронист—27.
Примодэ, франц. историк—84,
85.
Птолемен, династ. эллинист.
Египта—361.
Пужуля, франц. ист.—395.
Пьетро, сын Партечиачи Ор-
со II—197.
Райнальд, князь Антиохии—
38, 276.
Райнальд, граф Триполи—266,
276.
Райнерио, кесарь—307.
Рачкий, хорватск. истор.—36.
Рей Э., франц. истор.—96.
Рёрихт, нем. истор.—34.
Риан, франц. ист.—18, 451, 455.
Роберт Гюискар, герц. южной
Италии—229, 231, 232—235.
Роберти Мельхиор, издатель
док. по истор. Венец—43.
Рожер Сицилийский—229, 231,
235, 239, 288, 289, 292, 334,
336, 337.
Рожков Н.—121, 123.
делля Рокка, издат. док. по
ист. Венеции—48.
Роланд, кардинал—340.
Роман, визант. императ.—159,
200.
Романин Самуил, историк Ве-
неции—47, 63, 64, 65, 69,
170, 179, 301.
Ромуальд Салернский, архи-
епископ—17, 30, 62, 231,
260.
Росси, изд. док. по ист. Вене-
ции—63.

- Рубруквис — 447, 448.
 Рудольф, король италийский—
 41, 158.
 Рэнсимэн Ст., амер. истор.—
 456.
 Сабеллико М. А., ист. Вене-
 ции—52, 53, 54, 58, 59, 101,
 103.
 Саксонская династия—41.
 Сакугулло, венец. феодал—
 426.
 Саладин, султан Египта — 25,
 282, 361, 363.
 Салимбене, хронист—34, 349.
 Самуил, царь болгарский—201.
 Санди—56, 62.
 Санудо Тррселло, старший—18,
 19.
 Санудо Марко, герц. Архипела-
 га—39, 134, 494, 426.
 Сартак, хан татарский—447.
 Сачердоти, итальянск. истор.—
 48.
 Святослав, князь хорватский—
 203, 212, 217.
 Сгур Леон, феодал визант. —
 399.
 Сергий IV, папа—155, 225, 226,
 360.
 Семёнов В. Ф.—138, 392.
 Сержан, франц. ист.—68.
 Сизинуло, венец. купец — 48,
 303.
 Сикард, еписк. Кремоны — 34,
 184.
 Сикард, хронист—401.
 Сильверст II, папа—168, 185.
 Сильвио, венец. арист. фамил-
 лия—233, 235.
 Сильвио Доменико, дож ве-
 нец.—221, 230, 232.
 Симеон, царь болгарск.—197.
 Скабаланович Н., истор. Визан-
 тии—129, 130.
 Скржинская Е. Ч.—139, 140.
 Славац (Славич) хорв. ко-
 роль—221.
 Смирнов И. Н., историк Вене-
 ции—124—126.
 Соболев М.—119.
 Соломон, король венгерский —
 220.
 Соранцо Дж., библиограф—11,
 51, 74.
 Сребрнич. И., югославск. ист.—
 206.
 Стасюлевич М. М.—110, 11.
 Стеен В., ист. Венеции—69.
 Стефан, король венгерский —
 219, 322.
 Стефан I, король хорватский—
 219, 220.
 Стефан II, король хорватский—
 222.
 Стефан III, король хорват-
 ский—327, 332.
 Стулич, историк славист—28.
 Сюзюмов М. Я., советский ви-
 зант.—449.
 Танкред Отвильский—229.
 Танкред, князь Галилея—205.
 Танкред сицилийский — 315,
 347.
 Тарле Е. В.—119.
 Тафель, изд. документов по
 ист. Венеции — 36, 47, 72,
 109, 126, 305, 394.
 Теобальд, граф Шампани—362.
 Теодат Орсо, дож венец.—172,
 183.
 Теодорих Великий—154.
 Тессье, франц. ист.—455.
 Тирье Фредди, франц. ист. —
 81, 82, 96, 105, 106.
 Титмар Мерзебургский — 157.
 Томас, архид. Сплитский—17,
 27.
 Томас, изд. документов по ист.
 Венеции — 36, 47, 72, 109,
 126, 392.
 Томислав, король хорватский—
 192, 205.
 Траденико Пьетро, дож ве-
 нец.—148, 150, 196.
 Тревизан Николо—186, 187.
 Трибуно Пьетро, дож венец. —
 236.
 Тулуниды, турецк. эмиры—190.
 Тьеполо Якопо—16, 38, 39, 43,
 46, 81, 134, 159, 436, 438.
 Ульф (Вук), священник у хор-
 ватов—228.
 Урбан III, папа—347.
 Урбани де Гельторф, историк—
 151.
 Успенский Ф. И.—128, 130—134,
 140, 301, 449, 451, 455.

- Фальери, венец. фам. нобилей—251.
 Фальери Витале, дож венец.—216, 217, 235.
 Фальери Марино, дож венец.—19.
 Фальери Сторнадо, венец. нобиль—261.
 Фальери Орделафо, дож венец.—269, 321, 322.
 Фануччи, итальянск. ист.—57.
 Фараль, франц. истор.—31, 454, 455.
 Фатимиды, дин. египетских халифов—190.
 Феодор, мученик—263.
 Феодор Врана, визант. феодал—43.
 Феодор Ласкарис, никейский император — 137, 381, 391, 436, 437, 449.
 Филиппо, венец. купец—306.
 Филиппи Ф., историк Венеции—60, 204.
 Филипп Швабский — 28, 132, 366—368, 413, 455, 456.
 Филиаси, историк—57.
 Флабениго Доменико, дож венец.—216.
 Флоринский Т., историк славист—134.
 Фома архидиакон Сплитский—202, 204—206, 222, 237, 239.
 Фонтана, историк Венеции—65.
 Формалеони В., ист. Венеции—53, 83.
 Фоскари, дож венец.—251.
 Фоскарины М., историк Венеции—53, 56.
 Фосколо Леонардо—426.
 Фотий, патриарх—205.
 Фридрих I Барбаросса—41, 75, 255, 292, 293, 294, 399, 302, 317, 334, 336, 339, 340, 341—349, 414.
 Фридрих II, герм. император—25, 41, 446.
 Фридрих сицилийский—453.
 Фролов А.—456.
 Фульхерий Шартрский, хронист—287.
 Хаким, кордовский халиф—188.
 Ходгсон М. А., англ. ист. Венеции—78, 79, 301.
 Христиан, архиеп. Майнцский—76, 399, 300, 343.
 Хэззлит В. К., англ. историк Венеции — 72, 73, 74, 112, 121.
 Цанкаруоло, хронист—106.
 Цанотто Ф., историк Венеции—65.
 Цвиденек-Зюденхорист, нем. ист. Венеции—69, 71.
 Целестин II, папа—257, 337.
 Цинани, арист. венец. фамлия—251.
 Цинани Пьетро, дож венец.—15, 45, 46, 404, 422.
 Цинани Себастиано, дож венец.—288, 300.
 Чаха, турецкий эмир—243.
 Чеккетти Б., итальянск. ист.—63, 65.
 Чербано, венец. клирик—15.
 Черва—54.
 Чесси Роберто, итальянский историк Венеции — 12, 43, 45, 76, 77, 82.
 Чиконья Э., библиограф — 51, 74.
 Шаландон Ф., франц. византист—301.
 Шамплит, франц. феодал — 20, 428.
 Шаубе А., нем. историк среднев. торговли—86, 121, 157, 301.
 Шафарик, славист—36.
 Швабский дом, герм. императоры—365, 456.
 Шишман, болг. феодал—126.
 Шмейдлер Б., нем. ист. Венеции—178, 182.
 Шор Дж., англ. ист. Венеции—72.
 Штрейт Л., нем. историк—455.
 Щепкин В. Н., историк славист—123, 127.
 Эгидий, каноник—411.
 Эльмелик Аладиль, турецк. эмир—440.
 Эйюбиды, турецк. династия в Египте—361.

Элаеддин Кейкобад, султ.
иконийский—40.
Элайни Бедрэддин, арабск.
путешественник—28.
Эльмелик Элазиз, эмир Алеп-
по—40.
Эльмелик Альзари, эмир Алеп-
по—40, 438, 439.
Эльмелик Мухамед Азиз,
эмир Алеппо—439.
Эльмелик Эладиль Абубекр,
султан Египта—39.
Эльмелик эс Салих, султан
Египта—39.
Энгельс Фридрих—5, 87.
Энрико (Пескаторе), граф
Мальты—419.

Энрико, каноник св. Софии—
411.
Эруль, хронист—25, 91, 448.
Эррера К., итальянск. исто-
рик—268.
Юг де С. Поль, феодал Ла-
тинск. империи—362, 389.
Юргевич В.,—113, 396.
Юстиниан, виз. император —
166, 177.
Якопо, венец. купец—306.
Ястребов Н., историк-славист—
125.
Яхья Захария, султан Туниса—442.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Абидос—284, 291, 374, 434.
Авлон—284, 433.
Адана—284, 436.
Адидже—349.
Адрамиттий—402, 435.
Адриа—341.
Адрианополь — 24, 32, 43, 88,
140, 291, 284, 393, 394, 401,
402, 403, 407, 421, 422, 434,
445.

Адриатика (Адриатическое мо-
ре)—6, 30, 42, 52, 60, 77, 82, 85,
101, 102, 103, 110, 117, 120;
124, 129, 130, 144, 150, 158,
159, 172, 178, 180, 185—
191, 194, 196, 197, 199—201,
203, 209, 211—214, 216, 217,
219—221, 223, 224, 229—
234, 236, 239, 244—246, 274,
286, 292, 299, 300, 302, 308,
319—325, 331 — 336, 338,
340, 348, 350—352, 354, 356,
369, 373, 391, 409, 414, 415,
416, 422.

Адриатическая республика—11,
42, 49, 51, 58, 78, 151,
157, 161, 183, 186, 269, 318,
331, 427.

Адриатический Карфаген—42,
61.

Адриатическое побережье—74.
Азия — 39, 92, 186, 251, 284,
392, 438.

Азия Малая—98, 104, 243, 263,
278, 284, 288, 319, 355, 393,
395, 397, 400, 407, 433 —
436, 438, 441, 443.

Азия Передняя—37.

Азовское море—113, 116, 409,
443, 444, 447—450.

Акарнания—88, 422, 431.

Аквиля—42, 162, 216, 225, 226,
413, 414, 415.

Аккон—266.

Акра—38, 46, 48, 92, 140, 161,
254, 265, 266, 272, 273, 279,
280, 354, 355, 374, 436.

Албания—75, 105, 394.

Александрия египетская — 48,
253, 282, 305, 306, 361, 362,
374, 377, 440.

Александрия итальянская—343.

Алеппо—40, 272, 438, 339.

Альмиро—48, 254, 291, 303, 435.

Альпийские горы—145, 155.

Альпы Динарские—227, 237.

Амальфи—85, 147, 181, 232,
353.

- Аморгос—426.
 Амстердам—54.
 Англия—90.
 Андрос — 287, 374, 392, 394,
 425—427, 434.
 Анкона—21, 76, 158, 189, 291,
 297, 299, 300, 304, 308, 324,
 328, 338, 339, 343, 347,
 349, 350, 351, 354, 356.
 Антиохия — 48, 267, 275, 277,
 284, 294, 433, 435, 436, 445.
 Антиохийское княжество—275,
 276.
 Аппенинский полуостров — 66,
 229.
 Апулия—180, 185, 189, 209, 232,
 233, 238, 314, 315.
 Арад—280.
 Арбан—423.
 Аргос—104.
 Ариано—341.
 Аркадиополь—393, 421.
 Арсур—280.
 Арта—394, 423, 424.
 Артака—435.
 Архипелаг—86, 88, 99, 101, 110,
 111, 134, 161, 188, 300, 392,
 394, 395, 399, 425, 427, 433,
 434, 446.
 Ассирия—397.
 Аталия—284, 433, 435, 436.
 Атика—105.
 Аугсбург—183.
 Афины—284, 433.
 Африка—37, 39, 48, 75, 92, 157,
 187, 190, 251, 319, 441, 442,
 445.
 Ахейское княжество—422.
 Бавария—155, 337.
 Багдад—188, 300.
 Бакильоне—145, 183.
 Балканский полуостров (Бал-
 каны) — 76, 105, 122, 153,
 161, 178, 188, 191—193, 201,
 205, 230, 231, 233, 234, 288,
 300, 302, 338, 351, 393, 394,
 399, 421—423, 425, 431, 433.
 Балканские страны—5, 35.
 Бар—192.
 Бари—119, 157, 162, 188, 189,
 190, 221, 229, 230, 263, 353.
 Беббе—145.
 Безансон—339.
 Бейрут (Берит)—156, 280, 436.
 Беллуно—183, 225.
 Беневент—229.
 Бергамо—162, 341.
 Библос (Библ)—156, 280.
 Биоград — 191, 207, 209, 221,
 227, 240, 321, 322, 329.
 Ближний Восток—5.
 Болгария — 123, 127, 128, 130,
 132, 203, 218, 282, 400—403,
 451.
 Болонья—162, 254, 341.
 Бона—441.
 Босния—218, 227.
 Босфор — 49, 60, 137, 242, 284,
 205, 392, 446.
 Брач—189, 192.
 Бреннер—183.
 Брента—145, 183, 242, 349.
 Брешия—339, 340, 342.
 Бриксен—183.
 Бриндизи—229, 230, 234.
 Брондоло—149, 183.
 Буг—113, 396.
 Бужия—48, 441.
 Бульгарофль—393, 421.
 Бурано—252.
 Бутринто—234.
 Валлона—232, 234, 302.
 Варадар—110.
 Венгрия — 40, 42, 50, 111, 124,
 185, 219, 223, 236, 237, 240,
 241, 245, 265, 269, 282, 288,
 320, 321, 323, 327, 335, 356,
 368, 416.
 Венецианское государство—267.
 Венецианский дукат—149, 166,
 226.
 Венецианский залив (море) —
 356.
 Венецианская империя — 7, 21,
 47, 49, 59, 62, 77, 79, 81,
 106, 107, 113, 119, 120, 127,
 128, 400, 403, 408.
 Венецианский конгресс — 30.
 Венецианская коммуна — 259,
 422.
 Венецианская республика—58,
 60, 61, 67, 68, 73, 74, 75, 76,
 77, 82, 83, 100, 107, 111, 126,
 199, 224, 256, 409, 441.
 Веррея—110.
 Верона—149, 180, 183, 225, 254,
 334, 341, 342, 366, 425.
 Веронская марка—341, 349.

Верчелло—162, 342.

Византийская империя (Византия) — 5, 7, 15, 20, 21, 22, 23, 37, 48, 50, 62, 65, 69, 71, 75, 79, 81, 83, 91, 93, 97—99, 102, 106, 110, 111, 118, 128, 129 — 131, 133, 134—136, 140, 142, 153, 154, 164, 175, 177, 179, 181, 185, 188, 190, 193, 194, 200—203, 212, 218—224, 228—321, 236, 243, 249, 271, 277, 281—285, 288—290, 292, 293, 295—297, 299, 302—304, 306—312, 314—317, 319, 323, 328, 329, 335, 338, 339, 342, 347, 352, 356, 357, 359, 366, 367, 381, 388, 396, 397, 406, 418, 424, 427, 431, 432, 433, 443, 444, 445, 449, 456.

Виллано—183, 184.

Вись—193.

Вифлеем—280.

Виченца—158, 183, 225, 341.

Влахия—401.

Водунца (Воница)—284, 394.

Воло—291.

Волер (в Южной Фракии) — 435.

Восточная империя — 68, 70, 101, 120, 129, 156, 193, 212, 216, 225, 236, 243, 250, 281, 283, 291, 293, 296, 299, 300, 303, 310, 316, 318, 323, 348, 351, 377.

Галес—377.

Газа—156.

Газария—112, 128.

Галата—375.

Галлиполи—393, 421, 426, 231.

Галис—263.

Ганос—393, 421, 431.

Гардо—162.

Газта—162, 232.

Гебр—110, 435.

Геллеспонт—117, 137, 402, 422.

Генуя—29, 30, 85, 101, 138, 140, 155, 250, 266, 268, 293, 294, 295, 299, 308, 312, 320, 341, 342, 348, 350, 351, 354, 360, 395, 409, 415, 428, 429, 430, 442.

Генуэзская республика — 57, 446.

Гераклея — 145, 146, 148, 149, 172, 176, 178, 253.

Гераклея Понтийская — 284, 393, 411, 421, 433.

Германия—6, 161, 183, 316, 341, 342, 346, 413.

Герцоговина—218.

Гиркания—377.

Градо — 15, 145, 146, 149, 164, 178, 184, 189, 196, 207, 225, 226—228, 245, 261, 284, 304, 326, 331, 416 420.

Грация—145, 376, 399.

Греция—98, 101, 111, 138, 142, 164.

Греческая империя—102.

Дабар—192.

Далмация—6, 7, 14, 17, 27, 36, 37, 42, 44, 59, 61, 64, 67, 69, 71, 77, 85, 93, 101—105, 111, 119, 122, 125 — 127, 129, 158—162, 186—189, 191, 192, 194—196, 198 — 206, 209, 212—222, 225, 227, 228—230, 236, 237, 239—241, 244, 261, 262, 268, 269, 282, 291, 320—323, 325 — 327, 330—332, 335, 364, 367, 368, 409, 416, 431, 446.

Далматинский архипелаг—124, 192, 193, 196, 208, 209, 221, 223, 224, 241, 251, 321, 323, 328—330, 333, 355, 445.

Далматинские города — 103, 219.

Далматинское побережье — 77, 85, 91, 117, 373, 417, 445.

Далматинская фема — 219.

Дамаск—156, 273.

Дамнетта—48.

Дарданеллы—60, 88, 399, 402.

Деметриада—284, 433.

Джемина—147.

Джудекка—147.

Дидимотика (Димотика)—110, 403, 422.

Днепр—113, 396.

Докеканез—395.

Дон—113, 447, 448.

Донаувертер—183.

Дорсодуро—147, 252.

Драва—214, 221, 239.

- Драч (Эпидамн)—21, 192, 203,
 231, 232—234, 283 — 286,
 291, 302, 373, 394, 422, 433,
 434.
 Дрезден—60.
 Дривасто—227.
 Дрин—423.
 Дрина—140, 221.
 Дринополь (Дрин)—394.
 Дубровник—28, 44, 53—56, 59,
 60, 92, 93, 125 — 127, 155,
 160, 192—194, 196, 210, 211,
 213, 218, 223, 229, 232, 292,
 310, 324, 328, 330, 351, 373,
 392, 416, 417.
 Дукля—192.
 Египет—25, 39, 91, 98, 107, 132,
 133, 156, 161, 188, 273, 300,
 358, 361, 362, 364, 365, 367,
 369, 376, 433, 435, 439, 440,
 441, 443, 456.
 Европа—40, 63, 88, 94, 115,
 118—120, 141 — 143, 147,
 155, 161, 164, 185, 186, 236,
 247, 248, 250—253, 282, 284,
 344, 356, 392, 419, 426, 443.
 Задар—6, 15, 16, 28, 42, 44, 45,
 59, 62, 67, 76—78, 102, 103,
 108, 111, 132, 133, 162, 187,
 193, 208, 209, 217, 218—221,
 240, 242, 245, 321 — 323,
 325 — 331, 352, 364, 365,
 367—371, 373, 374, 410, 412,
 415—418, 456.
 Занте (Закинф)—392, 395, 424,
 434.
 Золотой Рог — 141, 284, 375,
 420.
 Западная империя — 181, 182,
 189, 314, 315, 320, 327, 329,
 339, 348.
 Иберия—347.
 Иезоло—145, 152, 163, 164, 166,
 172, 236, 253.
 Иерусалим — 122, 254, 262 —
 264, 271, 280, 287, 362.
 Иерусалимское королевство —
 271, 272, 275, 278, 384, 432,
 436.
 Изонцо—183.
 Иконийский (Румский) султа-
 нат—39.
 Иллирия—110.
 Индия—85.
 Инсбрук—183.
 Ионийское море — 137, 392—
 395, 415, 424, 425, 429, 431,
 434.
 Ионические острова—88, 102.
 Истрия—6, 7, 42, 44, 61, 67, 70,
 76, 84, 105, 111, 149, 155,
 158, 159, 161, 162, 168, 183,
 189, 191, 192, 194, 198 —
 202, 206, 207, 215, 216,
 224—229, 242, 244, 245, 254,
 255, 324, 325, 331, 333, 355,
 364, 365, 368, 399, 409, 445,
 446.
 Истрийские города — 156, 325,
 418.
 Итака—424, 434.
 Итальянское королевство—158.
 Италия—6, 26, 36, 37, 40, 41,
 52, 57, 63, 66, 76, 94, 97,
 101, 119, 120, 142, 147, 158,
 161, 164, 166—168, 172, 173,
 177, 178, 182, 184, 185, 187,
 188—194, 196, 201, 202, 216,
 229—231, 233 — 236, 238,
 242, 283, 290, 293, 294, 296,
 299, 307, 320, 327, 333,
 334—343, 346—348, 363 —
 365, 360, 362, 409, 414, 415,
 451.
 Итальянское королевство—66,
 101.
 Каварчере—341.
 Кавказ—84.
 Каир—306, 361, 362, 434.
 Кайфа—265, 266, 267, 280, 436.
 Калабрия—162, 180.
 Канина—232.
 Каорле—145, 157, 166, 184, 196.
 Каподистрия—44, 183, 207, 224,
 225, 244, 324, 331, 332.
 Капуя—229.
 Каристос—394.
 Картокопль—32, 393.
 Карфаген—389.
 Кассиопея—235.
 Кастелло—147.
 Кастория—334, 417, 434.
 Катроне—180.
 Каттаро—162.
 Кафа (Феодосия)—29, 49, 116,
 139, 445.

- Кацца—209.
 Кварнеро—6, 218.
 Керс—392, 426, 434.
 Кейруан—188.
 Кефалония—235, 262, 392, 395, 424, 434.
 Киев—443.
 Кизик—435.
 Киклады — 100, 105, 110, 374, 394, 395, 425—427, 431.
 Килкия—277, 435.
 Кипр—105, 263, 289.
 Клисен—241.
 Книн—191.
 Коловрит—393.
 Комаккио—158, 189.
 Конкордия—225.
 Константинополь—7, 28, 37, 48, 71, 72, 73, 78, 81, 84, 85, 88, 91, 99, 109, 117, 118, 122, 133, 134, 136, 140, 141, 155, 205, 231, 263, 254, 284, 285, 289, 291, 293 — 298, 303—305, 307, 308, 310, 314, 316, 318, 320, 343, 347, 350, 361, 366, 367, 369—372—381, 388, 391, 392, 399, 401, 402, 405—408, 412, 419—423, 435—437, 444, 445, 451, 456.
 Кордова—188.
 Коринф—48, 254, 284, 288, 291, 303, 433.
 Коринфский залив — 140, 394, 423.
 Корон (Короны)—78, 88, 104, 284, 422, 431, 433, 445.
 Корсика—188, 268.
 Корфу—43, 97, 219, 232, 234, 235, 269, 287, 289—291, 373, 377, 392, 395, 426, 428, 434.
 Кос—434.
 Котор—192, 227.
 Корчула—192, 209.
 Красное море—361.
 Крема—239.
 Кремона—340.
 Крит—19, 39, 41, 46, 48, 62, 74, 88, 97, 98, 103 — 106, 110, 117, 122, 131, 134, 187, 188, 289, 303, 386, 391, 392, 394, 397, 418, 427, 428, 429, 430, 434, 445, 446.
 Крк — 193, 208, 217, 227, 241, 245, 321, 326, 333.
 Крым — 84, 112, 113, 201, 318, 445.
 Кьоджа—138, 148, 251, 252, 344, 414.
 Кьоджа Большая—145, 146.
 Кьоджа Малая—145.
 Лампсак—393, 424, 426, 431.
 Лаодикея (Латаки)—156, 280, 433, 435.
 Ларисса—234, 434.
 Ластово—193.
 Латинская империя — 5, 8, 23, 25, 29, 37, 38, 39, 42, 47, 50, 61, 85, 100, 109, 110, 112, 116, 123, 127, 137, 138, 285, 383, 399, 400, 403, 405, 407, 408, 412, 413, 417, 422, 424, 431, 432, 435, 437, 446.
 Левант—86, 97, 188.
 Левантийские владения—101.
 Левкада—424, 434.
 Левкас—395.
 Лемнос—291, 297, 392, 426.
 Леньяно—302, 343.
 Лесбос—287, 297.
 Лет—203.
 Либурния—204.
 Ливенца—145, 183, 184.
 Ливия—397.
 Ливна—191.
 Лигурийский залив—268.
 Лигурийская республика—279, 350, 418.
 Лидда—156.
 Ликия—263.
 Лития—439.
 Лоди—341, 342.
 Ломбардские города—157.
 Ломбардская лига—67, 76, 299, 300, 327, 339, 342.
 Ломбардская низменность (Ломбардия) — 152, 158, 201, 233, 308, 337, 339, 341, 342, 355.
 Лотарингия—337.
 Луприо—147.
 Мавритания—188.
 Маврокастрон—450.
 Мадита—393, 421, 431.
 Македония—105, 234, 291, 292, 396, 400, 402, 428.

- Малая Армения—40, 277, 278, 435, 436.
 Маламокко—145, 146, 163, 171, 176, 236, 243.
 Малая—289, 374.
 Мальта—429.
 Мамистра—277, 278, 284, 433, 435, 436.
 Мантуя — 158, 162, 183, 340, 342, 414.
 Манцикерта—282.
 Марка св. республика (город)—8, 17, 29, 35, 40, 41, 42, 58, 68, 73, 76, 94, 100, 108, 111, 118, 124, 125, 136, 137, 160, 180, 181, 187, 188, 203, 207, 208, 216, 217, 224, 238, 241, 244, 246, 267, 279, 285, 288, 292, 310, 319, 320, 325, 331, 335, 338, 342, 344, 352, 357, 359, 364, 368, 377—379, 408, 409, 411, 415, 416, 418, 420, 424, 433, 436, 437, 440, 446.
 Марокко—433, 441.
 Марсель—430.
 Мархия—341.
 Матраха—443.
 Маура С. 424.
 Маццара—188.
 Мелидисса—146, 178.
 Мелос—392, 426, 434.
 Месимврия—110, 396.
 Мессения—100.
 Мессина—230.
 Месинополь—393, 396.
 Миконос—392, 426.
 Милан—75, 339, 340, 341.
 Миры Ликийские—15.
 Митилена—287.
 Млет—192, 209.
 Моглина (Моглена)—434.
 Модон — 78, 88, 104, 284, 352, 394, 424, 231, 445.
 Мокриски—192.
 Молдавия—85.
 Монконсейо—415.
 Монселиче—150, 161.
 Морья—90, 110, 297, 352, 426.
 Москва—120.
 Мосинополь—428.
 Мраморное море—161, 374, 393, 399, 422.
 Мурано—145, 252.
 Мутинна—342.
 Навпакт—394.
 Навплия—104, 284, 433.
 Пазарет—280.
 Наксос—392, 394, 426.
 Намфио (Анофе)—426.
 Нарента—192, 221.
 Нарентянский архипелаг—218.
 Негропонт—35, 43, 45, 78, 100, 289, 374, 394, 399, 425, 434, 445, 446.
 Неймаркт—183.
 Никейская империя (Никея)—23, 77, 127, 381, 391, 395, 399, 402, 430, 436, 437, 449.
 Никополь—394, 423.
 Нил—397.
 Нин—191, 205, 241.
 Ниш—317, 434.
 Наварра—342.
 Новгород—381.
 Новникола—209.
 Нормандия—229.
 Оливоло — 147, 149, 164, 167, 207.
 Ольмиш—227.
 Ореос—394.
 Осле—192.
 Осор—154, 189, 227, 251.
 Остготская держава—154.
 Отрантский пролив—216.
 Охрида—234, 394, 434.
 Павия—183, 339, 342.
 Паг—323, 330, 333.
 Падуя — 48, 62, 100, 183, 225, 242, 254, 341, 349, 414, 415.
 Пактия—393, 431.
 Палла—108.
 Палермо—189, 230, 292, 329.
 Палестрина—155, 251, 252, 287, 358, 399.
 Панизо—393, 431.
 Паренцо (Пореч) — 207, 208, 224, 225, 244, 325, 368, 418.
 Париж—54.
 Парма—164, 344.
 Парос—392, 426.
 Парфия—397.
 Пассари—235.
 Патра—393.
 Пегасийский залив—435.
 Пере—291.

- Пезавро—158.
 Пелопоннес—38, 105, 393, 406,
 407, 422, 423, 425, 428, 429,
 445.
 Пера—49, 88, 140.
 Персия—397.
 Пиза—29, 85, 162, 250, 268, 279,
 293, 295, 299, 306, 312, 316,
 320, 347, 354, 356, 360, 367,
 409, 418, 419, 429, 441.
 Пизанская республика—442.
 Пирано—368.
 Повелья—145.
 Понт—396.
 Приазовье—422.
 Прибалтика—81.
 Прилеп—317, 434.
 Причерноморье—83, 85.
 Пропонтида—99, 110, 140, 282,
 393, 402, 407, 421, 422, 431,
 434.
 Пула—208, 224, 225, 244, 324,
 325, 331, 352, 368.
 Пьяве—145, 183.
 Пьяченца—339, 342, 346.

 Раб — 151, 193, 208, 217, 227,
 241, 245, 320, 321, 326, 333.
 Равенна — 158, 162, 204, 243,
 349.
 Равеннский экзархат—291.
 Рельтино—147.
 Реджио—342.
 Редино—162.
 Римальто—145, 146, 147, 149—
 152, 161, 166, 167, 176, 236,
 243, 253, 254, 258, 306, 329,
 363.
 Риволи—183.
 Рига—54.
 Рим—41, 70, 99, 101, 205, 228,
 234, 337, 399, 358, 389, 413.
 Римции—254.
 Римская империя Востока —
 281.
 Римская республика—90.
 Ровинь—197, 325.
 Родос—38, 74, 126, 254, 262,
 263, 287, 394, 395, 399, 407.
 Родосто—284, 402, 431, 434.
 Романья—19, 39, 45, 105, 106,
 283, 286, 296, 307, 352, 405,
 410, 418, 419, 437.
 Румский султанат—435.
 Русь (Росия)—87, 443, 449.

 Сава—214.
 Саламин—394, 425.
 Салерно—162, 185, 232.
 Сальворе—62.
 Саксония—155, 337.
 Салона—227.
 Самос—287, 434.
 Санторин—426.
 Сардиния—188, 268.
 Сарепта—280.
 Саронический залив—427.
 Священная Римская империя—
 40.
 Селевкия—375, 284.
 Селимврия—110, 393, 402.
 Сербия—110, 123, 126, 185, 192,
 218, 282, 423.
 Серидос—426.
 Сеттимо—184.
 Сеута—48.
 Сигольсгейм—33.
 Сидон—265, 266, 267, 280, 436.
 Силе—145, 183.
 Силиврия—284.
 Синигалья—158.
 Сиракузы—188, 230, 429.
 Сирия (Сирийское побере-
 режье)—15, 33, 38, 48, 65,
 75, 77, 79, 92, 97, 98, 102,
 120, 133, 138, 140, 155, 156,
 190, 201, 253, 263, 266, 268,
 269, 271, 272, 274, 275, 277,
 278, 280, 284, 287, 299, 304,
 319, 321, 322, 330, 346, 347,
 355, 358, 361, 362, 369, 370,
 371, 374, 376, 380, 400, 429,
 432, 433, 435, 438, 441, 456.
 Сирок—392.
 Сицилия—41, 75, 157, 161, 187,
 188—190, 216, 229, 230, 3.2,
 314, 315, 317, 334, 335, 337,
 342, 430.
 Сицилийское королевство—40,
 41, 312, 314, 333, 347, 348,
 356, 409.
 Скадрона—227, 241.
 Скаделион—280.
 Скирос—426.
 Скиттолис—156.
 Скопле—317.
 Скопуло—147.
 Скрадин—191.
 Славония—187, 234.
 Смирна—435.

Солунское королевство — 35, 406, 425.
 Солунь (Фессалоника)—22, 74, 308, 310, 391, 407, 434, 435.
 София—126.
 Спарта—48, 303.
 Сплит — 44, 85, 193, 212, 281, 222, 227, 239, 240, 245, 261, 321, 322, 325—327, 329, 351, 416, 417.
 Сплитская митрополия—17.
 Сполето—229.
 Спорады—65, 110, 394, 395, 425—427, 431.
 Средиземное море (Средиземноморье)—36, 97, 111, 118, 120, 152, 153, 187, 188, 229, 253, 262, 268, 270, 325, 333, 353, 356, 357, 361, 369, 376, 409, 418, 429—433, 439, 444, 445.
 Средиземноморская империя — 356, 409, 417.
 Стамплия—426.
 Станьо—227.
 Стои—192.
 Стровилон—433.
 Струмица—317.
 Судак (Сугдея)—29, 113, 129, 396.
 Судн (Селевкия)—276, 436.
 Сурож—128, 396, 445.
 Тавроменей—188.
 Тальякоццо—145, 183.
 Тамань—445.
 Тана (Азов)—29, 88, 113, 115, 138, 443, 445.
 Танаис—447.
 Тарент—188, 189.
 Тарс—277, 284, 433, 456.
 Тивериада—67.
 Тимаво—145.
 Тинос—426.
 Тир—38, 46, 48, 92, 97, 140, 161, 268, 271, — 274, 279, 280, 287, 355, 380, 436.
 Тирренское море—268.
 Тлемсен—188, 441.
 Тортоза—339.
 Торчелло—145, 146, 147, 149, 152, 164, 166, 168, 252, 253.
 Тоскана—308.
 Травунья—227.
 Трапезунд—116, 128, 138, 139.

Тревизанская марка—225.
 Тревизо—48, 62, 158, 161, 173, 184, 225, 242, 254, 345, 349, 414, 415.
 Триент—183.
 Триест—6, 44, 225, 254, 368.
 Трикола—234, 434.
 Триполи — 38, 251, 264, 266, 267, 275, 280, 429, 437, 441.
 Триполитания—161, 188, 442.
 Трогир—44, 60, 85, 193, 208, 209, 212, 221, 222, 227, 240, 242, 245, 261, 321, 322, 323, 325, 327—329.
 Тунис — 40, 161, 188, 435, 441, 442.
 Умаго—44, 197, 325, 368.
 Умано—158, 196.
 Фано—158, 162, 349.
 Фельтре—225.
 Фера—426.
 Фермо—158.
 Феррара — 162, 173, 183, 242, 341, 342, 344, 349, 414.
 Фессалоника (Солунь)—391.
 Фессалия — 105, 110, 234, 291, 391, 407, 423.
 Фивы—48, 284, 288, 291, 303, 304, 433.
 Филадельфия—291.
 Филе—380.
 Филиппополь—291, 402.
 Фландрия—359, 362.
 Флоренция—57, 111, 161, 168.
 Фракия—32, 110, 140, 392, 393, 396, 339, 401—403, 407, 408, 421, 428, 431, 434, 435.
 Франция—40, 58, 342, 359, 362.
 Фригия—84.
 Фрисландия—154.
 Фриуль (Фриульская марка)—29, 158, 173, 183, 224, 255.
 Халкидон—375.
 Хвар—189, 192, 209.
 Херсонес Фракийский — 110, 431.
 Хиос—15, 284, 287, 297, 433.
 Хорватское королевство (Хорватия)—123, 124, 125, 185, 188, 202 — 205, 212, 219, 221—223, 227, 237, 239, 240, 245, 284, 431.
 Хризополь—433.

Цезаря—156, 280, 436.
Цетина—191, 192, 227.
Црес — 154, 189, 193, 208, 217,
218, 241, 245, 321, 323, 326,
333.
Чезена—161.
Чембало (Балаклава)—445.
Ченедо—158, 183, 184, 225.
Червия—414.
Чернго—426.
Чериготто—426.
Черко (Керчь)—445, 448.
Черное море (Черноморье) —
5, 29, 48, 57, 65, 78, 83, 85,
97, 99, 105, 110, 112, 113,
115, 116, 122, 138, 318, 396,
309, 400, 409, 422, 438, 442—
445, 447, 449, 450.
Читтануова—146, 171, 325.
Чехия—453.

Шангау—183.
Шибеник—44, 241, 321, 323,
325, 327, 332.
Эвбея—105, 291, 425, 428, 431.
Эгеида—395, 397.
Эгейское море (Эгеида)—137,
287, 400, 426.
Эгина—394, 425.
Эдесса—279.
Эллада—110, 284.
Эльзас—33.
Энос—435.
Эпир (Эпирское побережье)—
88, 105, 110, 140, 284, 399,
422, 423, 431.
Эпирский деспотат—422.
Этолия — 88, 422, 430.
Эфес—435.
Эч — 145, 183.
Югославия—6, 191.
Янина—234, 394
Яффа—97, 263, 270, 280, 436.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Раздел первый	
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПРЕДМЕТА	11
Глава первая. Важнейшие источники для истории образования и первоначальной организации Венецианской колониальной империи	12
Глава вторая. Проблема образования Венецианской колониальной империи в буржуазной иностранной исторической литературе	51
Глава третья. Русская историческая литература об образовании и ранней истории Венецианской колониальной империи	107
Раздел второй	
ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ	144
Глава четвертая. Венеция в конце X века	144
Глава пятая. Возникновение «адриатического вопроса»	186
Глава шестая. Борьба за первые сферы влияния и коммуникации с Востоком	215
Раздел третий	
НАТИСК НА ВОСТОК	247
Глава седьмая. Венеция в первых волнах западноевропейской колонизации Востока	248
Глава восьмая. Венеция и Византия в их взаимоотношениях в XII веке	281
Глава девятая. Фланговые и тыловые позиции республики св. Марка в период ее «натиска на Восток»	319
Раздел четвертый	
ОТ ГОРОДСКОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К ИМПЕРИИ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ	357
Глава десятая. Роль Венеции в организации и направлении четвертого крестового похода	358
Глава одиннадцатая. Венецианская доля в византийском наследстве	383
Глава двенадцатая. Возникновение Венецианской колониальной империи	408
ПРИЛОЖЕНИЕ I	447
ПРИЛОЖЕНИЕ II	451
ПРИЛОЖЕНИЕ III	455
ПРИМЕЧАНИЯ	457
Указатель имен	522

ЗАКАЗНОЕ ИЗДАНИЕ
ГОРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Николай Петрович Соколов
ОБРАЗОВАНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ
КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Редактор *И. А. Винникова*

Техн. редактор *В. В. Зенин*. Корректор *Э. А. Беляева*

Сдано в набор 6. III. 1961 г. Подписано к печати 21. III. 1963.

Бумага 60×84 ¹/₁₆. Печ. л. 34. Учет. п. л. 32,6. Цена 2 руб.

МЦ 00145 Тираж 600. Заказ 178.

Издательство Саратовского университета.
Саратов, Астраханская, 83.

Типография ЭМ ГИФТИ
г. Горький, ул. Свердлова, 37.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	22 сверху	ко времени XIII	ко времени до XIII ст.
21	22 —	обеих	обоих
28	26 сверху	заставляющего	заставляющую
41	14 сверху	до 987 г.	от 987 г.
48	2 сверху	венецианских и нобилей	венецианских купцов и нобилей
53	20 снизу	все истории	все истории
63	11 снизу	Чекете	Чекетти
103	5 сверху	игронируют	игнорируют
109	16 сверху	что—нибуд:	что-нибудь
109	1 снизу	документ	документов
122	19 сверху	только первый,	только первый том,
140	1 сверху	из истории	истории
145	20 сверху	Бреты	Бренты
159	11 сверху	Гфреер	Гфрёрер
172	4 снизу	самодавле..ия	самодовления
175	2 сверху	общества	общего
184	20 снизу	разрешал их	разрешал им
219	8 сверху	на Венецию	на Византию
282	4 сверху	не смогла	не смогли
282	8 сверху	сын св. Марка	сыны св. Марка
285	4 сверху	уступки	услуги
308	12 снизу	писал Евстафий	питал Евстафий
347	14 сверху	причем	причин
395	21 сверху	леон	Леон
434	7 снизу	договоров	дворов
475	26 сверху	учетная контроверза	учёная контроверза
483	8 сверху	индукт	индикт

